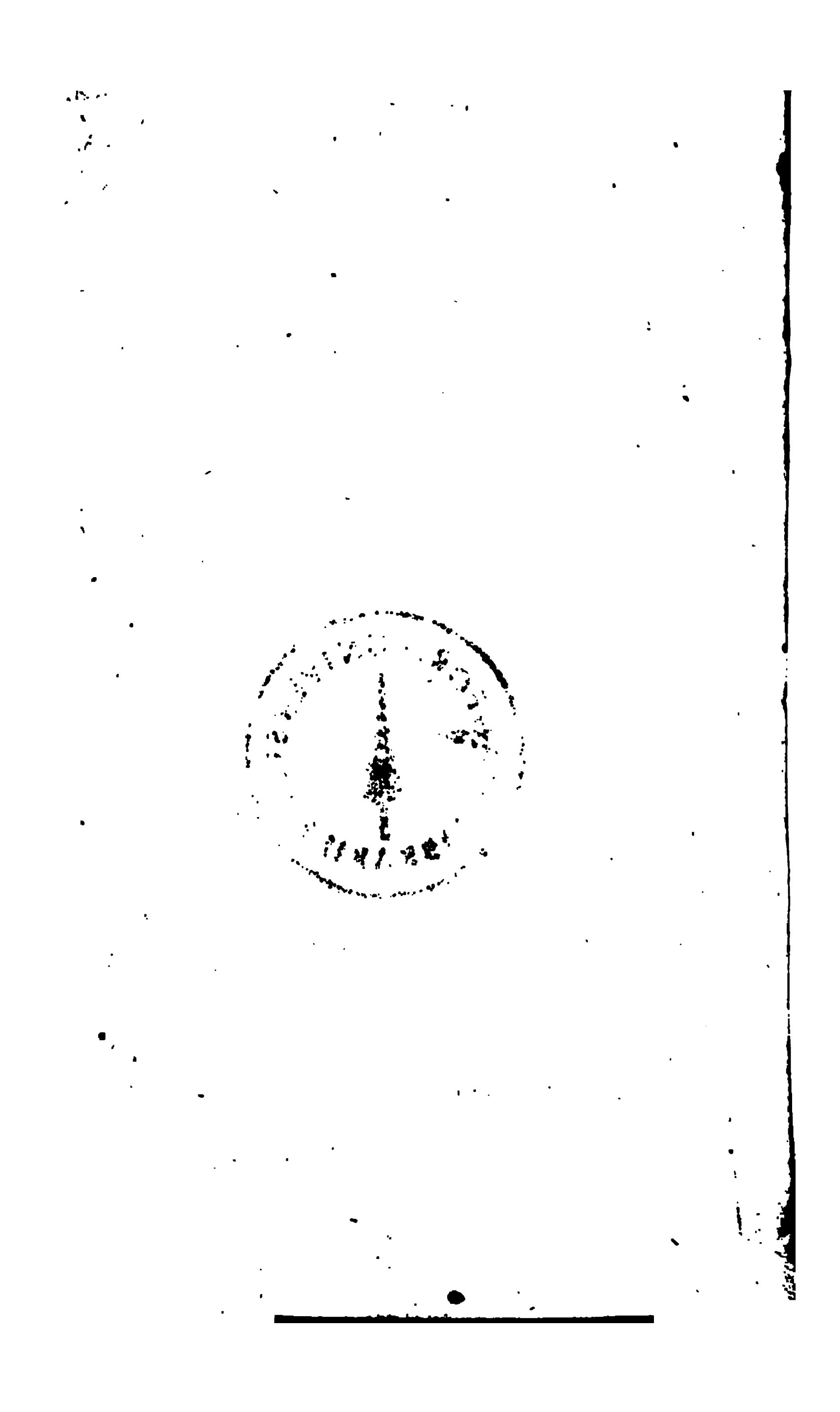

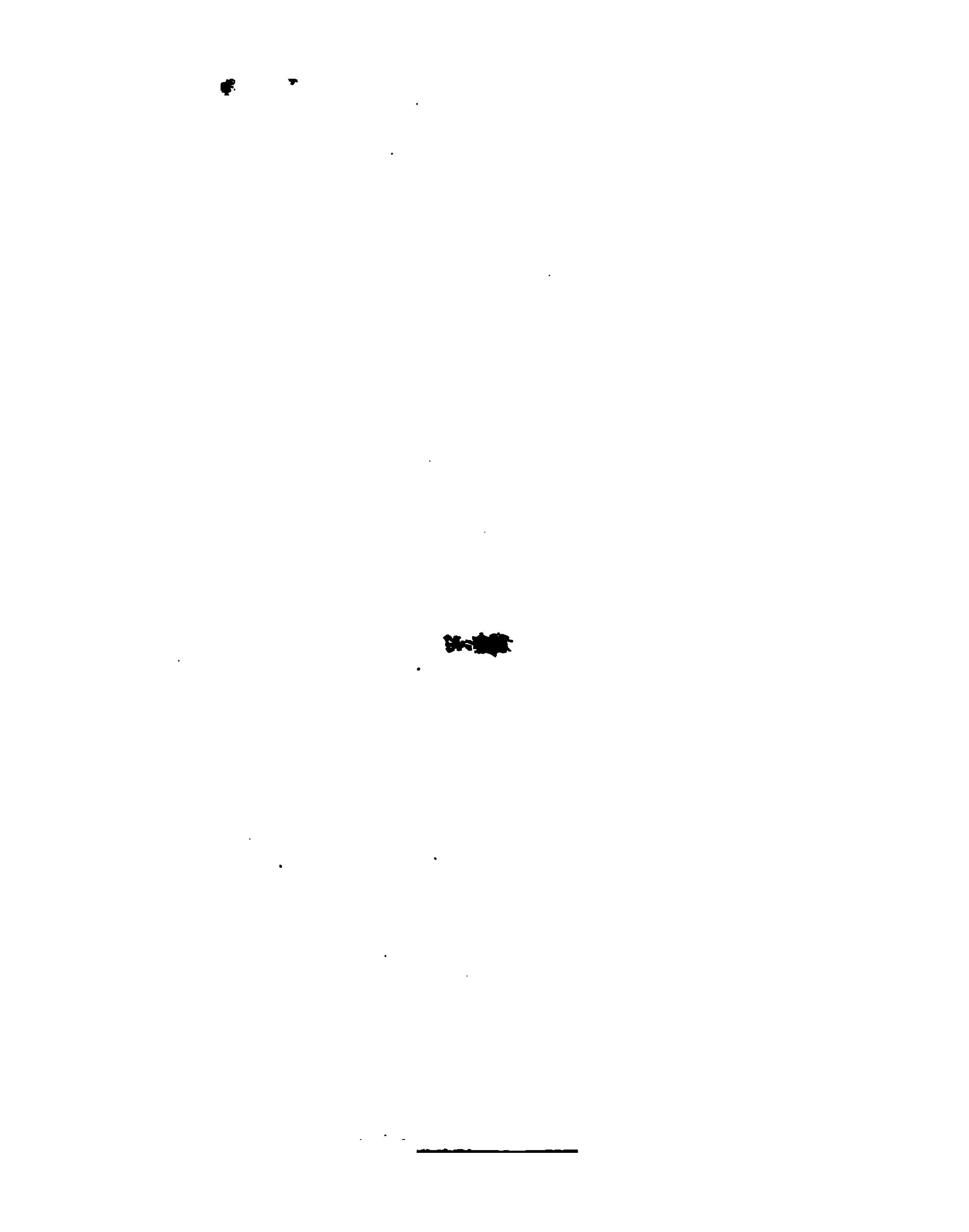

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕНКОВСКАГО

(БАРОНА БРАМБЕУСА).

[redacted]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 августа 1858.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФIИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМIИ НАУКЪ.

ПОВѢСТИ И РОМАНЫ.

ПОХОЖДЕНІЯ
ОДНОЙ РЕВИЖСКОЙ ДУШИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Калмыки, какъ то всѣмъ, а можетъ-статься, и не всѣмъ извѣстно, говорятъ по-монгольски, и исповѣдуютъ вѣру Будды, или Шеккямуни, которой начальникъ, далай-лама, пребываетъ въ Хлассѣ, столицѣ Тибета, и живетъ тамъ въ великолѣпномъ двадцати-двухъ-этажномъ дворцѣ. Поклонники Шеккямуни вѣруютъ въ переселеніе душъ, въ которое вѣровали и Пиѳагоръ, и многіе умные люди. Главная, господствующая мысль далай-ламской вѣры состоитъ въ томъ, что человѣкъ долженъ всѣми средствами и мѣрами «искоренять грѣхъ» изъ вселенной: когда весь грѣхъ будетъ «искорененъ», тогда созданный міръ достигнетъ своего совершенства; земля, небо, люди и боги сольются въ одну массу, она изсякнетъ во «всесовершеннѣйшемъ», то есть, Шеккямуни, и настанетъ блаженное царство духа. Священныя книги

буддистовъ суть *Ганджуръ* и *Шастры*. Первыя заключаютъ въ себѣ ученіе Будды и догматы вѣры. Шастрами называются легенды, или сказанія о дѣяніяхъ святыхъ мужей и знаменитыхъ хутухтъ и ламъ, отличившихся своими подвигами на поприщѣ «искорененія грѣха»; повѣсти объ ихъ чудесахъ, видѣніяхъ и приключеніяхъ; толкованія священныхъ текстовъ, поучительныя слова, изслѣдованія разныхъ богословскихъ тонкостей, и т. п.

Изъ огромнаго числа сочиненій этого рода избралъ я одну шастру, которая показалась мнѣ занимательнѣе прочихъ. Сообщая ее читателямъ, спѣшу въ то же время изъявить признательность мою знаменитому и скромному нашему монгологу Я. И. Ш.*, который своимъ ко мнѣ благорасположеніемъ утвердилъ меня въ намѣреніи перевести ее и, съ особенною вѣжливостью, во многихъ случаяхъ руководствовалъ слабыя мои познанія въ монгольскомъ языкѣ.

Въ переводѣ этой любопытной шастры, старался я сохранить всю простоту слога и понятій степнаго ея сочинителя, не дозволяя себѣ никакихъ перемѣнъ не только въ ея содержаніи, но и въ наружномъ видѣ. Читатели, безъ-сомнѣнія, будутъ благодарны издателю за доставленіе имъ случая познакомиться съ калмыцкою словесностью, которая тоже имѣетъ свои прелести. Монгольскій романтизмъ теперь въ большой модѣ въ Парижѣ.

—

* Шмидту.—*Изд.*

ШАСТРА

О ДУШѢ

ЛАМЫ МЕГЕДЕТАЙ-КОРЧИНЪ-УГЕЛЮКЧИ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ МОНГОЛЬСКАГО.)

—

Начинается сказаніе о великой тайнѣ. Блаженная Маньджушри, покровительница грамоты, дай моимъ читателямъ столько ума, чтобъ они постигли смыслъ этого сказанія!

Въ оное время изъ временъ, я, грѣшный Мергенъ-Саинъ, слышалъ такъ:

Въ лѣто женское свиньи и огня, въ обезьяній мѣсяцъ, прибылъ въ здѣшніе приволжскіе улусы мужъ святой и удивительный, по имени лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, прозванный во всѣхъ степяхъ «Буквою мудрости». Онъ пришелъ къ намъ отъ предѣловъ благословеннаго Тибета и высокой горы Эльбурджъ, на которой обитаютъ тридцать-три великія божества, тегри. Въ нашей ордѣ никогда еще не видывали такого святаго мужа. Онъ ревностно занимался великимъ дѣломъ искорененія грѣха и всю жизнь проводилъ въ глубокихъ умозрѣніяхъ, нерѣдко по нѣскольку дней сряду не принимая никакой пищи. Когда, въ этомъ положеніи, душа его возносилась до созерцанія лица самого великаго Шеккямуни, изъ его пупа и носа истекали лучи яркаго свѣта, который освѣщалъ всю Саратовскую степь.

Никто лучше его не постигалъ великой тайны *орчиланъ* и *хубильганъ*, или ученія о переселеніи душъ изъ однихъ тѣлъ въ другія. Онъ зналъ наизустъ всѣ сто-восемь томовъ «Ганджура»; четки его состояли изъ ста-восьми шариковъ, и онъ сто-восемь разъ пропускалъ ихъ всякій день сквозь пальцы, произнося при всякомъ шарикѣ по сту-восьми разъ священныя слова: «Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ!» съ особенною и непостижимою набожностью. Никогда уста его не осквернялись животною пищею; никогда его рука не лишала жизни ни малѣйшаго одушевленнаго существа. Когда однажды, по неосторожности, придавилъ онъ комара на своемъ носу, то немедленно пошелъ въ лѣсъ, скинулъ съ себя платье, и девять дней пробылъ тамъ совершенно нагой, позволяя всѣмъ комарамъ питаться его кровію. Такого святаго давно уже у насъ не бывало!

Великій Шеккямуни, въ воздаяніе за его добродѣтели, одарилъ его способностью ѣздить верхомъ на радугѣ и сидѣть высоко на воздухѣ съ поджатыми подъ себя ногами. Всякая его молитва была услышана въ небѣ. Онъ, по своему усмотрѣнію, производилъ дожди и засухи. И святость его была такъ велика, что онъ даже могъ безъ трепета смотрѣть въ лицо всякому земскому исправнику; и когда, бывало, сидѣлъ онъ въ юртѣ, погруженный въ умозрительныя созерцанія, а изъ Саратова ѣхалъ степью приставъ или засѣдатель, ему довольно было махнуть рукою, чтобы зловѣщіе ихъ колокольчики мигомъ умолкли и сами они проѣхали мимо, не заглянувъ въ наши улусы. Ес-

либъ онъ еще нѣсколько лѣтъ пожилъ между нами, онъ навѣрное искоренилъ бы грѣхъ!

Затѣмъ, я, Мергенъ-Саинъ, слышалъ такъ: вышелъ лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи изъ улуса, въ которомъ питался онъ подаяніями благовѣрныхъ, и сѣлъ уединенно въ степи, съ лицомъ обращеннымъ къ югу. И просидѣлъ онъ тамъ семь дней и семь ночей, не трогаясь съ мѣста и безпрерывно созерцая умомъ. Послѣ долгаго размышленія о великой тайнѣ *орчиланъ* и *хубильганъ*, обнявъ мыслію все пространство бурнаго моря случаевъ, волнующихъ души въ ихъ переселеніяхъ и въ перерожденіи однихъ существъ въ другія, онъ проникъ духомъ до небесной обители божества, и сотворилъ такую молитву: — «Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ! Могущественнѣйшій изъ могучихъ, верхъ святости, всесовершеннѣйшій, зачисленный, великій Будда, великій Бурханъ, великій Шеккямуни *! Ты правитель настоящаго періода вселенной, ты одинъ источникъ ума и разума. Далай-ламы и хутухты суть лишь истеченія твои, тебѣ одному мы покоряемся. По неисчерпаемой благости твоей, ты дозволилъ мнѣ постигнуть сокровенную цѣль и порядокъ перерожденія всего движущагося и смертнаго. Озари еще умъ раба твоего, ламы Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, послѣднимъ свѣтомъ, и дай ему узнать то, чего никто не зналъ на свѣтѣ. Открой мнѣ, великій Бурханъ, дѣянія собственной души моей

* Оффиціальные титулы Шеккямуни. Надобно помнить что это говоритъ лама о божествѣ, которому онъ покланяется.

со времени ея сотворенія; все, что̀ она дѣлала, и какъ изъ одного тѣла переходила въ другое, и какія одушевляла твари, до вступленія въ меня, глупѣйшую изъ твоихъ тварей. Ты источникъ ума и разума. Тебѣ одному мы покоряемся, гнушаясь всѣми прочими ученіями. Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ!»

Моленіе это было услышано въ небѣ. И сотворивъ его, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи палъ навзничь, и уснулъ крѣпкимъ сномъ. А во снѣ явился ему великій Шеккямуни, въ видѣ молодаго всадника въ желтомъ халатѣ и лисьей шапкѣ, съѣхавшаго съ неба по широкому лучу свѣта на прекрасномъ зеленомъ верблюдѣ. И сказалъ всадникъ ламѣ:

— Лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, ты сотворилъ молитву, которую я услышалъ; но просьба твоя безразсудна. Зачѣмъ желаешь ты знать дѣянія своей души?

И сказалъ лама всаднику:

— Могущественнѣйшій изъ могучихъ, верхъ святости, всесовершеннѣйшій, зачисленный, великій Шеккямуни! я желаю знать дѣянія своей души для того, чтобъ искоренить грѣхъ.

А онъ ему на то:

— Лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, ты будешь раскаяваться въ своемъ любопытствѣ. Я устроилъ міръ такъ, чтобы люди знали только ту долю несчастія, которая нераздѣльна съ настоящимъ ихъ существованіемъ, и не хотѣлъ умножать ихъ горя знаніемъ того, что̀ всякій изъ нихъ претерпѣлъ до своего рожденія, и сколько

долженъ онъ еще вынести до будущаго соединенія со мною.

А лама ему въ отвѣтъ:

— Могущественнѣйшій изъ могучихъ! я готовъ подвергнуться всѣмъ мукамъ и страданіямъ, чтобъ только узнать эту тайну.

На что̀ примолвилъ всадникъ:

— Лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, я не хочу дѣлать тебя несчастнымъ по твоей необдуманной просьбѣ. Вы теперь находите утѣшеніе въ вашемъ горѣ, прельщаясь мыслями о небесномъ блаженствѣ, о совершенствѣ всего того, что̀ относится къ быту боговъ, съ которыми должны вы слиться духомъ послѣ истребленія грѣха. Но вы поверглись бы въ безпредѣльное уныніе, еслибъ узнали, что грѣхъ и безпорядокъ водятся тоже и у насъ, на небѣ.

На что̀ возразилъ лама:

— Всесовершеннѣйшій, зачисленный, великій Шеккямуни! я обдумалъ мою просьбу, и ничто въ свѣтѣ не приведетъ меня въ уныніе. Я хочу искоренить грѣхъ!...

Всадникъ призадумался, молчалъ долго, и наконецъ воскликнулъ:

— Лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи! проси меня о томъ трижды.

Лама трижды повторилъ свое моленіе, и всадникъ сказалъ ему:

— Итакъ ты узнаешь похожденія твоей души. Я позволяю ей пересказать тебѣ все, что̀ она дѣлала со времени своего сотворенія, и какъ изъ однихъ тѣлъ переходила въ другія, и какія оду-

шевляла существа, до вступленія въ тебя, глупѣйшую изъ моихъ тварей. Прощай!

Всадникъ въ желтомъ халатѣ и лисьей шапкѣ ускакалъ на небо по лучу, который быстро свертывался въ трубку вслѣдъ за удаляющимся верблюдомъ. А когда онъ ускакалъ, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, не просыпаясь, сѣлъ, вынулъ изъ-за пазухи листъ бумаги, тушь и кисточку, развелъ чернила, и сталъ писать. Онъ спалъ, а рука его писала. И писала не рука, а душа его писала его рукою. Это было великое чудо!!.. И написала душа ламы Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи его рукою слѣдующее, а я, Мергенъ-Саинъ, списалъ это отъ слова до слова для духовной пользы всѣхъ вѣрующихъ. Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ!

—

ЯРЛЫКЪ ОПАСНАГО ЗНАНІЯ.

Начинается сказаніе о похожденіяхъ моихъ, родной души твоей, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи.

Блаженная Маньджушри! дай ему столько ума и здраваго смысла, чтобъ онъ постигъ тонкость этого сказанія.

Мое слово есть слѣдующее:

Въ нѣдрахъ заоблачной горы Эльбурджъ, на которой имѣетъ свое пребываніе великій богъ Хормузда, съ подвластными ему божествами, тегри, и откуда наблюдаетъ онъ за порядкомъ въ природѣ и точнымъ исполненіемъ законовъ перерожденія, есть огромная кладовая душъ, запертая тол-

стыми дверьми изъ слоновой кости и золотымъ замкомъ. Въ этой кладовой лежала я, со времени сотворенія міра, слишкомъ девяносто-двѣ тысячи лѣтъ. Я была забыта, вмѣстѣ съ милліонами другихъ запасныхъ душъ, хранящихся тамъ безъ употребленія, только на всякій случай.

Въ оное время изъ временъ, существовалъ на землѣ сильный и богатый народъ, называемый Римлянами: теперь никто въ Саратовской губерніи не знаетъ, куда онъ дѣвался; но въ старые годы онъ былъ на землѣ почти столь же знаменитъ, какъ нынѣ Калмыки. Въ этомъ народѣ былъ вельможа, имѣвшій неограниченное вліяніе на дѣла всего государства: онъ самовластно управлялъ половиною тогдашняго свѣта, и въ знатности и могуществѣ не уступалъ, быть-можетъ, самому саратовскому исправнику. У вельможи, кромѣ жены, по обыкновенію всѣхъ знаменитыхъ народовъ, была еще любовница. На землѣ повсюду господствовало спокойствіе, и уже давнымъ-давно не происходило ничего особеннаго. Великій Хормузда, сидя на своемъ престолѣ, беззаботно читалъ «Книгу Судебъ», въ которой записаны день и часъ рожденія и смерти всѣхъ одушевленныхъ существъ, отъ китайскаго богдохана до послѣдней букашки; онъ водилъ пальцемъ по ихъ именамъ, отдавалъ приказанія, и былъ доволенъ, что все въ мірѣ исполнялось по предписанной формѣ. Вдругъ послышалась у насъ бѣготня на Эльбурджѣ. Великій Хормузда закричалъ на всю гору:

— Эй!... Кто тамъ?... Въ кладовую!... бѣгите скорѣе!... Взять одну новую душу, и снести ее на зе-

млю. Теперь слѣдуетъ тамъ родиться побочному сыну у римскаго вельможи.... Скорѣе!... важное, экстренное дѣло!

Да будетъ извѣстно тебѣ, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, что для обыкновенныхъ, законныхъ рожденій, не отпускается роду человѣческому новыхъ душъ изъ небесной кладовой: онъ долженъ изворачиваться старыми, поношенными душами, предоставленными вселенной для всегдашняго ея обихода, и уже перешедшими черезъ множество людей, скотовъ, гадовъ и насѣкомыхъ. Но когда у природы случится побочный сынокъ, какъ онъ начинаетъ съ собою новую родословную, и законное число существъ умножается черезъ него одною лишнею, сверхъ-штатною тварью, то, по необходимости, выдается на него новая душа, изъ числа хранимыхъ въ небесномъ амбарѣ на непредвидимыя потребности. Таковъ предвѣчный порядокъ міра: благоговѣйте, Калмыки и всѣ народы, предъ непостижимою мудростью великаго Шеккямуни: Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ!

Въ исполненіе Хормуздова приказанія, одинъ посыльный тегри прибѣжалъ въ кладовую, погрузилъ руку въ кучу душъ, схватилъ одну изъ нихъ на-выдержку, и, вскочивъ на радугу, поѣхалъ на землю. Эта душа была я. Онъ прибылъ со мною къ любовницѣ могущественнаго вельможи въ самое время родовъ ея, вколотилъ меня, сквозь ноздри, въ голову неправильному ребенку, и ушелъ. Я въ первый разъ очутилась въ человѣкѣ. Но я была совсѣмъ не по головѣ этому сынку, слишкомъ велика и крѣпка для его мозга: это почти

всегда случается съ душами! Тегри, посылаемые Хормуздою для разноски насъ по свѣту, исполняютъ свою должность весьма небрежно: они берутъ насъ въ кладовой безъ всякаго разбора, и, не примѣривъ напередъ къ тѣлу, которое должны мы оживлять, набиваютъ нами людскія головы какъ-нибудь, чтобъ только очистить дѣло и скорѣе отрапортовать начальству, что тварь готова. Отъ этого происходитъ такое множество дураковъ. Подлинно, жаль!... Еслибъ людей дѣлали немножко иначе, нѣсколько по-основательнѣе, не такъ поспѣшно, и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо-умнѣе. И великій Шеккямуни тщетно употребляетъ всѣ свои усилія, чтобъ искоренить этотъ безпорядокъ: мочи нѣтъ съ нашими тегри!...

Это несчастіе случилось и со мною. Не смотря на то, что я была нова, блистательна, пылка, лучшей доброты, не затхлая и незалежавшаяся—что̀ также нерѣдко бываетъ съ душами, вновь выдаваемыми людямъ изъ кладовой — не смотря даже на довольно-правильное устройство органовъ противозаконнаго человѣчка, на хорошую и прочную отдѣлку внутренней части его головы, мы съ нею произвели безпримѣрнаго въ свѣтѣ дурака. Она вышла слишкомъ для меня тѣсна!.. Какъ я была ей не въ пору и распирала собою черепъ, то ребенокъ ощущалъ отъ меня нестерпимую боль въ мозгу, и кричалъ такъ пронзительно, что я уже хотѣла уйти изъ него сквозь уши. Этотъ крикъ былъ принятъ льстецами самовластнаго вельможи за предзнаменованіе великаго ума его сына: папенька былъ въ восторгѣ и роздалъ пропасть ми-

лостей. Скоро всѣ начали предсказывать, что изъ этого мальчика будетъ славный-малый.... Вотъ, какъ судятъ о вещахъ тѣ, которые не имѣютъ счастія быть Калмыками, и не понимаютъ великой тайны *орчилангъ* и *хубильганъ!*

Задыхаясь въ тѣсной головѣ, я принуждена была, въ разныя времена ея возраста, ворочаться съ одного бока на другой, чтобъ найти удобное для себя положеніе. Никакъ нельзя было прилично въ ней расположиться!... Наконецъ, я оборотилась спиною къ ея лицу — иначе нельзя было сидѣть въ этой проклятой клѣткѣ! — и такъ просидѣла въ дуракѣ цѣлыхъ пятьдесятъ-пять лѣтъ задомъ къ его поступкамъ, чувствованіямъ и мыслямъ, въ которыхъ не принимала никакого участія. Никто, божусь, не видалъ меня ни въ его взорахъ, ни въ чертахъ его лица; и не знаю, съ чего взяли сочинители того времени, посвящавшіе ему свои книги, что я прекрасна и благородна. Я не отпираюсь отъ этихъ качествъ, но смѣю увѣрить, что они въ своихъ предисловіяхъ описывали меня наобумъ. Если эти господа когда-либо заглядывали ему въ глаза, съ тѣмъ, чтобъ присмотрѣться ко мнѣ — чему я впрочемъ не вѣрю —то въ глазахъ этого человѣка они могли увидѣть только мой задъ. Но льстецы не разбираютъ, и лобызаютъ все, что̀ имъ ни выставишь!...

Должно знать, что новыя души всегда приносятъ счастіе тѣлу: оттого побочныя дѣти рода человѣческаго обыкновенно бываютъ очень счастливы. Голова, въ которой была я заперта, лишенная моего содѣйствія, совершенно ничего не

дѣлала: всѣ называли ее неспособною, однакожъ счастіе постоянно намъ благопріятствовало!... Мы получили имѣніе Богъ-вѣсть откуда, покровительство не-знаю съ какой стороны, и почести неизвѣстно какимъ чудомъ. Доколѣ жилъ нашъ потаенный папенька, весь Римъ кланялся намъ съ утра до вечера. Но это блаженство было не безъ непріятностей: старыя, изношенныя, полинявшія души терпѣть не могутъ новыхъ, и даже стараются обнаруживать къ нимъ презрѣніе. Тѣ самые, которые писали и читали намъ похвалы, обернувшись въ другую сторону, поносили насъ весьма неблагопристойнымъ словомъ, и даже сочиняли жестокія эпиграммы на незаконныхъ дѣтей. Это чрезвычайно огорчало самолюбіе моей головы, но оно скоро нашло средство примѣниться къ обстоятельствамъ: оно пожирало громкія похвалы ушами, и раздувалось отъ нихъ какъ пузырь, а тайныя эпиграммы велѣло тихомолкомъ глотать мнѣ, и опять было счастливо. *

Наскучивъ бездѣйствіемъ въ этомъ человѣкѣ, въ которомъ не знала я никакихъ ощущеній, который даже не думалъ дать мнѣ какое-нибудь занятіе, я воспользовалась первою его болѣзнію,

---

* Читатели вѣрно мнѣ замѣтятъ, что слогъ, и даже понятія этой части переводимой мною шастры вовсе несходны со вступленіемъ въ нее, гдѣ описаны жизнь ламы Мегедстая и свиданіе его съ Шеккямуніемъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. То писалъ Калмыкъ въ бодромъ состояніи, а это пишетъ Калмыкъ спящій. Разница большая! Прошу не сомнѣваться, что это буквальный переводъ съ монгольскаго.

чтобъ ускользнуть изъ тѣла и предоставить дурака червямъ. Онъ скончался; я улетѣла на воздухъ, и, увидѣвъ, что множество душъ стремится отвсюду къ горѣ Эльбурджъ, чтобъ предстать предъ судъ Хормузды, и получить отъ него новое назначеніе, поспѣшила присоединиться къ ихъ толпѣ. Мы полетѣли всѣ вмѣстѣ въ желтое царство боговъ.

Первый видъ грознаго судилища всего смертнаго внушилъ мнѣ не слишкомъ выгодное понятіе о нашемъ небесномъ правосудіи. Тысячи душъ окружали престолъ великаго Хормузды; иныя по цѣлымъ столѣтіямъ дожидались рѣшенія своей участи. Онъ преспокойно разсуждалъ съ другими богами о миѳологическихъ новостяхъ, бранилъ духовъ, просившихъ его опредѣлить имъ какое-нибудь тѣло, произносилъ приговоры почти наудачу, и нерѣдко посылалъ въ славныхъ людей души, которымъ, за ихъ поведеніе на землѣ, скорѣе слѣдовало бы идти въ медвѣдей или обезьянъ. Многочисленныя группы подсудимыхъ, разсѣянныя по горѣ, были заняты сплетнями земной природы и спорами о разныхъ богословскихъ предметахъ буддаизма. Тутъ въ первый разъ увидѣла я знаменитую душу Пиѳагора, который еще до рожденія Шеккямуни проповѣдывалъ ученіе о переселеніи душъ; она не задолго до меня прибыла туда съ земли, гдѣ, кажется, одушевляла кота. Духъ Пиѳагоровъ, какъ теперь помню, жарко спорилъ съ душою одного монгольскаго ламы, доказывая, что для человѣка самымъ вожделѣннымъ перерожденіемъ должно почитаться переводъ души его

въ тѣло философа или въ корову, тогда-какъ душа ламы утверждала, что добродѣтельный человѣкъ не можетъ желать себѣ ничего лучше перерожденія въ собаку. Душа Ламы была совершенно-права: положительный смыслъ многихъ текстовъ «Ганджура» не дозволяетъ сомнѣваться въ этой истинѣ, и потому являющіяся въ Хормуздовъ судъ души употребляютъ всѣ средства просьбъ, происковъ и покровительствъ, чтобъ только быть опредѣленными въ собакъ. Весь свѣтъ хотѣлъ бы оборотиться щенкомъ, вся природа желала быть моською: нельзя себѣ представить, въ какой это модѣ въ нашей миѳологіи!... Всѣ безъ памяти отъ собаки.

Душа ученаго ламы была приговорена къ переселенію въ свинью, за какую-то ересь, которую взыскательный по этимъ дѣламъ Хормузда примѣтилъ въ ея сочиненіяхъ. Напротивъ, духъ великаго Пиѳагора, изъ кота, поступилъ, однимъ психологическихъ чиномъ выше—въ индѣйку. Когда пришла моя очередь, я поклонилась Хормуздѣ, прося о назначеніи мнѣ тоже жилища по моимъ заслугамъ. Онъ приказалъ погодить. Я ждала двадцать лѣтъ, всякій день напоминая страшному судьѣ о своемъ дѣлѣ, и всегда получая тотъ же отвѣтъ: —Погоди!... Однажды, какъ въ судѣ было очень мало душъ, онъ благоволилъ обратить на меня вниманіе.

— А ты чего хочешь? спросилъ онъ меня.

— Великій Хормузда! отвѣчала я покорно: рѣши мою судьбу. Вотъ уже почти четверть столѣтія, какъ скитаюсь безъ пріюта.

— То-то и есть!... прервалъ онъ, съ досадою: вы все требуете рѣшать ваши дѣла скорѣе, рѣшать умно, а того не знаете, какъ трудно судить дураковъ. Вотъ, напримѣръ и ты, моя миленькая: какъ тутъ обсудить твое дѣло? Я уже давно объ немъ думаю, и ничего не могу придумать. Ты жила пятьдесятъ-пять лѣтъ въ дуракѣ, ничѣмъ не занималась, не заслужила ни кары, ни награды: чтожъ мнѣ съ тобой дѣлать?...

— Сдѣлайте милость, великій Хормузда!...

— Ну, хорошо: я сдѣлаю, но только, чтобъ отдѣлаться отъ дурака. Тегри, возьми ее, снеси на землю, и всунь куда-нибудь!

Я вздохнула, услышавъ этотъ приговоръ. Скажи самъ, лама Мегедстай-Корчинъ-Угелюкчи, законное ли это рѣшеніе?... Въ Ганджурѣ именно написано, что души дураковъ, въ наказаніе за свое бездѣйствіе или неспособность, посылаются на работу и на обученіе въ головы трудолюбивыхъ ученыхъ, гдѣ они приковываются къ куску темнаго стариннаго текста, съ обязанностью добиться въ немъ смысла и объяснить его надлежащимъ образомъ. Какой-то сонливый, неопрятный тегри, съ четырьмя длинными лицами и на одной ногѣ, очень похожій на ротозѣя, медленно подошелъ ко мнѣ, загребъ меня сухою своею горстью, положилъ въ карманъ, и удалился изъ судилища. Я думала, что онъ отправится со мною на землю. Не тутъ-то было! Онъ дотащился только до священнаго дуба *белгесугумъ*, растущаго въ половинѣ высоты небесной горы, и легъ подъ нимъ отдыхать. Отъ нечего-дѣлать, сталъ онъ подбирать разсыпанные

подъ деревомъ желуди, и стрѣлять ими изо всѣхъ четырехъ ртовъ на воздухъ. Эта забава утѣшала его чрезвычайно, и онъ просидѣлъ подъ дубомъ семьдесятъ-семь лѣтъ, не трогаясь съ мѣста. Наконецъ, какъ-то вспомнилъ онъ обо мнѣ, вынулъ меня изъ кармана, и, отыскавъ на землѣ желудь, раскололъ его, и положилъ меня въ средину. Зажавъ опять желудь, онъ взялъ его въ ротъ, надулся, толкнулъ языкомъ, и выстрѣлилъ имъ такъ же, какъ и прочими.

Я долго летѣла въ воздухѣ, заключенная въ дубовомъ плодѣ, и упала на землю въ песокъ. Черезъ нѣсколько времени изъ этого плода выросъ прекрасный дубокъ, и я, будучи принуждена одушевлять неподвижное дерево, увидѣла себя въ дубовомъ лѣсу, происшедшимъ отъ желудей, набросанныхъ моимъ лѣнивымъ тегри. То былъ первый дубовый лѣсъ на землѣ: онъ находился въ Индіи, и существуетъ по-сю-пору. Такъ судьба играетъ бѣдными душами!... За-то, что я безвинно просидѣла пятьдесятъ лѣтъ въ дуракѣ, пришлось быть полѣномъ, можетъ-статься, тысячу лѣтъ и болѣе!

Случай освободилъ меня отъ этого ужаснаго и безпримѣрнаго наказанія, и исправилъ непростительное злоупотребленіе довѣрія со стороны тегри: безъ случаевъ не было бы порядка на свѣтѣ. Въ Индіи царствовалъ тогда самъ великій богъ той страны, Брама, воплотившійся въ человѣка подъ именемъ Мага-Раджи Нараянпалы, какъ то должно быть извѣстно тебѣ изъ «Ганджура». Онъ пріѣхалъ охотиться въ нашемъ лѣсу, и, отдѣлясь отъ придворныхъ, сѣлъ отдыхать въ

моей тѣни съ знаменитымъ мудрецомъ и «святымъ мужемъ», риши Васиштою.

— Риши Васишта! сказалъ ему Мага-Раджа, набивая себѣ ротъ листомъ бетелю: я хочу уйти въ небо.

— Зачѣмъ?

— Не могу добиться толку съ моими Индійцами!... Вотъ скоро уже сто-двадцать лѣтъ, какъ царствую въ Кеннѣ, и еще не успѣлъ отучить ихъ отъ грѣха. Ты мой риши, мой святой и мудрецъ: научи меня что̀ дѣлать; не то я скину съ себя эту тяжелую и смердящую плоть, и уйду въ небо.

— Мага-Раджа! примолвилъ святой мужъ: мудрецы древнихъ временъ говорятъ: не прилично уходить въ небо передъ праздникомъ. Послѣ зимнихъ праздниковъ, если дѣла не поправятся, оставишь землю, когда тебѣ угодно. Покамѣстъ, можно испытать съ людьми еще одно средство, которое представляется моему уму. Посмотри, о Мага-Раджа, кругомъ себя: видишь ли эти молодыя, прекрасныя деревья?... Ихъ прежде на землѣ не было. Вѣроятно, боги послали этотъ лѣсъ на землю для ея пользы и святости. Я сдѣлаю тебѣ удивительную машину для искорененія грѣха....

— Хорошо! воскликнулъ Мага-Раджа. Сдѣлай мнѣ машину для искорененія грѣха; тогда я еще останусь на землѣ съ вами. Мудрецы древнихъ временъ говорятъ, что машины всегда дѣйствуютъ ловче и правильнѣе, чѣмъ люди.

Риши Васишта вынулъ изъ-за пояса свой длин-

ный ножъ, и срубилъ мое деревцо. Оборвавъ вѣтви, онъ привязалъ его къ сѣдлу, и увезъ съ собою въ городъ. Какъ древесная плоть вянетъ не скоро, то я не могла тотчасъ изъ нея освободиться: я осталась въ шестѣ, изъ котораго потомъ уже никакъ нельзя было вырваться, ибо святой мужъ въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ изъ него посохъ, и приказалъ оковать его золотомъ съ обоихъ концовъ. На другой день онъ поднесъ его Мага-Раджѣ, и сказалъ:

— Вотъ машина, которую выдумалъ я для искорененія грѣха!

Мага-Раджа, святости котораго люди удивлялись по обѣимъ сторонамъ Гангеса, и, удивляясь, не переставали грѣшить и проказничать, по совѣту мудреца немедленно употребилъ эту машину къ водворенію честности, безпристрастія и правосудія въ своихъ владѣніяхъ. Я, по-крайней-мѣрѣ, нашла занятіе, и принуждена была сознаться, что благомыслящей душѣ гораздо-пріятнѣе жить въ полѣнѣ, чѣмъ въ дуракѣ. Проживая въ посохѣ, я внушала его плоти то самое благородное рвеніе ко всему благому и полезному, какимъ одушевлялся нашъ хозяинъ, и смѣло могу сказать, что никогда не было въ Индіи столько добродѣтелей и порядка, никогда благочестіе, законы и мудрость не процвѣтали тамъ такъ успѣшно, какъ въ то время, когда была я приставлена въ палкѣ къ индійскимъ дѣламъ. Тебѣ это покажется страннымъ?... Но повѣрь мнѣ, любезный лама, что съ вами, Калмыками-людьми, ей-ей, нѣтъ другаго средства!

Всѣ удивлялись чудеснымъ свойствамъ посоха, и многіе кенненскіе пандиды, или богословы, были того мнѣнія, что въ него воплотился самъ великій Брама, нисшедъ въ его образѣ на землю для наставленія смертныхъ въ ихъ обязанностяхъ, и чтобы въ этомъ уютномъ видѣ вразумительнѣе дѣйствовать на умы и ловче поддерживать человѣческую слабость отъ паденія. Кенненскіе пандиды не знали, что въ посохѣ Мага-Раджи сидѣла душа!!.. Ихъ толки распространились по обѣимъ сторонамъ Гангеса, и подали поводъ къ извѣстному сказанію священной книги Браминовъ, «Веда», о чудесномъ жезлѣ Мага-Раджи Нараянпалы, подаренномъ ему богами, при помощи котораго узнавалъ онъ въ точности обо всемъ происходящемъ въ его владѣніяхъ *.

Но между-тѣмъ дерево сохло, и его мочки сжимали меня въ нѣдрахъ своихъ жесточайшимъ образомъ. Я приходила въ отчаяніе, не зная куда дѣваться, и, надобенъ былъ другой случай, чтобъ спасти меня отъ подобной пытки. Этотъ случай не замедлилъ представиться. Мага-Раджа поймалъ визиря своего на грѣхѣ — когда онъ пряталъ въ карманъ огромную взятку!—и срѣзалъ его по спинѣ такъ крѣпко, что машина для искорененія грѣха переломилась пополамъ. Пользуясь этимъ, я выскочила изъ дерева, и явилась передъ судомъ Хормузды. Святой мудрецъ сдѣлалъ потомъ для Мага-Раджи другой посохъ, но тотъ уже не про-

* Странная эта сказка находится въ VIII книгѣ Веды и въ Пуранахъ. Нараянпала жилъ около I или II вѣка нашей эры.

изводилъ вожделѣннаго дѣйствія: въ немъ не было души!...

Лишь только Хормузда увидѣлъ меня, онъ вскричалъ съ веселымъ расположеніемъ духа:

— А!... дубина!... *менду-аморъ!* (добро пожаловать!). Ты славно дѣйствовала на землѣ! Могущественнѣйшій изъ могучихъ, великій Шеккямуни, чудеса разсказывалъ мнѣ о твоихъ подвигахъ: онъ говоритъ, что, еслибъ у него было вдругъ десять такихъ душъ, оправленныхъ дубовымъ деревомъ, онъ мигомъ искоренилъ бы грѣхъ на землѣ. По-несчастію, въ «Книгѣ Судебъ» написано, что подобный твоему случай еще не скоро наступитъ!... Я буду о тебѣ помнить.

Повергнутая проказами своенравнаго тегри въ такое незавидное положеніе, каково было мое на землѣ, въ простой деревянной палкѣ, признаюсь, я никакъ не ожидала, чтобы вдругъ нашлось за мною столько и такихъ великихъ заслугъ въ небѣ. Но вотъ, что̀ значитъ быть палкою при дѣлахъ вселенной! Мудрость великаго Шеккямуни неисповѣдима!... Всѣ находившіяся въ судилищѣ души были изумлены необыкновенною ко мнѣ привѣтливостью суроваго Хормузды: онѣ уже смотрѣли на меня какъ на духа, который скоро можетъ быть произведенъ въ тегри и причисленъ къ разряду божествъ. Многія кланялись мнѣ въ поясъ, льстили, превозносили прочность, основательность, высокую ударную силу, удивительное умѣнье дубить кожи, и другія добродѣтели дубоваго лѣса, и старались заслужить мою благосклонность, чтобы, по моей рекомендаціи, при моемъ великодуш-

номъ покровительствѣ, какъ-нибудь попасться въ собакъ. Я сдѣлалась важнымъ лицомъ на Эльбурджѣ.

Какъ ни расположена я была къ благодѣяніямъ на пользу этихъ несчастныхъ, но мнѣ казалось, что прежде всего должна я подумать о себѣ, и, при первомъ удобномъ случаѣ, представила Хормуздѣ свое желаніе быть опредѣленною въ собаки. Къ крайнему огорченію, небесный судья нашелъ меня слишкомъ-честолюбивою и высокомѣрною, присовокупивъ, что я еще недавно поступила въ дѣятельныя души вселенной, мало знаю психологическую службу, и не имѣю права вдругъ требовать для себя такого высокаго мѣста. Однакожъ, онъ обѣщалъ, что со-временемъ окажетъ мнѣ эту милость, а между-тѣмъ, какъ черезъ нѣсколько дней долженъ родиться на землѣ весьма значительный историческій человѣкъ, то, за отличіе, пошлетъ меня жить въ его тѣлѣ.

Такимъ образомъ, изъ дубины, перешла я въ знаменитаго человѣка. Голова его была устроена по старинному плану славныхъ историческихъ головъ: черепъ толстый, мозгъ мягкій, безъ всякой упругости, какъ-будто нарочно сдѣланный для того, чтобы любимцы удобнѣе рисовали по немъ пальцомъ свои понятія и виды; множество органовъ для производства шуму въ свѣтѣ и изумленія въ людяхъ; никакихъ почти орудій для выдѣлка собственныхъ своихъ мыслей, и, сверхъ того, пропасть пустаго мѣста на складку самолюбія и гордости. Поселясь въ этой головѣ, я непремѣнно желала дѣйствовать на   чтобъ оправ-

дать [illegible]
его [illegible]
на [illegible]
которомъ [illegible]
управлен[illegible]
шла настоящ[illegible]
я чувствовала [illegible]
неловкость [illegible]
мѣнно быть [illegible]
свѣтъ своими [illegible]
Судебъ написаны [illegible]
зываться на [illegible]
гала всѣ силы [illegible]
извести. Нак[illegible]
лать, я закрутила [illegible]
исторической [illegible]
нія мозговыхъ [illegible]
ный шумъ: онъ [illegible]
пустымъ головамъ [illegible]
глупости и событія [illegible]
на общество: люди [illegible]
выпучили на насъ глаза, [illegible]
чить и что о томъ думать. Я [illegible]
лась; но проныры, мигомъ [illegible]
на ловлю поживы въ поднятой [illegible]
проворно подобрали всѣ эти [illegible]
и объявили людямъ, что это [illegible]
безпримѣрные подвиги — и свѣтъ [illegible]
призналъ насъ знаменитыми. Онъ [illegible]
скоро опомнился бы, и, примѣтивъ [illegible]
пахну дубиною, на другой день [illegible]
этого лестнаго званія; но поэты и [illegible]

номъ покровительствѣ, какъ-нибудь попасться въ собакъ. Я сдѣлалась важнымъ лицомъ на Эльбурджѣ.

Какъ ни расположена я была къ благодѣяніямъ на пользу этихъ несчастныхъ, но мнѣ казалось, что прежде всего должна я подумать о себѣ, и, при первомъ удобномъ случаѣ, представила Хормуздѣ свое желаніе быть опредѣленною въ собаки. Къ крайнему огорченію, небесный судья нашелъ меня слишкомъ-честолюбивою и высокомѣрною, присовокупивъ, что я еще недавно поступила въ дѣятельныя души вселенной, мало знаю психологическую службу, и не имѣю права вдругъ требовать для себя такого высокаго мѣста. Однакожъ, онъ обѣщалъ, что со-временемъ окажетъ мнѣ эту милость, а между-тѣмъ, какъ черезъ нѣсколько дней долженъ родиться на землѣ весьма значительный историческій человѣкъ, то, за отличіе, пошлетъ меня жить въ его тѣлѣ.

Такимъ образомъ, изъ дубины, перешла я въ знаменитаго человѣка. Голова его была устроена по старинному плану славныхъ историческихъ головъ: черепъ толстый, мозгъ мягкій, безъ всякой упругости, какъ-будто нарочно сдѣланный для того, чтобы любимцы удобнѣе рисовали по немъ пальцемъ свои понятія и виды; множество органовъ для производства шуму въ свѣтѣ и изумленія въ людяхъ; никакихъ почти орудій для выдѣлки собственныхъ своихъ мыслей, и, сверхъ того, пропасть пустаго мѣста на складку самолюбія и гордости. Поселясь въ этой головѣ, я непремѣнно желала дѣйствовать на славу, чтобъ оправ-

дать довѣріе Хормузды и заслужить дальнѣйшую его милость. По-несчастію, я была ужасно упитана крѣпкимъ сыромятнымъ духомъ дерева, въ которомъ жила прежде, и, когда ввели меня въ управленіе головою знаменитаго человѣка, я вышла настоящая дубина!... Я не умѣла и ступить; я чувствовала свою неповоротливость, лѣность, неловкость, тупость—а тутъ нужда велитъ непремѣнно быть знаменитою!... а тутъ надо изумлять свѣтъ своими подвигами, потому-что въ «Книгѣ Судебъ» написано, что мой человѣкъ долженъ называться на землѣ великимъ!!.. Я металась, напрягала всѣ силы, мучилась, и ничего не могла произвести. Наконецъ, съ отчаянія, не зная что̀ дѣлать, я закрутила однимъ-разомъ всѣми органами исторической головы. Вдругъ, отъ общаго движенія мозговыхъ колесъ, произошелъ въ ней страшный шумъ; онъ отразился грохотомъ по всѣмъ пустымъ головамъ, стоявшимъ къ ней поближе; глупости и событія градомъ посыпались изъ нея на общество; люди перепугались, остолбенѣли, и выпучили на насъ глаза, не понимая, что̀ это значитъ и что̀ о томъ думать. Я и сама перепугалась; но проныры, мигомъ сбѣжавшіеся отвсюду на ловлю поживы въ поднятой мною суматохѣ, проворно подобрали всѣ эти событія и глупости, и объявили людямъ, что это удивительныя дѣла, безпримѣрные подвиги — и свѣтъ, въ попыхахъ, призналъ насъ знаменитыми. Онъ, можетъ-быть, скоро опомнился бы, и, примѣтивъ, что я крѣпко пахну дубиною, на другой день лишилъ бы насъ этого лестнаго званія; но поэты и современные

историки не дали ему времени оглянуться, ни перевести дыханія; засыпали ему глаза одами, забили ротъ біографіями, велѣли молчать и удивляться, а между-тѣмъ, поскорѣе записали насъ въ словарь великихъ людей, откуда бѣдный родъ человѣческій теперь и зубами насъ не выскоблитъ. Мы навсегда остались знаменитыми. «Книгѣ Судебъ» противиться невозможно!...

Достигнувъ знаменитости, я полагала, что все кончено, и что мнѣ остается только вкушать сладкіе плоды славы: я крѣпко ошибалась въ этомъ отношеніи. Съ того только времени и начались мои мученія: я должна была поддерживать свою знаменитость!... Люди не вѣрили ни уму, ни опытности, ни даже своимъ глазамъ, и хотѣли, чтобы моя знаменитость вела ихъ по излучистому пути жизни, за руку, какъ слѣпаго ребенка; чтобъ я за нихъ видѣла, думала, рѣшала и дѣйствовала. Это ужъ слишкомъ для исторической дубины!.. Но съ другой стороны, это ея обязанность: такъ устроенъ міръ, и великій Шеккямуни долженъ лучше знать, почему выдумалъ онъ историческихъ людей для рода человѣческаго. Я не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью, бывъ принуждена безпрестанно излагать свои мнѣнія, надѣлять всякаго совѣтами, принимать мѣры, и торжественно судить о происходящемъ. Но все, что̀ я ни говорила и ни дѣлала, было нелѣпо. Люди сначала думали, что это знаменито, и благоговѣли предъ моими нелѣпостями; но проныры, вѣрные спутники и подпоры знаменитости, по которой ползаютъ они, какъ черви по капустѣ которую гло-

жутъ, и желали бы видѣть всегда покрытою новыми листьями славы, чтобъ опять глодать ихъ, —мои проныры были дальновиднѣе меня. Они испугались, опасаясь скораго упадка моей знаменитости, и принялись всѣми силами толковать мои нелѣпости въ хорошую сторону, прилагать для нихъ остроумныя причины, истреблять подлинныя объ нихъ свидѣтельства, выворачивать ихъ наизнанку, перелагать на глубокомысліе и высшіе взгляды, объяснять, коверкать, запутывать — и, когда запутали все такъ, что и самъ чортъ не открылъ бы слѣда первоначальныхъ формъ моихъ дѣйствій и изрѣченій въ этой кашѣ лжи, обмана, частныхъ самолюбій и народнаго тщеславія, я получила отъ нихъ рапортъ, что матеріялы для будущей моей исторіи уже готовы, и что теперь можно смѣло бросить ихъ въ лицо отдаленному потомству, съ тѣмъ, чтобы оно списало ихъ себѣ съ историческою точностію, подвело годы и числа, расположило по порядку, и, важно разсуждая объ нихъ какъ о несомнѣнной истинѣ, наслаждалось мыслію, что имѣетъ точное понятіе о прошедшемъ.

Обезпеченная происками чужой жадности и чужаго честолюбія со стороны слабоумнаго, но хвастливаго потомства — признаюсь тебѣ, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, что я не знаю бóльшей дубины въ свѣтѣ, не могу представить себѣ ничего глупѣе, напыщеннѣе и невѣжественнѣе вашего безпристрастнаго потомства! — утомленная безпрерывными усиліями всегда казаться людямъ великою, я убѣдилась, что моя голова не-

способна къ предписанной роли, и, по примѣру другихъ историческихъ душъ, взяла къ себѣ въ помощь двѣ секретарскія души. Онѣ славно умѣли думать по заданной темѣ, вырѣзывать изъ куска брошенной имъ несообразности замысловатые узоры, и, что̀ всего важнѣе, ловко скрывать отъ исторіи всю истину. Онѣ приняли на свое попеченіе довести мою знаменитость до опредѣленной меты, и обѣщали исчезнуть сами воághкѣ ничтожества, чтобъ не затмить моей славы. Съ тѣхъ-поръ, я начала отдыхать въ головѣ знаменитаго человѣка, и, вѣроятно, спала бы въ ней спокойно и долго, еслибъ онъ, однажды, невзначай не лопнулъ отъ гордости, или, какъ мои секретари увѣрили исторію, отъ человѣколюбія. Но онъ лопнулъ и я преставилась.

Я прибыла на Эльбурджъ надушенная самолюбіемъ, и воображала себѣ, что теперь ужъ непремѣнно буду собакою. Я смотрѣла съ презрѣніемъ на всѣ души, и гордо сгоняла ихъ съ дороги, пробираясь къ престолу Хормузды. Представь же себѣ, добрый лама, мое огорченіе, когда грозный судья встрѣтилъ меня этими словами:—«Ну, голубушка!... надѣлала же ты глупостей на землѣ! Какъ ты смѣла навалить на себя такую кучу грѣха?...»—Я поблѣднѣла. Длинный рядъ преступленій, которыя пустили мы въ исторію подъ именемъ достославныхъ подвиговъ, вдругъ развернулся предо мною, и ужаснулъ меня своимъ грязнымъ, кровавымъ, отвратительнымъ видомъ. Я ожидала для себя жесточайшаго наказанія, ссылки въ какое-нибудь чудовище предъ-адской пе-

щеры, даже обращенія въ чорта, и сочла себя чрезвычайно-счастливою, когда, изъ великаго человѣка, велѣли мнѣ только переселиться въ блоху. Я немедленно слетѣла на землю, и влѣзла въ это маленькое, веселое насѣкомое.

Будучи блохою, я обитала въ постели одного китайскаго мандарина, женатаго на молодой красавицѣ и ревниваго какъ верблюдъ. Кожа у мандаринши была прелестная, кровь сладкая какъ медъ. Я жила прекрасно. Величайшее мое удовольствіе состояло въ томъ, чтобъ бѣсить красавицу: всякій вечеръ она принуждена была встать съ постели, подойти къ свѣчѣ, и ловить меня у себя подъ рубашкою. Я прыгала по ея гладкимъ членамъ; она ловко стрѣляла въ меня пальчиками; я еще ловче ускользала изъ-подъ пальчиковъ, и щекотала ее подъ грудью, и вдругъ уходила на желудокъ, и, въ два прыжка очутясь по другую сторону тѣла, больно щипала ее сзади. Очень было весело!... Однажды, гуляя по бѣлой, жирной ножкѣ мандаринши, повстрѣчалась я съ другой блохою, молодою, прекрасною, очаровательною въ полномъ смыслѣ слова, и влюбилась въ нее безъ памяти. Страсть моя тронула нѣжное ея сердце, и мы нѣсколько дней утопали въ небесномъ блаженствѣ на вышеупомянутой ножкѣ. Но судьба не долго дозволила намъ наслаждаться пламенною нашею любовью. Коварная мандаринша поймала мою маленькую любовницу на своемъ толстомъ колѣнѣ, и раздавила ее безчеловѣчно. Жестокая!!.. Я поклялась отмстить ей. Она всякую почти ночь тихонько вставала съ постели, и выходила въ

садъ—я знаю зачѣмъ! — гдѣ нерѣдко оставалась по два и по три часа. Въ первый разъ, какъ послѣ убійства моего безцѣннаго друга, ушла она туда по обыкновенію, я укусила мужа ея такъ сильно, что онъ проснулся. Пробужденный мандаринъ, не находя жены въ постели, всталъ, пошелъ въ уголъ, взялъ свой казенный бамбукъ, и опять легъ на кровати. Когда мандаринша воротилась и осторожно подняла одѣяло, чтобъ занять прежнее свое мѣсто, разгнѣванный супругъ схватилъ ее за руку, и сталъ бить бамбукомъ изо всей силы, на чтò имѣлъ онъ полное право по «Уставу о десяти тысячахъ церемоніяхъ». Мандаринша кричала; просила его перестать, пощадить ее; клялась, что никогда болѣе не сдѣлаетъ этого, что онъ уже искоренилъ весь грѣхъ, что она теперь будетъ любить его и будетъ ему вѣрна, какъ въ первую ночь по свадьбѣ. Мандаринъ не слушалъ, и колотилъ ее бамбукомъ на законномъ основаніи. Я прыгала отъ радости по всей кровати.

Китайская красавица догадалась, что вѣрно блохи разбудили ея мужа. По окончаніи расправы, нѣжно поцѣловавъ мандарина, она предложила ему обыскать постель. Они засвѣтили огонь, и, по-несчастію, поймали меня тотчасъ. Я погибла отъ руки человѣка, которому оказала такое благодѣяніе!... Неблагодарный! безъ меня онъ никогда бъ не зналъ, что онъ былъ мужъ въ оленьей шапкѣ!

Пришедъ въ судилище Хормузды, я уже не смѣла возвысить голоса, чтобъ опять проситься въ собаки, и съ покорнымъ видомъ ожидала изъ-

явленія его воли. Мнѣ суждено было таскаться четыре столѣтія по тѣламъ разныхъ животныхъ, за то, что я только сорокъ лѣтъ была знаменитымъ человѣкомъ. Разставшись съ тѣломъ блохи, я получила назначеніе въ черепаху: она скоро попалась въ супъ à la tortue. Потомъ, я жила въ теленкѣ, подававшемъ о себѣ самыя блистательныя надежды: его въ цвѣтѣ юности зарѣзали жестокосердые мясники. Потомъ, сослали меня въ осла, въ которомъ вынесла я несмѣтное число ударовъ дубиною. Кто знаетъ, какъ долго влачила бъ я это бремя уничиженія, еслибъ однажды въ небѣ не случилось происшествія, котораго и самъ Хормузда не могъ предвидѣть. Всесовершеннѣйшій Шеккямуни, для своей потѣхи, приказалъ блаженной Маньджушри, въ одномъ, очень темномъ, уголку земли вдругъ разлить свѣтъ просвѣщенія. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, что̀ люди будутъ дѣлать, внезапно почувствовавъ себя просвѣщенными и образованными; какъ, протирая глаза, непривыкшіе къ свѣту, станутъ они важничать, дуться, нести вздоръ и удивляться своему уму. Великій Шеккямуни большой охотникъ посмѣяться!

Богиня грамоты была въ ужасныхъ хлопотахъ: она принуждена была, въ одно и то же время, и учить людей того уголка тибетской азбукѣ, и водворять у нихъ науки, и заводить академіи; дѣлать изъ нихъ чучелы великихъ писателей, и напередъ уже сочинять для нихъ «Исторію словесности», которой еще не было. Прибѣжавъ на Эльбурджъ, когда и я тамъ находилась, она сказала второпяхъ, что уже составила планъ славнаго со-

чинителя, такого именно, какой ей нуженъ; что даже есть на то у нея въ виду одинъ предпріимчивый юноша, который уже родился и начнетъ писать книги, какъ скоро немножко поучится грамотѣ; что между-тѣмъ она откроетъ подписку на его сочиненія, но не знаетъ откуда взять для него подписчиковъ. Въ заключеніе, она потребовала отъ Хормузды отпуска ей значительнаго количества душъ на составленіе для него рати благосклонныхъ читателей. Хормузда отвѣчалъ съ досадою, что эти потѣхи всесовершеннѣйшаго крайне растроиваютъ порядокъ, предписанный «Книгою Судебъ»; что у него нѣтъ другихъ свободныхъ душъ, кромѣ тѣхъ, которыя видитъ она въ судилищѣ: онѣ вышли изъ разныхъ тѣлъ, какъ двуногихъ, такъ и четвероногихъ, и даже безногихъ, и, когда ей угодно, она можетъ взять хоть всѣхъ ихъ, на потребность заготовленія читателей для своего сочинителя: но если отъ этихъ чтеній, да просвѣщеній, произойдетъ неисправность въ животномъ царствѣ, и нужное для порядка вселенной число скотовъ окажется неполнымъ, то онъ напередъ проситъ извиненія въ томъ у великаго Шеккямуни. Маньджушри возразила, что это не ея дѣло; что ея обязанность смотрѣть за процвѣтаніемъ грамоты, и, что еслибъ она управляла великою тайною перерожденія и переселенія, то всѣ эти души, которыя Хормузда такъ щедро отпускаетъ животнымъ, перевела бъ въ членовъ разныхъ ученыхъ сословій. Она поспѣшно собрала всѣхъ насъ въ мѣшокъ, и отправилась на землю.

Проча насъ въ благосклонныхъ читателей, бла-

женная Маньджушри напередъ выварила насъ въ маковомъ молокѣ, чтобъ сдѣлать сонливыми; потомъ, высушила на солнцѣ какъ листъ бумаги, выгладила тяжелымъ утюгомъ эстетики, посыпала чувствительностью и восхищеніемъ, и распредѣлила по разнымъ младенческимъ головамъ. Лѣтъ черезъ двадцать выросла изъ насъ страшная туча читателей. Мы читали все, что̀ только попадалось намъ въ руки; читали, восхищались, плакали, зѣвали, дремали надъ книгою, и наконецъ спали; потомъ просыпались, и опять читали, и опять восхищались, и опять зѣвали, и опять.... спали какъ сурки! Мы не удержали въ головѣ ни одной строки того, что̀ прочитали; но сдѣлали пропасть литературныхъ репутацій, привозгласили множество писакъ геніями, и составили громкую славу словесности, который все еще на-лицо не имѣлось. Мы глотали книги, какъ пилюли, нисколько не заботясь объ ихъ достоинствѣ; съ равнымъ апетитомъ истребляли всѣ мысли и всѣ безсмыслицы, набросанныя на бумагу; пожирали печатный умъ съ истинною жадностью саранчи. Въ обществѣ появились жаркіе споры объ изящномъ, колкія критики, напыщенныя похвалы, литературныя сплетни и закулисныя интриги: словомъ, всѣ признаки суетящагося просвѣщенія—но просвѣщеніе не дѣлало ни малѣйшаго шагу впередъ, и всего едва три или четыре книги были достойны чтенія. За всѣмъ тѣмъ, мы безпрерывно читали, кричали, прославляли, какъ-будто имѣя дѣло съ первѣйшею литературою въ мірѣ. Мы отлично исполнили обязанности званія благосклонныхъ читателей. Блажен-

ная Маньджушри была весьма довольна нами. Она при помощи нашей сыграла такую забавную комедію просвѣщенія для потѣхи великаго Шеккямуни, что могущественнѣйшій изъ могучихъ хохоталъ какъ сумасшедшій. Болѣе всего насмѣшилъ его состряпанный ею славный сочинитель, для котораго нарочно произведены мы были въ читатели. Онъ былъ набитый невѣжда, но, по ея приказанію, писалъ обо всемъ съ удивительною храбростью и самонадѣянностью. Мы ничего не поняли въ его сочиненіяхъ, которыхъ и самъ онъ не понималъ, но увѣрили всѣхъ, что онъ знаменитый писатель, и тѣ, которые его не читали, были отъ него въ восторгѣ.

Оставивъ тѣло читателя, я сбиралась летѣть на Эльбурджъ, какъ вдругъ была поймана блаженною Маньджушри, которая вбила меня въ ученаго. Никогда еще не проводила я времени такъ скучно, какъ въ головѣ этого человѣка. Я здѣсь нашла даже менѣе для себя занятія, чѣмъ въ дуракѣ. Ученый мужъ никогда не вспомнилъ и не подумалъ обо мнѣ. Онъ только набивалъ свою голову свѣдѣніями, и свой желудокъ пищею; желудокъ не варилъ пищи, я не могла укусить вязкихъ и безвкусныхъ свѣдѣній. Не понимаю, начто и посылать насъ въ ученыхъ!... У нихъ довольно было бы повѣсить на мозгу гири, какъ въ стѣнныхъ часахъ, и онъ ходилъ бы прекрасно, наматывая на органы безконечныя свѣдѣнія, и качая память наподобіе маятника. Одинъ только разъ во всю жизнь зашевелилась я въ его головѣ. Нѣсколько человѣкъ спорили о наукахъ, и мой ученый сталъ

жарко доказывать необыкновенную важность и пользу предмета, которымъ исключительно занимался. Наскучивъ всегдашнимъ молчаніемъ, я вздумала вмѣшаться въ разговоръ: схватила совѣсть моего ученаго мужа, и уже хотѣла вскричать: — «Господа! не слушайте его; онъ вретъ!... Вотъ собственная его совѣсть; спросите у нея. Она вамъ скажетъ, что и самъ онъ не вѣритъ пользѣ предмета, въ которомъ роется сорокъ лѣтъ!»—Но мой ученый остановилъ меня на первомъ словѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня молчать, не дѣлать глупостей, не компрометировать его и его науки, и не обнаруживать этой великой тайны, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока выслужитъ онъ себѣ полный пенсіонъ: тогда, позволитъ онъ мнѣ высказать откровенно мое мнѣніе о пользѣ его предмета, и даже сослаться въ томъ на его совѣсть. Я замолчала, и легла спать на свѣдѣніяхъ.

Спустя два года, принесли ему какую-то старинную, оборванную книгу, которая, къ удивленію, не была ему извѣстна. Онъ чуть не сошелъ съ ума доставъ ее въ свои руки; бросился на нее съ жадностью голоднаго обжоры, и навалилъ изъ нея въ свою голову такую кучу засаленныхъ, задхлыхъ свѣдѣній, что для меня не осталось ни уголка мѣста. Я по-неволѣ должна была выскочить на чистый воздухъ. Онъ умеръ въ то же мгновеніе ока. Я уже не хотѣла болѣе возвращаться въ голову, стряхнула съ себя горькую пыль учености, счистила плесень старыхъ свѣдѣній, провѣтрилась и пустилась въ путь на Эльбурджъ.

Блаженная Маньджушри тотчасъ примѣтила, что

номъ покровительствѣ, какъ-нибудь попасться въ собакъ. Я сдѣлалась важнымъ лицомъ на Эльбурджѣ.

Какъ ни расположена я была къ благодѣяніямъ на пользу этихъ несчастныхъ, но мнѣ казалось, что прежде всего должна я подумать о себѣ, и, при первомъ удобномъ случаѣ, представила Хормуздѣ свое желаніе быть опредѣленною въ собаки. Къ крайнему огорченію, небесный судья нашелъ меня слишкомъ-честолюбивою и высокомѣрною, присовокупивъ, что я еще недавно поступила въ дѣятельныя души вселенной, мало знаю психологическую службу, и не имѣю права вдругъ требовать для себя такого высокаго мѣста. Однакожъ, онъ обѣщалъ, что со-временемъ окажетъ мнѣ эту милость, а между-тѣмъ, какъ черезъ нѣсколько дней долженъ родиться на землѣ весьма значительный историческій человѣкъ, то, за отличіе, пошлетъ меня жить въ его тѣлѣ.

Такимъ образомъ, изъ дубины, перешла я въ знаменитаго человѣка. Голова его была устроена по старинному плану славныхъ историческихъ головъ: черепъ толстый, мозгъ мягкій, безъ всякой упругости, какъ-будто нарочно сдѣланный для того, чтобы любимцы удобнѣе рисовали по немъ пальцемъ свои понятія и виды; множество органовъ для производства шуму въ свѣтѣ и изумленія въ людяхъ; никакихъ почти орудій для выдѣлки собственныхъ своихъ мыслей, и, сверхъ того, пропасть пустаго мѣста на складку самолюбія и гордости. Поселясь въ этой головѣ, я непремѣнно желала дѣйствовать на славу, чтобъ оправ-

дать довѣріе Хормузды и заслужить дальнѣйшую его милость. По-несчастію, я была ужасно упитана крѣпкимъ сыромятнымъ духомъ дерева, въ которомъ жила прежде, и, когда ввели меня въ управленіе головою знаменитаго человѣка, я вышла настоящая дубина!... Я не умѣла и ступить; я чувствовала свою неповоротливость, лѣность, неловкость, тупость—а тутъ нужда велитъ непремѣнно быть знаменитою!... а тутъ надо изумлять свѣтъ своими подвигами, потому-что въ «Книгѣ Судебъ» написано, что мой человѣкъ долженъ называться на землѣ великимъ!!.. Я металась, напрягала всѣ силы, мучилась, и ничего не могла произвести. Наконецъ, съ отчаянія, не зная что̀ дѣлать, я закрутила однимъ-разомъ всѣми органами исторической головы. Вдругъ, отъ общаго движенія мозговыхъ колесъ, произошелъ въ ней страшный шумъ; онъ отразился грохотомъ по всѣмъ пустымъ головамъ, стоявшимъ къ ней поближе; глупости и событія градомъ посыпались изъ нея на общество; люди перепугались, остолбенѣли, и выпучили на насъ глаза, не понимая, что̀ это значитъ и что̀ о томъ думать. Я и сама перепугалась; но проныры, мигомъ сбѣжавшіеся отвсюду на ловлю поживы въ поднятой мною суматохѣ, проворно подобрали всѣ эти событія и глупости, и объявили людямъ, что это удивительныя дѣла, безпримѣрные подвиги — и свѣтъ, въ попыхахъ, призналъ насъ знаменитыми. Онъ, можетъ-быть, скоро опомнился бы, и, примѣтивъ, что я крѣпко пахну дубиною, на другой день лишилъ бы насъ этого лестнаго званія; но поэты и современные

историки не дали ему времени оглянуться, ни перевести дыханія; засыпали ему глаза одами, забили ротъ біографіями, велѣли молчать и удивляться, а между-тѣмъ, поскорѣе записали насъ въ словарь великихъ людей, откуда бѣдный родъ человѣческій теперь и зубами насъ не выскоблитъ. Мы навсегда остались знаменитыми. «Книгѣ Судебъ» противиться невозможно!...

Достигнувъ знаменитости, я полагала, что все кончено, и что мнѣ остается только вкушать сладкіе плоды славы: я крѣпко ошибалась въ этомъ отношеніи. Съ того только времени и начались мои мученія: я должна была поддерживать свою знаменитость!... Люди не вѣрили ни уму, ни опытности, ни даже своимъ глазамъ, и хотѣли, чтобы моя знаменитость вела ихъ по излучистому пути жизни, за руку, какъ слѣпаго ребенка; чтобъ я за нихъ видѣла, думала, рѣшала и дѣйствовала. Это ужъ слишкомъ для исторической дубины!.. Но съ другой стороны, это ея обязанность: такъ устроенъ міръ, и великій Шеккямуни долженъ лучше знать, почему выдумалъ онъ историческихъ людей для рода человѣческаго. Я не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью, бывъ принуждена безпрестанно излагать свои мнѣнія, надѣлять всякаго совѣтами, принимать мѣры, и торжественно судить о происходящемъ. Но все, что̀ я ни говорила и ни дѣлала, было нелѣпо. Люди сначала думали, что это знаменито, и благоговѣли предъ моими нелѣпостями; но проныры, вѣрные спутники и подпоры знаменитости, по которой ползаютъ *они*, *какъ* черви по капустѣ которую гло-

жуть, и желали бы видѣть всегда покрытою новыми листьями славы, чтобъ опять глодать ихъ, —мои проныры были дальновиднѣе меня. Они испугались, опасаясь скораго упадка моей знаменитости, и принялись всѣми силами толковать мои нелѣпости въ хорошую сторону, прилагать для нихъ остроумныя причины, истреблять подлинныя объ нихъ свидѣтельства, выворачивать ихъ наизнанку, перелагать на глубокомысліе и высшіе взгляды, объяснять, коверкать, запутывать — и, когда запутали все такъ, что и самъ чортъ не открылъ бы слѣда первоначальныхъ формъ моихъ дѣйствій и изрѣченій въ этой кашѣ лжи, обмана, частныхъ самолюбій и народнаго тщеславія, я получила отъ нихъ рапортъ, что матеріялы для будущей моей исторіи уже готовы, и что теперь можно смѣло бросить ихъ въ лицо отдаленному потомству, съ тѣмъ, чтобы оно списало ихъ себѣ съ историческою точностію, подвело годы и числа, расположило по порядку, и, важно разсуждая объ нихъ какъ о несомнѣнной истинѣ, наслаждалось мыслію, что имѣетъ точное понятіе о прошедшемъ.

Обезпеченная происками чужой жадности и чужаго честолюбія со стороны слабоумнаго, но хвастливаго потомства — признаюсь тебѣ, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, что я не знаю бо́льшей дубины въ свѣтѣ, не могу представить себѣ ничего глупѣе, напыщеннѣе и невѣжественнѣе вашего безпристрастнаго потомства! — утомленная безпрерывными усиліями всегда казаться людямъ великою, *я убѣдилась*, что моя голова не-

способна къ предписанной роли, и, по примѣру другихъ историческихъ душъ, взяла къ себѣ въ помощь двѣ секретарскія души. Онѣ славно умѣли думать по заданной темѣ, вырѣзывать изъ куска брошенной имъ несообразности замысловатые узоры, и, что̀ всего важнѣе, ловко скрывать отъ исторіи всю истину. Онѣ приняли на свое попеченіе довести мою знаменитость до опредѣленной меты, и обѣщали исчезнуть сами во мракѣ ничтожества, чтобъ не затмить моей славы. Съ-тѣхъ-поръ, я начала отдыхать въ головѣ знаменитаго человѣка, и, вѣроятно, спала бы въ ней спокойно и долго, еслибъ онъ, однажды, невзначай не лопнулъ отъ гордости, или, какъ мои секретари увѣрили исторію, отъ человѣколюбія. Но онъ лопнулъ и я преставилась.

Я прибыла на Эльбурджъ надушенная самолюбіемъ, и воображала себѣ, что теперь ужъ непремѣнно буду собакою. Я смотрѣла съ презрѣніемъ на всѣ души, и гордо сгоняла ихъ съ дороги, пробираясь къ престолу Хормузды. Представь же себѣ, добрый лама, мое огорченіе, когда грозный судья встрѣтилъ меня этими словами:—«Ну, голубушка!... надѣлала же ты глупостей на землѣ! Какъ ты смѣла навалить на себя такую кучу грѣха?...»—Я поблѣднѣла. Длинный рядъ преступленій, которыя пустили мы въ исторію подъ именемъ достославныхъ подвиговъ, вдругъ развернулся предо мною, и ужаснулъ меня своимъ грязнымъ, кровавымъ, отвратительнымъ видомъ. Я ожидала для себя жесточайшаго наказанія, ссылки въ какое-нибудь чудовище предъ-адской пе-

щеры, даже обращенія въ чорта, и сочла себя чрезвычайно-счастливою, когда, изъ великаго человѣка, велѣли мнѣ только переселиться въ блоху. Я немедленно слетѣла на землю, и влѣзла въ это маленькое, веселое насѣкомое.

Будучи блохою, я обитала въ постели одного китайскаго мандарина, женатаго на молодой красавицѣ и ревниваго какъ верблюдъ. Кожа у мандаринши была прелестная, кровь сладкая какъ медъ. Я жила прекрасно. Величайшее мое удовольствіе состояло въ томъ, чтобъ бѣсить красавицу: всякій вечеръ она принуждена была встать съ постели, подойти къ свѣчѣ, и ловить меня у себя подъ рубашкою. Я прыгала по ея гладкимъ членамъ; она ловко стрѣляла въ меня пальчиками; я еще ловче ускользала изъ-подъ пальчиковъ, и щекотала ее подъ грудью, и вдругъ уходила на желудокъ, и, въ два прыжка очутясь по другую сторону тѣла, больно щипала ее сзади. Очень было весело!... Однажды, гуляя по бѣлой, жирной ножкѣ мандаринши, повстрѣчалась я съ другой блохою, молодою, прекрасною, очаровательною въ полномъ смыслѣ слова, и влюбилась въ нее безъ памяти. Страсть моя тронула нѣжное ея сердце, и мы нѣсколько дней утопали въ небесномъ блаженствѣ на вышеупомянутой ножкѣ. Но судьба не долго дозволила намъ наслаждаться пламенною нашею любовью. Коварная мандаринша поймала мою маленькую любовницу на своемъ толстомъ колѣнѣ, и раздавила ее безчеловѣчно. Жестокая!!.. Я поклялась отмстить ей. Она всякую почти ночь тихонько вставала съ постели, и выходила въ

садъ—я знаю зачѣмъ! — гдѣ нерѣдко оставалась по два и по три часа. Въ первый разъ, какъ послѣ убійства моего безцѣннаго друга, ушла она туда по обыкновенію, я укусила мужа ея такъ сильно, что онъ проснулся. Пробужденный мандаринъ, не находя жены въ постели, всталъ, пошелъ въ уголъ, взялъ свой казенный бамбукъ, и опять легъ на кровати. Когда мандаринша воротилась и осторожно подняла одѣяло, чтобъ занять прежнее свое мѣсто, разгнѣванный супругъ схватилъ ее за руку, и сталъ бить бамбукомъ изо всей силы, на что̀ имѣлъ онъ полное право по «Уставу о десяти тысячахъ церемоніяхъ». Мандаринша кричала; просила его перестать, пощадить ее; клялась, что никогда болѣе не сдѣлаетъ этого, что онъ уже искоренилъ весь грѣхъ, что она теперь будетъ любить его и будетъ ему вѣрна, какъ въ первую ночь по свадьбѣ. Мандаринъ не слушалъ, и колотилъ ее бамбукомъ на законномъ основаніи. Я прыгала отъ радости по всей кровати.

Китайская красавица догадалась, что вѣрно блохи разбудили ея мужа. По окончаніи расправы, нѣжно поцѣловавъ мандарина, она предложила ему обыскать постель. Они засвѣтили огонь, и, по-несчастію, поймали меня тотчасъ. Я погибла отъ руки человѣка, которому оказала такое благодѣяніе!... Неблагодарный! безъ меня онъ никогда бъ не зналъ, что онъ былъ мужъ въ оленьей шапкѣ!

Пришедъ въ судилище Хормузды, я уже не смѣла возвысить голоса, чтобъ опять проситься *въ собаки*, и съ покорнымъ видомъ ожидала изъ-

явленія его воли. Мнѣ суждено было таскаться четыре столѣтія по тѣламъ разныхъ животныхъ, за то, что я только сорокъ лѣтъ была знаменитымъ человѣкомъ. Разставшись съ тѣломъ блохи, я получила назначеніе въ черепаху: она скоро попалась въ супъ à la tortue. Потомъ, я жила въ теленкѣ, подававшемъ о себѣ самыя блистательныя надежды: его въ цвѣтѣ юности зарѣзали жестокосердые мясники. Потомъ, сослали меня въ осла, въ которомъ вынесла я несмѣтное число ударовъ дубиною. Кто знаетъ, какъ долго влачила бъ я это бремя уничиженія, еслибъ однажды въ небѣ не случилось происшествія, котораго и самъ Хормузда не могъ предвидѣть. Всесовершеннѣйшій Шеккямуни, для своей потѣхи, приказалъ блаженной Маньджушри, въ одномъ, очень темномъ, уголку земли вдругъ разлить свѣтъ просвѣщенія. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, что̀ люди будутъ дѣлать, внезапно почувствовавъ себя просвѣщенными и образованными; какъ, протирая глаза, непривыкшіе къ свѣту, станутъ они важничать, дуться, нести вздоръ и удивляться своему уму. Великій Шеккямуни большой охотникъ посмѣяться!

Богиня грамоты была въ ужасныхъ хлопотахъ: она принуждена была, въ одно и то же время, и учить людей того уголка тибетской азбукѣ, и водворять у нихъ науки, и заводить академіи; дѣлать изъ нихъ чучелы великихъ писателей, и напередъ уже сочинять для нихъ «Исторію словесности», которой еще не было. Прибѣжавъ на Эльбурджъ, когда и я тамъ находилась, она сказала второпяхъ, что уже составила планъ славнаго со-

чинителя, такого именно, какой ей нуженъ; что даже есть на то у нея въ виду одинъ предпріимчивый юноша, который уже родился и начнетъ писать книги, какъ скоро немножко поучится грамотѣ; что между-тѣмъ она откроетъ подписку на его сочиненія, но не знаетъ откуда взять для него подписчиковъ. Въ заключеніе, она потребовала отъ Хормузды отпуска ей значительнаго количества душъ на составленіе для него рати благосклонныхъ читателей. Хормузда отвѣчалъ съ досадою, что эти потѣхи всесовершеннѣйшаго крайне растроиваютъ порядокъ, предписанный «Книгою Судебъ»; что у него нѣтъ другихъ свободныхъ душъ, кромѣ тѣхъ, которыя видитъ она въ судилищѣ: онѣ вышли изъ разныхъ тѣлъ, какъ двуногихъ, такъ и четвероногихъ, и даже безногихъ, и, когда ей угодно, она можетъ взять хоть всѣхъ ихъ, на потребность заготовленія читателей для своего сочинителя: но если отъ этихъ чтеній, да просвѣщеній, произойдетъ неисправность въ животномъ царствѣ, и нужное для порядка вселенной число скотовъ окажется неполнымъ, то онъ напередъ проситъ извиненія въ томъ у великаго Шеккямуни. Маньджушри возразила, что это не ея дѣло; что ея обязанность смотрѣть за процвѣтаніемъ грамоты, и, что еслибъ она управляла великою тайною перерожденія и переселенія, то всѣ эти души, которыя Хормузда такъ щедро отпускаетъ животнымъ, перевела бъ въ членовъ разныхъ ученыхъ сословій. Она поспѣшно собрала всѣхъ насъ въ мѣшокъ, и отправилась на землю.

Проча насъ въ благосклонныхъ читателей, бла-

женная Маньджушри напередъ выварила насъ въ маковомъ молокѣ, чтобъ сдѣлать сонливыми; потомъ, высушила на солнцѣ какъ листъ бумаги, выгладила тяжелымъ утюгомъ эстетики, посыпала чувствительностью и восхищеніемъ, и распредѣлила но разнымъ младенческимъ головамъ. Лѣтъ черезъ двадцать выросла изъ насъ страшная туча читателей. Мы читали все, что̀ только попадалось намъ въ руки; читали, восхищались, плакали, зѣвали, дремали надъ книгою, и наконецъ спали; потомъ просыпались, и опять читали, и опять восхищались, и опять зѣвали, и опять.... спали какъ сурки! Мы не удержали въ головѣ ни одной строки того, что̀ прочитали; но сдѣлали пропасть литературныхъ репутацій, привозгласили множество писакъ геніями, и составили громкую славу словесности, который все еще на-лицо не имѣлось. Мы глотали книги, какъ пилюли, нисколько не заботясь объ ихъ достоинствѣ; съ равнымъ апетитомъ истребляли всѣ мысли и всѣ безсмыслицы, наброcанныя на бумагу; пожирали печатный умъ съ истинною жадностью саранчи. Въ обществѣ появились жаркіе споры объ изящномъ, колкія критики, напыщенныя похвалы, литературныя сплетни и закулисныя интриги: словомъ, всѣ признаки суетящагося просвѣщенія—но просвѣщеніе не дѣлало ни малѣйшаго шагу впередъ, и всего едва три или четыре книги были достойны чтенія. За всѣмъ тѣмъ, мы безпрерывно читали, кричали, прославляли, какъ-будто имѣя дѣло съ первѣйшею литературою въ мірѣ. Мы отлично исполнили обязанности званія благосклонныхъ читателей. Блажен-

ная Маньджушри была весьма довольна нами. Она при помощи нашей сыграла такую забавную комедію просвѣщенія для потѣхи великаго Шеккямуни, что могущественнѣйшій изъ могучихъ хохоталъ какъ сумасшедшій. Болѣе всего насмѣшилъ его состряпанный ею славный сочинитель, для котораго нарочно произведены мы были въ читатели. Онъ былъ набитый невѣжда, но, по ея приказанію, писалъ обо всемъ съ удивительною храбростью и самонадѣянностью. Мы ничего не поняли въ его сочиненіяхъ, которыхъ и самъ онъ не понималъ, но увѣрили всѣхъ, что онъ знаменитый писатель, и тѣ, которые его не читали, были отъ него въ восторгѣ.

Оставивъ тѣло читателя, я сбиралась летѣть на Эльбурджъ, какъ вдругъ была поймана блаженною Маньджушри, которая вбила меня въ ученаго. Никогда еще не проводила я времени такъ скучно, какъ въ головѣ этого человѣка. Я здѣсь нашла даже менѣе для себя занятія, чѣмъ въ дуракѣ. Ученый мужъ никогда не вспомнилъ и не подумалъ обо мнѣ. Онъ только набивалъ свою голову свѣдѣніями, и свой желудокъ пищею; желудокъ не варилъ пищи, я не могла укусить вязкихъ и безвкусныхъ свѣдѣній. Не понимаю, начто и посылать насъ въ ученыхъ!... У нихъ довольно было бы повѣсить на мозгу гири, какъ въ стѣнныхъ часахъ, и онъ ходилъ бы прекрасно, наматывая на органы безконечныя свѣдѣнія, и качая память наподобіе маятника. Одинъ только разъ во всю жизнь зашевелилась я въ его головѣ. Нѣсколько человѣкъ спорили о наукахъ, и мой ученый сталъ

жарко доказывать необыкновенную важность и пользу предмета, которымъ исключительно занимался. Наскучивъ всегдашнимъ молчаніемъ, я вздумала вмѣшаться въ разговоръ: схватила совѣсть моего ученаго мужа, и уже хотѣла вскричать: — «Господа! не слушайте его; онъ вретъ!... Вотъ собственная его совѣсть; спросите у нея. Она вамъ скажетъ, что и самъ онъ не вѣритъ пользѣ предмета, въ которомъ роется сорокъ лѣтъ!»—Но мой ученый остановилъ меня на первомъ словѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня молчать, не дѣлать глупостей, не компрометировать его и его науки, и не обнаруживать этой великой тайны, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока выслужитъ онъ себѣ полный пенсіонъ: тогда, позволитъ онъ мнѣ высказать откровенно мое мнѣніе о пользѣ его предмета, и даже сослаться въ томъ на его совѣсть. Я замолчала, и легла спать на свѣдѣніяхъ.

Спустя два года, принесли ему какую-то старинную, оборванную книгу, которая, къ удивленію, не была ему извѣстна. Онъ чуть не сошелъ съ ума доставъ ее въ свои руки; бросился на нее съ жадностью голоднаго обжоры, и навалилъ изъ нея въ свою голову такую кучу засаленныхъ, задхлыхъ свѣдѣній, что для меня не осталось ни уголка мѣста. Я по-неволѣ должна была выскочить на чистый воздухъ. Онъ умеръ въ то же мгновеніе ока. Я уже не хотѣла болѣе возвращаться въ голову, стряхнула съ себя горькую пыль учености, счистила плесень старыхъ свѣдѣній, провѣтрилась и пустилась въ путь на Эльбурджъ.

Блаженная Маньджушри тотчасъ примѣтила, что

я ускользнула изъ головы ученаго вѣдомства. Она погналась за мною. Я бросилась бѣжать стремглавъ отъ ея когтей. Она употребила всю свою быстроту, настигла меня почти у самой горы, поймала горстью, и опять потащила на землю. Я пищала въ ея рукѣ, просилась, заклинала ее отпустить меня въ судъ, говорила, что не хочу быть ученою, что надѣюсь быть собакою, что это ужасно лишать бѣдныя души пріобрѣтенныхъ ими заслугъ. Маньджушри не обратила никакого вниманія на мои жалобы, и всунула меня въ поэта. Для душъ, самое опасное дѣло, попасться въ ученый приходъ: это настоящій адъ!...

Я была въ отчаяніи, когда увидѣла голову, въ которой велѣли мнѣ обитать. Всѣ органы въ разстройствѣ, мозгъ вверхъ-дномъ, умственныя способности перебиты, перемѣшаны, разбросаны. Какъ жить въ этакой головѣ!... Но, что̀ всего болѣе удивило меня во внутреннемъ ея устройствѣ, чего не видала я ни въ какомъ другомъ мозгу, это чудная оковка понятій: на кончикѣ всякой мысли была насаженная острая чугунная стрѣлка форменнаго вида: по-монгольски эти стрѣлки называются «риѳмами». Когда пришлось дѣйствовать, я не знала на что̀ рѣшиться. Которымъ ни закручу органомъ, которую ни трону пружину, вдругъ летятъ, прыскаютъ, сыплются такія странныя мысли, что—хоть уходи вонъ изъ головы!... Мнѣ стало страшно смотрѣть, когда этотъ человѣкъ началъ еще списывать на бумагу всю эту чуху: я была увѣрена, что насъ сошлютъ въ домъ сумасшедшихъ. Списавъ, онъ еще раздѣлилъ ее на ко-

ротенькія строчки, ко всякой строчкѣ приплелъ по одному понятію съ форменною риторическою оковкою, и пустилъ ее въ свѣтъ въ этомъ видѣ. Будетъ бѣда!... подумала я себѣ. Но вышло напротивъ: людямъ это очень понравилось. Они даже сказали, что весь этотъ вздоръ напорола я; что я отразилась въ немъ какъ въ зеркалѣ; что, судя по этому вздору, я должна быть удивительна, пылка, сильна, прекрасна!... Много чести!—я отъ ней отказываюсь. Эти сужденія они по-татарски называли «критикою». Быть-можетъ, что это «критика»: я по-татарски не знаю. Знаю лишь то, что о подобныхъ вещахъ, не понимая великой тайны перерожденія, судить невозможно. Ахъ! еслибъ тѣ, которые пишутъ критики стиховъ, имѣли счастіе быть хоть Калмыками!...

Правда, этотъ человѣкъ мучилъ меня ужасно; дразнилъ меня, тормошилъ, рвалъ; выжималъ изъ меня всю чувствительность, жарилъ меня на огнѣ раздутыхъ мѣхами страстей, потомъ купалъ въ чернилахъ, и все просилъ у меня новыхъ мыслей. Иногда я кое-что ему и подшептывала; но онъ, распирая мои вдохновенія на бумагѣ своими чугунными стрѣлками, перетыкая ихъ условными своими понятіями, подбавляя къ нимъ тьму пустыхъ словъ, и рубя, кроша все это въ метрическую окрошку, совершенно уничтожалъ мое дѣло и замѣнялъ его своимъ искусствомъ. А люди все говорили, что это безподобно, что это навѣрное я диктую ему такія удивительныя вещи! Толкуй же съ ними!... Клянусь честію, моего тутъ не было и на копѣйку.

Но, видя, что люди такіе неугомонные охотники до этой шинкованной чепухи, я перестала совѣститься и принялась ворочать изо всей силы рукоятку испорченной умственный машины моего поэта. Ея колеса, жужжа, вертѣлись каждое въ свою сторону, задѣвались, лопались, засыпали все зданіе черепа своими осколками. Я не обращала на это вниманія. Они ломались, я ворочала; ворочала еще скорѣе, и наконецъ совершенно разстроила его голову. Но за то, въ короткое время, я намолола нѣсколько кулей презабавныхъ мыслей—такихъ дивныхъ, такихъ небывалыхъ, острыхъ, рогатыхъ, уродливыхъ, что, еслибъ великій Шеккямуни ихъ увидѣлъ, онъ какъ разъ подумалъ бы, что это опилки грѣха, и прогналъ бы меня въ адъ. Къ-счастію, онъ ихъ не примѣтилъ, ибо люди мигомъ расхватали ихъ съ неимовѣрною жадностію, выучили наизустъ, стали повторять на торжествахъ и пирахъ, и не находили словъ для выраженія своего восторга. Я убѣдилась, что люди выше всего цѣнятъ такія игрушки, которыя издаютъ шумные звуки. Одна только вещь удивляла меня въ этомъ случаѣ: почему они, тѣшась какъ мальчики, вырвавшіеся изъ юрты учителя, погремушками, которыя этотъ человѣкъ для нихъ дѣлалъ, превознося его за то похвалами, называя геніемъ, существомъ высшаго разряда, почти равнымъ великому Шеккямуни, жестокосердно отказывали ему въ просьбѣ о кускѣ хлѣба, и оставляли его въ нищетѣ?... Но въ то самое время, когда думала я о людяхъ, нищетѣ и *погремушкахъ*, раздался подлѣ меня страшный

громовый трескъ, и голова, въ которой преспокойно разсуждала я сама съ собою, развалилась, какъ разраженный о камень арбузъ. Я выскочила изъ нея въ ужасномъ испугѣ, и только тогда увидѣла, что мой поэтъ выстрѣлилъ себѣ въ лобъ изъ какой-то коротенькой свирѣли. Онъ упалъ на землю; я, покрытая славою, подобно свѣтлому метеору, рисующему огненную черту по лазури полночнаго неба, взлетѣла за облака въ вѣнцѣ яркихъ, нетлѣнныхъ лучей.

Въ этотъ разъ я какъ-то избавилась преслѣдованія безсовѣстной блаженной Маньджушри, и счастливо прибыла на Эльбурджъ. Недалеко отъ Хормуздова судилища, попалась мнѣ на встрѣчу одна знакомая душа, съ которою нѣкогда были мы большія пріятельницы. Она завела разговоръ по-монгольски.

— *Менду аморъ!*

— *Менду аморъ!*

— Откуда ты, любезнѣйшая?

— Изъ поэта. А ты откуда?

— Вѣстимо, отъ Хормузды. Была въ мудрецѣ; хотѣла въ собаку; взяли въ депутаты. Меня—знаешь!—посылаютъ въ законодатели, по выборамъ.... Что̀ это у тебя сіяетъ такъ прекрасно?

— Ничего!... Такъ!... Слава.

— Ахъ, какая хорошенькая вещица!... Откуда ты ее достала?

— Люди дали, вмѣсто состраданія, котораго требовалъ отъ нихъ поэтъ — видно потому, что она дешевле—и почти ничего имъ не стоитъ.

— Однакожъ, хоть дешева, да очень мила!... Ка-

кой блескъ!... Подари мнѣ ее. Не то помѣняйся со мною.

— Что̀ же ты мнѣ дашь?

— Дамъ тебѣ свой умъ: видишь какой славный, крѣпкій, прочный, основательный! Я — знаешь! — была въ необыкновенномъ мудрецѣ, и ужасно много нажила себѣ у него ума, который называлъ онъ своимъ невещественнымъ капиталомъ. А сколько промотали мы съ нимъ этого капиталу по предисловіямъ, по переднимъ, по пустякамъ!... Возьми, душенька, его: онъ некрасивъ, безъ блеска, но онъ тебѣ пригодится.

— Но онъ нуженъ будетъ тебѣ самой. Вѣдь ты идешь въ законодатели по выборамъ?

— Говорятъ, вовсе не нуженъ: тамъ думаютъ наперекоръ другъ другу и разсуждаютъ шариками. Жребій рѣшаетъ, что̀ умно и что̀ глупо. Помѣняйся, сестрица!

Я призадумалась. Мнѣ жалко было отдать ей такую блистательную игрушку, за какое-то тусклое, безцвѣтное, летучее вещество; но, разсудивъ, что блаженная Маньджушри легко узнаетъ меня по блеску, и готова опять запрятать въ какую-нибудь тяжелую или разстроенную голову, а съ умомъ, при случаѣ, могу даже сказаться непринадлежащею къ ученому вѣдомству, я согласилась на предложеніе моей знакомки. Она взяла поэтическую славу, и пошла сочинять для людей законы, а я, съ умомъ подъ мышкой, предстала предъ Хормузду.

Онъ тогда былъ занятъ головоломнымъ дѣломъ: судилъ душу одной актрисы, необыкновенной красавицы и кокетки, и никакъ не могъ добиться въ

ея жизни, гдѣ оканчивается комедія, и гдѣ начинаются собственныя ея дѣйствія. Душа утверждала, что ея тѣло всю жизнь играло только комедію; что она ни въ чемъ не согрѣшила, потому-что комедія не грѣхъ. Великій Хормузда хотѣлъ показать свой умъ, разобрать ея поступки, и сталъ въ тупикъ: онъ сознался, что никогда еще такое многосложное дѣло не поступало въ его разбирательство, и, не зная, какъ рѣшить, рѣшилъ наугадъ, переселеніемъ души актрисиной въ далай-ламу! Утомленный обсуживаніемъ этого казуса, онъ бросилъ «Книгу Судебъ», и прилегъ отдыхать на престолѣ. Тутъ онъ примѣтилъ меня.

— А, ты здѣсь?... Блаженная Маньджушри наконецъ тебя отпустила?

— Да, великій Хормузда!

— Ну, что̀? сказалъ онъ, смѣясь: весело жить въ ученыхъ головахъ? Э?

Надобно знать, что великій Хормузда большой врагъ просвѣщенія, и любитъ надосугѣ шутить надъ ученою частію. У него на этотъ счетъ есть своя поговорка, которую повторяетъ онъ при всякомъ случаѣ: «Какъ хотите вы искоренить грѣхъ, когда на землѣ всякой часъ издается новая книга?»...

— Ахъ, отецъ мой! воскликнула я печальнымъ голосомъ. Не доведи, Господи!... Я желала бы никогда въ нихъ не возвращаться!

— Очень вѣрю, примолвилъ онъ. Я тоже въ подобныя головы посылаю души только въ наказаніе. Всесовершеннѣйшій Шеккямуни покровительствуетъ *просвѣщенію*, утверждая, что грѣхъ есть

только слѣдствіе глупости. Въ такомъ случаѣ должно бы стараться объ уменьшеніи количества глупости, разлитой въ природѣ; но какъ хотите вы искоренить грѣхъ, когда на землѣ всякій часъ выходитъ новая книга?... Сколько лѣтъ было суждено тебѣ обитать въ животныхъ?

— Четыреста, великій Хормузда.

— А ты сколько въ нихъ обитала?

— Только сто лѣтъ, не считая ученой части.

— А по ученой части столько?

— Сто пятьдесятъ лѣтъ.

— Это считается вдвое, сказалъ онъ. Я приму тебѣ эти годы въ-зачетъ тѣхъ четырехъ-сотъ. И такъ ты выжила въ животныхъ все опредѣленное время.

— Выжила, великій Хормузда!

— Тѣмъ лучше. Я не пущу тебя болѣе въ историческія головы: ты большая проказница. Но, въ память того, что ты заслужила, будучи на землѣ дубиною, мы пріищемъ для тебя хорошее мѣсто, такое, которое даю только тѣмъ, кому хочу оказать благодѣяніе. Веди себя честно и добропорядочно, не плутуй, не финти, не верти такъ крѣпко слабыми людскими мозгами, такъ со-временемъ будешь у меня даже собакою.

Я поклонилась, и съ нетерпѣніемъ ожидала слѣдствія исполненія обѣта, сочиняя про себя самыя блистательныя догадки о томъ, какое это могло быть мѣсто, которымъ такъ дорожитъ великій Хормузда, что даетъ его только въ видѣ особенной милости. Онъ скоро сдержалъ слово, и опре-

дѣлилъ меня — въ несчастнаго! Я немножко удивилась выбору.

Взявъ умъ подъ мышку, я отправилась съ печальнымъ видомъ въ несчастнаго. На пути я старалась разсѣять себя мыслію, что, хотя судьба готовитъ мнѣ жестокія испытанія, по-крайней-мѣрѣ въ умѣ найду для себя товарища, забаву и утѣшеніе. Я вступила въ младенца, который былъ записанъ въ книгѣ Хормузды подъ этимъ зловѣщимъ именемъ. Въ день своего рожденія онъ уже былъ сирота. Его выбросили на улицу въ ненастную и холодную погоду, и, еслибъ ему не было суждено быть несчастнымъ, онъ бы вѣроятно тутъ же погибъ отъ холода; но состраданіе, съ нѣжными слезами на глазахъ, поспѣшило прислонить его къ теплой своей груди, чтобъ сохранить бѣдняжку для дальнѣйшихъ мученій. Юность его прошла въ нищетѣ и уничиженіи. Въ дѣтскихъ лѣтахъ онъ уже обнаруживалъ прекрасный нравъ и отличныя способности: всѣ его хвалили, всѣ предсказывали ему счастіе, успѣхи, богатство, но никто не тронулся съ мѣста, чтобъ помочь ему устроить себѣ приличное на землѣ существованіе. Онъ боролся съ голодомъ, наготою и пламенною страстію просвѣтить себя всѣмъ тѣмъ, что̀ только люди знали въ его время—и долженъ былъ безпрестанно протягивать къ нимъ руку, моля подаянія—то куска хлѣба, то нѣсколько свѣдѣній, которыя бросали они ему съ великодушнымъ презрѣніемъ, и которыя глоталъ онъ съ горькими слезами. Едва достигъ онъ совершеннаго возраста, какъ нѣкоторые его сограждане, примѣтивъ въ немъ отлич-

ный умъ, обогащенный истинною наукою, начали грабить тотъ и другую съ хищностью настоящихъ еретиковъ, бусурманъ, Киргизовъ, и, разграбивъ, безстыдно выдавать ихъ за свои собственные, а его самого прятать за высокимъ валомъ своей гордости и своего невѣжества. Онъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе драгоцѣннаго дара, принесеннаго мною съ неба, и не могъ долго стерпѣть подобнаго угнѣтенія: не смотря на свою скромность, движимый чувствомъ своего достоинства и сильный чистотою своихъ намѣреній, хотѣлъ употребить свой умъ отъ собственнаго своего имени, и явно обратить его на пользу всего общества. Онъ выступилъ на поприще, и сталъ дѣйствовать умомъ: тогда только узнала я въ полной мѣрѣ, какъ безсовѣстно обманула меня моя пріятельница, и какой опасный подарокъ дала я этому бѣдному, честному добродѣтельному человѣку!... Невѣжество и порокъ испугались его появленія, и возстали противъ него съ несмѣтною стаею предразсудковъ, лютыхъ, алчныхъ, отвратительныхъ, получающихъ грубый свой кормъ съ ихъ руки, и грязнымъ языкомъ своимъ лижущихъ развратную ихъ руку. Зависть и пронырство, по ихъ приказанію, мигомъ окинули его длинною своею сѣтью. Клевета, вѣчно сидящая на ихъ плечѣ подобно обученному соколу, при первомъ ихъ мановеніи налетѣла на него съ остервенѣніемъ, впилась въ него своими когтями, и нечистымъ клювомъ стала терзать его сердце, выдергивать по-одиначкѣ его надежды, тормошить его совѣсть и рвать по кускамъ его мнѣнія. Гонители тщательно подобрали эти куски, и составили

изъ нихъ уродливое обвиненіе. Всѣ его предначертанія, усилія и дѣйствія были столкнуты съ высоты, на которую возвелъ ихъ его умъ, были уронены и опрокинуты, и каждое изъ нихъ упало прямо на его голову съ огромною тяготительною силою несчастія. Тщетно благородныя души старались защитить его невинность, возстановить цѣну его дарованій, утѣшить его въ печали: невѣжество и порокъ превратили честныя ихъ старанія въ новыя для него несчастія. Вторично спущенная съ ихъ руки клевета бросилась на него съ удвоенною яростью, и онъ былъ объявленъ опаснымъ человѣкомъ. Смрадное подземелье осталось единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ люди дозволили ему обитать на землѣ. И когда высшая мудрость исторгла его оттуда, когда, убѣдясь въ его благонамѣренности, пожелала отдать ему справедливость, и заставить невѣжество и порокъ любить и почитать его, невѣжество и порокъ кинулись оба вмѣстѣ цѣловать его отъ всего сердца, просить у него извиненія, клясться въ своей дружбѣ, обнимать съ умиленіемъ, и — удушили его въ своихъ объятіяхъ. То было одно счастіе, которое испыталъ онъ на свѣтѣ, и я давно желала ему кончины, чтобъ прекратить и его и мои мученія.

Я претерпѣла въ немъ неслыханное горе: благодаря клеветѣ, онъ былъ несчастенъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни—въ своихъ предпріятіяхъ, чувствованіяхъ, надеждахъ, въ дружбѣ, любви, супружествѣ, и даже въ дѣтяхъ своихъ. Удушивъ его, невѣжество и порокъ пошли еще за его тѣломъ на кладбище, чтобы ядовитыми, купоросны-

ми своими слезами оросить, запятнать и пережечь чистую его память, чтобъ поругаться адскимъ своимъ состраданіемъ надъ его бѣдною могилою. Они имѣли дерзость сказать, стоя на его прахѣ:—«Конечно! Онъ былъ человѣкъ добрый и честный, но его умъ былъ дуракъ. Еслибъ умъ его былъ уменъ, то сидѣлъ бы смирно, не вмѣшиваясь ни во что̀, не обнаруживая даже того, что онъ живетъ на свѣтѣ, и отвѣчая на все: «Мое дѣло сторона!»

Ахъ, негодяи!...

Я такъ была огорчена воспоминаніями объ ужасныхъ, безпрерывныхъ страданіяхъ, которыя безвинно навлекла на него своимъ подаркомъ, что, по его смерти, тотчасъ сгребла въ охладѣлой головѣ весь умъ, до послѣдней крошки, и унесла его съ собою на Эльбурджъ, рѣшась отыскать мою коварную пріятельницу, и бросить ей его въ лицо, съ кучею самыхъ сердитыхъ монгольскихъ ругательствъ. Хормузда принялъ меня очень ласково. Онъ расхвалилъ меня при всѣхъ за мое поведеніе, за мою терпѣливость, скромность, преданность волѣ судьбы и множество другихъ добродѣтелей, и объявилъ, что теперь непремѣнно опредѣлитъ меня въ собаку, благороднѣйшее созданіе въ мірѣ послѣ далай-ламы и трехъ великихъ хутухтъ, достойное по своимъ высокимъ качествамъ того уваженія, которое оказываютъ ему всѣ просвѣщенные кочующіе народы. Я была въ восхищеніи, и съ торжественною осанкою принимала поздравленія подсудимыхъ душъ, которыя, скрытно завидуя моему счастію, встрѣчали меня привѣтливыми словами: Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ!—и под-

носили таинственные лотосовые цвѣты или винноягодные листья. Для полнаго моего блаженства не доставало только, чтобъ моя пріятельница тоже явилась ко мнѣ съ поздравленіемъ, и чтобы я принимая отъ нея лотосовый цвѣтокъ, невзначай треснула ее по лбу своимъ умомъ, и сказала:—*Этси гени маха иде!* «Ѣшь тѣло твоего отца, плутовка»!... Но я свѣдала, что ея не было на Эльбурджѣ: законодатель по выборамъ, въ тѣло котораго она отправилась, умеръ скоропостижно, объѣвшись министерскихъ трюфелей, и она была приговорена Хормуздою къ переселенію въ ворону. Извѣстно, что вороны живутъ вдесятеро долѣе противъ законодателей по выборамъ, лѣтъ по триста и по четыреста: итакъ не было никакой надежды скоро увидѣться съ нею на Эльбурджѣ. Я вздохнула, подумавъ, что моя блистательная поэтическая слава сидитъ теперь гдѣ-нибудь на мертвомъ ослѣ и клюетъ обезглавленную женщину!...

Мнѣ было обѣщано мѣсто въ собакѣ; но я не обратила вниманіе на то, что Хормузда, произнося это благосклонное рѣшеніе, прибавилъ къ нему обыкновенную свою фразу: «буде не встрѣтится никакихъ законныхъ тому препятствій». Съ перваго взгляда, она кажется совершенно справедливою, но, въ сущности, большая часть неисправностей, случающихся во вселенной, ей должна быть приписана. Спустя нѣсколько недѣль, я напомнила Хормуздѣ объ его обѣщаніи.

— Погоди, матушка!... отвѣчалъ онъ мнѣ съ нетерпѣніемъ. Есть законное препятствіе. Теперь осень, а *собаки щенятся* только весною. Я не могу

же нарушить кореннаго закона природы изъ уваженія къ твоимъ добродѣтелямъ!...

Нечего сказать: въ этотъ разъ препятствіе было совершенно-законное!... Я рѣшилась терпѣливо ожидать весны. Я искала развлеченія въ прогулахъ по волшебнымъ рощамъ Эльбурджа, вѣчно завѣшаннаго пышнымъ покрываломъ пахучихъ и неувядающихъ цвѣтовъ, и дважды въ мѣсяцъ являлась въ судилище Хормузды, чтобъ напомнить ему о себѣ. Мнѣ было тяжело таскать съ собою повсюду свой умъ: я хотѣла какъ-нибудь спустить его съ рукъ, но никто не соглашался принять его отъ меня. Въ одну изъ моихъ прогулокъ, подошла ко мнѣ знакомая душа, и стала прощаться со мною: ей велѣно было отправиться въ слона.

— Прощай, родная! сказала она грустно. Теперь не скоро увидимся мы съ тобою. Ахъ, какая скука!... Эти слоны живутъ такъ долго, такъ долго!... какъ богатыя тетушки!...

— Но они весьма благородныя животныя, примолвила я.

— Чтò пользы, просидѣть три столѣтія въ благородномъ скотѣ! возразила душа. Между-тѣмъ нѣтъ никакой надежды на повышеніе....

— Но, говорятъ, въ слонахъ очень весело жить душамъ, замѣтила я: они чрезвычайно умны, основательны, степенны.... Вотъ, знаешь ли что такое?—я тебѣ дамъ славную игрушку! Будешь, по-крайней-мѣрѣ, имѣть чѣмъ забавляться въ теченіе этого времени. На! возьми это!...

— Чтò это такое?... Умъ! вскричала она, и расхохоталась. Ха, ха, ха, ха!... Кто тебѣ далъ его?

— Одна пріятельница.

— Поддѣла же она тебя!... Знаешь ли, что̀ это такое? Это.... да это самый опасный умъ, какой только есть въ обращеніи въ одушевленной природѣ! Всѣ души избѣгаютъ его, какъ дьявола. Если которой изъ нихъ случайно онъ достанется, она тотчасъ старается подсунуть его другой, особенно неопытной или вновь вынутой изъ амбара душѣ, чтобъ только отъ него избавиться. Умовъ есть пропасть въ обращеніи, но всѣ они разведены чѣмъ-нибудь; а это умъ чистый, безъ всякой примѣси. Ты вѣрно не знала, что чистый, прямой умъ есть самый сильный ядъ въ природѣ?

— Признаться по совѣсти, не знала.

— То-то и есть! Ума никогда не должно употреблять иначе, какъ въ микстурѣ. Надо развести его пополамъ, или въ третьей долѣ, съ глупостью, или съ лицемѣрствомъ, или съ пѣнникомъ; но всего лучше съ эгоизмомъ; или слегка разлить его подлостью, не то хоть растворить въ шутовствѣ—тогда онъ весьма пріятенъ, вкусенъ, милъ, и дорого цѣнится. Но умъ чистый, настоящій, № 1, безъ подливки, безъ соуса—упаси тебя всесовершеннѣйшій отъ такого мухомора! Какъ разъ отравишь имъ и себя, и того, въ кого переселишься. Не даръ, а несчастіе!...

— Что̀ же мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить куда-нибудь, въ кустъ крапивы?... Это строжайше запрещено. Въ собаку идти съ нимъ невозможно: неравно она взбѣсится отъ такого крѣпкаго ума.... Возьми его, сестрица!

— Шутишь ты, что ли?

— Возьми, голубушка:... Ты опытна, проучена, мастерица на всякія уловки....

— Да!... Конечно! Я живала въ сутягахъ, и во взяточникахъ, и въ лисицахъ, и въ Грекахъ... Была даже въ кухаркахъ, и сама ходила на рынокъ за провизіею. Послѣ того была въ ослѣ, который потомъ сдѣлался важнымъ человѣкомъ....

— Вотъ видишь!... Притомъ, ты теперь опредѣляешься въ слона. У слона, голова какъ рига: ты куда-нибудь запрячешь его въ ней....

— Правда, что мѣста въ слонѣ довольно, сказала моя знакомка, нѣсколько призадумавшись: но все-таки...! Развѣ ужъ развести этотъ умъ зоологіею, чтобъ его притупить и сдѣлать безопаснымъ?... Ну, такъ и быть! Пріятельницѣ отказать невозможно. Давай мнѣ его!... Можетъ-статься, я какъ-нибудь вплету его въ хоботъ. Ежели мнѣ удастся это сдѣлать, мы съ слономъ пойдемъ въ Европу представлять ученую скотину, и пріобрѣтемъ въ свѣтѣ лестную знаменитость. Прощай, любезнѣйшая; не забывай обо мнѣ. Я только для тебя это дѣлаю, что беру такую напасть....

Отдѣлавшись отъ ума, я такъ была обрадована, какъ-будто возродилась на свѣтъ однимъ изъ тридцати трехъ великихъ тегри. Весело порхая и припрыгивая, вертясь въ воздухѣ и кувыркаясь по цвѣтамъ, я направилась къ судилищу, гдѣ давно уже не бывала. Въ судѣ, душъ было очень немного; посыльные тегри играли подъ деревомъ въ шахматы, оборотясь задомъ къ собранію; Хормузда читалъ «Книгу Судебъ», не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Я увидѣла нѣсколько знакомыхъ душъ,

которыя, подобно мнѣ, дожидались съ своими заслугами, пока собаки начнутъ щениться: онѣ сидѣли на символическомъ фиговомъ деревѣ, растущемъ въ видѣ зерцала передъ престоломъ страшнаго судьи, и я присѣла рядкомъ, на вѣточкѣ. Начался новый разговоръ. Я стала разсказывать имъ приключенія мои съ умомъ: какъ мнѣ его навязали, и сколько потерпѣла я отъ него, и какъ одно плутовка, душа, взяла его отъ меня, чтобъ показать съ нимъ скотскія штуки передъ образованными людьми. Мои слушательницы помирали со смѣху отъ этого разсказа, который нарочно старалась я прикрасить разными потѣшными околичностями, какъ вдругъ Хормузда прокашлялся, и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Теперь долженъ родиться на землѣ умный человѣкъ!

Не разслышавъ хорошенько, что̀ такое онъ произнесъ, я оглянулась на него. Когда опять оборотилась я къ своимъ собесѣдницамъ, ихъ уже не было на деревѣ: онѣ исчезли какъ молнія, и я примѣтила, что и прочія, бывшія въ судѣ, души, прячутся и уходятъ одна за другою. Я удивилась, не понимая, что̀ это значитъ, и, съ любопытства, вскочила на верхушку дерева, чтобъ удобнѣе видѣть происходящее. Хормузда приподнялъ голову, провелъ суровый взглядъ по судилищу, и грозно закричалъ играющимъ тегри:

— Чтожъ вы сидите, миѳологическіе скоты?... Вамъ говорятъ, что теперь очередь родиться на свѣтъ умному человѣку!

Тегри сорвались съ мѣста. Они небрежно по-

глядѣли кругомъ себя, и одинъ изъ нихъ, подходя къ престолу судьи, сказалъ:

— Великій Хормузда — да усилится порядокъ вселенной отъ вашего благоразумія! — долгомъ считаемъ представить, для пользы вашей службы, что для умнаго человѣка нѣтъ ни одной души въ небѣ. Не прикажете ли доложить о томъ могущественнѣйшему изъ могучихъ, и попросить объ отсрочкѣ появленія умнаго человѣка въ мірѣ до удобнѣйшаго случая?

— Ахъ, вы, мерзавцы! закричалъ онъ на весь Эльбурджъ: неужъ-то не видите, что душъ много, но что онѣ уходятъ? Ловите ихъ!...

Тегри бросились за бѣгущими. Они долго гонялись за душами по воздуху, во всѣхъ направленіяхъ, и ни одной не захватили. Прежній ораторъ опять явился съ докладомъ:

— Великій Хормузда! смѣемъ донести, для пользы вашей службы, что никакъ нельзя ихъ поймать. Онѣ спасаются за синее, за горькое море, за мглы, за туманы, гдѣ никто ихъ не отыщетъ. Вы напрасно объявили, кто такой долженъ родиться. Онѣ смерть боятся быть посланными въ умныхъ людей и имѣть дѣло съ умомъ человѣческимъ.

— Не разсуждай, болванъ! воскликнулъ Хормузда. Сколько разъ говорено тебѣ, что для порядка вселенной, разсужденія строжайше запрещены въ нашей миѳологіи. Ищите мнѣ душъ повсюду, не то я васъ, байбаки!... Вотъ одна!... вотъ, вотъ на деревѣ!... быстро присовокупилъ онъ, пре-

рывая свои угрозы и указывая на меня пальцемъ. Берите ее!... Берите!... ловите!... Уйдетъ!

При первомъ его словѣ, я уже удрала съ дерева, на которомъ считала себя въ безопасности, по глупому довѣрію къ святости его обѣщанія. Но тегри въ то же время пустились на меня цѣлой стаей, обложили меня со всѣхъ сторонъ, начали пугать руками и полами платья, ловить, гонять, преслѣдовать. Я бросилась наудачу, ускоряя свой полетъ изо всей силы, и ломая черту его, чтобъ утомить ихъ и сбить со слѣда запутанностью моихъ движеній. По-несчастію, такъ случилось, что тотъ самый неуклюжій тегри съ четырьмя длинными, блѣдными лицами, о двухъ рукахъ и одной ногѣ, который нѣкогда запряталъ меня въ желудь и выстрѣлилъ имъ на землю, пошевелясь немножко по воздуху вмѣстѣ съ прочими, нашелъ эту охоту за душами слишкомъ утомительною для своей лѣни, и остановился отдыхать посреди поприща нашей борьбы. Наскучивъ глядѣть на безуспѣшные поиски своихъ собратій онъ сталъ зѣвать во всѣ рты, и раскрылъ ихъ широко, на четыре вѣтра. Увертываясь между поимщиками, которые отвсюду протягивали ко мнѣ тучу рукъ и пальцевъ, я все еще летала, но почти уже не видала свѣта передъ собою. Чтобъ отъ нихъ вывернуться, не было другаго средства, какъ нечаянно кинуться въ сторону, низомъ, и выскочить въ чистое поле. Я кинулась внизъ, и попала прямо въ одинъ изъ ртовъ этого квадратнаго зѣваки. Онъ вдругъ стиснулъ зубы, и, не говоря ни слова своимъ товарищамъ, непостигав-

шимъ куда я пропала, пошелъ на одной ногѣ къ Хормуздѣ. Представъ предъ его лицо, онъ вынулъ меня изъ передняго рта сложенными въ щепотку перстомъ и указательнымъ пальцемъ, показалъ ему издали, какъ выдернутую изъ раковины устрицу, и примолвилъ противоположнымъ ртомъ, —два остальные рта, лѣвый и правый, были тогда набиты небесными орѣхами:

— Вотъ она!... Никто не могъ поймать ее, я поймалъ! Ожидаю подарочка на райскій кумысъ за свое усердіе....

— Ахъ, ты, усердный шутъ!... вскричалъ Хормузда, смѣясь надъ его забавною фигурою, тогда, какъ я вертѣлась и пищала въ его пальцахъ. Неси же ее поскорѣе на землю!...

— Великій Хормузда! кричала я: не хочу въ умнаго человѣка!... Пощадите меня!... Вы обѣщали переселить меня въ собаку.

— Обѣщалъ, матушка! возразилъ онъ спокойно. Обѣщалъ, «буде не встрѣтится никакихъ законныхъ тому препятствій.»

— Какое же это законное препятствіе?... сказала я съ плачемъ. Помилуйте, великій Хормузда!... Зачто вы меня такъ обижаете?... Я не гожусь въ умнаго человѣка!

— Какъ такъ? спросилъ судья.

— Да такъ! отвѣчала я ему. Часъ тому, не болѣе, что я даже свой умъ уступила слону, не предвидя горькой своей участи.

— Нужды нѣтъ! воскликнулъ онъ. Ступай въ умнаго человѣка.

— Чтожъ мнѣ въ немъ дѣлать безъ ума? присо-

вокупила я. Великій Хормузда!... Ты, который управляешь великою тайною *орчилань* и *хубильгань!..*

— Молчать! закричалъ онъ: и дѣлать то, что̀ приказываютъ!... Садись, любезнѣйшій, поскорѣе на радугу, и поѣзжай съ этой плаксой на землю, гдѣ и поступи съ нею на законномъ основаніи. Не забудь внушить ей, чтобы этотъ человѣкъ былъ непремѣнно уменъ: не то она увидитъ!...

— Еслибъ, по-крайней-мѣрѣ, мой умъ былъ со мною!... возразила я жалкимъ голосомъ.

— Ступай.... Можно быть умнымъ и безъ ума! примолвилъ онъ грознымъ тономъ.

Въ ту минуту Тегри положилъ меня въ табакерку, спряталъ ее у себя за пазухой, и плотно затянулъ халатъ, чтобъ я не вылѣзла: я не могла болѣе сказать ни слова въ свою защиту. Умный человѣкъ долженъ былъ, по книгѣ Хормузды, родиться того же числа: мать его была вдова, и въ тотъ день кончилось ровно семь мѣсяцевъ отъ смерти ея супруга. Но мой увалень, Тегри, останавливаясь, по своему обыкновенію, у всякаго дерева, чтобъ рвать небесные орѣхи, и отдыхая на каждомъ облакѣ по нѣскольку недѣль, пробылъ цѣлыхъ семнадцать мѣсяцевъ въ дорогѣ, и пришелъ со мною въ домъ вдовы ровно черезъ два года по смерти мужа. Тогда только разрѣшилась она отъ бремени умнымъ человѣкомъ. Весь городъ выпялилъ глаза отъ изумленія: люди заговорили о томъ, какъ о необыкновенномъ происшествіи, и многіе стали кричать противъ соблазна, противъ порчи нравовъ. Что значитъ не понимать великой тайны *орчилань* и *хубильгань!* Еслибъ

всѣ люди были Калмыками, они отнюдь не удивлялись бы этому, и о всякомъ подобномъ случаѣ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, сказали бы только: —Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ! Болѣе и сказать нечего.

Вотъ я опять въ людской головѣ, и опять въ борьбѣ съ человѣческимъ мозгомъ, и, сверхъ-того, должна, безъ ума, изворачиваться такъ искусно, чтобъ всѣ сказали, что она умная голова. Задача была необыкновенно-трудная: я рѣшила ее очень счастливо. Какъ скоро мой человѣкъ достигъ приличнаго возраста, общими силами начали мы съ нимъ работать на умъ. Я играла на его мозговыхъ органахъ — онъ вралъ, льстилъ, ползалъ, подличалъ; я играла далѣе — онъ ползалъ, подличалъ, отпускалъ высокопарныя фразы и закутывался въ непроницаемую таинственность; я играла еще сильнѣе, еще громче — онъ закутывался въ таинственность, и называлъ всѣхъ дураками, и твердилъ съ неподражаемою увѣренностью, съ глубокимъ, торжественнымъ убѣжденіемъ, что у него ума пропасть, что онъ не знаетъ, куда его дѣвать, что онъ лопнетъ отъ ума, ежели не подѣлится имъ съ другими. Я все еще играла; онъ все твердилъ то же, такъ-что наконецъ всѣ головы наполнились звукомъ нашего *дуо*, весь городъ зашумѣлъ музыкою нашей безконечной пѣсни. Я сдѣлала ужаснаго шарлатана: люди сказали:—«Ахъ, какой умный человѣкъ!»

Бѣдные люди отнюдь не догадывались, что не они это говорили, а только ихъ головы, назвученныя нашею пѣснею, независимо отъ ихъ воли

просто повторяли собственныя наши слова, какъ пещеры повторяютъ эхо. Но какъ эти слова выходили изъ ихъ устъ, они принимали ихъ за голосъ своего убѣжденія, и мы съ человѣкомъ прослыли у нихъ удивительными умницами.

Продолжая разыгрывать на ловкой клавитурѣ моего мозга обыкновенныя варіаціи той же темы, которыя всякій день возбуждали въ людяхъ большее и большее отъ насъ восхищеніе, я думала про себя о Хормуздѣ и его книгѣ, и говорила: — Изъ чего же онъ бьется?... Да этакимъ образомъ всѣ люди, записанные у него дураками, если захотятъ, завтра же будутъ умными, вопреки его судьбамъ! — Но я еще не знала трудностей ремесла. Мы увѣрили Китай—то было въ Китаѣ—что знаемъ всѣ языки, которыхъ никто не знаетъ, понимаемъ всѣ ремесла и искусства, съѣли собаку во всѣхъ наукахъ, и одни обладаемъ «великою тайною», какъ, безъ денегъ, сдѣлать Китайцевъ счастливыми. Впрочемъ у насъ все было тайною: тайнъ надѣлали мы у себя столько, сколько на свѣтѣ считается языковъ, ремеслъ, искусствъ и наукъ — и играли съ людьми въ тайны, и всегда людей обыгрывали. Люди непремѣнно хотѣли добраться до кладовой нашихъ необыкновенныхъ познаній, и даже нѣсколько разъ невзначай въ нее вторгались; но мы всегда счастливо увертывались съ пучкомъ нашихъ тайнъ, который называли умомъ: увернемся, и еще вновь ослѣпимъ имъ глаза, ловко ворочая пучекъ подъ самымъ ихъ носомъ, въ такомъ однакожъ разстояніи отъ глазъ и ото рта, чтобъ они не могли ни запу-

стить въ него своихъ взоровъ, ни схватить его зубами. Это было очень забавно, но крайне-утомительно: мы принуждены были окружить себя безчисленными предосторожностями, сидѣть на предосторожностяхъ, и спать на жесткомъ тюфякѣ изъ предосторожностей. У насъ заболѣли бока. Непріятное наше положеніе перешло даже въ опасность, когда простерли мы шарлатанство до обѣщанія нашимъ согражданамъ сдѣлать ихъ счастливыми безъ денегъ. Сограждане навалились на насъ цѣлымъ народомъ, со всею тяжестью людскихъ мечтаній о счастіи, со всею жадностью голи, облизывающейся передъ надеждою. Поневолѣ надобно было сдержать обѣщаніе. Мы торжественно приступили къ дѣлу, взявъ напередъ съ нихъ клятву, что они будутъ въ точности исполнять наши наставленія. Но какъ тутъ быть?... Чтобъ спасти свою славу, не было другаго средства, какъ подняться на уловки. Мы придумали безподобную. Китайцы тогда носили широкіе красные шаравары: мой человѣкъ преважно объявилъ имъ, что они несчастны единственно оттого, что у нихъ шаравары красные. Они изумились; но, подумавъ немножко, воскликнули:

— Правда!... Онъ правъ!... Мы искали счастія повсюду, во всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ жизни, а о шараварахъ и не думали. Вѣдь мы обыскали всѣ уголки нашего быта: такъ ли?... Да! Ну, тамъ счастія нѣтъ?... Нѣтъ! Слѣдственно, если оно есть на свѣтѣ, то не индѣ какъ въ шараварахъ, тамъ, гдѣ мы его не искали. Вотъ, что̀ *значитъ* умъ!... Виватъ, умный человѣкъ!... Ура,

умный человѣкъ!!.. Десять тысячъ лѣтъ умному человѣку!!!.

Первое дѣйствіе комедіи увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: мы торжествовали, и, между-тѣмъ, обдумывали планъ втораго и третьяго.

— Что̀ же прикажешь дѣлать? закричали Китайцы моему человѣку. Если мы несчастны оттого, что наши шаравары красны, мы перекрасимъ ихъ въ зеленые или синіе, и будемъ счастливы.

— Сохрани васъ отъ этого, духъ великаго Кунъдзы *! сказалъ мой человѣкъ. Вы не понимаете дѣла. Напротивъ, все человѣческое счастіе состоитъ въ красной краскѣ: на свѣтѣ нѣтъ безъ нея счастія. Безъ красныхъ шараваровъ вы не можете быть счастливыми; если же вы теперь несчастны, то потому, что у васъ есть красные шаравары.

— Какъ же это? спросили они. Мы не понимаемъ.

— А!... въ томъ-то и тайна! воскликнулъ человѣкъ. Но я вамъ ее растолкую. Слушайте со вниманіемъ. Счастіе состоитъ въ красной краскѣ. Но у васъ нѣтъ своей краски этого цвѣта: вы получаете ее изъ Авы. Должно знать — то, что̀ я теперь скажу, по-сю-пору также было тайной, которую одинъ я постигъ, и одинъ знаю — должно знать, что эта краска имѣетъ то свойство, что, когда перевезутъ ее въ другую землю, она все счастіе изъ этой земли перетягиваетъ въ Аву.

---

* *Конфуція.*

Вотъ, почему Ава такъ счастлива, и почему вы страждете безсчастіемъ. Понимаете ли теперь?...

— Понимаемъ! отвѣчали они. Но, такимъ образомъ, мы всегда будемъ несчастны?

— Конечно! отвѣчалъ онъ. Вамъ суждено быть несчастными, и, не будь у меня ума, вы вѣчно были бы такими. Но я нашелъ средство извлечь васъ изъ этой пропасти. Вся тайна вашего благополучія заключается въ томъ, чтобъ найти красную краску у себя, дома, на своей землѣ, и не привозить ея изъ Авы. Тогда все ваше счастіе, которое теперь переходитъ туда, осталось бы въ предѣлахъ Китая, и вы были бы счастливы, какъ нѣкогда Кунъ-дзы, постигнувъ *тунъ*, или законъ ума. Но вы никогда не найдете у себя этой краски, хотя давно ее знаете. Безъ меня вы ничего не сдѣлаете, потому-что не понимаете тайнъ ремесла. Вотъ она! Видите ли эти бурыя зернышки?... Это красная краска, природная китайская, отысканная мною съ большимъ трудомъ и невѣроятнымъ искусствомъ на собственной вашей землѣ, въ собственныхъ вашихъ карманахъ. Когда въ Поднебесномъ Государствѣ всѣ шаравары будутъ выкрашены этою краскою, тогда оно и вы съ нимъ будете совершенно счастливы, и поблагодарите меня за свое блаженство.

— Давай же намъ эти зернышки! вскричали Китайцы въ восторгѣ. Мы тотчасъ перекрасимъ ими всѣ наши шаравары.

— Постойте! возразилъ мой человѣкъ. Надо во всемъ поступать умно и разсудительно. Сдѣлайте *напередъ опытъ* на нѣсколькихъ шараварахъ —

вотъ вамъ пять фунтовъ бурыхъ зернышекъ! — и черезъ два года придите сказать о послѣдствіяхъ. Увидите, что мигомъ почувствуете себя счастливыми.

Они съ радостью приняли отъ него краску, и пошли мочить въ ней свои шаравары. Мы отдѣлались отъ ихъ жадности къ счастію, и, пока вышелъ срокъ опыту, были предметомъ общаго обожанія несчастныхъ. Но два года проходятъ скоро, и, по истеченіи срока, ожидали насъ новыя заботы. Благовременно готовясь къ этому времени, мы исходатайствовали отъ палаты церемоній нужныя намъ повелѣнія, и смѣло явились съ ними на поприщѣ. Китайцы прибѣжали огромною толпою, крича въ отчаяніи, что краска никуда не годится; что они выкрасили ею двѣ тысячи шараваровъ, носили ихъ цѣлые два года, и ничуть не стали счастливѣе; что они даже несчастнѣе прежняго, ибо цвѣтъ выходитъ тусклый, грязный, и Китаянки не хотятъ любить ихъ въ этихъ гадкихъ шараварахъ.

— Я напередъ зналъ это, спокойно отвѣчалъ имъ человѣкъ: и скажу вамъ, отчего оно происходитъ. Если цвѣтъ выходитъ грязный, то причиною тому названіе этой краски. Вы именуете ее *чень-чень*, не правда ли?... Это имя слишкомъ безцвѣтно, некрасно, а вы должны знать, что на свѣтѣ все зависитъ отъ названія. Та же самая краска будетъ гораздо лучше, свѣтлѣе, ярче и составитъ полное ваше счастіе, когда я изслѣдую, откуда взялось нынѣшнее ея названіе и придумаю для нея *другое, приличнѣйшее*. На то нужно мнѣ

три года времени. Пока я это сдѣлаю — вотъ вамъ ярлыкъ палаты церемоній!—всѣ безъ изъятія, въ цѣломъ Поднебесномъ Государствѣ, должны вы, безъ церемоніи, скинуть съ себя опасное платье, которое пожираетъ ваше счастіе, и ходитъ эти три года безъ шараваровъ.

Китайцы остолбенѣли и, въ остолбенѣніи, сняли шаравары, ударивъ трижды челомъ передъ ярлыкомъ. Весь Китай, уподобляясь несмѣтному стаду обезьянъ, представлялъ самое уморительное зрѣлище; но мы даже не улыбнулись: мы постоянно сохраняли важный видъ, писали длинныя разсужденія о названіи краски, и доказывали числами, что этимъ путемъ Китайцы неминуемо достигнутъ счастія. Наплутовавъ, надувъ, наклеветавъ, надѣливъ многихъ простудою, разоривъ другихъ, и прибравъ къ себѣ все, что̀ только оказалось удобоприбираемымъ, мы невзначай окончили земное наше поприще, а Китай все еще разгуливалъ безъ шараваровъ.

Мой человѣкъ былъ похороненъ съ большими почестями. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ гробомъ, расхваливали его необыкновенный умъ и высокія дарованія; но никто не заплакалъ на погребеніи умнаго человѣка.

— Ну, напроказничала ты, голубушка! вскричалъ Хормузда, увидѣвъ меня на Эльбурджѣ.

— Великій Хормузда! сказала я съ тѣмъ смѣлымъ и безстыднымъ видомъ, съ какимъ мой человѣкъ и я увѣряли всѣхъ на землѣ въ нашемъ умѣ: великій Хормузда, я исполнила ваше порученіе, и поддержала вашу честь между людьми. Не

давъ мнѣ ума, вы послали меня въ человѣка, который, по вашей книгѣ, долженствовалъ быть умнымъ, и я сдѣлала все, что могла, чтобы люди не сказали, что «Книга Судебъ» великаго Хормузды вретъ какъ календарь. Безъ ума нельзя лучше моего представлять умнаго человѣка. Надѣюсь, что вы, приличнымъ образомъ, наградите меня за мои подвиги.

— Да!... Я награжу тебя приличнымъ образомъ! Поди въ змѣю!... Слыханное ли дѣло, этихъ бѣдныхъ Китайцевъ, которыхъ всесовершеннѣйшій Шеккямуни особенно покровительствуетъ, которыхъ называетъ онъ своими баранами, заставить ходить три года безъ шараваровъ, въ ожиданіи счастья!

— Великій Хормузда, вы обѣщались....

— Въ змѣю, плутовка!... Убирайся поскорѣе отсюда! Снесите ее въ змѣю, которая завтра поутру родится въ большомъ болотѣ подъ № 1787799985197663 21.

Всѣ мои заслуги, всѣ надежды пропали безвозвратно! Изъ умнаго человѣка безъ ума, я перешла въ змѣю и, съ досады, жалила безпощадно тѣхъ, которымъ недавно льстила и которыхъ обманывала. Я сдѣлалась пугалищемъ всего болота: свиньи, коровы, люди, не знали куда дѣваться отъ опасной змѣи, которая никому не прощала, которая, для потѣхи, метала смертію въ прохожихъ, и находила удовольствіе приправлять ихъ кровь ядомъ, чтобъ придать болѣе вкуса земному ихъ существованію въ болотѣ, въ сѣверной мглѣ и въ глубокомъ снѣгу. Однажды, свиньи того околотка опол-

чились на меня, и хотѣли непремѣнно поймать меня и съѣсть; но я проворно пробралась между ихъ ногъ, и переползла въ другое болото, гдѣ тоже распространила ужасъ своимъ появленіемъ.

Подлѣ этого болота жилъ одинъ смиренный мужъ, предъ которымъ благоговѣли всѣ жители той страны. Онъ безпрестанно толковалъ имъ о превращеніяхъ Будды, о переселеніи душъ, о созерцаніи, о добродѣтели, о презрѣніи мірскихъ благъ. Не смотря на сильное желаніе укусить его, я была прельщена смиренною и благочестивою его наружностью, такъ, что стала ползать въ его домъ, чтобы изъ темнаго уголка, заваленнаго соромъ, любоваться на его добродѣтели. Онъ отзывался о змѣяхъ весьма невыгодно, и сравнивалъ съ ними грѣхъ, золото, женщинъ и много другихъ прегадкихъ вещей. Я не только не гнѣвалась на него за эти ругательства, но еще—до такой степени обворожилъ отъ меня своимъ взглядомъ!—но еще поддакивала ему своимъ шипѣньемъ, и кончила тѣмъ, что мнѣ самой опротивѣло званіе змѣи. Смиренный мужъ часто говаривалъ своимъ слушателямъ, что нѣкогда самъ онъ былъ мерзкимъ, ужаснымъ, отвратительнымъ грѣшникомъ; но, узнавъ всю гнусность грѣха, всю суету міра, принесъ покаяніе, и обратился къ небу. Воспламененная сладкимъ его краснорѣчіемъ, я поклялась оставить веселое ремесло кусать людей жаломъ, и пожелала сдѣлаться, подобно ему—обращенною змѣею.

Змѣи, какъ то извѣстно тебѣ изъ Ганджура, одарены чудеснымъ свойствомъ проникать взоромъ всѣ предметы насквозь: потому-то онѣ и счи-

таются умнѣйшими тварями въ природѣ, хотя ума въ нихъ, право, не болѣе, чѣмъ въ твоей головѣ, мудрый лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи! При помощи этого свойства, я легко примѣтила, что, когда смиренный мужъ съ жаромъ толковалъ людямъ объ ихъ душѣ и высокихъ ея качествахъ, его душа, находя этотъ предметъ для нея незанимательнымъ, обыкновенно уходила изъ головы на прогулку, и лазила по чужимъ карманамъ или забиралась за пестрые, прозрачные платочки его слушательницъ, чтобъ играть съ ихъ бѣленькою грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ. Я рѣшилась сыграть съ ней штуку. Однажды, какъ онъ разгорячился, говоря о своемъ предметѣ, и душа его непримѣтно ускользнула со двора, и моя змѣя широко разинула ротъ, чтобъ не потерять ни слова изъ поучительной его бесѣды, я вдругъ выскочила изъ змѣи, и, съ кучи сору, перепрыгнула въ его голову. Онъ, ничего этого не зная, продолжалъ увѣщевать грѣшныхъ и предлагалъ обитаемую въ немъ душу за образецъ всего прекраснаго, чистаго. Почтенный мужъ!... Мнѣ хотѣлось смѣяться. Онъ не зналъ, что его душа въ отлучкѣ, и что я здѣсь! Никогда еще змѣиная душа не была отрекомендована людямъ такъ усердно и лестно.

Между-тѣмъ, воротилась и его собственная душа. Недостойная!... Покинувъ такую святую плоть, она гдѣ-то таскалась по совѣстямъ слушателей, и пришла назадъ обремененная множествомъ соблазнительныхъ тайнъ. Такъ-то люди часто не знаютъ собственной своей души!... Я не пустила превратной хозяйки въ домъ, оставленный ею безъ

присмотра. Она хотѣла насильно пробраться въ ротъ, въ ноздри, черезъ уши: я отвсюду преградила ей путь, шипя на нее сердито, и совѣтовала ей, «буде угодно», поселиться въ змѣѣ, которую бросила я мертвою, тамъ, въ уголку. Дѣлать нечего! она пошла въ змѣю, и съ-тѣхъ-поръ я болѣе ее не видала.

Завладѣвъ тѣломъ святоши, я была чрезвычайно-довольна своей судьбою, или, лучше сказать, своей хитростью. Я не сомнѣвалась, что посредствомъ этого человѣка, заслужу себѣ благосклонность неумолимаго судьи, и буду наконецъ собакою. Увы! жестоко ошиблась я въ своихъ разсчетахъ. То былъ ханжа!... Пропади ты, бездѣльникъ! Не только людей, ты обманулъ даже меня, змѣю, самое проницательное созданіе въ мірѣ! Прошу же теперь вѣрить смиренной наружности!... Я нашла въ немъ такую пропасть злыхъ, безпокойныхъ страстей, что не имѣла отъ нихъ покоя ни днемъ, ни ночью. Я не могла поворотиться въ головѣ, чтобъ кругомъ не замараться сажею лицемѣрства, зависти, жадности, налипшею на ея черепѣ. Онъ употреблялъ меня на самыя низкія порученія, заставлялъ ползать, подслушивать, обкрадывать чужія совѣсти, соблазнять хорошенькія женскія душеньки, и губить доносами тѣ души, которыя не вѣрили его святости. Ужъ лучше было бы остаться въ змѣѣ!... Моя предмѣстница, которую осудила я такъ несправедливо, безъ-сомнѣнія и рада была помѣняться со мною мѣстомъ: она отлучалась на прогулку по его приказанію!... Одному лишь полезному выучилась я въ этомъ человѣкѣ—представ-

лять видъ набожной смиренности и ловко разсуждать о добродѣтеляхъ.

Цѣлыхъ пять лѣтъ терпѣла я это мученіе, терзаемая алчными его страстями, которыя слѣдовало еще безпрестанно сторожить и прятать отъ взоровъ людей. Я была не въ силахъ выдержать долѣе, и, когда однажды, послѣ хорошаго обѣда, ханжа вздумалъ явиться своимъ обожателямъ крайне изнуреннымъ постами, блѣднымъ, слабымъ, умирающимъ отъ умервщленія плоти, я воспользовалась случаемъ, порхнула на воздухъ, и предоставила одному ему играть начатую комедію. Я, можетъ-быть, дурно сдѣлала?... Но, право, не было другаго средства отучить его отъ несносной привычки притворяться умирающимъ въ самую лучшую минуту пищеваренія!

Ханжа самъ еще не зналъ навѣрное, живъ ли онъ, или покойникъ, какъ я уже была на Эльбурджѣ. Я предстала предъ Хормуздою съ видомъ глубокаго уничиженія, тощая, покорная, согбенная, стараясь въ точности подражать всѣмъ уловкамъ покинутаго мною лицемѣра. Судья долго смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, пока рѣшился спросить, откуда я къ нему пожаловала? Я отвѣчала тихимъ голосомъ, что пришла изъ благословеннаго праха мудраго и святаго мужа, который, уповая на милосердіе великаго Хормузды, умеръ отъ безпримѣрныхъ умерщвленій плоти, чтобъ стяжать для меня, души своей, хубильганическую награду.

— Вѣдь я послалъ тебя къ змѣю? сказалъ изумленный моею набожностью Хормузда.

— Благоговѣя предъ мудростью великаго Хор-

музды, я не смѣю разбирать непостижимыхъ судебъ вашихъ, и не знаю, куда вы меня послали, примолвила я еще съ большимъ смиреніемъ: но я была въ святомъ человѣкѣ, который наполнилъ вселенную славою своихъ добродѣтелей, и неусыпно старался объ искорененіи грѣха. Онъ провелъ всю свою жизнь въ молитвѣ и умственныхъ созерцаніяхъ, избѣгая суетъ міра, и, въ минуту своей кончины, молился о доставленіи мнѣ, недостойной рабынѣ всесовершеннѣйшаго Шеккямуни и вашей, благъ, обѣщанныхъ добродѣтели и ревности къ далай-ламской миѳологіи....

Я такъ искусно представила святую, что наконецъ Хормузда былъ растроганъ, и прослезился отъ умиленія. Онъ, однакожъ, не довѣрялъ своимъ глазамъ, и велѣлъ еще подать ревижскую сказку о всѣхъ душахъ вселенной. По ревизіи я тоже была показана змѣею. Надобно было употребить всѣ уловки ханжества, чтобъ убѣдить его, что это ошибка. Онъ признался самъ, что ему рѣдко случалось видѣть столько святости въ душѣ, исходящей изъ тѣла свѣтскаго человѣка; что я разсуждаю о духовныхъ дѣлахъ весьма тонко, не хуже всякаго хутухты; что даже имѣю всѣ признаки совершеннаго буддаическаго благочестія; но никакъ не могъ вспомнить, когда опредѣлилъ онъ меня въ святошу, въ котораго именно, и за что. Облокотясь на «Книгу Судебъ», онъ подперъ лицо руками, и погрузился въ думу. Я читала въ глазахъ его сомнѣніе, соединенное съ удовольствіемъ‘ которое пораждалъ въ немъ видъ моей необыкновенной святости.

— Отчего ты такъ замарана, какъ-будто сажею.

— Это людская клевета, великій Хормузда! отвѣчала я, повергаясь предъ его престоломъ съ безпредѣльною покорностью.

— Люди всегда бываютъ несправедливы къ вѣрнымъ поборникамъ нашей славы! воскликнулъ онъ умильнымъ голосомъ, и опять призадумался; потомъ спросилъ: — Какой награды желаешь себѣ, честная душа?

— Желала бы быть собакой, великій Хормузда, отвѣчала я съ благоговѣніемъ.

— Тегри, сведи ее въ собаку! сказалъ онъ одному изъ своихъ посыльныхъ духовъ. Кстати открывается вакантное мѣсто, въ одномъ щенкѣ въ степи, близъ береговъ Яика.

Я ударила челомъ. Тегри преважно взялъ и положилъ меня въ свой колпакъ, который потомъ надѣлъ онъ на голову, и мы отправились на землю. Сидя въ колпакѣ, я размышляла о добродушіи нашихъ миѳологическихъ боговъ, которыхъ первый искусный ханжа такъ легко можетъ надуть притворнымъ благочестіемъ, и съ восторгомъ углублялась въ свою блистательную будущность.—Теперь я буду собакою, думала я про себя: изъ собакъ прямое повышеніе въ хутухты; а тамъ далѣе, въ тегри. Сперва, конечно, придется быть посыльнымъ, какъ этотъ мѣшокъ, который такъ медленно тащить меня на землю; но я скоро отличусь проворствомъ, и поступлю въ разрядъ высшихъ божествъ, и у меня будетъ свое капище, и свои истуканы, и Калмыки станутъ молиться мнѣ,

какъ молятся прочимъ кумирамъ. О, когда у меня будетъ капище, я постараюсь услышать молитвы всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ ко мнѣ адресоваться!... Ужъ, вѣрно, не стану даромъ съѣдать ихъ жертвоприношеній, подобно нынѣшнимъ нашимъ богамъ, и обманывать надежды бѣдныхъ поклонниковъ!... Такимъ-образомъ я скоро прославлюсь первымъ божествомъ въ миѳологіи, и самъ Хормузда еще простоитъ у меня въ передней....

Я построила бъ въ колпакѣ полную модель моего величія, еслибъ тегри не снялъ его съ головы въ ту минуту. Посланецъ Хормузды торопливо вынулъ меня изъ-за подкладки, и вколотилъ въ какую-то голову, не давъ даже мнѣ времени опомниться, ни оглянуться. По внутреннему ея расположенію, я тотчасъ примѣтила, что это голова не собачья.—Чтожъ это такое? подумала я. Это никакъ людская голова?... Точь-въ-точь людской мозгъ! Ахъ, онъ негодяй!... Куда онъ меня забилъ?... —Я хотѣла тотчасъ выскочить изъ нея, но усомнилась, потому-что женщины, съ почтеніемъ называли его собакою. Приведенная въ недоумѣніе этимъ обстоятельствомъ, я немножко задержалась въ головѣ, а между-тѣмъ тегри удалился. Я была въ отчаяніи.—Мои надежды! Мои истуканы! Мои величественныя капища!... Все исчезло въ одно мгновеніе ока! Гдѣ я теперь?... Что эти бабы врутъ? Какая это собака?... Это человѣкъ! Я пропала! О, я несчастная!... Меня опять сослали въ людскую голову!...—Однако женщины, а за ними и мужчины, какъ-будто въ насмѣшку надъ моею горестью, не переставали съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

величать меня собакою. Многіе изъ нихъ кричали во все горло: — «Виватъ собака! Ура, собака! Да здравствуетъ наша собака»!—Моя горесть увеличилась еще изумленіемъ и гнѣвомъ; но загадка скоро объяснилась. Чтожъ вышло?... Бездѣльникъ-тегри не разслышавъ приказанія великаго Хормузды, или лѣнясь отыскать подлинную собаку, въ которую собственно была я назначена, принесъ меня къ берегамъ Яика, и всунулъ въ голову родившемуся въ ту минуту Собакѣ-хану, повелителю Золотой, Орды, извѣстному въ исторіи подъ двумя однозначащими съ названіемъ этого животнаго именами, монгольскимъ *Ногай-хана*, и татарскимъ *Копекъ-хана*. И я, по странному стеченію обстоятельствъ, попалась не въ ту тварь, въ которую слѣдовало, а въ ея однофамильца. Вотъ какъ исполняются неисповѣдимые приговоры судебъ!...

Такъ, мнѣ пришлось управлять людьми, вмѣсто того, чтобъ спокойно лежать у воротъ двора, или бѣгать за стадомъ барановъ на пастбищѣ. Я предвидѣла ожидающія меня заботы, я чувствовала свою неспособность, и предавалась унынію. Но время исцѣляетъ всѣ скорби, прикладывая къ нимъ спасительную мазь забвенія. Пока мой Собака-ханъ, или, какъ тогда всѣ его называли-Копекъ-ханъ, началъ внятно говорить по-татарски, я совершенно забыла о прошедшемъ, и такъ проникнулась новымъ своимъ саномъ, какъ-будто-со времени выпуска моего изъ кладовой, только и дѣлала на свѣтѣ, что жила въ татарскихъ султанахъ. Впродолженіи его юности, я мечтала о порядкѣ, благоустройствѣ, правосудіи, даже объ ис-

корененіи грѣха; но, когда вступила въ завѣдываніе ордою, визирскія души постарались отвлечь мое вниманіе къ предметамъ другаго рода. Онѣ всегда твердили мнѣ о могуществѣ; говорили, что я должна только драться съ людьми и думать о славѣ, и притѣсняли русскихъ князей и татаркихъ бековъ, чтобъ побудить ихъ къ мятежу и доставить мнѣ постоянный случай отличаться побѣдами. Сначала этотъ родъ жизни сильно прельщалъ самолюбіе моего Копека. Онъ безпрестанно побѣждалъ непокорныхъ, а его визири безпрестанно воспѣвали его славу и грабили побѣждаемыхъ. Но мы скоро постигли хитрость, которой рано или поздно онъ и я сдѣлались бы жертвами: я велѣла крѣпко отколотить визирскія души палками по пятамъ, и неисчерпаемый источникъ геройской славы мигомъ изсякъ для моего Копека. Тогда приступили мы съ нимъ къ великому дѣлу управленія родомъ человѣческимъ.

Нельзя описать, ни исчислить трудностей, съ которыми принуждены мы были бороться, хлопотъ и огорченій, которыя окружали насъ на этомъ, усѣянномъ пропастями и измѣною, поприщѣ. Мы пытались управлять людьми по всѣмъ возможнымъ методамъ, и никакъ не могли ихъ удовольствовать. Мы управляли ими съ кротостію: они предались безчинству. Мы употребили съ ними великодушіе: они воздали намъ неблагодарностью. Мы прибѣгнули къ мудрости: они насъ надули. Мы постановили законы: они разнесли ихъ на крючкахъ. Мы принялись за строгость: они начали роптать и грозить бунтомъ.—А Богъ

же съ ними, сказала я Копеку: не стоитъ того чтобъ терять напрасно время. Съ людьми мы никогда не добьемся толку. Лучше пойдемъ въ гаремъ, къ женщинамъ.—Мы пошли въ гаремъ, составленный нами изъ первыхъ красавицъ среднихъ вѣковъ, и, лаская нѣжные ихъ подбородки, вдругъ выдумали копѣйки — копѣйки, то есть, круглыя, нѣкогда серебряныя плитки, годныя ко всякому употребленію и нарѣченныя нашимъ благороднымъ именемъ, собственно не *копѣйки*, но *копеки*, что̀ значитъ «собачки». Счастливая мысль зардѣла въ нашемъ мозгу вслѣдъ за этимъ изобрѣтеніемъ. Я сказала Копеку: — Попробуемъ съ людьми еще одно, но уже послѣднее, средство: нельзя ли управлять ими при помощи этихъ «собачекъ»?...

Онъ сказалъ: — *якши!* — тотчасъ велѣлъ надѣлать ихъ нѣсколько кулей, и мы опять взяли въ руки бразды управленія.

Какъ скоро люди увидѣли наши новыя, свѣтлыя, прелестныя копѣйки, они бросились на нихъ съ жадностью, походившею на бѣшенство; они ползали, плакали, приходили въ изступленіе отъ любви и преданности, отъ усердія къ намъ и нашему престолу, чтобъ только достать горсть нашихъ «собачекъ»; они клялись служить намъ вѣрно, исполнять наши законы, избѣгать порока, говорить намъ правду, и даже вѣровать въ великаго Шеккямуни, за столько-то копѣекъ въ мѣсяцъ; нѣкоторые предлагали намъ своихъ женъ и дочерей, свою честь и жизнь, за двѣ копѣйки одновременно. Съ-тѣхъ-поръ стали мы царство-

вать въ полномъ смыслѣ слова, управлять людьми съ невѣроятною легкостью, и произвольно располагать ихъ сердцами.

Нужна ли намъ была добродѣтель?—за десять копѣекъ приносили ея къ намъ столько, что мы не знали, куда дѣвать ее.

Требовалась ли намъ истина? — за двѣсти копѣекъ всѣ говорили правду, а за двѣсти другихъ, клялись, что вся эта истина — ложь.

— Господа! вотъ копѣйка!... Намъ понадобился умъ. У кого есть умъ?—И вся огромная держава Золотой Орды, отъ Иртыша до Волхова, прибѣгала къ подножію нашего престола, чтобъ продать свой умъ гуртомъ за копѣйку.

За копѣйки мы имѣли повиновеніе; измѣну также имѣли мы за копѣйки. Мы сложили всѣ продажныя совѣсти въ одинъ куль, изъ котораго высыпали копѣйки на уплату за нихъ ихъ владѣльцамъ, и, давъ людямъ два куля новыхъ копѣекъ задатку въ счетъ снятаго ими по торгамъ подряда на поставку потребнаго намъ количества любви, порядка и послушанія законамъ, поѣхали охотиться за перепелами. Перепеловъ въ томъ году было очень мало: мы стрѣляли воронъ, коршуновъ, воробьевъ и вѣкшъ, били баклуши, и тѣшились какъ русскія дѣвки въ семикъ, не думая болѣе о людяхъ и не опасаясь ихъ страстей. Послѣднія обыкновенно были заплачены нами въ цѣломъ государствѣ за весь годъ впередъ, подъ вѣрный залогъ жадности, и съ вычетомъ пяти процентовъ въ пользу обѣднѣлыхъ отъ честности лихоимцевъ.

Мы благополучно царствовали такимъ образомъ до самой глубокой старости. Люди прославляли нашу мудрость, щедроту и великодушіе; порядокъ процвѣталъ повсюду, и мой ханъ, Копекъ, единогласно былъ провозглашенъ благодѣтелемъ рода человѣческаго. Тогда люди были еще дешевы, и копѣйки серебряныя. Теперь цѣны на людей и на ихъ чувства чрезвычайно возвысились: это слѣдствіе порчи нравовъ, роскоши и необузданнаго мотовства чувствованіями, которыя въ наше время кладутся горстями даже въ щи и въ отношенія. Теперь и копѣйки стали мѣдныя!... Это признакъ быстраго склоненія вселенной къ упадку.

По кончинѣ знаменитаго, незабвеннаго отца копѣйки — да озарится могила его неугасаемымъ свѣтомъ! — я была очень хорошо принята великимъ Хормуздою, который, зная уже объ употребленномъ мною подлогѣ послѣ выхода моего изъ тѣла ханжи, не только не наказалъ меня за подобную дерзость, не только милостиво простилъ, въ уваженіе высокихъ добродѣтелей покойнаго Собаки-хана, но и назначилъ мнѣ, для прожитія, почетное мѣсто въ природѣ, съ обѣщаніемъ подумать о дальнѣйшемъ моемъ повышеніи въ слѣдующемъ столѣтіи.

Я была, за отличіе, переселена въ русскаго мужика.

Мы жили въ бѣдности, но безъ хлопотъ, безъ страстей, и всегда припѣваючи. Никогда не была я такъ весела и счастлива, какъ въ этомъ здоровомъ и трудолюбивомъ тѣлѣ. Мы беззаботно исчерпали съ нимъ всѣ сладости, всѣ счастія

скромнаго его состоянія — и сладость собирать обильныя жатвы съ поля, воздѣланнаго нашими руками—и счастіе купить себѣ новый армякъ за нѣсколько копѣекъ, которыя цѣлыхъ три года лежали зарыты въ землѣ — и роскошь просидѣть иногда весь день въ кабакѣ — и блаженство париться въ банѣ — и пріятность ходить въ лѣсъ съ дѣвушками, за грибами—и удовольствіе побывать въ далекомъ извозѣ.

Одно только счастіе оставалось еще неиспытаннымъ нами—счастіе быть въ бѣгахъ—и я пожелала вкусить его при первой удобности. Мы бѣжали....»

—

Этимъ словомъ оканчивается «Ярлыкъ опаснаго знанія», и болѣе нѣтъ ни слова. И все, что̀ въ немъ содержится, списано мною съ точностью, безъ перемѣны и прибавки, для пользы и наставленія вѣрующихъ. А почему онъ названъ «Ярлыкомъ опаснаго знанія», о томъ я, грѣшный Мергенъ-Саинъ, слышалъ такъ:

Ѣхалъ засѣдатель степью, съ колокольчикомъ и съ переводчикомъ, и проѣзжалъ мимо ламы Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи — а святой лама, сидя одинъ въ степи, спалъ и писалъ. И писалъ не лама, а душа его писала его рукою. Почему засѣдатель съ колокольчикомъ и удивился этому чуду!

Затѣмъ, слышалъ я такое слово:

Взялъ засѣдатель Ярлыкъ изъ рукъ спящаго ламы, и далъ переводчику, чтобы онъ объяснилъ ему

писаніе святаго мужа. А переводчикъ прочиталъ писаніе, и, не понимая высокаго калмыцкаго слога, сказалъ, якобы святой мужъ, лама Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи, по этому писанію, есть русскій мужикъ въ бѣгахъ, якобы дѣлаетъ онъ копѣйки въ степи. И взяли святаго мужа подъ стражу, и посадили въ острогъ. И пріѣхало въ улусъ нѣсколько сердитыхъ русскихъ мужей съ колокольчиками, производить по этому Ярлыку слѣдствіе объ укрывательствѣ бѣглой ревижской души, и отыскивать копѣйки, которыя сдѣлала она непозволительнымъ образомъ: и взяли подъ арестъ множество безвинныхъ людей, и множество барановъ, и надѣлали много шуму, и не нашли ничего, ибо ничего и не было; и выпустили безвинныхъ людей, а барановъ не выпустили. И потому названо это писаніе «Ярлыкомъ опаснаго знанія».

А въ другихъ шастрахъ повѣствуется о томъ иначе. Вотъ слова «Сказанія о чудесной жизни ламы Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи», сочиненнаго пандидою Тегринъ-Арсланомъ, который зналъ все что̀ есть и что̀ было.

«Пандида Тегринъ-Арсланъ—мое слово есть слѣ-«дующее: что̀ касается до пріѣзда въ улусъ сер-«дитыхъ русскихъ мужей съ колокольчиками, и «до произведеннаго ими слѣдствія, то это вздоръ, «неправда, исторія, и ничего подобнаго не бывало. «Это выдумка ламы Брамбеуса. А вотъ, какъ бы-«ло. Взяли ламу Мегедетай-Корчинъ-Угелюкчи за «то, что онъ писалъ храпя, и посадили въ тюрьму. «И отданъ былъ переводчикамъ Ярлыкъ, который «написала душа его во снѣ, съ тѣмъ, чтобы они

«его растолковали. А переводчики донесли, что они «прочитали Ярлыкъ и поняли содержаніе, и что «въ немъ заключается воззваніе къ Калмыкамъ «скрытно бѣжать въ Китай. И велѣно было судить «за то святаго мужа; но онъ сотворилъ чудо, и «освободился отъ клеветы переводчиковъ: послѣ «перваго дождя, сѣлъ на радугу, вылетѣлъ изъ «острога въ присутствіи всего Нижняго Земскаго «Суда, и торжественно уѣхалъ въ Тибетъ. А Ниж-«ній Земскій Судъ, увидѣвъ это чудо, съ трепе-«томъ принесъ покаяніе за грѣхи, и убѣдился въ «могуществѣ всесовершеннѣйшаго, великаго Шек-«кямуни. Все было такъ, и болѣе ничего не было. «Оно и не могло быть иначе. Когда такое высокое «писаніе попадется въ руки переводчикамъ, едва «знающимъ монгольскую грамоту, они неминуемо «должны вывести изъ него небылицу. И вывели «саратовскіе переводчики, изъ Ярлыка о дѣяніяхъ «души святаго мужа, воззваніе къ побѣгу въ Ки-«тай. А очутись онъ въ рукахъ коварныхъ париж-«скихъ переводчиковъ-оріенталистовъ, они готовы «еще сказать, что это письмо отъ Чингисъ-хана «къ знаменитому царю Руа-де-Франсу, и сочинить «о томъ толстую книгу, по образцу той, какую не-«давно сочинили о другомъ подобномъ Ярлыкѣ. «Въ этомъ состоитъ великая опасность, и потому «названъ онъ «Ярлыкомъ опаснаго знанія».

Омъ-ма-ни-бадъ-ме-хумъ!

1834.

═

ПРЕДУБѢЖДЕНІЕ.

СТАТЬЯ ОДНОГО ЧЕЛОВѢКА.

— Николай, гдѣ ты сегодня обѣдаешь?

— Ты хочешь, чтобъ я обѣдалъ съ тобою? Нѣтъ, не могу. Я обѣдаю у княгини Чундзулеевой.

— Иванъ Сергѣевичъ! поѣдемте вмѣстѣ къ графинѣ Д—ой.

— Извини, любезнѣйшій! Въ другой разъ готовъ служить тебѣ. Сегодня я на балѣ у княгини Чундзулеевой.

— Александръ, не хочешь ли со мной въ театръ?

— Нѣтъ. Я званъ сегодня на партію къ княгинѣ Чундзулеевой.

— Эта княгиня Чундзулеева вскружаетъ вамъ головы, господа! говорилъ я.

— Она прелестная женщина! говорили эти господа.

Странно! Съ нѣкотораго времени я только и слышу—княгиня Чундзулеева! Чундзулеева?... Должно *быть что-нибудь* закавказское. Какъ же я не

знакомъ съ нею? Я знаю всѣхъ прелестныхъ женщинъ, и притомъ у меня есть очень основательное правило — коль скоро увижу хоть немножко хорошее личико, даже миленькую ножку, тотчасъ разспросить объ ихъ фамиліи: а объ ней, кажется, я никогда и не слыхивалъ!... Не встрѣчаю ея ни въ одномъ домѣ, куда ѣзжу!... Право, странно!

— Скажи мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, кто она собственно такая, ваша княгиня Чундзулеева?

— Любезный другъ, она собственно прекрасная и преумная женщина.... которая отлично у себя принимаетъ. Въ этомъ все заключается.

— Вдова или замужняя?

— Въ хорошемъ домѣ о мужѣ не спрашиваютъ.... Не могу тебѣ сказать. Я думаю, вдова.

— Русская, или нѣтъ?

— Русская! коренная Русская!... Урожденная Р—ева. Лакеи зовутъ ее княгиней Татьяною Кондратьевной. Зачѣмъ ты распрашиваешь? Ужъ полно не хочешь ли быть ей представленъ?

— Я объ этомъ не думаю!

Я такъ говорилъ; но мнѣ страхъ хотѣлось познакомиться съ прелестною вдовою, княгинею Татьяной Кондратьевной Чундзулеевой, которая такъ прекрасна, такъ умна, такъ отлично у себя принимаетъ. Я уже обдумалъ планъ построенія этого знакомства. Потомъ вдругъ разжелалъ. На дворѣ шелъ тогда дождь! Мнѣ не хотѣлось тронуться съ софы, на которой нашелъ я было такое удобное положеніе для своего тѣла, какого никогда еще не находилъ со времени ея покупки! Вслѣдствіе одного изъ тѣхъ странныхъ, безотчетливыхъ,

своенравныхъ движеній мысли, которыя случаются обыкновенно послѣ обѣда—съ которыхъ начинается новый періодъ нашихъ дѣйствій или понятій—въ которыхъ тутъ же заключается по цѣлому ряду важныхъ причинъ для оправданія будущихъ нашихъ поступковъ и сужденій очень здравымъ и логическимъ образомъ—которыя (кажется, въ исторіи?) называются раціонализмомъ—я почувствовалъ однимъ разомъ предубѣжденіе противъ княгини Татьяны Кондратьевны Чундзулеевой, которая такъ хороша собою, такъ умна, да еще такъ отлично принимаетъ. Оно со дня на день усиливалось во мнѣ самыми основательными и ясными доказательствами. Во-первыхъ, она княгиня Татьяна Кондратьевна Чундзулеева!... Этого ужъ довольно. Во-вторыхъ, всѣ хвалятъ ея умъ и красоту.... Что̀ они смыслятъ про красоту или про умъ? Умъ княгини Чундзулеевой!... Здѣсь очевидно нѣтъ критики: еслибъ она жила въ десятомъ столѣтіи, то, опираясь на это явное преувеличеніе, я бы доказалъ, что она даже никогда не существовала. Да я и теперь сомнѣваюсь, существуетъ ли она въ самомъ дѣлѣ!... И почему никто не упоминаетъ объ ея лѣтахъ? Она должна быть стара. Она непремѣнно стара! У наружныхъ угловъ глазъ есть по двѣ морщинки: кожа на носу натянута какъ на барабанѣ; слѣдственно, уста ея потеряли свою форму, и улыбка крива, безвкусна. Эта красота — просто румяны. Этотъ умъ—просто педантство. Да и какъ имъ того не видѣть, что она кокетка! Она не показывается ни въ одномъ извѣстномъ домѣ.... Я

не люблю этой княгини Татьяны Кондратьевны Чундзулеевой!

Мои пріятели продолжали восхищаться ею. Я началъ отпускать насчетъ ея разныя эпиграммы. Нѣкоторые изъ нихъ вздумали смѣяться надъ моимъ предубѣжденіемъ, и защищать ее противъ моего объ ней мнѣнія—противъ мнѣнія столь логическаго, столь основательнаго! Я не зналъ что̀ отвѣчать: ни одна хорошая эпиграмма не пришла мнѣ въ голову въ эту минуту....

Съ-тѣхъ-поръ я ее возненавидѣлъ.

Такъ какъ она вдова, то въ придачу я не сталъ любить и вдовъ. Что̀ можетъ быть хорошаго во вдовѣ? Женщина, которая схоронила одного мужа; которая уставляетъ сладкіе глазки, чтобъ поймать другаго.... Вдова—для меня нравственная загадка!

Съ-тѣхъ-поръ всѣ вдовы стали представляться мнѣ большимъ вопросительнымъ знакомъ (?).

Такъ какъ фамилія ея была немножко закавказская, то при малѣйшей встрѣчѣ съ Грузиномъ или Черкесомъ на улицѣ, мнѣ дѣлалось дурно: я воображалъ себѣ, что это все родственники ея по покойному мужу. Я не могъ перенести Грузинъ, ни Черкесовъ. Скоро простеръ я отвращеніе къ кавказскимъ племени и землѣ до самаго Аракса. Потомъ далѣе. Наконецъ....

Съ-тѣхъ-поръ я сталъ гнать весь Востокъ и все восточное.

Такъ какъ одинъ мудрецъ издалъ книгу о санскритской словесности, которой я не читалъ—такихъ вздоровъ я не читаю — то я сейчасъ сочинилъ на нее презлую критику, которую послалъ въ

редакцію одной газеты, гдѣ она скоро была напечатана. Я разругалъ книгу, автора, санскритскую словесность, оріентализмъ и цѣлый Востокъ —отъ Кубани до Желтаго Моря включительно— на чемъ свѣтъ стоитъ. Само собою разумѣется, что подъ статьею не подписалъ я своего имени для того, чтобъ не сказали въ свѣтѣ, что я пишу или что присталъ къ сочинителямъ!

Нѣкоторые друзья мои, помня, что прежде я говорилъ о Востокѣ и его словесностяхъ съ большимъ уваженіемъ—тѣ, которые желаютъ казаться очень просвѣщенными и начитанными, должны такъ говорить: это изумляетъ дамъ и внушаетъ мужчинамъ страхъ къ вашимъ познаніямъ—нѣкоторые друзья мои не понимали такой перемѣны въ моихъ мнѣніяхъ. Они не знали, что это раціонализмъ! Мои друзья не мыслятъ и не разсуждаютъ; еслибъ они знали, какъ мыслятъ хорошо устроенныя головы, съ чего всегда начинаются въ нихъ большіе періоды ихъ образа мнѣній, и какъ одни понятія развертываются изъ другихъ, то, быть-можетъ, они и догадались бы, что причиною всему этому были—княгиня Татьяна Кондратьевна Чундзулеева—немножко досады на себя за то, что я не знакомъ съ нею—дождь, который шелъ въ то время, когда я хотѣлъ ѣхать со двора, чтобъ ее увидѣть — да мягкая софа, съ которою не могъ разстаться, такъ, что предпочелъ скорѣе перемѣнить образъ мыслей, нежели перемѣнить свое положеніе на софѣ. Да это и гораздо-легче! Философія и исторія очень хорошо знаютъ, что это гораздолегче, хотя въ томъ не сознаются.

Но оставимъ философію въ покоѣ—а съ княгиней Чундзулеевой намъ ужъ не водить хлѣба-соли. Я забрелъ слишкомъ-далеко съ нею. Изъ-за нея поссорился я со всѣми моими понятіями, со всѣми вдовами, со всѣми мнѣніями, со всѣми Азіятцами, съ Кавказомъ, Индіею, Китаемъ, Персіею—поссорился даже съ турецкимъ султаномъ, котораго прежде одобрялъ безусловно по вечерамъ передъ всѣми политическими самоварами за его нововведенія, и называлъ великимъ человѣкомъ. Она тоже не терпѣла меня, не зная лично. Нѣкоторыя мои словца были, видно, ей переданы нѣжными пріятельницами, и она говорила иногда моимъ знакомцамъ, что я долженъ быть золъ какъ чортъ; что она не желала бъ попасться мнѣ на встрѣчу на тротуарѣ, боясь, чтобъ я не откусилъ у ней носа. Носа княгини Татьяны Чундзулеевой? Она думаетъ о себѣ слишкомъ-много! Еслибъ на меня нашла охота откусывать носы, то ужъ вѣрно поискалъ бы я себѣ чего-нибудь помилѣе кошачьяго ея носа. Нѣтъ, клянусь, что съ ней я никогда знакомъ не буду! Я ее ненавижу.

Фамилія этой несносной женщины, сначала для меня гадкая, потомъ очень непріятно раздражавшая мои слуховые нервы, когда произносили ее при мнѣ, наконецъ превратилась въ умѣ моемъ въ знаменіе чего-то чрезвычайно-смѣшнаго и дикаго. Все, что̀ было странно и нелѣпо, носило у меня одно общее названіе—Чундзулеевъ. Когда встрѣчалъ я женщину очень старую, очень рябую, очень жеманную, или одѣтую какъ обезьяна — то была Чундзулеева; даже иногда—Татьяна Кондратьевна

Чундзулеева. Сильнѣе этого я не могъ ничего придумать.

Мы были мысленно на ножахъ съ нею.

Однакожъ, я въ жизнь свою ея не видывалъ? Она никакого зла мнѣ не сдѣлала? И меня всѣ называли добрымъ малымъ?... Я, въ самомъ дѣлѣ, добрый малый: я очень много говорю о чести, благородствѣ души и нѣжности сердца; я не въ состояніи никого обидѣть или обмануть съ умысломъ; я не могъ бы уснуть трое сутокъ отъ ужаса о своемъ безчеловѣчіи, еслибъ зарѣзалъ невиннаго цыпленка, котораго сегодня съѣлъ за завтракомъ; но.... Но такъ именно раждаются и развертываются предубѣжденія! такъ овладѣваютъ они нами безъ нашего вѣдома и нерѣдко вопреки нашей волѣ! такъ покоряютъ себя цѣлыя области нашихъ понятій и побужденій! Кто мнѣ не вѣритъ или находитъ эту лѣтопись безотчетливой ненависти не правдоподобною, тотъ—если только имѣетъ счастіе ненавидѣть меня, не имѣвъ со мной ни дѣла, ни знакомства, ни отношеній—пусть хладнокровно изслѣдуетъ въ своемъ сердцѣ все производство того, какъ предубѣдился онъ противъ меня. Въ этомъ нѣтъ никакой опасности ни для его совѣсти, ни для самолюбія, потому-что я увольняю его отъ всякихъ признаній. Что̀ касается до меня, то я признаюсь во всемъ чистосердечно: я играю въ открытую.

Цѣлую зиму мои пріятели трубили мнѣ въ уши княгиней Чундзулеевой, ея умомъ, красотою, чрезвычайною пріятностью ея дома, порицая меня за то, что я не искалъ *счастія* быть ей представлен-

нымъ — и цѣлую зиму становилась она въ моемъ воображеніи съ каждымъ днемъ все гаже и глупѣе, такъ, что наконецъ крокодилъ, который виситъ подъ сводомъ Кунсткамеры, съ разинутой пастью и страшными зубами, могъ бы еще назваться красавцемъ и прелюбезнымъ малымъ подлѣ образа, который я себѣ объ ней создалъ. Наконецъ, умолкли. Слава тебѣ, Господи! Видно уѣхала, за Кубань, къ своимъ Кази-Кумыкамъ. Теперь я стану дышать свободнѣе! А то всю зиму бѣгалъ обществъ, чтобъ гдѣ-нибудь не повстрѣчаться съ нею.

Что̀, ужъ не слышно княгини Татьяны Кондратьевны Чундзулеевой?... Нѣтъ!... Ахъ, какъ я счастливъ! Какія сладкія минуты есть во враждѣ! Ея здѣсь нѣтъ! Вотъ почему и погода вдругъ стала такъ хороша. Ѣду на острова.

Давно уже я не былъ у графини Катерины Николаевны. Это не хорошо. Графиня Катерина Николаевна женщина прелестная: она любитъ меня чрезвычайно и говоритъ вездѣ, что я очень добръ и пріятенъ. Это сущій ангелъ—графиня Катерина Николаевна—даромъ-что она вдова. Побранившись въ душѣ со всѣми вдовами, я пересталъ ѣздить даже къ ней—женѣ покойнаго моего друга—друга, падшаго подлѣ меня на полѣ чести, скончавшагося на моихъ рукахъ. Но, съ удаленіемъ Чундзулеевой изъ Петербурга, я возвращаю ей мое уваженіе. Она изъятіе изъ вдовъ, и—что̀ рѣже—молодое и ненарумяненное. Я заѣхалъ къ ней въ восемь часовъ вечера.

Тысяча любезныхъ упрековъ, которые всѣ на-

печатаны, тысяча пустыхъ извиненій, которыхъ и печатать не стоитъ, въ пять минутъ объяснили, почему я вдругъ забылъ о прекрасной хозяйкѣ дачи, и отчего ни разу не былъ у нея въ городѣ съ ноября мѣсяца. Я охотно далъ подписку, что впередъ этого со мной не случится.

Въ гостиной было нѣсколько человѣкъ гостей, но все люди самые обыкновенные, посѣтители самые дачные: два Ивана Ивановича, три Карла Карловича, да одинъ Акинѳій Григорьевичъ, или что-то очень похожее на это. Мнѣ какое дѣло? Не обращая большаго на нихъ вниманія, я позволилъ каждому изъ нихъ высказать хозяйкѣ все, что̀ кто знаетъ—гдѣ они сегодня гуляли—сколько сдѣлали верстъ пѣшкомъ—какъ открыли, что въ семь часовъ вдругъ стало холодно—и которыя деревья уже совершенно распустились, а которыя еще нѣтъ. Когда они кончили, я сдѣлалъ краткую выписку изъ всего ихъ доклада, сложилъ вмѣстѣ всѣ ихъ подвиги, и непримѣтно представилъ общій счетъ дневнаго ихъ движенія въ мірѣ: выходило, что всѣ эти господа прошли по землѣ пятьдесятъ-восемь верстъ съ половиною, не сдѣлавшись ни на одинъ волосъ занимательнѣе. Этотъ невинный счетецъ развеселилъ графиню. Она мило замѣтила мнѣ, что забывъ объ ней, я не забылъ однакожъ склонности своей къ насмѣшкѣ. Я сдѣлалъ ей ловкое привѣтствіе насчетъ собственнаго ея ума, и разговоръ тотчасъ принялъ другое направленіе: онъ сосредоточился между нами и еще двумя прекрасными дамами, которыя сидѣли на диванѣ; одушевился веселостью, умными шутками, тонкими замѣчанія-

ми; воспарилъ такъ высоко надъ поверхностью идей этихъ господъ, что они и не смѣли поднять глазъ вверхъ, чтобъ слѣдовать за нашимъ воздушнымъ путешествіемъ, страшась, чтобы у нихъ не закружились головы — такъ нужныя для завтрашнихъ дѣлъ по службѣ.

Не знаю, извѣстно ли кому это — но если не извѣстно, такъ я могу доложить вамъ за подлинное, что я очень милъ, уменъ и забавенъ въ бесѣдѣ — гораздо-умнѣе и забавнѣе того, что̀ вы могли бъ подумать обо мнѣ, судя по этому писанію. То есть, я былъ такимъ нѣкогда, во время оно: всѣ женщины признавали это—безъ меня имъ не было счастія—тѣмъ болѣе, что сверхъ-того я былъ именно то, что̀ вдовы называютъ технически un gros joli garcon. Зачѣмъ же мнѣ стыдиться того, что я слылъ красавцемъ? Я танцовалъ отлично; пою, играю, ѣзжу верхомъ изрядно и нынче; любилъ общество дамъ, любилъ лошадей, собакъ, заклады—все, что̀ нравится женщинамъ въ мужчинѣ; разсуждалъ о сердцѣ съ удивительною тонкостью; сыпалъ эпиграммами, и, что всего важнѣе, былъ скроменъ и неслишкомъ услужливъ. Женщины очень хорошо умѣли оцѣнить во мнѣ это послѣднее качество: ничто такъ скоро не мараетъ репутацій нѣжно-розоваго цвѣта, какъ треніе о поверхность услужливости пріятнаго мужчины, мужчины въ модѣ. Никогда не бывалъ я влюбленъ при людяхъ: это большое преимущество! Но кого Господь Богъ, въ гнѣвѣ своемъ, создастъ столь милымъ, какъ я—какъ былъ я — тотъ, для блага и спокойствія общества, долженъ еще рѣ-

шиться быть смѣшителемъ женщинъ. Это очень скучно, но иначе нельзя быть: надобно, чтобы женщины вокругъ васъ хохотали. Тогда онѣ могутъ сказывать мужьямъ и любовникамъ, что любятъ ваше общество потому, что вы такіе забавные; тогда и сами мужья, садясь играть въ карты, или уходя вечеркомъ на Невскій Проспектъ, придвигаютъ васъ къ своимъ женамъ, чтобъ вы ихъ меду-тѣмъ забавляли. Нѣтъ существа несноснѣе обольстителя чувствительнаго, разсѣяннаго, вздыхающаго, съ вѣчно-нѣжными взорами: это я слышалъ отъ моей любовницы, которая была чрезвычайно строгихъ правилъ вразсужденіи репутаціи. Словомъ, никто такъ хорошо не умѣлъ смѣшить дамъ, какъ я, и всѣ были этимъ довольны.

Да! Я забылъ сказать, кто были эти двѣ прекрасныя дамы, сидѣвшія на диванѣ. То были дамы, совершенно мнѣ незнакомыя. Одна, очевидно, была еще дѣвица; другая, очевидно, не была уже дѣвица—примѣрно сказать, была замужняя. Онѣ мнѣ показались сперва Француженками — потомъ не-Француженками — потомъ опять Француженками. Но я скоро отгадалъ, что онѣ сестры. Дѣвицу, въ крайней необходимости, назвалъ бы я безподобною — болѣе ничего; но не-дѣвица была, въ точномъ значеніи слова, очаровательна. Графиня называла ее своей любезной Теолиною. Теолина называла графиню своей любезной Катериною. Обѣ онѣ называли дѣвицу своей любезной Наниною. Графиня и Теолина очевидно были большія пріятельницы — что̀ меня немножко изумило: чтобы двѣ молодыя и прекрасныя женщины мо-

гли жить въ такой дружбѣ, онѣ должны быть деревянныя, или сдѣланныя обѣ изъ цѣльнаго куска добродѣтели. Теолина явно была не деревянная. Она была вся изъ свѣта, гармоніи и любви. Я въ жизни не видывалъ красоты совершеннѣе, существа восхитительнѣе, волшебнѣе, воздушнѣе. Необыкновенныя прелести тѣла, которыми всякая другая женщина ослѣпила бы самое сѣрое и безчувственное зрѣніе, у нея почти исчезали, казались тусклыми, безъ лучей и свѣта, въ блескѣ прелестнаго ея ума, въ лучахъ игриваго воображенія, тонкаго инстинкта, изящной и остроумной бесѣды, скромности, привѣтливости, добродушія, — дарованій и совершенства всякаго рода. Я не говорю уже о примѣчательной начитанности, и томъ мягкомъ, атласномъ отливѣ науки на движущемся женскомъ воображеніи, который дѣлаетъ красивую самку нашу не спорщицею, но понятливою и живою слушательницею образованнаго мужчины; который не только не темнѣетъ отъ сильнаго сіянія его ума, но еще становится блистательнѣе и сверкаетъ радужнѣйшими цвѣтами. Въ ней соединялось и это. Она представилась мнѣ не женщиною, но какимъ-то метеоромъ—скопленіемъ свѣтистыхъ стихій неба — звѣздою первой величины. О, какъ счастливъ тотъ, чья толща умственныхъ способностей и пріобрѣтенныхъ познаній привлечетъ къ себѣ подобное свѣтило, мерцающее красотою и понятіемъ, и, удержавъ его въ предѣлахъ своей притягательной силы, заставитъ сдѣлаться спутникомъ своего ума; заставитъ вращаться около него вѣчно — вѣчно, до самаго гроба, и

проливать на свои вечера и ночи лунный свѣтъ его, тихій и плѣнительный — еще плѣнительнѣйшій, когда ярко мелькнетъ онъ сквозь черныя тучи заботъ, несущіяся по взволнованной атмосферѣ души, окружающей эту толпу! И, когда еще, послѣ упоительной жизни, этотъ нѣжный свѣтъ, усиленный теплыми лучами воспоминанія, упадетъ на вашу могилу, посеребритъ ночью издали холодную глыбу земли, поглотившую ваше существованіе, проникнетъ до вашего праха и его согрѣетъ, тогда я не знаю счастія въ романахъ, которое могло бъ сравняться со счастіемъ кладбища!

Но довольно унылыхъ умозрѣній! Въ этотъ вечеръ я имъ не предавался — я былъ въ восторгѣ — въ пятомъ небѣ, можетъ-статься еще выше; я цѣлымъ объемомъ души, сердца и тѣла, жадно вбиралъ въ себя сладость, испарявшуюся изъ очаровательной бесѣды, и не успѣвалъ поглощать эѳирныхъ волнъ ея, быстро несшихся по всѣмъ моимъ раздраженнымъ чувствамъ. И какъ я ни былъ отличный іезуитъ съ женщинами, но тутъ долженъ былъ соединить всѣ усилія, все присутствіе духа, чтобъ не забыть о прекрасной хозяйкѣ, и скрыть отъ ея пріятельницы мои впечатлѣнія. Не знаю, черезъ отраженіе ли окружавшихъ меня превосходствъ, или оттого, что Мефистофель сѣлъ на это время у меня на маковкѣ, но я вдругъ получилъ удивительное вдохновеніе остроумія: я былъ deo plenus — полнымъ чортомъ гостинныхъ—веселъ, любезенъ, удаченъ во всѣхъ словахъ, золъ до кротости, добръ до язвительно-

сти, занимателенъ, шутливъ, уменъ—гораздо, ну сто разъ умнѣе теперешняго. Нѣтъ никакого сравненія! Я, изволите видѣть, теряю всѣ свои достоинства, лишь только возьму перо въ руки: ни коимъ образомъ не могу подобрать себѣ пера, которое бы ворочалось такъ, какъ мой языкъ! Здѣшнія перья удивительно какъ неуклюжи. Не въ этомъ дѣло: я хотѣлъ только сказать, для ясности дальнѣйшихъ обстоятельствъ, что въ тотъ вечеръ былъ я очень уменъ — и этому легко повѣрить; тѣмъ болѣе, что скоро объясню, какимъ образомъ одурѣлъ впослѣдствіи. И къ какой стати мнѣ васъ обманывать? Я былъ уменъ.

Передъ чаемъ, или во время чаю, всѣ посѣтители мужескаго пола одинъ за другимъ исчезли. Остался только одинъ, гдѣ-то за самоваромъ, потому-что у него оставалась еще одна идея, которой онъ не обнародовалъ: онъ хотѣлъ сказать, что завтра будетъ дождь. Мы были въ такомъ чудесномъ расположеніи духа, что безъ церемоніи нарекли его пророкомъ, хотя онъ, кажется, былъ превосходительный. Уже пробило одиннадцать: мы еще не думали разставаться—ни хозяйка, ни несравненная Теолина, ни я, не чувствовали никакой нужды расторгнуть тѣсный, роскошный кругъ, въ которомъ были заворожены. Чтобъ придать предлогъ продолженію нашего комитета за полночь, графиня предложила составить партію, и несравненная Теолина, которая была такъ увлечена непринужденною, дружескою веселостью нашихъ разговоровъ, что съ перваго разу раскрыла передо мною всю свою чистую душу—несравнен-

ная Теолина приняла это предложеніе съ явною радостью. Но кто будетъ играть четвертый? Безподобная дѣвица была еще такъ дѣвственна, что даже не играла въ вистъ. Просить пророка! Онъ дремлетъ за самоваромъ!... Теолина нашла эту идею прелестною, и замѣтила, что наша партія будетъ походить на робберъ виста, который, у Д'Израэли-Младшаго, играютъ Прозерпина, Манто, Сатурнъ и Гомеровъ пророкъ Тирезіасъ, на поляхъ Елисейскихъ. Графиня, всегда и во всемъ любезная, разбудила нашего собесѣдника, и просила его участвовать въ партіи.

— Ваше сіятельство, я не играю.

— Вы играете!

— Я играю очень дурно.

— Тѣмъ лучше! Мы всѣ небольшіе игроки.

— Но я играю такъ плохо....

— О, вы будете играть! съ дѣтскою рѣзвостью присовокупила Теолина. Вы не откажете намъ принять участіе въ нашей забавѣ. Намъ такъ весело!

— Сударыня, я забылъ взять свои очки. Безъ очковъ я совершенно слѣпъ....

— Какая досада, онъ слѣпъ! сказала мнѣ опечаленная Теолина. Со слѣпцомъ нечего дѣлать!

— Но онъ пророкъ; такъ это ничего не значитъ, сказалъ я ей вполголоса. Онъ будетъ предсказывать себѣ карты.

— Правда! правда!

Мы насильно посадили его къ игрѣ. Вистъ нашъ былъ самый странный, самый безсвязный. Мы вовсе не думали о картахъ—мы болтали, смѣя-

лись, разсказывали анекдоты, и опять смѣялись какъ сумасшедшіе, къ крайней досадѣ пророка, который сидѣлъ съ полною горстью тузовъ и козырей, и все время укладывалъ ихъ въ разныя группы, для большаго эффекта. Наконецъ, въ половинѣ третьяго роббера, хозяйка, въ порывѣ необычайной веселости, смѣшала карты на столикѣ, прикрыла ихъ своими прелестными ручками, и воскликнула: «Будемъ лучше болтать!» Пророкъ остался одинъ съ своими козырями въ рукѣ, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена. Мы говорили безъ умолку, шутили, ужинали на томъ же мѣстѣ, и, послѣ рюмки отличнаго силлери, еще болѣе одушевились нашимъ невиннымъ счастіемъ. Уже было два часа, когда мы встали изъ-за столика. Я началъ прощаться съ графинею.

— Обѣщайте мнѣ еще разъ, что вы будете навѣщать меня почаще.

— Еслибъ не было достаточно моего слова, этотъ вечеръ заставилъ бы меня искать всюду другаго подобнаго, а его можно найти только въ вашемъ домѣ, графиня, и въ вашемъ обществѣ.

— Вы большой льстецъ на словахъ, а на дѣлѣ.... Было время, что вы больше любили *нашъ домъ*!

Она произнесла два послѣднія слова измѣненнымъ голосомъ, и закрыла глаза платкомъ. Она вспомнила о моемъ другѣ, о своемъ обожаемомъ Александрѣ, который, на другой годъ ихъ счастія, отдалъ отечеству жизнь, заложенную ей передъ алтаремъ. Тогда я бывалъ у нихъ раза два и три въ недѣлю!

— Заѣзжайте ко мнѣ хоть разъ въ недѣлю. Я

только тогда и смѣюсь, когда вы у меня бываете. Иначе, я живу затворницей; и еслибъ не моя добрая Теолина....

Она нѣжно обняла и поцѣловала свою добрую Теолину.

Я обѣщалъ ей быть въ слѣдующій вторникъ: мы пожали руки по-англійски, по-дружески, и я уѣхалъ въ городъ, растроганный, взволнованный, грустный. Обѣщаніе прекрасной и почтенной вдовѣ моего пріятеля остается въ своей силѣ — а я буду у нея нарочно, чтобъ еще разъ увидѣть ея добрую Теолину. Эта Теолина.... Право, эта Теолина....

Я всю ночь не могъ уснуть за этой Теолиной. Какъ-бы узнать, кто эта Теолина?... Судя по ея выговору, особенно по звуку ея голоса, она непремѣнно—Француженка! Каждый народъ разѣваетъ ротъ другимъ образомъ, и я никогда почти не ошибался, опредѣливъ происхожденіе лица по звучности его органа, по тому музыкальному тону, на который настроенъ его разговорный голосъ. Еслибъ мнѣ удалось поймать гдѣ-нибудь пророка! Онъ долженъ знать ее, а ежели не знаетъ, то могъ бы предвѣщать мнѣ, кто она такая—вдова? замужняя?... Но, я думаю, она ни замужняя, ни дѣвица, ни вдова: она Француженка!

На третій день я не выдержалъ, и въ самомъ дѣлѣ поѣхалъ гулять на острова, въ надеждѣ наткнуться въ какой-нибудь аллеѣ на графиню или на пророка, для котораго даже приготовилъ въ карманѣ табакерку съ лучшимъ французскимъ табакомъ, чтобъ вдругъ открыть непосредствен-

ныя сношенія съ его носомъ, откуда уже легче и короче путь къ сердцу. Тщетное усиліе! Я усталъ, и воротился домой въ той же безъизвѣстности. Вторая и третья попытка были столь же неудачны. Вся надежда на вторникъ. Но какъ впечатлѣнія, зароненныя въ насъ прекрасною и любезною женщиною, всегда усиливаются въ содержаніи квадратныхъ чиселъ разстоянія времени, то, бывъ въ первый день счастливъ ея образомъ, какъ 1, въ седьмой я былъ уже влюбленъ какъ 49. Я испугался: никогда еще не бывалъ я влюбленъ такъ много!!!

Да! она Француженка!... А сестра ея должна быть Англичанка!

Во вторникъ я пріѣхалъ къ графинѣ часу въ девятомъ. Теолина была тутъ, но уже одна, безъ сестры. Три человѣка болѣе или менѣе знакомыхъ мнѣ мужчинъ дополняли наше общество, и одинъ изъ нихъ, долго разговаривавшій съ нею, называлъ ее княгинею. А, такъ она княгиня!... Слѣдственно, въ ея княженіи есть какой-то князь съ титуломъ мужа. Ея собесѣдникъ долженъ хорошо знать все, что̀ до нихъ касается! Я имѣлъ на примѣтѣ этого собесѣдника, который обладалъ столь драгоцѣнными свѣдѣніями, но мнѣ никакъ неудавалось помѣняться съ нимъ парою словъ наединѣ. Мы опять провели вечеръ чудесно, хотя гораздостепеннѣе и холоднѣе, нежели какъ въ прошедшій вторникъ, когда были одни. Теолина была восхитительна. Я былъ восхищенъ Теолиною — восхищенъ въ высочайшей степени, но этого никто не примѣтилъ: я знаю, какъ должно восхи-

щаться. Она часто сама заводила рѣчь со мною.... Около полуночи этотъ драгоцѣнный собесѣдникъ попался мнѣ въ руки въ серединѣ залы. Я допустилъ его начать бесѣду со мною на собственномъ его иждивеніи.

— Какой прекрасный май!

— Удивительный. Кто эта дама?

— Эта?... Княгиня Татьяна Кондратьевна Чундзулеева, сказалъ онъ протяжно, вполголоса, наклонясь къ моему уху.

— Да! теперь, кажется, долго простоитъ хорошая погода.... Ежели завтра не пойдетъ снѣгъ....

Говоря о снѣгѣ, я уже былъ въ десяти шагахъ отъ драгоцѣннаго собесѣдника, чтобъ скрыть отъ него живой румянецъ, закрасившій все мое лицо въ одно мгновеніе ока. Чундзулеева? Ахъ, Боже мой!... Ахъ, чортъ возьми! Это она! Такъ это та самая вдова, которая.... Я не смѣлъ приподнять глазъ на нее, до самаго отъѣзда: впрочемъ и не долго оставался послѣ открытія, которое обдало меня кипяткомъ съ головы до ногъ. Чундзулеева! Татьяна, передѣланная въ Теолину! И я жертва этого оптическаго обмана, которымъ нашихъ православныхъ русскихъ женъ превращаютъ во французскихъ куколъ!... При первой возможности я ускользнулъ отъ графини.

Но я, по характеру моему, очень правосуденъ— одна изъ причинъ, по которымъ никогда не хотѣлъ быть судьею—и признавался передъ собою по совѣсти, что хотя она и Чундзулеева, однако женщина восхитительная, чудесная, безподобная —которую можно любить до безпамятства. Да!

она ангелъ. Подлинный ангелъ, безъ всякой метафоры. Красота ея такъ изумительна, такая ангельская, что тутъ ничего нельзя прибавить—одною степенью выше, и тамъ уже начинаются херувимы!

Въ эту минуту мнѣ показалось, что кто-то, за коляскою, подлѣ самаго моего уха, произнесъ одну изъ язвительнѣйшихъ моихъ эпиграммъ, пущенныхъ въ ходъ прошлою зимой на г-жу Чундзулееву. Но какъ я чрезвычайно гордъ, то даже не оглянулся: только встряхнулъ голову, чтобъ сболтать мысли въ мозгу, и дать другой оборотъ моимъ думамъ. Желая занять ихъ пріятнымъ образомъ, я направилъ ихъ на поэзію чистаго весенняго воздуха, и сталъ отыскивать на небѣ звѣзды, утопающія въ свѣтлой темени майской ночи и казавшіяся еще однимъ билліономъ миль далѣе отъ нашей планеты.

Но черезъ пять секундъ, онѣ, думы, собственною своей тяжестью, упали со звѣздъ на Теолину —именно на ея бѣлое, роскошное плечо, которое взоръ мой такъ сладостно ласкалъ въ теченіе вечера. Тысяча непріятныхъ предположеній быстро текли въ умѣ моемъ съ блѣдными, безжалостными чертами правдоподобія: я думалъ — и не безъ основанія—что въ прошедшій разъ она старалась быть со мною столь любезною, предстать передъ меня такою добродушною, чистою, откровенною, вся превратиться въ сердце и прелесть, чтобъ наказать меня за мою несправедливость и удостовѣрить, что она была достойнѣе моего удивленія, чѣмъ безвинной вражды. Ежели это было сдѣла-

но съ намѣреніемъ, такъ она умная женщина! Такимъ образомъ и слѣдовало наказать меня!

Но гордость моя снова зашевелилась.

Наказать! Какъ, наказать? За чтò?... Конецъ концовъ, я не говорилъ объ ней ничего дурнаго, —я только шутилъ—не думалъ объ ней—не имѣлъ никакихъ данныхъ о томъ, кто она, чтò она — даже никого не разспрашивалъ. Теперь, зная, что она премилая женщина, я соберу объ ней надлежащія свѣдѣнія, составлю себѣ ясное понятіе, и наши соотношенія должны считаться только съ этого времени.—Стой! стой!...

— Шпирхъ!

По Каменноостровскому мосту медленнно катилась черная фигурка, согнутая дугою на грязныхъ, оборванныхъ дрожкахъ, влекомыхъ чахлою лошадкою.

— Шпирхъ, стой! Садись со мной въ коляску. Отпусти извощика.

Пока Шпирхъ разсчитается и выбранится съ ванькою, я разскажу вамъ, чтò значитъ слово — Шпирхъ.

Шпирхъ есть микроскопическое созданіе, смуглое, блѣдное, тощее, сухое, безъ тѣла, безъ крови, безъ чувствъ, безъ сердца, безъ души. Вы всегда найдете его на какомъ-нибудь тротуарѣ. Это домовой Невскаго Проспекта — движущійся на пружинѣ оставъ — легкая кость безъ мозга, вываренная въ котлѣ и обтянутая юфтью, или просто кожею: на кожѣ фланель, на фланели двѣ рубахи, на рубахахъ двѣ фуфайки, на фуфайкахъ манишка съ тремя пуговками, на манишкѣ два

жилета, на жилетахъ кафтанъ, на кафтанѣ теплый сюртукъ, на сюртукѣ синяя медвѣжья шуба, — и все это, вмѣстѣ съ костями и кожею, образуетъ мягкій, упругій шаръ въ аршинъ и двѣнадцать вершковъ діаметра, оканчивающійся снизу кеньгами, а сверху старою, помятою шляпою. Это зимній его нарядъ: лѣтомъ онъ не такъ красивъ. Шпирхъ служитъ въ какомъ-то приказѣ, снимаетъ въ наймы какіе-то домы въ какихъ-то улицахъ, уступаетъ знакомымъ людямъ какіе-то товары, продаетъ въ полубутылочкахъ какія-то вина, и безпрестанно занятъ какими-то дѣлами. Онъ Французъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ обожаютъ Французовъ, даже такихъ, какъ онъ, и Нѣмецъ съ тѣми, кто бранитъ все французское. По воскресеньямъ и въ большіе праздники онъ бываетъ Русскій; по субботамъ онъ вѣроятно возвращается къ своей подлинной націи, потому-что въ субботу вы нигдѣ его не отыщете. У него все исчислено на рубли и копѣйки — погода, умъ, грязь, жизнь, красота, знакомство, страсть и удовольствіе — съ процентами и рекамбіями, какіе можно получить отъ нихъ, еслибъ положить ихъ въ банкъ на приращеніе. А его мозгъ? его плоскій мозгъ устроенъ наподобіе счетной доски, и на немъ-то выкладываетъ онъ съ безчеловѣчною точностью свои ощущенія, надежды и виды; на немъ-то холодныя, костяныя его понятія передвигаются, какъ шарики на проволокѣ, съ мертвымъ стукомъ, при безпрерывномъ шопотѣ мозговыхъ его органовъ, который можете вы явно слышать, прислонивъ ухо къ его головѣ. — «Сто-сорокъ-пять тысячъ

семьсотъ-девяносто-девять; да три тысячи триста-двадцать-девять; да восемь»—съ копѣйками. Въ его фразѣ нѣтъ другихъ оборотовъ, кромѣ денежныхъ; всякое его слово такъ и щупаетъ ваши карманы. Онъ не можетъ разсуждать, ни бесѣдовать, чтобъ не хитрить: обыкновенная риторическая фигура въ его разговорномъ слогѣ — плутня; и когда ужъ хочетъ онъ отличиться честностью, оставивъ карманъ вашъ въ покоѣ, то плутуетъ только звуками алфавита—изъясняется каламбурами. Вы можете дурачить его, какъ угодно: онъ перенесетъ все съ улыбкою, не сердясь и не краснѣя; но когда будете подписывать ему вексель, то всѣ ваши эпиграммы и его улыбки найдутся въ общемъ итогѣ капитала и процентовъ. Я разорился отъ него именно такимъ образомъ. Разъ встрѣтилъ я его въ одномъ порядочномъ домѣ. Хозяйка сказала мнѣ:

— Мосьё Шпирхъ человѣкъ очень любезный.

Онъ даставлялъ ей въ займы деньги безъ вѣдома мужа.

Хозяинъ прибавилъ:

— И какая честная душа!

Онъ доставлялъ ему то, о чемъ жена и не должна вѣдать. Теперь онъ сидѣлъ у меня въ коляскѣ, мчавшейся безъ шума по «чугунной дорогѣ изъ дерева», какъ говорятъ Американцы.

— Ахъ, какъ я радъ, что съѣхался съ вами! Поздравляю, поздравляю васъ отъ всего сердца. Я слышалъ, что вашъ двоюродный братецъ умеръ. Это должно быть вамъ очень пріятно....

— Мой братъ умеръ? Какой?

— Мосьё Иванъ Б—ой.

— Ты съ ума сходишь, любезный Шпирхъ! Онъ вчера женился.

— Неужто? А мнѣ сказывали, будто онъ вчера умеръ. Я такъ обрадовался!... Не за себя, за васъ.

— Какъ, ты обрадовался за меня? Его смерть меня бы крайне огорчила. Я очень люблю брата....

— Но вы получили бъ наслѣдство, тридцать тысячъ дохода.... Тридцать тысячъ, не шут....

— Ахъ ты, проклятый ростовщикъ! закричалъ я, смѣясь, но пополамъ съ гнѣвомъ. Послушай, любезный Шпирхъ! ради Бога, прекрати со мною эти штуки. Ты знаешь нашъ уговоръ?

— Знаю. Я обѣщалъ вамъ говорить всегда дѣло, безъ каламбуровъ.

— Такъ отвѣчай же мнѣ, честно и по совѣсти, на мой вопросъ. Ты знаешь всѣхъ, и поэтому долженъ знать княгиню Чундзулееву. Кто она такая?

— Diable! кто она такая! Она прекрасная женщина.

— Это и я знаю.

— Четыре тысячи душъ! триста тысячъ дохода! Это лучше красоты.

— Знаешь ее лично?

— Какъ же! Я недавно промѣнялъ ея зеленую карету на ту, въ которой она ѣздитъ. Женщина прелюбезная и со вкусомъ; воспитана въ Парижѣ, у г-жи Деренардо̀, была принята въ домѣ извѣстной г-жи Рекамьѐ, настоящая Француженка. Домъ ея поставленъ совершенно на французскую ногу; тонъ превосходный, вѣжливость отличная. Вошедши къ ней, вы, кажется, вошли въ отель старин-

ной французской герцогини, какъ еще бывало въ мое время, до революціи. Иностранцы, дипломатическая молодежь, предпочтительно любили собираться у нея въ прошлую зиму; и тамъ очень пріятно проводятъ время. О, она умѣетъ жить большимъ домомъ! Сама она не очень богатыхъ родителей, но имѣла счастіе выйти замужъ за какого-то полуазіятскаго князя, Грузина или Турка, не помню—я всегда смѣшиваю эти народы—который былъ слѣпленъ весь изъ червонцевъ. На эти деньги она купила въ Россіи большія помѣстья.... Знаете ли, мосьё П—овъ! вы бы должны были плотно подсѣсть къ ней. Вы молодцы, миловидны, съ такими густыми бакенбардами!... Она предпочла бъ васъ многимъ своимъ обожателямъ. Это богатая взятка!...

— Полно, полно, любезнѣйшій. Объ этомъ я васъ не спрашивалъ. Мнѣ только хотѣлось знать объ ней нѣкоторыя подробности по случаю одного важнаго дѣла....

— Какого дѣла? спросилъ Шпирхъ съ жаднымъ любопытствомъ. Можетъ-статься, я въ состояніи помочь вамъ? Мнѣ извѣстны всѣ здѣшніе пути....

Онъ присталъ ко мнѣ, какъ піявка, и хотѣлъ непремѣнно высосать изъ меня *это* дѣло. Видя однакожъ, что я не расположенъ принять его въ долю, онъ опять обратился къ княгинѣ Чундзулеевой. Но я запретилъ ему говорить объ ней болѣе. И дѣйствительно, съ меня достаточно было того, что̀ уже я слышалъ. По весьма уважительнымъ причинамъ, мнѣ неловко было производить распросы у моихъ пріятелей и знакомцевъ, знавшихъ преж-

нее мое объ ней мнѣніе, и только такой человѣкъ, какъ Шпирхъ, могъ безопасно доставить нужныя мнѣ свѣдѣнія. Эта мысль пришла мнѣ въ голову въ то же самое мгновеніе, какъ я увидѣлъ его на мосту. Онъ объяснилъ мнѣ главныя обстоятельства: я не хотѣлъ почерпать болѣе подробностей въ такомъ нечистомъ источникѣ.

Но онъ смекнулъ, что этимъ оказалъ мнѣ большую услугу. Чтобы заплатить себѣ за трудъ разговора въ моей коляскѣ, или за то, что я назвалъ его ростовщикомъ, онъ сталъ навязывать мнѣ какую-то собаку, увѣряя, что я просилъ его пріискать ее для меня, и что онъ избѣгалъ за ней весь городъ. Я защищался всѣми силами отъ собаки. Я говорилъ, что у меня теперь нѣтъ денегъ, и велѣлъ отвезти плута домой, на самый край города, думая тѣмъ удовлетворить его за сообщенныя извѣстія. Нѣтъ! На другой день, еще я спалъ, какъ собака уже лаяла въ моей передней. Я приказалъ тотчасъ отвезти ее къ Шпирху. Ввечеру, она подослана была ко мнѣ вторично. Я вторично отправилъ ее назадъ. Пять дней возились мы съ нею такимъ-образомъ: я бѣсился, грозилъ бить бездѣльника, наконецъ долженъ былъ взять отъ него безполезное животное въ трехъ стахъ рубляхъ, до разсчета.

Такъ и быть! эта собака имѣетъ въ глазахъ моихъ особенную цѣну, которую одинъ я въ правѣ опредѣлить ей. Конецъ концовъ, мнѣ нельзя скрыть отъ себя того, что я люблю Теолину: я очевидно глупѣю! Моя веселость уходитъ; мой счастливый, беззаботный характеръ уходитъ; склонность моя

къ насмѣшкѣ уходитъ тоже. Я дуракъ! Я влюбленъ!.. Но послѣднее званіе болѣе сходствуетъ съ моими правилами, и въ такомъ случаѣ Шпирхъ, корыстолюбивымъ своимъ совѣтомъ, подалъ мнѣ хорошую идею, которая, ежели сбудется, стоитъ цѣлой собаки. Чундзулеева—какое благозвучное слово! она казалась мнѣ еще красивѣе подъ этимъ названіемъ—Чундзулеева можетъ быть моя. Я рѣшился произвести правильное нападеніе на сердце очаровательной вдовы, въ которомъ небольшой проломъ по-видимому былъ уже сдѣланъ при первой встрѣчѣ нашей у графини Катерины Николаевны. Ежели только то не было маневромъ съ ея стороны, то.... А вотъ мы скоро увидимъ!

Я сталъ посѣщать чаще вдову моего покойнаго друга, и почти всегда заставалъ тамъ Теолину. Мы не разъ проводили втроемъ по нѣскольку часовъ сряду, вмѣстѣ гуляли по островамъ, обѣдали, занимались музыкою, играли въ карты. Дружба, которую оказывала мнѣ графиня, сообщилась ея пріятельницѣ и сосѣдкѣ по дачѣ: Теолина дала при мнѣ свободный ходъ своему веселому и игривому характеру, и обращалась со мной непринужденно. Я убѣдился, что она отнюдь на меня не гнѣвалась. Каждый день открывая въ ней болѣе и болѣе прелести, замѣчалъ я съ восторгомъ, что она тоже отдавала мнѣ явное преимущество передъ другими; любила находиться въ моемъ обществѣ, и даже принимала на себя смѣлость выговаривать мнѣ иногда отъ имени хозяйки, что я не былъ у нихъ въ такой-то день, когда имъ было очень скучно, очень весело или очень сыро все

время. Ея глаза, ея чудесная улыбка, ея бѣлое и прозрачное плечо, очевидно дѣлали мнѣ тѣ же упреки и тѣ же привѣтствія. О божественная вдова!... Я бросился всѣмъ тѣломъ въ радужное пламя страсти, безпрестанно разжигаемой столь горячими веществами; и хотя не имѣлъ еще случая представить ей, въ нѣсколькихъ словахъ, ясное и удовлетворительное извлеченіе изъ моихъ чувствованій, но тысяча мелкихъ вѣжливостей, тысяча доводовъ тонкаго предпочтенія, которые не переставалъ оказывать ей непримѣтно, и которыя всякая женщина не только хорошо понимаетъ, но и удостоиваетъ полнаго своего одобренія, позволяли мнѣ заключить съ достовѣрностью, что я тронулъ ея осиротѣлое сердце. Я сталъ крѣпко думать о томъ, какъ бы скорѣе исторгнуть ее изъ мучительнаго состоянія вдовы, и возвратить къ супружескому счастію, прерванному кончиною почтеннаго князя Чундзулеева. Надѣюсь, что въ цѣлой экономіи моего тѣла не найдете вы ни одного золотника чувствъ рабскихъ и продажныхъ; за всѣмъ тѣмъ я не оспариваю факта, что четыре тысячи душъ и триста тысячъ дохода, о которыхъ упомянулъ Шпирхъ, несмотря на мое презрѣніе къ этому мерзавцу, никакъ не могли уменьшить во мнѣ удивленія красотѣ и уму Теолины, ни поколебать любви къ ея особѣ. Увѣренный по чистой совѣсти, что также страстно обожалъ бы ее и тогда, когдабъ у ней не было ни гроша за душою — хотя тогда былъ бы гораздо-осторожнѣе съ изъявленіемъ ей моего обожанія — я рѣшился употребить всѣ мѣры, чтобъ привести это дѣло къ честному

и удовлетворительному для обѣихъ сторонъ заключенію.

Приличія не позволяли мнѣ посѣщать слишкомъ часто домъ графини; она, по мнѣнію своихъ пріятельницъ, была вдова; я былъ молодъ и, по мнѣнію враговъ моихъ, повѣса. Какъ бы видѣться съ Теолиною въ другомъ мѣстѣ? На ея устахъ уже нѣсколько разъ нѣжно дрожало для меня сладкое приглашеніе бывать въ ея домѣ, но внезапный румянецъ всегда сожигалъ его на тѣхъ же розовыхъ листьяхъ, съ которыхъ старалось оно взлетѣть на воздухъ, для моего счастія. Эта нерѣшимость и мучила меня ужасно, и исполняла сладости: опытные люди знаютъ, что̀ такое она значитъ. Но я вспомнилъ, что у Теолины есть годичная ложа въ Итальянской Оперѣ, и что она часто пріѣзжаетъ съ дачи въ театръ. Я зналъ ея ложу; пятая по правую сторону, въ Большомъ Театрѣ. Я поѣхалъ въ итальянское представленіе.

Въ театрѣ почти никого не было: пять или шесть ложъ въ первомъ ярусѣ, во второмъ еще менѣе — въ креслахъ человѣкъ тридцать, не болѣе, все въ очкахъ и съ лысинами различныхъ видовъ и неравнаго блеска. Это *дилеттанты*, записные любители музыки! для нихъ подлѣ скрипки и валторны нѣтъ ни зимы, ни лѣта. Въ театрѣ духота ужасная — въ пятой ложѣ по правую сторону ни живой души. Я оставилъ свое мѣсто, и усѣлся въ порожнихъ креслахъ подлѣ самой ложи Теолины.

Увертюра кончилась—занавѣсъ поднимается—пятый нумеръ пустъ! Нѣсколько дурныхъ актеровъ и дурныхъ пѣвицъ распѣваютъ речитати-

вомъ дурное сочиненіе, и на странные жесты усердно заматываютъ безконечными нитями славу, измѣну, любовь и ненависть. Это меня не занимаетъ! Изо всей пѣтой исторіи, одни дилеттанты, сидящіе передо мною съ расплавленною душою и разинутыми ртами, нѣсколько услаждали мою скуку. Какія фигуры!... Наклонясь бокомъ къ сценѣ, съ напряженными на вспотѣвшихъ лбахъ жилами, съ протянутою шеей, съ прикованнымъ къ оркестру слухомъ, они напомнили мнѣ лучшихъ и внимательнѣйшихъ дилеттантовъ, какихъ только я видалъ — константинопольскихъ хлѣбниковъ, пойманныхъ турецкимъ полиціймейстеромъ въ продажѣ неполновѣснаго хлѣба, и пригвожденныхъ за ухо къ дверямъ своихъ лавокъ вдоль цѣлой улицы. Это положеніе я считаю самымъ выгоднымъ, и для страстнаго слушателя, и для композитора музыки: тутъ ужъ ни одна нота не можетъ быть потеряна. Турки—дивные изобрѣтатели!

А Теолины все нѣтъ!

Пьеса продолжается. Примадонна пустила такія двѣ ракеты голоса, что я взвелъ глаза въ небо, глядя, куда онѣ полетятъ, и опасаясь, чтобъ не упали мнѣ на голову. Зато жъ ее, бѣдняжку, тотчасъ повели на смертную казнь подъ звуки кадрили съ варіяціями.... И вдругъ раздался надо мною шумъ отворяющейся двери и переставляемыхъ стульевъ. Я взглянулъ: Это она! Теолина здѣсь!

Она была съ сестрою.

Огонь, вспыхнувшій откуда-то изъ-подъ земли, взвился по всему моему тѣлу, и залилъ голову мою

жаромъ и блескомъ. Нѣсколько времени я не смѣлъ дышать: потомъ испустилъ длинною струею весь воздухъ, спершійся въ груди, и устремилъ смущенный взоръ на сцену. Боже мой, что она подумаетъ, увидя меня сидящаго въ этой театральной пустынѣ, подъ самою ея ложею!... И чтожъ такое? Вѣдь она женщина. Женщины знаютъ, что̀ объ этомъ думать.

Я никогда не забуду того чудеснаго выраженія на весеннемъ лицѣ ея, когда, легонько склонясь ко мнѣ, съ притворнымъ изумленіемъ—я готовъ побожиться, что съ притворнымъ! — сказала она мнѣ изъ ложи—«А, мосьё П—овъ, и вы здѣсь!»—и привѣтствовала меня ручкою, которая съ той самой минуты дѣлалась уже моею. «Не хотите-ли завернуть къ намъ, въ ложу»?

Я чуть не превратился въ облако отъ такой неожиданной милости. Въ два мгновенія уже я былъ подлѣ моей волшебной вдовы; въ третье она мнѣ говорила:

— Какъ я рада, что нашла васъ здѣсь! А то я была въ отчаяніи, не зная, куда послать вамъ записку, съ просьбою, чтобъ вы сегодня, послѣ театра, пожаловали ко мнѣ на вечеръ. У меня будетъ графиня Катерина, и еще нѣсколько человѣкъ —все милые и умные люди — я не терплю скучныхъ—и мы именно говорили съ Нанниной—съ моей сестрой—я думаю, вы изволите знать мою сестру?

Мы поклонились другъ другу.

— Мы говорили съ Нанниной: «Ахъ, что̀ бы я не отдала, еслибъ мы гдѣ могли поймать васъ сегодня».

— Княгиня, вы слишкомъ добры! И я не въ силахъ обнять мыслію столько счастія....

— Вы будете у меня?

— Коль скоро вы, такимъ любезнымъ образомъ, позволяете мнѣ исполнить всегдашнее мое желаніе....

— Нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Вы обѣщали графинѣ быть у нея третьяго дня, и не были.

— Я былъ нездоровъ.

Она улыбнулась.

— Вы сомнѣваетесь, княгиня?

— Нѣтъ. О, нѣтъ!... Надинька! я думаю, что мы лучше сдѣлаемъ, когда не выпустимъ его отсюда? У насъ въ каретѣ довольно мѣста, и мы готовы похитить васъ, если это вамъ не противно.

— Я навѣрное не стану защищаться.

Такое благополучіе было свыше моихъ мечтаній. Я остался въ ложѣ до конца оперы. Нѣсколько франтовъ разнаго возраста и объема приходило любезничать съ моей Теолиной во время послѣдняго антракта, но я не обращалъ на нихъ вниманія. Дѣла мои были въ хорошемъ положеніи.

Послѣ театра, я усадилъ прелестную Теолину и будущую мою невѣстку, Надиньку, въ карету, и отправился вмѣстѣ съ ними на Каменный Островъ, приказавъ своему кучеру слѣдовать за нами. Мы болтали всю дорогу; я былъ въ той степени упоенія, въ какое впадаютъ только кружащіеся дервиши, свалившіеся съ ногъ отъ быстраго тѣловращенія, когда всѣ предметы явятся имъ въ яркихъ движущихся цвѣтахъ и въ огромномъ огненномъ колесѣ, по которому пляшутъ ангелы. Теолина ска-

зала мнѣ, между прочимъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ въ началѣ прошлой зимы, она открыла свой домъ для всѣхъ, кто будетъ ей представленъ, но что это повлекло за собою разныя неудобства, сплетни, злословіе; что, поэтому, она принуждена была уединиться на три или на четыре мѣсяца, чтобъ преобразовать свое общество, и что теперь будетъ принимать у себя только избранныхъ друзей своихъ. Эта откровенность объяснила мнѣ многое: я легко отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, почему не встрѣчалъ ея въ обществахъ, и какъ потомъ увѣрился, будто она уѣхала изъ Петербурга. Намѣреваясь жениться, не худо разсѣять напередъ свои сомнѣнія. Я былъ доволенъ всѣмъ, что̀ слышалъ въ каретѣ.

Мы остановились у великолѣпной дачи, которая въ предшествующее лѣто принадлежала одному моему знакомцу. Я не узналъ ея: умная роскошь въ цѣломъ и неподражаемый вкусъ во всѣхъ подробностяхъ — пышные цвѣты и растенія, уставленные живописными рощами, гравюры, книги, фортепьяны, арфы, флейты, гитары, офиціанты вмѣсто лакеевъ, страшный негръ, жирная болонская собачка, большой какаду, прелестныя софы, диваны, оттоманы, лоншезы, столики, вазы, ящики и кресла различныхъ видовъ — и въ рединѣ залы большой круглый столъ съ колоссальнымъ самоваромъ, покрытый чашками, тарелками, фруктами, винами и жареною дичиною, въ лучшемъ англійскомъ *стилѣ*—придавали этой дачѣ видъ совершенно иностранный, видъ французскаго загороднаго дома или одного изъ тѣхъ сельскихъ убѣ-

жищъ, которыя строятъ себѣ жители рая—и именно жители со вкусомъ и съ деньгами.

— Какъ вамъ кажется моя дача? спросила меня привѣтливая хозяйка, сама обводя меня по всѣмъ комнатамъ. Я купила ее въ ужасномъ положеніи, и сама устроила....

Въ это время вошла въ гостиную графиня Катерина Николаевна, пріѣхавшая прежде другихъ ожидаемыхъ гостей.

— Любезная Катерина, видишь, какъ я проворна! Я сама его отыскала и, для большей безопасности, привезла въ своей каретѣ. Мосьё П—овъ, я ласкаю себя, что съ этихъ поръ вы не будете дѣлать различія между домомъ моей прелестной графини Катерины и моимъ. Я, такъ же какъ и она, всегда дома для тѣхъ, отъ которыхъ мы безъ памяти. Сегодня, кажется, представила я вамъ ясное доказательство, сколько общество ваше мнѣ пріятно.

Я не прописываю моихъ отвѣтовъ: они заключались въ обыкновенныхъ и приличныхъ случаю вѣжливостяхъ. Существо дѣла состоитъ въ томъ, что̀ говорила княгиня Татьяна Кондратьевна Чундзулеева.

Скоро началъ съѣзжаться *выборъ* друзей моей Теолины. Я тотчасъ примѣтилъ, что мерзавецъ Шпирхъ сказалъ мнѣ правду: этотъ выборъ сдѣланъ по правиламъ парижскихъ гостиныхъ, а не по нашимъ, и, въ результатѣ, представлялъ точный скиццъ общества французской хозяйки-красавицы, слывущей въ то же время умною и любезною женщиной. Тутъ были, въ малыхъ прiе-

махъ, старые генералы и молодые полковники; два или три поэта, три или два извѣстные литератора — сколько можно было достать въ Петербургѣ; одинъ знаменитый артистъ — а можетъ и болѣе; два прежде-бывшіе великіе человѣка, изъ которыхъ одинъ говорилъ довольно умно; нѣсколько отвратительно-интересныхъ иностранцевъ, которые такъ свободно обращались съ моей вдовою, что на меня находила лихорадка каждый разъ, какъ эти дерзкіе дипломаты съ ней разговаривали; нѣсколько мужей безъ женъ, нѣсколько женъ безъ мужей, матерей съ дочками, и молодыхъ прекрасныхъ женщинъ, между которыми прекраснѣйшая изъ женщинъ сіяла какъ солнце между звѣздами—предполагая, что солнце нечаянно взошло бъ о полуночи для сообразности этого сравненія.

Въ одномъ только можно было упрекнуть разборчивость умной и прелестной хозяйки. Что̀ дѣлалъ въ нашемъ обществѣ, такъ умно составленномъ, этотъ черномазый Азіятецъ въ синемъ фракѣ, съ носомъ во всю длину лица и съ крестомъ на шеѣ, сидѣвшій въ концѣ стола, и подчивавшій сосѣдей табакомъ? Его ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало пускать въ покои! Но, правду сказать, онъ могъ быть близкій родственникъ, братъ или дядя покойнаго князя Чундзулеева. Ежели онъ братъ или дядя, такъ это ничего не значитъ!

За чайнымъ столомъ внимательная и ловкая Теолина посадила меня подлѣ себя. Блаженство находиться такъ близко къ обожаемому предмету,

роскошь ощущать на лицѣ своемъ вѣтерокъ его рѣчей, мысль о томъ, что скоро буду обладать такимъ бѣлымъ, такимъ розовымъ сокровищемъ, наконецъ и самый чай—чай тоже много придаетъ ума—всѣ эти вещи, или обстоятельства, чрезвычайно расположили меня къ веселости, къ остроумію, къ разсказамъ быстрымъ, шутливымъ, разнообразнымъ, невѣроятнымъ. Цѣлый часъ деспотически царствовалъ я за чайнымъ столомъ. Маменьки особенно мнѣ удивлялись: одна почтенная старушка такъ меня заслушалась, что уронила сухарь, и пролила чай себѣ на платье. Литераторы хотѣли со мной спорить. Одинъ изъ поэтовъ написалъ на меня, подъ столомъ, злую эпиграмму: это ихъ силлогизмъ! Но дипломаты, примѣтивъ, съ какимъ удовольствіемъ слушаетъ меня Теолина, струсили, и вытаращили глаза: они ясно смекнули, что имъ тутъ не достанется ни куска вдовы. Теолина была въ восхищеніи: она говорила мнѣ, съ небесною улыбкою:

— Вы по-истинѣ неисчерпаемы. Откуда у васъ все это берется? Я вамъ тысячу разъ благодарна, что вы не отказались пріѣхать ко мнѣ сегодня.

И я не преувеличиваю! Вы можете себѣ представить, какъ я былъ уменъ въ тотъ вечеръ, когда черномазый Грузинецъ, не понимавшій ни слова по-французски, подошелъ ко мнѣ послѣ чаю, и поподчивалъ меня табакомъ! Этотъ вѣнецъ былъ для меня драгоцѣннѣе большой медали иной академіи.

Да и я самъ былъ отъ себя въ восхищеніи —

не только потому, что этимъ явно покорилъ себѣ новую и чуть-ли не самую богатую чувствами область сердца Теолины, но—увы! — и потому, что счастливое вдохновеніе этого незабвеннаго вечера льстило мнѣ надеждою, что мой прежній умъ еще ко мнѣ возвратится. Безплодная мечта! Обманчивый призракъ! Тогда я уже былъ вполовину дуракъ. Потомъ сталъ еще пуще. И, съ тѣхъ поръ никакъ уже не могъ оправиться умомъ—къ крайнему сожалѣнію моему и моихъ читателей.

Послѣ чаю, занимались музыкою; Надинька (моя невѣстка) пѣла; дѣвицы танцовали; Теолина, распредѣливъ умственныхъ инвалидовъ, однихъ въ кадриль, другихъ къ висту, изъ остальныхъ, изъ всего надѣленнаго даромъ пріятнаго слова, составила около себя большой кругъ, въ которомъ, съ удивительнымъ умѣньемъ, съ непостижимою прелестью и свободою, развернула свои блистательныя способности къ образованной бесѣдѣ. Она превосходно управляла разговоромъ, воспламеняла его искрами своего остроумія, сводила всегда къ общему удовольствію, не забывая о своихъ успѣхахъ; принимала на себя всѣ виды любезности, царствовала, обвораживала, торжествовала. То была ночь ея славы, ночь чудесъ и волшебства. Я никогда не проводилъ въ Петербургѣ, ни въ его окрестностяхъ, трехъ часовъ времени такъ пріятно для ума.

Мы разъѣхались въ исходѣ третьяго, всѣ очарованные хозяйкою, — я въ особенности.

Но я провожалъ графиню до ея кареты, и она сказала мнѣ на крыльцѣ:

— Знаете ли, мосьё П—овъ, что вы совершенно покорили сердце одной прекрасной и очень интересной вдовы?

— Не ваше?

— Нѣтъ!

— Такъ я не стану любопытствовать далѣе.

И она уѣхала. Я бросился въ коляску, и покатилъ въ городъ. Ночь была синяя, искристая, величественная. Послѣдніе дни августа возвратили петербургскимъ звѣздамъ полное ихъ сіяніе, лунѣ богатое ея серебро, ночи ея поэзію. Красныя, желтыя, зеленыя, коричневыя деревья —великолѣпное кладбище лѣта, освѣщенное лампадою земли, и быстро скользящее мимо глазъ моихъ съ своими пестрыми памятниками, между которыми лежали огромныя массы мрака — навѣвало осеннимъ холодомъ на мое горящее лицо — горящее удовольствіемъ — горящее страстною и пылкою мыслію. Я снялъ шляпу, чтобъ освѣжить голову. Слова графини гнались за мною всю дорогу, и безпрестанно хватали меня за уши. Я только улыбался. Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнія, что, если захочу, то вдова—моя! Я совершенно покорилъ ея сердце, говоритъ графиня?... Да я и самъ это знаю! Нельзя сказать, чтобъ она оказала мнѣ сегодня рѣшительное предпочтеніе передъ другими: она была равно любезна ко всѣмъ, и старалась поставить каждаго въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ; но это такъ должно быть. Она— умная женщина! Рѣшительное предпочтеніе придетъ своимъ чередомъ — когда женщины на все *рѣшаются.* Она ведетъ себя очень осторожно, и

я долженъ подражать ея примѣру. Горячиться не надобно! Она очевидно хочетъ, чтобъ дѣло шло правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, и кончилось самымъ естественнымъ образомъ...

И оно кончится такъ естественно, какъ еще не было тому примѣра во всей естественной исторіи!

Ну, какая у меня будетъ жена! Чудо! Что за женщина! Или, лучше сказать, что за вдова! Если ужъ жениться на вдовѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ на такой.... Теолина! О, моя безцѣнная Теолина!...

Триста тысячъ дохода...? Триста тысячъ у нея, да четырнадцать у меня, это составляетъ триста четырнадцать тысячъ рублей въ годъ: вдвоемъ можно жить на эти деньги. Соединивъ наши имѣнія — четыре тысячи душъ ея, и сто тридцать восемь душъ моихъ — у насъ будетъ всего, круглымъ числомъ, четыре тысячи сто тридцать-восемь душъ крестьянъ—состояніе прекрасное—съ которымъ не стыдно жить въ свѣтѣ. Что я не интересанъ, это ужъ извѣстно; но въ супружествѣ все соединяется — и мои души должно жъ присоединить къ чему-нибудь! Я не виноватъ, что ея души будутъ количествомъ своимъ подавлять моихъ. Пусть себѣ души давятъ другъ друга, сколько имъ угодно—это не мое дѣло—я женюсь не на нихъ, а на Теолинѣ, у которой только одна душа, такъ же какъ у меня. Мы одинаково богаты въ этомъ отношеніи. Совокупивъ эти двѣ звѣзды въ одну супружескую систему, мы представимъ петербургскому горизонту самое блистательное созвѣздіе душъ нѣжныхъ и счастливыхъ

— соединеніе свѣтилъ красоты и нравственности.... Нравственность я хотѣлъ взять на себя.

Однимъ словомъ, это ужъ рѣшено, что я любилъ бы Теолину и безъ всякихъ постороннихъ душъ, и я не видѣлъ причины, почему бы обижать ее, считать недостойною моей приверженности, лишать неизъяснимаго счастія быть моей супругой, изъ-за какихъ-то душъ, обитающихъ въ чужихъ, и притомъ черныхъ тѣлахъ? Золотая рама всегда лучше выказываетъ достоинства отличной живописи. Такая чудесная картина не можетъ быть безъ рамы. Я предполагалъ восхищаться одною картиною — души здѣсь были бъ только для украшенія—и никто не былъ въ правѣ сказать, будто-бы я женился для имѣнія—которое презираю—доказательствомъ мое собственное, совершенно разоренное долгами!

Я счелъ нужнымъ подробно изложить здѣсь мой образъ мыслей о важномъ обстоятельствѣ богатства интересной вдовы, потому-что я ужасно щекотливъ на эти вещи.

На другой день я поѣхалъ къ ней съ визитомъ: двѣ безбожныя дамы, которыхъ не хочу назвать по имени, отняли у меня счастіе провести съ ней четверть часа безъ свидѣтелей. Въ концѣ той же недѣли встрѣтилъ я ее у графини Катерины Николаевны: она уже обращалась со мною, какъ съ другомъ. Потомъ я бывалъ у ней довольно часто на дачѣ, но одинъ никогда: я заставалъ ее обыкновенно въ обществѣ нѣсколькихъ кавалеровъ и дамъ, разбросанныхъ по кресламъ, образующимъ два полукружія передъ ея любимымъ ди-

ваномъ, и это общество мѣнялось безпрестанно. Очень рѣдко попадались мнѣ тѣ самыя лица два раза сряду. Одинъ только черномазый Азіятецъ, въ синемъ фракѣ и съ длиннымъ кавказскимъ носомъ — который осчастливилъ меня табакомъ въ первое мое посѣщеніе — казался ея постояннымъ гостемъ: никѣмъ не примѣчаемый, онъ иногда занималъ послѣднія кресла лѣваго полукружія, молчалъ весьма учтиво, и кланялся мнѣ небрежно, когда входилъ я въ гостинную. Много чести!

Разъ, въ исходѣ сентября, заѣхалъ я днемъ къ Теолинѣ. Она была въ городѣ. По залѣ, расхаживалъ тотъ самый Азіятецъ, въ томъ же фракѣ и съ тѣмъ же носомъ: онъ встрѣтилъ меня у дверей съ преважными жестами, какъ-будто прося войти въ покои. Будучи учтивъ со всѣми, я принялъ приглашеніе.

— Княгини нѣтъ дома, сказалъ онъ мнѣ порусски: но она скоро будетъ. Я самъ давно жду ея.

А! такъ онъ пришелъ къ ней по дѣлу, подумалъ я: ужъ вѣрно кредиторъ! Теолина очевидно ведетъ съ нимъ денежныя дѣла — и я объ ней сожалѣю. Эти Азіятцы ужасные ростовщики! Не понимаю, какъ можетъ она связываться съ такими людьми? Шпирхъ!... Да этотъ!... Они ее разорятъ! Она непремѣнно дѣлаетъ долги!... Современемъ я все это устрою.

— Какъ вы находите дачу княгини?

— Прелестна.

Онъ потчивалъ меня за то табакомъ, котораго я не нюхаю.

— Княгиня поѣхала въ городъ смотрѣть свой домъ, который отдѣлываютъ для зимы.

— А! она поѣхала смотрѣть свой домъ.

— Княгиня дѣлаетъ все съ такимъ вкусомъ! Вы конечно захотите увидѣть ея домъ, когда она переѣдетъ въ городъ?

— Если только вы мнѣ позволите!... воскликнулъ я насмѣшливо, проглотивъ улыбку вмѣстѣ съ знакомъ восклицанія.

Онъ поклонился мнѣ преучтиво, произнося предлинное и превыразительное — А!!!.

— Княгиня чрезвычайно любитъ веселыхъ людей, а васъ особенно. Она будетъ чрезвычайно рада. Она часто говоритъ со мной объ васъ съ такимъ восхищеніемъ!

Вотъ прекраснаго секретаря нашла себѣ Теолина! подумалъ я. Но это извѣстіе было мнѣ такъ пріятно, что я поклонился ему очень вѣжливо.

Онъ, въ свою очередь, отвѣсилъ мнѣ два или три поклона.

Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ о каретахъ княгини—колясках княгини—лошадяхъ княгини—покупкахъ для княгини — и я увидѣлъ ясно, что онъ ея управитель. Странно только, что Теолина допускаетъ его къ своимъ секретамъ, и позволяетъ засѣдать передъ диваномъ при людяхъ! Правда, что онъ всегда садится на послѣднемъ стулѣ, но и тамъ ему не мѣсто. Охъ, ужъ мнѣ эти кавказскіе нравы!...

Не желая заводить тѣснѣйшей дружбы съ упра-

вителемъ Теолины, я простился съ нимъ такъ вѣжливо, какъ только должно прощаться съ довѣреннымъ слугою своей возлюбленной; сказалъ, что мнѣ недосугъ дожидаться княгини, и что я завернулъ только на минутку, чтобъ засвидѣтельствовать мое почтеніе; просилъ его кланяться ей отъ меня, и уѣхалъ. Онъ провожалъ меня до самаго крыльца съ изъявленіями необычайной преданности—и это былъ очень хорошій знакъ. Голубчикъ, смѣкнулъ въ чемъ дѣло!... Слуги чуютъ за полгода впередъ, кому суждено быть ихъ господиномъ.

Тридцатаго сентября Теолина переѣхала въ городъ. Графиня Катерина Николаевна оставалась на дачѣ до десятаго слѣдующаго мѣсяца. Я уже посѣтилъ Теолину раза два въ ея домѣ, и она приняла меня съ возрастающею любезностью, сквозь которую просвѣчивалось что-то нѣжнѣе и лучше любезности: во второй приходъ мой она говорила мнѣ съ невыразимымъ чувствомъ о счастіи супружеской жизни, о блаженствѣ быть любимою добрымъ и вѣрнымъ мужемъ, о разныхъ этого рода вещахъ — изъявляя пламенное желаніе, чтобы графиня оставила свою несчастную мысль быть вѣчно плачущею вдовою, и рѣшилась выйти вторично замужъ. Еслибъ тутъ не было моей невѣстки, Надиньки, я бы тотчасъ упалъ къ ногамъ моей прелестной вдовы, и присягнулъ ей быть точно такимъ мужемъ, какого она желаетъ—добрымъ и вѣрнымъ — баснословно вѣрнымъ; но я не хотѣлъ причинять ущерба нравственности *невинной* дѣвицы зрѣлищемъ огнен-

наго любовнаго изъясненія. Несносная Надинька! Теолина почти сама приглашаетъ меня прекратить ея мученія, а я долженъ отвѣчать ей жестокимъ молчаніемъ! Въ глазахъ ея, нѣжно лелѣявшихъ алмазную слезу, пылалъ такой огонь — такой чудесный огонь, который пылаетъ только во вдовьихъ глазахъ! Но она могла ясно прочитать въ моихъ, что я вполнѣ раздѣляю ея чувства; я тоже ношу глаза не для очковъ. Въ заключеніе мы условились пріятно изумить графиню неожиданнымъ навѣщеніемъ ея на дачѣ, наканунѣ переѣзда ея въ городъ.

Какъ ей, бѣдняжкѣ, хочется выйти скорѣе замужъ!... И зачѣмъ эти женскія хитрости! Съ нѣкотораго времени она такъ часто и такъ умильно говоритъ мнѣ о графинѣ, влюбленной въ своего покойника, какъ-будто желала сосватать меня съ нею, и вылечить свою подругу отъ меланхоліи, давъ ей проглотить меня въ одинъ пріемъ. Но ктожъ этого не понимаетъ, что графиня тутъ — сама Теолина? что, зная страсть мою къ себѣ и не слыша отъ меня ни слова, она нарочно притворяется увѣренною, будто я влюбленъ въ другую, единственно для сохраненія передо мною своего равновѣсія? Охъ, она искусная кокетка!... Но всѣ женщины кокетки!... Надо непремѣнно разстроить это равновѣсіе рѣшительнымъ ударомъ. Но я обѣщалъ прежде поѣхать къ графинѣ.

Это было исполнено. Я уже засталъ Теолину у нашей общей пріятельницы, которую нашелъ печальною, съ заплаканными глазами, въ глубокомъ траурѣ. По-несчастью, то былъ день, въ который,

три года тому назадъ, мой другъ палъ смертью храбрыхъ. Воспоминанія навѣяли грусть и на мой умъ. Мы были скучны весь вечеръ, какъ чухонская проповѣдь; Теолина сверхъ того казалась разсѣянною. Она пристально смотрѣла на одну изъ гравюръ, лежавшихъ на столикѣ, когда хозяйка на-минутку оставила насъ однихъ въ гостиной.

— Знаете ли, о чемъ я думаю? сказала она мнѣ, не приподнимая своей изящной головки.

— Ваши мысли всегда такъ милы, что я пламенно желалъ бы знать ту, которая теперь васъ занимаетъ.

Она взглянула на меня, сопровождая свѣтлый лучъ своего взора улыбкою, такою очаровательною — немножко коварною — какихъ я теперь не вижу въ Петербургѣ.

— Вы, мосьё П — овъ, человѣкъ опасный для вдовъ!

— Въ такой же степени, въ какой вдовы для меня, отвѣчалъ я довольно живо.

— Не думаю!...

А! у ней на умѣ та самая вдова, о которой говорила мнѣ графиня!...

Графиня вошла въ комнату, и, какъ я превосходно понималъ значеніе этого слишкомъ явнаго намека, то счелъ нужнымъ завести другой разговоръ—первый, который пришелъ мнѣ въ голову. Теолина, Теолина! думалъ я съ жгучею болью въ сердцѣ, тогда какъ хозяйкѣ разсказывалъ забавное приключеніе съ одной дамой, нарумяненной и въ страшныхъ перьяхъ, которая выпала вчера

изъ кареты въ грязь, на Исакіевской Площади: бѣдная Теолина! ты сомнѣваешься въ могуществѣ твоихъ прелестей надъ моимъ сердцемъ? Нѣтъ, нѣтъ! это должно рѣшиться. Я не могу долѣе вынести подобной пытки!... И тебя, прелестное существо, не долженъ подвергать ей!... Но какъ дѣло было очень ясное и вѣрное, то я спокойно досказалъ свою исторію, прибавилъ къ ней еще два или три анекдота, немножко поумнѣе предъидущаго, и, послѣ чаю, уѣхалъ домой.

Мнѣ нужны были уединеніе, постель, темнота. Страсть совершенно овладѣла мною. Завтра сраженіе! побѣда — или смерть!... Побѣда! Все предвѣщаетъ успѣхъ—и онъ не первый въ моеі. жизни. Но передъ сраженіемъ сердце дрожитъ и у самаго искуснаго полководца. У меня, голова страшно горѣла, мозгъ сжимался въ раскаленномъ черепѣ, грудь была угнетена огромною тяжестью. Мнѣ чудилось, будто весь Кавказъ лежитъ на мнѣ — весь, съ горами, покрытыми снѣгомъ, и съ Грузіею—и что по этой Грузіи расхаживаетъ блѣдная тѣнь Чундзулеева, моего покойнаго предшественника, грозя мнѣ адомъ, если я женюсь на его женѣ. Но я не суевѣренъ. Какіе пустяки! что̀ за связь между адомъ и его женою? Это старая уловка всѣхъ ревнивыхъ мертвецовъ!... Впрочемъ, я скоро примѣтилъ, что этотъ Кавказъ съ Грузіею была только подушка, которую я въ страстномъ волненіи вытащилъ изъ-подъ головы и положилъ на своей груди, и что ужасная тяжесть Кавказскихъ Горъ происходила отъ Шпирховой собаки, взобравшейся спать на эту подуш-

ку. Я прогналъ собаку, и видѣніе кончилось. Но тутъ начала дѣйствовать логика. Умно ли я дѣлаю, что хочу жениться на вдовѣ? на женщинѣ, преданной наружности, свѣту и пустому блеску? жадной похвалъ? стремящейся господствовать надо всѣмъ, чтò ее окружаетъ?... Много, много женскихъ сердецъ прошло черезъ мои руки — и чтожъ я открылъ въ нихъ? Выспреннюю, непостижимую преданность, пока страсть пожираетъ внутренность; измѣну послѣ страсти — или склонность къ измѣнѣ. Одно только нашелъ я въ мірѣ сердце, нарочно созданное для долгаго счастія — но то было сердце юное, дѣвственное, невинное, сердце теплое и чистое какъ самое пламя, бьющееся сердце, которое быть-можетъ никогда не дрожало любовью, пока я не тронулъ его первый — и которое ужъ вѣрно никогда не дрожало такъ послѣ! Это сердце слѣдовало мнѣ сдѣлать вѣчнымъ союзникомъ моего, а не сердце красавицы умной, любезной — знающей, что она любезна — старающейся доказать всѣмъ, что она умна и прекрасна.... Но логика — вещь самая глупая и вредная, когда дѣло идетъ о женитьбѣ. Я именно потому люблю Теолину, что она прекрасна, умна и любезна, и женюсь потому, что люблю — а тамъ чтò Богъ дастъ.... Вотъ настоящая логика!

Я уснулъ, когда уже солнце было на горизонтѣ, и всталъ около полудня. Нарядясь съ отличнымъ вкусомъ, я выѣхалъ со двора—то есть меня вывезли безчувственнымъ отъ страха и позора изъ тюрьмы на лобное мѣсто: влюбленный передъ объясненіемъ очень похожъ на преступни-

ка, приговореннаго къ смерти. Еще было нѣсколько рано, и я рѣшился пройтись по тротуару Невскаго Проспекта, чтобъ собрать и привести въ порядокъ свои мысли передъ роковымъ ударомъ сѣкиры. Мимо меня текли безпрерывною цѣпью лица блѣдныя, безобразныя, холодныя, изрытыя потухшими страстями, искривленныя спѣсью, надутыя тщеславіемъ безъ цѣли, растянутыя на аршинъ корыстолюбіемъ или сплюснутыя въ листокъ тяжелымъ молотомъ глупости. Вы не можете себѣ представить, какія фигуры ходятъ по невскому тротуару въ тѣ часы, въ которые гуляютъ тамъ влюбленные незадолго до изъясненія! Ну, право, умора! Если хотите видѣть тротуарныя лица въ ихъ подлинной наготѣ, во всей ихъ карикатурности, подите-ка посмотрѣть на нихъ глазами любовника, внутри котораго, для такой большой оказіи, огонь возвышенной страсти все переплавилъ, все очистилъ, все облагородилъ идеаломъ обожаемаго совершенства. Ну, уже скоро два часа.

— Дома ли княгиня?

— У себя. Пожалуйте!

Въ одно мгновеніе, съ подъѣзда, минуя лѣстницу, взлетѣлъ я въ волшебный будуаръ, гдѣ Теолина, плѣнительнѣйшая чѣмъ когда-либо — можетъ-статься, мнѣ такъ показалось! — сидѣла на маленькой голубой софѣ подлѣ чуднаго маленькаго столика.

Опять гости! Во-первыхъ, Надинька, которой я не могу терпѣть.

Во-вторыхъ, какой-то гвардейскій капитанъ, и,

какъ на досаду, мой пріятель, а я боюсь пріятелей! Да еще одинъ итальянскій графъ, оканчивающійся на *атти*, *отти*, *утти*—какъ очень часто оканчиваются графы. Я ужъ не считаю бывшаго тутъ польскаго графа, потому-что польскимъ графамъ нѣтъ счету: ихъ находишь всюду, между мебелью гостиныхъ и будуаровъ.

По зрѣломъ соображеніи предлежащаго дѣла, я заключилъ, что за моей невѣсткою, Надинькою, должно быть хорошее приданое, потому-что польскій графъ ужасно къ ней подлипастъ. Графъ *атти*, *отти*, былъ пустой, приторный франтъ, немногимъ забавнѣе и умнѣе пармезана—и котораго я не боялся. Но мой пріятель, капитанъ, такъ и пожиралъ глазами хозяйку. Теолина воспользовалась моимъ появленіемъ, и, съ своей обыкновенной привѣтливостью, тотчасъ попросила меня помѣститься подлѣ нея, на той же маленькой софѣ, гдѣ сама сидѣла: эта крѣпкая позиція, занятая мною своевременно и обороняемая храбро, заслонила вдову отъ опаснаго натиска капитанскихъ взглядовъ. Отраженный со всѣхъ пунктовъ, капитанъ скоро принужденъ былъ взять шляпу, и уходить въ разсыпную.

Разговоръ, болѣе или менѣе занимательный, удержалъ двухъ остальныхъ посѣтителей почти до половины третьяго. Не зная, какъ отдѣлаться отъ графа Буджератти — кажется, Буджератти! но за давностью времени утверждать не стану—Теолина предложила ему пріѣхать къ ней въ тотъ же день обѣдать. Итальянскій графъ ушелъ преумно, обѣщавъ явиться въ шесть часовъ.

Убирайся, другъ мой, къ чорту! произнесъ я въ душѣ, прощаясь съ нимъ очень умильно.

— А вы, мосьё П—овъ, что̀ располагаете дѣлать сегодня? спросила меня Теолина. Если у васъ нѣтъ въ виду ничего лучшаго, оставайтесь обѣдать съ нами. Къ намъ пріѣдутъ еще нѣсколько человѣкъ друзей....

Я колебался въ отвѣтѣ.

— Оставайтесь! шепнула мнѣ Надинька, коварно улыбаясь и посматривая на сестру.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Надинька! если ты хочешь ѣхать въ манежъ, такъ ужъ пора, мой другъ. Скоро три часа. Пока ты соберешься, пока проѣздишь часъ въ манежѣ, пока потомъ переодѣнешься, будетъ шесть часовъ.

— Ахъ, такъ я полечу впередъ за своей верховою лошадью, и буду ожидать васъ, сударыня, у воротъ манежа! воскликнулъ польскій графъ.

Онъ раскланялся, и убѣжалъ.

— Вы, сударыня, и не думаете одѣваться къ манежу! сказала Теолина сестрѣ, погодя немного.

— Я одѣнусь въ пять минутъ.

— Извините, другъ мой! Тебѣ всегда нужно полчаса, и болѣе.

— Ну, хорошо, хорошо! Я иду.... Оставляю тебя подъ защитою мосьё П—ова, сказала Надинька съ своей коварной улыбкою.

— Ты очень мила сегодня! возразила Теолина съ досадою на нее, и конечно съ благодарностью за то, что она рѣшилась наконецъ насъ оставить.

Я замѣтилъ, что въ это же время моя чудесная вдова подала ей какой-то знакъ рукою, на кото-

рый Надинька отвѣчала извѣстнымъ движеніемъ головы. Каждый домъ имѣетъ свой франкмасонскій алфавитъ. Какъ я не первый день живу на свѣтѣ, то мнѣ небольшаго труда стоило понять, что этотъ іероглифъ значилъ—«Не принимать никого»!

Теперь мы одни! Теперь начинается мое счастіе! Только, не надобно торопиться.

Теолина нѣсколько времени казалась смущенною, и не знала, съ чего начать разговоръ. Я также казался смущеннымъ, и не зналъ, съ чего начать.

— Что̀ это значило, сказала она, улыбаясь: что вы вчера уѣхали такъ нечаянно отъ графини Катерины?

Хорошо! подумалъ я: начало очень кстати, и приведетъ насъ прямо къ дѣлу.

— Вы мнѣ предлагаете, княгиня, вопросъ, который можетъ-быть рѣшенъ только моей жизнію.

— Боже мой, что̀ вы говорите! Знаете ли, мосьё П—овъ, что вы вчера меня напугали? Какъ вы ни старались казаться спокойнымъ и веселымъ, но я замѣтила, что вы внутренно страдали, волновались. Ваше лицо, ваши глаза, были ужасно разстроены...

— Я вижу, княгиня, что вы, помощію дивнаго ума вашего, насквозь проникаете человѣка. Правда! я находился вчера между жизнью и смертью, и состояніе моей души съ-тѣхъ-поръ нисколько не поправилось.

— Послѣ вашего отъѣзда, мы очень долго толковали объ васъ съ графинею, и обѣ были опечалены вашимъ положеніемъ, которое не скрылось

и отъ ея проницательности. Вы знаете, какое участіе принимаетъ она во всемъ, что̀ до васъ касается....

— Графиня очень добра!

—Скажите, сущій ангелъ на землѣ! И достойный лучшей участи.... Я не могу описать вамъ, въ какомъ положеніи была я сама, видя двухъ особъ, которыхъ считаю лучшими моими друзьями — не правда ли, вы позволяете мнѣ давать вамъ это имя?—видя ее въ раздирающемъ уныніи, васъ въ отчаяніи, подавляемомъ страшными усиліями души растерзанной.... Я не могла уснуть всю ночь!

— Княгиня, я вижу зарю жизни въ вашемъ великодушномъ участіи! Я уже почти счастливъ! Половина моихъ мученій уничтожается вашимъ состраданіемъ, и я огорченъ только тѣмъ, что причинилъ вамъ....

— Ахъ, мосьё П—овъ, не говорите этого! Вы знаете женщинъ! Мы не можемъ не страдать вмѣстѣ съ тѣми, кто страдаетъ. И чуть-ли не въ этомъ заключается наше счастіе — по-крайней-мѣрѣ его источникъ!... Мнѣ казалось, что я не буду покойна, пока не выскажу вамъ всего, что̀ у меня на сердцѣ, и не удостовѣрю васъ, что есть на свѣтѣ кто-нибудь, чья дружба сопутствуетъ вашей горести — хотя этотъ кто-нибудь, примолвила она съ трогательною улыбкою, и не имѣетъ никакого права проникать ваши тайны.

— Княгиня, вы подлинно женщина удивительная! воскликнулъ я съ восторгомъ: существо единственное, выше всѣхъ моихъ понятій! Вы ангелъ *доброты, также* какъ ума, красоты и любезности!

Нѣтъ, клянусь вамъ словомъ несчастнаго человѣка, что вы имѣете полное право знать мои тайны!... Онѣ такъ честны и добродѣтельны, что я не считаю ихъ недостойными сохраненія въ вашемъ чистомъ и благородномъ сердцѣ....

— Мнѣ кажется, что я давно уже ихъ отгадала, подхватила она, таинственно улыбаясь, и съ такою веселостью въ лицѣ, которая меня ужаснула.

— Какъ? Что̀ вы говорите?...

— Я полагаю, что вчерашнее ваше разстройство находилось въ связи съ состояніемъ общей нашей пріятельницы?

— Графини?... Объяснитесь, Бога ради! Вы меня убиваете.

— О, нѣтъ, изъ моихъ рукъ вы никогда не получите смертоноснаго удара! сказала она, опять улыбаясь по-прежнему. Признайтесь, что графиня Катерина прелестная женщина?

— Ни слова! Но что̀ ея прелести имѣютъ общаго съ...?

— О, вы скрытны! Я не знала за вами этого недостатка.

—Во всемъ другомъ признаю себя виновнымъ передъ вами, только не въ скрытности. Графиня, конечно, прекрасная особа, добрая, чувствительная, обладающая множествомъ превосходствъ умственныхъ и физическихъ, и, послѣ васъ — но очень далеко послѣ васъ—быть-можетъ одна, которая....

— Вы мнѣ льстите! Скажите лучше, что̀ вы въ ней находите противнаго вашимъ понятіямъ о совершенствѣ.

—Въ эту минуту я столь же далекъ отъ лести,

какъ отъ злословія. Я не нахожу въ ней ничего ни противнаго, ни согласнаго. Я люблю ее, уважаю, и моя къ ней приверженность укрѣплена навсегда печатью крови моего друга, пролившейся въ мои руки, увлажившей мой мундиръ, который всегда сохраню какъ святыню—смѣшавшейся на немъ съ моей собственною кровью. Такой залогъ приверженности вѣрнѣе всѣхъ комплиментовъ и самыхъ клятвъ. Я отдаю полную справедливость графинѣ; но если вы жалаете выказать ее такою совершенною, то, по меньшей мѣрѣ, вамъ бы не слѣдовало никогда являться подлѣ нея въ обществѣ.

— Вы слишкомъ взыскательны, и я не такъ самолюбива, чтобъ сравнивать себя въ чемъ-нибудь съ графинею Катериною.

— Я уважаю вашу скромность, княгиня, потомучто она изъ первыхъ вашихъ украшеній, но остаюсь при своемъ мнѣніи, что ваше общество, вашъ домъ, не есть самое выгодное поприще для раскрытія преимуществъ графини.

— Какъ? воскликнула Теолина, съ тѣмъ удовольствіемъ, которымъ всегда исполняется женщина, когда польстишь ея самолюбію, хотя бъ эта лесть клонилась ко вреду лучшей ея пріятельницы. Какъ? въ самомъ дѣлѣ, мосьё П — овъ, вы находите меня такимъ идеаломъ совершенства? Полно! Я не такъ горда и ослѣплена тщеславіемъ, чтобъ не приклонить колѣна передъ грозною побѣдительницею. Графиня Катерина очень, очень *милая* женщина.

— Вы назвали ее самымъ приличнымъ словомъ. *Но развѣ* нѣтъ въ мірѣ ничего выше этого слова?

Оно еще не заключаетъ въ себѣ ни того тонкаго, восхитительнаго ума, ни той волшебной силы глазъ, ни той несравненной любезности, словомъ, ни одной изъ тѣхъ сверхъестественныхъ прелестей....

— Которыми я такъ щедро надѣлена отъ природы? сказала Теолина.

— Вы спасли меня, княгиня, отъ большаго затрудненія, какъ окончить фразу, сказалъ я.

—Какъ пріятно было бы женщинѣ жить на свѣтѣ, присовокупила она, вздыхая: еслибъ разсудокъ позволялъ вѣрить всѣмъ прекраснымъ вещамъ, которыя говорятъ имъ мужчины! Но я, право, не думала, хотя и знаю вашу любезность, чтобъ вы были такъ похожи на прочихъ лицъ вашего пола. Вы мнѣ теперь говорите такъ, а вышедши отсюда, пойдете къ другой, наскажете ей еще болѣе лестнаго, невѣроятнаго, и, пожалуй, станете даже насмѣхаться надъ нами, надо мною и Надинькою—двумя куклами, дурами, которыя считаютъ себя чудомъ ума и красоты, верхомъ совершенства. А я такъ скажу вамъ по совѣсти, что за мною, право, нѣтъ другаго порока, кромѣ того, что я чрезвычайно склонна къ веселости, люблю забавы, люблю смѣяться, и безъ памяти отъ людей умныхъ, просвѣщенныхъ, занимательныхъ. Когда ужъ графиню Катерину находите вы....

Адское это мученіе и сладостное чувство уже меня преодолѣвали. Я не могъ выдержать, и прервалъ ее:

— Бога ради, княгиня, не причисляйте меня къ разряду людей гнусныхъ, неблагодарныхъ или безтолковыхъ! И особенно не огорчайте меня сравне-

ніями другихъ съ собою! Сравненія въ умѣ моемъ не существуютъ. Всѣ мои мысли и чувства давно и несовратимо устремлены къ одному образу верховнаго совершенства и блага, выше котораго я ничего не знаю, не могу постигнуть. Не говорите, не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ....

Я пылалъ огнемъ. Все перемѣшалось въ моемъ существѣ. Память вдругъ прекратила дѣйствія свои въ моей головѣ, и мнѣ казалось, будто я только-что родился на свѣтъ. Любовь разложила меня въ стихіи всѣхъ возможныхъ чувствованій. Еслибъ тогда упалъ на меня поцѣлуй Теолины, я бы въ одинъ мигъ испарился—и она потеряла бъ мужа!

— Не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ! Вы, вы однѣ, Теолина — тутъ я страстно схватилъ ея ручку обѣими руками, и въ первый разъ назвалъ ее по имени—вы однѣ это совершенство, это благо! Отъ вашего одного слова, отъ одного взгляда зависитъ моя жизнь и счастіе или моя смерть — ужасная смерть! Простите мнѣ это чувство—наглость—безумство, или какъ вамъ угодно: оно столь же невольно, сколько чисто и добродѣтельно....

Я смотрѣлъ ей въ глаза цѣлымъ адомъ пламени (я романтикъ!). Она легонько высвобождала свою мягкую ручку изъ моихъ раскаленныхъ ладоней—безъ гнѣва—безъ гордости—безъ негодованія. Въ ея взорѣ была неизъяснимая сладкость, прозрачность и нѣга. Въ ея улыбкѣ было самое небо—семь, двадцать, сто небесъ.

— Боже мой, что̀ я отъ васъ слышу! сказала *она съ* чувствомъ, устремляя въ меня свои боль-

шіе черные глаза, и поддѣлываясь (очевидно поддѣлываясь!) подъ изумленіе. Я такъ васъ уважаю, что и не смѣю подумать, чтобъ вы издѣвались надо мною, или хотѣли меня обидѣть. Но, скажите сами, не похожи ли вы въ этомъ случаѣ, и во всемъ, что̀ мнѣ сказали, на прочую вашу братью, мужчинъ?

— Успокойтесь, ангелъ красоты и добродѣтели! отвѣчалъ я. Успокойтесь, прелестное существо, несравненная Теолина! Я могу ошибаться, могъ принять вашу кротость за выраженіе лестнѣйшаго предпочтенія, могъ возмечтать слишкомъ много о способности моей заслужить вашу любовь, но я васъ не обманываю. Я не въ состояніи обмануть никого въ мірѣ. Моя страсть — или моя дерзость — основана на честнѣйшемъ и священнѣйшемъ намѣреніи.

— Вы, по чести, любезный мой мосьё П—овъ, человѣкъ самый непостижимый, какого только я знала во Франціи и въ Россіи! примолвила небесная вдова. Вы дѣлаете мнѣ формальное любовное изъясненіе, и тутъ же говорите о добродѣтели, о честныхъ намѣреніяхъ. Какъ согласить эти вещи?

— Очень простымъ образомъ! возразилъ я. Я ищу одного въ мірѣ — вашей любви, въ возвратъ того безпредѣльнаго, восторженнаго обожанія, которое вы мнѣ внушили; ищу вашего сердца, которое можетъ одно выкупить въ семъ мірѣ существованіе, обреченное мучительнѣйшей изъ пытокъ и всѣмъ слѣдствіямъ отчаянія; ищу блаженства посвятить жизнь плѣнительнѣйшей изъ женщинъ, отдать себя въ ваше владѣніе, подчиниться ва-

шей волѣ, утвердить клятвою передъ Богомъ обѣтъ въ вѣчной вѣрности, и готовъ прямо отсюда ѣхать съ вами въ церковь.

Представьте жъ мое счастіе — нѣтъ, вы не можете себѣ его представить! — мое восхищеніе, когда очаровательная Теолина, вставъ съ нашей миленькой софы — я всталъ тоже — подошла ко мнѣ съ пріятностью и взяла мою руку въ свои бѣлыя атласныя ручки, дрожащія отъ сладостнаго волненія. О, какъ я былъ тогда счастливъ! Она сказала, пристально глядя мнѣ въ глаза:

— Въ умѣ ли вы, мой добрый другъ? Что̀ побудило васъ къ такой отчаянной мысли?

— Въ совершенномъ умѣ! отвѣчалъ я.

— Такъ я не могу не вѣрить благонамѣренности вашихъ чувствованій! Я ей вѣрю — для собственной моей чести — хотя изумленіе, въ которое привели вы меня, лишаетъ меня въ эту минуту всѣхъ силъ соображенія. Я теряю голову!... Мосьё П—овъ! я могу даже показаться вамъ легкомысленною....

— Нѣтъ! вы покажетесь мнѣ посланницею небесъ и счастія. Пусть услышу изъ вашихъ дражайшихъ устъ утвержденіе моей пламеннѣйшей надежды.

— Того ли, что я сейчасъ поѣду съ вами въ церковь? Боже мой, что̀ мнѣ отвѣчать вамъ на это! Если я дѣлаюсь жертвою какого-нибудь недоразумѣнія...? Я сама себя не понимаю!... Другъ мой, объясните мнѣ лучше сами, какъ должна я понимать все это? Говорите! Должна ли я на васъ гнѣ*ваться, или* еще болѣе уважать, цѣнить...

И въ это самое мгновеніе, точь-въ-точь молоденькая вѣдьма верхомъ на метлѣ, влетѣла въ комнату наряженная драгуномъ Надинька, съ шумомъ, съ хлыстикомъ, съ перьями—съ предлиннымъ хвостомъ, завернутымъ около руки. Теолина съ трудомъ успѣла выпустить мою руку.

Несносная дѣвчонка! Съ-тѣхъ-поръ я ее возненавидѣлъ.

— О! о! вскричала она, смѣясь. А вы все-еще здѣсь? Видишь, зачѣмъ ты гнала меня отсюда, Теолина! Ужъ вѣрно разговоръ вашъ былъ очень занимателенъ!

Съ-тѣхъ-поръ я ее проклялъ.

— Очень занимателенъ, клянусь тебѣ! отвѣчала Теолина.

Я только глядѣлъ, не станетъ ли она ей разсказывать всю нашу бесѣду. Вотъ было бы прекрасно!

— И будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на всю мою жизнь! присовокупила она.

Разумѣется! сказалъ я про себя.

— Во всякомъ случаѣ, онъ убѣдилъ меня въ томъ, что я напрасно пренебрегла мѣру, которую давно слѣдовало принять, продолжала она.

Это что̀? подумалъ я въ испугѣ. Мѣру! Какую мѣру? Неужли выпроводить меня со двора?...

Между-тѣмъ, какъ я въ мучительной неизвѣстности ожидалъ развязки, и смущенная вдова не знала, смѣяться ли ей или плакать, сестра что-то шепнула ей на ухо, и все приняло другой оборотъ Теолина засуетилась — взглянула въ зеркало—поправила свой *канзу* — *потомъ*, подошла ко мнѣ съ

однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ взоровъ — блестящимъ какъ звѣзда — нѣжнымъ, невыразимо нѣжнымъ.

— Теперь я должна васъ оставить, произнесла она, поднося мнѣ ручку, чтобъ сдѣлать съ ней дружескій shake-hand въ старомъ англійскомъ вкусѣ по новѣйшему парижскому обычаю. Но вы обѣдаете съ нами, не правда ли?

Я поклонился.

— Приходите, ахъ, приходите!... Мнѣ нужно поговорить съ вами... Я безъ васъ не сяду за столъ.

— Непремѣнно, непремѣнно!

— Въ шесть часовъ.

— Непремѣнно!

— Пожалуйста, не забудьте.

— Какъ можно!

— Такъ прощайте.

— До свиданія!

Эта жаркая перепалка огненныхъ чувствъ нашихъ, выраженныхъ гастрономическимъ языкомъ, продолжалась до самой середины гостиной, куда провожала меня Теолина. Я ушелъ въ восторгѣ. Я принятъ! радостно восклицалъ я въ душѣ, проходя вторую и третью гостиную. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мое изъясненіе осчастливило ее до крайности. Сама она сказала, что разговоръ нашъ будетъ имѣть вліяніе на ея судьбу! Какъ нѣжно она просила объяснить ей получше мою любовь! Какъ боялась сдѣлаться жертвою недоразумѣнія, быть обманутой мною! Какъ нетерпѣливо ожидаетъ моего возвращенія! Безъ меня не сядетъ за столъ. О, мой ангелъ, будь увѣрена, что скоро не сядешь

ты ни одного разу безъ меня ни обѣдать, ни ужинать! Прелестная Теолина!... Да это не могло быть иначе. Я только напрасно терзался сомнѣніемъ въ успѣхѣ. Дѣло было вѣрное: сообразивъ то, что̀ говорила мнѣ графиня Катерина Николаевна о прекрасной и интересной вдовѣ, которой сердце покорилъ я себѣ—то, что̀ Теолина сказала мнѣ вчера объ опасности отъ меня вдовамъ — то, что̀ я слышалъ отъ ея управителя, который такъ усердно упрашивалъ меня, чтобъ я женился на его госпожѣ — то, какъ.... Ну, словомъ, сообразивъ все вмѣстѣ, другаго результата и ожидать нельзя было. Что̀ это? табакерка?

Въ серединѣ послѣдней залы, огромная табакерка, высунувшаяся вдругъ ни-вѣсть откуда, поставила непреодолимую преграду путешествію моему изъ благословеннаго будуара въ переднюю. Тотъ самый управитель, секретарь, Азіятецъ, или кто онъ такой—въ синемъ фракѣ, съ крестомъ на шеѣ — поднесъ мнѣ табаку, по несказанному своему ко мнѣ благоволенію.

— А это вы?... Извините!... Я былъ немножко разсѣянъ: сегодня такой снѣгъ!

— Да! погода ужасная, сказалъ онъ.

Я взялъ у него табаку — не знаю по какой-то глупой снисходительности къ Азіятцамъ, положилъ его себѣ въ носъ — чихнулъ, и всѣ мои роскошныя мечты оборотились вверхъ-дномъ.

— Какой страшный вѣтеръ! продолжалъ онъ. Говорятъ, вода очень высока. Вы вчера изволили быть у графини Катерины Николаевны. Что, переѣхала она сегодня въ городъ?

Посмотрите-ка! онъ все знаетъ! Кто этому Скиѳу пересказываетъ, куда я ѣзжу?

— Я думаю, что она уже въ городѣ, отвѣчалъ я, и поклонился ему очень непримѣтно, для большей вразумительности того, что̀ я съ нимъ прощаюсь и иду далѣе.

— Не у княгини ли изволите вы сегодня обѣдать? спросилъ онъ громко вслѣдъ за мною, когда я уже былъ отъ него въ десяти шагахъ.

Я оборотился къ нему, и, кланяясь очень прiятно, отвѣчалъ съ иронiей:

— Если только вамъ это не противно...?

Онъ, въ отвѣтъ, поклонился мнѣ такъ усердно и вѣжливо, что я принужденъ былъ вознаградить его за трудъ вторымъ поклономъ, уже гораздо приличнѣйшимъ, на которой онъ возразилъ новымъ излiянiемъ чувствъ, кланяясь, распростирая обѣ руки, дѣлая тысячу мимическихъ учтивостей — словно, какъ-будто-бы желалъ сказать, что будетъ мнѣ очень радъ.

Вотъ оригиналъ! подумалъ я, фыркнувъ отъ невольной улыбки. Откуда Теолина выкопала себѣ этого чудака? Надо ее спросить.

На первыхъ ступеняхъ лѣстницы я опять чихнулъ отъ его табаку, и забылъ объ немъ. При этомъ вторичномъ потрясенiи мозга, мои идеи благополучно перевернулись назадъ, какъ были прежде лицевою стороной къ свѣту—и я сталъ снова думать о счастiи быть супругомъ плѣнительной Теолины. Слѣдственно, это дѣло кончено. Какъ она ловко скрыла отъ сестры всю исторiю! Умная женщина! *Ужъ можно* похвастать такой женою. У кого въ Пе-

тербургѣ найдется другая такая? Она совсѣмъ не чета здѣшнимъ гордо-блѣдно-кисло-молчаливымъ половинамъ, которыя уже срослись съ диванами. Какой домъ заведемъ мы съ нею! А въ домѣ все, что̀ ни подумаешь: умъ—ея, да и мой тоже—красота, дарованія, любезность, триста тысячъ рублей въ годъ и, для прерванія супружескаго единообразія, миленькая, пригожая невѣстка — теперь я прощаю Надинькѣ, Богъ съ нею!—да сверхъ-того дачи, сады, ливреи, лошади, кареты, балы, праздники—завтраки обѣдающіе—обѣды завтракающіе —да танцующіе завтраки—да вечера танцующіе —да арфы, книги, вина, любовь, восторгъ, шампанское, цвѣты, музыка, партіи, повара, гости, все —всякая всячина. Этого мало: арапы, картины, мраморы, готическія окна, золоченные карнизы—всѣ первыя потребности жизни, и при нихъ прелестная жена, которая, право, сто̀итъ звѣзды первой величины....

Шпирхова собака бросилась мнѣ на грудь съ необычайною радостью, потому-что въ ту самую минуту я входилъ въ свою квартиру. Я расцѣловалъ собаку; нѣжно прижалъ къ груди; назвалъ своей благодѣтельницею. Однакожъ, отчасти, я обязанъ всѣмъ этимъ Шпирху, да этой собакѣ! Безъ него я, можетъ-быть, никогда бъ и не рѣшился, никогда бъ и не подумалъ о превращеніи вдовы въ супруги. Какъ странно судьба располагаетъ людьми и ихъ дѣлами: Шпирхъ виновникъ моего счастія! Ну, ужъ послѣ этого....

Я переодѣлся и уѣхалъ: шестой часъ былъ въ началѣ. Швейцаръ, лакеи, всѣ домашніе встрѣтили

меня съ признаками глубочайшаго почтенія: видно, имъ было такъ приказано—или они сами догадались! Какъ бы то ни было, но я вошелъ какъ въ свой домъ. Теолина принимала въ своей круглой мраморной гостиной, и я засталъ уже всѣхъ гостей. Въ одномъ углу дивана сидѣла она, въ другомъ моя вѣчно-улыбающаяся невѣстка, въ серединѣ какая-то почтенная старушка. По надлежащемъ соображеніи почтенной старушки, я вспомнилъ, что она была та самая, которая лѣтомъ, на дачѣ, пролила чай себѣ на платье отъ удивленія моему уму. Ну, она не мѣшаетъ! Но мнѣ очень не понравился ближайшій сосѣдъ моей невѣсты: вообразите, тотъ же давишній капитанъ, съ глазами, въ креслахъ подлѣ самой вдовы! Мы когда-нибудь крѣпко поссоримся съ капитаномъ за эти глаза. Прочіе гости были не важные: графъ *атти*, *отти*, одинъ русскій князь, одинъ англійскій лордъ, одинъ нѣмецкій баронъ, и я. Въ послѣднихъ креслахъ тотъ самый Азіятецъ—еще менѣе важная для меня фигура. Онъ не участвовалъ въ наслажденіяхъ общаго разговора, и ворочалъ въ пальцахъ табакерку, для личнаго своего удовольствія. Статься-можетъ, что и онъ такой же гость какъ и другіе? Богъ же его знаетъ!

— Я уже думала, что вы намъ измѣнили, сказала Теолина, когда вошелъ я въ комнату.

Я еще не успѣлъ оправдатьсз передъ хозяйкою въ неумышленномъ замедленіи, какъ уже безсовѣстная Надинька щебетала на всю гостиную о томъ, что ея сестра провела со мной сегодня цѣлый часъ

одинъ-на-одинъ — и что это очень подозрительно и что это — ха, ха, ха!

Англійскій лордъ, не подвинувъ ни одного мускула въ лицѣ, которое я по совѣсти принялъ за картонное, произвелъ ртомъ непонятное урчаніе.

Русскій князь сказалъ: — А!

Итальянскій графъ не сказалъ ни А, ни Б.

Я чуть не съѣлъ насмѣшливой дѣвчонки, но въ то самое время доложили, что супъ на столѣ.

Графъ повелъ старушку, лордъ повелъ хозяйку, князь ея любезную сестрицу, къ которой капитанъ примкнулъ съ праваго фланга. Баронъ поплелся за ними. Проходя мимо меня, Теолина сказала мнѣ вполголоса:

— Если вы хотите удостовѣрить меня въ своей дружбѣ, то сядьте, прошу, подлѣ графини Ф***!

— Съ удовольствіемъ!

Но не съ большимъ — потому-что графиня Ф***, если прописать ее всѣми сполна буквами, выходила та же почтенная старушка, которая пролила чай. Но я готовъ любить тѣхъ, кто удивляется моему уму.

Я и Азіятецъ въ синемъ фракѣ заключали обѣденное шествіе. Съ умысломъ или по навыку, я хотѣлъ пропустить въ дверь его перваго.

— Сдѣлайте милость! сказалъ онъ. Вѣдь я домашній!

Вы шутите? отвѣчалъ я ему мысленно. Ежели ты домашній, такъ вари же здѣсь свою кашу и кушай ее, мой другъ, какъ можешь проворнѣе, а то лишь только я вступлю на престолъ этой вдовы, ты сейчасъ получишь у меня чистую отставку

Такъ и есть, что онъ управитель! Я не ошибся. О, я никогда не ошибаюсь!

За столомъ онъ сидѣлъ, какъ должно, на нижнемъ концѣ. Я занялъ мѣсто между старушкою и Надинькою, которая своимъ языкомъ сверлила меня во весь обѣдъ, безпрерывно усмѣхаясь и упрашивая, чтобъ я разговаривалъ со старушкою. Чего ради, почтенная старушка такъ въ меня влюбилась, что къ десерту я уже ненавидѣлъ ее пуще нежели ея молодую покровительницу. Теолина старалась казаться веселою, но воспоминанія бурнаго нашего утра опровергали всѣ ея усилія. И весьма естественно: для женщины вступленіе въ бракъ не шутка! Однимъ словомъ, обѣдъ былъ глупъ и скученъ. Мы воротились въ гостиную.

— Ну, какова теперь ваша голова? спросила меня Теолина.

— Въ совершенной исправности! отвѣчалъ я.

— Ради Бога, не уѣзжайте! шепнула она мнѣ, видя, что я держу въ рукахъ шляпу. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Мы не кончили нашего разговора, и я дорожу вашимъ мнѣніемъ обо мнѣ.... Оставайтесь, пока всѣ уѣдутъ.

Такъ какъ я считалъ уже себя почти мужемъ, то мнѣ было все равно оставаться хоть до завтра. Азіятецъ исчезъ тотчасъ послѣ обѣда. Лордъ уѣхалъ въ восемь часовъ. Капитанъ и баронъ не знаю куда дѣвались. Надинька, слава Богу, ушла. Оставались только почтенная старушка, графъ Буджератти, да я. Главное было въ томъ, чтобъ почтенная старушка скорѣе убралась домой, потому-что приличіе повелѣвало хозяйкѣ предпочти-

тельно заниматься ею. Но почтенная старушка и и въ усъ не дула — хотя усы были у нея изрядные.

Часу въ десятомъ входитъ въ комнату мой Азіятецъ, управитель, съ лицомъ совершенно разстроеннымъ. Теолина, пораженная безпокойнымъ его видомъ, порывается и бѣжитъ ему на встрѣчу. Разговоръ, чрезвычайно любопытный, завязывается между ними по-русски, вслухъ, подлѣ камина, и я выпишу вамъ его непремѣнно.

— Ахъ, Боже мой! что̀ съ тобой? что̀ такое случилось.

— Ну, ничего! Наводненіе! Я былъ на твоей дачѣ.

— Ты былъ на дачѣ? Теперь? Въ такое время? Да зачѣмъ же?

— Хотѣлъ посмотрѣть, что̀ тамъ сдѣлалось. Твои цвѣты смыло всѣ до-чиста.

— Такъ ты ѣздилъ въ такую опасную ночь, въ такую вьюгу, для моихъ цвѣтовъ? Какой ты добрый!

— Ты — ты — твой — твоя — твое! Клянусь вамъ честью, сначала я думалъ, что они разговариваютъ по-грузински. Я былъ въ такомъ изумленіи, что, предоставляя почтенную старушку врожденной любезности графа Буджератти, машинально всталъ съ табурета, отошелъ къ окну, и сложилъ руки на груди, чтобъ любоваться этою сценою. Разговоръ продолжается.

— Скажи, мой другъ, не былъ ли ты въ опасности?

— Ничего! Немножко промочилъ ноги. Но твоихъ цвѣтовъ какъ-будто не бывало.

— Богъ съ ними! Ты мнѣ дороже всѣхъ цвѣтовъ въ мірѣ. Ахъ, какой ты добрый!!... Бацъ!... Она его поцѣловала.

А!!! это ужъ слишкомъ нѣжно! подумалъ я—чуть не произнесъ вслухъ. Да что̀ это за вдовьи нравы? Онъ никакъ ея любовникъ? Любовникъ — такой чурбанъ!... Но и это случается: эти свѣтскія дамы, щеголихи, волшебницы, иногда имѣютъ вкусъ такой развращенный.... Однакожъ, для меня это не очень утѣшительно! И прекрасная Теолина, которая сегодня поутру обѣщала выйти за меня замужъ....

Едва я задумалъ о Теолинѣ, какъ Теолина уже стояла передо мною.

— Вы не можете себѣ представить, мосьё П—овъ, какъ мой мужъ добръ, какъ онъ меня....

— Вашъ мужъ, сударыня? воскликнулъ я подавленнымъ голосомъ, въ полномъ остолбенѣніи. Вашъ мужъ?

— Да! мой мужъ.

— Вы замужняя?

— Мосьё П—овъ, что̀ за вопросъ вы мнѣ дѣлаете?

— Вы не вдова?

— Какъ? Вы считали меня вдовой?... И то, что̀ вы мнѣ говорили сегодня, относилось ко вдовѣ?

— Вы можете быть увѣрены! Я имѣю честь, княгиня, знать васъ уже полгода, и бывать въ вашемъ домѣ слишкомъ четыре мѣсяца, и всегда принималъ васъ за вдову.

— Боже мой, мосьё П—овъ, вы меня уничтожаете! Да это самая жестокая и кровавая эпиграм-

ма, какую только вы сдѣлали на мое поведеніе! Какъ же это могло случиться, что вы.... Перейдемте въ другую комнату.... Какъ это случилось...?

Я горѣлъ со стыда. Ноги дрожали подо мною. Одному отчаянію обязанъ я краснорѣчіемъ отвѣта, которымъ прервалъ вопросъ замужней вдовы, поблѣднѣвшей какъ полотно.

— Очень естественно! Кто-нибудь сказалъ мнѣ въ шутку, или я самъ случайно предубѣдился, что вы вдова. Съ-тѣхъ-поръ, какъ имѣю счастіе пользоваться вашимъ знакомствомъ, никогда слово *мужъ* не выходило изъ вашихъ устъ; вы изволили говорить мнѣ о вашихъ домахъ, вашихъ дачахъ, вашихъ каретахъ, вашихъ слугахъ; обѣдаютъ у княгини Чундзулеевой, на балѣ у княгини, на чаѣ у княгини, все у княгини, а о князѣ ни помину. Я имѣлъ удовольствіе говорить нѣсколько разъ съ вашимъ супругомъ, вовсе его не зная, и онъ тоже никогда не называлъ передо мной васъ своею женою, ни дома, въ которомъ живетъ, своею кровлей. Не хочу огорчать васъ разсказомъ, какіе нерѣдко придавалъ я ему званія въ моихъ догадкахъ; и могу увѣрить честнымъ словомъ, что только одному навыку къ общей учтивости обязанъ я счастіемъ, что не обидѣлъ честнаго и добраго человѣка.... Вы говорили поутру, княгиня, о какой-то мѣрѣ, которую напрасно забыли принять; по мнѣ, лучшая съ вашей стороны мѣра была бы та, когда бъ вы изволили болѣе показывать свѣту вашего супруга и старались удостовѣрить всѣхъ, что у васъ есть мужъ, потому-что многіе изъ ва-

шихъ знакомцевъ могутъ очень невиннымъ образомъ раздѣлять мое заблужденіе.

Я былъ сердитъ. Теолина плакала. Она оправдывалась тѣмъ, что это принято въ свѣтѣ, и нравится ея мужу; что самъ онъ не желаетъ того, чтобъ она представляла ему своихъ друзей, и прочая, и прочая.

— Говорите мнѣ все это, мосьё П—овъ! воскликнула она: говорите! Я заслужила это своимъ поведеніемъ, своей вѣтренностью, своимъ слѣпымъ довѣріемъ къ принятому образу жизни. Но, прошу, вознаградите меня вашимъ уваженіемъ въ другомъ отношеніи: я его заслуживаю! И, Бога ради, не разсказывайте никому этого ужаснаго приключенія: вы меня погубите! Я не говорила даже сестрѣ, Надинькѣ. Я вѣрю вашимъ честнымъ побужденіямъ и уважаю вашу ошибку, которой вся тяжесть падаетъ на одну меня. Судя о васъ по странному предложенію, которое сдѣлали мнѣ поутру, я приняла васъ за сумасшедшаго: оно такъ меня поразило своей необычайностью и чистосердечіемъ, съ какимъ было сказано, что я не напрасно предполагала въ немъ какую-нибудь странную загадку, и поэтому непремѣнно хотѣла объясниться съ вами. Я считала васъ помѣшаннымъ; теперь почитаю своимъ спасителемъ. Я вамъ благодарна за вашу откровенность.

Мы расхаживали по залѣ нѣсколько минутъ въ безмолвіи, которое наконецъ прекратилъ я вопросомъ:

— Княгиня! откровенность за откровенность. *Благоволите* сказать правду, о какихъ вдовахъ го-

ворили вы мнѣ вчера, расматривая гравюру у графини Катерины Николаевны?

— Да я шутила! Клянусь вамъ, то была шутка! Вздоръ, который пришелъ мнѣ въ голову въ веселую минуту! о которомъ говорить вамъ не стоитъ!

— Однакожъ?

— Увѣряю васъ, бездѣлица.

— Тѣмъ легче можно сказать ее.

— Вы будете смѣяться?

— Готовъ, вмѣстѣ съ вами!

— Я думала въ ту минуту о вдовѣ, обѣдавшей съ нами сегодня — о княгинѣ Ф***, которая ума въ васъ не чаетъ, и очень просила меня познакомить ее съ вами.

— Объ этой почтенной старушкѣ???

Мнѣ показалось, что я провалился сквозь землю, и что потомъ меня взорвало на воздухъ выше облаковъ — и только боялся, чтобъ, на обратномъ пути, не упасть на эту злосчастную княгиню Ф***, не разразить, не смолоть ея. Господи, Господи! Такъ она меня морочила этой Цибелою? Графиня тоже?... Слѣдственно, вдова, о которой графиня говорила мнѣ на крыльцѣ, которою воспламенила мою кровь и раздражила мои надежды, была эта беззубая жаба? Слѣдственно и Надинька, которая хохотала все время за обѣдомъ, заохачивая меня быть любезнымъ съ моей сосѣдкою, участвовала въ общемъ заговорѣ? Тогда какъ я страстно ласкалъ въ своемъ воображеніи самое прелестное женское существо въ мірѣ, розовое, молоденькое, свѣжее, *теплое, онѣ* навязывали мнѣ мерзлую и

морщинистую старуху? Пропасть! проклятіе! анаѳема!... Я повѣшусь!

Теолина—нѣтъ, ужъ не Теолина!... Татьяна! измѣнница! Чундзулеева!—съ змѣиною проницательностью отгадала все, что происходило въ моей душѣ.

— Ха, ха, ха, мосьё П—овъ! Неужто вы на этомъ основали надежды, о которыхъ....

Я побѣжалъ въ гостиную за шляпой! Прокрадываясь назадъ въ залу, я еще наткнулся въ дверяхъ на князя Чундзулеева, къ которому вдругъ почувствовалъ удивительную любовь. Онъ потчивалъ меня табакомъ; я пожалъ ему руки съ чувствомъ, котораго никто еще не описывалъ. Я нигдѣ не читывалъ о подобномъ чувствѣ!... Тутъ же случилась ужасная Татьяна.

— Князь Манычаръ Миріановичъ! пролепетала она съ любезностью, достойною лучшаго употребленія. Николай Львовичъ объявилъ мнѣ войну за то, что я забыла познакомить его съ тобою. Я думала, что вы давно знакомы?

— Да! мы ужъ нѣсколько знакомы, отвѣчалъ князь Манычаръ Миріановичъ. Милости просимъ къ княгинѣ почаще!

Мы опять пожали руки, и я, пожимая, думалъ: Благодари, другъ мой, наводненіе! Не то, ты бы и глазомъ не примѣтилъ, какъ бы я обвѣнчался на твоей женѣ.

— Приходите завтра, будемъ болтать! прибавила коварная Чундзулеева по-французски, съ одною изъ тѣхъ улыбокъ, которыя принималъ я прежде за очаровательныя — не знаю, на какомъ основа-

ли потому-что, сказать по совѣсти, въ нихъ не было ничего очаровательнаго.

Я не отвѣчалъ.

— Мосьё П—овъ! такъ вы на меня не гнѣваетесь?

Я не отвѣчалъ.

— Надѣюсь, любезный мой мосьё П—овъ, продолжала она, протягивая ко мнѣ свою страшную какъ паукъ, руку: надѣюсь, что вы позволите всегда называть себя *нашимъ* другомъ.

— Другомъ! воскликнулъ я (разумѣется, такимъ голосомъ, какъ-будто вовсе не восклицалъ). Это имя для меня слишкомъ высоко. Мое названіе — дуракъ! глупецъ! посмѣшище! Я смѣшонъ; я не могу не казаться вамъ смѣшнымъ. Если вы уважаете меня хоть сколько-нибудь, то прошу васъ, княгиня, говорите всѣмъ, что я смѣшонъ.

— Даю вамъ слово, что никогда васъ въ этомъ не послушаюсь.

— Прощайте, княгиня!

— До свиданія!

Я выбѣжалъ на лѣстницу. На каждой ступени бѣшенство мое возрастало однимъ градусомъ, такъ, что, на крыльцѣ, я уже хотѣлъ укусить швейцара. До свиданія! Нѣтъ, не бывать свиданію. Мы съ вами навсегда незнакомы, сударыня. Она не соглашается называть меня смѣшнымъ? Почему? Потому, что опасается, чтобъ я не сталъ разсказывать въ городѣ того, какъ уже собрался-было на ней жениться, и только нечаянное наводненіе помѣшало нашему браку. Она просила меня молчать — я не отвѣчалъ ей ни словомъ — стало-быть честь моя обязываетъ меня молчать. Хоро-

шо; я буду молчать—цѣлыя десять лѣтъ: потомъ, съ позволенія цензуры, напечатаю всю эту исторію. Но поставить меня въ дураки двусмысленнымъ кокетствомъ, но возбудить во мнѣ самыя сладкія, самыя нѣжныя и огненныя ощущенія къ старой, усатой княгинѣ Ф***, вотъ чего никогда ей не прощу. Шутить надо мною такимъ образомъ! Мальчикъ я ей, что ли? Слава Богу, я въ обществѣ человѣкъ важный—потому-что золъ—и тѣмъ важнѣе, что умѣю злость свою выражать пріятно, къ общему и неизъяснимому наслажденію всѣхъ добрыхъ и кроткихъ людей. Я заслуживаю уваженіе! большое уваженіе!... Госпожа Чундзулеева, изволите знать, взяла меня къ себѣ въ забавники, въ шуты! Онъ, дескать, ловкій говорунъ—будетъ у меня забавлять гостей — да и меня самую — я буду платить ему за то улыбками—могу даже немножко въ него влюбиться — а если онъ въ меня влюбится, такъ я подставлю ему вмѣсто себя старую развалину съ усами!...

Я ѣхалъ прямо домой, съ тѣмъ, чтобъ повѣситься.

Но Шпирхова собака встрѣтила меня въ передней, радостно размахивая хвостомъ, и я счелъ нужнымъ сдѣлать въ моемъ намѣреніи маленькую перемѣну.

— Ванька!

— Слушаю, сударь!

— Поди, повѣсь эту собаку.

Онъ вытаращилъ свои сѣрые глаза, которые, бывъ хорошо вытаращены, величиною и видомъ ровнялись двумъ стариннымъ серебрянымъ копѣйкамъ.

— Повѣсь ее сейчасъ, мошенникъ, не то я тебя самого повѣшу!

Видя, въ какомъ я остервенѣніи, Ванька не счелъ умѣстнымъ подвергаться бурѣ господскихъ страстей; безмолвно взялъ полотенце, задѣлъ имъ собаку за шею, и увелъ со двора. Я примѣтилъ, что онъ потащилъ казнить ее въ кабакъ. Какъ онъ ее тамъ казнилъ, не знаю; но съ той поры ни собака, ни полотенце, ко мнѣ не возвращались.

Собака въ полной мѣрѣ заслуживала быть повѣшенною: она ближайшая причина моего несчастія! Но она не столько еще виновата, сколько этотъ мошенникъ Шпирхъ. Онъ-то источникъ всего моего срама! Онъ меня увѣрилъ, что Чундзулеева вдова; онъ поощрялъ меня ухаживать за нею, говоря, что она—хорошая взятка. Ахъ, проклятый Шпирхъ!

На другое утро, когда хладнокровіе совершенно водворилось въ моихъ понятіяхъ я поѣхалъ, бить Шпирха.

Но что̀ за удовольствіе бить такого мерзавца! Я вышибъ ему только одинъ зубъ, и у меня упали руки: выспренняя низость и выспреннее великодушіе одинаково обезоруживаютъ человѣка. Шпирхъ еще чувствительно благодарилъ меня за вышибъ зуба, который, по его словамъ, онъ давно сбирался вырвать и вырвалъ бы непремѣнно, еслибъ не жалѣлъ денегъ на дантиста; и за эту услугу просилъ у меня убѣдительно принять хоть пятьдесятъ бутылокъ какого-то вина по той цѣнѣ, въ какую оно обошлось ему. Я взялъ съ собой зубъ, и воротился домой. Онъ у меня по-сю-пору.

Впрочемъ, легко статься-можетъ, что Шпирхъ не болѣе былъ виновенъ, чѣмъ собака. Онъ клялся, что никогда не говорилъ мнѣ того, будто она вдова—да и не могъ говорить, потому-что зналъ ея мужа! По его словамъ, я не допустилъ его разсказать про нее все ему извѣстное, и воспретилъ говорить далѣе, какъ скоро услышалъ то, что̀ было согласно съ моими понятіями того числа и мѣсяца. И это довольно похоже на мое всегдашнее обыкновеніе: когда я предубѣжденъ противъ кого или въ чью пользу, то слушаю объ немъ только то, что̀ льститъ моимъ мыслямъ. А что̀ касается до поощренія меня стараться заслужить любовь Татьяны Чундзулеевой, то, на повѣрку вышло слѣдующее: мерзавецъ Шпирхъ не вѣритъ, чтобъ молодая и красивая женщина могла быть добродѣтельна; онъ подкрѣпляетъ это мнѣніе примѣрами изъ исторій французской, нѣмецкой, русской, и своей собственной—жидовской; на этомъ основаніи онъ никогда не совѣтовалъ мнѣ жениться — совѣтовалъ только расшевелить сердце прелестной Чундзулеевой моими густыми бакенбардами, и быть счастливымъ въ любви — то есть, извлекать изъ этого сладостнаго чувства какъ-можно болѣе денегъ: другаго счастія въ любви онъ не знаетъ, и не думаетъ, чтобъ оно существовало въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Сообразивъ одно съ другимъ — я прекрасно сдѣлалъ, что вышибъ ему зубъ!

Кто жъ мнѣ сказалъ, что она вдова? Право, не знаю! Я полагаю, никто—и это всего вѣрнѣе. Въ умѣ моемъ откуда-то взялось первое ложное

понятіе объ этой особѣ: я сдѣлалъ изъ нея существо безъ мужа, родъ вдовы, потомъ вдову. Развертывая эту мысль далѣе, развѣтвляя, разнообразя, я ненавидѣлъ особу въ образѣ вдовы; потомъ обожалъ ее, потому-что она вдова; теперь не могу терпѣть, потому-что она не вдова. Да это исторія всѣхъ предубѣжденій и всѣхъ склонныхъ къ предубѣжденію! А кто къ нему не склоненъ? Какъ не любить своего предубѣжденія? Это мое дитя! Это моя собственная идея — моего изобрѣтенія—которой я не купилъ, не выкралъ изъ книги, не подмѣтилъ у другаго—которая у меня воспитывалась, со мною жила, со мною обѣдала, ѣздила и дѣлала сплетни—которую одинъ я превосходно понимаю — и для защиты которой у меня есть тысяча неопровержимыхъ и ясныхъ какъ солнце доказательствъ. Не постигаю, какъ другіе могутъ быть столь слѣпы, что мое предубѣжденіе не кажется имъ великою истиною?... Другіе —дураки! Я очевидно ихъ умнѣе. Вотъ, почему я страхъ люблю свое предубѣжденіе, и не люблю Чундзулеевой—такъ же какъ прежде любилъ ее, такъ же какъ до любви ее ненавидѣлъ—хотя она нисколько не виновата ни въ моей любви, ни въ моей ненависти.

Я пересталъ къ ней ѣздить; чтобъ не встрѣчаться съ нею, пересталъ даже посѣщать графиню Катерину Николаевну. Запершись въ своей квартирѣ, я теперь ненавидѣлъ ее съ утра до вечера — для чего и нашелъ приличнымъ съ утра до вечера объ ней думать. Это изнанковая сторона любви, *которая, для* прочности, всегда подби-

вается ненавистью. Прошло два мѣсяца. Она пожаловалась графинѣ, говоря, что я жестоко ее обидѣлъ, и потомъ не пріѣхалъ просить прощенія. Графиня написала мнѣ страшный выговоръ. Я принужденъ былъ явиться къ моей мучительницѣ съ повинною головою и, чтобъ лучше объяснить причины дѣла, принялъ всю вину на себя. Милостивый манифестъ былъ уже готовъ у нея въ сердцѣ.

— Будьте жъ откровенны столько же, сколько вы великодушны, сказалъ я ей фразою, не помню изъ какого романа. Вамъ теперь нечего меня опасаться—я отдалъ вамъ въ залогъ свою честь; но неужели вы, съ своей стороны, ничѣмъ не споспѣшествовали моей дерзости?

— Ахъ, не старайтесь проникнуть моей тайны! отвѣчала она съ живостью. Одно могу сказать вамъ, не нарушая моего долга: еслибъ я, въ эту страшную минуту, была свободна, я можетъ-быть и воспользовалась бы вашимъ честнымъ предложеніемъ.... Удовольствуйтесь этимъ, и будемте друзьями.

Она протянула мнѣ руку въ знакъ совершеннаго примиренія. Мы долго были друзьями.

Княгиня Татьяна, какъ изъ *сего* явствуетъ, хотѣла сдѣлать изъ меня цырюльничій инструментъ. Она избрала меня служить оселкомъ, на которомъ могла бъ по одну сторону точить свою добродѣтель, а по другую слегка править свое кокетство. Но я не люблю служить оселкомъ прекрасной женщинѣ: камень, въ такихъ случаяхъ, слишкомъ *скоро* стирается.

Впослѣдствіи объяснилось, съ какимъ намѣреніемъ она такъ усиливалась говорить мнѣ о графинѣ. Встревоженная быстрымъ усиленіемъ моей страсти, которая не совсѣмъ ей была противна, и не въ силахъ расторгнуть знакомство со мною, она придумала обратить любовь мою на свою подругу, и видѣть меня счастливымъ съ нею. Это очень благородно: такъ дѣлаютъ добродѣтельныя женщины, но большею частію такъ дѣлаютъ добродѣтельныя кокетки.

Гнѣвъ мой прошелъ: я отдавалъ полную справедливость всѣмъ ея прекраснымъ качествамъ; но мнѣ смерть хотѣлось не любить ея, и что-то влекло меня непреодолимо къ сладостямъ предубѣжденія. Когда ужъ я захочу не любить кого, то у меня всегда найдется очень хорошая причина. Въ самомъ дѣлѣ: не смѣшна ли эта княгиня Чуидзулеева? Она Русская: ее перекрасили, подѣлали подъ Француженку, и теперь она, въ Россіи, между Русскими, представляетъ женское лицо другаго народа, обѣщаетъ вамъ сердце и любовь чуждаго климата, корчитъ понятія, нравы, чувства, обычаи существъ, къ которымъ никогда не можетъ принадлежать по своему происхожденію и по температурѣ воздуха, въ которомъ родилась. Не говорите мнѣ, что она женщина! она не женщина, а только подражаніе женщинѣ — копія какой-то неизвѣстной женщины—живая, болтающая статуя—статуя безъ націи, какъ всѣ статуи—парижская кокетка, вылитая изъ благородной массы русской плоти. Мнѣ кажется, что это напрасная трата такого красиваго и чистаго тѣла женскаго

нашего племени, и что тутъ можно сдѣлать экономію: такихъ женщинъ довольно было бы выдѣлывать для насъ изъ папки. Терпѣть не могу женщины въ подражаніи. Я люблю Француженку, и люблю Русскую — но Русскую въ подлинникѣ—и Француженку въ подлинникѣ. Посмотрите, что̀ выходитъ, когда подобная женщина супругою такого человѣка, какъ почтенный князь Манычаръ Миріяновичъ Чундзулеевъ (Чундзулеевыхъ у насъ восемь тысячъ пятьсотъ девяностодевять). Изъ добраго, честнаго, простодушнаго Грузо-Русса сдѣлали для нея родъ Француза по обычаямъ, между-тѣмъ какъ его понятія, чувства, свѣдѣнія и привычки не приспособлены къ разумѣнію ни хорошей, ни дурной стороны этихъ обычаевъ, ни ихъ удовольствій, ни ихъ опасностей. Онъ въ своей землѣ мужъ-машина иностраннаго супружества и иностраннаго хозяйства, несообразныхъ ни съ темпераментомъ народа, ни съ священнымъ характеромъ, придаваемымъ у насъ супружеству, ни съ мѣстными обстоятельствами: его увѣрили, что жена должна имѣть своихъ друзей, а мужъ своихъ; ему сказали, что онъ живетъ не у себя, а у своей супруги; его настроили на такой хорошій тонъ, и выучили изъясняться такъ высоко, что, тогда какъ онъ подчивалъ меня каждый день табакомъ, я чуть-чуть не женился на его женѣ! Правда, что блистательная его сожительница, со времени этого урока, значительно перемѣнила свой образъ жизни, являлась всюду съ своимъ мужемъ, друзья и знакомцы ихъ были *общи имъ* обоимъ, и князь уже не обѣдалъ у кня-

гини; но съ-тѣхъ-поръ она очень постарѣла. По всѣмъ этимъ причинамъ, я считаю нынѣшнее мое предубѣжденіе противъ Чундзулеевой очень основательнымъ, и болѣе къ ней не поѣду.

1834.

ТУРЕЦКАЯ ЦЫГАНКА.

—

Палатки наши были раскинуты въ сѣняхъ Крезова дворца, на природной террасѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда царственный Сардисъ. Горбатый Голландецъ, бывшій домовымъ живописцемъ у леди Эсѳири Стенгопъ, который дотого скитался между Іерусалимомъ и Ниломъ, что сдѣлался существомъ совершенно восточнымъ, какъ хаджи или какъ крокодилъ; Англичанинъ, мѣтившій въ печатные путешественники; смирнскій торговецъ смоквами и опіумомъ; Еремѣй, моя вторая тѣнь, мой дядька, мой другъ, моя потѣха; и наконецъ я — бродили шайкою по Малой Азіи въ чалмахъ и на турецкихъ сѣдлахъ, раскидывая палатки и варя пилавъ, гдѣ угодно было небу и неумолимому *сюрюджи*, нашему погонщику, проводнику и маркитанту.

Я думаю, что въ то время отдалъ бы всю романтическую и историческую славу этого мѣста, отдалъ бы Креза, Лидію и всю Азіятскую Турцію за чистую рубашку и за подушку помягче *мраморнаго обломка*; но теперь, какъ въ Петер-

бургѣ дождь, и я сижу въ мягкихъ глубокихъ сафьянныхъ креслахъ, и передо мной вьется пахучій дымъ безподобныхъ trabucos de Havanna— теперь, при воспоминаніи о Сардисѣ, мнѣ кажется, что его развалины не такъ глупы, какъ я полагалъ тогда, и даже не совсѣмъ лишены занимательности.

Было четыре часа лѣниваго лѣтняго послѣобѣда. Еще около полудня пріѣхали мы въ Сардисъ, и послѣ жаркой ссоры о томъ, садиться ли немедленно обѣдать, или, несмотря на голодъ, выжидать приличнаго обѣденнаго времени, деревянная чашка съ парою цыплятъ, погребенныхъ въ курганѣ рису, похожемъ на Ахиллову могилу, явилась въ средоточіи мраморнаго пьедестала. Еремѣй, который тѣломъ походилъ на обезьяну, а душою на Катона, и горбатый Голландецъ, который тѣломъ и душою похожъ былъ на лимбургскій сыръ, усѣлись на лежащую колонну; остальная часть общества помѣстилась въ высокой травѣ, которая ростетъ въ царскихъ чертогахъ, на останкахъ царей Лидіи, и всѣ мы, соединенными силами, напали на разбухлый рисъ, и всѣ мы стали рвать бѣдныхъ цыплятъ съ такою независимостью отъ закона ножей и вилокъ, которая сдѣлала бы честь и Діогену. Даже старикъ Солонъ, который, упрекая тщеславнаго монарха, стоялъ, быть-можетъ, у той самой колонны, на которой сидѣлъ Еремѣй — даже Солонъ порадовался бы первобытной простотѣ нашего обѣда. Соль была въ изорванной театральной афишкѣ, которую Голландецъ *содралъ со* стѣны въ Корфу, чтобъ

имѣть у себя образецъ ново-греческаго языка; горчица содержалась въ изломанномъ пороховомъ рожкѣ; окорокъ былъ до половины обернутъ листомъ «Оттоманскаго Монитера», а хлѣбъ, вывезенный за недѣлю изъ Смирны и грѣвшійся по двѣнадцати часовъ въ сутки въ сѣдлѣ нашего *сюрюджи*, лежалъ тамъ-и-сямъ на мраморномъ столѣ съ признаками тщетныхъ, но упорныхъ нападеній на обгрызенныхъ коркахъ. Къ несчастію, единственная вещь, которую можно было имѣть здѣсь на-мѣстѣ въ превосходномъ качествѣ и въ изобиліи, была именно та, къ которой никто изъ насъ не чувствовалъ охоты — вода. Ее принесли въ выдолбленной тыквѣ съ береговъ «золотаго Пактола», который бѣжалъ по равнинѣ на пистолетный выстрѣлъ отъ нашей столовой; но, къ стыду всего нашего общества, я долженъ признаться, что толстый кувшинъ грубаго самосскаго вина, выдавленнаго ногами пригожихъ эгейскихъ дѣвъ и купленнаго по грошу за бутылку, гораздо чаще подходилъ къ неклассическимъ устамъ честной компаніи. Теперь я, кажется, отдалъ бы обѣдъ, которымъ предстоитъ мнѣ заняться, съ трюфлями, съ анчоусами и бутылкою лафитту, за то, чтобъ стать на колѣни у этой рѣки, озолоченной солнцемъ, и хлебнуть одинъ разъ чистой влаги Пактола подъ небомъ томной, женоподобной Азіи. Но когда я тамъ былъ—такъ рѣдко узнаемъ мы счастіе, пока оно не миновало—я желалъ поскорѣе очутиться въ веселой Европѣ. ***Веселой?*** Это что̀ значитъ? Вычеркнуть ***веселой***, и написать ***шумной!*** Веселыми видѣлъ я въ Ев-

ропѣ только тѣхъ, которые имѣли всѣхъ больше причины быть печальными — тѣхъ, которые забылись и были забыты свѣтомъ.

Внѣ дамскаго взора и законовъ хорошаго общества, самые образованные люди возвращаются подъ власть естественныхъ побужденій. Еремѣй откатилъ мраморную колонну, когда нечего стало ѣсть, и безъ церемоніи легъ спать, не отерши даже слѣдовъ самосскаго нектара, котораго потоки, по угламъ рта, придавали ему похотливую улыбку сатира. Голландецъ помѣстилъ свой горбъ въ какую-то рытвину и спряталъ голову въ высокой травѣ съ такимъ же послушаніемъ матери природѣ; сюрюджи и смоковникъ послѣдовали благому примѣру; я остался одинъ среди развалинъ Сардиса и нашего обѣда. Блюдо философіи, которое изготовилось у меня объ эту пору, будетъ непремѣнно подано моимъ читателямъ въ моей повѣсти—я намѣренъ писать повѣсть—между-тѣмъ могу сообщить любопытнымъ практическое его примѣненіе: такъ какъ, или поелику, спанье послѣ обѣда есть очевидно законъ самой природы, то было бы крайне премудро ввести въ употребленіе ложа при десертѣ. Неужели свѣтъ долженъ вѣчно ханжить передъ произвольными неудобствами!

Большая дорога, ведущая сюда съ юга и запада Малой Азіи, идетъ по равнинѣ между высокимъ акрополемъ Сардиса и кладбищемъ покойныхъ царей его. Подъ храпѣнье пяти разныхъ націй, сидѣлъ я на камнѣ и считалъ верблюдовъ каравана, тянувшагося безконечною цѣпью въ долинѣ Гермуса. Въ длинномъ шествіи этихъ бу-

рыхъ чудовищъ по дорогѣ въ Смирну, страшныя ноши, покрытыя цвѣтными вязями, колыхались взадъ и впередъ вмѣстѣ съ неровной ихъ походкою; чалмоносные хозяева дремали на маленькихъ ослахъ, держа, каждый по двадцати ихъ на поводѣ; брянчанье сотни колокольчиковъ жужжало въ знойной атмосферѣ усыпительнѣйшимъ изъ однообразныхъ звуковъ; дикіе олеандры, тонколистные и рослые, только-что достигшіе всей красы своей и покрытые цвѣтомъ, похищеннымъ съ алыхъ устъ гурій, разливали въ равнинахъ Лидіи отрадную ясность, подобную блеску солнца, когда оно почти приникаетъ къ землѣ; черныя козы безчисленныхъ стадъ щипали траву на древнемъ Сарабатѣ и уставляли бородатыя морды на встрѣчу легковѣющему вѣтерку; орлы, которыхъ много въ горахъ, вились медленно и безъ боязни около воздушной крѣпости, отворившей нѣкогда ворота свои Лакедемонцу, и такъ же постепенно, какъ мои читатели терялись въ этомъ исчисленіи, передъ великою картиною, полною настоящимъ и богатою могучими воспоминаніями, мнѣ нельзя было не заснуть, прислонясь къ обрушенному портику Крезова дворца.

Голландецъ рисовалъ съ меня картинку, когда я проснулся; солнце садилось; Еремѣй и сюрюджи дѣлали чай. Я, говоря вообще, лицо не очень живописное; но лежа, какъ дикій Арабъ, у подножія высокой колонны, съ бѣлой чалмой на головѣ и съ журавлинымъ гнѣздомъ надъ головою, я право не такъ дуренъ, какъ вы думаете. И какъ Голландецъ рисовалъ für Geld, для денегъ, и на-

дѣялся продать свою работу какому-нибудь путешественнику въ Смирнѣ, который конечно воспользуется этимъ рисункомъ, чтобъ утверждать въ своемъ дневникѣ, что онъ былъ въ Сардисѣ, и въ доказательство представлять плѣнительный видъ его развалинъ, то я еще не отчаиваюсь увидѣть себя въ литографіи. Кстати о картинкахъ: я теперь очень сожалѣю, что не пригласилъ тогда горбатаго живописца сдѣлать мнѣ очеркъ Еремѣя, сидящаго на корточкахъ передъ огнемъ съ оловяннымъ чайникомъ въ рукѣ и объ-руку съ злолицымъ Туркомъ, который поддерживалъ пламя сухимъ сирійскимъ терновникомъ. Я представляю себѣ, какъ почтенная его матушка, которую оставилъ онъ на Валдаѣ, порадовалась бы на своего Ерему, увидѣвъ его въ бусурманской чалмѣ и со стаканомъ чаю, сидящаго посреди Анатоліи!

Четыре стѣны, бывшія подъ блюстительствомъ ангела сардійской церкви во дни Апокалипсиса, стояли неподалеку отъ береговъ Пактола и почти на одной чертѣ съ дворцомъ Креза и съ рѣкою. Іоническія капители двухъ изящныхъ колоннъ разрушеннаго храма горѣли еще съ одной стороны розовымъ свѣтомъ заката, когда полный мѣсяцъ всплылъ на востокѣ и лилъ чистое серебро на другую. Два свѣта смѣшивались на небѣ въ опаловыхъ сумеркахъ.

— Еремѣй! сказалъ я: можешь ли ты рѣшить, отчего поэты назвали эту рѣчку «золотымъ» Пактоломъ? Видалъ ты гдѣ-нибудь песокъ сѣрѣе этого?

— Поэты, сударь? Да они все лгутъ! Какой правды ждать отъ Турокъ?

— И отчего «мутный Гермусъ» нашли мы вчера самой свѣтлой рѣкою, какую когда-нибудь переходили въ бродъ?

— Не могу знать, сударь.

— И отчего я не сталъ пригожѣе прежняго, хотя купался въ Скамандрѣ, какъ Венера? И отчего пемза въ Наксосѣ перестала возвращать женщинамъ ихъ дѣвственныя формы? И отчего Смирна и Мальта славятся лучшими смоквами и апельсинами? И отчего древній царь лидійскій, обладавшій кольцомъ-невидимкой и державшій чорта въ собачьемъ ошейникѣ, лежитъ теперь смирно подъ землею, а кольцо и ошейникъ съ чортомъ не перешли къ его преемникамъ?...

Пока Еремѣй отвѣчалъ мнѣ съ разными ужимками и оговорками, что онъ не можетъ знать, о чемъ я изволю говорить, сумерки становились все темнѣе и глазъ мой уловилъ постоянный свѣтъ, мерцавшій далеко выше насъ надъ рѣкою. Зеленая ложбина спускалась позади акрополя; одинокая, пасмурная башня рисовалась на ночномъ небѣ своими изломами; внизу изъ мрачной ея тѣни мелькала, какъ звѣзда изъ облака, таинственный свѣточъ.

— Пойдемъ! сказалъ я Еремѣю, надѣясь на вѣрное приключеніе: пойдемъ, посмотримъ, для кого теплится лампада въ этихъ развалинахъ.

— Я буду въ отвѣтѣ передъ вашей матушкой, возразилъ мой опасливый пѣстунъ, если не напомню вамъ, Александръ Андреевичъ, что въ здѣшней сторонѣ много разбойниковъ: и кого, кромѣ ихъ *нечистаго* племени, понесетъ на такую вышину?

Я уже перепрыгнулъ черезъ обрушенный архитравъ, и подымался къ башнѣ. Еремѣй безмолвно пошелъ за мною.

Мы карабкались впотьмахъ съ большимъ затрудненіемъ, то падая въ овраги, то запинаясь за плиты мрамора, за цѣпкій терновникъ и чащи кустовъ. Пробившись такимъ образомъ съ полчаса, мы очутились на полянѣ, облитые потомъ и запыхавшись. Когда я сталъ говорить Еремѣю, что мы, быть-можетъ, зашли ужъ слишкомъ высоко, онъ дернулъ меня рукою, и, сдѣлавъ знакъ молчанія, однимъ разомъ посадилъ на траву и самъ сѣлъ подлѣ меня.

Въ маленькомъ, волшебномъ амфитеатрѣ, полуобъятомъ излучиною Пактола и лежавшемъ на нѣсколько аршинъ ниже площадки, съ которой мы смотрѣли, стояло шесть невысокихъ шатровъ, раскинутыхъ полукружіемъ противъ изгиба рѣки: они занимали клочокъ свѣжей, росистой зелени, едва-ли сажени полторы въ поперечникѣ. Палатки были круглыя; въ большей изъ нихъ, стоявшей почти прямо противъ ложбины, мелькала маленькая желѣзная лампада стараго вѣка съ горящей свѣтильнею въ одномъ изъ рожковъ, а подъ ней, между двумя столбами, висѣла плетеная люлька: ее качала женщина, по-видимому, лѣтъ сорока, которой красота, еслибъ тутъ не было чего еще привлекательнѣй, одна вознаградила бъ насъ за весь трудъ. Другія палатки были затворены, и казались незанятыми; но пола одной изъ нихъ, на которую глаза наши устремились съ жадностью, отдернулась вся, видно для воздуха, и въ пере-

мѣшанномъ свѣтѣ лампады и полнаго мѣсяца явилась босая дѣвочка лѣтъ пятнадцати: чудная симметрія ея формъ, и восхитительная, ей самой невѣдомая, краса движеній, наполнили всю душу мою чувствомъ изящества. Ростомъ и сложеніемъ приближалась она къ юной нимфѣ Кановы, — но съ такими очертаніями, съ такимъ ротикомъ, съ такими глазами, что еслибъ самъ я создалъ ее изъ мрамора и оживилъ какъ Пигмаліонъ, мнѣ не придумать бы ничего лучшаго. Широкая восточная завѣса, подвязанная кушакомъ кругомъ пояса и во всякое другое время скрывающая ее всю, кромѣ глазъ, висѣла на ней сборами отъ стана до самыхъ пятъ, оставляя шею и нѣжно-округленныя плечи совсѣмъ нагими; черные какъ смоль и лоснящіеся волосы лежали на спинѣ длинными и безчисленными косами, и при каждомъ безпечномъ движеніи разсыпались иначе съ легкостью облака. Короткая юбочка изъ полосатой брусской ткани доставала только до колѣнъ, а ниже шаравары изъ той же матеріи окружали ея ножки, съуживаясь у подъема, гдѣ были застегнуты чѣмъ-то похожимъ, при свѣтѣ мѣсяца, на серебряную пряжку. Множество колецъ на рукахъ и большой червонецъ на лбу, удерживаемый цвѣтнымъ снурочкомъ, дополняли нарядъ, къ которому нечего было прибавить ни живописцу, ни притворной скромницѣ. Она была въ томъ чудесномъ мгновеніи женской жизни, когда каждый наступающій часъ обѣщаетъ довершить красу дѣвственной зрѣлости, какъ въ цвѣткѣ лотоса.

Она наполняла большой кувшинъ, стоявшій за

шатромъ, водою изъ Пактола. И когда, возвращаясь съ полнымъ сосудомъ на головѣ, подошла она къ лампадѣ легкими шагами, чтобъ не разбудить ребенка, и кругленькія ея ручки опустили сосудъ наземь съ напряженной осторожностью, тутъ и Еремѣй забылся дотого, что толкнулъ меня изо всѣхъ силъ, вѣроятно, чтобъ сообщить мнѣ свое восхищеніе. Безмолвный кивокъ старшей женщины, которой греческій профиль повернулся къ намъ при свѣтѣ лампады, далъ знать милой водоносицѣ, что труды ея кончены. Съ жестомъ, выражавшимъ, что ей жарко, сняла она покрывало съ пояса, развязала юпочку и бросила ихъ въ сторону; потомъ выпрыгнула на мѣсяцъ въ однихъ шелковыхъ шараварахъ, сѣла на берегу ручейка, поставила ноги въ воду, и, склонивъ голову на колѣни, приняла видъ неподвижнаго мрамора.

— Канова непремѣнно видѣлъ ее въ этомъ положеніи! невольно сказалъ я про себя.

— Не могу знать, сударь, отвѣчалъ Еремѣй, думая, что я его спрашиваю.

Да! онъ долженъ былъ ее видѣть, когда мѣсяцъ глядѣлъ на ея полуматовую спину и когда чуть неблестящіе ея волосы разсыпались по ней какъ пукъ растеній! И эти тонкіе пальцы, сплетенные на колѣняхъ; и этотъ меланхолическій покой, которымъ дышитъ ея положеніе, и который, кажется неразлученъ съ безпечными Азіятцами!.......

— А по-моему, такъ она, вѣрно, Цыганка, сказалъ Еремѣй.

Шумъ воды, ниспадавшей немного далѣе ма-

ленькимъ каскадомъ, покрывалъ шелестъ нашихъ шаговъ и заглушалъ нашъ тихій разговоръ. Еремѣй вѣроятно говорилъ правду: чуть-ли мы не наткнулись на цыганскій таборъ! Мужчины, быть-можетъ, спали въ закрытыхъ палаткахъ, или ушли въ Смирну. Послѣ небольшаго совѣщанія, я согласился съ Еремѣемъ, что не хорошо тревожить таборъ въ ночную пору, и, рѣшившись посѣтить его на другое утро, мы ушли потихоньку, никѣмъ не примѣченные. Скоро мы воротились къ своимъ палаткамъ.

Сюрюджи подалъ намъ ароматическаго кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ чашкахъ съ филигранными подчашниками, и, сидя за нимъ, мы разсуждали, къ прискорбію сонныхъ сосѣдей нашихъ, аистовъ, остаться ли намъ еще на день въ Сардисѣ, или отправиться ѣсть въ полдень дыни въ Касабѣ, по дорогѣ въ Константинополь. Къ большому изумленію Голландца, которому хотѣлось докончить свои рисунки, я, и разумѣется, Еремѣй, подали голоса, чтобъ остаться, тогда-какъ наканунѣ мы были совсѣмъ противнаго мнѣнія. Англичанинъ, который вѣчно спѣшилъ, взбѣсился ужасно и пошелъ съ флегматикомъ сюрюджи искать утѣшенія около лошадей. На другой день, однакожъ, онъ изобрѣлъ для себя пріятное занятіе, свистать опустивъ руки въ карманы; смирнскій купецъ набилъ трубку и сѣлъ дѣлать наблюденія надъ караваномъ, спускавшимся съ Тмоля къ югу, а я съ моимъ уродомъ отправился въ цыганскій таборъ.

Когда мы обходили полуразрушенную стѣну древ-

ней христіанской церкви, какая-то женщина вышла къ намъ изъ тѣни. Подъ изорваннымъ платьемъ и грязной чалмою, надвинутою на глаза, я тотчасъ узналъ Цыганку, которую мы видѣли вчера у люльки.

— Buon giorno, signori, сказала она, сдѣлавъ родъ салями; и этимъ итальянскимъ привѣтствіемъ вывела меня изъ опасенія быть непонятымъ.

Я сказалъ ей: — Buon giorno!

Еремѣй тоже съ ней поздоровался, но она бросила на него очень недовольный взглядъ, и, подошедъ ближе, сказала мнѣ вполголоса, что желаетъ говорить со мною, безъ il mio domestico, — безъ моего слуги.

— Скорѣе, моего друга! piutosto amico! отвѣчалъ я тотчасъ, чтобъ поднять его въ ея мнѣніи.

Я долженъ отдать полную справедливость благородству своего обхожденія съ Еремѣемъ: помня, что онъ былъ моимъ менторомъ и первымъ наставникомъ, что я обязанъ ему благодарностью за попеченіе о моей юности и чистотѣ моихъ нравовъ, я постоянно старался, исключая присутствія порядочныхъ свидѣтелей — заставлять его забыть, что онъ слуга.

Она, казалось, досадовала на свою ошибку: отдавъ полуизвиняющійся поклонъ моему amico, она отвела меня въ тѣнь развалины и пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо. «И тебѣ тоже», подумалъ я, возвращая ей этотъ взлядъ: мнѣ хотѣлось отгадать взоромъ желаніе, мерцавшее въ двухъ большихъ, влажныхъ и полныхъ любви глазахъ, какіе

смотрятъ только изъ Магометова рая, поджидая молодаго покойника. Это лицо было нѣкогда прекрасно, а въ рукахъ свѣтской дамы составило бы и теперь отличную и молодую красоту.

— Milordo inglese? спросила она наконецъ.

— Нѣтъ, матушка, milordo russo.

Она сдѣлала рожицу.

— А куда ѣдешь, filio mio?

— Въ Стамбулъ, моя красавица.

— Benissimo! сказала она, и лицо ея прояснилось. Не нуженъ ли тебѣ слуга?

— Развѣ ты пойдешь ко мнѣ въ слуги, а то нѣтъ.

— Не я, а сынокъ мой.

У меня вертѣлось на языкѣ спросить, похожъ ли онъ на ея дочку, но таинственный и тревожный видъ Цыганки заставилъ меня быть скромнымъ. Она продолжала просить о сынѣ, и наконецъ вышло наружу, что ему надо побывать по дѣлу въ Константинополѣ, и что ей хочется отпустить его туда съ вѣрнымъ человѣкомъ. Мужчины, сказывала она, отправились въ Смирну на промыселъ, а ее оставили при палаткахъ съ мальчикомъ и груднымъ ребенкомъ. Такъ какъ она не упоминала о дѣвочкѣ, которая, по сходству съ нею, очевидно была ея дочерью, я не разсудилъ за благо намекать на вчерашнее наше открытіе, и просто обѣщалъ, что, если у ея сына есть лошадь, онъ будетъ дорогою подъ моимъ попеченіемъ. Я сказалъ ей часъ, въ который предполагаемъ мы завтра отправиться, и ушелъ отъ нея съ тѣмъ, чтобъ повидаться снова въ таборѣ.

Я взялъ окольною дорогой, но Цыганка поспѣла туда прежде меня, и была, кажется, одна дома. Она уже послала своего мальчика за лошадью, и хотя я думалъ, что самое милое созданіе въ цѣлой Азіи таится въ одномъ изъ этихъ шатровъ, но они были такъ плотно закрыты, что я не могъ вникнуть въ ихъ содержаніе и не находилъ предлога пуститься въ распросы. Прекрасная Zingara становилась слишкомъ болтлива, а какъ я былъ безъ Еремѣя и вообще боюсь женщинъ наединѣ, то, взявъ съ моей пріятельницы обѣщаніе, что сынъ ея догонитъ насъ прежде, чѣмъ мы доѣдемъ до горъ Сипила, воротился съ чѣмъ пришелъ. Я проклялъ бы свое благоразуміе и сталъ учиться хиромантіи какъ Цыганъ, еслибъ нечистый соблазнилъ меня противъ моей воли.

Мы сняли палатки съ восходомъ солнца, и пустились по широкой равнинѣ Гермуса. Роса лежала на густыхъ и яркихъ цвѣтахъ полей, какъ прозрачная смола. Природа и мои пятеро товарищей были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Я напротивъ. Мнѣ все мечтался лунный свѣтъ, Пактолъ и двѣ кругленькія ножки, стоящія въ быстрой водѣ. Еремѣй ѣхалъ почти рядомъ со мною.

Около полудня, когда мы приближались къ Касабѣ; когда, не смотря на мои романическія мечтанія, я съ удовольствіемъ началъ помышлять о дыняхъ, которыми славится этотъ городъ, топотъ копытъ, раздавшійся позади, заострилъ уши нашихъ лошадей, а черезъ пять или шесть минутъ подскакалъ къ намъ мальчикъ лихимъ наѣздникомъ, и подалъ мнѣ условленный знакъ. Онъ си-

дѣлъ на маленькой арабской кобылѣ, незамѣчательной ничѣмъ кромѣ тонкихъ пылающихъ ноздрей и рѣзваго движенія. Но самъ мальчикъ былъ очень замѣчателенъ, и именно тѣмъ, что очевидно не былъ мужескаго пола, какъ обыкновенно бываютъ мальчики въ Азіи. Куртка и чалма не могли измѣнить ни его стана, ни его головки. Красотка изъ цыганскаго табора была подлѣ меня!

Хорошо, что я заранѣе взялъ съ Еремѣя клятву не проговориться, если мальчикъ, какого бы пола ни было, поѣдетъ съ нами, и что далъ въ Сардисѣ старой Цыганкѣ толстый конвертъ съ письмомъ моей матушки, чтобы этотъ мальчикъ привезъ мнѣ его, какъ-бы врученное ему, для доставки. Въ теченіе двадцати минутъ, которыхъ требовало прочтеніе этого документа, — матушка пишетъ всегда длинно, особенно въ отвѣтъ на просьбу о деньгахъ — я имѣлъ время собраться съ духомъ и обдумать родъ обращенія моего съ прекрасной переряженицей. Мои спутники чрезвычайно удивились, что я получаю письма изъ дому съ курьерами въ глубинѣ Анатоліи, но я не мѣшалъ имъ ломать надъ этимъ голову. Я только сказалъ, что мальчикъ присланъ ко мнѣ, и что онъ поѣдетъ со мной въ Константинополь, и какъ одинъ я могъ объясняться съ сюрюджи, выучившись немного по-новогречески въ Мореѣ, то Голландецъ, Джонъ-Булль и смоковникъ должны были довольствоваться такими соображеніями насчетъ этого случая, какія внушило имъ всещедрое небо.

Еремѣй, который вообще имѣетъ очень выгод-

ное мнѣніе обо всемъ цыганскомъ народѣ, тотчасъ смекнулъ, что это — плутовство, а не мальчикъ. Какъ мы съ нимъ домышлялись наединѣ, зачѣмъ красавица ѣдетъ въ Константинополь, какъ мило держалась она на конѣ и разъигрывала свою роль; какъ я просилъ ее, хотя она тоже говорила по-итальянски, не открывать рта ни на какомъ христіанскомъ языкѣ съ моими спутниками; какъ она спала у ногъ моихъ во всѣхъ каравансераяхъ; какъ дней черезъ семь, когда мы пріѣхали въ Скутари, она глядѣла черезъ Босфоръ на золотыя башни Стамбула, обращала ко мнѣ бездонные глаза свои, полные слезами, и потомъ пришпоривала лошадь, чтобъ скрыть этотъ невольный приступъ чувства; и наконецъ, съ какимъ восторгомъ думалъ я о прелести быть схороненнымъ съ ней хоть на однѣ сутки въ золоченой «Гробницѣ визиря», мимо которой мы проѣзжали,—все это могло бъ сдѣлаться предметомъ нѣсколькихъ очень непустыхъ главъ въ моей повѣсти, но онѣ покамѣстъ впереди.

Мы выѣхали изъ-подъ островерхихъ кипарисовъ кладбища, окружающаго Скутари со стороны суши. Сошедъ съ лошади на высотѣ, которая господствуетъ надъ всѣмъ мѣстоположеніемъ Царяграда, я взлѣзъ на раззолоченную чалму, вѣнчающую памятникъ султанскаго ичоглана, и услаждался зрѣлищемъ поруганной, но еще царски-прекрасной, столицы Палеологовъ. Я имѣлъ намѣреніе дать вамъ здѣсь превыгодное и преподробное описаніе Константинополя, Босфора, сераля, Турокъ, Турчанокъ, Турчатъ и даже янычаръ,

но увольняю васъ отъ этого, хотя вообще я большой мастеръ описывать. Надѣюсь, что вы скажете всѣмъ своимъ и моимъ знакомцамъ, что я очень милый и любезный молодой человѣкъ.

Пока я стоялъ на мраморной чалмѣ ичоглана, спутники мои разбрелись по улицамъ Скутари и оставили меня одного съ Цыганочкой. Она сидѣла на своей арабкѣ, приклонивъ голову къ ея шеѣ, и когда я свелъ глаза съ Константинополя, капли слезъ сверкали на гривѣ, и грудь красавицы неодолимою тоской волновалась подъ шитою курткою. Я соскочилъ наземь, взялъ ее за голову, и прижалъ къ губамъ своимъ мокрую щечку.

— Мы разстаемся здѣсь, синьоръ, сказала она, обвивая вкругъ головы волосы, выпавшіе изъ-подъ чалмы, и приподнявшись въ сѣдлѣ, какъ-будто хотѣла ѣхать.

— Не думаю, Мейменѐ.

Она устремила на меня влажные глаза, съ пытливостью.

— Тебѣ запрещено ввѣрять мнѣ, зачѣмъ ты ѣдешь въ Константинополь, и ты сдержала слово передъ матерью. Но я надѣюсь, что дѣло идетъ не о личной твоей свободѣ?

Она смутилась, но не отвѣчала.

— Ты еще очень молода, Мейменѐ, и уѣзжаешь такъ далеко отъ матери!

— Signor, si.

— Еслибъ она любила тебя такъ какъ я, то не думаю, чтобъ пустила сюда тебя одну.

— Она ввѣрила меня вамъ, синьоръ.

Это напомнило мнѣ мое обѣщаніе. Я далъ слово

Цыганкѣ оставить ея сына у персидскаго фонтана Топханы. Въ Меймене очевидно было чувство, превозмогавшее любовь, которую я полунадѣялся и полустрашился возбудить въ ней.

— Andiamo! поѣдемъ! произнесла она, опустивъ голову на грудь.

Слезы падали у ней градомъ: она пустила свою лошадь во всю прыть, быстро неслась по неровнымъ и пустымъ улицамъ Скутари, и черезъ нѣсколько минутъ мы стояли на берегу Босфора—на границѣ Азіи.

Мы оставили здѣсь лошадей и переплыли въ Галату на каикѣ. Ни скромность Меймене, ни бездна противоположныхъ чувствъ, оспоривавшихъ мое сердце, не могли защитить его отъ неизгладимаго впечатлѣнія окружавшей меня картины. Звѣздообразный заливъ, версты полторы въ поперечникѣ, кишѣлъ лодками самой легкой и пріятной наружности; гребцы въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и шелковыхъ рубахахъ, съ засученными по плечо рукавами, которые такимъ-образомъ открываютъ мышцы Геркулесовы, мчали ихъ съ проворствомъ венеціянскихъ гондольеровъ; золоченыя рѣшетки и бельведеры сераля, отѣняемые мрачными кипарисами и цвѣтущими мимозами, которые смѣшиваютъ надъ ними свои печальныя и веселыя вѣтви, были такъ близко, что я могъ сосчитать розы на кустахъ и видѣть колыханіе листьевъ въ вечернемъ воздухѣ; муэззины призывали правовѣрныхъ къ молитвѣ, и голоса ихъ звонкимъ облакомъ разстилались надъ водою; военные корабли въ устьѣ Босфора спускали свои крово-

цвѣтные флаги: берегъ, къ которому мы приближались, былъ унизанъ женщинами въ покрывалахъ, бородатыми мужчинами и мальчиками въ желтыхъ туфляхъ и красныхъ фескахъ; поодаль, ожидая насъ, стояла купа Жидовъ и Армянъ въ одеждѣ, означавшей ихъ низкую породу.

Мы ступили на берегъ Европы въ предмѣстіи Топхана; сюрюджи указалъ Меймене̇ фонтанъ, выложенный мраморомъ и бронзой, съ красивымъ фризомъ и персидскими надписями. Она бросилась ко мнѣ прощаться.

— Помни, Меймене̇, сказалъ я, что я предлагаю тебѣ мать и пріютъ въ краю болѣе счастливомъ. Не хочу мѣшать тебѣ въ исполненіи твоего долга, но, когда ты кончишь свои дѣла, можешь отыскать меня, если хочешь. Прощай, моя милушка.

Поцѣловавъ меня страстно въ ладонь и подаривъ взглядомъ, наэлектризованнымъ любовію и скорбью, цыганка повернула къ фонтану, потомъ влѣво за мечеть, и скрылась въ тѣсной улицѣ, идущей, вдоль берега, къ Галатѣ.

На третій день по прибытіи въ Константинополь, мы вышли изъ своего полу-европейскаго, полу-турецкаго трактира, и, бродя безъ цѣли по гадкой мостовой Перы, остановились на холмѣ Малаго кладбища, чтобъ рѣшить, въ какой части свѣта — Европѣ или Азіи — провести прекрасное іюньское утро.

— Ну ужъ погодка! сказалъ Еремѣй, посматривая на зеленѣющую вершину Булгурлу.

Надобно знать, что Еремѣй имѣетъ рѣшительную склонность къ сельской природѣ, а я, напро-

тивъ, къ городской. Я посматривалъ совсѣмъ въ другую сторону — къ Галатѣ. И пока онъ уговаривалъ меня идти гулять въ поле, и пока я думалъ о томъ, какъ бы съ высоты Малаго кладбища прыгнуть въ шумную пропасть Галаты, оттоманскій флагъ мелькнулъ за лѣсомъ мачтъ передъ лукоморьемъ у Топханы; черезъ минуту высоконосое судно съ рѣзьбою и оснасткою дальняго Востока вошло въ середину залива съ быстрымъ босфорскимъ теченіемъ; спустя еще мгновеніе, оно, на своемъ латинскомъ парусѣ, обогнуло корабль, стоявшій на якорѣ подъ палестинскимъ флагомъ, и потомъ спустилось по вѣтру въ каналъ залива Золотаго Рога. Я уставилъ въ него свою зрительную трубку. На палубѣ виднѣлась толпа людей, по большей части женщинъ, стоявшихъ среди судна. Я тотчасъ сказалъ Еремѣю:

— Это, вѣрно, корабль съ невольниками изъ Требизонда. Пойдемъ смотрѣть ихъ.

Мы прошли ворота, раздѣляющія европейское предмѣстіе съ торговымъ, и пустились по крутымъ и тѣснымъ улицамъ Галаты такъ торопливо, что Турки, которыхъ мы встрѣчали или обгоняли, ужасно гладили себѣ бороды и шаркали своими туфлями, чтобъ постичь, куда и зачѣмъ бѣгутъ эти два гяура. Изъ сотни легкихъ каиковъ, качавшихся на волнахъ залива, выбрали мы самый легкій и многовесельный; схватили одного изъ услужливыхъ Жидовъ, которые навязываются здѣсь толпами въ переводчики, и, поджавъ подъ себя ноги въ длинной и узкой лодкѣ, помчались за новопришедшимъ судномъ.

Рѣка, которая обвивается около самаго сердца Константинополя, чрезвычайно пріятна для плаванія. Турокъ гребетъ назадъ; десять тысячъ яичныхъ скорлупъ шныряютъ около него во всѣхъ направленіяхъ; носовая часть его лодки оканчивается порядочнымъ желѣзнымъ остріемъ, и, благодаря этому изобрѣтенію, лишній піастръ за скорѣйшую доставку извлекаетъ тучи проклятій на *каикчи* и на «собакъ», которыхъ онъ перевозитъ, со стороны всѣхъ турецкихъ гражданъ, обижающихся за дыры, пробиваемыя его носомъ въ ихъ лодкахъ. Жидъ смѣялся, какъ это ужъ водится со временъ Шайлока, несчастіямъ своихъ утѣснителей, и, усердствуя въ исполненіи своей обязанности, переводилъ намъ всѣ ругательства, сыпавшіяся на насъ со всѣхъ сторонъ. Изъ содержанія ихъ мы усмотрѣли, что брюзгливые Турки отзывались очень невыгодно о нашихъ родительницахъ, и Еремѣй замѣтилъ имъ весьма основательно, что они дѣлаютъ это напрасно, потому-что даже никогда ихъ не видали.

Между-тѣмъ новоприбывшее судно замедлило ходъ свой, приближаясь къ базару сушеныхъ плодовъ, и одинъ поворотъ руля вдвинулъ его вздернутый носъ между египетскимъ корабликомъ, разбойничьяго вида, и чернымъ англійскимъ угольщикомъ, съ надписью на кормѣ—Snow-Drop, from Newcastle. Тяжелый якорь бухнулъ въ воду, и мы тотчасъ велѣли Жиду опросить новопришельца. Предположеніе мое подтвердилось: корабль былъ изъ Требизонда, съ невольницами и прянымъ зельемъ.

— А что̀ они сдѣлаютъ, если мы туда взойдемъ? спросилъ я Еврея.

Онъ вытянулъ свою змѣиную шею, такъ, что длинная борода повисла у него совсѣмъ на воздухѣ, и внимательно посмотрѣлъ сквозь перила.

— Невольницы все Грузинки, отвѣчалъ онъ, немного погодя: и если тутъ нѣтъ турецкихъ покупщиковъ, васъ только спровадятъ съ судна.

— А если есть?

— Они почтутъ женщинъ испорченными христіанскимъ глазомъ, и продавецъ невольницъ застрѣлитъ васъ или такъ выброситъ за бортъ.

Еремѣй, по обыкновенію, совѣтовалъ мнѣ не ходить на судно, именемъ своей отвѣтственности передъ матушкой, и, по обыкновенію же, тотчасъ полѣзъ за мною.

Въ суматохѣ отъ прибытія портовыхъ чиновниковъ и другихъ посѣтителей, которые всѣ кричали и надѣялись со-временемъ перекричать другъ друга, въ общемъ шумѣ и безладицѣ, мы стояли на краю палубы непримѣченные, и я пристально наблюдалъ изумленіе красавицъ, впервые очутившихся въ средоточіи большаго города. Хозяинъ ихъ прелестей не имѣлъ времени за ними присматривать; сбросивъ грязныя покрывала на плеча, онѣ выставили вдругъ десять или двѣнадцать розовыхъ личекъ съ отверзтыми устами, съ глазами свѣтлыми, влажными, глубокими какъ родникъ. У всѣхъ были хорошія черты, на кожѣ ни пятнышка, волосы густые и лица здоровыя: вообще, за исключеніемъ великолѣпныхъ восточныхъ глазъ, онѣ *напоминали* жирный идеалъ русской

купчихи, рослой, дородной и сдобной какъ каравай. Любопытно было видѣть, какъ дивились онѣ чудесамъ Золотаго Рога, попавъ прямо съ пустынныхъ горъ на картину, быть-можетъ, великолѣпнѣйшую въ цѣломъ мірѣ. Я слѣдовалъ за ихъ глазами и старался угадывать впечатлѣнія, производимыя въ нихъ новостью предметовъ. Вдругъ Еремѣй дернулъ меня тихонько за полу: старый Турокъ только-что взлѣзъ на корабль съ береговой стороны и помогалъ всходить за собою женщинѣ, окутанной покрываломъ. Полвзгляда, четверть взгляда, и еще менѣе, достаточно было для удостовѣренія меня въ неожиданной истинѣ— что это моя сардисская Цыганка — моя гурія — мой мальчикъ — товарищъ мой на пути въ Константинополь.

— Меймене! моя султанша! воскликнулъ я, подскочивъ къ ней въ мгновеніе ока.

Тяжелая рука оттолкнула меня прочь, лишь только я до нея дотронулся; я отплатилъ ударъ; смуглые арабскіе матросы обступили насъ толпою, и безъ околичностей протолкали съ корабля. Ошеломленный ударомъ, въ страхѣ, въ бѣшенствѣ на дерзкаго Турка, я не помню, какъ очутились мы опять въ каикѣ; но, когда я образумился, мы быстро плыли вверхъ по Золотому Рогу и черезъ полчаса сидѣли уже на зеленомъ берегу Варвиса, съ твердымъ намѣреніемъ погулять зато вдоволь въ уединенной долинѣ Сладкихъ Водъ.

Книгопечатаніе было введено въ магометанскую имперію въ царствованіе Ахмеда III и Лудовика XV. У меня нѣтъ привычки помнить статистиче-

скіе факты, но этого я какъ-то не забылъ еще, и привожу его потому, что самое романическое жилище, какое извѣстно мнѣ въ подсолнечной, было построено сначала для типографскаго станка, привезеннаго изъ Версали султанскимъ посломъ Мегеммедъ-эфендіемъ. Теперь это весенній потѣшный дворецъ любимыхъ любовницъ его султанскаго величества, и кто хоть разъ видѣлъ этотъ райскій пріютъ, тотъ непремѣнно вспомнитъ его въ мечтахъ о совершенномъ счастіи.

Дворецъ Кеатъ-Ханè построенъ изъ золота пополамъ съ мраморомъ, среди обширной изумрудной долины, и болѣе похожъ на волшебное видѣніе, которое вызвали и забыли зачурать, чѣмъ на домъ для жительства, домъ настоящій, домъ, въ которомъ укрываются отъ дождя, домъ, который показываютъ вамъ за полтину серебромъ. Варвисъ, падая съ губы морской раковины, высѣченной изъ мрамора, крутится съ пѣною и вѣчной музыкой подъ золоченными рѣшетками оконъ султаншей: какъ серебряная нить по зеленому бархату тянется онъ нѣсколько верстъ по самой нѣжной муравѣ; ни дерева, ни куста на берегахъ его; будто запертый горами въ заколдованной долинѣ, то свертывается онъ змѣею, то роскошно распускаетъ клубы свои, а горы, подымаясь въ обрывахъ справа и слѣва, бросаютъ на него зубчатыя свои тѣни во всякую пору, кромѣ полудня, посвященнаго на Востокѣ сну красоты и безпечности бородачей.

Въ маѣ—мѣсяцѣ любви per excellentiam—смерть тому, кто дерзнетъ войти въ Кеатъ-Ханè. Каикъ вашъ останавливаютъ въ Золотомъ Рогѣ, и на ка-

ждомъ холмѣ видите вы верховаго эвнуха съ обнаженною саблей. Арабскія кобылицы султана пасутся на пушистой травѣ долины; сотня Черкешенокъ выходитъ изъ пахучихъ комнатъ дворца на шелковые берега Варвиса, и кажетъ солнцу свои невыразимыя прелести. Отъ Золотаго Рога до Бѣлграда, верстъ на двадцать, эта зеленая ложбина, лелѣющая извилистую рѣку, свободна цѣлый мѣсяцъ отъ ступни мужчинъ: только вскормленныя въ золотой клѣткѣ птички султана разъѣзжаютъ по ней съ утра до ночи въ своихъ алыхъ арбахъ, запряженныхъ быками: рога буйволовъ, которые тащутъ ихъ колесницы, убраны разноцвѣтными лентами; бѣлоснѣжныя покрывала небрежно падаютъ съ плечъ и съ малиновыхъ устъ дѣвъ сераля, и онѣ такъ же пламенно рвутся страстною мечтою за предѣлъ своего уединенія, какъ мы—я, напримѣръ, или вы—рвемся въ ихъ тюрьму съ мысленнымъ поцѣлуемъ, который, еслибъ только упалъ на одинъ изъ этихъ ротиковъ, вознаградилъ бы насъ одинъ за всѣ мытарства холостой жизни.

Какъ мало довольныхъ своимъ жребіемъ! Какъ много остается еще желать избраннѣйшимъ баловнямъ фортуны! Какъ неизбѣжно вздыхаетъ сердце по томъ, чего намъ не далось! Хотя мы съ Еремѣемъ собственно послѣдователи школы тѣхъ философовъ, которые «имѣли мало и ни въ чемъ не нуждались», однако, сидя на мраморномъ мосту, который повисъ надъ Варвисомъ какъ паутина, онъ не могъ не согласиться со мною, что зависть сильна *отравить* даже довольство нищаго. Дуракъ, кто

не голоденъ, не холоденъ, и еще жалуется на счастіе: но какъ назвать того, кто, притомъ пользуясь изобиліемъ, сильный, чтимый, свободный отъ всякаго труда, чувствуетъ въ глубинѣ души морозное дыханіе зависти, и не произноситъ вѣчнаго проклятія врагу всякаго счастія? Онъ чуть не рабъ —но чуть и не богъ Олимпа. Изъ красоты и ясной погоды, я сдѣлаю вамъ рай на Черной Рѣчкѣ: возьмитесь только не впускать въ него зависти.

Мы бродили вокругъ дворца, и напрасно пытали всѣ его выходы: вдругъ Еремѣй увидѣлъ за холмомъ красный флагъ, развѣвающійся на верху маленькой зеленой палатки, скрывавшей кервaза, который одинъ-одинехонекъ стерегъ эту великолѣпную обитель нѣги. Я послалъ Еремѣя съ щепоткой дрянныхъ турецкихъ піастровъ соблазнить невѣрнаго шараварника, и скоро онъ вышелъ ко мнѣ, преважно шаркая своими невоинственными туфлями и держа ключи, хранившіеся за мѣсяцъ передъ тѣмъ какъ лампада Аладдина. Мы вошли во дворецъ, и стали бродить по комнатамъ смертныхъ гурій Востока; смотрѣли сквозь оконныя рѣшетки; клали руки на шелковыя подушки, на которыхъ остались неизгладимые слѣды ихъ сонныхъ ротиковъ; видно было по потускнѣвшему золоту, что милыя султанши часто прислонялись къ рѣшеткамъ; на свѣтлыхъ перилахъ еще замѣтны были слѣды ихъ пальцевъ и, казалось, даже слѣды устъ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда проникали онѣ своими прекрасными лицами, безпечно глазѣя на долину. Зеркала, софы и ковры были единственной мебелью, и никогда жезлъ Корнелія Агриппы не

былъ бы такъ кстати для возвращенія этим
чувственнымъ стекламъ исчезнувшихъ обр
красоты. Въ одномъ углу мы открыли пре
ный.... Впрочемъ, это — открытіе Еремѣево,
раго я себѣ не присвоиваю.

Я сѣлъ на возвышенномъ концѣ софы,
было, можетъ-статься, почетное мѣсто перв
бимицы. Еремѣй стоялъ поодаль, углубленн
безмолвную поэзію собственныхъ мыслей.

Обо всемъ этомъ путешествіи по дворцу К
Ханѐ, послѣ нечестиваго толчка моему любоз
на проклятомъ суднѣ, упоминаю я только по
что на софѣ первой султанши я долго мечт
Цыганкѣ Меймене̇. Прочими подробностями
товъ даже пожертвовать. Я скоро ушелъ д
въ трактиръ къ мадамъ Джузеппино.

Мгновенное свиданіе на требизондскомъ
блѣ оставило въ моей памяти пару черныхъ г
полныхъ безпокойства, полныхъ сомнѣнія. Я
хорошо зналъ ея поступь, что одинъ шагъ е
сказалъ мнѣ, какъ она несчастна. Кто этот
рый Турокъ, который тащилъ ее такъ безок
но на корабль? Чтò было дѣлать молоденько
ганкѣ между требизондскими невольницами

Безъ всякихъ опредѣленныхъ мыслей на
расположенія ко мнѣ этого милаго ребенка,
чувствительно увѣрилъ самъ себя, что безъ
нѣтъ для него счастія въ мірѣ, и что единс
ною цѣлью моей въ Константинополѣ должно
то, чтобъ добыть прекрасную Цыганочку въ
руки. Мнѣ не хотѣлось открыть Еремѣю м
мѣреніе все вполнѣ, потому-что, кромѣ осо

сти его взгляда на византійское племя. Нѣтъ, вышелъ бы еще обильный источникъ заключеній въ изученія нашихъ физіономій — единственный пунктъ, въ которомъ мы не сходимся съ Латынами такъ любовно, какъ у Виргилія пастухъ Коридонъ съ пастухомъ Алексисомъ.

Недалеко отъ Обожженной Колонны, въ самой срединѣ Константинополя, живетъ старый продавецъ розовой эссенціи и жасмина, именемъ Мустафа. Каждый, кто бывалъ въ Царьградѣ, вспомнитъ Мустафу и его арабскаго невольника, въ лавочкѣ, направо, по дорогѣ къ Ипподрому. Онъ нѣкогда торговалъ табакомъ, янтаремъ и красными ермолками въ Керчи и Одессѣ, гдѣ положилъ первое начало своему богатству и довольно хорошо говоритъ по-русски и по-итальянски. Онъ величаетъ себя султанскимъ парфюмеромъ; но главный источникъ его доходовъ — иностранцы, которыхъ приводятъ къ нему Жиды-переводчики, состоящіе у него на жалованьѣ; и къ чести его надобно сказать, что иностранцу нельзя желать ни духовъ крѣпче тѣхъ, которые онъ радушно ему навяжетъ, ни кофе лучше того, которымъ напоитъ онъ его, надувши на духахъ.

Я былъ такъ счастливъ, что съ перваго разу пріобрѣлъ полное расположеніе Мустафы. Пряностей и духовъ я уже накупилъ у него столько, что могъ бы причинить головную боль всей христіанской Европѣ, но все-еще продолжалъ заходить къ нему изъ пріязни, когда отправлялся изъ Перы въ Стамбулъ. Кромѣ двухъ маленькихъ подарковъ, *за которые*, зная человѣческое сердце,

я отдарилъ его двумя смертными грѣхами — боченкомъ мадеры и бутылкой рому, мой широкоштанный пріятель неразъ предлагалъ мнѣ свои услуги. Правда, немного было вѣроятности, чтобъ я когда-нибудь ими воспользовался, однакожъ мнѣ казалось, что онъ, здороваясь со мною, кладетъ руку на сердце со всей искренностью, безъ плутней и безъ розовой эссенціи; и, въ думахъ своихъ о судьбѣ Мейменѐ, я неразъ увлекался мыслію, что онъ можетъ быть полезенъ мнѣ для прояснения этой тайны.

— Еремѣй! сказалъ я однажды, когда мы шли съ своимъ жидкомъ въ Стамбулѣ по улицѣ конфетчиковъ: я зайду къ Мустафѣ и, быть-можетъ, не ворочусь до вечера. Возьми ты этотъ кусокъ леденцу (я поспѣшно взялъ глыбу леденцу съ перваго прилавка и подалъ ему), ступай домой и ѣшь: онъ называется по-здѣшнему «миръ твоей глоткѣ».

Бѣдный Еремѣй посмотрѣлъ на меня, какъ-будто желая проникнуть цѣль моей отлучки, которая показалась ему очень подозрительною. Ясно читалъ я въ его уродливой физіономіи, какъ непріятно это его озадачило. Еще наканунѣ, ѣдучи въ лодкѣ Босфоромъ, видѣли мы, какъ шайка исполнителей собственнаго правосудія хладнокровно вѣшала на ставняхъ дома Турчанку и Грека, ея любовника, потому-что прелюбодѣяніе казнится въ этой землѣ мудраго законодательства даже безъ дачи кадію взятки за приговоръ. По извѣстнымъ примѣтамъ, Еремѣй считалъ себя въ правѣ предполагать во мнѣ пагубную страсть къ похожденіямъ и заключалъ въ своемъ умѣ, что и для меня

Далила гораздо опаснѣе Филистимлянъ. Когда жертвы любви задрагали не вѣсу своими шелковыми шараварами, я видѣлъ по заботливымъ взглядамъ, которые онъ бросалъ на нихъ и на меня изъ глубины канка, его отеческую рѣшимость присматривать за мной плотнѣе прежняго. Теперь, какъ онъ набилъ полонъ ротъ «миромъ своей сласти», и потомъ вдругъ пересталъ жевать его, измѣнясь въ лицѣ отъ горькаго чувства, я тотчасъ догадался, что мое намѣреніе напомнило ему картину любовниковъ, висящихъ на ставнѣ.

— Александръ Андреичъ! началъ онъ, высвобождая изъ вязкаго леденца свои зубы: матушка... изволили наказывать......

Въ этотъ мигъ толкнулъ его дюжій кервазъ, предшествовавшій знатному Турку, и когда мусульманинъ, закутанный въ три шубы, наѣхалъ на насъ со свитою скороходовъ и съ цѣлымъ арсеналомъ трубокъ, я воспользовался изумленіемъ Еремѣя, ускользнулъ въ сторону, вспрыгнулъ на одну изъ наемныхъ верховыхъ лошадей, стоявшихъ у мечети, и пустился къ лавкѣ моего пріятеля. Долго ли было соскочить съ лошади, утащить Мустафу въ заднюю комнату и велѣть Нубійцу отказать всѣмъ, кто меня ни спроситъ: однакожъ, только я успѣлъ это сдѣлать, Еремѣй прибѣжалъ запыхавшись. По-итальянски онъ говоритъ какъ Тассъ.

— Ha visto il signore? Не видали ли вы моего господина? вскричалъ онъ, бросаясь въ заднюю часть лавки, какъ котъ на крысу.

— *Іокъ!* Нѣтъ! сказалъ прехладнокровно Ту-

рокъ, положилъ руку на серце и, подступивъ ближе, предложилъ ему съ важной учтивостью трубку, отнятую отъ собственныхъ устъ.

Жидъ также вбѣжалъ въ лавку, съ туфлями въ рукѣ; сѣлъ у дверей, снялъ маленькую сѣрую чалму и сталъ-было отирать потъ съ своего высокаго и узкаго чела, но Еремѣй въ эту минуту выскочилъ опять на улицу, сдѣлавъ ему знакъ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Видъ отчаянія и усталости, съ которыми ветхозаконный оріенталистъ отряхнулъ свои шаравары и пустился догонять добраго Еремѣя, вынудилъ смѣхъ у самого Мустафы. Онъ положилъ трубку. Нубіецъ сталъ объяснять это происшествіе по-своему, я вышелъ къ нимъ изъ своего убѣжища и мы хохотали отъ чистаго сердца.

Пока Мустафа еще досмѣивался и возстановлялъ трубку во рту, я, лежа на софѣ, осматривалъ съ любопытствомъ комнату, гдѣ недавно былъ спрятанъ. Занавѣсъ изъ толстой, но полинявшей парчи, который такъ же ненарушимо охраняетъ васъ на Востокѣ, какъ желѣзные затворы на Западѣ, отдѣлялъ отъ передней лавки маленькую восьми-угольную комнату, величиной и убранствомъ похожую на турецкіе будуары, которые въ иныхъ европейскихъ чертогахъ примыкаютъ къ комнатѣ хозяйки. Нога тонула въ богатыхъ коврахъ, лежавшихъ на полу. Софы покрыты были узорной и глянцовитой шелковой тканью и обложены разноцвѣтными подушками. Неутомимая курильница посылала къ черному рѣзному потолку тонкія струи дыма, разливая въ комнатѣ

благовоніе, которое пріятно щекотало нервы, но вмѣстѣ отягчало вѣки и разслабляло все тѣло. По мѣрѣ того, какъ глазъ привыкалъ къ тусклому свѣту, входившему сквозь окно въ потолкѣ, взору являлись богатыя шали Востока, блестящія дивной роскошью цвѣтовъ; рядъ хрустальныхъ кальяновъ въ углу, слабо отражавшій свѣтъ въ граненыхъ склянкахъ съ розовой водою, дорогія трубки, пистолеты съ серебряной насѣчкою и богатая дамасская сабля въ красныхъ ножнахъ. Все это придавало особенную прелесть этому темному жилищу.

Мустафа былъ немножко философъ и умѣлъ наблюдать Европейцевъ, приходившихъ въ лавку. Уединенная и восточная роскошь этой комнаты была одною изъ приманокъ, подготовленныхъ имъ для той страсти къ живописному, которую замѣчалъ онъ въ каждомъ путешественникѣ; а другою былъ его исполинскій Нубіецъ, который въ бѣлой чалмѣ съ золотыми запястьями и поножами, съ голыми руками и ногами, всегда стоялъ у дверей лавки и зазывалъ прохожихъ, не покупать духовъ и куреній, а откушать щербету съ его хозяиномъ. Между-тѣмъ хозяинъ умѣлъ такъ обласкать и угостить всякаго порядочнаго человѣка, что дѣло рѣдко обходилось безъ покупки, которая вполнѣ вознаграждала стараго купца за его гостепріимство.

Когда Мустафа кончилъ свои молитвы — говорилъ ли я, что онъ ихъ началъ? — онъ велѣлъ Нубійцу свернуть молельный коверъ и, задернувъ занавѣсъ между комнатой и лавкою, сѣлъ

слушать повѣсть о Цыганкѣ, которую я чистосердечно разсказалъ ему съ начала до конца. Когда я дошелъ до происшествія на невольничьемъ суднѣ, внезапный свѣтъ блеснулъ, казалось, подъ его огромной чалмою.

— *Пекъ эи!* сударь, *пекъ эи!* Хорошо! очень хорошо, восклицалъ онъ, поводя пальцемъ по срединѣ бороды, и пуская такую бездну дыма изъ ноздрей и изо рту, чтò въ одно мгновеніе образовалось облако, и я имѣлъ здѣсь случай наблюдать полное затмѣніе Турка.

Онъ хлопнулъ въ ладоши, и Нубіецъ тотчасъ явился. Они поговорили что-то по-турецки; невольникъ стянулъ поясъ, сдѣлалъ селямъ и, взявъ туфли у наружныхъ дверей, вышелъ изъ лавки.

— Мы сыщемъ ее въ невольничьемъ базарѣ, сказалъ Мустафа.

Я оглазѣлъ. Эта мысль неразъ приходила мнѣ въ голову, но я все считалъ ее несбыточною. Молодая дѣвушка съ тайнымъ порученіемъ отъ матери! Я не могъ постигнуть, какъ можно было такъ безпечно подвергать опасности ея свободу.

— А если она и тамъ? сказалъ я, вспомнивъ, что оттоманскіе законы возбраняютъ иностранцамъ покупать невольницъ, и что сверхъ-того, въ теперешнихъ обстоятельствахъ такая издержка будетъ слишкомъ чувствительна для моего кармана.

— Такъ я куплю ее для тебя, по знакомству, отвѣчалъ Мустафа.

Тутъ воротился Нубіецъ и положилъ къ ногамъ *моимъ узелъ* съ платьемъ. Потомъ, онъ взялъ съ

полки бритвенницу и началъ скоблить мнѣ хохолъ и виски. Послѣ краткаго пренія съ Мустафою, я долженъ былъ отступиться отъ своихъ прекрасныхъ кудрей; только сильно нафабренные и закрученные усы остались въ утѣшеніе моимъ осиротѣлымъ пальцамъ, которые такъ привыкли поправлять виски и лелѣять хохолъ въ часы досуга. Красная феска и чалма довершили превращеніе головы; я кое-какъ влѣзъ въ длинную шелковую рубашку, въ огромные шаравары, въ куртку, въ туфли, и всталъ полюбоваться на себя въ зеркалѣ. Я былъ похожъ на обыкновеннаго Турка, какъ двѣ капли воды; только европейскій галстухъ и чулки оставляли на шеѣ и на ногахъ моихъ бѣлизну совсѣмъ не восточную. Этому сейчасъ пособили какимъ-то темноцвѣтнымъ снадобьемъ. Мустафа далъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ себя держать; я поправилъ чалму, и вышелъ за нимъ на улицу.

Странное ощущеніе раждается въ человѣкѣ, когда онъ идетъ въ чужомъ одѣяніи и видитъ, что никому это неудивительно. Я не могъ воздержаться отъ досады, замѣтивъ, что каждый грязный бусурманъ считаетъ себя мнѣ равнымъ. Послѣ долгаго странствія въ чужихъ краяхъ, привычка возбуждать вниманіе и нѣкоторый родъ значительности, придаваемый толпою особѣ и поступкамъ путешественника, дѣлаются наконецъ удовольствіемъ, и, потерявъ это званіе или возвратясь на родину, вамъ очень прискорбно видѣть себя опять въ разрядѣ людей обыкновенныхъ. Я *сердился*, зачѣмъ не любуется на меня

народъ, когда я представляю Турка въ Константинополѣ!

Хотѣлось ли Мустафѣ похвастать передъ знакомцами своимъ новымъ трубконосцемъ, или въ тучномъ его тѣлѣ таилось столько плутовской насмѣшливости, что онъ наслаждался усиліями пылкаго гяура казаться тупымъ правовѣрнымъ, только я замѣтилъ, что мы идемъ не прямо на невольничій базаръ. Продавецъ духовъ заходилъ въ разныя лавки здороваться съ своими пріятелями, и наконецъ остановился въ книжномъ базарѣ: тутъ онъ поджалъ подъ себя ноги и снисходительно закурилъ трубку насупротивъ важнаго Армянина, который сидѣлъ на прилавкѣ по горло въ своемъ товарѣ. Вѣроятно, не желая, чтобъ его видѣли курящаго съ Армяниномъ, Мустафа скрылся на томъ же прилавкѣ за грудою фоліантовъ, а его раздосадованный и нетерпѣливый трубконосецъ почтительно сѣлъ поодаль на узкомъ подножіи одной изъ пестрыхъ колоннъ, украшающихъ базаръ библіофиловъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, бѣжитъ мой Еремѣй, по обыкновенію, простофилей: подставивъ ногу, я помогъ ему упасть громомъ на заплеснѣлыя книги Армянина, такъ, что вся кипа обрушилась въ страшномъ безпорядкѣ.

— Аллахъ, Аллахъ! вскрикнулъ Мустафа, котораго колѣна покрылись экземплярами поэмъ, словарей и лѣтописей, а трубка совсѣмъ погребена была въ развалинахъ павшей пирамиды.

— Che bestia Inglese! Экая англійская скотина!

проворчалъ Армянинъ, почти не трогаясь съ мѣста.

На Востокѣ Европейцу очень удобно быть неуклюжимъ: за всѣ его глупости отвѣчаютъ Англичане. Между-тѣмъ какъ книгопродавецъ отказывалъ духопродавца, Еремѣй, усиливаясь встать, попалъ рукою въ чернильницу, а потомъ той же рукою въ кипу избранныхъ книгъ, переплетенныхъ въ чистый пергаменъ. Услужливый Жидъ тотчасъ взялъ верхній томъ, на которомъ рѣзко изображалась пятерня моего дядьки, и равнодушно спросилъ Армянина, сколько il signore долженъ заплатить за испорченіе переплета? Зная, что съ сеньоромъ Еремѣемъ нѣтъ денегъ, я навѣрное разсчитывалъ, что между ними выйдетъ ссора, и что мнѣ тутъ можно будетъ благополучно ускользнуть отъ его заботливости, средь новаго затрудненія, изъ котораго впрочемъ мнѣ слѣдовало бы выручить его и тѣмъ загладить первую вину.

— Tre colonate *, отвѣчалъ книгопродавецъ.

Еремѣй, не слушая этого ихъ разговора, отворилъ книгу, и междометіе радостнаго изумленія удостовѣрило меня, что я могу выйти изъ-за колонны и посмотрѣть ему черезъ плечо. То былъ великолѣпный экземпляръ Гафиза, писанный синими чернилами, весь разрисованный по полямъ золотомъ и красками, весь испещренный богатыми виньетками. Еремѣй съ роду не видалъ такой чудесной «книжки». Пока онъ разсматривалъ бусурманскую книгу, держа ее вверхъ-ногами, я кив-

---

* Пятнадцать рублей.

нулъ Мустафѣ, и мы ушли, непримѣченные ни Жидомъ, ни Еремѣемъ.

При входѣ въ ворота невольничьяго базара, Мустафа повторилъ мнѣ свои совѣты насчетъ моего поведенія, напоминая, что, какъ Франкъ, я буду осматривать бѣлыхъ невольницъ съ опасностью для собственной жизни, и самъ тотчасъ принялъ видъ безпечной невнимательности, чтобъ отвратить всякое подозрѣніе. Я шелъ за нимъ по пятамъ съ его трубкою, и когда онъ останавливался поговорить съ знакомцемъ, я потихоньку толкалъ его сзади чубукомъ, выходя изъ терпѣнія отъ его медленности.

Меня вѣрно заняла бы окружающая картина, еслибы я былъ простымъ зрителемъ, но излишнія и нестерпимыя отлагательства Мустафы, тогда какъ мое божество ежеминутно могло быть продано, довели меня до бѣшенства.

Мы наконецъ вышли изъ погреба, куда завелъ насъ одинъ его знакомецъ, чтобъ показать молодаго бѣлаго мальчика, котораго онъ торговалъ: я надѣялся, что ожиданіе мое приближалось къ развязкѣ, какъ вдругъ явился человѣкъ съ колокольчикомъ въ рукѣ, и за нимъ, подъ бѣлой простыней, черная дѣвушка, Абиссинка. Какъ у большинства этой породы, у нея была голова животнаго, но тѣло и члены превосходнаго человѣческаго образованія. Она осматривалась безъ изумленія и стыдливости, идучи за крикуномъ напряженною, леопардовой походкою: нога ея была выгнута какъ у портнаго, шея красиво наклонена *впередъ*, а плеча и колѣни отличались той свобод-

ной игрою мышцъ, которая — что̀ ни говорите — совсѣмъ теряется подъ платьемъ просвѣщенныхъ женщинъ, какъ онѣ ни стараются показывать первыя и заставлять угадывать вторыя.

Я рѣшился шепнуть Мустафѣ, что, подъ видомъ желанія купить эту Абиссинку, мы можемъ безъ подозрѣнія осмотрѣть бѣлыхъ невольницъ.

За нее спросили какую-то цѣну.

— Двѣсти піастровъ! сказалъ Мустафа, какъ-будто совершенно занятый торгомъ и не слушая моихъ просьбъ и возраженій. Двѣсти піастровъ! Очень довольно!... Я вѣдь покупаю ее только для того, чтобъ она золотила у меня курительныя лепешки.

И, отдавъ мнѣ трубку, онъ приподнялъ простыню съ плечъ невольницы. Онъ вертѣлъ ее туда и сюда, какъ болванчика на проволокѣ, смотрѣлъ ей въ зубы, смотрѣлъ на руки, говорилъ тихо съ крикуномъ, потомъ взялъ у меня трубку, а черная невольница удалилась.

— Я купилъ ее! сказалъ онъ съ значительною усмѣшкою, когда я, подавая кисетъ, сунулъ ему въ ухо крупное русское проклятіе.

Одна мысль, что Мейменѐ могла сдѣлаться собственностью этого грубаго и чувственнаго чудовища такъ же легко, какъ и купленная имъ Негритянка, закружила мнѣ голову.

Когда я, съ досады, размышлялъ въ какомъ-то отчаянномъ спокойствіи о роскошныхъ ужасахъ торга невольницами, Мустафа подозвалъ къ себѣ Египтянина, который расхаживалъ въ бѣломъ плащѣ *съ башлыкомъ*. Помнится, я ви-

дѣлъ его на требизондскомъ суднѣ. Онъ былъ малолицый, черногубый, смуглый Африканецъ, съ смыкающимися глазами и съ сухой, заскорузлой рукою — какъ у гарпій. Послѣ краткой бесѣды, онъ взялъ моего временнаго господина за рукавъ, и пошелъ съ нимъ къ лучшей изъ жалкихъ лачужекъ, которыя окружали этотъ дворъ. Я за ними — съ трепещущимъ сердцемъ: мнѣ казалось, что каждый глазъ въ этомъ многолюдномъ базарѣ узнаетъ во мнѣ переряженца. Египтянинъ постучался, откликнулся кому-то, говорившему изнутри, и дверь отворилась. Я увидѣлъ себя въ присутствіи четырнадцати закрытыхъ женщинъ; онѣ сидѣли на полу, въ разныхъ положеніяхъ. По приказанію нашего проводника, подали ковры для него съ Мустафою, и когда они усѣлись, покрывала вдругъ упали, и баттарея отверзтыхъ неподвижныхъ глазъ выстрѣлила залпомъ прямо въ наши.

— Что̀, здѣсь? спросилъ меня Мустафа, когда я наклонился, чтобъ подать ему вѣчную трубку.

— Чортъ тебя возьми, нѣтъ!

Я жестоко оскорбился, что онъ, глядя на этихъ черкесскихъ и грузинскихъ тетёхъ, могъ меня объ этомъ спрашивать. Однакожъ онѣ были хороши. Румяныя щеки, бѣлые зубы, черные глаза и молодость даются не всякой женщинѣ, а онѣ имѣли все это въ изобиліи.

— Больше у него нѣтъ? спросилъ я у Мустафы, наклонившись къ его уху.

Я осматривалъ всѣ углы, пока онъ узнавалъ объ этомъ съ обыкновенной своей медленностью, и, почти самъ не зная, что̀ дѣлаю, приставилъ

глазъ къ щели въ перегородкѣ, откуда сильно пахло кофеемъ. Сперва я увидѣлъ только темную комнатку: посреди стоялъ мангалъ съ жаромъ, и на немъ кофейникъ. Когда глазъ мой привыкъ къ слабому свѣту, я разглядѣлъ кипу чего-то, похожаго на шали. Думая, что это спальня продавца невольниковъ, я хотѣлъ отойти, какъ вдругъ кофе зашипѣлъ на мангалѣ, и въ тотъ же мигъ, изъ кипы, на которую я смотрѣлъ, поднялась женщина—Меймене̇ какъ живая!

— Мустафа-Ага! вскрикнулъ я, отступая назадъ и сложивъ передъ нимъ руки.

Я не успѣлъ еще произнесть другаго слова, какъ сильный ударъ чубукомъ по голой ногѣ заставилъ меня опомниться. Черкешенки пересмѣхались, а Турокъ будто не примѣчая моего волненія, приказалъ мнѣ суровымъ голосомъ набить ему трубку, и продолжалъ разговоръ свой съ Египтяниномъ.

Уминая табакъ въ трубкѣ пальцами, я прислонился къ перегородкѣ съ притворной безпечностью, и посмотрѣлъ еще разъ. Она стояла у жаровни, и наливала изъ кофейника въ чашку. При красномъ цвѣтѣ уголья, я могъ превосходно видѣть каждую ея черту. Она была одна, и сидѣла на землѣ, приникнувъ головою къ колѣнямъ; шаль, которая упала теперь на плеча, закрывала даже ея ноги. Подъ нею былъ узкій коврикъ; когда она пошла отъ огня, легкій металлическій звукъ заставилъ меня взглянуть на полъ, и я увидѣлъ, что она прикована къ нему цѣпочкою за ногу. Я наклонился къ Мустафѣ, сказалъ ему шепотомъ о

своемъ открытіи, и просилъ, ради самого пророка, найти средство пробраться въ ея комнату.

— *Пекь эи, пекь эи!* было единственнымъ отвѣтомъ.

Между-тѣмъ Египтянинъ повертывалъ передъ окномъ самую толстую изъ четырнадцати Черкешенокъ, снявъ съ нея все, кромѣ туфлей и шараваръ, и выхвалялъ ея тучность.

Я воротился къ щели. Мейменѐ выпила свой кофе и стояла, сложивъ руки и задумчиво глядя на огонь. Выраженіе ея прекраснаго, юнаго лица не предвѣщало ничего хорошаго. Тонкія уста были упорно, но спокойно сомкнуты; чело ея было безмятежно; одни глаза казались мнѣ напряжёнными, неподвижными и необыкновенно томными. Сердце билось во мнѣ, какъ молотокъ; все тѣло дрожало отъ нетерпѣнія. Она медленно тронулась съ мѣста, упала на коверъ, выдернула изъ-подъ себя цѣпь и, закрывшись шалью съ головой по-видимому уснула.

Мустафа оставилъ толстую Черкешенку, которую подошелъ-было осмотрѣть поближе.

— Точно ли она? спросилъ онъ меня чуть слышнымъ шепотомъ.

— Она, точно она.

Онъ взялъ у меня трубку и такимъ же тихимъ голосомъ пригласилъ меня воротиться домой, въ его лавку.

— А Мейменѐ......?

Вмѣсто отвѣта, онъ указалъ на дверь. Полагая, что лучше во всемъ повиноваться его волѣ, я выбрался изъ базара, и вскорѣ уже пилъ шер-

бетъ у него въ комнатѣ, прислушиваясь къ шелесту каждой прохожей туфли, не Меймене ли идетъ ко мнѣ.

Правила хорошаго воспитанія не допускаютъ въ свѣтѣ того, что̀ обыкновенно называется «сценою». Порядочные люди, даже порядочные супруги, не дѣлаютъ сценъ въ обществѣ, гдѣ всѣ чувства, и самыя трогательныя, должны быть frappés à la glace,—какъ шампанское. Я ненавижу сценъ даже на бумагѣ. Не нахожу никакой достаточной причины, чтобъ какой-нибудь авторъ, по своей прихоти, разсчитывалъ на мою чувствительность, когда я самъ не расчитываю на сочувствіе другихъ и стараюсь жить на свѣтѣ такъ, какъ-будто ни у кого не было сердца. Сильныя ощущенія—верхъ невѣжества, и въ отвлеченномъ и въ положительномъ смыслѣ. Они нарушаютъ веселость, разстраиваютъ осанку, раздражаютъ нервы. По всѣмъ этимъ причинамъ, я не описываю встрѣчи моей съ Мейменѐ, послѣ покупки ея за двѣсти испанскихъ піастровъ, иначе за тысячу рублей ассигнаціями, прехитрымъ и предостойнымъ продавцомъ духовъ и куреній. Какъ она бросилась мнѣ на шею, узнавъ, что я, а не Мустафа былъ ея покупщикомъ и господиномъ; какъ истерически плакала она отъ радости на моей груди; какъ доплакалась до того, что уснула, не успѣвъ даже освободить голову изъ моихъ рукъ; какъ я любовался на ея черные волосы, падавшіе съ колѣнъ моихъ какъ водопады Иматры, и какъ я прилипалъ устами къ милому пробору, раздѣлявшему эти волосы, и благословлялъ мирно-спящее

дитя — все это, сударыни, такія обстоятельства, которыхъ нельзя порядочно описать, не растрогавъ до слезъ вашей чувствительности. Поэтому, покорнѣйше прошу васъ почитать этотъ параграфъ не столько уловкою для прикрытія острыхъ угловъ моего разсказа, сколько знакомъ вѣжливой и очень похвальной внимательности къ вашимъ чувствамъ и нервамъ. Распухшія вѣки очень некрасивы.

Знаете ли, по какому случаю это прелестное существо, жившее свободно какъ птичка въ кустахъ, растущихъ во дворцѣ Креза, попала на невольничій базаръ! Отецъ ея уже полгода томился въ тюрьмѣ смирнскаго паши за неплатежъ хараджа. Недоимка, числившаяся за нимъ, простиралась до пяти сотъ турецкихъ піастровъ. Жена его продала все ихъ скудное имущество, чтобъ выкупить своего несчастнаго мужа, но все имущество не доставило ей и половины этой ничтожной суммы. Юная дочь, цѣною собственной своей свободы, рѣшилась пополнить недостатокъ.

Ея дядя, цыганскій ренегатъ, живущій въ услуженіи у одного стамбульскаго вельможи, прислалъ ей лошадь и мужское платье; я, изъ великодушія, привезъ ее въ Константинополь, чтобъ повергнуть благородное дитя въ рабство. Этотъ дядя, который, въ день нашего прибытія, ожидалъ ее за мечетью въ Топханѣ, продалъ бѣдняжку хозяину требизондскаго судна за шесть сотъ рублей, и деньги тотчасъ отправлены были въ Сардисъ.

— Теперь, вѣрно, батюшка уже выпущенъ, гово-

рила она съ дѣтскимъ восхищеніемъ, которое разорвало мнѣ сердце. У нихъ еще останется денегъ. Онъ будетъ въ состояніи купить коня.......

— Меймене̇! сказалъ я, съ восторгомъ прижимая ее къ груди своей: ты скрытна и жестока. Зачѣмъ же ты мнѣ не сказала? Неужли ты думаешь, что я пожалѣлъ бы.....

— Ахъ, я была въ томъ увѣрена! прервала она. Я тысячу разъ хотѣла упасть къ твоимъ ногамъ, и просить, чтобъ ты спасъ меня отъ погибели, но не осмѣлилась. Я поклялась матушкѣ не говорить ни кому въ свѣтѣ, что продаю себя съ ея согласія...... — Не дѣлай мнѣ упрековъ, присовокупила она, плѣнительно улыбаясь: теперь я вдвойнѣ счастлива,—исполнила свой долгъ и...... твоя раба. Я буду стирать тебѣ бѣлье!......

Еслибъ я былъ султаномъ, въ эту минуту я подарилъ бы ей Константинополь и всѣхъ бородатыхъ Турокъ.

Мои тайныя бесѣды съ Еремѣемъ становились часъ отъ часу серіознѣе. Тысяча рублей, выданные за Меймене̇, вознагражденіе Мустафѣ, европейское платье для моего новаго товарища, и наконецъ третье прибылое лицо въ нашей перотской квартирѣ, довели мой кошелекъ до крайняго истощенія. Еремѣй не думалъ сердиться за то, что я пересталъ давать ему жалованье и безъ околичностей ходилъ ѣсть *кебабъ* въ мясной лавочкѣ въ замѣнъ французскаго обѣда у мадамъ Джузеппино. Онъ безропотно переносилъ всѣ лишенія и готовъ былъ бы, нахлобучивъ колпакъ дервиша и кормясь мірскимъ подаяніемъ, отправиться до-

нулъ Мустафѣ, и мы ушли, непримѣченные
Жидомъ, ни Еремѣемъ.

При входѣ въ ворота невольничьяго ба
Мустафа повторилъ мнѣ свои совѣты нас
моего поведенія, напоминая, что, какъ Фра
я буду осматривать бѣлыхъ невольницъ съ
ностью для собственной жизни, и самъ тот
принялъ видъ безпечной невнимательности, ч
отвратить всякое подозрѣніе. Я шелъ за ним
пятамъ съ его трубкою, и когда онъ остана
вался поговорить съ знакомцемъ, я потихо
толкалъ его сзади чубукомъ, выходя изъ те
нія отъ его медленности.

Меня вѣрно заняла бы окружающая карт
еслибы я былъ простымъ зрителемъ, но из
нія и нестерпимыя отлагательства Мустафы,
гда какъ мое божество ежеминутно могло
продано, довели меня до бѣшенства.

Мы наконецъ вышли изъ погреба, куда за
насъ одинъ его знакомецъ, чтобъ показать м
даго бѣлаго мальчика, котораго онъ торговал
надѣялся, что ожиданіе мое приближалось къ
вязкѣ, какъ вдругъ явился человѣкъ съ колок
чикомъ въ рукѣ, и за нимъ, подъ бѣлой про
ней, черная дѣвушка, Абиссинка. Какъ у
шинства этой породы, у нея была голова жи
наго, но тѣло и члены превосходнаго челов
скаго образованія. Она осматривалась безъ
ленія и стыдливости, идучи за крикуномъ на
женною, леопардовой походкою: нога ея была
гнута какъ у портнаго, шея красиво накло
впередъ, а плеча и колѣни отличались той сво

ной игрою мышцъ, которая — что̀ ни говорите — совсѣмъ теряется подъ платьемъ просвѣщенныхъ женщинъ, какъ онѣ ни стараются показывать первыя и заставлять угадывать вторыя.

Я рѣшился шепнуть Мустафѣ, что, подъ видомъ желанія купить эту Абиссинку, мы можемъ безъ подозрѣнія осмотрѣть бѣлыхъ невольницъ.

За нее спросили какую-то цѣну.

— Двѣсти піастровъ! сказалъ Мустафа, какъ-будто совершенно занятый торгомъ и не слушая моихъ просьбъ и возраженій. Двѣсти піастровъ! Очень довольно!... Я вѣдь покупаю ее только для того, чтобъ она золотила у меня курительныя лепешки.

И, отдавъ мнѣ трубку, онъ приподнялъ простыню съ плечъ невольницы. Онъ вертѣлъ ее туда и сюда, какъ болванчика на проволокѣ, смотрѣлъ ей въ зубы, смотрѣлъ на руки, говорилъ тихо съ крикуномъ, потомъ взялъ у меня трубку, а черная невольница удалилась.

— Я купилъ ее! сказалъ онъ съ значительною усмѣшкою, когда я, подавая кисетъ, сунулъ ему въ ухо крупное русское проклятіе.

Одна мысль, что Мейменѐ могла сдѣлаться собственностью этого грубаго и чувственнаго чудовища такъ же легко, какъ и купленная имъ Негритянка, закружила мнѣ голову.

Когда я, съ досады, размышлялъ въ какомъ-то отчаянномъ спокойствіи о роскошныхъ ужасахъ торга невольницами, Мустафа подозвалъ къ себѣ Египтянина, который расхаживалъ въ бѣломъ плащѣ съ башлыкомъ. Помнится, я ви-

дѣлъ его на требизондскомъ суднѣ. Онъ былъ малолицый, черногубый, смуглый Африканецъ, съ смыкающимися глазами и съ сухой, заскорузлой рукою — какъ у гарпій. Послѣ краткой бесѣды, онъ взялъ моего временнаго господина за рукавъ, и пошелъ съ нимъ къ лучшей изъ жалкихъ лачужекъ, которыя окружали этотъ дворъ. Я за ними — съ трепещущимъ сердцемъ: мнѣ казалось, что каждый глазъ въ этомъ многолюдномъ базарѣ узнаетъ во мнѣ переряженца. Египтянинъ постучался, откликнулся кому-то, говорившему изнутри, и дверь отворилась. Я увидѣлъ себя въ присутствіи четырнадцати закрытыхъ женщинъ; онѣ сидѣли на полу, въ разныхъ положеніяхъ. По приказанію нашего проводника, подали ковры для него съ Мустафою, и когда они усѣлись, покрывала вдругъ упали, и баттарея отверзтыхъ неподвижныхъ глазъ выстрѣлила залпомъ прямо въ наши.

— Чтò, здѣсь? спросилъ меня Мустафа, когда я наклонился, чтобъ подать ему вѣчную трубку.

— Чортъ тебя возьми, нѣтъ!

Я жестоко оскорбился, что онъ, глядя на этихъ черкесскихъ и грузинскихъ тетёхъ, могъ меня объ этомъ спрашивать. Однакожъ онѣ были хороши. Румяныя щеки, бѣлые зубы, черные глаза и молодость даются не всякой женщинѣ, а онѣ имѣли все это въ изобиліи.

— Больше у него нѣтъ? спросилъ я у Мустафы, наклонившись къ его уху.

Я осматривалъ всѣ углы, пока онъ узнавалъ объ этомъ съ обыкновенной своей медленностью, и, почти самъ не зная, чтò дѣлаю, приставилъ

глазъ къ щели въ перегородкѣ, откуда сильно пахло кофеемъ. Сперва я увидѣлъ только темную комнатку: посреди стоялъ мангалъ съ жаромъ, и на немъ кофейникъ. Когда глазъ мой привыкъ къ слабому свѣту, я разглядѣлъ кипу чего-то, похожаго на шали. Думая, что это спальня продавца невольниковъ, я хотѣлъ отойти, какъ вдругъ кофе зашипѣлъ на мангалѣ, и въ тотъ же мигъ, изъ кипы, на которую я смотрѣлъ, поднялась женщина—Меймене̇ какъ живая!

— Мустафа-Ага! вскрикнулъ я, отступая назадъ и сложивъ передъ нимъ руки.

Я не успѣлъ еще произнесть другаго слова, какъ сильный ударъ чубукомъ по голой ногѣ заставилъ меня опомниться. Черкешенки пересмѣхались, а Турокъ будто не примѣчая моего волненія, приказалъ мнѣ суровымъ голосомъ набить ему трубку, и продолжалъ разговоръ свой съ Египтяниномъ.

Уминая табакъ въ трубкѣ пальцами, я прислонился къ перегородкѣ съ притворной безпечностью, и посмотрѣлъ еще разъ. Она стояла у жаровни, и наливала изъ кофейника въ чашку. При красномъ цвѣтѣ уголья, я могъ превосходно видѣть каждую ея черту. Она была одна, и сидѣла на землѣ, приникнувъ головою къ колѣнямъ; шаль, которая упала теперь на плеча, закрывала даже ея ноги. Подъ нею былъ узкій коврикъ; когда она пошла отъ огня, легкій металлическій звукъ заставилъ меня взглянуть на полъ, и я увидѣлъ, что она прикована къ нему цѣпочкою за ногу. Я наклонился къ Мустафѣ, сказалъ ему шепотомъ о

своемъ открытіи, и просилъ, ради самого пророка, найти средство пробраться въ ея комнату.

— *Пекь эи, пекь эи!* было единственнымъ отвѣтомъ.

Между-тѣмъ Египтянинъ повертывалъ передъ окномъ самую толстую изъ четырнадцати Черкешенокъ, снявъ съ нея все, кромѣ туфлей и шараваръ, и выхвалялъ ея тучность.

Я воротился къ щели. Мейменѐ выпила свой кофе и стояла, сложивъ руки и задумчиво глядя на огонь. Выраженіе ея прекраснаго, юнаго лица не предвѣщало ничего хорошаго. Тонкія уста были упорно, но спокойно сомкнуты; чело ея было безмятежно; одни глаза казались мнѣ напряжѐнными, неподвижными и необыкновенно томными. Сердце билось во мнѣ, какъ молотокъ; все тѣло дрожало отъ нетерпѣнія. Она медленно тронулась съ мѣста, упала на коверъ, выдернула изъ-подъ себя цѣпь и, закрывшись шалью съ головой по-видимому уснула.

Мустафа оставилъ толстую Черкешенку, которую подошелъ-было осмотрѣть поближе.

— Точно ли она? спросилъ онъ меня чуть слышнымъ шепотомъ.

— Она, точно она.

Онъ взялъ у меня трубку и такимъ же тихимъ голосомъ пригласилъ меня воротиться домой, въ его лавку.

— А Мейменѐ......?

Вмѣсто отвѣта, онъ указалъ на дверь. Полагая, что лучше во всемъ повиноваться его волѣ, я выбрался изъ базара, и вскорѣ уже пилъ шер-

бетъ у него въ комнатѣ, прислушиваясь къ шелесту каждой прохожей туфли, не Меймене̇ ли идетъ ко мнѣ.

Правила хорошаго воспитанія не допускаютъ въ свѣтѣ того, что̀ обыкновенно называется «сценою». Порядочные люди, даже порядочные супруги, не дѣлаютъ сценъ въ обществѣ, гдѣ всѣ чувства, и самыя трогательныя, должны быть frappés à la glace,—какъ шампанское. Я ненавижу сценъ даже на бумагѣ. Не нахожу никакой достаточной причины, чтобъ какой-нибудь авторъ, по своей прихоти, разсчитывалъ на мою чувствительность, когда я самъ не расчитываю на сочувствіе другихъ и стараюсь жить на свѣтѣ такъ, какъ-будто ни у кого не было сердца. Сильныя ощущенія—верхъ невѣжества, и въ отвлеченномъ и въ положительномъ смыслѣ. Они нарушаютъ веселость, разстраиваютъ осанку, раздражаютъ нервы. По всѣмъ этимъ причинамъ, я не описываю встрѣчи моей съ Меймене̇, послѣ покупки ея за двѣсти испанскихъ піастровъ, иначе за тысячу рублей ассигнаціями, прехитрымъ и предостойнымъ продавцомъ духовъ и куреній. Какъ она бросилась мнѣ на шею, узнавъ, что я, а не Мустафа былъ ея покупщикомъ и господиномъ; какъ истерически плакала она отъ радости на моей груди; какъ доплакалась до того, что уснула, не успѣвъ даже освободить голову изъ моихъ рукъ; какъ я любовался на ея черные волосы, падавшіе съ колѣнъ моихъ какъ водопады Иматры, и какъ я прилипалъ устами къ милому пробору, раздѣлявшему эти волосы, и благословлялъ мирно-спящее

дитя — все это, сударыни, такія обстоятельства, которыхъ нельзя порядочно описать, не растрогавъ до слезъ вашей чувствительности. Поэтому, покорнѣйше прошу васъ почитать этотъ параграфъ не столько уловкою для прикрытія острыхъ угловъ моего разсказа, сколько знакомъ вѣжливой и очень похвальной внимательности къ вашимъ чувствамъ и нервамъ. Распухшія вѣки очень некрасивы.

Знаете ли, по какому случаю это прелестное существо, жившее свободно какъ птичка въ кустахъ, растущихъ во дворцѣ Креза, попала на невольничій базаръ! Отецъ ея уже полгода томился въ тюрьмѣ смирнскаго паши за неплатежъ хараджа. Недоимка, числившаяся за нимъ, простиралась до пяти сотъ турецкихъ піастровъ. Жена его продала все ихъ скудное имущество, чтобъ выкупить своего несчастнаго мужа, но все имущество не доставило ей и половины этой ничтожной суммы. Юная дочь, цѣною собственной своей свободы, рѣшилась пополнить недостатокъ.

Ея дядя, цыганскій ренегатъ, живущій въ услуженіи у одного стамбульскаго вельможи, прислалъ ей лошадь и мужское платье; я, изъ великодушія, привезъ ее въ Константинополь, чтобъ повергнуть благородное дитя въ рабство. Этотъ дядя, который, въ день нашего прибытія, ожидалъ ее за мечетью въ Топханѣ, продалъ бѣдняжку хозяину требизондскаго судна за шесть сотъ рублей, и деньги тотчасъ отправлены были въ Сардисъ.

— Теперь, вѣрно, батюшка уже выпущенъ, гово-

рала она съ дѣтскимъ восхищеніемъ, которое разорвало мнѣ сердце. У нихъ еще останется денегъ. Онъ будетъ въ состояніи купить коня.......

— Меймене̇! сказалъ я, съ восторгомъ прижимая ее къ груди своей: ты скрытна и жестока. Зачѣмъ же ты мнѣ не сказала? Неужли ты думаешь, что я пожалѣлъ бы.....

— Ахъ, я была въ томъ увѣрена! прервала она. Я тысячу разъ хотѣла упасть къ твоимъ ногамъ, и просить, чтобъ ты спасъ меня отъ погибели, но не осмѣлилась. Я поклялась матушкѣ не говорить ни кому въ свѣтѣ, что продаю себя съ ея согласія....... — Не дѣлай мнѣ упрековъ, присовокупила она, плѣнительно улыбаясь: теперь я вдвойнѣ счастлива,—исполнила свой долгъ и....... твоя раба. Я буду стирать тебѣ бѣлье!......

Еслибъ я былъ султаномъ, въ эту минуту я подарилъ бы ей Константинополь и всѣхъ бородатыхъ Турокъ.

Мои тайныя бесѣды съ Еремѣемъ становились часъ отъ часу серіознѣе. Тысяча рублей, выданные за Меймене̇, вознагражденіе Мустафѣ, европейское платье для моего новаго товарища, и наконецъ третье прибылое лицо въ нашей перотской квартирѣ, довели мой кошелекъ до крайняго истощенія. Еремѣй не думалъ сердиться за то, что я пересталъ давать ему жалованье и безъ околичностей ходилъ ѣсть *кебабъ* въ мясной лавочкѣ въ замѣнъ французскаго обѣда у мадамъ Джузеппино. Онъ безропотно переносилъ всѣ лишенія и готовъ былъ бы, нахлобучивъ колпакъ дервиша и кормясь мірскимъ подаяніемъ, отправиться до-

мой черезъ Іерусалимъ и Мекку, только бы я былъ доволенъ. Но мои нравы! О нравахъ моихъ онъ только и хлопоталъ.—Что̀ скажетъ ваша матушка, Аграфена Васильевна? Что̀ съ этой дѣвочкой, когда вы пріѣдете домой? Куда вы дѣнете ее въ Одессѣ? За кого примутъ ваши знакомцы эту взрослую сопутницу? Что̀ вы можете для нея сдѣлать? И пуще всего, какъ отъ нея отдѣлаться, если она прильнетъ къ вамъ всей душою?

— Матушка, Александръ Андреичъ, изволили строжайше наказывать....

— Ерёма! другъ мой!...

Я задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

Мы плыли къ знаменитымъ Симплегадамъ. Мой добрый менторъ воспользовался попутнымъ вѣтромъ, чтобъ завесть рѣшительную рѣчь объ отвѣтственности, которой я подвергаю его *личность*, и огорченіе, какое готовлю матушкѣ и всему семейству, а Мейменѐ сидѣла между моихъ ногъ на днѣ каика, глядя мнѣ въ лицо такими глазами, которые будто хотѣли вывѣдать изъ глубины души причину моего смущенія. До того времени, мы рѣдко говорили по-русски въ ея присутствіи: прискорбіе видѣть себя исключенною изъ нашей бесѣды проступало въ чертахъ ея такимъ мучительнымъ выраженіемъ, что я почиталъ жестокостью доводить ее до этого. Она не смѣла спросить меня словами, отчего я разстроенъ, но по звуку Еремѣева голоса догадывалась, что онъ чѣмъ-то недоволенъ. Она бросила сердито-испытующій взглядъ на его пасмурное лицо, украдкой сунула мнѣ подъ шинель руку, и тихонька положила ее въ мою. Въ этомъ

движеніи было столько нѣжной довѣрчивости, что у меня навернулись слезы: съ ласковой улыбкою наклонилъ я къ себѣ мою простодушную Мейменè и, цѣлуя ее въ лобъ, чувствовалъ въ себѣ твердую рѣшимость не покидать этого милаго созданія до-тѣхъ-поръ, пока сама она не отвергнетъ моего куска хлѣба, и даже посвятить ей жизнь, если это будетъ нужно для защиты ея отъ нареканій свѣта. Когда я вертѣлъ этотъ листъ въ книгѣ моего сердца, спокойствіе водворялось въ груди моей — я чувствовалъ, что мой добрый ангелъ паритъ надо мною. Еремѣй между-тѣмъ заговорилъ о завтракѣ; нашъ легкій каикъ весело скользилъ въ Черное Море.

— Ну, любезный Еремѣй! сказалъ я, когда мы усѣлись около бумажнаго блюда кебабовъ на господствующей высотѣ Симпелегадъ: вотъ мы и у крайняго предѣла нашихъ странствій. Полно путешествовать! Я далѣе не ѣду. Отсюда воротимся мы въ Россію, на свою сторону.

Онъ не отвѣчалъ ни слова. Я видѣлъ, что грусть его возрастала съ каждымъ кускомъ кебаба: по моимъ соображеніямъ, причиной тому была дума о связи моей съ Цыганкою: я рѣшился развеселить его, во что̀ бы то ни стало.

— Да, Еремѣй! мы ѣдемъ въ Россію, повторилъ я.

Ротъ его былъ такъ плотно набитъ кебабомъ, что я долженъ былъ дать ему нѣсколько минутъ времени для отвѣта.

— Къ сентябрю будемъ въ Новгородѣ, Еремушка!

Онъ молчалъ.

Въ обычномъ расположеніи духа, при первомъ словѣ о возвращеніи на родину, онъ затянулъ бы непремѣнно — «Ужъ ты, матушка, родная сторона!»—но теперь облако печали подавляло у него даже вспышки патріотизма.

— Ѣдемъ во-свояси, наконецъ сказалъ онъ: а что̀ оставляемъ за собою! На этомъ прекрасномъ суденышкѣ несемся по Босфору, межъ розъ и цвѣтущихъ деревьевъ, какъ во снѣ. Если гдѣ другой такой городъ въ подсолнечной? Гдѣ еще такъ тепло, такъ зелено, и народъ такой честный? Мы объѣздили съ вами Нѣмечину, Англію, Голландію, Италію, Сицилію, Грецію: что̀жъ мы тамъ видѣли, кромѣ труда и безпрерывныхъ заботъ? Наша сторона, напримѣръ, лучше другихъ земель, а все-таки рабочая. У насъ на Руси нѣкогда полѣниться, какъ въ здѣшнемъ краю: умрешь съ голоду, замерзнешь, пропадешь! Въ потѣ лица ѣшь хлѣбъ свой — а праздность вѣдь не худое дѣло! Признаться вамъ, сударь, по совѣсти: я люблю этихъ лѣнивыхъ бусурмановъ! Туфли мѣшаютъ имъ торопиться; платья широкія на-распашку: чудо, а не житье! Посмотрите вы, какія у нихъ дачи! И богатому, и бѣдному, всѣмъ здѣсь одно раздолье—лѣнь и солнце. Пахучій воздухъ, гулянья въ волю, каикъ на водѣ, бесѣдка на пригоркѣ—вотъ все ихъ благополучіе: а кто здѣсь этимъ не пользуется! Они живутъ, поджавши ноги. Право, сударь, они умнѣе насъ, даромъ что нехристи!

Я пришелъ въ совершенное остолбенѣніе, слушая вспышку этого пламеннаго взрыва долго при-

давленной и таившейся подъ спудомъ философіи. Мой дядька просвѣтился!

— Помилуй, Еремѣй: что ты это?

— Какъ что-съ? Да есть ли въ свѣтѣ народъ добрѣе Турокъ? Мнѣ здѣсь такъ понравилось, что, еслибъ вы меня отпустили, я готовъ былъ бы идти съ Мейменѐ въ сардисскія степи и сдѣлаться Цыганомъ, а назадъ бы не поѣхалъ.

— Хочешь идти съ нимъ въ Сардисъ. Мейменѐ?

— Signor, no!

Я страстно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и осыпалъ ея благородное чело горячими какъ огонь и какъ огонь чистыми поцѣлуями. Добрая моя Мейменé! мы не разстанемся съ тобой до гроба!...

Ужъ право, не знаю, что̀ сказала бы матушка — а я непремѣнно сдѣлалъ бы *глупость!*... Увы, увы, недѣли черезъ три послѣ этого, моя милая, моя несравненная Мейменé уже не существовала! Она на одесскомъ рейдѣ умерла отъ чумы, которую мы привезли изъ Константинополя.

Мейменѐ! ты мелькнула передо мной какъ падающая звѣзда, и угасла навѣки. Но это дивное сіяніе прелестей, этотъ жаркій взоръ чистѣйшей любви, который ты такъ часто вперяла въ меня съ невинной радостью, неизгладимо остались въ душѣ моей, и никогда дума о другой не потемнитъ въ ней этого свѣтлаго воспоминанія!

1834.

═

ЗАПИСКИ ДОМОВАГО.

РУКОПИСЬ БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА, НАЙДЕННАЯ ПОДЪ ГОЛЛАНДСКОЙ ПЕЧЬЮ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ.

—

....

....

.... гомеопатически. Они удалились оба въ другую комнату. Моя жена и сестры пошли за нами; ихъ прекрасныя лица были подернуты тѣмъ туманнымъ безпокойствомъ, которое составляется изъ движущихся стихій любви, отчаянія и надежды и носится зловѣщимъ облакомъ надъ будущностью дорогихъ нашему сердцу, когда въ ней скрывается опасность. Вскорѣ услышалъ я глухіе вопли и вздохи, которые томно отражались въ моей спальнѣ, проникая съ трудомъ сквозь сухія и беззвучныя фибры досокъ затворенной двери. Слѣдственно, нѣтъ надежды! Я долженъ умереть аллопатически и гомеопатически! умереть по двумъ методамъ! вдвойнѣ умереть!... отъ безконечно-великихъ количествъ лекарства и отъ безконечно-малыхъ! Это ужасно! Я думаю,

что съ-тѣхъ-поръ какъ люди умираютъ отъ медицины, никто еще не испытывалъ такой печальной участи. Увѣренность въ скоромъ выздоровленіи, которая въ чахоточномъ усиливается обыкновенно по мѣрѣ ослабленія силъ, поколебалась во мнѣ въ первый разъ съ того времени, какъ лютая болѣзнь приковала меня къ постели; но, къ собственному моему удивленію, страшная мысль о необходимости разстаться съ жизнію въ то самое мгновеніе, когда дни мои такъ весело озарились лучами восходящаго счастья, не произвела большаго потрясенія: она ударилась въ мои чувства такъ глухо, такъ невнятно, какъ ударяетъ молоточикъ клавиша въ отпущенную струну, которая только зажужжитъ съ непріятнымъ бряцаніемъ, безъ звона и эха, и опять погрузится въ нѣмоту. Я слышалъ удаляющіеся шаги докторовъ, которыхъ мое семейство провожало до лѣстницы, чтобы исторгнуть у нихъ какое-нибудь признаніе, благопріятное для страдальца; но обѣ методы были непоколебимы и ушли, кланяясь очень учтиво, въ отчаяніи, что не могли болѣе торговать моей жизнію: когда стукъ двери далъ мнѣ знать объ ихъ уходѣ, мнѣ даже стало легче и веселѣе; мнѣ показалось, что ею затворились всѣ хлопоты жизни, что все уже кончено, что я ужъ не существую. Страхъ смерти обитаетъ не въ душѣ человѣка, но въ его физической части; онъ дѣйствуетъ только до-тѣхъ-поръ, пока преобладаютъ матеріяльныя силы, подчиняя своимъ пользамъ духовное начало бытія; одно тѣло боится смерти, потому-что смерть грозитъ ему разрушеніемъ, и какъ скоро болѣзнь и

изнеможеніе отнимутъ у матеріи то страшное самовластіе, которое люди называютъ голосомъ природы, и духъ не встрѣчаетъ въ немъ болѣе противорѣчія, разрушеніе тѣла дѣлается для васъ незначащимъ, постороннимъ предметомъ. Разобщенныя колеса испорченной машины перестали издавать въ моей груди тотъ ржавый, болѣзненный скрыпъ, которымъ выражается страданіе больнаго; я впалъ въ какую-то отрадную слабость, и сколько прежде страшился смерти и не могъ подумать объ ней безъ трепета, столько теперь сталъ къ ней равнодушенъ. Эта внезапная перемѣна произошла не отъ ухода моихъ докторовъ, которыхъ мудрости я никогда не вѣрилъ: быстрый упадокъ силъ, или точнѣе, жара крови, одинъ былъ причиною этой каменной беззаботности, и я могу сравнить тогдашнее мое ощущеніе съ тѣмъ, какое испытываетъ человѣкъ, еще нѣжащійся въ теплой ваннѣ и думающій, что вода уже простываетъ, что уже пора выйти изъ нея на воздухъ и одѣваться. Одиночество, въ которомъ я былъ оставленъ, одно было для меня нѣсколько тягостно: я чувствовалъ какъ бы нужду въ рукѣ, которая бы помогла мнѣ встать изъ охладѣвающей купальни бытія и подала платье; я ждалъ, но уже безъ нетерпѣнія, возврата жены и сестеръ, чтобы проститься съ ними; чтобы сказать, что я ухожу; что онѣ не должны печалиться; что путь, который мнѣ предстоитъ, нисколько не опасенъ; что это только перемѣна квартиры.... Пульсъ уже не бился съ нѣкотораго времени: кровь, еще теплая, уже не *кружила*, но стояла въ жилахъ какъ розовый спиртъ

въ фаренгейтовыхъ трубкахъ, понижаясь отвсюду къ сердцу подобно термометру, вынесенному на прохладный воздухъ, и, съ послѣднимъ, чуть-чуть примѣтнымъ, ударомъ сердца, водворилось во всемъ тѣлѣ удивительное спокойствіе. То было восхитительное безвѣтріе послѣ долгой бури. Сердце, эти единственные часы человѣческой жизни, остановилось какъ задержанный маятникъ, и время вдругъ перестало для меня измѣряться; я жилъ уже за предѣлами времени, и въ первый разъ ясно понялъ вѣчность, о которой люди, что̀ бы они ни говорили, догадываются не умомъ, а только инстинктомъ. Вѣчность! это—простое отсутствіе всякой мѣры. Состояніе человѣка невыразимо съ той минуты, какъ плоть отказывается отъ дальнѣйшей работы на его существо и предоставляетъ зданіе вѣдѣнію невещественнаго начала, духа, или, какъ его зовутъ часто, разума. Разумъ свѣтистою волною разливается тогда по всему тѣлу и выходитъ изъ него во всѣ поры въ видѣ радужнаго, нематеріяльнаго испаренія; оно образуетъ около него эѳирное облако: тѣло какъ-бы завѣшано въ атмосферѣ своего духа. Я тутъ впервые увидѣлъ мысль внѣ человѣка. Не глядя, видѣлъ я, какъ въ зеркалѣ, весь составъ своего животнаго строенія, весь этотъ удивительный механизмъ милліона трубокъ, пружинъ, связей, рычаговъ и колесъ, такихъ тонкихъ, такъ искусно сцѣпленныхъ и на-ту-пору стоявшихъ въ бездѣйствіи; я могъ бы въ двухъ словахъ объяснить физіологамъ, которые, клянусь вамъ, не болѣе вотъ этой печи смыслятъ про образъ дѣйствованія жизни, всю эту таинствен-

мой черезъ Іерусалимъ и Мекку, только бы я былъ доволенъ. Но мои нравы! О нравахъ моихъ онъ только и хлопоталъ.—Что̀ скажетъ ваша матушка, Аграфена Васильевна? Что̀ съ этой дѣвочкой, когда вы пріѣдете домой? Куда вы дѣнете ее въ Одессѣ? За кого примутъ ваши знакомцы эту взрослую спутницу? Что̀ вы можете для нея сдѣлать? И пуще всего, какъ отъ нея отдѣлаться, если она прильнетъ къ вамъ всей душою?

— Матушка, Александръ Андреичъ, изволили строжайше наказывать....

— Ерёма! другъ мой!...

Я задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

Мы плыли къ знаменитымъ Симплегадамъ. Мой добрый менторъ воспользовался попутнымъ вѣтромъ, чтобъ завесть рѣшительную рѣчь объ отвѣтственности, которой я подвергаю его *личность*, и огорченіе, какое готовлю матушкѣ и всему семейству, а Мейменѐ сидѣла между моихъ ногъ на днѣ каика, глядя мнѣ въ лицо такими глазами, которые будто хотѣли вывѣдать изъ глубины души причину моего смущенія. До того времени, мы рѣдко говорили по-русски въ ея присутствіи: прискорбіе видѣть себя исключенною изъ нашей бесѣды проступало въ чертахъ ея такимъ мучительнымъ выраженіемъ, что я почиталъ жестокостью доводить ее до этого. Она не смѣла спросить меня словами, отчего я разстроенъ, но по звуку Еремѣева голоса догадывалась, что онъ чѣмъ-то недоволенъ. Она бросила сердито-испытующій взглядъ на его пасмурное лицо, украдкой сунула мнѣ подъ шинель руку, и тихонька положила ее въ мою. Въ этомъ

движеніи было столько нѣжной довѣрчивости, что у меня навернулись слезы: съ ласковой улыбкою наклонилъ я къ себѣ мою простодушную Мейменѐ и, цѣлуя ее въ лобъ, чувствовалъ въ себѣ твердую рѣшимость не покидать этого милаго созданія до-тѣхъ-поръ, пока сама она не отвергнетъ моего куска хлѣба, и даже посвятить ей жизнь, если это будетъ нужно для защиты ея отъ нареканій свѣта. Когда я вертѣлъ этотъ листъ въ книгѣ моего сердца, спокойствіе водворялось въ груди моей — я чувствовалъ, что мой добрый ангелъ паритъ надо мною. Еремѣй между-тѣмъ заговорилъ о завтракѣ; нашъ легкій каикъ весело скользилъ въ Черное Море.

— Ну, любезный Еремѣй! сказалъ я, когда мы усѣлись около бумажнаго блюда кебабовъ на господствующей высотѣ Симпелегадъ: вотъ мы и у крайняго предѣла нашихъ странствій. Полно путешествовать! Я далѣе не ѣду. Отсюда воротимся мы въ Россію, на свою сторону.

Онъ не отвѣчалъ ни слова. Я видѣлъ, что грусть его возрастала съ каждымъ кускомъ кебаба: по моимъ соображеніямъ, причиной тому была дума о связи моей съ Цыганкою: я рѣшился развеселить его, во что̀ бы то ни стало.

— Да, Еремѣй! мы ѣдемъ въ Россію, повторилъ я.

Ротъ его былъ такъ плотно набитъ кебабомъ, что я долженъ былъ дать ему нѣсколько минутъ времени для отвѣта.

— Къ сентябрю будемъ въ Новгородѣ, Еремушка!

Онъ молчалъ.

Въ обычномъ расположеніи духа, при первомъ словѣ о возвращенія на родину, онъ затянулъ бы непремѣнно — «Ужъ ты, матушка, родная сторона!»—но теперь облако печали подавляло у него даже вспышки патріотизма.

— Ѣдемъ во-свояси, наконецъ сказалъ онъ: а что̀ оставляемъ за собою! На этомъ прекрасномъ суденышкѣ несемся по Босфору, межъ розъ и цвѣтущихъ деревьевъ, какъ во снѣ. Если гдѣ другой такой городъ въ подсолнечной? Гдѣ еще такъ тепло, такъ зелено, и народъ такой честный? Мы объѣздили съ вами Нѣмечину, Англію, Голландію, Италію, Сицилію, Грецію: что̀жъ мы тамъ видѣли, кромѣ труда и безпрерывныхъ заботъ? Наша сторона, напримѣръ, лучше другихъ земель, а все-таки рабочая. У насъ на Руси нѣкогда полѣниться, какъ въ здѣшнемъ краю: умрешь съ голоду, замерзнешь, пропадешь! Въ потѣ лица ѣшь хлѣбъ свой — а праздность вѣдь не худое дѣло! Признаться вамъ, сударь, по совѣсти: я люблю этихъ лѣнивыхъ бусурмановъ! Туфли мѣшаютъ имъ торопиться; платья широкія на-распашку: чудо, а не житье! Посмотрите вы, какія у нихъ дачи! И богатому, и бѣдному, всѣмъ здѣсь одно раздолье—лѣнь и солнце. Пахучій воздухъ, гулянья въ волю, каикъ на водѣ, бесѣдка на пригоркѣ—вотъ все ихъ благополучіе: а кто здѣсь этимъ не пользуется! Они живутъ, поджавши ноги. Право, сударь, они умнѣе насъ, даромъ что нехристи!

Я пришелъ въ совершенное остолбенѣніе, слушая вспышку этого пламеннаго взрыва долго при-

давленной и таившейся подъ спудомъ философіи. Мой дядька просвѣтился!

— Помилуй, Еремѣй: что ты это?

— Какъ что-съ? Да есть ли въ свѣтѣ народъ добрѣе Турокъ? Мнѣ здѣсь такъ понравилось, что, еслибъ вы меня отпустили, я готовъ былъ бы идти съ Меймене̇ въ сардисскія степи и сдѣлаться Цыганомъ, а назадъ бы не поѣхалъ.

— Хочешь идти съ нимъ въ Сардисъ, Меймене̇?

— Signor, no!

Я страстно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и осыпалъ ея благородное чело горячими какъ огонь и какъ огонь чистыми поцѣлуями. Добрая моя Мейменé! мы не разстанемся съ тобой до гроба!...

Ужъ право, не знаю, что̀ сказала бы матушка — а я непремѣнно сдѣлалъ бы *глупость*!... Увы, увы, недѣли черезъ три послѣ этого, моя милая, моя несравненная Мейменé уже не существовала! Она на одесскомъ рейдѣ умерла отъ чумы, которую мы привезли изъ Константинополя.

Меймене̇! ты мелькнула передо мной какъ падающая звѣзда, и угасла навѣки. Но это дивное сіяніе прелестей, этотъ жаркій взоръ чистѣйшей любви, который ты такъ часто вперяла въ меня съ невинной радостью, неизгладимо остались въ душѣ моей, и никогда дума о другой не потемнитъ въ ней этого свѣтлаго воспоминанія!

1834.

═

ЗАПИСКИ ДОМОВАГО.

РУКОПИСЬ БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА, НАЙДЕННАЯ ПОДЪ ГОЛЛАНДСКОЙ ПЕЧЬЮ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ.

—

....

....

.... гомеопатически. Они удалились оба въ другую комнату. Моя жена и сестры пошли за нами; ихъ прекрасныя лица были подернуты тѣмъ туманнымъ безпокойствомъ, которое составляется изъ движущихся стихій любви, отчаянія и надежды и носится зловѣщимъ облакомъ надъ будущностью дорогихъ нашему сердцу, когда въ ней скрывается опасность. Вскорѣ услышалъ я глухіе вопли и вздохи, которые томно отражались въ моей спальнѣ, проникая съ трудомъ сквозь сухія и беззвучныя фибры досокъ затворенной двери. Слѣдственно, нѣтъ надежды! Я долженъ умереть аллопатически и гомеопатически! умереть по двумъ методамъ! вдвойнѣ умереть!... отъ безконечно-великихъ количествъ лекарства и *отъ безконечно*-малыхъ! Это ужасно! Я думаю,

что съ-тѣхъ-поръ какъ люди умираютъ отъ медицины, никто еще не испытывалъ такой печальной участи. Увѣренность въ скоромъ выздоровленіи, которая въ чахоточномъ усиливается обыкновенно по мѣрѣ ослабленія силъ, поколебалась во мнѣ въ первый разъ съ того времени, какъ лютая болѣзнь приковала меня къ постели; но, къ собственному моему удивленію, страшная мысль о необходимости разстаться съ жизнію въ то самое мгновеніе, когда дни мои такъ весело озарились лучами восходящаго счастья, не произвела большаго потрясенія: она ударилась въ мои чувства такъ глухо, такъ невнятно, какъ ударяетъ молоточикъ клавиша въ отпущенную струну, которая только зажужжитъ съ непріятнымъ бряцаніемъ, безъ звона и эха, и опять погрузится въ нѣмоту. Я слышалъ удаляющіеся шаги докторовъ, которыхъ мое семейство провожало до лѣстницы, чтобы исторгнуть у нихъ какое-нибудь признаніе, благопріятное для страдальца; но обѣ методы были непоколебимы и ушли, кланяясь очень учтиво, въ отчаяніи, что не могли болѣе торговать моей жизнію: когда стукъ двери далъ мнѣ знать объ ихъ уходѣ, мнѣ даже стало легче и веселѣе; мнѣ показалось, что ею затворились всѣ хлопоты жизни, что все уже кончено, что я ужъ не существую. Страхъ смерти обитаетъ не въ душѣ человѣка, но въ его физической части; онъ дѣйствуетъ только до-тѣхъ-поръ, пока преобладаютъ матеріяльныя силы, подчиняя своимъ пользамъ духовное начало бытія; одно тѣло боится смерти, потому-что смерть грозитъ ему разрушеніемъ, и какъ скоро болѣзнь и

изнеможеніе отнимутъ у матеріи то страшн
мовластіе, которое люди называютъ голосом
роды, и духъ не встрѣчаетъ въ немъ болѣ
тиворѣчія, разрушеніе тѣла дѣлается для в
значащимъ, постороннимъ предметомъ. Раз
ныя колеса испорченной машины перестали
вать въ моей груди тотъ ржавый, болѣзн
скрыпъ, которымъ выражается страданіе бо
я впалъ въ какую-то отрадную слабость, и
ко прежде страшился смерти и не могъ по
объ ней безъ трепета, столько теперь ст
ней равнодушенъ. Эта внезапная перемѣн
изошла не отъ ухода моихъ докторовъ, кот
мудрости я никогда не вѣрилъ: быстрый уп
силъ, или точнѣе, жара крови, одинъ былъ
ною этой каменной беззаботности, и я могу
нить тогдашнее мое ощущеніе съ тѣмъ, ка
пытываетъ человѣкъ, еще нѣжащійся въ
ваннѣ и думающій, что вода уже простывает
уже пора выйти изъ нея на воздухъ и одѣв
Одиночество, въ которомъ я былъ оставлен
но было для меня нѣсколько тягостно: я чу
валъ какъ бы нужду въ рукѣ, которая бы
гла мнѣ встать изъ охладѣвающей купальн
тія и подала платье; я ждалъ, но уже безъ
пѣнія, возврата жены и сестеръ, чтобы про
ся съ ними; чтобы сказать, что я ухожу; ч
не должны печалиться; что путь, который
предстоитъ, нисколько не опасенъ; что это
ко перемѣна квартиры.... Пульсъ уже не би
нѣкотораго времени: кровь, еще теплая, у
кружила, но стояла въ жилахъ какъ розовый с

въ фаренгейтовыхъ трубкахъ, понижаясь отвсюду къ сердцу подобно термометру, вынесенному на прохладный воздухъ, и, съ послѣднимъ, чуть-чуть примѣтнымъ, ударомъ сердца, водворилось во всемъ тѣлѣ удивительное спокойствіе. То было восхитительное безвѣтріе послѣ долгой бури. Сердце, эти единственные часы человѣческой жизни, остановилось какъ задержанный маятникъ, и время вдругъ перестало для меня измѣряться; я жилъ уже за предѣлами времени, и въ первый разъ ясно понялъ вѣчность, о которой люди, что̀ бы они ни говорили, догадываются не умомъ, а только инстинктомъ. Вѣчность! это—простое отсутствіе всякой мѣры. Состояніе человѣка невыразимо съ той минуты, какъ плоть отказывается отъ дальнѣйшей работы на его существо и предоставляетъ зданіе вѣдѣнію невещественнаго начала, духа, или, какъ его зовутъ часто, разума. Разумъ свѣтистою волною разливается тогда по всему тѣлу и выходитъ изъ него во всѣ поры въ видѣ радужнаго, нематеріяльнаго испаренія; оно образуетъ около него эѳирное облако: тѣло какъ-бы завѣшано въ атмосферѣ своего духа. Я тутъ впервые увидѣлъ мысль внѣ человѣка. Не глядя, видѣлъ я, какъ въ зеркалѣ, весь составъ своего животнаго строенія, весь этотъ удивительный миханизмъ милліона трубокъ, пружинъ, связей, рычаговъ и колесъ, такихъ тонкихъ, такъ искусно сцѣпленныхъ и на-ту-пору стоявшихъ въ бездѣйствіи; я могъ бы въ двухъ словахъ объяснить физіологамъ, которые, клянусь вамъ, не болѣе вотъ этой печи смыслятъ про образъ дѣйствованія жизни, всю эту таинствен-

ную гидростатику многочисленныхъ жидкостей, текучихъ и летучихъ, называемую «жизнію» и производящую различныя отправленія тѣла, отъ простаго движенія ногъ до трудовъ памяти и воображенія. Никакая паровая мельница не можетъ быть простѣе этого! И это въ самомъ дѣлѣ паровая мельница. Они узнаютъ ее при смерти, въ тѣ дивныя мгновенія, которыя называютъ они послѣдними проблесками ума, и которыя суть только начало великолѣпнѣйшаго изъ явленій въ тѣлѣ— отдѣленія вещества отъ духа, матеріи отъ не-матеріи, того отъ не-того, да отъ нѣтъ, которыхъ взаимное сочетаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположное стремленіе образуетъ одно отдѣльное цѣлое, феноменъ лица и его жизни, отрывокъ сложной машины времени, состоящей изъ соединенія всѣхъ отдѣльныхъ жизней.... Дверь тихонько отворилась, и я увидѣлъ черезъ верхъ передка моей кровати бѣлое чело жены, осѣненное черными ея волосами въ печальномъ безпорядкѣ, который придавалъ ему особенную прелесть. Я хотѣлъ позвать ее къ себѣ, но голосъ не вышелъ изъ груди, и слова—«другъ мой!» вылетѣли изъ нея безъ звука, какъ-бы произнесенныя въ совершенной пустотѣ; они потонули въ воздухѣ у самыхъ устъ моихъ, даже не пошевеливъ его, не произведши въ немъ тѣхъ круговъ, которые въ такомъ множествѣ и такъ быстро выходятъ изъ каждаго слова, упавшаго на его поверхность, дрожатъ, расширяются, несутся въ даль и исписываютъ прозрачное пространство звучащими дугами. Это былъ уже образъ того гробоваго беззвучія, которое начи-

нается за предѣлами вещества. Я понялъ, что̀ меня тамъ ожидало.... Тихими шагами, едва касаясь земли маленькой, дрожащей ножкою, подходила ко мнѣ юная супруга. Ея блѣдное лицо, заплаканные глаза, руки, сложенныя на груди, медленныя движенія и измятое платье, сливались въ стройную картину столь глубокаго несчастія, что гранитъ застоналъ бы отъ подобнаго зрѣлища. Она сѣла противъ меня на стулѣ, и ея руки, судорожно сплетенныя пальцами, упали на колѣни, и ея глаза, изсушенные отчаяніемъ, устремились на мое лицо съ несказаннымъ выраженіемъ любви и горести. Я видѣлъ въ нихъ прощаніе.... Бѣдная женщина! ты должна страдать одна. О, зачѣмъ я не могу теперь раздѣлить твоей печали, какъ прежде раздѣлялъ твое невинное блаженство! Сердце это уже не движется! Эта кровь уже не волнуется!... Твоя печаль только отражается на ея тиши, какъ трауръ тучъ на зеркальномъ лицѣ спящаго океана, не смущая оцѣпенѣвшихъ пучинъ страсти. Эта кровь, зажигавшаяся пламенемъ отъ одного твоего прикосновенія—въ горячія волны которой ты такъ часто выливала всю сладость твоего существа — которая неслась вся къ сердцу, какъ скоро твой образъ наполнялъ его счастіемъ, теперь, когда тебя раздираютъ пополамъ, когда живую зарываютъ въ землю, эта кровь даже не шелохнется! Я дѣлалъ страшныя усилія, чтобы возбудить въ себѣ печаль, и никакъ не могъ добиться до этого чувства, которое было бы тогда для меня благодѣяніемъ. Страсти мои, казалось, сзерновались около сердца и покрыли

его своими холодными кристаллами.... Весь мой духъ скопился около юной супруги; я окружилъ еще недавно обожаемую женщину своей душою, которая лелѣяла ее въ своихъ объятіяхъ, проникала все ея чистое и красивое тѣло и смѣшивалась внутри его съ ея духомъ. Это не была любовь, потому-что я уже не могъ любить, но нѣчто торжественнѣе любви: милое женское существо, съ поникнутою головкою и заломанными руками, сидѣло въ облакѣ неземнаго свѣта, который дивнымъ образомъ усиливалъ ея прелести и придавалъ ей почти небесную красу. То было обоготвореніе любящей женщины. О, еслибъ грубыя земныя чувства дозволили ей видѣть себя въ эту минуту!... Я собралъ послѣднія силы, чтобы высвободить руку изъ-подъ одѣяла и протянуть къ ней. Съ какою страстію схватила она своими мягкими и теплыми ладонями эту руку, желтую, сухую, оглоданную хищной болѣзнію и уже холодную! Никогда въ безумномъ упоеніи сладострастнаго восторга не цѣловала она ея съ такой жадностью и такимъ жаромъ. Она зарыдала. Слезы брызнули изъ ея глазъ и потопили руку, пригвозженную поцѣлуями къ ея устамъ. Чистѣе этого умовенія, я думаю, нѣтъ въ природѣ: оно сильно смыть даже кровь невиннаго съ руки убійцы.... Лицо ея окрасилось румянцемъ; не выпуская моей руки, она подняла на меня свои большіе мокрые глаза, и, казалось, умоляла ими, чтобы я остался съ ней на землѣ; и я никогда, даже въ день нашего брака, не видалъ ея прелестнѣйшею чѣмъ въ это мгновеніе. Двѣ мои молоденькія се-

стры, вошедъ непримѣтно не знаю когда, стояли по другую сторону кровати, и плакали: ихъ лица, въ которыхъ огонь плача боролся съ блѣдностью и усталостью отъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ подлѣ больнаго брата, были еще красивѣе обыкновеннаго. Заходящее солнце удивительнымъ образомъ освѣщало ихъ и всю комнату. Между-тѣмъ тѣло мое быстро остывало по всѣмъ оконечностямъ; руки и ноги, совсѣмъ оледенѣлыя, лежали подлѣ меня какъ неподвижныя глыбы, непринадлежащія къ моему составу: тамъ уже господствовала смерть; жизнь еще тлѣла въ желудкѣ, груди и головѣ, но и тутъ уже гробовой морозъ, подвигаясь снизу и боковъ, пожиралъ однѣ части тѣла за другими. Отдѣленіе духа отъ вещества происходило съ большой силой, и въ отдаленнѣйшихъ членахъ уже довершалось: тамъ, гдѣ духъ совсѣмъ оставилъ тлѣнное зданіе, частицы тѣла, лишенныя своей волшебной связи, тотчасъ начинали бродить, и наступало разложеніе. Въ сильномъ движеніи горести, моя жена, падая на колѣни, дернула меня за руки, не-хотя, но довольно крѣпко. Сердце мое закачалось — тихо, — безъ біенія, и легкая теплота неожиданно согрѣла пустую грудь. Я воспользовался минутнымъ возвратомъ жизни, чтобы сказать доброй подругѣ: «Прощай, мой другъ!..... Я былъ счастливъ, очень счастливъ съ тобою.......» Я хотѣлъ еще возблагодарить сестеръ за ихъ нѣжную привязанность, но мои уста внезапно сомкнулись, и я никакъ не могъ раздвинуть челюстей. Сердце опять остановилось. Одно только чувство, или что-то похожее на чув-

ство, пробудилось во мнѣ при этомъ потря
то было сожалѣніе. Видя эту прелестную жен
съ которою я надѣялся дожить на землѣ до
сти — вы сами знаете, какъ хороша моя Ли
этихъ милыхъ дѣвицъ, которыя выросли
цвѣли на моихъ рукахъ; этотъ солнечный с
который лился изъ окна на стѣну розовыми
тыми струями, мнѣ стало жаль красоты и сол
го свѣта. Разстаться съ ними навсегда, ни
уже ихъ не видѣть, перейти въ неизвѣстный
гдѣ они не нужны или, можетъ-статься, не
ствуютъ — о, эта мысль способна отравить го
всю сладость смертельнаго безстрастія! Все о
ное въ мірѣ, право, не стоитъ никакого сожа
и не возбуждаетъ его въ умирающемъ. Но
чудесный солнечный свѣтъ!..... Но эта кр
чудеснѣе самаго солнца и свѣта!... Ихъ одни
тѣлъ бы я унести съ собою въ могилу. Я увѣ
что солнечное сіяніе создано только для тог
бы можно было видѣть красоту..... Однакож
чувство, уже послѣднее, было непродолжит
жизнь, качающимися кругами, которые посте
уменьшались, переносилась въ голову; я нач
уже ощущать усыпленіе, которое исподоволь о
вало всего меня. Охладѣлыя части тѣла ка
уже спящими; тѣ, которыя были еще тепл
вергались въ сильную дремоту. Свѣтъ поме
въ моихъ глазахъ: плѣнительное лицо жены
окружилось въ нихъ вѣнцомъ призматиче
цвѣтовъ, потомъ стало рѣдѣть, разсѣеваться,
зало, и наконецъ исчезло въ темнотѣ, про
ваемой волшебными огнями. Сѣтчатая ткан

вдругъ окаменѣла, въ ушахъ зазвенѣло, слухъ пресѣкся тоже. Я почувствовалъ родъ весьма пріятнаго опьяненія, и невыразимая сладость забвенія скоро поглотила все мое существо. Запертая обмершими чувствами мысль стала выражать послѣднія свои движенія ясными сновидѣніями, которыя были чрезвычайно разнообразны и игривы, какъ въ началѣ обыкновеннаго сна. Остатокъ воли боролся еще нѣкоторое время съ этимъ непреодолимымъ позывомъ на сонъ, и, въ промежутки пробужденія, я чувствовалъ, что круги сосредоточивающейся жизни, о которыхъ говорилъ вамъ, избравъ своимъ центромъ голову и съуживаясь постепенно, сбѣгаются въ мозгу, качаются уже около одной свѣтлой точки, наконецъ вошли всѣ въ эту точку; въ ней заключилось и все мое самоощущеніе, которое поминутно утопало въ превозмогающей дремотѣ. Мнѣ снилось, будто моя жена—оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было—бросилась на меня съ рыданіемъ и начала цѣловать мои ноги и колѣна. Мнѣ хотѣлось закричать ей: «Не тамъ, другъ мой!... Тамъ уже я не существую!... Сюда! сюда! разбей мою голову, и вдохни въ себя эту послѣднюю искру жизни, которая еще сверкаетъ въ мозгу и скоро погаснетъ....» Но слова, произносимыя въ мысли, не находили для себя звуковъ, что̀ нерѣдко испытывается и во снѣ: все тѣло уже спало, то есть, было мертво, и жила только одна голова, но и та жила полужизнію—дремотою. Сновидѣнія, чрезвычайно странныя и все болѣе несвязныя, текли съ необыкновенною скоростью, и такъ какъ каждое изъ нихъ, продолжаясь не болѣе од-

ного мгновенія, кажется засыпающему дѣйствіемъ, растянутымъ на большой промежутокъ времени, то я въ эти пять минутъ, пока не уснулъ, прожилъ по-крайней-мѣрѣ два или три мѣсяца. Странный обманъ тѣла! Можно было бы написать цѣлый томъ исторій, собравъ всѣ чудныя фантазіи, которыя наплодились въ моей головѣ въ короткое время этого засыпанія. Наконецъ сонъ преодолѣлъ меня—меня, то есть, мой мозгъ, все, чтó еще отъ меня оставалось въ живыхъ—и я уснулъ самымъ крѣпкимъ и роскошнымъ сномъ, какого никогда еще не испытывалъ въ жизни. Это была смерть. Вотъ и вся исторія. Я умеръ и меня похоронили; но долженъ признаться, что былъ набитый дуракъ при жизни, когда боялся того, чтò ни-чуть не страшнѣе обыкновеннаго сна и можетъ еще слаще его; сонъ вечерній пріятенъ только тѣмъ, что это отдыхъ послѣ трудовъ одного дня, а умирая вы засыпаете отъ изнеможенія тѣла въ теченіи всего вашего земнаго существованія, со всѣми его изнурительными удовольствіями, страданіями и работами, и поэтому засыпаете еще лучше. Послѣднія минуты этого оцѣпенѣнія очень похожи на то, чтò ощущаютъ Турки, принявъ гранъ опіума.... Вы вздыхаете?

— Да! сказалъ я моему гостю, мертвецу: мы, домовые, и вообще всѣ духи, по-несчастію безсмертны, и никакъ не можемъ умереть.

— А вы бы хотѣли тоже быть подверженнымъ смерти?

— Почему жъ не хотѣть? Однимъ лишнимъ наслажденіемъ въ жизни болѣе!

— Конечно, сказалъ мертвецъ: люди въ этомъ отношеніи счастливѣе духовъ. Но вы, господа домовые, пользуетесь тоже однимъ безцѣннымъ преимуществомъ: вы можете пролѣзть во всякую замочную скважину и вытащить въ нее все, что̀ хотите, все, что̀ вамъ нужно; вы пользуетесь безъ труда чужимъ добромъ, не ломая дверей и не портя замковъ, за что̀ у людей строжайше наказывается. Что̀ ни говорите, а это большое счастіе! Нынче много говорятъ и пишутъ на землѣ о безконечномъ совершенствованіи человѣчества, и предлагаютъ различные способы кореннаго преобразованія обществъ, чтобъ достигнуть этой высокой цѣли; но я думаю, что человѣкъ тогда только былъ бы существомъ истинно совершеннымъ, еслибъ соединить въ немъ удовольствіе умереть со способностью вытаскивать незамѣтно въ замочныя скважины все, что̀ ему понравится — дюжину бутылокъ сллери — хорошенькую чужую жену—англійскую лошадь....

Въ это мгновеніе послышался страшный шумъ на крышкѣ. Я пріостановилъ моего собесѣдника; но шумъ утихъ, и мы опять принялись за нашъ интересный разговоръ.

— Ваши взгляды на усовершенствованіе человѣчества, сказалъ я, очень свѣтлы и основательны; способность эта была бы тѣмъ полезнѣе для человѣчества, что она не влечетъ за собою никакихъ общественныхъ распрь, соблазновъ, неудобствъ: за пропажу, когда двери и замки цѣлы, поколотятъ только лакеевъ или дворецкихъ, и все кончено—человѣчество цѣло и спокойно.

— Жаль только, что нельзя умереть дважды, присовокупилъ онъ. Это было бы еще совершеннѣе и пріятнѣе....

Шумъ на крышкѣ, который недавно встревожилъ меня, имѣлъ основаніе. Когда мой гость произносилъ эти слова, огромная черная головешка, упавшая, какъ потомъ оказалось, сквозь дымовую трубу, со стукомъ шлепнулась оземь между каминомъ и его рѣшеткою. Мы оба вскочили съ дивана. Я подошелъ къ камину, взялъ ее въ руки и хотѣлъ положить въ жаровникъ, потому-что не люблю безпорядка и вовсе не одобряю тѣхъ домовыхъ, которые ночью переставляютъ стулья и вытаскиваютъ подушки изъ-подъ головъ, какъ кто-то вдругъ схватилъ меня за шею, и сталъ душить, цѣлуя изо всей силы. Я оборонялся отъ этой нечаянной нѣжности, не зная, кому за нее быть благодарнымъ; отворачивалъ голову отъ непрошеныхъ поцѣлуевъ, и тутъ только увидѣлъ, что вмѣсто головешки, держу въ рукѣ двѣ козлиныя ноги, на которыхъ держится чье-то туловище, такъ неожиданно взвалившееся мнѣ на шею со всею тяжестью своей сердечной дружбы. Я пустилъ эти двѣ ноги. Передо мной явился — кто бы вы думали?— старинный другъ мой, чортъ Бубантесъ! Онъ хохоталъ какъ сумасшедшій, и, забавляясь моимъ изумленіемъ, бросился еще разъ цѣловать меня. Мы нѣжно обняли другъ друга.

— Другъ мой, Чурка! кричалъ Бубантесъ, внѣ себя отъ радости: здоровъ ли, веселъ ли ты? Давно мы съ тобой не видались!

— Давненько! сказалъ я. Чай, будетъ слишкомъ двѣсти лѣтъ.

— Около того.... Я совсѣмъ потерялъ тебя изъ виду, сказалъ Бубантесъ, и не зналъ даже, гдѣ ты обрѣтаешься. Я думалъ, что ты все еще въ Стокгольмѣ....

— Нѣтъ, другъ мой, я здѣсь, сказалъ я. Съ постройки этого дома, я поселился въ немъ, вотъ именно здѣсь, на печи.... Да какими судьбами попалъ ты сюда?

— Это длинная исторія, отвѣчалъ онъ. Я разскажу ее потомъ.... Я спасался изъ одного мѣста, и не зналъ, куда укрыться.... Смотрю, труба; я въ нее, и вотъ въ твоихъ объятіяхъ.

— Зачѣмъ же ты прикинулся головешкой.... Фуй, какъ ты меня напугалъ!

— Зачѣмъ головешкой? Да такъ! Я, вишь, хотѣлъ упасть сюда инкогнито.... Домъ мнѣ незнакомый; я боялся найти здѣсь ханжей, отъ которыхъ теперь очень опасно нашему брату, чорту: грѣшатъ вмѣстѣ съ вами, а при первомъ удобномъ случаѣ сами же на васъ доносятъ.... Знаешь ли, что ихъ опять развелось много? Я не люблю ханжей: это грѣшники, которые хотятъ надуть чорта. Гораздо лучше имѣть дѣло съ честными грѣшниками. Подумай, что они стали тискать на меня статьи въ моихъ журналахъ!

— А ты все еще возишься съ журналами? спросилъ я.

— Да, дружище! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Дѣлать нечего. Сатана приказалъ!... Вотъ уже четвертое *столѣтіе*, какъ я правлю должность

главнаго чорта журналистики, и довелъ этотъ грѣхъ до совершенства, а отъ его мрачности не получилъ ничего, кромѣ щелчковъ въ носъ, въ награду. Ахъ, еслибъ ты зналъ, что это за поганое ремесло! съ какими людьми приходится имѣть дѣло! Вотъ и нынче, провелъ весь вечеръ въ одномъ газетномъ вертепѣ, гдѣ курили и клеветали хуже чѣмъ въ аду. Я завернулъ туда, чтобъ помочь состряпать маленькій журнальный грѣшокъ: въ нашемъ городѣ есть одна упавшая репутація, которая издаетъ новую книгу; рѣшено было поднять ее и поставить на ноги. Собралось человѣкъ тридцать ея пріятелей, все изъ литераторовъ. Когда я пришелъ туда, они міромъ подымали ее съ земли, за уши, за руки и за ноги. Я присоединился къ нимъ и взялъ ее за носъ. Мы дружно напрягли всѣ силы; пыхтѣли, охали, мучились, и ничего не сдѣлали. Мы подложили колья, и кольями хотѣли поднять ее. Ни съ мѣста! Ну, любезнѣйшій! ты не можешь себѣ представить, что̀ значитъ упавшая литературная репутація. Въ цѣлой вселенной нѣтъ ничего тяжеле. Мы ее бросили. Тогда я, для опыта, немножко пошевелилъ хвостомъ ихъ злобу: тутъ какъ они стали царапать и рвать всѣ репутаціи, стоячія и лежачія; какъ понесли свой грязный вздоръ, въ которомъ, кромѣ желчи и невѣжества, не было ничего годнаго даже для ада — да такой вздоръ, что ужъ мнѣ, природному чорту, стало страшно и мерзко слушать — такъ я не зналъ, куда дѣваться! Я побѣжалъ стремглавъ, поджавши хвостъ, заткнувъ уши, зажмуривъ глаза; летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ.... и еслибъ не эта труба.... Я не-

множко ушибъ себѣ бокъ.... Да не въ томъ дѣло: здоровъ ли ты, старый другъ, Чурка? Какъ поживаешь.... — Кто этотъ длинный скелетъ? спросилъ онъ, нагнувшись къ моему уху.

— Это.... покойный хозяинъ здѣшняго дома, сказалъ я шепотомъ. Онъ пришелъ ко мнѣ въ гости съ кладбища.

— Какихъ онъ правилъ?

— Очень почтенный, честный грѣшникъ.

— Познакомь же меня съ своимъ хозяиномъ, мой Чурочка. Ты всегда отличался знаніемъ свѣтскихъ приличій въ твоемъ запечьѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ я, и представилъ ихъ другъ другу. Мой пріятель Бубантесъ, главный чортъ журналистики! — Иванъ Ивановичъ, бывшій читатель!—Прошу быть знакомыми, полюбить другъ друга и садиться.

Они поклонились и пожали себѣ руки.

— Вы давно изволили скончаться? вѣжливо спросилъ Бубантесъ новаго своего знакомца.

— Годъ и двѣ недѣли, сказалъ онъ.

— Какъ вы находите этотъ свѣтъ? продолжалъ любезный чортъ.

Мой мертвецъ нѣсколько смутился, не понимая вопроса.

— Когда я говорю «этотъ», быстро подхватилъ Бубантесъ, это значитъ «тотъ». Свѣтъ, который вы, при жизни, называли «тѣмъ свѣтомъ», называется у насъ «этимъ», и обратно. Вы еще не привыкли къ нашей терминологіи, но она очень ясна. Слѣдственно вы находите этотъ свѣтъ, нашъ свѣтъ, свѣтъ *духовъ*....

— Очень пріятнымъ, отвѣчалъ наконецъ покойный Иванъ Ивановичъ.

— Я такъ и думалъ, сказалъ чортъ съ своей коварной усмѣшкой. Я говорю это не изъ патріотизма, но многіе очень просвѣщенные путешественники съ того свѣта, то есть, съ людскаго свѣта, находятъ, что здѣсь гораздо отраднѣе и веселѣе.

— И я того же мнѣнія, сказалъ мертвецъ. Особенно мнѣ нравится здѣсь это удивительное спокойствіе и безстрастіе, которыми отличается жизнь мертвецовъ. Нельзя сказать, чтобы и жизнь того, человѣческаго, свѣта не имѣла своихъ прелестей... Есть кой-какіе очень пріятные грѣхи, для которыхъ стоитъ потаскать тѣло на своихъ костяхъ извѣстное число годовъ, но самое важное неудобство той жизни—это теплая кровь; кровь, которая ворочается въ васъ мельницею, кружится настоящимъ омутомъ, разгорячаетъ васъ при каждомъ движеніи, при каждомъ обстоятельствѣ, порождая тѣ вспышки внутренняго жара, которыя называютъ тамъ страстями; которая жжетъ васъ, душитъ поминутно, содержитъ тѣло въ безпрерывномъ безпокойствѣ, разоряетъ его, начиняетъ болѣзнями.... Это второй адъ, быть-можетъ еще хуже настоящаго! Вообще, тамъ очень душно отъ теплой крови, и я ни за какое благо не согласился бъ воротиться туда, развѣ когда-нибудь, совершенствуя человѣчество, выдумаютъ холодныя страсти. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ нѣтъ крови, и ничто васъ не тревожитъ; вы всегда наслаждаетесь ровною и отрадною прохладой ума, совершенною сухостью чувства, восхитительнымъ отсутствіемъ страстей....

— Здѣсь бы и писать безпристрастныя критики! воскликнулъ Бубантесъ, весело повернувшись трижды на одной ножкѣ журнальнымъ франтомъ. Мои молодцы завели въ одномъ городѣ, недалеко отсюда, фабрику безпристрастія, да что-то нейдетъ! По-сю-пору мы выдѣлываемъ только простую брань безъ ума, которая худо продается.

— Да чтожъ вы стоите? сказалъ я моимъ гостямъ. Присядьте, пожалуйста, у меня.

— Гдѣ жъ у тебя сидѣть? сказалъ Бубантесъ, оглядываясь. Тутъ нѣтъ ни одного гвоздя въ стѣнѣ! Еслибъ были три гвоздика, мы усѣлись бы рядкомъ.

Онъ прошелся по залѣ, и, приблизившись къ камину, увидѣлъ, что, подъ черною корою перегорѣвшаго угля, мерцаетъ еще огонь. Онъ разгребъ верхніе уголья, и, отъ нечего дѣлать, началъ поправлять жаръ, уравнивать лопаткой, раздувать.

— Не угодно ли тебѣ чего-нибудь у насъ отвѣдать? спросилъ я его.

— Съ моимъ удовольствіемъ, сказалъ чортъ, занятый своей работой. А что у тебя есть? Нѣтъ ли англійской горчицы?

— Какъ не быть!

Я порхнулъ въ буфетъ, и вытащилъ сквозь ключевую скважину большую банку превосходной англійской горчицы, желтой какъ золото и крѣпкой какъ огонь. Онъ взялъ банку въ одну руку, другой поднялъ вверхъ полы своего нѣмецкаго кафтана, и сѣлъ въ каминѣ на горящихъ угольяхъ.

— Вы позвольте мнѣ сидѣть здѣсь, сказалъ

онъ: это мое любимое мѣсто; а сами садитесь въ кресла передъ каминомъ, и будемъ бесѣдовать.

Мертвецъ погрузился въ красныя вольтеровскія кресла, которыя я ему придвинулъ: я взялъ стулъ, и мы составили тѣсный дружескій кругъ около камина, котораго вліяніе на чистосердечіе бесѣды и домашнее счастіе извѣстно отчасти и людямъ. Бубантесъ увѣрялъ меня однажды, что объ этомъ измарано у нихъ столько бумаги, что онъ берется топить ею въ теченіи цѣлаго мѣсяца тридцать тысячъ бань. Я люблю этого милаго и умнаго чорта, но по-временамъ онъ лжетъ какъ александрійскій Грекъ!

— Объ чемъ вы изволили разсуждать между собою до моего прихода? сказалъ онъ, взявъ изъ банки ложечку горчицы. Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь со мной.... Продолжайте вашъ разговоръ....

— Мы говорили о людяхъ, сказалъ я. Объ чемъ же говорить болѣе? Иванъ Ивановичъ описывалъ мнѣ тѣ пріятныя ощущенія, которыя человѣкъ испытываетъ въ минуту смерти....

— Твоя горчица чудо! прервалъ меня Бубантесъ. Я не имѣлъ чести быть на званомъ обѣдѣ, который Яковъ II, король англійскій, стряпалъ для чорта, и для котораго онъ набралъ три самыя тонкія адскія блюда—лимбургскій сыръ, жевательный табакъ и горчицу; но и у него не было ничего подобнаго. Вы говорили о смерти?

— Ты очень любезенъ, сказалъ я: горчица самая обыкновенная. Да; объ удовольствіяхъ смерти. *И въ то* самое время, когда ты къ намъ прова-

лился, Иванъ Ивановичъ дѣлалъ весьма основательное замѣчаніе, что жизнь человѣка была бы вдвое пріятнѣе, еслибъ онъ могъ умирать дважды.

— Умирать дважды? сказалъ чортъ, набивая себѣ ротъ горчицею. Если человѣкъ желаетъ умереть дважды, пусть передъ смертью онъ ляжетъ спать и умретъ уже проснувшись. Уснуть или умереть, это все равно. Шекспирово perchance тутъ ничего не поможетъ. Между смертію и сномъ нѣтъ никакой разницы; развѣ та, что отъ смерти нельзя очнуться.

— Однакожъ я читалъ на томъ свѣтѣ, что когда тѣло погружается въ сонъ и бездѣйствіе, тогда духъ, свободный отъ его бремени, дѣйствуетъ съ особенною силою и свѣтлостью....

Чортъ захохоталъ такъ крѣпко, что чуть не уронилъ банки и не разметалъ жару по всей залѣ.

— Ха, ха, ха! тѣло въ бездѣйствіи, а духъ въ дѣйствіи! Ха, ха, ха! Знаете ли, что̀ такое вы читали? Извините, что я смѣюсь! Ха, ха, ха, ха, ха! Мнѣ нельзя не смѣяться, потому-что я знаю, откуда это вышло. Мой пріятель, чортъ Кода-Нера, большой шарлатанъ, выдумалъ эту исторію для магнитистовъ, и они вмѣстѣ надули многихъ. Шутка была удачная, но удить ею можно только живыя головы, а не мертвецовъ. Съ такой головой какъ ваша, совершенно пустой, чистой, безъ этого мягкаго, дряннаго мозга, которымъ завалены черепы на томъ свѣтѣ, невозможно повѣрить такой безсмыслицѣ. Какъ вы хотите, чтобы въ непогребенномъ человѣкѣ духъ дѣйствовалъ отдѣль-

но отъ тѣла или тѣло отдѣльно отъ духа, когда тѣло органическое есть сліяніе, въ данную форму, вещества съ невеществомъ, матеріи съ духомъ, и когда расторженіе ихъ самотѣснѣйшей связи тотчасъ уничтожаетъ тѣло? Вы намекаете на сны? Вы, можетъ-статься, хотите представить сновидѣнія въ доказательство отдѣльнаго дѣйствованія духа въ тѣлѣ, оцѣпенѣвшемъ и неподвижномъ? Но сновидѣнія, сударь мой, происходятъ только въ полу-бдѣніи, во время дремоты, а не совершеннаго сна, въ минуты засыпанія и пробужденія. Оттого, вы ихъ и помните! Но какъ скоро человѣкъ погружается въ сонъ полный и ровный, всѣ умственныя отправленія прекращаются совершенно; духъ его находится въ настоящемъ оцѣпенѣніи; онъ ничего не чувствуетъ, не мыслитъ и не помнитъ: онъ мертвъ кругомъ, умеръ, и живетъ только относительно къ неутраченной еще возможности прійти опять въ полную духовно-вещественную жизнь. Сладость, которую вы чувствуете засыпая, есть именно слѣдствіе этого погруженія духа въ совершенное бездѣйствіе, въ смерть. Мы, черти, знаемъ это лучше васъ. Сколько разъ человѣкъ засыпаетъ, столько разъ онъ дѣйствительно умираетъ на извѣстное время. Вы можете мнѣ повѣрить. Такимъ образомъ, земное его существованіе составлено какъ вы изволите видѣть, просто изъ безпрестанной перемежки періодической жизни и смерти. Иначе вы не объясните сна. И замѣтьте, милостивые государи, что этотъ періодическій возвратъ жизни и смерти соотвѣтствуетъ періодическому появленію и исчезанію солнца на горизонтѣ и что

мысль, разумъ, когда нѣтъ насилія природѣ, прекращается какъ скоро оно заходитъ. Изъ этого вы можете выводить заключенія, какія вамъ угодно, а я между-тѣмъ буду ѣсть горчицу.

— Самое простое заключеніе, сказалъ мой мертвецъ улыбаясь *, есть то, что я, который въ теченіи тридцати двухъ лѣтъ имѣлъ каждый день удовольствіе умирать и оживать, самъ этого не примѣчая, былъ такой же дуракъ, какъ Мольеровъ дворянинъ изъ мѣщанъ, который не зналъ, что онъ весь вѣкъ говорилъ прозою.

— Вы умный мертвецъ, и дѣлаете сравненія чрезвычайно удачныя, сказалъ коварно Бубантесъ: но вы можете присовокупить, что когда, такимъ образомъ засыпая и просыпаясь, умирая и воскресая попеременно, вы наконецъ доспали до такого сна, во время котораго потеряли всю теплоту и отъ котораго не могли уже проснуться, тогда вы умерли окончательно, навсегда—обстоятельство, которому я обязанъ вашимъ пріятнымъ знакомствомъ и честью бесѣдовать съ вами въ этомъ мѣстѣ у общаго нашего пріятеля, домоваго Чурки. Сонъ, сударь мой, есть смерть теплая, а смерть сонъ холодный. Все дѣло состоитъ въ температурѣ. Замерзаніе здороваго человѣка начинается сномъ. Это знаютъ и черти и люди. Но полно объ этомъ. Часто ли вы бываете у нашего почтеннаго Чурки?

* Это должна быть метафора. У мертвеца, кажется, не было устъ.

— О, нельзя сказать, чтобы часто! воскликнулъ я.

— Сегодня въ первый разъ я рѣшился оставить кладбище, отвѣчалъ мертвецъ: по одному непріятному случаю....

— По какому?

— У насъ, изволите видѣть, вышла ссора съ сосѣдкой. Меня похоронили подлѣ какой-то сварливой бабы, старой и гадкой грѣшницы, скелета криваго, беззубаго и самаго безобразнаго, какой только вы можете себѣ представить. Пока мой гробъ былъ цѣлъ, я не обращалъ на нее большаго вниманія, но на прошедшей недѣлѣ онъ развалился, и съ тѣхъ поръ житья мнѣ отъ нея нѣтъ въ землѣ. Эта проклятая баба — ее зовутъ Акулиной Викентьевной—толкаетъ меня, бранитъ, щиплетъ, кусаетъ, и говоритъ, что я мѣшаю ей лежать покойно, что я стѣснилъ собою ея обиталище...

— Ну-съ?

— Ну, словомъ, мочи нѣтъ съ нею! Мы подрались. Я, кажется, вышибъ ей два послѣдніе зуба, которые еще оставались въ верхней челюсти.

— Ну, ну!

— Да, правда, вырвалъ еще нижнюю челюсть и кость правой ноги, и бросилъ ихъ куда-то далеко въ ровъ.

— Чтожъ она на это?

— Ничего. Она пошла по всѣмъ гробамъ отыскивать челюсть и ногу, всполошила всѣхъ покойниковъ, перебранилась со всѣми оставами, которые впрочемъ давно терпѣть ея не могутъ. Она никому *не даетъ покоя*, саженъ на сто вокругъ.

— А вы что̀ на это?

— А я между-тѣмъ ушелъ, и, гуляя, завернулъ сюда, посмотрѣть, что̀ дѣлается въ этомъ домѣ по моей смерти.

— Вы же говорили, что вамъ такъ нравится удивительное спокойствіе нашего свѣта? сказалъ насмѣшливый чортъ.

— Конечно, говорилъ, отвѣчалъ мертвецъ: на какомъ же свѣтѣ нѣтъ маленькихъ непріятностей? Впрочемъ, всѣ суматохи происходятъ здѣсь такъ тихо, такъ хладнокровно, что ихъ нельзя и называть суматохами. То ли дѣло на томъ свѣтѣ! Тамъ кровь пережгла бъ вамъ всѣ жилы; тамъ страсти задушили бъ васъ на мѣстѣ; тамъ уже случился бъ съ вами ударъ.... Я рѣшительно предпочитаю нашъ мертвый міръ тому, и могу сказать, что еслибъ не случайное неудобство быть иногда положеннымъ въ землѣ подлѣ старой бабы, сверхъестественный свѣтъ былъ бы совершенство.

— Такъ вотъ какая исторія! воскликнулъ чортъ. А я, признаюсь откровенно, не имѣя чести васъ знать, думалъ все это время, что вы приволакиваетесь въ здѣшнихъ странахъ за какой-нибудь красоткой того свѣта. Вы меня извините, но это часто случается съ вашей братьею. Я знавалъ многихъ мертвецовъ, которые просиживали по цѣлымъ ночамъ въ спальняхъ, подлѣ прежнихъ своихъ возлюбленныхъ и потихоньку прикладывали свои холодные поцѣлуи къ ихъ горячимъ спящимъ устамъ. О, между вами, господа скелеты, есть ужасные обольстители прекраснаго пола!... И тутъ нѣтъ

ничего удивительнаго. Привычка большое дѣло! Это остается въ костяхъ.

Мертвецъ смутился. Онъ не зналъ, что̀ отвѣчать чорту, боясь по-видимому, чтобы Бубантесъ не донесъ на него въ адъ. Я рѣшился вывести его изъ затрудненія.

— Что грѣха таить, Иванъ Ивановичъ! сказалъ я. Мы можемъ говорить здѣсь откровенно. Мой старый другъ, Бубантесъ, не такой чортъ, какъ вы думаете. Онъ не въ состояніи сдѣлать подлости...

Мертвецъ ободрился.

— Признаться, сказать, продолжалъ я: покойный Иванъ Ивановичъ пришелъ собственно посмотрѣть на свою красивую супругу, которая спитъ, вотъ, черезъ три комнаты отсюда. При жизни они обожали другъ друга до безпамятства. Ему теперь не кстати быть влюбленнымъ, будучи безъ крови и тѣла, но его бѣдная жена по-сю-пору души въ немъ не чаетъ. Какъ она плакала объ немъ! какъ рыдала! какъ нѣжно призывала его по имени, засыпая прошедшій вечеръ! Я одинъ тому свидѣтель!... Больно смотрѣть на ея мученія, на ея отчаяніе, на ея безнадежную любовь.

Мертвецъ былъ растроганъ до глубины костей. Онъ сидѣлъ неподвижно, съ поникнутой головой, сложивъ руки на груди.

— Когда покойный Иванъ Ивановичъ пришелъ сюда, какъ-бы исторгнутый изъ земли ея любящимъ, магнитнымъ сердцемъ, какъ-бы невольно привлеченный имъ сюда, мы пошли къ ней въ спальню и нашли ее въ самомъ умильномъ поло-

женіи. Она спала, обнявъ бѣлыми и полными руками подушку, смоченную потокомъ слезъ, на которой покоилась ея прелестная головка; обнаженныя плечи и часть груди имѣли гладкость, блескъ и молочную прозрачность алебастра; пурпуровыя губки были полураскрыты и обнаруживали два ряда прекрасныхъ, перловыхъ зубовъ; въ лиліяхъ лица игралъ огонь розоваго цвѣта удивительной чистоты и нѣжности; она была очаровательна какъ духъ высокихъ сферъ, и, казалось, пламенно жала эту подушку къ своей груди....

— Вдовьи нравы! сказалъ злой Бубантесъ вполголоса съ хитрою усмѣшкой.

— Она, средь своей, какъ ты говоришь, теплой смерти, такъ страстно и такъ чисто любила мужа, похищеннаго у ней смертью холодной, что мнѣ стало досадно быть только духомъ подлѣ такого плѣнительнаго тѣла, а покойный Иванъ Ивановичъ не выдержалъ и поцѣловалъ ее въ самый ротикъ —да такъ что его мертвые зубы стукнули въ ея зубки!...

Бубантесъ коварно мигнулъ покойнику.

— Э!... каковы наши мертвецы! Что, еслибъ хорошенькія женщины знали, какъ вы, господа, лобызаете ихъ по ночамъ?... Вѣдь это ужасъ?

— Ахъ, почтеннѣйшій, воскликнулъ мертвецъ: она такая добрая! такая прекрасная! Это самая удивительная женщина, какая только существуетъ подъ солнцемъ! За одинъ ея поцѣлуй можно отдать цѣлое кладбище, а для того, чтобы поцѣловать ее, стóитъ, даю вамъ слово, сдѣлать путешествіе въ міръ вещественный.

— И притомъ такая добродѣтельная! примолвилъ я. Вотъ ужъ, любезный Бубантесъ, посмотрѣли бъ мы, какъ бы ее-то ввелъ ты во искушеніе!

— За себя я не отвѣчаю, скромно сказалъ онъ: я не ловокъ на эти дѣла, и притомъ никогда не занимался женскою частью; но, увѣряю тебя, у насъ есть черти, которые соблазнятъ всякую женщину, хоть бы она вылита была вся изъ добродѣтели. Я видалъ удивительные примѣры.

— Изъ добродѣтели, такъ! возразилъ покойный мужъ: но не изъ любви. Когда женщина вылита вся изъ чистой любви къ одному мужчинѣ, когда эта любовь сдѣлалась ея жизнью, стихіей, которою она дышитъ, второю душой ея, тутъ ужъ чертямъ нѣтъ поживы....

— Продолжайте, сказалъ равнодушно Бубантесъ, становя банку съ горчицей на земь.

Онъ снялъ съ головы свой высокій остроконечный колпакъ, и началъ приготовлять изъ него родъ мѣшка.

— Любовь въ женщинѣ дѣлаетъ чудеса, продолжалъ мертвецъ. Эта непонятная сила превращаетъ существо слабое въ самое сильное волею, въ самое торжественное благородствомъ чувствованій. Тогда предметъ ея любви теряетъ для нея свои земныя формы, становится идеаломъ, господствуетъ надъ нею вблизи и издали; пространства для нея исчезаютъ; самое время безсильно, и она живетъ въ своемъ возлюбленномъ, раздѣленъ ли онъ съ нею разстояніемъ, живъ ли или зарытъ *въ могилѣ*....

— Ну, сказалъ чортъ, занятый весь своимъ мѣшкомъ, который онъ комкалъ на колѣняхъ, не глядя на насъ.

— Я увѣренъ, сказалъ мертвецъ, что эта таинственная сила, которая такъ же крѣпко связываетъ два существа между собою, какъ духъ связываетъ частицы матеріи въ живомъ тѣлѣ и образуетъ изъ нихъ одно правильное цѣлое, не уничтожается смертью одного изъ двухъ существъ; что она продолжаетъ соединять тѣло одного съ прахомъ другаго даже сквозь пластъ земли, который ихъ раздѣляетъ; что она разрушается только при окончательномъ разрушеніи обоихъ тѣлъ, и тутъ еще она должна жить въ душахъ ихъ: улетѣвъ въ дальнія пространства, ихъ души безъ-сомнѣнія отыскиваютъ другъ друга и сливаются тамъ въ одну душу той же любовью.

— Ахъ, какой же вы читатель! закричалъ чортъ покойнику, смѣясь отъ чистаго сердца. Вы настоящій читатель! Подите-ка сюда! Чурка, поди и ты сюда! Смотрите мнѣ въ горсть, когда ее раскрою.

Мы подошли къ нему. Онъ погрузилъ руку въ мѣшокъ, сдѣланный изъ колпака, собралъ что-то внутри, вынулъ кулакъ, и, раскрывая его, сказалъ:

— Смотрите!... Вотъ любовь.

На черной его ладони взвилось пламя чрезвычайно тонкое, прозрачное, летучее, удивительной красоты: въ одно мгновеніе ока оно перемѣняло всѣ цвѣта, не останавливаясь ни на одномъ, чтò придавало ему самый блистательный и нѣжный отливъ, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно.

— Какъ! это любовь? вскричалъ изумленный

мертвецъ, хватая своей костяной лапою это чудесное пламя, которое въ тотъ же мигъ исчезло.

— Самая чистая любовь, сказалъ чортъ, улыбаясь и посматривая ему въ глазныя впадины съ любопытствомъ. Что, хороша штука?... Мой колпакъ, сударь, лучшая химическая реторта въ мірѣ. Вы можете быть увѣрены, что это любовь: я выжалъ ее изъ воздуха и очистилъ отъ всѣхъ постороннихъ газовъ. Любовь, милостивые государи, разлита въ воздухѣ.

Бубантесъ надѣлъ колпакъ на голову и всталъ съ жаровника. Мы начали ходить по залѣ и разсуждать объ этомъ пламени. Мертвецу никакъ не вѣрилось, чтобы это была настоящая любовь, но чортъ говорилъ такъ убѣдительно, столько клялся своимъ хвостомъ, что наконецъ тотъ согласился съ нимъ въ возможности отдѣлять это роскошное чувство отъ воздуха и продавать его въ бутылкахъ. Они разсчитали всѣ прибыли отъ подобной фабрикаціи — покойный Иванъ Ивановичъ былъ при жизни большой спекулянтъ—и находили одно только неудобство въ этой новой отрасли народной промышлености, что многіе станутъ поддѣлывать издѣліе и продавать ложную любовь въ такихъ же бутылкахъ, тѣмъ болѣе что и теперь, безъ перегонки воздуха, поддѣльная любовь составляетъ весьма важную статью внутренней торговли, хотя и не показывается въ статистическихъ таблицахъ.

Бубантесъ былъ восхитителенъ во время этого разсужденія: онъ сыпалъ остротами, шутилъ и говорилъ такъ добродушно, что тотъ, кто бы его не

зналъ, никогда бъ не предполагалъ въ немъ чорта. Впрочемъ, надобно отдать справедливость чертямъ: между ними есть очень любезные малые. Иванъ Ивановичъ весьма съ нимъ подружился. Онъ сталъ разспрашивать его, какимъ образомъ дѣйствуетъ это миленькое летучее пламя на людей, такъ-что эти плуты обожаютъ другъ друга.

— Вы знаете, что такое «поляризація»? сказалъ чортъ.

— Поляризація-съ! воскликнулъ покойникъ. Да, знаю, поляризація. Я читалъ объ ней. Но вы можете говорить такъ точно, какъ-будто бъ я ничего не зналъ.

— Здѣшніе мертвецы набитые невѣжды, сказалъ мнѣ на ухо Бубантесъ.—Вы знаете, продолжалъ онъ громко, что въ природѣ есть теплота, магнитность, свѣтъ, электричество, то есть, вы знаете, что ничего этого нѣтъ въ природѣ, а есть одно вещество, чрезвычайно тонкое, чрезвычайно летучее, которое разлито вездѣ и проникаетъ всѣ тѣла, даже самыя плотныя; для котораго алмазъ и золото то же, что губка для воды и воздуха, и котораго самъ чортъ не разгадаетъ, а домовой, мертвецъ и человѣкъ и подавно. Оно то производитъ ощущеніе тепла, и тогда человѣкъ называетъ его теплотою; то вылетаетъ изъ облака въ видѣ громовой молніи или изъ натираемаго стекла въ видѣ сѣрной искры, и тогда получаетъ у людей имя электричества; то направляетъ одинъ конецъ желѣзной иглы къ сѣверу, а другой къ югу, и тогда величаютъ его магнитнстью; то наконецъ поражаетъ глазъ своимъ блескомъ и называется свѣ-

томъ. Оно темно и свѣтисто, паляще и морозı
животворно и убійственно. Незримое, одаренн
столь различными свойствами, это хамелеоническ
вещество обнаруживается каждый разъ въ д
гомъ образѣ, и поражаетъ бѣднаго человѣка сто
кими противоположными явленіями, что онъ,
дучи не въ силахъ связать ихъ своей дрянной
гикою, принужденъ былъ раздѣлить его на четы
разныя вещества, которымъ присвоилъ четыре
да примѣченныхъ имъ феноменовъ, болѣе или
нѣе сходныхъ между собою, и придумать для ка
даго ряда особую теорію. Мой пріятель, чортъ Н
да-нера, уже три столѣтія морочитъ ученыхъ эти
веществомъ, диктуя имъ самыя странныя теор
для того, чтобы ихъ мучить, бѣсить, ссорить
жду собою и доводить до того, чтобы они дру
друга называли ослами. Это единственный дохо
сатаны отъ ученыхъ. Съ нихъ нечего взять
лѣе. Я завелъ для нихъ кой-какіе журналы.
перь онъ съигралъ съ ними новую штуку: ког
они нагородили системъ обо всемъ этомъ, напи
ли тму книгъ о магнитности и увѣрились, что
вещество совершенно особое и самостоятельн
онъ вдругъ выкинулъ имъ магнитную искру,
торая точь-въ-точь искра электрическая. Они
рессорились въ моихъ журналахъ, но этотъ плу
убѣдилъ ихъ заключить перемиріе на томъ ус
віи, чтобы оба вещества, впредь до распоряжен
соединились въ одно подъ сложнымъ именемъ эл
тро-магнитности. Со-временемъ онъ намѣренъ п
сунуть имъ другое, еще страннѣйшее названіе
свѣто-тепло-электро-магнитности, и все-таки

не будутъ знать, что̀ это за вещество, и не поймаютъ его руками; а я вамъ, друзья мои, показалъ его вотъ на этой ладони. Согласитесь, что оно прелестно, и поздравьте себя съ тѣмъ, что вы не люди: по-крайней-мѣрѣ вы могли его видѣть. Такъ какъ для него нѣтъ имени, то назовите его, какъ угодно, хоть электро-магнитностью. Для меня все равно. Но вотъ въ чемъ еще дѣло: не подлежитъ сомнѣнію, что у каждой палки есть два конца, и что одинъ изъ нихъ противоположенъ другому, что одинъ *не то*, что другой, хотя палка все одна и та же. Все, что̀ ни существуетъ въ мірѣ, составлено изъ такихъ же двухъ противоположностей: дню противоположна ночь, свѣту темнота, теплу холодъ, движенію бездѣйствіе, бдѣнію сонъ, жизни смерть, да—нѣтъ: я могъ бы насчитать вамъ три тысячи триста девяносто девять такихъ противоположностей, и довести васъ наконецъ до послѣдней противоположности, выше которой уже ничего нѣтъ — матеріи и духа. Какъ скоро есть матерія, есть и духъ: я думаю, что это ясно. То самое противопоставленіе постояннаго «да» и «нѣтъ» обнаруживается и въ умственномъ мірѣ: вы имѣете тамъ надежду и отчаяніе, жестокость и кротость, состраданіе и презрѣніе, смиреніе и гордость, вражду и дружбу, любовь и ненависть, и прочая, и прочая. Вы согласитесь, что хотя любовь и ненависть суть одно и то же чувство, хотя любовь составляетъ одинъ конецъ страсти, а ненависть другой, дѣйствія и свойства ихъ такъ противны, что ихъ принимаютъ обыкновенно за двѣ различныя вещи. Вещество, о которомъ я вамъ до-

кладывалъ, это прекрасное, летучее и незр
пламя, эта электро-магнитность, имѣетъ тоже
двѣ противоположности, свое «да» и свое «н
Когда вы взволнуете его въ стекляномъ прут
средствомъ тренія, оно тотчасъ раздѣляет
два противныя свойства, и въ одномъ концѣ
та притягиваетъ къ нему разныя легкія тѣл
другомъ ихъ отталкиваетъ. — Первое свойст
извини, любезный Чурка, шепнулъ мнѣ Бубан
что я толкую вещи давно тебѣ извѣстныя: э
мертвецъ ничего не понимаетъ!—первое свой
чортъ Кода-нера присовѣтовалъ ученымъ на
электричествомъ положительнымъ, а второе
тричествомъ отрицательнымъ, и запуталъ их
вами до того, что они вѣрятъ въ два элект
ства; но вы, какъ умный мертвецъ, вы видит
это та же исторія тепла и холода, любви и
висти. Такому раздѣленію свойствъ дали имя
ризаціи электричества. Эти два противныя
ства одного и того же вещества часто избир
своимъ обиталищемъ даже два отдѣльныя
одно облако, напримѣръ, электризируется пол
тельно, а другое отрицательно. Когда вы, о
взволнуете это вещество въ полоскѣ желѣза
тирая ее ключемъ отъ средины сперва къ од
концу, а потомъ отъ средины же къ другому
устремляетъ одинъ конецъ полоски къ сѣве
другой къ югу. Это магнитная стрѣлка. Сѣве
конецъ ея зовутъ положительнымъ, южный
цательнымъ, а самое явленіе поляризаціей.
мите жъ теперь двѣ такія стрѣлки и сблизьт
между собою: конецъ положительный одной ст

ки оттолкнетъ отъ себя положительный конецъ другой; двѣ отрицательныя стрѣлки тоже будутъ удаляться другъ отъ друга; но стрѣлка положительная съ концомъ отрицательнымъ тотчасъ сцѣпятся и поцѣлуются. Вотъ любовь! Назовите теперь положительные концы стрѣлки мужскими, а отрицательные женскими, и все вамъ объяснится: полы одинаковые отталкиваются, полы различные стремятся другъ къ другу. Это—любовь въ желѣзѣ. Она проявляется такимъ же образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ металлахъ и камняхъ. Она существуетъ и между двумя облаками, въ которыхъ скопились два противныя свойства электричества носящагося въ воздухѣ. Она сгибаетъ въ лѣсу двѣ финиковыя пальмы, одну къ другой, самца къ самкѣ, изъ которыхъ первый всегда обнаруживаетъ электромагнитность положительную, а вторая отрицательную. То же происходитъ и въ животныхъ, то же и въ людяхъ. Около эпохи совершеннолѣтія молодой человѣкъ и дѣвица начинаютъ вбирать въ себя изъ воздуха летучее вещество и электризоваться, одинъ положительно, а другая отрицательно, въ южныхъ странахъ сильнѣе, а въ сѣверныхъ слабѣе, и даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе и менѣе, смотря по сложенію тѣла, здоровью, степени воспріимчивости, времени года и множеству другихъ обстоятельствъ. Когда они достаточно наэлектризованы, поставьте ихъ лицемъ одного къ другому; пусть они взглянуть другъ на друга: лишь только лучъ зрѣнія приведетъ въ сообщеніе ихъ электричества, съ той минуты они влюблены, они полетятъ другъ къ другу, какъ два

облака, и будетъ громъ, молнія, ударъ и дождь. Тутъ и чорта не надобно. Вотъ почему я никогда не любилъ этой части: она слишкомъ механическая! Вы не влюблялись въ малолѣтную дѣвочку, потому-что она еще недостаточно наэлектризирована тѣмъ чуднымъ веществомъ, которое я выжалъ для васъ изъ воздуха въ моемъ колпакѣ. Вы отвращались отъ бабы, потому-что въ эпохѣ старости человѣкъ разряжается и терлетъ почти всю свою электромагнитность. Мѣсяцъ любви для всей природы тотъ самый, въ который наиболѣе этого вещества въ воздухѣ. Мой пріятель Аддисонъ сказывалъ мнѣ, что очень милая и скромная леди признавалась ему, что она берется быть равнодушною къ своему мужу круглый годъ, кромѣ мая мѣсяца, въ которомъ она не отвѣчаетъ....

Бубантесъ вдругъ остановился. Мы проходили тогда мимо оконъ залы. Онъ подбѣжалъ къ окну, какъ-будто примѣтилъ на улицѣ что-то необыкновенное; посмотрѣлъ, и снова воротился къ намъ, заложивъ назадъ руки.

— Такъ-то, сударь мой! сказалъ онъ. Теперь вы будете въ состояніи растолковать всему кладбищу, что̀ такое любовь. Когда бы вы умѣли добывать это вещество изъ воздуха и знали еще способъ хорошо соединять его съ тѣломъ, вамъ самимъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, не трудно было бы.... заставить Монъ-Бланъ.... влюбиться до безумія въ Этну....

Онъ бросился къ другому окну, на которое его безпокойные глаза были уже устремлены при

послѣднихъ словахъ, и началъ пристально всматриваться въ улицу.

— Господа! сказалъ онъ, отскочивъ отъ окна: подождите меня здѣсь, я сейчасъ буду назадъ. Мнѣ надобно сказать нѣсколько словъ одному человѣку... Иванъ Ивановичъ, не уходите.—Не выпускай его, Чурка! сказалъ онъ тихо, перегибаясь къ моему уху, и исчезъ.

Внезапное его удаленіе немножно насъ удивило, но мнѣ было извѣстно, что у него всегда пропасть дѣлъ, и я старался успокоить моего гостя увѣреніемъ, что нашъ собесѣдникъ скоро къ намъ воротится. Я спрашивалъ моего покойника, какъ онъ находитъ этого чорта. Отвѣтъ не могъ быть сомнителенъ. Иванъ Ивановичъ былъ отъ него въ восхищеніи, и признался, что онъ никогда не думалъ, чтобы черти были такіе любезные въ обществѣ; что на томъ свѣтѣ есть много людей, которые не стоятъ его хвоста. Одно, что̀ ему не слишкомъ нравилось въ Бубантесѣ, были длинные и острые когти: онъ полагалъ, что они не совсѣмъ безопасны для его пріятелей и для книгъ, которыя онъ читаетъ, и должны мѣшать ему при сочиненіи статей, особенно критическихъ; я объяснилъ, что онъ тогда надѣваетъ шелковыя перчатки.

Но надобно сказать, что̀ было причиною отлучки Бубантеса. Проходя съ нами мимо оконъ, онъ взглянулъ мелькомъ на улицу, и увидѣлъ, что по тротуару, противъ нашего дома, какой-то мертвецъ идетъ съ кладбища въ городъ. Видъ этого скелета поразилъ его своей необычайностью: онъ пу-

тешествовалъ на одной ногѣ и въ рукѣ несъ свою нижнюю челюсть. Чортъ мигомъ догадался, что это должна быть Акулина Викентьевна, сосѣдка нашего покойника, которой онъ оторвалъ ногу и челюсть. Всегда готовый къ проказамъ, Бубантесъ побѣжалъ къ ней. Снимая свой колпакъ и кланяясь ей весьма учтиво, онъ остановилъ ее на тротуарѣ, отрекомендовался, и завелъ разговоръ, чтобы узнать куда она идетъ. Акулина Викентьевна призналась ему, что она искала вездѣ своего злодѣя, Ивана Ивановича, и что, не нашедъ его ни на кладбищѣ, ни въ окрестностяхъ, отправилась со скуки въ городъ съ намѣреніемъ ущипнуть бывшую свою горничную, которая спала въ одномъ домѣ недалеко отсюда. Тонкому и вкрадчивому чорту не трудно было убѣдить ее отказаться отъ цѣли этой прогулки: онъ сталъ упрашивать ее, чтобы она завернула къ намъ, увѣряя, что введетъ ее въ очень пріятное общество, и съ адскимъ искусствомъ стараясь провѣдать ея покойныя страсти, которыя несмотря на утвержденія Ивана Ивановича, кажется, не совсѣмъ угасаютъ вмѣстѣ съ жизнію въ этихъ господахъ, смертныхъ. Мой пріятель узналъ, что его старуха при жизни страхъ любила бостонъ. Я думаю, что бостонъ тоже остается въ костяхъ! Онъ обѣщалъ ей составить партію и сдавать всегда десять въ сюрахъ: старуха, которая сперва отговаривалась приличіями, была обезоружена и согласилась на его предложеніе.

Ничего этого не зная, мы спокойно расхаживали съ Иваномъ Ивановичемъ по залѣ и говорили

о домашнихъ дѣлахъ — онъ разспрашивалъ меня о дневныхъ занятіяхъ своей молоденькой вдовы — я блестящими красками живописалъ ему ея добродѣтели — какъ вдругъ дверь отворяется настежь, и являются Бубантесъ съ своимъ изломанныхъ женскимъ скелетомъ, который начинаетъ жеманно намъ кланяться и присѣдать на одной ногѣ почти до самаго пола. Иванъ Ивановичъ тотчасъ узналъ свою сосѣдку, и укрылся за дверью гостиной. Я, ничего не подозрѣвая, старался принять ее какъ-можно вѣжливѣе, но Бубантесъ подбѣжалъ ко мнѣ и шепнулъ: «Чурка! зажигай свѣчи, лампы. Иллюминація! Балъ!... Мой другъ, я даю у тебя вечеръ. Подавай карты!... Да проворнѣе же, любезнѣйшій! Скоро станутъ звонить къ заутрени.» Я, безъ памяти, бросился исполнять его приказаніе, желая угодить старинному пріятелю, хотя и не понималъ его затѣи, и даже, собирая по ящикамъ огарки, украденные лакеями у ключницы, немножко дивился этимъ преисподнимъ манерамъ, которыя позволяли ему распоряжаться въ чужомъ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ болотѣ. Но огарки были налѣплены по всѣмъ окнамъ и карнизамъ, лампы налиты водкою, за неотысканіемъ масла, ломберный столикъ поставленъ, все изготовлено, зажжено и устроено въ одно мгновеніе ока. Комната запылала великолѣпнымъ освѣщеніемъ Я намѣкнулъ Бубантесу, что мы встревожимъ всю улицу; кто-нибудь увидитъ свѣтъ, да и насъ, въ покояхъ: вѣдь это выходитъ видѣніе! — Ничего! отвѣчалъ чортъ: пусть ихъ смотрятъ. Кто теперь вѣритъ въ видѣнія!

Не знаю, какимъ образомъ, но, между-тѣмъ какъ я занятъ былъ приготовленіями, Акулина Викентьевна увидала своего кладбищнаго сосѣда за дверью. Я не берусь описывать шума, который раздался въ залѣ вслѣдъ за открытіемъ: это превосходитъ всѣ риторики *сего* и *того* свѣта.

— Ахъ, ты разбойникъ! закричала наша гостья, съ яростью бросаясь на бѣднаго покойника: такъ ты здѣсь? Научу я тебя вѣжливости! Я тебѣ докажу, голубчикъ, какъ должно обращаться съ дамами....

Мои читатели уже знаютъ, что нижняя челюсть была у ней оторвана, и что она носила ее въ рукѣ. Это, разумѣется, поставляло ее въ невозможность говорить. Чтобы произнести привѣтствіе, которымъ она встрѣтила Ивана Ивановича, она принуждена была взять эту нижнюю челюсть за концы обѣими руками, приставить ее къ верхней и поддерживать у отверзтій ушей. Когда она говорила, или точнѣе, ревѣла, ея челюсти раздвигались такъ широко какъ у крокодила, и смыкались такъ быстро какъ ножницы въ рукѣ портнаго, производя при каждомъ словѣ страшное хлопанье костями и стукъ зубовъ однихъ о другіе, сухой, скрежетный, пронзительный. Прибавьте еще, при всякомъ движеніи, трескучій стукъ костей остальной части остава, дряхлаго, разбитаго, несвязаннаго по суставамъ. Ужаснѣе и отвратительнѣе этого я ничего не запомню по нашему сверхъестественному міру.

— Ты мерзавецъ! ты мошенникъ, грубіянъ! вопила она, и вдругъ, отнявъ отъ головы свою

подвижную челюсть, замахнулась бить ею Ивана Ивановича.

Чортъ прыгнулъ съ своего мѣста, и сталъ между ними. Ударъ разразился на рогахъ Бубантеса. Мой покойный гость былъ спасенъ. Надобно признаться, что эти черти—благовоспитаны какъ-нельзя лучше! Я не хочу унижать моихъ соплеменниковъ — но изъ нашихъ домовыхъ никто бъ не догадался этого сдѣлать.

— Сударыня, сказалъ онъ, сладко улыбаясь сердитой старухѣ: не дѣлайте шуму въ этомъ домѣ. Здѣсь спятъ люди. Вы знаете приличія. Иванъ Ивановичъ мой старинный пріятель. Мы съ нимъ были знакомы и дружны еще на томъ свѣтѣ. Вы объяснитесь на кладбищѣ. Вы меня чувствительно обяжете, если отложите свои неудовольствія до другаго времени.......

Говоря это, Бубантесъ нарочно поправлялъ рукою свой галстухъ, сдѣланный изъ какой-то старой газеты. Акулина Викентьевна примѣтила его когти, и тотчасъ стала смирна какъ кошка.

— Я только для васъ это дѣлаю, господинъ Бубантесъ, сказала она, приставляя опять свою челюсть къ головѣ: что удерживаюсь отъ негодованія на этого грубіяна. Представьте, что̀ онъ со мной сдѣлалъ.......

И она пустилась разсказывать всѣ обстоятельства своей ссоры. Бубантесъ посадилъ ихъ на диванѣ, самъ сѣлъ посереди, слушалъ съ вѣжливымъ вниманіемъ ихъ взаимныя огорченія и мирилъ ихъ своими чертовскими шутками. Я между-тѣмъ со-

биралъ въ лакейской старыя, засаленныя карты; трехъ тузовъ не отыскалось: да для мертвецовъ не нужно полной колоды! Когда воротился я въ залу, на диванѣ сидѣли только два скелета; чортъ стряпалъ въ углу что-то въ своемъ колпакѣ; мертвецы все-еще ссорились; онъ переговаривался съ ними по-временамъ отрывистыми фразами и, казалось, былъ очень занятъ своей работой.

— Что̀ ты это сочиняешь, Бубантесъ? спросилъ я тихо.

— Ничего, сказалъ онъ, продолжая свое дѣло: курсъ любви теоретической и практической.

— Практической?

— Да!... Или опытной. Это все равно. Я вамъ изложилъ прежде теорію любви, а вотъ теперь начинаются опыты.

Я подсмотрѣлъ, что̀ онъ очищаетъ отъ воздуха и набиваетъ въ свой колпакъ это красное, летучее пламя, которое, по его словамъ, можно называть электро-магнитностью или какъ угодно. Любопытство мое возрасло до высочайшей степени. Я спрашивалъ, что̀ онъ намѣренъ дѣлать, но проказникъ не отвѣчалъ ни слова, надѣлъ осторожно колпакъ на голову, и спросилъ, гдѣ карты. Я отдалъ ему неполную колоду. Бубантесъ отбросилъ еще всѣ трефы, избралъ четыре карты, и предложилъ ихъ мертвецамъ и мнѣ. Мы сѣли играть. Но я примѣтилъ, что, усаживая кладбищныхъ враговъ по мѣстамъ, онъ вертится около нихъ, заводитъ съ ними пустые разговоры, беретъ ихъ за руки, шепчетъ имъ въ уши, и часто поправляетъ *свой* колпакъ. Знаете ли, что̀ онъ дѣлалъ? Онъ,

въ это время, съ удивительнымъ проворствомъ напускалъ имъ въ кости этого пламени, изъ колпака! Наэлектризировавъ одного мертвеца положительно, а другаго отрицательно, онъ мигнулъ мнѣ коварно, и сѣлъ сдавать карты. Акулина Викентьевна отняла челюсть, помощію которой все это время перебранивалась съ моимъ покойнымъ хозяиномъ, и положила ее при себѣ на столикѣ. Чортъ, по условію, подобралъ ей огромную игру. Она развеселилась. Напрасно было бы означать въ этихъ запискахъ всѣ движенія непостояннаго счастія въ нашемъ незабвенномъ бостонѣ, тѣмъ болѣе, что я никогда не помню конченныхъ игоръ: тутъ было нѣчто любопытнѣе картъ. Акулина Викентьевна объявила восемь въ сюрахъ; Иванъ Ивановичъ, къ крайнему ея изумленію, сказалъ «Вистъ»! И они посмотрѣли другъ на друга: во впадинахъ ихъ глазъ блеснуло то самое прелестное пламя: котораго Бубантесъ налилъ въ ихъ холодныя кости. Чортъ улыбнулся.

Игра началась, но мы съ чортомъ болѣе заняты были наблюденіемъ, чѣмъ картами. Мертвецы стали вздыхать. Акулина Викентьевна страстно посматривала на бывшаго своего злодѣя, который въ самомъ дѣлѣ могъ бы понравиться всякой покойницѣ: онъ былъ, что называется, прекрасный скелетъ — большой—кости толстыя и бѣлыя какъ снѣгъ — ни одного изломаннаго ребра — осанка благородная и привѣтливая. Но я, право, не понимаю, что̀ такое находилъ Иванъ Ивановичъ въ желтомъ, перегнившемъ, изувѣченномъ, одноногомъ оставѣ этой бабы: онъ совершенно забылъ

карты, и глядѣлъ только на нее! Мы съ Бубантесомъ безпрерывно должны были напоминать ему игру, а чортъ позволялъ себѣ даже отпускать колкія эпиграммы на счетъ его разсѣянности, за которыя онъ вовсе не сердился. Но такова, видно, сила этой волшебной электро-магнитности!

Между-тѣмъ какъ я сдавалъ карты, Иванъ Ивановичъ, который давно не сводилъ глазъ съ челюсти своей противницы, рѣшился завести съ нею разговоръ.

— Съ позволенія вашего, сударыня!

Она поклонилась.

Онъ взялъ со стола эту гадкую кость, эту челюсть желтую, грязную и почти безъ зубовъ, и началъ осматривать ее съ любопытствомъ, все болѣе и болѣе придвигая ее къ глазамъ и къ носу. Мы съ Бубантесомъ увидѣли, что онъ неприметно поцѣловалъ ее, и едва не расхохотались.

О электро-магнитность!!... или какъ бишь назвать ее.

Мертвецъ, чтобъ скрыть этотъ проблескъ могильной нѣжности, повернулъ челюсть еще раза два или три, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, и равнодушно положилъ на мѣстѣ. Мертвечиха пріятно ему поклонилась.

Бостонъ продолжался. Въ половинѣ одной игры, Бубантесъ вдругъ сталъ разсказывать анекдоты изъ соблазнительной лѣтописи города, обращаясь преимущественно къ Акулинѣ Викентьевнѣ. Я видѣлъ, что онъ старается завлечь ее въ разговоръ и, если можно, подвинуть на какой-нибудь разсказъ *о прежнихъ* ея пріятельницахъ и знакомыхъ. Онъ

дѣйствительно успѣлъ въ этомъ. Акулина Викентьевна положила карты, взяла свою челюсть и пустилась злословить какъ живая. Иванъ Ивановичъ весь превратился въ слухъ. Чорту только этого и хотѣлось: онъ сообразилъ, что пока онъ будетъ говорить, держа обѣими руками необходимое орудіе своего краснорѣчія, ей нельзя будетъ взять карты со стола, ни думать объ игрѣ. Когда они совершенно занялись другъ другомъ, онъ потихоньку всталъ, мигнулъ мнѣ, чтобы я сдѣлалъ то же, и мы отошли всторону.

— Ну, братъ, сказалъ я ему: ты большой искусникъ!

— Что̀ прикажешь дѣлать, почтеннѣйшій! отвѣчалъ онъ, притворясь бѣднякомъ: наше дѣло чертовское; не наплутуешь, такъ и жить не изъ чего. Начало не дурно. Но ужъ теперь надобно заварить кашу. По-крайней-мѣрѣ совѣсть будетъ чиста, я недаромъ былъ въ этомъ домѣ. Скажи, пожалуй, кто бываетъ у вдовы этого читателя?

— Никто. Она живетъ совершенно затворницей.

— Однакожъ?

— Право, никто; кромѣ прежняго его друга, Аграфова, который живетъ въ этомъ же домѣ, съ другаго подъѣзда.

— Хорошо.

Онъ разспросилъ меня подробно о расположеніи его квартиры и порхнулъ въ каминъ, приказавъ мнѣ сѣсть опять на мѣсто и поддерживать разговоръ мертвецовъ.

Я нашелъ своихъ гостей въ той степени дружескаго расположенія, на которой начинаются уже

сладкія рѣчи и лесть. Акулина Викентьевна разсказывала; Иванъ Ивановичъ часто прерывалъ ее комплиментами, которымъ она мертвецки улыбалась. Они очевидно любили другъ друга, и я долженъ былъ играть при нихъ печальную роль свидѣтеля чужихъ нѣжностей. Но это участь домовыхъ! Въ свою жизнь я довольно наглядѣлся этого по ночамъ.

Черезъ минуту Бубантесъ воротился, но уже не дымовою трубой, а въ дверь, ведущую изъ гостиной въ залу. Онъ подалъ мнѣ знакъ, и мы удалились къ камину.

— Другъ мой, Чурочка, сказалъ онъ съ восторгомъ: будетъ славная исторія! Я наэлектризовалъ Аграфова и твою вдову. Ты не сказалъ мнѣ, что онъ женатъ! Я нашелъ его спящимъ подлѣ почтенной своей супруги. Онъ и она разряжены были совершенно: въ нихъ не было ни одной искры этого летучаго пламени; они видно, давно уже не любятъ другъ друга. Да это всегда такъ бываетъ между супругами! Я порядкомъ надушилъ его электро-магнитностью. Вашей вдовѣ немного нужно было прибавить: она еще крѣпко была заряжена. Теперь, лишь только они повстрѣчаются, огонь вспыхнетъ. Ты наблюдай за ходомъ этого дѣла.

— Вотъ этого-то я не люблю, что ты изъ пустяковъ разоряешь спокойствіе этой бѣдной вдовы, которая хотѣла всегда остаться вѣрною своему покойнику, сказалъ я съ досадою. Эта женщина подъ моимъ покровительствомъ. Я далъ слово Ивану Ивановичу беречь ея добродѣтель.

— Чурка! Чурочка! воскликнулъ чортъ, бросаясь мнѣ на шею. Не сердись, мой Чурка! Я тебя смерть люблю! Я задушу тебя на своемъ сердцѣ. Такъ и быть, дѣло сдѣлано. Увидишь, будемъ смѣяться. Что тебѣ за надобность до этого мертвеца? Посмотри, онъ пришелъ сюда влюбленнымъ въ свою вдову, а уйдетъ безъ ума отъ этой старой кости. Таковы, другъ мой, люди при жизни и по смерти!

— Въ этомъ онъ не виноватъ. Вѣдь ты самъ напроказничалъ?

— Что жъ дѣлать, мой любезный! Люди ничего не смыслятъ безъ чорта. Мы имъ необходимѣе воздуха. Но пора отправить этихъ господъ на кладбище. Неравно вдругъ зазвонятъ въ колокола, такъ мнѣ придется просидѣть весь день въ этой трубѣ. А я сегодня долженъ непремѣнно быть еще въ Парижѣ и въ Лондонѣ: безъ меня тамъ нѣтъ порядка.......

Онъ потащилъ меня къ столику и напомнилъ мертвецамъ, что скоро начнетъ свѣтать. Они торопливо вскочили со стульевъ и простились съ нами.

— Какъ же теперь быть? сказала она ему, останавливаясь у дверей при выходѣ изъ залы. Иванъ Ивановичъ!...... ты, батюшка, меня обидѣлъ; оторвалъ у меня челюсть и ногу.......

— Виноватъ! Простите великодушно!

— То-то и есть, отецъ мой. Челюсть-то я нашла въ одной ямѣ, а ноги нѣтъ какъ нѣтъ. Мнѣ стыдно теперь явиться на кладбище безъ ноги Вполночь, народу тьма высыпало изъ гробовъ, про-

гуливаться по кладбищу, а я, по твоей милости, должна была прятаться: всѣ смѣялись надо мною! Куда ты дѣвалъ мою ногу?

— Найдемъ, матушка, Акулина Викентьевна, вашу прелестную ножку. Вы напрасно изволили погорячиться. Я знаю мѣсто, куда ее бросилъ.

Они ушли. Мы побѣжали къ окну, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ, и увидѣли, что нашъ мертвецъ услужливо подалъ руку своей мертвечихѣ, и что они дружно поплелись во свояси по тротуару, прижимаясь одинъ къ другому. Мы расхохотались. Бубантесъ, съ радости, перекувыркнулся три раза на полу.

Отошедъ шаговъ двѣсти, они еще остановились для сообщенія другъ другу нѣжнаго поцѣлуя — потому-что Акулина Викентьевна должна была при этой операціи держать обѣими руками нижнюю челюсть подъ верхней.

Мы стали хохотать пуще прежняго.

— Жаль, сказалъ чортъ, что ты не просилъ его навѣщать тебя почаще. Любопытно было бы знать ходъ этого кладбищнаго романа.

— Что тутъ любопытнаго! возразилъ я. Лягутъ въ могилу, да и будутъ цѣловаться.

— Нѣтъ, не говори этого! сказалъ онъ. Очень любопытно! Это летучее пламя одарено удивительными, очень разнообразными свойствами. Оно производитъ между прочимъ странный родъ опьяненія. Стоитъ только соединить его съ тѣломъ: тогда оно, само, безъ содѣйствія чорта, произведетъ въ немъ рядъ глупостей и приключеній, которыхъ *напередъ* и предвидѣть невозможно. Знаешь ли,

Чурка: сдѣлай мнѣ эту дружбу....... я чрезвычайно занятъ!...... поди ты, такъ, дня черезъ три, на кладбище, да узнай, что̀ тамъ дѣлается. Я бы тебя не безпокоилъ: о, я самъ пошелъ бы!... да, видишь, мнѣ какъ-то неловко ходить туда. Повѣрь мнѣ, другъ мой, что я не люблю употреблять во зло время моихъ пріятелей....... право, я самъ пошелъ бы; я пойду, если ты хочешь....... ты понимаешь, что это не по лѣности, не по чему-либо другому прочему.......

— А потому, подхватилъ я, смѣясь его увerткамъ, что тамъ много крестовъ. Понимаю!

— Ну да! сказалъ онъ, потупивъ взоры. Съ тобой нечего секретничать. Ты все понимаешь!

Онъ бросился цѣловать меня.

— Прощай, мой Чурка! сказалъ онъ. Прощай, старый дружище! Я бѣгу въ Парижъ, и на дняхъ буду опять къ тебѣ. Ты мнѣ все разскажешь, о мертвецѣ и объ его вдовѣ. Прощай! прощай!......

И онъ исчезъ. Я принялся тушить свѣчи.

Скоро наступилъ день; люди начали вставать. Несмотря на удовольствіе, которое приносили мнѣ воспоминанія о ночи, проведенной такъ весело, какъ давно уже не проводилъ, я былъ безпокоенъ и почти печаленъ. Проказы Бубантеса могли имѣть непріятныя послѣдствія для молодой вдовы, которую я любилъ какъ родную дочь. И, къ несчастію, я не могъ пособить имъ!...... Мнѣ хотѣлось, по-крайней-мѣрѣ, облегчить сердце наблюденіемъ любопытныхъ дѣйствій электро-магнитности, которою онъ зарядилъ мою хозяйку и нашего сосѣда Аграрова — Алексѣя Петровича.

Я пошелъ въ ея комнату. Она еще спала. Я отправился къ Аграфову, который вставалъ рано.

Алексѣй Петровичъ былъ красенъ, глаза у него пылали, изъ зрачковъ били жгучіе свѣтистые лучи, которыми онъ такъ и пронзалъ свою супругу. Онъ ловилъ ее и, поймавъ, осыпалъ страстными поцѣлуями. Онъ клялся, что любитъ, обожаетъ свою жену. Зарядъ ужъ, видно, былъ очень силенъ.

Жена, которая давно выстрѣляла свою любовь и въ которую чортъ не подсыпалъ пороху, имѣла блѣдное лице и глаза безжизненные. Прежде я знавалъ ее розовой и особенно удивлялся блеску ея глазъ. Она зѣвала въ объятіяхъ Алексѣя Петровича, отворачивалась, или равнодушно принимала его ласки.

Онъ бѣсился, называлъ ее холодною, утверждалъ, что она его не любитъ и никогда не любила.

Они побранились.

Проклятый Бубантесъ! онъ-то причиною этого недоразумѣнія. Зачѣмъ было нарушать равновѣсіе супружескихъ чувствованій? Они такъ хорошо жили въ холодномъ климатѣ дружбы и взаимнаго уваженія! Они и не думали о страсти! Упрекъ, которому Татьяна Лаврентьевна подверглась отъ внезапнаго взрыва нѣжности въ Алексѣѣ Петровичѣ, былъ несправедливъ и обиденъ. Она его любила, но любила только мысленно. Прежде любила она его всею душею и всѣмъ тѣломъ. Но когда тѣла утратили, въ туманной атмосферѣ супружества, весь запасъ того чудеснаго летучаго вещества, которое заставляетъ даже два куска холод-

наго желѣза привлекать другъ друга и такъ сильно сплачиваетъ ихъ между собою, тогда одно только воображенiе связывало супруговъ, и они принимали за любовь призракъ любви, носившiйся въ ихъ умѣ. Онъ имѣлъ всѣ формы и весь цвѣтъ дѣйствительности. Эти призраки любви можно назвать супружескими сновидѣнiями, и они обманчивы какъ всѣ сновидѣнiя. Весною, когда воздухъ палитъ тонкимъ и жгучимъ началомъ любви, когда оно проникаетъ всю природу, заставляя птичекъ пѣть оды, львовъ ревѣть въ пустынѣ, почки деревъ и растенiй радостно вскрывать свои сокровища призматическихъ цвѣтовъ и убирать ими свои стебли — весною и Татьяна Лаврентьевна съ Алексѣемъ Петровичемъ бывали довольно хорошо наэлектризированы: и они поютъ, и они цвѣтутъ, становятся розовы и красивы, привлекаютъ и сердечно любятъ другъ друга. Но теперь была осень — все отцвѣло, отпѣло, отревѣло — воздухъ потерялъ свою волшебную силу: съ какой же стати Татьянѣ Лаврентьевнѣ было пылать любовью! Привыкнувъ устремлять къ мужу всѣ свои мысли, сосредоточивать въ немъ всѣ свои надежды, она любила его умомъ — какъ любятъ въ супружествѣ осенью и зимою. Алексѣй Петровичъ, котораго чортъ накатилъ вдругъ положительной любовью или электро-магнитностью, не хотѣлъ понять этого, и у нихъ вышла ужасная ссора, но я, по долгу домоваго, не смѣю пересказывать ея подробно.

Алексѣй Петровичъ былъ такъ сердитъ, что я удралъ отъ нихъ въ спальню своей хозяйки.

Она одѣвалась передъ зеркаломъ, или, точнѣе, стояла въ рубашкѣ, и любовалась своей красотою. Я никогда не видалъ ея столь прелестною. Цвѣтъ ея лица дышалъ необыкновенною свѣжестью; глаза мерцали какъ бриллiянты; она совершенно походила на молодую розу, которая раскрылась ночью и при первыхъ лучахъ солнца лелѣетъ на своихъ нѣжныхъ листочкахъ двѣ крупныя капли росы, въ которыхъ играетъ юный свѣтъ утра, упоеннаго дѣвственнымъ ея запахомъ. Мнѣ казалось, что моя хозяйка тоже издавала весеннiй ароматическiй запахъ. Можетъ-статься, мнѣ только такъ казалось. Но то вѣрно, что она, легши вчера спать торжественно влюбленною въ покойнаго мужа, встала сегодня полною другихъ чувствованiй и объ немъ не думала. Люди смѣются надъ вдовами, которыя обнаруживаютъ неутѣшную печаль по своихъ мужьяхъ, обрекаютъ себя на вѣчный плачъ на ихъ гробницахъ и потомъ вдругъ выходятъ замужъ: я не понимаю, что̀ въ этомъ можетъ быть смѣшнаго! Чѣмъ виноваты вдовы, когда любовь зависитъ отъ воздуха? У людей нѣтъ толку ни на копѣйку. Притомъ же, въ самую безутѣшную вдову чортъ можетъ вдругъ подлить ночью этой летучей жидкости, какъ въ Лизавету Александровну! Вчера она даже не помнила о своей красотѣ; теперь, прямо съ постели, невольно побѣжала къ зеркалу. Теперь она была безпокойна и скучна. Легкiе вздохи вырывались порою изъ ея прекрасной груди, которую она тщательно прикрывала рубашкою отъ любопытства собственныхъ взоровъ. Прежде она этого не дѣлала. Это пробуж-

деніе тревожливой стыдливости должно быть также слѣдствіе свойствъ отрицательной электро-магнитности. Я самъ примѣчалъ, что женщины становятся стыдливѣе весною. Но, возвращаясь къ легкимъ вздохамъ — они очевидно не относились къ Ивану Ивановичу. Они ни къ кому не относились. Скука и томное чувство одиночества, въ которомъ она не признавалась даже передъ собою, производили въ ней это неопредѣленное волненіе. Вскорѣ она занялась своимъ туалетомъ, и нарядилась съ необыкновеннымъ вкусомъ — въ первый разъ со смерти мужа — въ той мысли, что неравно кто заѣдетъ.

— Ахъ, какъ скучно! Еслибъ кто-нибудь заѣхалъ ко мнѣ сегодня!...... сказала она про себя, когда я уходилъ къ себѣ за-печку.

— Лишь бы этотъ кто-нибудь не былъ наэлектризированъ положительно, сказалъ я, тоже про себя. Иначе ты пропала, бѣдняжка!......

Но несчастіе этой доброй женщины было рѣшено.

Алексѣй Петровичъ, поссорившись съ супругою, скучалъ ужасно въ своемъ кабинетѣ, и вспомнилъ что въ томъ же домѣ живетъ милая и прелестная женщина, жена покойнаго его друга. Онъ тотчасъ одѣлся, причесался съ большимъ тщаніемъ, взялъ бѣлыя перчатки — чего никогда не дѣлалъ поутру — и отправился къ ней съ визитомъ, надѣясь разсѣять свое супружеское горе въ ея сообществѣ. Онъ забылъ, что прежде находилъ мою хозяйку очень скучною, за ея сентиментальность къ покойнику, и называлъ «эфезскою матроною»; ле-

тучій огонь подавлялъ въ немъ всякое разсужденіе; онъ теперь помнилъ только о красивомъ личикѣ Лизаветы Александровны.

Какъ скоро онъ вошелъ въ залу, я затрепеталъ за-печкой. Мнѣ казалось, что вижу дракона, который приходитъ пожрать мою розовую вдову. Я проклялъ Бубантеса. Но этотъ плутъ давно уже не боится проклятій.

Любопытство заставило меня прокрасться въ гостиную, чтобъ быть свидѣтелемъ ихъ встрѣчи. Для бо́льшаго удобства наблюденій, я влѣзъ въ печь и смотрѣлъ на нихъ въ полукружье, находящееся въ заслонкѣ.

Лизавета Александровна задрожала всѣмъ тѣломъ, услышавъ издали только голосъ мужчины. Но она скоро опомнилась, подавила свое волненіе, вышла къ гостю совершенно спокойною, и приняла его съ обыкновенною привѣтливостью. Они разговаривали нѣсколько времени, не глядя въ лицо другъ другу. Но вскорѣ, по случаю привѣтствія, которое сдѣлалъ Аграфовъ насчетъ ея наряда, взоры ихъ встрѣтились, и я видѣлъ, какъ тонкіе свѣтистые лучи того же самаго пламени, который намъ показывалъ Бубантесъ, перелетѣли изъ однихъ глазъ въ другіе и слились. Нѣсколько мгновеній явственно видны были двѣ огненныя черты, протянутыя между ихъ противоположными зрачками. Они почувствовали родъ электрическаго удара, который обличился ихъ смущеніемъ. Ни онъ, ни она не выдержали дѣйствія этихъ пронзительныхъ лучей, потупили взоры и покраснѣли. Съ той минуты, они какъ-будто боя-

лись другъ друга, были весьма осторожны въ рѣчахъ, старались быть веселыми, болтать, шутить, но это имъ не удавалось. Они рѣшились взглянуться еще разъ, и, къ обоюдному удивленію, не почувствовали того потрясенія, какъ прежде. Это ихъ ободрило. Они начали болтать и смѣяться. Я ушелъ. Нечего было смотрѣть болѣе. Искры заброшены, и пожаръ въ тѣлахъ былъ неизбѣженъ. Держись, братъ умъ!...... Или лучше, спасайся заранѣе.

Они долго смѣялись въ гостиной, чтò весьма естественно. То самое тайное воздушное пламя, которое въ образѣ молніи раздробляетъ дубъ и превращаетъ дома въ пепелъ; которое въ магнитѣ сцѣпляетъ два куска мертваго минерала, въ живыхъ существахъ связываетъ двое устъ красноkaленымъ поцѣлуемъ—то самое пламя дѣлаетъ человѣка остроумнымъ въ первыя минуты любовнаго опьяненія. Впрочемъ кислотворъ производитъ то же дѣйствіе. Рецептъ для остроумія:—возьми большой стеклянный колоколъ, посади подъ него глупца, и нагони въ воздухъ, заключенный въ колоколѣ, лишнюю пропорцію кислотвора—глупецъ станетъ отпускать удивительныя остроты. Я самъ видѣлъ этотъ опытъ, когда жилъ въ Стокгольмѣ, за печкой у одного химика, и съ-тѣхъ-поръ гнушаюсь всякимъ остроуміемъ. Производство его ничуть не мудренѣе приготовленія газоваго лимонада и искуственной зельтерской воды. Вотъ почему, я ушелъ къ себѣ за-печку, какъ скоро Лизавета Александровна и Алексѣй Петровичъ начали остриться.

Со всѣмъ тѣмъ я не отвергаю, что весьма
ло-бы полезно посадить подъ такой колоколъ
литературу и цѣлый городъ, въ которомъ
много типографій.

Они разстались, восхищенные другъ друго
обѣщавъ видѣться чаще прежняго.

Лиза—такъ буду называть ее, потому-что я о
любилъ мою бѣдную хозяйку—находила, выш
вензель своего покойнаго мужа, что у Агра
глаза прекрасные. Что касается до Аграфов
онъ не скрывалъ отъ себя того факта, что
хозяйка восхитительна съ головы до ножки,
тому, возвратясь домой, наговорилъ своей я
тысячу милыхъ привѣтствій.

Аграфовъ былъ не дуренъ собою, но я ник
не одобрялъ его носа; хорошо воспитанъ и
довольно молодъ. Онъ съ успѣхомъ занимался
кусствами, особенно живописью, и я помню,
него былъ отличный погребъ, изъ котораго я
таскалъ пропасть бутылокъ стараго вина и
ровъ—за что̀, разумѣется, невинно страдал
кеи. Этотъ человѣкъ не вѣрилъ въ домовых
я любилъ его за это, хотя ненавидѣлъ за все
чее—право, не знаю за что̀—такъ!—зато, что
мнѣ не нравился. Но Лиза рѣшительно стал
ходить его очень любезнымъ. Повременамъ,
содрогалась при этой мысли, которую считала
ступною: тогда поспѣшно брала она книгу
тала скоро, чтобы забыть его. Прочитавъ нѣс
ко страницъ, несчастная Лиза была увѣрена
она совершенно къ нему равнодушна.

Я уже предвидѣлъ ужасную борьбу души съ тѣломъ въ этой добродѣтельной женщинѣ. О, еслибъ побѣда осталась на сторонѣ духа!

Аграфовъ, день-ото-дня болѣе влюбленный, окружалъ ее всѣми прельщеніями, и она беззаботно брела въ нихъ, не примѣчая пропасти. Маленькія услуги, тонкія доказательства уваженія, помощь въ дѣлахъ—ничто не было забыто. Сосѣдство скоро превратилось въ дружбу. Аграфовъ убѣдилъ свою жену сблизиться съ вдовою своего пріятеля, и съ нѣкотораго времени они были неразлучны. Эта дружба опечалила меня всего болѣе. Знаю я эти дружбы! Я сиживалъ въ запечкахъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, отъ Римлянъ до Сѣверныхъ-Американцевъ и вездѣ видѣлъ одинаковыя слѣдствія дружбы двухъ женщинъ, которая заводилась по убѣжденію мужа одной изъ нихъ. Таковъ законъ природы.

Лиза прелестно наряжалась и часто впадала въ глубокую задумчивость.

Я сидѣлъ ночью на своемъ любимомъ диванѣ, погруженный въ прискорбныя размышленія о перемѣнѣ, которая въ теченіе десяти или одиннадцати дней произошла въ этомъ домѣ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою Бубантеса. Онъ стоялъ подбоченясь, въ двухъ шагахъ отъ меня, и смѣялся своимъ чертовскимъ смѣхомъ.

— Что это, Чурка? вскричалъ онъ. Ты даже не видѣлъ, какъ я пришелъ сюда! Ты, печаленъ?

— Пропади ты, проказникъ! сказалъ я. Посмотри, что̀ ты надѣлалъ! Ты испортилъ мою добрую

хозяйку. Это проклятое пламя, которое ты при
лилъ въ нее, дѣлаетъ въ ней ужасныя опустоше
нія.

— Да! отвѣчалъ онъ: ихъ кровь—удивительн
горючее вещество.

Я побранилъ Бубантеса за его неумѣстныя шут
ки, но онъ расцѣловалъ меня, засыпалъ увѣренія
ми въ своей дружбѣ, наговорилъ мнѣ столько прі
ятнаго и умнаго, что я не въ силахъ былъ на нег
гнѣваться. Признаюсь, у меня есть слабость к
этому чорту!

Мы усѣлись рядкомъ. Онъ сталъ описывать мн
свои подвиги въ Парижѣ и Лондонѣ, всѣ сво
журнальныя и газетныя плутни, и, если не лгалъ
позволительно было заключить изъ его успѣховъ
что люди—большіе ослы!

— Ну разскажи мнѣ теперь, прибавилъ онъ, чт
тутъ дѣется.

Я разсказалъ. Слушая меня, онъ прыгалъ от
радости, потиралъ руки и приговаривалъ: «Хорош
Очень хорошо! Славно, мой Чурило!» Но, когда
окончилъ, онъ замолкъ, призадумался, и принял
такой печальный видъ, что я, глядя на него, за
плакалъ.

— Что̀ съ тобой, мой другъ? вскричалъ я, умил
но взявъ его за рога и цѣлуя его въ голову, ко
торую орошалъ теплыми слезами. Скажи, милы
Бубашка, что̀ съ тобою? Ты несчастенъ?

— Да! сказалъ онъ, но сказалъ такимъ жалким
голосомъ, что у меня разорвалось сердце. Подума

только самъ: чтожъ изъ этого выйдетъ? Они любятъ другъ друга, и все тутъ. Это можетъ кончиться только самымъ пошлымъ образомъ—какъ въ новомъ французскомъ романѣ—тѣмъ болѣе, что она вдова и свободна. Такъ чтожъ это за исторія? Неужли мы съ тобой трудились для такого ничтожнаго результата?

— Чего жъ ты отъ меня хочешь, мой другъ? спросилъ я. Все для тебя сдѣлаю! Только не печалься.

— Вотъ видишь, Чурка, сказалъ онъ: это дѣло нейдетъ наладъ. Тутъ нужно подбавить сильныхъ ощущеній, великихъ чувствованій, большихъ несчастій: тогда только можно будетъ смѣяться. Надобно во-первыхъ, чтобы какъ-нибудь благородный юноша влюбился въ твою вдову. Я объ этомъ подумаю. Теперь я очень занятъ журналами. А между-тѣмъ не худо было бы возбудить ревность въ женѣ Аграфова. Это необходимо, для занимательности. Скажи мнѣ, что̀ онъ дѣлаетъ? Не пишетъ ли стиховъ къ твоей хозяйкѣ? писемъ?

— Нѣтъ, сказалъ я: онъ, тайно отъ нея и отъ жены, пишетъ ея портретъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ахъ, вотъ это хорошо! воскликнулъ Бубантесъ, вспрыгнувъ отъ восторга. Ты знаешь, гдѣ онъ прячетъ свою работу?

— Знаю. Въ конторкѣ, между бумагами.

— Пойдемъ къ нимъ. Надобно перевести этотъ портретъ въ туалетъ жены.

— Да это не водится!... Оно какъ-то будетъ неестественно.

— Предоставь мнѣ. Я сдѣлаю его естественнымъ. Люди вѣрятъ не такимъ небылицамъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Проклятый Бубантесъ опять соблазнилъ меня!

Мы пошли на половину Аграфовыхъ. Я повелъ Бубантеса въ кабинетъ мужа, показалъ ему конторку и по его приказанію, вытащилъ миньятюру въ замочную скважинку. Онъ положилъ ее на ладонь и началъ всматриваться.

— Похожа! сказалъ онъ. У него есть талантъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ онъ когда-нибудь написалъ мой портретъ.

Онъ взялъ меня объ-руку, и мы отправились изъ кабинета въ спальню. Мы остановились подлѣ кровати Аграфовыхъ; чортъ, по своему обычаю, принялся дѣлать разныя замѣчанія о спящихъ супругахъ; мы болтали и смѣялись минутъ десять; наконецъ онъ вспомнилъ о дѣлѣ, и поворотился къ туалету. Онъ выдвинулъ одинъ ящикъ, только-что хотѣлъ положить портретъ на бумаги, и вдругъ опрокинулся наземь, испустивъ пронзительный стонъ. Я отскочилъ въ испугѣ, и увидѣлъ, что подлѣ насъ стоитъ дюжій, пѣнящійся отъ ярости, чортъ съ огромными золотыми рогами. То былъ Фифи-коко, самъ главноуправляющій супружескими дѣлами! Онъ откуда-то увидалъ Бубантеса въ спальнѣ Аграфовыхъ, влетѣлъ нечаянно, и боднулъ его изъ всей силы въ бокъ рогами, въ то самое время, какъ мой пріятель протягивалъ руку къ ящику.

— Ахъ, ты мерзавецъ! закричалъ Фифи-коко *лежавшему* на землѣ чорту журналистики: что̀ ты

тутъ дѣлаешь? какъ ты смѣешь распоряжаться по моему вѣдомству?

Бубантесъ схватился за бокъ, быстро вскочилъ на ноги, отступилъ къ двери и остановился. Тутъ онъ заложилъ руки назадъ, и, глядя на Фифи-коко съ неподражаемымъ видомъ плутовства, равнодушія и невинности, возразилъ:

— Ты, любезный мой, бодаешься, какъ старый быкъ. Знаешь ли, что это признакъ очень дурнаго воспитанія?

— Молчи, лѣшій! гнѣвно сказалъ Фифи-коко. Я хочу знать, кто тебѣ далъ право искушать людей по моей части, и зачѣмъ вмѣшался ты въ дѣла этихъ почтенныхъ супруговъ?

— Ну чтожъ такое? отвѣчалъ Бубантесъ съ презабавною беззаботливостью. Велика бѣда! Я хотѣлъ сдѣлать повѣсть для журнала. Не хочешь, какъ тебѣ угодно! Для меня все равно.

— Я самъ поведу это дѣло, сказалъ Фифи-коко.

— Изволь, изволь, почтеннѣйшій! у меня есть свои занятія, важнѣе и полезнѣе этихъ мерзостей, отвѣчалъ Бубантесъ, и утащилъ меня изъ спальни.

— Экой мошенникъ! вскричалъ Фифи-коко, подымая портретъ Лизы съ земли. Чуть-чуть не поссорилъ супруговъ изъ-за бездѣлицы!...

Бубантесъ воротился.

— Имѣя честь всегда обращаться съ супругами, сказалъ онъ ему, ты, братъ, выучился ругаться, какъ сапожникъ.

— Смотри ты своихъ журналистовъ, отвѣчалъ ему Фифи-коко: они ругаются хуже супруговъ.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Бубантесъ. Съ 1
нечего толковать. Я бы его отдѣлалъ по-св
да онъ теперь въ милости у сатаны. Этотъ с
изгадитъ все дѣло. А жаль!

Мы вышли на крыльцо. Онъ простился со м
и полетѣлъ прямо во Францію.

....

1835.

==

ПРЕВРАЩЕНІЯ

ГОЛОВЪ ВЪ КНИГИ И КНИГЪ ВЪ ГОЛОВЫ.

—

Пусть люди бы житья другъ другу не давали:
Да ужъ и черти-то людей тревожить стали!

Хемницеръ.

Теперь и я начинаю вѣрить въ ночныя чудеса!

Ночь была самая бурная, самая осенняя. Страшный вѣтеръ съ моря ревѣлъ по длиннымъ улицамъ Петербурга и, казалось, хотѣлъ съ корнемъ вырвать Неву и разметать ее по воздуху. Облака быстро протекали передъ блѣдною луной, которая, сквозь туманную ихъ пелену, являла только видъ свѣтлаго пятна безъ очертанія. По-временамъ крупныя капли дождя съ силою ударяли въ стекла моихъ оконъ. Мы сидѣли вдвоемъ, передъ каминомъ, одинъ молодой поэтъ и я. Изъ уваженія къ хронологіи, безъ которой нѣтъ исторіи, я долженъ прибавить, что это было вчера.

Поэтъ былъ уже великій, но еще безъименный. Онъ еще подписывался тремя звѣздочками; одна-

кожъ читатели, при видѣ этихъ трехъ звѣздочекъ, всякій разъ приходили въ невольный трепетъ: столько всегда, подъ этою таинственной вывѣской, было тьмы, ада, вѣдьмъ, чертей, мертвецовъ, бурь, громовъ, отчаянія, проклятій и угрозъ человѣчеству, которое его не понимало! О, какъ краснорѣчиво ругалъ онъ «общество»! Да какъ огненно описывалъ «дѣву»! Великій поэтъ! Онъ подавалъ о себѣ самыя мрачныя надежды. Мой собесѣдникъ долго не говорилъ ни слова; но я примѣчалъ, что, при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра, онъ приходилъ въ безпокойство. Я приписывалъ это особенному нервическому его расположенію. Вдругъ изъ крыши вырвало часть жолоба, который съ грохотомъ упалъ на мостовую передъ самыми окнами. Поэтъ вскочилъ.

— Пойдемъ гулять! вскричалъ онъ. Пойдемте гулять на набережную!

— Гулять? сказалъ я. Въ бурю, въ двѣнадцатомъ часу ночи?

— Чтò нужды? возразилъ поэтъ. Какъ можно сидѣть дома въ такую погоду!... Развѣ вы не находите никакого удовольствія смотрѣть на эту великолѣпную борьбу стихій? Развѣ вамъ не веселѣе любоваться на волны разъяренной Невы, чѣмъ на эти пестрыя толпы ничтожествъ съ разстроенными желудками, которыя каждый день передъ обѣдомъ разносятъ ихъ церемоніяльно по тротуару Невскаго Проспекта и безсмысленно улыбаются одно другому? Пойдемте. Вы еще не знаете наслажденія гулять въ бурю! Скоро пол-

ночь.... Тѣмъ лучше! По-крайней-мѣрѣ мы не удивимъ людей.

— Вы рѣшительно не любите людей? спросилъ я, смѣясь.

— Я ихъ презираю! отвѣчалъ поэтъ торжественнымъ тономъ.—Видъ ихъ для меня ужасенъ, прибавилъ онъ, надѣвая палевыя перчатки: я ихъ ненавижу, да и не нахожу, чтобы вы съ своей стороны имѣли много поводовъ обожать людей.

— Я всегда очень хорошо уживался съ людьми, возразилъ я хладнокровно.

— Да развѣ еще мало зла сдѣлали вамъ люди?... или по-крайней-мѣрѣ старались сдѣлать?

— Люди? Не говорите этого, мой другъ! Вы, вѣрно, хотѣли сказать «литераторы»: а это большая разница!... Я нахожу, что люди всегда были слишкомъ, слишкомъ благосклонны и добры ко мнѣ.

— Ну такъ, по-крайней-мѣрѣ вы не встрѣтите теперь литераторовъ. Пойдемте!

Не знаю, эта ли причина, или другіе, болѣе краснорѣчивые доводы поэта убѣдили меня согласиться на его странное предложеніе; но дѣло въ томъ, что я, дѣйствительно, по его примѣру, вооружился галошами, надѣлъ плащъ, и мы вышли на Англійскую набережную. Безполезно было бы описывать всѣ мученія подобной прогулки, во время которой одною рукою надобно было держать шляпу на головѣ, а другою безпрестанно закутываться въ плащъ, срываемый съ плечъ вѣтромъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ вдоль набережной, я остановился и рѣшительно объявилъ поэту, что не пойду

противъ вѣтра; что если ему угодно продолжать прогулку, то я предлагаю поворотить къ бульварамъ Адмиралтейства и идти на Невскій проспектъ, гдѣ по-крайней-мѣрѣ строенія заслонятъ насъ нѣсколько отъ бури. Кажется, что великолѣпная борьба стихій скоро надоѣла и самому поэту, потому-что онъ безъ труда согласился съ моимъ мнѣніемъ, давъ мнѣ только замѣтить красоту огромныхъ черныхъ волнъ Невы, которыя въ это время были освѣщены луною, освободившеюся на мгновеніе отъ тучъ. Мы благополучно достигли бульвара. Поэтъ разсказалъ мнѣ здѣсь много прекрасныхъ вещей о лунѣ, которыхъ я, для краткости, не повторяю.

Мы скоро очутились на Невскомъ проспектѣ. Во все время нашего странствованія не встрѣчали мы ни живой души. Улицы были совершенно пустыя, окна домовъ совершенно темныя. Дошедши до Большой Морской, я поворотилъ въ эту улицу, чтобы подъ защитою ея домовъ пробраться до своей квартиры, когда мой товарищъ внезапно былъ пораженъ необыкновеннымъ освѣщеніемъ одного изъ домовъ Невскаго проспекта по-ту-сторону Полицейскаго моста. Онъ остановилъ меня. Дѣйствительно, домъ былъ весь въ огнѣ. Сначала мнѣ казалось, что этотъ яркій свѣтъ разливался изъ оконъ Дворянскаго Собранія, но поэтъ, который превосходно зналъ топографію Невскаго проспекта, скоро убѣдилъ меня, что освѣщенный домъ долженъ лежать гораздо ближе. Всѣ соображенія мѣстности приводили насъ обоихъ къ заключенію, что это былъ тотъ самый домъ, въ которомъ на-

ходятся магазинъ и библіотека Смирдина. Но чтò значитъ такое освѣщеніе послѣ полуночи? Разныя предположенія, одно страннѣе другаго, приходили намъ въ голову и, послѣ тщательнаго разбора, были поочередно отвергаемы какъ неправдоподобныя. Я видѣлъ, что поэту страхъ хотѣлось рѣшить загадку личнымъ удостовѣреніемъ, и самъ предложилъ ему перейти чрезъ Полицейскій мостъ, чтобы посмотрѣть вблизи на предметъ нашихъ ипотезъ.

Съ мосту уже были мы въ состояніи убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что освѣщеніе, которое насъ такъ поражало, въ самомъ дѣлѣ происходило изъ магазина и библіотеки Смирдина. Но удивленіе наше возрасло еще болѣе, когда, пройдя нѣсколько шаговъ, мы примѣтили первыя кареты длиннаго ряда экипажей, уставленныхъ въ три линіи вдоль всего тротуара. Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что въ залахъ Александра Филипповича Смирдина происходитъ чтó-то необычайное—собраніе—быть-можетъ балъ—или по-крайней-мѣрѣ свадьба. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, форма экипажей и упряжи, наружность лошадей, кучеровъ, лакеевъ, болѣе и болѣе приводили меня въ недоумѣніе: это были по большей части старинные рыдваны, кареты и линейки готическаго фасона съ дивными украшеніями, кони непомѣрной величины въ збруяхъ прошедшаго столѣтія, люди тощіе, длинные, блѣдные, въ допотопныхъ ливреяхъ и съ ужасными усами. Я обратилъ вниманіе моего спутника на это странное обстоятельство: онъ посмотрѣлъ, и вздрогнулъ. Уста его дрожали.

— Чего вы перепугались? спросилъ я.

— Ничего! бодро отвѣчалъ поэтъ. — Ничего, такъ, прибавилъ онъ, спустя нѣсколько мгновеній, но уже измѣненнымъ голосомъ, и схватилъ меня подъ руку; я примѣтилъ, что онъ дрожитъ. — Рокъ! рокъ!... продолжалъ онъ именно тѣмъ голосомъ, который въ стихахъ своихъ называлъ «гробовымъ». Пойдемте! Нечего дѣлать.... Пойдемте, это собраніе относится къ одному изъ насъ. Я и забылъ, что обѣщалъ быть въ немъ сегодня!

И говоря это, онъ сильно жалъ мою руку и увлекалъ меня ко входу въ освѣщенный домъ.

— Такъ что̀ же оно значитъ? спросилъ я, нѣсколько встревоженный его отчаяннымъ тономъ.

— Увидите! Увидите! Это любопытно!... очень любопытно!... это поучительно!... Вы узнаете много новаго. Мнѣ обѣщали открыть одну великую тайну....

— Кто обѣщалъ?

— Кто! воскликнулъ онъ печально. Кто!... Тотъ, кому оно какъ-нельзя лучше извѣстно. Тотъ, кто.... Не спрашивайте, ради Бога! Вы его увидите сами.

— Да кто же эти люди? Откуда эти уродливые экипажи?

— Кто эти люди?... Разумѣется, петербургскіе жители. Мало ли въ городѣ старинныхъ экипажей?... Вы видите, что между ними есть и новыя кареты. Посмотрите, какая щегольская коляска! Эй, кучеръ!... чья коляска?

Кучеръ назвалъ одного изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ.

— Видите ли?... и онъ здѣсь! Пойдемъ скорѣе.

Отвѣтъ кучера нѣсколько успокоилъ меня. Любопытство мое возбуждено было въ высочайшей степени, тѣмъ болѣе, что я ничего не слыхалъ о приготовленіяхъ къ этому празднику, и что онъ былъ для меня совершенною нечаянностью. Правда, мѣсто, гдѣ онъ происходилъ, и имя, которое только-что я услышалъ, заставляли думать, что это должно быть литературное собраніе, а въ моей частной философіи есть коренное правило, никогда не купаться въ морѣ между акулами и не бывать въ подобныхъ собраніяхъ — два мѣста, гдѣ, того и гляди, отхватятъ вамъ ногу острыми зубами или кусокъ добраго имени дружескимъ поцѣлуемъ; но на этотъ разъ я готовъ былъ, впервые въ жизни, нарушить мудрое правило, чтобы узнать причину столь многочисленнаго ночнаго конгресса. Мы взошли на подъѣздъ, который былъ ярко освѣщенъ и покрытъ тѣснившимся народомъ. Въ дверяхъ стояли два человѣка: они, казалось, раздавали билеты входящимъ, и одинъ изъ нихъ громко повторялъ: «Пожалуйте, господа; пожалуйте скорѣе; представленіе начинается».

— Представленіе? вскричалъ я. Ктó это значитъ? Какое представленіе?

— Да, да! представленіе! отвѣчалъ поэтъ дрожащимъ голосомъ. Я давно уже получилъ приглашеніе.

— Да кто же здѣсь даетъ представленія послѣ полуночи? спросилъ я довольно громко.

Вопросъ мой, видно, былъ услышанъ однимъ изъ раздававшихъ билеты, потому-что онъ оборотился ко мнѣ и сказалъ съ важностью:

— Синьоръ Маладетти Морто, первый во
никъ и механикъ его величества короля кипр
и іерусалимскаго, будетъ имѣть честь показ
различныя превращенія.... Пожалуйте, господ
жалуйте скорѣе! представленіе начинается!

Говоря это, онъ почти насильно сунулъ
въ руку два билета, и толпа, тѣснившаяся
втолкнула насъ въ двери. Это имя, признатьс
сколько зловѣщее, страшное лицо и хрипл
лосъ раздавателя билетовъ, странныя фигур
торыя насъ окружали въ сѣняхъ и всходи
нами по лѣстницѣ, все это способно было вн
нѣкоторый страхъ и самому храброму. Я сооб
сомнѣнія свои поэту, и не рѣшался идти
Онъ засмѣялся надъ моей трусостью, но ка
то глухимъ, отчаяннымъ смѣхомъ, и опять
щилъ меня по лѣстницѣ. Не скрываюсь, ч
это время любопытство мое совершенно пр
и только ложный стыдъ заставилъ меня п
ваться моему спутнику. Мы достигли вхо
книжный магазинъ. Здѣсь два другіе чел
перемѣнили у насъ билеты и просили идти
У дверей первой залы не было никого: мы
безъ всякихъ обрядовъ; никто не потребова
насъ платы за входъ, и это меня удивило е
лѣе. Зала была освѣщена множествомъ кенк
уставлена во всю длину частыми рядами сту
и по-крайней-мѣрѣ три четверти ихъ заняты
посѣтителями обоего пола. Книги съ прила
были убраны и всѣ шкафы завѣшены крас
занавѣсами. Огромный занавѣсъ такого же
закрывалъ всю глубину залы со стороны

шенной улицы. Передъ нимъ находился длинный столъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ стояли инструменты и ящики. За столомъ важно расхаживалъ человѣкъ въ черномъ фракѣ, и по-временамъ отдавалъ приказанія служителямъ. Изо всего можно было заключить, что это самъ синьоръ Маладетти Морто, первый волшебникъ и механикъ его величества короля кипрскаго и іерусалимскаго. Желая взглянуть ближе на него и на его зрителей, я подошелъ къ первымъ рядамъ стульевъ. Лицо этого человѣка, кромѣ пронзительнаго взора и насмѣшливой улыбки, сросшейся съ его тонкими губами, не представляло ничего примѣчательнаго. Передъ нимъ, на двухъ первыхъ рядахъ стульевъ, сидѣли, въ глубокомъ молчаніи, Александръ Филипповичъ Смирдинъ, очень блѣдный лицомъ, и почти всѣ свѣтила нашей поэзіи и прозы — люди съ геніями столь необъятными, что сознаніе ничтожества моего подлѣ нихъ оттолкнуло меня съ силою электрическаго удара на противоположный конецъ залы, гдѣ я скрылся и пропалъ въ толпѣ. Никогда еще не видалъ я такой массы ума и славы. Великолѣпное зрѣлище! Въ разстройствѣ отъ своего уничиженія, я потерялъ изъ виду поэта, и, смиренно занявъ мѣсто въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ начала представленія. Надобно замѣтить, что между геніями первыхъ рядовъ я видѣлъ множество напудренныхъ париковъ: при бѣгломъ взглядѣ, который успѣлъ я бросить на нихъ, находясь еще въ главномъ концѣ залы, мнѣ показалось, будто эти почтенныя лица не совсѣмъ мнѣ незнакомы, и что

я встрѣчалъ ихъ иногда въ какихъ-то картинкахъ, но краткость времени не дозволяла мнѣ собрать и привесть въ порядокъ своихъ воспоминаній, вокругъ меня не было ни одного знакомаго человѣка, у котораго могъ бы я разспросить, а междутѣмъ и представленіе уже начиналось. Раздался звонъ колокольчика. Все утихло. Человѣкъ въ черномъ фракѣ, расхаживавшій за столомъ, остановился и привѣтствовалъ собраніе тремя поклонами.

«Милостивые государи и государыни! сказалъ онъ: недавно пріѣхавъ въ эту великолѣпную столицу и не имѣя счастія быть вамъ извѣстнымъ, я долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о себѣ. Видя меня въ этомъ магазинѣ, вы, можетъ-быть, полагаете, что я писатель. Нѣтъ, я давно отказался отъ притязаній на авторскую славу: я былъ авторомъ, но теперь я волхвъ и колдунъ. Хотя природа и надѣлила меня всѣми способностями для того, чтобъ быть славнымъ сочинителемъ повѣстей и былей, я однакожъ предпочелъ этому званію другое, болѣе выгодное. Не спорю, что иногда очень пріятно шалить съ веселою, беззаботною сатирой и смотрѣть на движенія своихъ ближнихъ въ свѣтѣ, какъ на игру безконечной комедіи, нарочно для васъ представляемой вашимъ родомъ, и самому смѣяться, и разсказывать про свой смѣхъ тѣмъ, которые сидятъ подлѣ васъ, но пришли въ этотъ огромный театръ безъ очковъ. Но это ремесло имѣетъ разныя свои неудобства. Разскажите дѣло, какъ его видите, какъ оно было или какъ быть могло: одинъ сердится на васъ,

зачѣмъ оно такъ было, другой, зачѣмъ оно такъ можетъ быть; тотъ думаетъ, что вы разсказываете лучше его и бѣсится на васъ за то, что разсказъ вашъ не совсѣмъ глупъ; иной находить сочиненіе ваше глупымъ, и бранитъ васъ за то, что, какъ ему кажется, самъ онъ написалъ бы его гораздо лучше. Путешествуя по разнымъ странамъ міра, я рѣшительно убѣдился, что для людей писать невозможно. И видя передъ собою такое блестящее собраніе авторскихъ геніевъ всѣхъ возможныхъ разборовъ, я дерзаю даже удивляться, какъ вы, милостивые государи, рѣшились на такое скучное, непріятное, безполезное ремесло! Зачѣмъ вамъ быть писателями, когда вы можете прослыть отличнѣйшими шарлатанами? Посмотрите на меня: я шарлатанъ!... и чрезвычайно доволенъ моимъ званіемъ. Прекрасное званіе! веселое званіе! благородное званіе! Сдѣлайтесь и вы, всѣ до единаго, шарлатанами: для васъ это будетъ очень легко— вы уже сочинители; первый шагъ сдѣланъ. Я говорю по опыту. Нарядитесь всѣ фиглярами, паяцами, шутами: какъ вы тогда будете хорошо понимать другъ друга! какъ вамъ будетъ ловко жить съ себѣ подобными! какъ явно будете обманывать другъ друга и всѣхъ на свѣтѣ! Да какъ потомъ будете вы смѣяться!... Главная трудность жизни, повѣрьте, происходитъ единственно оттого, что люди одѣваются не въ свои платья. Если бы каждый изъ васъ нарядился соотвѣтственно своимъ дѣяніямъ или писаніямъ.... Вотъ, для представленія вамъ образчика дѣла, я тотчасъ переодѣнусь въ шутовское платье, и вы меня мигомъ поймете.

Какъ прикажете нарядиться? Геніемъ?... философомъ?... глубокомысленнымъ ученымъ?

Нѣтъ! Все это костюмы слишкомъ старые, слишкомъ обыкновенные, изношенные и запачканные дураками....

Вотъ.... на нынѣшній вечеръ.... и только для васъ..... наряжусь я человѣкомъ ко всему способнымъ. Нарядъ, правда, ужъ слишкомъ пестрый, немножко каррикатурный, но онъ теперь въ большой модѣ, и притомъ самый удобный для производства тѣхъ чудесныхъ явленій, которыя хочу имѣть честь вамъ представить. Дайте мнѣ только время принарядиться, какъ слѣдуетъ: увидите, какіе покажу я вамъ фокусы!... О, вы любите фокусы! Вы сами дѣлаете ихъ превосходно; однакожъ такихъ какъ тѣ, которые я вамъ сегодня представлю, надѣюсь, вы еще не производили и не видали. Вы уже горите нетерпѣніемъ? Изъ глазъ вашихъ брызжетъ любопытство? Вы сомнѣваетесь въ возможности превзойти васъ на этомъ благородномъ поприщѣ?... Погодите. Сейчасъ, сейчасъ!.... Между-тѣмъ, милостивые государи и государыни, извольте занимать мѣстá: представленіе будетъ разнообразно и великолѣпно.

Вотъ мой костюмъ. Дѣлая все основательно, прежде всего — не при васъ будь сказано — я надѣваю панталоны.... парадные, полосатые, разноцвѣтные.... спитые, какъ изволите видѣть, изъ историческихъ атласовъ и статистическихъ таблицъ: теперь, если мнѣ или вамъ понадобятся справки для глубокомысленныхъ соображеній, онѣ всѣ тутъ.... Вотъ на этой ногѣ, годы, мѣсяцы и

числа дѣяній народовъ.... Вотъ, здѣсь, раскрашенныя картины ихъ исторической жизни.. А тамъ точное показаніе рогатаго и безрогаго скота, состоящаго сегодня на-лицо у вышеупомянутыхъ народовъ. Одну ногу сую въ сапогъ, выкроенный изъ романовъ, другую обуваю въ драматическій котурнъ. Жилетъ у меня цвѣта германской философіи съ мелкими умозрительными пуговками. На шеѣ повязываю себѣ большимъ бантомъ промышленость и торговлю. Кафтанъ надѣваю антикварскій. Волосы намазываю технологіей и причесываю подъ изящныя искусства....

Нарядъ, какъ изволите видѣть, отмѣнно идетъ мнѣ къ лицу.... Но, чтобъ предстать передъ васъ полнымъ, ко всему способнымъ шутомъ, надѣваю еще на голову, вмѣсто колпака, химическую реторту, и начинаю говорить съ вами на двѣнадцати языкахъ, которыхъ ни я, ни вы не понимаемъ.

Теперь я готовъ къ вашимъ услугамъ. Милостивые государи и государыни, пожалуйте сюда скорѣе, торопитесь, не зѣвайте. Есть еще десятокъ билетовъ. Цѣна за входъ весьма умѣренная: съ дамъ и мужчинъ не беремъ ни копѣйки, дѣти платятъ половину. Приходите! Право, не будете раскаяваться, что пожертвовали своимъ временемъ. Вы, можетъ-быть, спросите, какъ можемъ мы давать представленія такъ дешево? скажете, что мы должны быть въ убыткѣ? Конечно, съ перваго взгляда, оно такъ бы казалось, но мы отъигрываемся на большомъ числѣ ротозѣевъ, и хотя съ нихъ получается очень мало, ровно нуль, однакожъ множество нулей съ однимъ искуснымъ шарлата-

номъ впереди составляетъ огромную сумму. Этотъ разсчетъ мы, шарлатаны, понимаемъ прекрасно.

Приходите же, пожалуйте: здѣсь показываются невиданныя и неслыханныя штуки, про которыя не снилось ни Месмеру, ни Каліостро, ни даже знаменитому Пинетти, моему покойному дядѣ, шурину, брату, куму и наставнику. Эй, честные господа! Эй, почтенныя, прекрасныя госпожи! живѣе, проворнѣе.... Не скупитесь, берите остальные билеты: вы увидите здѣсь дивы дивныя и чудеса сверхъестественныя. Здѣсь показываютъ не мосекъ, одѣтыхъ историческими лицами, не обезьянъ, наряженныхъ въ бальное платье: представленіе наше новаго и гораздо высшаго рода, приспособленное къ понятіямъ и потребностямъ людей, столь знаменитыхъ и столь образованныхъ какъ вы, милостивые государи и государыни, приведенное въ уровень съ вѣкомъ подобранное къ росту современныхъ идей. Всѣ новыя изобрѣтенія и открытія прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ вѣковъ, были призваны нами для сообщенія ему занимательности и совершенства, достойныхъ такого умнаго и глубокомысленнаго собранія.... потому-что я и мои собратія, шарлатаны всѣхъ родовъ и названій, обожаемъ всякія открытія, лишь бы эти открытія насъ не закрывали.

Спѣшите, господа! спѣшите! Представленіе начинается. Кому еще угодно къ намъ пожаловать?... Еще есть два порожнія мѣста. Никого нѣтъ болѣе?... Разъ два, три! Поднимайте занавѣсъ.

И такъ какъ, милостивые государи и государыни, вы удостоили наше представленіе блистатель-

наго и многочисленнаго присутствія, то я сперва покажу вамъ мой кабинетъ заморскихъ рѣдкостей. Если вамъ случалось прежде посѣщать эту залу, то вы помните, что всѣ эти шкафы, которыми стѣны такъ плотно обставлены, всегда были открыты и наполнены книгами. Въ эту минуту онѣ завѣшены, и заключаютъ въ себѣ мой физіологическій кабинетъ, составленный изъ рѣдкостей, какихъ нѣтъ, не бывало и никогда не будетъ на свѣтѣ. Чтò, если я доложу вамъ, что теперь, на этихъ полкахъ, вмѣсто книгъ стоятъ головы, которыя сочиняютъ книги? Вы уже удивляетесь, слыша, что мой кабинетъ, который тотчасъ откроется взорамъ вашимъ, состоитъ исключительно изъ человѣческихъ головъ всякаго рода, разбора, калибра, вѣсу, объема, вида и достоинства. Но вы удивитесь еще болѣе, когда я почтеннѣйше доведу до вашего свѣденія, что ихъ у меня двѣнадцать тысячъ. Вы скажете: неправда! быть не можетъ! Вы подумаете, что я туманю, и спросите, откуда взялъ я столько головъ! На все есть у меня отвѣтъ ясный и удовлетворительный. Прошу благосклонно выслушать.

Безсмертный мой дядя, шуринъ, братъ, кумъ и наставникъ, Джироламо-Франческо-Джакомо-Антоніо-Бонавентура Пинетти, о которомъ вы сами иногда разсказываете такія чудеса, что не знаешь въ какую упрятать ихъ голову, путешествуя по различнымъ странамъ, землямъ и народамъ, однажды заѣхалъ нечаянно на самый край свѣта. Онъ увидѣлъ себя въ баснословномъ африканскомъ государствѣ, называемомъ между нами, учеными,

Голкондою — гдѣ алмазы растутъ, точно какъ у насъ огурцы — гдѣ за желѣзный гвоздь даютъ топоръ чистаго золота — гдѣ книги пишутся съ одного конца, а понимаются съ другаго. Тамъ царствовалъ тогда мудрый, знаменитый и могущественный султанъ, Шагабагамъ-Балбалыкумъ, славившійся на цѣломъ Востокѣ своимъ правосудіемъ. Однажды, за столомъ, онъ такъ взбѣсился на своего повара, который прислалъ ему пережаренную куропатку, что приказалъ обезглавить его, всю кухню, весь свой дворъ, все свое государство, которое, впрочемъ, было очень невелико. Въ восточныхъ государствахъ эти вещи случаются почти ежедневно. Въ правосудномъ гнѣвѣ своемъ, мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ явился столь неумолимымъ, что когда, по обезглавленіи всего государства, предстали передъ него съ донесеніемъ два его палача, онъ приказалъ, чтобы и они срубили другъ другу головы, что̀ и было исполнено со всею надлежащею строгостью. Будучи на другой день безъ завтрака и безъ подданныхъ — во всей Голкондѣ оставались въ живыхъ только мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ и мой незабвенный учитель, Джироламо-Франческо-Джакомо-Антоніо-Бонавентура Пинетти — онъ наименовалъ послѣдняго своимъ первымъ поваромъ, камердинеромъ, евнухомъ, секретаремъ, казначеемъ, визиремъ, комендантомъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, и единымъ другомъ; и трое сутокъ жили они очень весело. Султанъ царствовалъ въ пустомъ государствѣ со славою, мой наставникъ управлялъ на славу пустымъ

государствомъ; оба они начинали уже прославлять-ся въ Африкѣ, какъ однажды зашелъ у нихъ любопытный разговоръ.

— Мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ! воскликнулъ Пинетти.

— Чтò, мой любезный Пинетти? воскликнулъ султанъ.

— Вы вчера изволили лестно отзываться о моемъ управленіи.

— Я очень доволенъ твоимъ усердіемъ. Моя Голконда явно приходитъ къ цвѣтущее состояніе. Но скажи мнѣ, пожалуй, какъ ты это дѣлаешь?

— Посредствомъ политической экономіи, мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ.

— Политической экономіи? повторилъ мудрый султанъ. Чтò это за чертовщина?

— Это наука, нарочно выдуманная у насъ, на Западѣ, для обогащенія пустыхъ государствъ посредствомъ разныхъ пустяковъ.

— Такъ у насъ есть и такая наука? вскричалъ изумленный султанъ. Аллахъ великъ, мой любезный Пинетти!

— Очень великъ, отвѣчалъ Пинетти. При помощи этой удивительной науки, три великія промышлености, сельское хозяйство, ремесленость и торговля, оказываютъ неимовѣрные успѣхи въ торжественныхъ рѣчахъ и книгахъ, такъ, что въ три дня любой народъ можетъ сдѣлаться необыкновенно богатымъ по теоріи, умирая съ голоду въ практикѣ. Великія истины этой науки, которыя быстро и успѣшно распространяю я въ Голкондѣ....

— Вотъ этимъ я не совсѣмъ доволенъ, мой любезный Пинетти. Я не люблю истинъ, и въ особенности великихъ.

— Мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ! истины этой науки только баснословныя истины; да притомъ такъ-называемыя великія истины вредны тогда только, когда онѣ могутъ закрадываться въ головы; а такъ какъ вы, благоразумною и рѣшительною мѣрой, изволили устранить навсегда это неудобство......

— И то правда! Ну, такъ очень радъ, что великія истины политической экономіи быстро и успѣшно распространяются внѣ головъ. Однакожъ, скажи мнѣ, кто собственно имъ вѣритъ у насъ, если онѣ такъ успѣшно и быстро распространяются?

— Никто, мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ.

— Жалую тебѣ за это почетную шубу! вскричалъ султанъ въ восхищеніи.

— Вообще, все идетъ такъ прекрасно, продолжалъ Пинетти, что наша политическая система найдетъ себѣ подражателей на всемъ Востокѣ, и ваше имя, какъ перваго ея изобрѣтателя, будетъ вѣчно жить въ потомствѣ. О, эта система производитъ сильное, удивительное впечатлѣніе во всей Африкѣ! Вы однимъ ударомъ опрокинули всѣ прежнія политическія теоріи, и открыли новую, удивительно простую и ясную. Одного только недостаетъ въ этой чудесной системѣ: сегодня по утру, я, какъ вашъ верховный визирь, чтобы показать всю энергію моей администраціи, призналъ

необходимымъ, какъ у насъ говорится, frapper quelques grands coups d'état, то есть, для примѣра отколотить кого-нибудь по пятамъ; и...

— Чтожъ? вскричалъ султанъ.

— Не кого колотить, отвѣчалъ мой учитель, скромно потупивъ глаза.

— Досадно! сказалъ мудрый султанъ. За всѣ твои необыкновенные подвиги я отъ души желалъ бы доставить тебѣ это истинно-визирское удовольствіе, тѣмъ болѣе, что и мѣра сама по себѣ спасительна: но какъ же быть теперь? Откуда взять для тебя пять, pour frapper de grands coups d'état, какъ у васъ говорится? Не хочешь ли употребить на это твои собственныя?..... Я самъ готовъ взять палку и для примѣра отвалять тебя на-славу.

— Я счелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ людей,...... отвѣчалъ мой наставникъ въ нѣкоторомъ затрудненіи: но.... но боюсь....

— Чего боишься?

— Того, что эта мѣра можетъ быть непонята, перетолкована неблагонамѣренно..... Скажутъ, что мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ собственноручно изволилъ наказывать своего визиря за разныя несообразности, что дѣла у насъ идутъ дурно, что политическая экономія никуда не годится......

— Правда, правда! вскричалъ султанъ. Ты правъ, Пинетти! Ты удивительно мудрый и дальновидный человѣкъ! Самъ Гарунъ-аль-Рашидъ не имѣлъ такого остроумнаго визиря. Но какъ же быть съ пятами, которыя, какъ я самъ знаю, не-

обходимо нужны тебѣ для успѣшнаго хода нашей восточной администраціи? Было у меня нѣсколько карманниковъ, позорившихъ всю мою голкондскую литературу.... Какъ жаль, что я велѣлъ ихъ обезглавить вмѣстѣ съ прочими! Я бы теперь съ удовольствіемъ предоставилъ ихъ тебѣ, чтобы ты порядкомъ отколотилъ ихъ по пятамъ, для примѣра всей африканской пустыни.

— Карманниковъ?.... Это терминъ голкондскій?

— Ну, да! Голкондскій. Карманниковъ, то есть, изобрѣтателей системы «битья по карманамъ»...... людей, которые, алчнымъ перомъ своимъ, посягали на чужіе карманы и производили настоящій грабежъ. Да правду сказать, они не стоили и палки! Какъ быть, однакожъ?

— Не прикажете ли оживить кого-нибудь изъ Голкондцевъ? Я берусь, если вамъ угодно, извѣстными мнѣ средствами поставить на ноги всѣхъ обезглавленныхъ.

— Я уже вчера думалъ объ этомъ, и былъ увѣренъ, что ты въ состояніи сдѣлать это. Вы, западные, собаку съѣли на всѣ науки. Сколько ты ихъ знаешь?

— Сто-восемьдесятъ.

— Я такъ и полагалъ. Сто-восемьдесятъ наукъ! Знаешь ли, любезный Пинетти, что съ этою пропастью наукъ можно было бы, мнѣ кажется, поставить ихъ на ноги безъ головъ.

— И очень легко!

— Неужели?..... Но какъ же они будутъ жить безъ головъ?

— Нынче у насъ доказано, что голова совсѣмъ

не нужна человѣку, и что онъ можетъ все слышать, видѣть и обонять посредствомъ желудка, который даже въ состояніи узнавать людей сквозь стѣны, читать письма, спрятанныя въ карманѣ, описывать событія, происходящія за тысячу миль, и съ точностью предсказывать будущее, чего головамъ никогда не удавалось сдѣлать удовлетворительно, даже когда онѣ пытались только предсказывать перемѣны погоды съ помощію лучшихъ барометровъ.

— Аллахъ, Аллахъ! вскричалъ изумленный султанъ. Вотъ ужъ этого никакъ я не думалъ, чтобъ желудокъ былъ умнѣе головы! Аллахъ, Аллахъ! Нѣтъ силы ни могущества кромѣ какъ у Аллаха! И, слѣдственно, когда я въ Голкондѣ стану царствовать желудкомъ, оно выйдетъ еще мудрѣе нынѣшняго царствованія моею головою?

— Гораздо мудрѣе, если только это возможно. Ваше царствованіе будетъ тогда магнитическое, ясновидящее.

— Ясновидящее! Ахъ, какъ ты меня обрадовалъ! Знаешь ли, любезный Пинетти, я давно уже..... съ-тѣхъ-поръ какъ въ нашихъ африканскихъ пескахъ распространились ваши западныя умозрѣнія и разные прочіе вздоры... я давно желалъ имѣть хорошенькое царство, составленное изъ людей, преобразованныхъ по новому плану; изъ людей основательныхъ и положительныхъ, которые бы разсуждали и управлялись желудками. Я примѣтилъ, что у меня въ Голкондѣ всѣ глупости выходили изъ головъ; да и на всемъ Востокѣ онѣ происходятъ оттуда же.... не знаю, какъ у васъ на Западѣ?

— У насъ, на Западѣ, глупости происходятъ изъ желудка.

— У насъ, на Востокѣ, желудки, слава Богу отличны, но головы крѣпко поразстроены теоріями.

— У насъ, на Западѣ, головы, слава Богу, отличны, но желудки всѣ вообще ужасно разстроены и алчны, и производятъ страшныя потрясенія, перевороты, революціи.....

— Еслибъ я былъ султаномъ на Западѣ, я бы велѣлъ всѣмъ вамъ отсѣчь желудки.

— Вы такъ мудры, великій султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ!.......

— Такъ ты мнѣ возвратишь ихъ въ цѣлости, только безъ головъ?

— Извольте.

— Я награжу тебя за то по-султански.

— Я увѣренъ въ вашей неисчерпаемой щедрости!

— Дарю тебѣ всѣ головы моихъ Голкондцевъ.

Пинетти, въ знакъ благодарности, упалъ къ ногамъ мудраго и великодушнаго султана Голконды, и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ его туфли.

Мой незабвенный наставникъ, конечно, ожидалъ гораздо значительнѣйшей милости за свою услугу: но чтò прикажете дѣлать съ такимъ своенравнымъ африканскимъ властителемъ! При помощи извѣстныхъ себѣ секретовъ статистики, исторіи, политической экономіи, умозрительной физики и разныхъ другихъ несомнѣнныхъ наукъ, также при могущественномъ пособіи животнаго магнитизма, мой безсмертный учитель въ однѣ сутки надушилъ всѣ эти мертвыя туловища летучими жид-

костями и динамическими теоріями, возбудилъ дѣятельность ихъ желудочныхъ нервныхъ узловъ, открылъ въ ихъ подложечныхъ областяхъ чувства зрѣнія, слуха, обонянія, память, предчувствіе, воображеніе, и прочая, и прочая, и, приведши тѣла въ сообщеніе съ небольшимъ Вольтовымъ столбомъ, поднялъ всѣхъ Голконцевъ на́ ноги. По данному знаку, они встали, и пошли кланяться, интриговать, рѣшать дѣла, писать ученыя книги, читать вздорные романы — какъ-будто ни въ чемъ не бывало! — не примѣчая даже, что ни у одного изъ нихъ нѣтъ головы на плечахъ. Мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ помиралъ со смѣху, смотря на свое магнитическое государство. Съ-тѣхъ-поръ любимая его забава состояла въ томъ, чтобы, лежа на софѣ и куря трубку, двухъ главныхъ своихъ карманниковъ сперва заставить дружески цѣловаться и взаимно превозносить себя похвалами, а потомъ, искусно поссоривъ ихъ между собою, довести до драки въ своемъ присутствіи: и когда одинъ изъ нихъ, вздумавъ дать пощечину другому, замахнется для нанесенія обиднаго удара, и рука его, не встрѣчая лица, опишетъ по пустому воздуху полукружіе надъ шеей противника, тогда-то мудрый султанъ Шагабагамъ-Балбалыкумъ хохочетъ, бывало, до слезъ и потѣшается надъ своимъ ясновидящимъ народомъ! Такъ какъ онъ теперь надѣялся одинъ съ нимъ управиться, то мой незабвенный наставникъ, собравъ всѣ подаренныя себѣ головы, счелъ приличнымъ скорѣе унести оттуда свою собственную. Онъ нагрузилъ ими десять кораблей, но впо-

слѣдствіи оказалось, что девять-десятыхъ изъ нихъ не стоили и гроша, и онъ побросалъ ихъ въ море, оставивъ себѣ двѣнадцать тысячъ головъ, отличнѣйшихъ въ цѣломъ государствѣ, изъ которыхъ и состоитъ великолѣпный кабинетъ физіологическихъ рѣдкостей, находящійся нынче въ моемъ владѣніи.

Теперь, какъ уже вамъ извѣстна исторія моего кабинета, какъ вы уже знаете, что̀ это за головы, и не сомнѣваетесь въ томъ, что это настоящія людскія головы, не телячьи, не бараньи, не сахарныя или капустныя, то я скажу вамъ еще, милостивые государи и государыни, для личнаго вашего свѣденія и соображенія, что онѣ по-сю-пору совершенно какъ живыя и, силою нашего искусства сохранены въ первобытномъ состояніи, безъ малѣйшей порчи, какъ-будто сегодня были сорваны съ плечъ. Онѣ разобраны по родамъ и видамъ, согласно своей прочности, логикѣ и склонностямъ, и расположены систематически въ этихъ закрытыхъ шкафахъ, какъ банки въ аптекѣ, съ приличными надписями на ярлычкахъ, приклеенныхъ къ ихъ носамъ. Каждый шкафъ содержитъ въ себѣ отдѣльный классъ головъ, и снабженъ, какъ вы изволите видѣть, особенною надписью на шести извѣстныхъ и шести неизвѣстныхъ языкахъ, изображающею общее наименованіе класса. Наконецъ, мой наставникъ и я, послѣ долгихъ и томительныхъ опытовъ, съ помощію безчисленныхъ наукъ, и преимущественно умозрѣній, имѣли счастіе изобрѣсти магнитный жезлъ чудесныхъ свойствъ, котораго прикосновеніе мигомъ заставляетъ эти

головы говорить совершенно такъ, какъ говорили онѣ при жизни, когда ѣздили верхомъ на людяхъ.

Смотрите же теперь, милостивые государи и государыни! Вотъ шкафъ № 1. Я не изъ тѣхъ шарлатановъ, которые начинаютъ свои представленія мелкими, обыкновенными фокусами, чтобы утомить вниманіе зрителей для удобнѣйшаго расположенія ихъ къ дальнѣйшимъ производствамъ. Съ перваго слова я открываю шкафъ № 1, и показываю все, что̀ у меня есть лучшаго и достойнѣйшаго любопытства.... Теперь вы убѣдились, что это въ самомъ дѣлѣ головы?... Прошу взглянуть на нихъ поближе: я не боюсь близкаго осмотра; у меня нѣтъ обмана. Все головы—тамъ, гдѣ прежде были книги! Если вы охотники до чтенія, то можете вмѣсто книгъ читать эти головы: онѣ раскладываются и читаются подобно книгамъ, какъ вы въ томъ скоро удостовѣритесь сами. Но взгляните только на ихъ мины: какая осанка! какая важность! сколько благородной гордости! Какъ онѣ свѣжи, румяны, вымыты, завиты, причесаны, напудрены! Какъ настроены на глубокомысленную ноту, величавы, казисты! Да какъ хорошо пахнутъ!... Славныя головы! Рѣдкія головы! Онѣ высоко цѣнились въ Голкондѣ и употреблялись для сужденія о всѣхъ другихъ сортахъ головъ. Такихъ головъ не увидите вы нигдѣ на свѣтѣ! Это головы такъ-называемыя *«пустыя»*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и надпись шкафа на двѣнадцати языкахъ; а если угодно, можно справиться и съ моимъ каталогомъ: я не люблю морочить. Но вотъ лучшее доказательство: беру съ полки наудачу которую-нибудь изъ

нихъ, дую ей въ ухо—пуфъ!—вѣтеръ выходитъ въ другое ухо. Теперь дую въ ноздри—ихъ!—вѣтеръ вылетаетъ въ оба уха. Слѣдственно, совершенно пусты! Тутъ нѣтъ никакого подлога. Можно еще постучать въ нихъ пальцемъ: слышите?—звенятъ какъ стаканы. Совершенно пусты! Теперь беру мой волшебный жезлъ, и, какъ скоро проведу имъ по ихъ устамъ, произнося извѣстныя халдейскія слова, которымъ выучилъ меня незабвенный мой наставникъ, онѣ тотчасъ станутъ разсуждать, какъ разсуждали на шеѣ у Голкондцевъ. Шамбара-мара-фарабамбаламбалыку! почтенныя головы № 1, разсуждайте!... О, видите! всѣ вдругъ раззѣваютъ рты! Слушайте со вниманіемъ».

Головы на полкахъ. А!—Э?—Ммъ!—Э!

Вотъ всѣ опять закрыли уста, ничего не сказавши! Жаль!... Не приписывайте этого, однакожъ, милостивые государи и государыни, недѣйствительности моего магнитическаго жезла: онъ тутъ нисколько не виноватъ, и я не стану васъ обманывать. Хотя это очень дорогія головы, однакожъ, онѣ именно столько умѣли сказать и при жизни. Оно, конечно, не много, но чтò прикажете дѣлать!... Поэтому, онѣ всегда подавали мнѣнія свои письменно. Теперь, прошу почтенное собраніе подойти поближе къ шкафу, и читать ярлыки, прилѣпленные къ носамъ: вы увидите, кому онѣ принадлежали. Прошу, безъ церемоніи!... Постойте: одна изъ нихъ, на верхней полкѣ, хочетъ сказать чтò-то любопытнаго.

Одна изъ головъ. А я согласна съ мнѣніемъ тѣхъ, которыя сказали—Э!

Видите ли, какъ славно разсуждаетъ! Погодите: я сейчасъ сниму ее, и скажу вамъ, чья она. Ахъ, какое несчастіе!... ярлычокъ куда-то отвалился, и я теперь не припомню имени почтеннаго мужа, на чьихъ плечахъ она процвѣтала. Но знаю навѣрное, что она украшала какого-то почтеннаго мужа; въ этомъ шкафу все порядочныя головы, все № 1, которыя то-и-дѣло подавали мнѣнія свои о другихъ головахъ.

А между-тѣмъ, какъ эти господа изволятъ любоваться на сокровища моего перваго шкафа, за который лѣтъ шесть тому назадъ давали мнѣ два милліона наличными въ Бельгіи—тамъ тогда нужно было разсуждать о разныхъ высокихъ предметахъ и былъ большой запросъ на головы—между-тѣмъ я покажу собранію шкафъ № 2, съ надписью—головы-кукушки, съ умомъ, сзерновавшимся въ одно неподвижное понятіе. Вотъ онѣ. Рѣдкія головы! на-видъ онѣ похожи на обыкноныя головы; но отличаются отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что всю жизнь кукаютъ одною какой-нибудь идеей, которая свила себѣ гнѣздо въ ихъ мозгу и, при всякомъ случаѣ, высунувъ сквозь ротъ голову, поетъ всегдашнюю свою пѣсенку. Я бы заставилъ ихъ показать свое искусство, но это не очень любопытно: о чемъ бы вы ни разсуждали съ ними или въ ихъ присутствіи, одна изъ нихъ, регулярно, всякую четверть часа, пропоетъ вамъ: куку, мануфактура!—другая: куку, акупунктура!—иная: куку, Шеллингъ!—эта: куку, Бентамъ, куку!... Вы можете повѣрить мнѣ на слово: тутъ нѣтъ обмана. Вся занимательность

въ томъ, что онѣ здѣсь подобраны всѣ одинаковаго свойства: въ Голкондѣ, гдѣ часы еще не были изобрѣтены, ихъ употребляли вмѣсто стѣнныхъ часовъ, и у мудраго султана Шагабамъ-Балбалыкумъ въ каждомъ углу безчисленныхъ его палатъ стоялъ одинъ Голкондецъ съ такою головой; въ Европѣ, я продаю ихъ довольно выгодно въ разные комитеты и ученыя общества.

Лучше перейдемъ къ слѣдующему шкафу. Шкафъ № 3, «головы всеобщія», иначе называемыя головы-мельницы, съ умомъ о двѣнадцати жерновахъ. Я въ двухъ словахъ изображу вамъ ихъ необыкновенное устройство, но напередъ сниму съ одной изъ нихъ черепъ, и попрошу васъ взглянуть на ихъ умъ. Онъ состоитъ весь изъ зубчатыхъ колесъ, поршней и вертящихся камней. Теперь онъ въ бездѣйствіи, и вы не видите въ немъ ни слѣда мысли; но заговорите только съ этого рода головою: всѣ идеи, какія въ нихъ ни бросите, хоть бы онѣ были тверже алмаза, мигомъ будутъ раздавлены и смолоты. И чѣмъ болѣе станете подсыпать понятій, своихъ или изъ какой-нибудь книги, тѣмъ быстрѣе вертятся въ нихъ жернова, производя страшный стукъ и шумъ мельницы въ полномъ движеніи. Превративъ всѣ предметы, попавшіеся подъ ихъ тяжелые камни, въ крупу, въ муку, которая кругомъ сыплется изъ нихъ на полъ; запыливъ васъ ею съ ногъ до головы, выбросивъ все изъ себя, онѣ опять останавливаются: загляните въ нихъ въ то время, и вы опять не найдете ни одной щепочки мысли или матеріяла къ разсужденію. Ужасныя головы! Онѣ ничего не созда-

ютъ, ничего не въ состояніи создать, но все портять, ломаютъ, уничтожаютъ. Въ Африкѣ, онѣ вторглись въ словесность, подъ предлогомъ безпристрастныхъ критикъ, и переломали всѣ идеи, всѣ таланты, всѣ вдохновенія таланта; ничего благороднаго, ничего прекраснаго не оставили онѣ въ своей отечественной литературѣ; все истерли, превратили въ пыль; когда мой безсмертный учитель туда пріѣхалъ, въ книжныхъ магазинахъ на полкахъ стояли только мѣшечки отрубей, которыя продавались вмѣсто изящнаго. Ужасныя головы!

Но вотъ отдѣленіе, достойное всего вашего вниманія: «головы механическія», иначе головы-ящики, съ умомъ на пружинѣ. Это головы знаменитыхъ хронологовъ, историковъ, лексикографовъ, грамматиковъ, законовѣдцевъ и библіографовъ Голконды. Возьмемъ одну изъ нихъ, напримѣръ эту, съ большимъ краснымъ носомъ, и, для удобнѣйшаго объясненія, снимемъ также съ нея черепъ, примѣчательный своею толщиной. Господа, прошу сюда поближе! Это голова славнаго африканскаго библіографа. Извольте замѣтить, что она внутри имѣетъ видъ шкатулки, со множествомъ перегородокъ и ящиковъ, которые биткомъ набиты заглавіями и форматами книгъ, книжечекъ, брошюръ, уставовъ, уложеній, положеній и учрежденій всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ народовъ. Эти заглавія теперь перемѣшаны и лежатъ въ безпорядкѣ по разнымъ ящикамъ, потому-что въ такомъ же видѣ они всегда лежали въ головѣ и при жизни глубоко-ученаго законовѣдца. Вы, можетъ-статься, думаете, что подобныя головы ни къ чему не го-

дятся?... Вы ошибаетесь: въ нужныхъ случаяхъ съ ними дѣлаютъ чудеса. Такъ, напримѣръ, этотъ глубоко-ученый библіографъ имѣлъ обыкновеніе сверлить пальцемъ въ ухѣ при всякомъ затруднительномъ случаѣ: ему довольно было повернуть палецъ извѣстнымъ образомъ, и эти заглавія и форматы вдругъ приходили въ броженіе, ворочались, шевелились съ шопотомъ какъ раки въ кострюлѣ, перескакивали изъ ящика въ ящикъ, строились въ шеренги, укладывались дивными узорами. Я могу показать вамъ это на опытѣ. Вотъ, кладу палецъ въ ухо этой головѣ, и какъ скоро поверну имъ въ одну сторону—кракъ!—смотрите, всѣ изданія расположились въ головѣ по алфавитному порядку!... Чтòжъ вы скажете о такой головѣ? Теперь поверну пальцемъ въ противную сторону — кракъ!—ну, чтò, видите ли?... тѣ же изданія построились въ хронологическій порядокъ, по годамъ своего выхода въ свѣтъ. Посверлю ей въ ухѣ еще иначе: вотъ хронологическій порядокъ оборачивается вверхъ-дномъ, и всѣ книги ложатся отдѣленіями, по содержанію. Удивительная голова! Однакожъ, обманывать васъ не стану: она способна только къ такимъ фокусамъ: въ дѣло употребить ея никакъ невозможно. Подобнымъ образомъ, и эта плоская, тощая, блѣдная голова голкондскаго грамматика и лексикографа. Позвольте снять съ нея очки и парикъ.... Теперь вскройте ее и посмотрите: она верхомъ насыпана голкондскими словами разной длины, толщины и всѣхъ возможныхъ видовъ, и теперь кажется вамъ четверикомъ, наполненнымъ рубленою соломой; эта солома—весь

запасъ ея свѣдѣній.... Голова умомъ не богатая, но, когда я захочу, она представитъ вамъ чудеса еще удивительнѣе тѣхъ, которыхъ уже были вы свидѣтелями. Пожмите ее подъ правымъ ухомъ!— всѣ слова пришли въ алфавитный порядокъ, и вы имѣете словарь. Потащите за лѣвое ухо! — они жужжатъ, движутся, перепрыгиваютъ и становятся подъ своими корнями. Не угодно ли кому-нибудь покачать ее тихонько въ обѣ стороны?... Вотъ они начинаютъ склоняться: *Сей, сія, сіе; сего, сей; сего.... оный, оная, оное; онаго, оной....* Какой шумъ, гамъ! Вы слишкомъ сильно ее качнули. Теперь не удержишь ея ничѣмъ въ свѣтѣ: бѣда, раскачать грамматическую голову!... Какъ она раздувается! Увидите, что она лопнетъ! Гдѣ буравчикъ? дайте скорѣе буравчикъ!... Надо спасать голову! Вотъ какъ ихъ лечатъ въ Голкондѣ: какъ-можно скорѣе сверлятъ имъ во лбу дирочку.... дирочка готова, и сквозь дирочку сыплются на столъ исключенія и изъятія. Посмотрите, какая куча грамматическихъ неправильностей навалилась изъ нея въ одну минуту! Не открой я имъ отверзтія, онѣ разорвали бы ее въ дребезги, и я лишился бы лучшей въ моемъ собраніи машины для чески языковъ и нарѣчій. Прошу, господа, поосторожнѣе съ моими головами; не шевелите ими такъ сильно: вѣдь это людскія головы!... Но я вамъ покажу голову еще любопытвѣе этой. Вотъ она. Голова тяжелая, плоскодонная, какъ всегда грамматическія головы. Она совсѣмъ похожа на предъидущую, съ тѣмъ только различіемъ, что, кромѣ рубленой соломы, составляющей единственно ея богатство, есть здѣсь

еще разныя презлыя ухищренія механики. Посмотрите въ этотъ уголокъ.... самый темный уголокъ головы, которая, впрочемъ, вся не очень свѣтла. Въ немъ стоитъ чудная машинка.... Это модель машины для битья по карманамъ, потому-что голова эта принадлежала главному изъ голкондскихъ карманниковъ. Въ противоположномъ уголку, какъ вы изволите видѣть, виситъ мѣшечекъ съ ядомъ, выжатымъ изъ злобы и мщенія, для смазки колесъ и пружинъ машины. Жаль, что у васъ, милостивые государи, нѣтъ съ собою ни одного лишняго кармана, а то бы я просилъ васъ одолжить меня имъ и показалъ на опытѣ образъ дѣйствованія этой машинки. Впрочемъ онъ такъ безнравственъ и отвратителенъ, что вы немного потеряете, если его и не увидите. Двѣ другія головы того же сорту, находившіяся въ моемъ собраніи, были, вмѣсто рубленой соломы, набиты такими мерзостями, что, когда мой почтенный наставникъ выбросилъ ихъ въ море, даже акулы гнушались ими и не хотѣли пожрать ихъ.

Открываю шкафъ № 4 — **головы-шифоньерки**, съ заднимъ умомъ, не совсѣмъ пріятнаго вида, немножко похожія на филиновъ, но тѣмъ не менѣе достопримѣчательныя. Приподнявъ крышку, вы видите въ нихъ.... Объ чемъ изволите вы спрашивать? — гдѣ умъ этой головы?... Умъ остался назади, за семь столѣтій отсюда: его никогда нѣтъ дома.... Вы видите въ ней только кучу обломковъ и лоскутковъ; но если вступите въ разговоръ съ нею, она вамъ съ точностью скажетъ, къ чему принадлежалъ такой-то обломокъ, отъ чего отор-

вапъ лоскутокъ, и какое было назначеніе ихъ во время ὸно. Въ Голкондѣ, люди складывали въ эти головы всѣ изношенныя, вышедшія изъ моды или негодныя къ потребленію понятія. Если, копая землю, случайно отрывали старый горшокъ, кусокъ башмака или вилки, то и это прятали туда же. Головы этого рода очень полезны для опрятности общественнаго разума, который безъ нихъ былъ загроможденъ изломанною рухлядью прошедшей образованности или прошедшаго варварства, былъ бы засоренъ черепками давно оставленныхъ прихотей. Я продалъ нѣсколько этихъ шифоньерокъ въ Германіи: къ сожалѣнію, тамъ цѣна на нихъ теперь упала, а здѣсь даже не знаютъ ихъ достоинства; но въ Голкондѣ, гдѣ очень любятъ порядокъ, головы такія были разставлены по всему протяженію общества въ извѣстныхъ дистанціяхъ, какъ у насъ по деревнямъ бочки въ водой, и жители сбрасывали въ нихъ все вещественное и умственное старьё. Благодаря этому заведенію, ни какая человѣческая глупость не терялась въ томъ краю, и казна не издерживала ни копѣйки на археологическіе поиски. Люди, смышленые подобно намъ, вытаскивали изъ нихъ по-тихоньку эти тряпки и, промывъ ихъ, подкрасивъ, продавали тѣмъ же жителямъ за новыя идеи: этотъ порядокъ водится и теперь во многихъ африканскихъ земляхъ, и называется тамъ «безконечнымъ совершенствованіемъ человѣчества». Ахъ, милостивые государи и государыни, сколько дивныхъ вещей, которыми васъ здѣсь морочатъ мои почтенные собратія, шарлатаны, узнали бы вы настоящимъ образомъ, еслибъ рѣши-

лись съѣздить лѣтомъ въ Голконду!... Я открываю вамъ чистосердечно всѣ тайны ремесла, потому-что у меня нѣтъ обмана.

Въ этомъ шкафу, подъ № 5, хранятся головы-собачки, съ передовымъ умомъ, который тоже никогда не бываетъ у себя дома; но онъ не тащится за своей головою въ тысячѣ верстъ назади, какъ предъидущій, а обгоняетъ ее нѣсколькими вѣками — или, по-крайней-мѣрѣ, однимъ столѣтіемъ — и мчится впередъ, не оглядываясь. Страшныя головы! Онѣ совершенно-противоположны тѣмъ, которыя имѣлъ я честь показывать вамъ недавно: всегда въ движеніи, всегда забѣгаютъ впередъ своему вѣку, скачутъ ему на шею и лаютъ, подобно моськамъ, опережающимъ бѣгущихъ лошадей. Онѣ не помнятъ и не знаютъ, ни того что̀ есть, ни того что̀ было; все рвутся впередъ, все силятся поймать зубами за пяту будущность, которая отъ нихъ уходитъ. Вамъ, можетъ-статься, никогда не приводилось замѣтить, — теперь вы видите собственными глазами! — что родятся на свѣтѣ головы съ такимъ умомъ, изъ котораго для настоящаго времени нельзя даже сварить каши: онъ или будетъ годенъ къ употребленію черезъ тысячу лѣтъ, или бы годился десять вѣковъ тому назадъ. «Шифоньерки»—смирныя и полезныя головы, но «собачки» ужасно скучны и несносны. Онѣ безпрерывно лаютъ на настоящій вѣкъ, кусаютъ ноги своего общества, и предсказываютъ ему будущее, обдѣланное по ихъ желаніямъ и понятіямъ. Въ Голкондѣ не знали, что̀ съ ними дѣлать. Наконецъ, мудрый султанъ Шага-

багамъ-Балбалыкумъ, видя, что̀ онѣ напрасно тратятъ время на пророченіе того, что̀ сбудется едва за сто тысячъ лѣтъ, а можетъ-быть и никогда не сбудется, пожелалъ употребить ихъ прорицательный даръ на что̀-нибудь полезное, и велѣлъ имъ предсказывать погоду. Плохо шли ихъ предсказанія въ Голкондѣ. Мудрый султанъ велѣлъ ихъ высѣчь по пятамъ, и съ-тѣхъ-поръ, если случалось, что онъ страдалъ безсонницею, то призывалъ ихъ къ себѣ и заставлялъ разсуждать подъ своею кроватью о будущемъ возрожденіи мужчинъ посредствомъ женщинъ, что̀ всегда усыпляло его черезъ пять минутъ. Вы изволите видѣть два пустыя мѣста въ этомъ шкафу: здѣсь были двѣ головы этого разбору; я продалъ ихъ, почти за безцѣнокъ: одну господину Морфи въ Англіи, а другую профессору Штифелю въ Германіи: они надѣли ихъ себѣ на плеча, и сочиняютъ теперь календари съ означеніемъ на цѣлый годъ впередъ хорошей и дурной погоды.

Вотъ новый классъ головъ. Головы, технически называемыя у насъ балаганами. Позвольте поставить нѣсколько ихъ на этомъ столѣ, и снять съ нихъ крышки для вашего удовольствія, потому-что это чрезвычайно любопытныя головы. Прошу посмотрѣть въ середину. Онѣ пусты внутри; въ этой пустотѣ туго натянута ниточка наподобіе каната въ балаганѣ Лемана; но это не ниточка, а идея... и всегда чужая идея. Въ этой, напримѣръ, головѣ натянута идея — умственное движеніе; во второй — средніе вѣка; въ третьей — время и пространство; въ четвертой — новая драма; въ пятой — промыслъ народовъ, и такъ далѣе. Умовъ теперь не видно,

потому-что они за кулисами; но какъ скоро я подамъ знакъ своимъ жезломъ, они вдругъ выскочатъ, наряженные паяцами, и начнется представленіе. Шамбара-мара-фара!... смотрите въ эту голову! Натянутая въ ней ниточка названа въ моемъ каталогѣ, кажется, германскою философіей. Видите ли этотъ маленькій, блѣдный, худощавый умъ? Видите ли, какъ онъ ловко вскочилъ на свою идею, и какъ проворно пляшетъ по ней, безъ шеста?... Какъ прыгаетъ, ломается, кувыркается?... Какія дѣлаетъ сальто-мортале?... Вотъ онъ беретъ стулъ и столикъ, ставитъ ихъ на этой паутинной ниточкѣ, и будетъ завтракать! Вотъ схватилъ скрипку и пустился плясать въ присядку на канатѣ! Вотъ поскользнулся и свалился на землю—и въ два прыжка опять очутился на своей идеѣ — и танцуетъ по-прежнему! Это голова одного отчаяннаго писателя: когда, бывало, станетъ онъ прыгать по какой-нибудь тоненькой чужой идеѣ, вся Голконда не можетъ налюбоваться на его искусство.

Теперь, господа, пожалуйте въ эту сторону: я представлю вамъ самую богатую часть моего собранія — четыре шкафа головъ, названныхъ въ моемъ каталогѣ горшками, съ умомъ водянистымъ. Онъ жидокъ, прозраченъ и безвкусенъ какъ вода, и стоитъ въ нихъ тихо, пока вы не приведете ихъ въ соприкосновеніе съ теплотою какой-нибудь модной идеи. Я могу показать вамъ небольшой опытъ съ ними: у меня есть для этого полный приборъ, очагъ съ длинною плитой, въ которой подѣланы отверзтія, какъ для кастрюль. Беру изъ шкафовъ двадцать четыре головы-горш-

ки, и ставлю ихъ въ эти отверзтія. Сперва вскрываю черепы, чтобъ вы удостовѣрились, что всѣ онѣ налиты чистымъ умомъ изъ холодной воды, и что тутъ нѣтъ обмана. Потомъ высѣкаю огонь, зажигаю одинъ романъ Вальтера Скотта, и подкладываю его подъ плиту. Прошу обратить вниманіе: по мѣрѣ того, какъ огонь согрѣваетъ, вода болѣе и болѣе шевелится — и вотъ всѣ горшки вдругъ закипѣли историческимъ романомъ! Слышите ли, какъ въ нихъ клокочетъ историческій романъ?... Теперь надо скорѣе закрыть горшки крышками и поставить назадъ въ шкафы: а то будутъ кипѣть, кипѣть, пока весь ихъ умъ не испарится, и въ другой разъ нельзя будетъ употребить ихъ для опытовъ! Это, изволите видѣть, головы голкондскихъ подражателей.

Вотъ еще любопытныя вещи: головы-мортиры, съ умомъ параболическимъ. По нимъ, все дрянь: онѣ знаютъ, какъ все лучше сдѣлать. Но онѣ не такъ глупы, какъ кажутся, и дѣла свои умѣютъ обдѣлывать прекрасно: чтобы казаться глубокомысленнѣе, онѣ порицаютъ и унижаютъ все, что̀ въ нихъ не вмѣщается. Первое ихъ правило—ничему не удивляться. Приведите ихъ подъ Тенерифъ, и онѣ вамъ мигомъ проглотятъ Тенерифъ какъ пилюлю, и спросятъ: «Гдѣ же Тенерифъ? И что̀ находили вы въ немъ высокаго или удивительнаго?» А если имъ не удастся проглотить, то вотъ какъ онѣ дѣйствуютъ. Онѣ никогда не прицѣливаются умомъ прямо въ предметъ, но стрѣляютъ имъ вверхъ, какъ бомбою, и стараются попасть въ цѣль вертикально, описавъ напередъ по

воздуху огромную параболу; само собою разумѣется, что онѣ никогда въ нее не попадаютъ — всегда или заходятъ далѣе, или лопаются съ трескомъ въ половинѣ пути, исчертивъ воздухъ лентами сѣрнаго пламени и наполнивъ его умозрительнымъ дымомъ. Въ Голкондѣ это называется — бросать высшіе взгляды: не знаю, какъ здѣсь?... Но смотрѣть на это очень забавно, особенно въ темную ночь, когда эти головы, ополчившись, осаждаютъ другую голову, которой ума онѣ боятся. Мудрый султанъ Шагабагамъ--Балбалыкумъ чрезвычайно любилъ тѣшиться этимъ зрѣлищемъ: онъ готовъ былъ оставить самый великолѣпный фейерверкъ и ѣхать смотрѣть на бомбардировку высшими взглядами, чтобы хохотать надъ самонадѣянностью этихъ «мортиръ» и надъ ихъ безконечными промахами. Обезглавивъ все свое царство, онъ вовсе не раскаявался въ этомъ ужасномъ поступкѣ, и, когда мой незабвенный наставникъ возвратилъ ему подданныхъ, султанъ всего болѣе радовался тому, что они возвращены ему безъ головъ. Однакожъ, при разставаніи, онъ сказалъ ему со вздохомъ: «Увы! теперь моимъ Голкондцамъ не изъ чего даже бросать высшіе взгляды!... Ну, да они народъ смышленый и, спохватясь, что у нихъ нѣтъ головъ, навѣрное придумаютъ средство стрѣлять высшими взглядами изъ сапога.»

Показывать ли вамъ еще разныя другія рѣдкости моего кабинета, головы, называемыя плавильными печами, съ умомъ бѣлокаленымъ, на который всякое брошенное понятіе мигомъ испаряется въ газъ, и вы видите отъ него только ту-

манъ, мглу, ничто, умозрѣніе; головы насосы, съ умомъ изъ грецкой губки, которою вбираютъ онѣ въ себя всякія чужія мысли: наполнившись ими, онѣ выжимаютъ ихъ въ грязный ушатъ своей прозы, чтобъ опять вбирать другія мысли и сдѣлать изъ нихъ то же употребленіе; головы веретены, которыя безконечно навиваютъ одну и ту же идею; головы шампанскія рюмки, которыя, безъ всякой видимой идеи, быстро пускаютъ со дна искры пьянаго газа и пѣнятся шумнымъ слогомъ; головы лужи, съ студенистымъ умомъ, который безпрерывно трясется, — это называютъ онѣ поголкондски юмористикой,—ни къ чему не способенъ, ничего не производитъ, а только, если чужая репутація ступитъ на̀ него неосторожно, онъ тотчасъ поглощаетъ ее въ свою нечистую бездну или забрызгиваетъ своею грязью; головы мѣшки, которыя, выбросивъ изъ себя мысли, насыпаются фактами; головы волынки, на которыхъ играютъ похвалу только всѣмъ глупостямъ; головы туфли, головы веретѣла, барабаны, термометры, крысы, и прочая, и прочая?..... Я думаю, вы утомились ихъ осмотромъ, и ожидаете отъ меня новыхъ доказательствъ моего искусства. Собираю всѣ мои головы въ корзины и высыпаю ихъ передъ вами на средину залы.

Вы имѣете передъ собою огромную груду головъ разнаго разбора и свойства; груду головъ сваленныхъ, перемѣшанныхъ, перепутанныхъ, опрокинутыхъ, тѣснящихъ, давящихъ одна другую, — точный образъ благоустроеннаго и просвѣщеннаго общества или кучи яицъ. Что̀ изъ нихъ сдѣ-

лать? Къ чему годятся людскія головы?.... Изъ туловища можно сдѣлать важнаго человѣка; изъ головы — ничего!.... Вотъ три большіе колпака: прошу посмотрѣть — въ нихъ ничего нѣтъ! Изъ этой груды беру три головы — три какія-нибудь — для меня все равно: одну напримѣръ изъ «балагановъ», другую изъ «мортиръ», третью изъ «плавильныхъ печей». Каждую изъ нихъ накрываю однимъ колпакомъ. Всѣ вы изволили видѣть, что подъ каждый колпакъ положилъ я по одной головѣ: теперь назначьте сами, подъ которымъ колпакомъ должны эти три головы очутиться: подъ первымъ, подъ вторымъ, или подъ третьимъ?.... Подъ вторымъ? Извольте! Поднимаю второй колпакъ: вотъ всѣ три головы подъ однимъ колпакомъ..... Ахъ, да это не головы! Это—книги!.... Головы превратились въ книги!.... Какое странное явленіе! Такъ изъ людскихъ головъ можно по-крайней-мѣрѣ дѣлать книги? Кому угодно раскрыть эти толстыя, прекрасныя сочиненія, и посмотрѣть ихъ содержаніе? Вы помните, что я взялъ три головы: въ одной изъ нихъ умъ, наряженный паяцомъ, прыгалъ по тоненькой идеѣ, натянутой въ видѣ каната; другая стрѣляла высшими взглядами; третья, съ умомъ бѣлокаленымъ, мигомъ превращала понятія въ паръ, въ туманъ. Поэтому, если я не подмѣнилъ головъ благовременно приготовленными книгами, если я дѣйствительно въ состояніи дѣлать чудныя превращенія, эти три книги должны соединить въ себѣ свойства трехъ умовъ, вынутыхъ мною на-выдержку изъ груды. Милостивые государи!..... позвольте спросить.... нѣтъ ли

здѣсь между вами читателя?.... Никто не откликается?.... Вотъ это досадно! Ктожъ будетъ читать книгу, которую мы состряпали?.... Господа! скажите по совѣсти.... не стыдитесь.... кто изъ васъ читатель? Нѣтъ ни одного?»

— Есть одинъ..... Я читатель.

— Ахъ, какъ вы насъ обрадовали! Великодушный человѣкъ!.... Благосклонный читатель, пожалуйте сюда поближе; благоволите прочитать почтенному собранію заглавіе этого сочиненія.

— *Исторія судебъ человѣческихъ.....*

Исторія судебъ человѣческихъ? Какое замысловатое заглавіе! Эти голкондскія головы какъ-будто нарочно созданы для заглавій!.... Загляните теперь въ содержаніе: вы найдете тамъ и пляску на одной идеѣ, и высшіе взгляды, и туманъ, и разныя разности, о которыхъ и говорить нечего въ такой честной и благородной компаніи. Ну, что̀, есть ли?... Есть! Тѣмъ лучше. Видите, что я не обманываю. Кто хочетъ купить у меня эту «Исторію»? Господа, не угодно ли подписываться на эту любопытную Исторію? Теперь у меня только одинъ экземпляръ; но вы видите, какая здѣсь куча головъ: все это литература!.... я въ минуту сдѣлаю изъ любой головы точно такую же исторію. Прошу подписываться! Кто желаетъ?... Никто?... Такъ надо приняться за другой фокусъ. Прикажите же теперь сами, что̀ долженъ я сдѣлать изъ этой Исторіи. Сударыня, что̀ вамъ угодно, чтобъ я изъ нея сдѣлалъ.

— Романъ.

— Хорошо. А вы, почтенный и добродѣтельный мужъ, что̀ желаете изъ нея сдѣлать?

— Нравоученіе.

— Очень хорошо! А вы, прекрасный юноша?

— Портфель съ деньгами.

Безподобно! Я получилъ отъ васъ три различныя требованія; но всѣхъ ихъ невозможно вдругъ исполнить: одно даже совершенно неудобоисполнимо. Изъ исторіи вы хотите сдѣлать нравоученіе: этого и самъ Великій Албертъ, постигшій всѣ тайны природы, никогда не дѣлывалъ. Видно, что почтенный и добродѣтельный мужъ, который предложилъ мнѣ это требованіе, никогда самъ лично книгами не занимался, а производилъ чтеніе посредствомъ секретарей. Согласитесь, что исторія и нравоученіе двѣ вещи слишкомъ противоположныя, чтобъ одну изъ нихъ можно было превращать въ другую: еслибъ люди дѣйствовали по нравоученію, исторіи не было бъ на свѣтѣ—было бы только нравоученіе; и, обратно, еслибъ они вели себя по исторіи, нравоученіе было бы наукою совершенно излишнею: довольно бъ было поступать по исторіи. Такимъ-образомъ простите меня, почтенный и добродѣтельный мужъ, если я предпочту приказаніе этой дамы: прошу пожаловать мнѣ сочиненіе, которое сдѣлалъ я изъ трехъ голкондскихъ головъ. У кого оно?.... Прошу также посмотрѣть, что у меня нѣтъ ничего въ рукахъ и рукава засучены: беру эти три книги, которыя вы уже видѣли, и какъ скоро на нихъ подую ..... Разъ, два, три!—Пхъ!... Извольте читать, сударыня!

— *Судьбы человѣческія. Романъ въ трехъ частяхъ.*

— Подмѣнилъ заглавіе! Подмѣнилъ заглавіе!

Кто говоритъ, что я подмѣнилъ заглавіе? Какъ вамъ не стыдно, господа, клеветать на меня такъ ужасно! Вы изволили быть свидѣтелями, что у меня ничего не было въ рукахъ. Разумѣется, что самое простое средство сдѣлать изъ исторіи романъ, это перемѣнить заглавіе; но я не такой человѣкъ...... Я не употребляю такихъ грубыхъ обмановъ. Это волшебныя превращенія, искусство дѣлать изъ людскихъ головъ разныя вещи, и вы сами видите, что, съ помощію этого искусства, сочиненіе чрезвычайно улучшилось и усовершенствовалось, потому-что теперь вы читаете его съ любопытствомъ, тогда какъ за исторію не хотѣли мнѣ дать ни копѣйки...... Прошу, однакожъ, отдать мнѣ мой романъ: я хочу показать его прекрасному юношѣ..... Прекрасный юноша, вы отъ меня чего-то требовали: извольте взять въ свои руки этотъ романъ и держать его крѣпко, а когда я на него подую...... Разъ, два, три! — Пхъ! — Посмотрите, что̀ у васъ въ рукахъ?

— Ахъ!.... Толстый портфель!... съ ассигнаціями!

Вѣдь вы требовали портфеля съ деньгами! Чему же тутъ удивляетесь? Все это превращенія людскихъ головъ и ума человѣческаго; превращенія странныхъ образовъ мыслей въ исторію, — исторіи въ романъ, — романа въ деньги, — а денегъ..... Пожалуйте мнѣ портфель обратно. Почтенный и добродѣтельный мужъ благоволитъ взять этотъ портфель и положить его себѣ въ карманъ. Берите смѣло; не бойтесь.... ну, такъ! Хорошо! Застегните плотно платье, чтобъ кто-нибудь не вытащилъ у васъ этого клада. Я, между-тѣмъ, мило-

стивые государи и государыни, покажу вамъ новое чудо моего искусства. Видите ли эту груду головъ? Все это головы, принадлежащія моему собранію рѣдкостей: ихъ должно быть двѣнадцать тысячъ безъ трехъ головъ, которыя употребилъ я для вашей потѣхи на выдѣлку разныхъ твореній.... Почтенный и добродѣтельный мужъ, возвратите мнѣ портфель съ деньгами: онъ мнѣ крайне понадобился.

— Съ удовольствіемъ.

Съ удовольствіемъ? Я не думаю! Деньги никогда не возвращаются съ удовольствіемъ, даже чужія. Что жъ вы это мнѣ возвращаете?.... Вѣдь это не портфель, а какая-то книжка? Посмотримъ заглавіе.... *Искусство брать взятки, правоучительная повѣсть.* Прекрасно! Вы кладете въ карманъ деньги, и изъ того же кармана, вмѣсто денегъ, вынимаете и дарите почтеннѣйшей публикѣ нравоучительное слово противъ взятокъ! А, господа! Если вы такъ составляете литературу, то я удивляюсь, какъ еще находите вы читателей! Теперь, для удостовѣренія васъ, что здѣсь не было никакого обмана, я сожигаю эту книжечку, обращаю ее въ золу, подливаю немножко воды, дѣлаю изъ всего этого тѣсто, раздѣляю его на три шарика, беру три стеклянныя трубочки, конецъ каждой изъ нихъ упираю въ одинъ шарикъ, и, соединивъ во рту моемъ три другіе конца, при вашихъ же глазахъ начинаю дуть.... Смотрите, смотрите, какъ мои шарики раздуваются, растутъ, растутъ, растутъ!... Вы думаете, можетъ-быть, что это мыльные пузыри?... Нѣтъ! Погодите, позвольте мнѣ еще немножко подуть.... Узнаёте ли теперь, что это

такое?..., Три человѣческія головы! Извольте разсмотрѣть ихъ со вниманіемъ: вы опять имѣете передъ собою тѣ же самыя три престранныя головы, которыя недавно превратили мы въ исторію судебъ человѣчества, которая превратилась въ романъ, который превратился въ деньги, которыя превратились въ нравоученіе, которое превратилось въ прахъ, который превратился опять въ авторскія головы. Здравствуйте, мои любезныя головы! Наконецъ вы возвратились ко мнѣ изъ своего литературнаго путешествія! Наконецъ я вижу васъ снова, цѣлыми, здоровыми, свѣжими, румяными! Но что̀ проку! Мы изъ васъ выработали-было кучу денегъ, толстый портфель, набитый ассигнаціями: а теперь за васъ же почтевнѣйшая публика не дастъ мнѣ и трехъ рублей, зная внутреннее устройство ваше!..... Идите же, бѣдныя головы мои, опять въ груду; дополните собою число двѣнадцати тысячъ головъ, надъ которыми обѣщалъ я показать послѣдній и самый удивительный примѣръ моего искусства..... Милостивые государи и государыни! Вы видите эту груду головъ? При третьемъ ударѣ по ней моимъ волшебнымъ жезломъ всѣ онѣ исчезнутъ, а вы извольте тотчасъ смотрѣть на эти шкафы....

Сказавъ это, синьоръ Маладетти Морто взялъ жезлъ свой обѣими руками, отвѣсилъ имъ три удара по грудѣ головъ — два первые слегка, а третій изо всей силы — и въ то же самое мгновеніе головы разлетѣлись во всѣ стороны и начали укладываться на полкахъ шкафовъ съ страшнымъ шумомъ и стукомъ. Родъ грома раздался по все-

му зданію. Казалось, будто обрушилась крыша. Всѣ спавшіе въ домѣ выскочили изъ постелей. Александръ Филипповичъ Смирдинъ вбѣжалъ въ залу черезъ боковую дверь, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ. Онъ показался мнѣ ужасно испуганнымъ, и нѣсколько времени стоялъ какъ окаменѣлый, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова. Производитель фокусовъ продолжалъ:

— Гдѣ же мои головы? Ихъ нѣтъ! Головы пропали! Вы видите только шкафы, а въ шкафахъ пòлки, а на пòлкахъ книги. Это книги почтеннаго здѣшняго хозяина, Александра Филипповича Смирдина, котораго имѣемъ честь привѣтствовать здѣсь лично. И теперь, какъ представленіе кончилось, я долженъ объявить почтенному собранію, что головы, которыя вы здѣсь видѣли, были головы не Голкондевъ, а самихъ сочинителей двѣнадцати тысячъ твореній, красующихся на пòлкахъ этого магазина. Мы, силою нашего волшебнаго искусства, сперва превратили книги въ головы, потомъ показали вамъ тайное устройство этихъ головъ, и наконецъ снова повелѣли быть имъ книгами. Теперь, милостивые государи и государыни, наслаждайтесь ими. Желаю вамъ много удовольствія и спокойной ночи.

Во время этого послѣдняго монолога, я подбѣжалъ къ Александру Филипповичу, который все еще въ изумленіи стоялъ у боковыхъ дверей. Я хотѣлъ спросить его о причинѣ его страннаго костюма; но, минуя первые ряды стульевъ, вдругъ увидѣлъ другаго Александра Филипповича, сидящаго на томъ же мѣстѣ, гдѣ я замѣтилъ его еще до начала представленія.

— Чтò это за исторія! вскричалъ я въ остолбенѣніи. Александръ Филипповичъ!... Васъ здѣсь двое?... Посмотрите на вашего двойника!

— Вижу, вижу! отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и повелъ взоромъ по всему собранію. Боже мой, чтò это значитъ? Откуда здѣсь этотъ народъ?... Да вѣдь и вы здѣсь въ двухъ экземплярахъ?

Я оглянулся, и дѣйствительно увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, точный образъ собственной моей персоны, сидящій на стулѣ между зрителями. Я былъ пораженъ ужасомъ и, въ моемъ смущеніи, съ трудомъ разслышалъ только послѣднія слова производителя волшебныхъ представленій, который говорилъ моему спутнику, поэту: — «Ну, милостивый государь! Мы пришли сюда за вами. Вы не забыли обѣщанія вашего на кладбищѣ? Мы сдержали свое слово: вы, по хирографу, написанному нами на бычачьей шкурѣ и собственноручно подписанному вами, воспѣвали мертвецовъ, адъ, вѣдьмъ, мы доставляли вамъ благосклонныхъ читателей и славу, и еще, на придачу, дали великолѣпное представленіе. Вы желали узнать великую тайну литературы. Теперь вы ее знаете. Мы льстимъ себя надеждою, что и вамъ самимъ не захочется, послѣ этого, оставаться здѣсь долѣе. Скоро станутъ звонить къ заутрени: намъ пора домой. Не угодно ли пожаловать съ нами?» И, говоря это, производитель волшебныхъ превращеній схватилъ моего поэта одною рукой за волосы; стекло въ окнѣ лопнуло, и зазвенѣло по полу; фокусникъ, поэтъ и все собраніе, улетѣли въ это отверзтіе. Все это сдѣлалось такъ мгновенно,

что мы едва могли примѣтить, куда они дѣвались. Въ залѣ остались только Александръ Филипповичъ, два его прикащика, прибѣжавшіе подобно ему на стукъ, произведенный возвращеніемъ книгъ въ шкафы, и я.

Безполезно было бы изображать наше изумленіе и пересказывать разговоръ, который вслѣдъ за этимъ начался между нами. Александръ Филипповичъ Смирдинъ увѣрялъ меня, что въ этомъ ночномъ обществѣ онъ ясно видѣлъ почти всѣхъ живыхъ и умершихъ сочинителей и сочинительницъ, которыхъ портреты висятъ у него на стѣнахъ, и что сверхъ-того узналъ тутъ-было множество лучшихъ его покупщиковъ книгъ.

Я примѣтилъ на полу что-то бѣлое. Взявъ свѣчу, мы подошли къ этому мѣсту, и нашли три звѣздочки, безъ-сомнѣнія послѣдній земной слѣдъ великаго безъименнаго поэта...... Я не шучу; Александръ Филипповичъ — свидѣтель.

Сегодня по-утру онъ и его прикащики осторожно разспрашивали у многихъ изъ писателей и покупщиковъ, видѣнныхъ нами въ залѣ во время представленія, о томъ, что̀ они дѣлали и гдѣ были прошедшую ночь? Всѣ божатся, что они были дома и спали.

Рѣшительно чудеса! Впрочемъ, я читалъ что̀-то подобное въ «Черной Женщинѣ».

А между-тѣмъ великій безъименный поэтъ пропалъ безъ вѣсти! Его нигдѣ не отыскали сегодня

1839.

═

ПАДЕНІЕ

ШИРВАНСКАГО ЦАРСТВА *.

I.

Взглянувъ на ничтожные остатки Старой-Шемахи, русскій путешественникъ не догадывается вовсе, что, за два съ половиною столѣтія, это была блестящая столица знаменитыхъ государей и прекраснаго, цвѣтущаго царства. Съ самой глубокой древности, страна, извѣстная теперь подъ названіемъ Ширванской области, славилась своей красотою, плодородіемъ и баснословнымъ богатствомъ. Преданія Грековъ утверждали, что овцы здѣсь одѣты золотою шерстью. Аравитяне, покоривъ Кавказскій край, называли эту часть его «Землею Золотаго Престола». Во всѣ времена Ширванъ представляется Востоку землею розъ, золота и наслажденія, но никогда не былъ такъ славенъ какъ въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, когда въ немъ царствовали потомки храбраго Шейха-Ибрагима Дербендскаго. При

* Главное содержаніе этой повѣсти и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста заимствованы изъ сочиненія Морріера: The Mirza.—*Изд.*

этомъ поколѣніи храбрыхъ и образованныхъ государей, которое обыкновенно зовутъ династіей *ширванъ-шаховъ*, Шемаха была однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ мусульманской Азіи: сотни золоченыхъ куполовъ и изящныхъ минаретовъ, безчисленные дворцы, кіоски, фонтаны, мечети, бани, базары, караван-сераи, сады, украшали столицу Ширванъ-Шаха, Халиль-Падишаха и Шахъ-Роха, около престола которыхъ толпилось множество знаменитыхъ воиновъ, отличныхъ поэтовъ, ученѣйшихъ во всемъ мусульманствѣ богослововъ, астрологовъ, врачей, литераторовъ. Держава этихъ государей распространялась по всему западному берегу Каспійскаго моря, отъ Дербенда до Тегерана, заключая въ своихъ предѣлахъ нынѣшнюю Русскую Арменію, Адербаеджанъ и часть Мазендеранской области. Пышность ихъ двора, говорятъ ширванскіе историки, затмѣвала весь блескъ престола Сефидовъ, которые въ то же время владычествовали въ Персіи, все великолѣпіе Сулеймана-Завоевателя, въ Царѣградѣ, и Дели-Ивана, въ Москвѣ. Гаремъ ширванъ-шаховъ наполненъ былъ первыми красавицами Закавказья; но промышленость, науки и порядокъ составляли любимые предметы ихъ мудрыхъ попеченій и, при Шахъ-Рохъ-Падишахѣ, по словамъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, «во всемъ благословенномъ Ширванѣ не было другихъ птицъ кромѣ соловьевъ и другой травы кромѣ розановъ».

Это блаженство страны, которая горячо придерживалась правовѣрнаго суннитскаго вѣроисповѣданія, не могло не возбудить жадности такого

еретика какъ Шахъ-Тахмаспъ, который, изъ своихъ испаганскихъ дворцовъ, съ завистью смотрѣлъ на безмятежное величіе шемахинскаго падишаха. Царь возрожденной Персіи ополчился на ширванскаго государя и овладѣлъ его роскошными землями. Но храбрый преемникъ Шахъ-Роха, Бурганъ-Эддинъ-Шахъ, вытѣснилъ его изъ предѣловъ ширванской державы, при помощи султана Сулеймана, и, въ 1555 году, послѣ долголѣтнихъ смутъ, она снова успокоилась подъ властью своихъ законныхъ повелителей. Спустя шестнадцать лѣтъ, коварный Тахмаспъ вторично нагрянулъ на нее со всѣми силами Ирана, и, въ этотъ разъ, ему удалось покорить почти все государство. Бурганъ-Эддинъ удержался въ одномъ только Дербендѣ, гдѣ онъ и кончилъ жизнь, оставивъ въ наслѣдство сыну своему Халефъ-Мирзѣ нѣсколько неприступныхъ утесовъ и неровную борьбу съ нечистымъ персидскимъ еретикомъ. Но молодой Халефъ-Мирза-Падишахъ, прекрасный какъ полная луна и умный какъ сатурнъ-планета, былъ въ то же время блистательнѣйшій герой своего времени. Онъ не устрашился Тахмаспа: съ горстью храбрыхъ Дербендцевъ два года мужественно сражался онъ противъ иранскихъ полчищъ и, наконецъ, призвавъ въ помощь себѣ крымскаго хана, знаменитаго Девлетъ-Гирея, исторгъ свою столицу и все ширванское царство изъ рукъ свирѣпаго врага. Порядокъ, изобиліе и счастіе снова водворились въ этомъ раю Азіи. Шемаха снова начала затмѣвать всѣ столицы Востока, который изъ конца въ конецъ прогремѣлъ славою подвиговъ,

мудрости и красоты Халефъ-Падишаха. Соловьи, улетѣвшіе, всѣ до одного, при нашествіи еретиковъ, этихъ отверженныхъ шіитовъ, снова собрались въ Ширванъ; розаны, пять лѣтъ не раскрывавшіе своихъ почекъ, расцвѣли великолѣпнѣе чѣмъ когда-либо, и ширванское царство, еще могущественнѣе прежняго, стало все — радость, пѣснь и благоуханіе. Отъ поднятія, подземными силами, грозныхъ хребтовъ Кавказа за облака, не было на землѣ государства счастливѣе Ширвана, и султана величественнѣе Халефа.

Во время общей борьбы съ Персіянами, Халефъ тѣсно подружился съ храбрымъ союзникомъ своимъ, Девлетъ-Гиреемъ, котораго нашествія на христіанскія земли Европы до небесъ превозносились мусульманами этой части Азіи, и о подвигахъ котораго они съ восторгомъ разсказывали самыя невѣроятныя чудеса. Молва, принятая повсемѣстно за историческій фактъ, утверждала, будто гаремъ крымскаго хана составленъ весь изъ королевенъ Франкистана, женщинъ удивительной красоты, похищенныхъ Девлетъ-Гиреемъ во время его удалыхъ набѣговъ на христіанскія государства, и что на другихъ красавицъ онъ даже не хочетъ смотрѣть ханскимъ окомъ. Эта молва, довѣрчиво повторяемая визирями и придворными прекраснаго ширванъ-шаха, поразила его умъ или его гордость. Онъ глубоко призадумался: наконецъ, приказалъ подать листъ бумаги и чернилицу, написалъ письмо, и, позвавъ къ себѣ младшаго своего брата, Хосревъ-Мирзу, красиваго юношу лѣтъ двадцати, сказалъ ему:

— Свѣтъ глазъ моихъ, Хосревъ! ты храбръ и молодъ, и, по званію своему, долженъ пріобрѣсть себѣ славу воинскими подвигами. У насъ теперь не предвидится никакой войны: государство наше требуетъ отдыху послѣ столь продолжительныхъ бѣдствій; съ нечистымъ Тахмаспомъ мы не желаемъ теперь начинать новой борьбы; Грузія, и другія невѣрныя области, платятъ намъ дань: словомъ, у насъ, покамѣстъ, некуда употребить свое мужество, а благочестивый мусульманинъ долженъ прежде всего отличиться въ лицѣ Аллаха подвигами своими противъ *кяфировъ*, которые отвергаютъ Несомнѣнную Книгу и не умываютъ семи членовъ; долженъ ратовать за торжество вѣры пророка безпогрѣшнаго, и заслужить себѣ въ мусульманствѣ завидный титулъ *гази* и въ будущей жизни вѣчное блаженство. Мы признали за благо отправить тебя къ первому богатырю нашего времени, къ другу и союзнику твоего брата, чтобы ты, подъ его руководствомъ, учился военному искусству и святому дѣлу истреблять невѣрныхъ на всей земной поверхности. Поѣзжай къ Девлетъ-Гирей-Хану, сражайся, учись побѣждать, прославь свое благородное имя во всемъ мусульманствѣ. Можетъ-быть, при этомъ случаѣ, при особенномъ покровительствѣ Господа Истины, посчастливится тебѣ захватить какую-нибудь королевну Франковъ, и ты, *иншаллахъ*, буде угодно Аллаху, послѣ славныхъ трудовъ, будешь наслаждаться ея чудесными прелестями, прежде чѣмъ Всевышній наградитъ тебя на томъ свѣтѣ, за твои благочестивыя дѣянія, безконечнымъ бла-

женствомъ съ семью-стами-семидесятью-семью хуріями, которыя изготовлены для всякаго искоренителя пырея невѣрія. Ступай, моя утроба, Хосревъ!.... Да будетъ покровъ Аллаха надъ твоей юною головой!.... Отдай это письмо другу нашему хану, и возвращайся къ намъ славнымъ и великимъ.

Халефъ обнялъ своего брата, и молодой человѣкъ, воспламененный его рѣчью, тотчасъ занялся приготовленіями къ отъѣзду. Ширванъ-шахъ далъ ему блестящую свиту и богатые подарки для крымскаго хана. Пылкій Хосревъ-Мирза, сгарая нетерпѣніемъ сразиться съ невѣрными и обладать европейскою принцессою, спустя нѣсколько дней отправился въ путь, черезъ оттоманскія владѣнія, въ Синопъ, откуда турецкое судно благополучно перевезло его на берега Крыма. Принятый съ отличною честью при багчисарайскомъ дворѣ, ширванскій принцъ, на другой день послѣ своего прибытія, былъ представленъ хану, объяснилъ ему цѣль своего путешествія, и вручилъ письмо брата, которое Девлетъ-Гирей велѣлъ тотчасъ перевести для себя съ персидскаго языка на турецкій. Этотъ переводъ найденъ лѣтъ десять тому назадъ въ архивѣ багчисарайскаго дворца при бумагахъ, составляющихъ обширную корреспонденцію крымскихъ хановъ съ разными владѣтельными лицами Кавказскаго перешейка, и изъ нихъ-то выписаны всѣ документы, которые, въ этомъ историческомъ разсказѣ, будутъ приведены въ русскихъ переводахъ.

ПИСЬМО ХАЛЕФЪ-ПАДИШАХА КЪ ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЙ-ХАНУ.

(Переводъ съ турецкаго).

«Образецъ всѣхъ исламскихъ царей, сливки чистыя правовѣрныхъ князей, славный отпрыскъ мощнаго древа Чингисхана, Рустемъ великаго Таристана, подпора вѣры Аллаха и его пророка, богатырь безъ страха и безъ порока, избранникъ судьбы и побѣдитель злаго рока, благополучнѣйшій, могущественнѣйшій, свѣтлѣйшій, Девлетъ-Гирей-Ханъ—здравъ буди!

«Послѣ обычнаго представленія, съ нашей стороны, надлежащихъ подарковъ, а именно, нити избраннаго жемчугу чистосердечнѣйшихъ привѣтствій, и коробочки самыхъ отличныхъ яхонтовъ доброжелательства, къ которымъ братъ нашъ, Хосревъ-Мирза, поручаемый Вашему высокому покровительству, присоединитъ отъ нашего имени нѣсколько ничтожныхъ вещицъ изъ нашего скарбу—приступается къ объясненію настоящей цѣли этого дружескаго посланія. Да будетъ вамъ извѣстно, что дружба и привязанность наша къ вамъ упрочена на твердомъ основаніи и не поколеблется до дня преставленія. Великія услуги, оказанныя вами нашему царскому дому, никогда не сотрутся съ зеркала нашей памяти и, буде угодно Аллаху, благодарность наша и союзъ двухъ государствъ прославятся навѣки между народами. Искренній другъ вашъ томится желаніемъ усладить носъ души своей благоуханіемъ вѣчно цвѣтущихъ розъ вашего мудраго ума и неустрашимаго сердца:

но отдаленность мѣста и морскія бездны препятствуютъ ему каждое утро гулять въ этомъ чудесномъ саду всѣхъ доблестей и добродѣтелей, и потому не можетъ быть болѣе вожделѣннаго свѣдѣнія какъ извѣстіе о состояніи здоровья возлюбленнѣйшаго изъ друзей. Какъ намъ на этотъ разъ болѣе нечего писать, и въ виду не имѣется никакого особеннаго дѣла, то молимъ Аллаха о продолженіи вашей жизни до безконечности и дарованіи вамъ безчисленныхъ побѣдъ надъ всѣми врагами и непріятелями.

«Рабъ Божій,

Халефъ-Мирза-Падишахъ.

PS. «Въ нашемъ ничтожномъ гаремѣ есть первыя красавицы всѣхъ здѣшнихъ народовъ, но онѣ далеко не могутъ сравниться съ тѣми земными хуріями, которыя населяютъ свѣтлый рай вашего сокровеннаго блаженства, и которыя, какъ мы слышали, блескомъ своей красоты освѣщаютъ весь Крымъ ночью ярче весенняго солнца. Убѣдительнѣйшая просьба искренняго друга состоитъ въ томъ, нельзя ли, громя невѣрныя земли, похитить и для него, не болѣе какъ одну *кралицу*, одну которую-нибудь изъ дочерей короля Франкистана, и прислать ее сюда, чтобы мы также могли узрѣть чудное сіяніе лицъ этихъ заморскихъ волшебницъ?»

Девлетъ-Гирей, прочитавъ это посланіе, покрутилъ свои длинные усы и призадумался.

— Нашъ другъ, сказалъ потомъ хвастливый Татаринъ Хосревъ-Мирзѣ, желаетъ отъ насъ та-

кой бездѣлицы, что мы, право, не можемъ отказать ему въ просьбѣ, хоть и рѣшились-было, для отдыху, не воевать невѣрныхъ нынѣшнею весною. На мой глазъ и на мою голову! буде угодно Аллаху, мы услужимъ ему такою *кралицей*, что отецъ всѣхъ ширванъ-шаховъ въ гробу вскрикнетъ — *Машаллахъ*!

Турецкое судно, привезшее Хосревъ-Мирзу, должно было возвратиться въ Синопъ съ двумя приближенными беями Халефа, которые сопровождали Хосревъ-Мирзу до Багчисарая. Девлетъ-Гирей послалъ съ ними отвѣтъ своему дорогому союзнику.

ПИСЬМО ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЙ-ХАНА КЪ ХАЛЕФЪ-ПАДИШАХУ.

(Переводъ съ турецкаго).

«Солнце ясное правовѣрія, истребитель ереси и невѣрія, левъ ислама, наслѣдникъ Фергада и Сама, свѣтлый царь ста племенъ, герой вѣковъ и временъ, мудрѣйшій, славнѣйшій, вѣчно побѣдоносный и безконечно возлюбленный другъ, Халефъ-Мирза-Падишахъ—здравъ буди!

«Расточивъ всѣ сокровища молитвъ о вашемъ благоденствіи, и принеся въ даръ, скрѣпляющій дружбу и согласіе, всѣ изумруды комплиментовъ, приступаемъ къ отвѣту. Рѣчь наша такова: драгоцѣнное письмо ваше мы получили и поняли его сладкое, благоуханное содержаніе; слабое здоровье чистосердечнаго друга, благодаря Аллаха, находилось и находится всегда въ самомъ вожделѣнномъ состояніи; и какъ намъ на этотъ разъ больше не-

чего сказать, и въ виду никакого особеннаго дѣла не имѣется, то молимъ Всевышняго о сохраненіи навсегда нашего союза и вашей славы на погибель всѣмъ врагамъ вѣры и на торжество ислама.

«Рабъ Божій,

Девлетъ-Гирей-Ханъ.

«PS. Во Франкистанѣ, не одинъ, а три короля, Ляхъ, Нѣмецъ и Англизъ. О Нѣмцѣ, за дальностью мѣстъ, свѣденій теперь не имѣется. Но Ляхъ извѣстенъ намъ по поводу сосѣдства, а Англизъ— черезъ купцовъ, которые привозятъ сюда сукна и перочинные ножики. Одинъ изъ нихъ живетъ на землѣ, другой на морѣ. На морѣ, царствуетъ нынче дѣва удивительной красоты, по имени Лизабетъ. На землѣ, въ послѣднее время, король Ляховъ умеръ, родъ его прекратился, и осталась только одна сестра, наслѣдница огромнѣйшаго государства въ мірѣ, тоже дѣвушка, и еще прекраснѣе той морской дѣвы. *Иншаллахъ*, буде угодно Аллаху, сдѣлавъ внезапное нападеніе на эти два государства съ безчисленною конницею Татаръ, въ одолженіе возлюбленнѣйшаго друга, мы, при помощи предопредѣленія, похитимъ обѣихъ этихъ королевенъ и не замедлимъ доставить ихъ къ нему, на его царское благоусмотрѣніе».

На слѣдующее же утро, по всему Крыму былъ объявленъ кличъ—собираться всѣмъ богатырямъ татарскимъ въ *акы́нъ*, или набѣгъ, на ляхскую землю, которой красавицы всегда были въ большой модѣ въ багчисарайскихъ гаремахъ. Спустя двѣ недѣли, туча Крымцевъ высыпала съ полу-

острова на Перекопскую степь и понеслась по направленію къ Днѣпру. Переплывъ эту рѣку близъ Чернаго Моря, Татары, никѣмъ не замѣченные, въ нѣсколько дней прошли обширныя ногайскія пустыни и, около нынѣшняго Тульчина, раздѣлились на два отряда: главныя силы, подъ начальствомъ ханскаго дяди, Капланъ-Гирея, удалаго и опытнаго наѣздника, быстро устремились впередъ, къ границѣ Чермной Руси: Хосревъ-Мирза находился въ этой колоннѣ, которая все грабила и жгла налету; остальная часть, предводительствуемая самимъ ханомъ, подвигалась за нею въ разстояніи двухъ переходовъ, подбирая добычу, награбленную первымъ отрядомъ, и посылая летучія партіи вправо и влѣво для нападеній на богатѣйшіе зàмки, лежащіе внѣ главной черты набѣга.

Татары нигдѣ не встрѣчали сопротивленія. Все польское и литовское дворянство было занято интригами по случаю предстоящаго выбора короля на опустѣвшій престолъ Ягеллоновъ. Почти всѣ европейскіе дворы старались возвести своихъ принцевъ на это блестящее мѣсто, сыпали деньгами и обѣщаніями, и заготовляли для себя партіи. Кромѣ иностранныхъ соискателей, многіе изъ туземныхъ магнатовъ, полагаясь на родство съ угасшею династіей, на личную славу, или на свое богатство, предлагали самихъ себя въ кандидаты на королевскій санъ и собирали своихъ приверженцевъ. Крѣпости оставались почти безъ защиты, войска безъ полководцевъ, въ частныхъ зàмкахъ никого изъ мужчинъ не было дома. Гетманы, коменданты, хозяева зàмковъ и ихъ дружины, всѣ по-

скакали въ ближайшіе города, для избранія благопріятствующихъ своимъ партіямъ депутатовъ на сеймъ, который долженъ былъ рѣшить участь королевства и дать ей новаго государя. Никогда еще Татары не попадали въ такую удобную пору для грабительскаго набѣга. Оба отряда безпрепятственно проникали далѣе и далѣе, обременяясь добычею и плѣнными. Никто не дожидался появленія первыхъ передовыхъ наѣздниковъ: бросивъ домы и драгоцѣнности, все въ ужасѣ уходило за Бугъ и за Березину.

Слѣдуя за своимъ торжествующимъ братомъ, ханъ узналъ черезъ жидовъ, которые всегда служили Татарамъ вожатыми и покупали у нихъ похищенныя вещи, что вправо отъ Дубна, въ обширномъ лѣсу, лежитъ на берегу небольшаго озера старый, полуразвалившійся зàмокъ, Олита, принадлежавшій женѣ сѣрадзскаго воеводы пана Альберта Олескаго. По разсказамъ Евреевъ, хозяинъ этого зàмка былъ еще дома, но не имѣлъ при себѣ никакой вооруженной свиты: недавно возвратясь изъ Лондона, онъ привезъ съ собою какого-то Англичанина, который умѣетъ дѣлать золото, и они удалились въ это глухое мѣсто, чтобы превратить весь олитскій песокъ въ драгоцѣнный металлъ. Панъ Олескій, говорили всезнающіе Евреи, хочетъ самъ быть королемъ, но онъ не спѣшитъ на выборы депутатовъ, надѣясь купить ȯптомъ весь избирательный сеймъ изготовленнымъ втайнѣ богатствомъ: работа теперь идетъ у нихъ жарко; они уже надѣлали цѣлыя горы золота, и пани Олеская торопитъ мужа поскорѣе увезти эти со-

кровища въ Варшаву; но панъ-воевода боится, что этого количества не хватитъ на покупку всѣхъ совѣстей, которыя нынче очень вздорожали отъ соперничества между московскимъ, австрійскимъ и французскимъ кандидатами, и потому онъ и Англичанинъ днемъ и ночью трудятся въ подвалахъ олитскаго за́мка. Этой молвы было совершенно достаточно для возбужденія жадности въ татарскомъ повелителѣ. Онъ рѣшился самъ произвесть нападеніе на Олиту.

Своротивъ съ главной дороги, съ тремя или четырьмя сотнями отборныхъ всадниковъ, Девлетъ-Гирей, подъ руководствомъ жидовъ, пробрался болотами и лѣсами и, среди глубокой ночи, нагрянулъ съ крикомъ и визгомъ на̀ безпечную Олиту. Ворота за̀мка въ нѣсколько минутъ были выломаны; но испуганные жители успѣли между-тѣмъ спастись въ лѣсъ противоположнымъ выходомъ. Татары погнались за ними и поймали въ кустарникахъ нѣсколько человѣкъ старыхъ служителей и больныхъ бабъ. Вмѣстѣ съ ними пряталась молодая дѣвушка, выскочившая изъ постели въ ночномъ нарядѣ и безъ обуви: ноги ея были изранены; она уже не могла бѣжать и, при появленіи дикихъ Крымцевъ съ факелами и саблями въ рукахъ, упала въ обморокъ. Одинъ страшный Татаринъ проворно втащилъ ее на свое сѣдло и поскакалъ съ нею обратно въ за̀мокъ; другіе погнали передъ собою захваченныхъ слугъ, и вся эта живая добыча немедленно была представлена хану. Девлетъ-Гирей уже успѣлъ обшарить всѣ строенія, комнаты и дворы: въ подвалахъ дѣйстви-

тельно найдены горны, котлы, кубы, реторты, тигли, множество дивныхъ инструментовъ, пережженные и еще теплые сплавки мѣди и свинцу; въ печахъ еще горѣлъ огонь; изъ кубовъ еще струились какія-то кислыя жидкости: все доказывало, что таинственная работа производилась весьма недавно; но обѣщаннаго Евреями золота нигдѣ не было. Допросы, произведенные плѣннымъ, не обѣщали ничего блистательнаго: по этимъ показаніямъ, панъ-воевода занимался уже четыре мѣсяца выдѣлкою золота съ паномъ Джономъ, Англичаниномъ въ широкой шляпѣ и съ длинною рыжею бородою; во все это время, въ зàмокъ не пускали никого посторонняго, кромѣ мужиковъ, безпрестанно привозившихъ дрова для топки плавильныхъ печей; эти горны горѣли днемъ и ночью, и панъ-воевода сжегъ уже семь десятинъ лѣсу, но панъ Джонъ никакъ не могъ добиться до той степени жару, которая нужна для превращенія свинца и мѣди въ серебро и золото, и утверждалъ, что здѣшній огонь холоденъ. Ханъ не удовольствовался этимъ объясненіемъ. Несчастныхъ слугъ, даже дѣтей, открытыхъ въ зàмкѣ, жадные дикари подвергли страшнымъ мученіямъ: они ихъ кололи саблями, поднимали на веревкахъ, жгли факелами, и никакъ не получили удовлетворительнаго отвѣта. Одна только дѣвушка въ ночномъ нарядѣ, благодаря своей необыкновенной красотѣ, избѣгла этихъ ужасныхъ истязаній. Это была панна Маріанна, восемнадцати-лѣтняя дочь воеводы-алхимика. Ханъ взялъ ее подъ свое покровительство.

Татары, однакожъ, не вѣрили этимъ неблаго-

пріятнымъ результатамъ своихъ допросовъ и пытокъ: они остались въ Олитѣ до утра, чтобы осмотрѣть ее при дневномъ свѣтѣ. Весь слѣдующій день рылись они подъ полами погребовъ, вскопали дворы, объискали ближайшую часть лѣса и берега озера, и ничего не нашли. Ханъ, въ бѣшенствѣ, приказалъ повѣсить, на воротахъ Олиты, четырехъ жидовъ, которые такъ жестоко обманули его, ограбилъ за̀мокъ до̀-чиста, и, взявъ съ собою панну Маріанну, которую Татары посадили на лошадь и привязали къ сѣдлу, ночью выступилъ въ обратный путь на прежнюю дорогу.

Девлетъ-Гирей употребилъ четыре дня на эту неудачную экспедицію. Между-тѣмъ Капланъ-Гирей былъ уже въ окрестностяхъ Бреста-Литовскаго: но здѣсь неожиданно напалъ на него гетманъ Ходкевичъ съ нѣсколькими тысячами наскоро собраннаго войска. Татары были разбиты и разсѣялись въ разныя стороны. Вся ихъ добыча осталась въ рукахъ Поляковъ. Капланъ-Гирей проворно спасся отъ преслѣдующаго побѣдителя; но ширванскій принцъ, Хосревъ-Мирза, непривычный къ тактикѣ этихъ набѣговъ и незнающій мѣстности, былъ мгновенно окруженъ серебряными гусарами и взятъ въ плѣнъ. Девлетъ-Гирей, еще не вышедшій изъ проселочныхъ дорогъ, уже встрѣтилъ Татаръ, бѣгущихъ по-одиначкѣ во всѣхъ направленіяхъ: они одногласно показывали, что Капланъ-Гирей опрометчиво наткнулся на армію многочисленнѣе звѣздъ на небѣ и песку въ морѣ, и что эта страшная рать повсюду ихъ преслѣдуетъ. По обычаю Крымцевъ, ханъ

тотчасъ поворотилъ съ своимъ отрядомъ, съ бывшею при немъ добычею, и съ панною Маріанною, къ Черному Морю, пробираясь въ Подольскія степи безвѣстными тропинками. Несчастная плѣнница изнемогала отъ этой усиленной скачки. Татары привезли ее почти мертвою къ верховью рѣки Балты, условленному сборному мѣсту на случай неудачи похода и разсѣянія полчища. Здѣсь ханъ остановился на пять дней, пока не собрались бѣглецы, спасшіеся отъ пораженія, и этотъ отдыхъ нѣсколько возстановилъ ея истощенныя силы. Отсюда Татары шли уже короткими переходами къ Перекопу. Они воротились въ Крымъ въ августѣ мѣсяцѣ.

Девлетъ-Гирей приказалъ помѣстить прекрасную плѣнницу въ особенномъ отдѣленіи своего гарема, доставлять ей всѣ удобства и обходиться съ нею съ уваженіемъ. Это ласковое обращеніе хищника, веселыя игры и нѣжныя утѣшенія новыхъ подругъ, и особенно надежда на скорый выкупъ, для котораго родители ея, конечно, готовы были пожертвовать всѣми сокровищами міра, возвратили ей жизнь, бодрость и здоровье: панна Маріанна зацвѣла краше всѣхъ розъ багчисарайскихъ, и татарскій ханъ торжественно покручивалъ свои колоссальные усы, глядя на плѣнительное лицо и прелестный станъ дочери Ляха.

Однажды, послѣ обѣда, ханъ, сидя въ кіоскѣ, казался въ необыкновенно-хорошемъ расположеніи духа: стрѣлялъ изъ лука въ проходящихъ жидовъ и христіанъ, далъ щелчка въ носъ своему

визирю, и наконецъ кликнулъ къ себѣ главнаго эвнуха. Очевидно было, что какая-то остроумная мысль возсіяла въ его чингисханородной головѣ.

— Пезевенгъ-Бегъ! сказалъ онъ великому стражу цѣломудренности своихъ супругъ: желаемъ увидѣть твое искусство. Этой дочери Ляха, которую привезли мы изъ набѣга, съ завтрашняго дня имѣете всѣ вы оказывать почести, присвоенныя царскому сану, обращаясь съ нею съ такимъ же благоговѣніемъ какъ съ моей собственною дочерью.

— На мой глазъ и на мою голову! отвѣчалъ жирный кызларъ-ага, кланяясь въ поясъ. Свѣтлая воля вашего ханскаго присутствія будетъ исполнена во всей точности.

— Но это не все, прервалъ ханъ: ты долженъ разсказать по-секрету нѣсколькимъ нашимъ женщинамъ, что изъ ляхской земли, то есть, изъ Ляхистана, получены очень важныя извѣстія, а именно, что отецъ этой дѣвушки единодушно избранъ въ короли; что онъ идетъ на насъ войною съ безчисленною ратью разныхъ невѣрныхъ народовъ, чтобы отбить свою дочь; что ханъ очень встревоженъ этимъ извѣстіемъ и хочетъ отослать ее къ отцу, и такъ далѣе. Это должно быть такъ сказано и такъ сдѣлано, чтобы завтра по-утру всѣ въ гаремѣ, и особенно сама дѣвушка, были совершенно увѣрены, что она королевна. Это не правда; но мнѣ такъ нужно. Понимаешь-ли?

— Чтò я за собака, чтобъ смѣть не понимать такой высокой и свѣтлой рѣчи! воскликнулъ эв-

нухъ. Слава Аллаху, у насъ есть кусокъ ума для пользы службы хана. Будетъ исполнено на-славу.

Эвнухъ удалился. Его подчиненные тотчасъ начали чистить, мыть и убирать коврами небольшой отдѣльный дворецъ, въ которомъ покойная сестра хана, Бюльбюль-Ханымъ, жила до своего замужства: остатки этого красиваго строенія донынѣ видны въ восточномъ углу садовъ гарема. Пезевенгъ-Бегъ отрядилъ пятьдесятъ молодыхъ невольницъ для прислуги, на всѣхъ лѣстницахъ и крыльцахъ разставилъ почетныхъ эвнуховъ, и изъ заслуженныхъ старухъ сформировалъ полный штатъ придворныхъ сановницъ, какъ для настоящей султанши, наименовавъ однѣхъ комнатными дворянками, другихъ постельничными, хранительницами драгоцѣнностей, инспекторшами вареньевъ, лейбъ-ключницами, и такъ далѣе. Къ вечеру, панна Маріанна торжественно была переведена въ новое свое жилище, въ сопровожденіи всего женскаго народонаселенія гарема, которому главный эвнухъ приказалъ, отъ имени хана, отдавать дочери Ляха всѣ почести, присвоенныя принцессамъ изъ рода Чингисхана. Изумленіе панны Маріанны равнялось одной только зависти и злобѣ многочисленныхъ подругъ ея затворничества: въ первую минуту онѣ не сомнѣвались, что ханъ хочетъ на ней жениться законнымъ порядкомъ, и многія даже утверждали, съ отчаяніемъ, что онъ рѣшился быть ей неукоризненно-вѣрнымъ. Но пущенная въ то же время сплетня объ избраніи и походѣ ея отца вскорѣ облетѣла всѣ маленькія и большія уши таинственнымъ по-

потомъ, и произвела совсѣмъ другое впечатлѣніе. Почти всѣ сердца забились радостью. Въ числѣ гаремныхъ невольницъ было множество Полекъ, Русскихъ, Молдаванокъ, Венгерокъ, Нѣмокъ: онѣ торжествовали, будучи увѣрены, что панъ-король Олескій завтра или послѣ завтра явится передъ воротами гарема съ огромною арміей, чтобы свернуть шею этимъ отвратительнымъ эвнухамъ и освободить несчастныхъ плѣнницъ изъ заключенія. Ясно было, что ханъ ужасно испугался пана Олескаго, когда онъ вдругъ сталъ оказывать такое почтеніе его дочери.

Всѣ эти вѣсти и разсужденія были сообщены ночью паннѣ Маріаннѣ за большую тайну. Она легко имъ повѣрила; честолюбивые планы отца давно были ей извѣстны: въ домѣ ея родителей безпрерывно толковали о будущемъ величіи пана-воеводы сѣрадзскаго; панъ Джонъ, знаменитый алхимикъ, и въ то же время великій астрологъ, ясно прочиталъ въ звѣздахъ непреложный приговоръ судьбы о скоромъ возведеніи своего друга на одинъ изъ самыхъ славныхъ престоловъ Европы; и почтенная пани Олеская заранѣе уже разбирала съ Маріанною разные казусные случаи тоалета и обращенія, которые должны имъ встрѣтиться, когда мать будетъ наияснѣйшею королевою польскою, великою княгинею литовскою, русскою, прусскою, мазовецкою, кіевскою, и прочая, и прочая, и прочая, а дочь пресвѣтлѣйшею королевною. Не трудно представить себѣ восторгъ панны Маріанны: въ первомъ пылу радости, расцѣловавъ любезныхъ вѣстницъ, она обѣщала,

скакали въ ближайшіе города, для избранія благопріятствующихъ своимъ партіямъ депутатовъ на сеймъ, который долженъ былъ рѣшить участь королевства и дать ей новаго государя. Никогда еще Татары не попадали въ такую удобную пору для грабительскаго набѣга. Оба отряда безпрепятственно проникали далѣе и далѣе, обременяясь добычею и плѣнными. Никто не дожидался появленія первыхъ передовыхъ наѣздниковъ: бросивъ домы и драгоцѣнности, все въ ужасѣ уходило за Бугъ и за Березину.

Слѣдуя за своимъ торжествующимъ братомъ, ханъ узналъ черезъ жидовъ, которые всегда служили Татарамъ вожатыми и покупали у нихъ похищенныя вещи, что вправо отъ Дубна, въ обширномъ лѣсу, лежитъ на берегу небольшаго озера старый, полуразвалившійся зàмокъ, Олита, принадлежавшій женѣ сѣрадзскаго воеводы пана Альберта Олескаго. По разсказамъ Евреевъ, хозяинъ этого зàмка былъ еще дома, но не имѣлъ при себѣ никакой вооруженной свиты: недавно возвратясь изъ Лондона, онъ привезъ съ собою какого-то Англичанина, который умѣетъ дѣлать золото, и они удалились въ это глухое мѣсто, чтобы превратить весь олитскій песокъ въ драгоцѣнный металлъ. Панъ Олескій, говорили всезнающіе Евреи, хочетъ самъ быть королемъ, но онъ не спѣшитъ на выборы депутатовъ, надѣясь купить òптомъ весь избирательный сеймъ изготовленнымъ втайнѣ богатствомъ: работа теперь идетъ у нихъ жарко; они уже надѣлали цѣлыя горы золота, и пане Олеская торопитъ мужа поскорѣе увезти эти со-

іща въ Варшаву; но панъ-воевода боится, что количества не хватитъ на покупку всѣхъ ітей, которыя нынче очень вздорожали отъ оничества между московскимъ, австрійскимъ анцузскимъ кандидатами, и потому онъ и ачанинъ днемъ и ночью трудятся въ подвалитскаго зáмка. Этой молвы было совершенстаточно для возбужденія жадности въ таомъ повелителѣ. Онъ рѣшился самъ произ нападеніе на Олиту.

оротивъ съ главной дороги, съ тремя или чемя сотнями отборныхъ всадниковъ, Девлетъй, подъ руководствомъ жидовъ, пробрался гами и лѣсами и, среди глубокой ночи, нагрясъ крикомъ и визгомъ нá безпечную Олиту. та зáмка въ нѣсколько минутъ были выломано испуганные жители успѣли между-тѣмъ лись въ лѣсъ противоположнымъ выходомъ. ры погнались за ними и поймали въ кустарнинѣсколько человѣкъ старыхъ служителей и ыхъ бабъ. Вмѣстѣ съ ними пряталась молодѣвушка, выскочившая изъ постели въ ночнарядѣ и безъ обуви: ноги ея были израненона уже не могла бѣжать и, при появленіи хъ Крымцевъ съ факелами и саблями въ ру, упала въ обморокъ. Одинъ страшный Татапроворно встащилъ ее на свое сѣдло и поилъ съ нею обратно въ зáмокъ; другіе пои передъ собою захваченныхъ слугъ, и вся живая добыча немедленно была представлена . Девлетъ-Гирей уже успѣлъ обшарить всѣ енія, комнаты и дворы: въ подвалахъ дѣйстви-

тельно найдены горны, котлы, кубы, реторты, тигли, множество дивныхъ инструментовъ, пережженные и еще теплые сплавки мѣди и свинцу; въ печахъ еще горѣлъ огонь; изъ кубовъ еще струилось какія-то кислыя жидкости: все доказывало, что таинственная работа производилась весьма недавно; но обѣщаннаго Евреями золота нигдѣ не было. Допросы, произведенные плѣннымъ, не обѣщали ничего блистательнаго: по этимъ показаніямъ, панъ-воевода занимался уже четыре мѣсяца выдѣлкою золота съ паномъ Джономъ, Англичаниномъ въ широкой шляпѣ и съ длинною рыжею бородою; во все это время, въ зàмокъ не пускали никого посторонняго, кромѣ мужиковъ, безпрестанно привозившихъ дрова для топки плавильныхъ печей; эти горны горѣли днемъ и ночью, и панъ-воевода сжегъ уже семь десятинъ лѣсу, но панъ Джонъ никакъ не могъ добиться до той степени жару, которая нужна для превращенія свинца и мѣди въ серебро и золото, и утверждалъ, что здѣшній огонь холоденъ. Ханъ не удовольствовался этимъ объясненіемъ. Несчастныхъ слугъ, даже дѣтей, открытыхъ въ зàмкѣ, жадные дикари подвергли страшнымъ мученіямъ: они ихъ кололи саблями, поднимали на веревкахъ, жгли факелами, и никакъ не получили удовлетворительнаго отвѣта. Одна только дѣвушка въ ночномъ нарядѣ, благодаря своей необыкновенной красотѣ, избѣгла этихъ ужасныхъ истязаній. Это была панна Маріанна, восемнадцати-лѣтняя дочь воеводы-алхимика. Ханъ взялъ ее подъ свое покровительство.

Татары, однакожъ, не вѣрили этимъ неблаго-

пріятнымъ результатамъ своихъ допросовъ и пытокъ: они остались въ Олитѣ до утра, чтобы осмотрѣть ее при дневномъ свѣтѣ. Весь слѣдующій день рылись они подъ полами погребовъ, вскопали дворы, объискали ближайшую часть лѣса и берега озера, и ничего не нашли. Ханъ, въ бѣшенствѣ, приказалъ повѣсить, на воротахъ Олиты, четырехъ жидовъ, которые такъ жестоко обманули его, ограбилъ зàмокъ дò-чиста, и, взявъ съ собою панну Маріанну, которую Татары посадили на лошадь и привязали къ сѣдлу, ночью выступилъ въ обратный путь на прежнюю дорогу.

Девлетъ-Гирей употребилъ четыре дня на эту неудачную экспедицію. Между-тѣмъ Капланъ-Гирей былъ уже въ окрестностяхъ Бреста-Литовскаго: но здѣсь неожиданно напалъ на него гетманъ Ходкевичъ съ нѣсколькими тысячами наскоро собраннаго войска. Татары были разбиты и разсѣялись въ разныя стороны. Вся ихъ добыча осталась въ рукахъ Поляковъ. Капланъ-Гирей проворно спасся отъ преслѣдующаго побѣдителя; но ширванскіи принцъ, Хосревъ-Мирза, непривычный къ тактикѣ этихъ набѣговъ и незнающій мѣстности, былъ мгновенно окруженъ серебряными гусарами и взятъ въ плѣнъ. Девлетъ-Гирей, еще не вышедшій изъ проселочныхъ дорогъ, уже встрѣтилъ Татаръ, бѣгущихъ по-одиначкѣ во всѣхъ направленіяхъ: они одногласно показывали, что Капланъ-Гирей опрометчиво наткнулся на армію многочисленнѣе звѣздъ на небѣ и песку въ морѣ, и что эта страшная рать повсюду ихъ преслѣдуетъ. По обычаю Крымцевъ, ханъ

тотчасъ поворотилъ съ своимъ отрядомъ, съ
шею при немъ добычею, и съ панною Маріан
къ Черному Морю, пробираясь въ Подольскія
пи безвѣстными тропинками. Несчастная
ница изнемогала отъ этой усиленной скачки.
тары привезли ее почти мертвою къ верх
рѣки Балты, условленному сборному мѣсту н
чай неудачи похода и разсѣянія полчища. З
ханъ остановился на пять дней, пока не с
лись бѣглецы, спасшіеся отъ пораженія, и з
отдыхъ нѣсколько возстановилъ ея истоще
силы. Отсюда Татары шли уже короткими
ходами къ Перекопу. Они воротились въ Кр
въ августѣ мѣсяцѣ.

Девлетъ-Гирей приказалъ помѣстить пре
ную плѣнницу въ особенномъ отдѣленіи с
гарема, доставлять ей всѣ удобства и обход
съ нею съ уваженіемъ. Это ласковое обра
хищника, веселыя игры и нѣжныя утѣшені
выхъ подругъ, и особенно надежда на ск
выкупъ, для котораго родители ея, конечн
товы были пожертвовать всѣми сокровищам
ра, возвратили ей жизнь, бодрость и здор
панна Маріанна зацвѣла краше всѣхъ розъ
чисарайскихъ, и татарскій ханъ торжест
покручивалъ свои колоссальные усы, гляд
плѣнительное лицо и прелестный станъ д
Ляха.

Однажды, послѣ обѣда, ханъ, сидя въ кі
казался въ необыкновенно-хорошемъ распо
ніи духа: стрѣлялъ изъ лука въ проходящих
довъ и христіанъ, далъ щелчка въ носъ с

визирю, и наконецъ кликнулъ къ себѣ главнаго эвнуха. Очевидно было, что какая-то остроумная мысль возсіяла въ его чингисханородной головѣ.

— Пезевенгъ-Бегъ! сказалъ онъ великому стражу цѣломудренности своихъ супругъ: желаемъ увидѣть твое искусство. Этой дочери Ляха, которую привезли мы изъ набѣга, съ завтрашняго дня имѣете всѣ вы оказывать почести, присвоенныя царскому сану, обращаясь съ нею съ такимъ же благоговѣніемъ какъ съ моей собственною дочерью.

— На мой глазъ и на мою голову! отвѣчалъ жирный кызларъ-ага, кланяясь въ поясъ. Свѣтлая воля вашего ханскаго присутствія будетъ исполнена во всей точности.

— Но это не все, прервалъ ханъ: ты долженъ разсказать по-секрету нѣсколькимъ нашимъ женщинамъ, что изъ ляхской земли, то есть, изъ Ляхистана, получены очень важныя извѣстія, а именно, что отецъ этой дѣвушки единодушно избранъ въ короли; что онъ идетъ на насъ войною съ безчисленною ратью разныхъ невѣрныхъ народовъ, чтобы отбить свою дочь; что ханъ очень встревоженъ этимъ извѣстіемъ и хочетъ отослать ее къ отцу, и такъ далѣе. Это должно быть такъ сказано и такъ сдѣлано, чтобы завтра по-утру всѣ въ гаремѣ, и особенно сама дѣвушка, были совершенно увѣрены, что она королевна. Это не правда; но мнѣ такъ нужно. Понимаешь-ли?

— Что̀ я за собака, чтобъ смѣть не понимать такой высокой и свѣтлой рѣчи! воскликнулъ эв-

нухъ. Слава Аллаху, у насъ есть кусокъ ума
пользы службы хана. Будетъ исполнено на-сл

Эвнухъ удалился. Его подчиненные тотчасъ
чали чистить, мыть и убирать коврами неб
шой отдѣльный дворецъ, въ которомъ покоі
сестра хана, Бюльбюль-Ханымъ, жила до св
замужства: остатки этого красиваго строенія
нынѣ видны въ восточномъ углу садовъ гар
Пезевенгъ-Бегъ отрядилъ пятьдесятъ молод
невольницъ для прислуги, на всѣхъ лѣстниі
и крыльцахъ разставилъ почетныхъ эвнухов
изъ заслуженныхъ старухъ сформировалъ пол
штатъ придворныхъ сановницъ, какъ для нас
щей султанши, наименовавъ однѣхъ комнатн
дворянками, другихъ постельничными, хранит
ницами драгоцѣнностей, инспекторшами вар
евъ, лейбъ-ключницами, и такъ далѣе. Къ і
ру, панна Маріанна торжественно была пер
дена въ новое свое жилище, въ сопровожд
всего женскаго народонаселенія гарема, кото
главный эвнухъ приказалъ, отъ имени хана,
давать дочери Ляха всѣ почести, присвоен
принцессамъ изъ рода Чингисхана. Изум.
панны Маріанны равнялось одной только зав
и злобѣ многочисленныхъ подругъ ея затво
чества: въ первую минуту онѣ не сомнѣва.
что ханъ хочетъ на ней жениться законным
рядкомъ, и многія даже утверждали, съ от
ніемъ, что онъ рѣшился быть ей неукоризне
вѣрнымъ. Но пущенная въ то же время спл
объ избраніи и походѣ ея отца вскорѣ обле
всѣ маленькія и большія уши таинственнымъ

потомъ, и произвела совсѣмъ другое впечатлѣніе. Почти всѣ сердца забились радостью. Въ числѣ гаремныхъ невольницъ было множество Полекъ, Русскихъ, Молдаванокъ, Венгерокъ, Нѣмокъ: онѣ торжествовали, будучи увѣрены, что панъ-король Олескій завтра или послѣ завтра явится передъ воротами гарема съ огромною арміей, чтобы свернуть шею этимъ отвратительнымъ эвнухамъ и освободить несчастныхъ плѣнницъ изъ заключенія. Ясно было, что ханъ ужасно испугался пана Олескаго, когда онъ вдругъ сталъ оказывать такое почтеніе его дочери.

Всѣ эти вѣсти и разсужденія были сообщены ночью паннѣ Маріаннѣ за большую тайну. Она легко имъ повѣрила; честолюбивые планы отца давно были ей извѣстны: въ домѣ ея родителей безпрерывно толковали о будущемъ величіи панавоеводы сѣрадзскаго; панъ Джонъ, знаменитый алхимикъ, и въ то же время великій астрологъ, ясно прочиталъ въ звѣздахъ непреложный приговоръ судьбы о скоромъ возведеніи своего друга на одинъ изъ самыхъ славныхъ престоловъ Европы; и почтенная пани Олеская заранѣе уже разбирала съ Маріанною разные казусные случаи тоалета и обращенія, которые должны имъ встрѣтиться, когда мать будетъ наияснѣйшею королевою польскою, великою княгинею литовскою, русскою, прусскою, мазовецкою, кіевскою, и прочая, и прочая, и прочая, а дочь пресвѣтлѣйшею королевною. Не трудно представить себѣ восторгъ панны Маріанны: въ первомъ пылу радости, расцѣловавъ любезныхъ вѣстницъ, она обѣщала,

какъ-скоро папà сокрушитъ гаремныя стѣны, сдѣлать всѣхъ ихъ своими фрейлинами въ Варшавѣ, выдать за-мужъ за молодыхъ и прекрасныхъ сенаторовъ, и никогда не разрывать дружбы съ ними. Но вскорѣ чувство самодостоинства умѣрило эти изліянія сердца, внезапно переполненнаго счастіемъ: она вдругъ сдѣлалась важною, степенною, осторожною въ словахъ, величавою въ пріемахъ. На слѣдующее утро панна Маріанна казалась уже такою принцессою, какъ-будто родилась на престолѣ царя Гороха Великаго. Она старалась, въ походкѣ, рѣчахъ и обращеніи, подражать англійской королевѣ Елисаветѣ, при дворѣ которой отецъ ея былъ посломъ до кончины Сигизмунда-Августа, и которой сама она почиталась въ Лондонѣ любимицею. Подражаніе это, какъ всѣ подражанія, не совсѣмъ было чуждо уродливости, но, во всякомъ случаѣ, оказываемыя ей почести принимала она съ сановитостью, достойною маленькой Семирамиды. Когда главный эвнухъ разсказалъ объ этомъ хану, Девлетъ-Гирей, отъ удовольствія, крѣпко ударилъ его плетью по спинѣ и вскричалъ:

— *Аферимъ!* «браво», Пезевенгъ-Бегъ!... Дарую тебѣ за это сто палокъ, которыя суждено твоимъ пятамъ получить отъ меня за первую глупость.

— Милосердіе эфендія нашего неисчерпаемо! съ чувствомъ воскликнулъ эвнухъ, ударивъ челомъ передъ ханомъ.

— *Аферимъ!* повторялъ Девлетъ-Гирей: *аферимъ!...* Ну, теперь сочини мнѣ письмо къ шир-

ванъ-хану. Ты грамотѣй: напиши, знаешь, тонко, но понятно, стамбульскимъ слогомъ. Я скажу тебѣ, въ чемъ дѣло....

Ханъ въ немногихъ словахъ объяснилъ эвнуху свою мысль. Пезевенгъ-Бегъ тотчасъ принялся за работу.

ПИСЬМО ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЙ-ХАНА КЪ ХАЛЕФЪ-ПАДИШАХУ.

(Переводъ съ турецкаго.)

«Солнце ясное правовѣрія, искоренитель ереси и невѣрія, левъ ислама, наслѣдникъ Фергада и Сама, и прочая, и прочая.

«Похвальный обычай обсылать другъ друга подарками, будучи надежнѣйшимъ основаніемъ дружбы и взаимнаго довѣрія между царями, повелѣваетъ намъ, прежде всего, высыпать на коверъ пріязни отличнѣйшіе перлы привѣтствій и всѣ сокровища молитвъ и комплиментовъ нашихъ, которые и просимъ принять благосклонно. Единственная цѣль этого посланія есть нижеслѣдующая. Розанъ сердца нашего, не поливаемый водою извѣстій объ ароматномъ здоровьѣ достойнѣйшаго друга, изсохъ совершенно: почему, кланяясь сказанному другу, желаемъ знать, въ какомъ положеніи находится вышеупомянутое здоровье, дабы увядшія почки рѣченнаго розана могли снова расцвѣсти во всей красѣ и привлекать къ себѣ соловьевъ радости и наслажденія. А какъ нынче не объ чемъ болѣе писать, и дѣла никакого въ виду не имѣется, то желаемъ,

чтобы Всевышній Аллахъ упрочилъ ваше могущество до дня преставленія свѣта.

«Рабъ Божій,

Девлетъ-Гирей-Ханъ.

«PS. Мы недавно воротились изъ побѣдоноснаго похода нашего противъ врага вѣры, котораго, при помощи Господа Истины, разбили въ прахъ, уничтожили, и искоренили совершенно. Аллахъ, за совершеніе столь благаго дѣла, даровалъ намъ несмѣтную добычу и цѣлую тьму невольниковъ. Плѣненная при этомъ случаѣ дочь короля Ляховъ, наслѣдница многихъ государствъ, земель и владѣній, при семъ прилагается. Судьба не рѣшила намъ, въ этотъ походъ, похитить за-одно и королеву Англизовъ. Громя и побѣждая невѣрные народы по всему пространству вселенной, мы наконецъ пришли къ берегу большаго моря: какъ, изъ разспросовъ, оказалось, что Англизъ обитаетъ за этимъ моремъ, а кораблей у насъ съ собой не имѣлось, то мы и принуждены были воротиться. Просимъ извиненія въ оплошности.

«PS. Всякаго добра у насъ бездна, но въ послѣдній побѣдоносный походъ мы замучили и потеряли почти всѣхъ лошадей нашихъ, будущею же весною намѣрены, во славу Аллаха, уничтожить и искоренить Москвитянина. Для этого благочестиваго подвига требуется самыхъ лучшихъ лошадей и наличныхъ денегъ. Карабагскія лошади славятся своей быстротою и силою. Находимся тоже въ необходимости занять гдѣ-нибудь де-

негъ. Намъ довольно четырехъ, шести, много двадцати тысячъ золотыхъ тюменовъ.

«PS. Высокостепенный братъ вашъ Хосревъ-Мирза — богатырь подъ пару самому Рустему. Онъ и многіе изъ моихъ молодцовъ еще не возвращались изъ походу: они еще искореняютъ невѣрныхъ.

«PS. Въ Стамбулѣ изобрѣтено новое наслажденіе для души: *пьютъ дымъ*, то есть, рѣжутъ одну чудную траву въ мелкіе кусочки, набиваютъ ими крошечный горшечекъ, зажигаютъ, и, сквозь длинную палку, приставленную къ горшечку, втягиваютъ въ себя дымъ, который, разстилаясь по душѣ, наполняетъ ее блаженствомъ раежителей, возноситъ выше созвѣздія Оріона и располагаетъ къ созерцанію девяноста девяти свойствъ Аллаха. Три фунта этой благословенной травы, съ надлежащимъ снарядомъ для питья дыму, вручены приближенному нашему, послу Мурадъ-Бегу, который и покажетъ ихъ употребленіе.

«PS. Парчи и термаламы персидскія славятся во всемъ мірѣ чудесною красотою своей отдѣлки: здѣсь онѣ очень рѣдки, и въ настоящее время, по случаю войны между собачьимъ племенемъ этихъ еретиковъ, Персіянъ, и высокимъ порогомъ оттоманскаго дома, нельзя достать этихъ матерій ни за какія деньги. О чемъ извѣщается.

«PS. Повторяемъ, безконечно, вышеписанный поклонъ нашъ сказанному возлюбленнѣйшему другу, и съ неизъяснимою тоскою ожидаемъ извѣстія объ упомянутомъ безцѣнномъ здоровьѣ, какъ единственной цѣли этого посланія.»

— *Машаллахъ!* воскликнулъ ханъ, когда Пезевенгъ-Бегъ прочиталъ ему это письмо: ты удивительный мастеръ на слогъ, даромъ что у тебя не растетъ борода! Хорошо! очень хорошо!... Самъ реисъ-эфенди великаго турецкаго Головорѣза, не сочинилъ бы ничего лучше, тоньше и докладнѣе.* *Иншаллахъ*, буде угодно Аллаху, мы продадимъ очень выгодно эту ляхскую дѣвчонку. Безмозглому Ширванцу засѣла въ голову невѣрная королевна! Вотъ ему королевна!... Я прикажу Мурадъ-Бегу запросить съ него двѣсти карабагскихъ аргамаковъ. Если ширванъ-шахъ пришлетъ намъ все, на что̀ мы здѣсь намѣкаемъ, это составитъ около полу-милліона піастровъ. *Анасыны! бабасыны*! славно спустимъ съ рукъ нашу плѣнницу!... Одна она покроетъ собою издержки и потери послѣдняго похода. Отецъ ея не въ состояніи дать мнѣ за нее и пятой доли этой суммы: по собственнымъ словамъ его служителей, онъ — человѣкъ совершенно разорившійся, въ долгахъ по уши, людямъ своимъ не платитъ жалованья и на послѣдніе остатки прежняго богатства ищетъ *алькимія*, «философскаго камня». Подай мнѣ это письмо!

Эвнухъ поднесъ хану свое остроумное сочиненіе, уже перебѣленное на длинномъ и узкомъ листѣ бумаги, котораго средину занимало главное

* *Хункяръ*, «кровопроливецъ, головорѣзъ», есть оффиціальный титулъ оттоманскихъ султановъ, и притомъ самый важный изъ титуловъ: имъ означается исключительное право султана казнить смертью или, по-восточному, «рѣзать головы».

сланіе, а всѣ поля кругомъ были исписаны многочисленными постскриптами. Девлетъ-Гирей вылъ изъ груднаго кармана своего двѣ небольшія чати, связанныя вмѣстѣ и называемыя *хассъ*, і «частными царскими»; осмотрѣлъ обѣ съ больмъ вниманіемъ, и указалъ эвнуху на одну изъ хъ. Пезевенгъ-Бегъ натеръ ее жирными чернии и приложилъ къ граммарѣ; потомъ, очистивъ іень, и обмывъ обѣ печати розовою водою, благовѣйно представилъ ихъ обратно своему повелелю, и тотъ снова осмотрѣлъ ту и другую съ кимъ же вниманіемъ. Удостовѣрившись, что ѣ не подмѣнены во время операціи, ханъ спрятъ ихъ за назуху. Девлетъ-Гирей всегда соблюдъ строго эти предосторожности. Восточные не дписываютъ своего имени подъ бумагами: оно рѣзано у нихъ на печати, которую каждый ательно хранитъ при себѣ, и приложеніе ея документу равносильно собственноручной подси. Ввѣрить кому-нибудь свою печать, всезно что дать ему всеобщій бланкъ; лишиться посредствомъ подмѣна или похищенія, значитъ шиться своей подписи и, нѣкоторымъ образомъ, ности. Чѣмъ важнѣе лицо и его подпись, тѣмъ бходимѣе подобная недовѣрчивость. Государи, Востокѣ, оффиціальную печать свою вручаютъ ховнымъ визирямъ въ знакъ неограниченнаго ь полномочія, но съ малою, или «частною», они когда не разстаются. Всѣ несчастія того, къ иу Девлетъ-Гирей отправлялъ свое письмо, оизошли именно отъ несоблюденія этого коренго правила.

Когда печать обсохла и письмо было сложено и завернуто въ парчу по всѣмъ правиламъ этикета, ханъ, съ этимъ замысловатымъ узелкомъ въ рукѣ, вышелъ изъ гарема въ диванную залу, гдѣ крымскіе султаны, визири, беги и мирзы уже ожидали его свѣтлаго присутствія. Занявъ привычное мѣсто на софѣ, онъ подалъ любимцу своему, Мурадъ-Бегу, знакъ подойти поближе, и, объяснивъ тайну узелка, велѣлъ приготовиться къ отъѣзду съ приличною свитою мирзъ и беговъ. Главная статья особеннаго наставленія послу состояла въ томъ, чтобы онъ, по испытанному усердію къ пользамъ своего высокаго благодѣтеля, старался содрать съ его друга и союзника какъ-можно болѣе для хана, и какъ-можно менѣе для себя. Что̀ касается до издержекъ на путешествіе, то Девлетъ-Гирей, по своему ханскому великодушію, не хотѣлъ даже и входить въ эти мелочные разсчеты: въ ознаменованіе своего отличнаго благоволенія, онъ позволялъ Мурадъ-Бегу, слывшему ужаснымъ скупцомъ, нанять на свой собственный счетъ венеціянское судно отсюда до Синопа и взять на себя всѣ расходы по посольству, съ правомъ вознаградить себя, за этотъ маленькій ущербъ своему карману, хоть вдесятеро и болѣе, грабежомъ въ землѣ невѣрныхъ при первомъ набѣгѣ. Ханъ требовалъ отъ своего любимца, только, имѣть неусыпное смотрѣніе, чтобы плѣнница во все путешествіе оставалась въ полной увѣренности, будто ее отвозятъ въ Польшу, къ батюшкѣ, къ королю, и чтобы всѣ члены *и слуги* посольства говорили въ Шемахѣ о Хо-

сревъ-Мирзѣ, и о прочемъ,* по точному содержанію грамматы, которой копію главный эвнухъ вручитъ послу вмѣстѣ съ мнимою королевною и ея прислугою. Все остальное предоставлялось его благоразумному усмотрѣнію.

Несчастный Мурадъ-Бегъ былъ пораженъ, какъ громомъ, этимъ отличнымъ доказательствомъ всемилостивѣйшей довѣренности искуснаго крымскаго грабителя. Съ отчаяніемъ въ душѣ воскликнулъ онъ — «На мой глазъ и на мою голову!»—и съ безчисленными *анасыны! бабасыны!* занялся мѣрами къ исполненію столь лестнаго порученія. Въ двадцать дней все было готово. Панна Маріанна пролила нѣсколько слезъ, прощаясь съ крымскими пріятельницами, которыя, съ своей стороны, горько, горячо и долго плакали о томъ, что она ихъ оставляетъ до прибытія папеньки въ Багчисарай съ многочисленною арміею молодыхъ «серебряныхъ гусаровъ». Отъ Синопа до Шемахи посольство должно было слѣдовать сухимъ путемъ. Высокую путешественницу, закутанную съ ногъ до головы, несли въ богатомъ *тахтреванѣ*. Мурадъ принималъ особенное попеченіе объ ея удобствахъ, спокойствіи и здоровьѣ. Но если бы даже предусмотрительность хана и не поселила въ ней животворной надежды на скорое соединеніе съ родными, то уже самая необходимость явиться въ Варшавѣ вполнѣ прекрасною и очаровательною принцессою достаточна была для поддержанія ея прелестей въ надлежащемъ блескѣ и совершенной нѣжности. Въ самомъ дѣлѣ, панна Маріанна во всю дорогу соблюдала невѣроятныя мѣры пред-

осторожности къ сохраненію своей красо
когда вдругъ ввели ее въ Гюлистанъ, роск
загородный дворецъ ширванъ-шаха, когда М
Бегъ, съ приличною рѣчью, сдалъ ее въ исп
сти, вмѣстѣ съ письмомъ, табакомъ и трубк
вому обладателю, когда, наконецъ, по уд
всѣхъ мужчинъ, эвнухи церемоніяльно сн
нея покрывало, у Халефъ-Падишаха закру
голова и въ глазахъ заиграли всѣ огни
онъ долженъ былъ сознаться въ душѣ,
когда еще Ширванъ и, слѣдовательно, вс
съ-тѣхъ-поръ, какъ они существуютъ, не
такой бѣлой, розовой, чудесной хуріи. Онъ
говорить. Одни только *машаллахъ* и *афері*
рывались изъ его разинутаго рта, въ котор
поминутно клалъ палецъ удивленія. Въ во
своемъ, онъ пожаловалъ на весь гаремъ
платья, приказалъ удвоить содержаніе посо
одарилъ всѣхъ его членовъ, Мурадъ-Бега о
своими щедротами и, для его хана, назнач
выдачѣ лошадей, матерій и денежной ссу
раздо болѣе нежели сколько смѣтливый хи
просилъ и ожидалъ. Въ первыя трое сутоки
ный эвнухъ шемахинскаго гарема, Ахмак
человѣкъ извѣстный по своей дальнови
крѣпко опасался, что его мудрый падиш
ума сойдетъ отъ радости.

Новой гостьѣ гарема отвели самое велико
его отдѣленіе. Почести оказывали ей еще б
чѣмъ въ Багчисараѣ. Панна Маріанна не
гала, что̀ это значитъ, и гдѣ она находит
Халефъ-Падишахъ хотѣлъ доказать ей, ч

дюнья-й билиръ, «знаетъ свѣтъ», и умѣетъ прилично обходиться съ особами ея сана.

Между-тѣмъ въ Шемахѣ и ея окрестностяхъ быстро распространилась молва, что крымскій ханъ подарилъ гарему падишаха дочь короля всѣхъ Франковъ, царевну неслыханной и невообразимой красоты. Многіе утверждали, что, ночью, когда она выходитъ въ садъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, весь Гюлистанъ бываетъ освѣщенъ сіяніемъ ея лица какъ майскимъ солнцемъ.

— Надо сказать по совѣсти, говорили Шемахинцы, что такого счастливаго государя какъ нашъ падишахъ, и такого благословеннаго государства какъ Ширванъ, нѣтъ во всей поднебесной. Пусть же этотъ сожженный отецъ, шахъ Тахмаспъ, покажетъ у себя что̀-нибудь подобное!.... Да съ этою красавицею въ своемъ гаремѣ наше убѣжище міра можетъ осквернять на-славу гробницы всѣхъ дѣдовъ и прадѣдовъ его!... можетъ дѣлать на нихъ все, что̀ его свѣтлой душѣ угодно!...

Съ этимъ мнѣніемъ своихъ подданныхъ вполнѣ былъ согласенъ и самъ Халефъ-Падишахъ. Онъ почиталъ себя славнѣйшимъ государемъ во всей Азіи: одинъ онъ могъ показать въ своемъ гаремѣ дочь короля Франкистана, древо всѣхъ земныхъ прелестей, торжественно пересаженное на мусульманскую землю, совершеннѣйшую жемчужину моря невѣрія, нанизанную во славу Аллаха и его пророка на нить радостей магометанскаго властелина. Онъ уже былъ страстно влюбленъ въ нее.

Обладаніе такою дѣвушкою казалось Халефу верхомъ чести и блаженства, но, какъ человѣкъ

благородный, великодушный, онъ желалъ сперва заслужить ея любовь и, для собственнаго счастія, пользоваться только тѣми правами надъ нею, которыя добровольно уступаетъ сердце женщины, погруженное въ очарованіе. Затрудненіе состояло только въ томъ, какъ выразить царевнѣ Франковъ свои трогательныя чувства. По-персидски она еще не знала, а кратковременное пребываніе въ багчисарайскомъ гаремѣ не могло ей сообщить глубокихъ свѣдѣній въ анакреонтическихъ тонкостяхъ турецкаго языка. Халефъ-Падишахъ долженъ былъ прибѣгнуть къ мимикѣ. Онъ, для почину, позволилъ себѣ съ своей *дильберъ*, съ своей «сердцепохитительницею», нѣсколько безмолвныхъ нѣжностей въ ширванскомъ вкусѣ, но онѣ возбудили въ ней страшное негодованіе: панна Маріанна отразила ихъ съ такимъ великолѣпнымъ достоинствомъ, что азіятскій падишахъ, вовсе непривычный къ подобной гордости въ женщинѣ, былъ уничтоженъ стыдомъ за свое невѣжественное обращеніе съ свѣтлѣйшею королевою невѣрныхъ. Халефъ понялъ, что, на первый случай, кромѣ почтительности, угожденій и вздоховъ, ему не остается никакого другаго пути къ ея высокому сердцу, и рѣшился слѣдовать этимъ путемъ неуклонно, впредь до усмотрѣнія.

Но это обстоятельство раскрыло глаза безпечной паннѣ Маріаннѣ. Несмотря на ограниченность своихъ познаній въ восточныхъ языкахъ, бѣдная дѣвушка вскорѣ поняла изъ разговоровъ съ раболѣпными прислужницами, что она подарена ширванскому падишаху, и что Татары завезли ее на

край свѣта, противоположный ея отечеству. Тогда слезы и отчаяніе заступили мѣсто лучезарныхъ мечтъ надежды. Но, видя ее блѣдною и печальною, Халефъ поспѣшилъ усугубить свою нѣжную почтительность и тонкія вниманія къ несчастной «сердцепохитительницѣ». Печаль проходитъ такъ же скоро какъ счастіе. Въ мракѣ своего горя, панна Маріанна начала примѣчать этого великодушнаго Азіятца: онъ былъ молодъ, красивъ и, особенно, такой *гржечный!* (galant)..... Его изысканная восточная вѣжливость очень понравилась молодой Полькѣ. Борода ширванскаго падишаха нисколько не пугала панны Маріанны; отличнѣйшіе кавалеры, и почти всѣ государи въ Европѣ, носили еще тогда это природное, хоть и совершенно безполезное, прибавленіе къ мужскому лицу. Онъ даже казался ей прекрасно воспитаннымъ, хоть и не говорилъ ни слова по-итальянски, на языкѣ модномъ въ тогдашнемъ образованномъ свѣтѣ. Притомъ онъ былъ король: слѣдовательно, панна Олеская не унижала себя, даря иногда этого человѣка ласковой улыбкою. Ей уже на роду было написано, рано или поздно, выйти замужъ за какого-нибудь короля: за этого или за другаго, конецъ концовъ, оно все-равно, лишь бы онъ былъ король, а она царствовала!.... такъ ужъ скорѣй за этого, который молодъ, влюбленъ и мало знаетъ женщинъ! изъ него можно все сдѣлать!.... Всѣ эти соображенія и, сверхъ того, невозможность измѣнить судьбу свою, мало-по-малу примирили плѣнницу съ ея настоящимъ положеніемъ. Чѣмъ больше знакомилась она съ персидскимъ языкомъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали

на ея воображеніе разсказы о славѣ, геройствѣ. умѣ, дѣятельности и прекрасномъ сердцѣ владѣтеля этой волшебной страны. Она душевно полюбила его. Но панна Маріанна не даромъ была Европейка: прежде чѣмъ осчастливить Халефа благосклоннымъ пріемомъ его сердца, она рѣшилась пройти съ нимъ полный курсъ западнаго кокетства, порядкомъ помучить этого восточнаго тирана женщинъ, и пріучить его къ повиновенію. Его страстная любовь и, какъ казалось, безпредѣльная преданность, обѣщали ей полный успѣхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не прошло десяти мѣсяцевъ отъ пріѣзда плѣнницы въ Шемаху, какъ Халефъ, влюбленный до безумія, уже совершенно былъ въ ея власти. Ширванъ-шахъ сдѣлался игрушкою панны Маріанны. Она управляла имъ полновластно. Халефъ давно уже предлагалъ ей свою руку и свое царство, но она искусно отклоняла до-времени всѣ его предложенія, чтобы сдаться не иначе какъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Наконецъ она объявила эти условія: во-первыхъ, развестись со всѣми женами и торжественно вступить въ законный бракъ съ нею, какъ съ дочерью могущественнаго государя, обезпечивъ ей свободу вѣроисповѣданія; во-вторыхъ, со дня брака, впредь на будущее время, не имѣть болѣе никакой другой жены, кромѣ нея; въ-третьихъ, не держать *одалыкъ* и не позволять себѣ ни малѣйшей невѣрности, и, наконецъ, въ предѣлахъ гарема предоставить ей неограниченную власть и подчинить всѣхъ ея указу. Чтò касается до внѣшнихъ дѣлъ, то панна Маріанна, принимая со дня брака, въ угожденіе сво-

ему возлюбленному супругу, имя *Фириштè-Ханымъ*, то есть, «Ангела-государыни», обѣщаетъ ему не вмѣшиваться въ государственное управленіе, но позволяетъ прибѣгать во всемъ къ своему совѣту.

Изъ вышеписаннаго видно, что ловкая дочка сѣрадзскаго воеводы, слѣдуя кореннымъ правамъ своей родины, хотѣла изъ восточнаго деспота сдѣлать польскаго мужа, другими словами, безгласнаго раба своей супруги. Многія изъ этихъ условій, конечно, казались азіятскому супругу очень тягостными и противными здравой логикѣ: но онъ былъ такъ влюбленъ, такъ счастливъ, такъ восторженъ, что принялъ ихъ всѣ до одного, не только безъ возраженія, но даже съ радостью. Халефъ просилъ только позволить согласить все это по возможности съ обычаями и понятіями страны, дать два мѣсяца сроку на разсчеты съ прежними женами и фаворитками и на приготовленія къ празднеству.

Это самоотверженіе ширванскаго падишаха не совсѣмъ еще было бы понятно, если бы одинъ изъ закавказскихъ лѣтописцевъ не сохранилъ намъ извѣстія о томъ, что̀, послѣ любви, сильнѣе всего подѣйствовало на рѣшимость Халефа. Не задолго до того времени, въ Шемахѣ было получено черезъ армянскихъ купцовъ письмо изъ Европейской Турціи, въ которомъ упоминалось, что братъ ширванъ-шаха, Хосревъ-Мирза, находится въ плѣну у короля Ляховъ. Одинъ изъ ширванскихъ беговъ, находившійся въ свитѣ этого принца, былъ вмѣстѣ съ нимъ взятъ Поляками, но успѣлъ ночью ускользнуть изъ когтей невѣрныхъ и, послѣ ты-

сячи приключеній, добрался до Акъ-кермана, турецкаго города на Днѣстрѣ. Находясь тамъ въ крайней нищетѣ и безъ средства возвратиться на родину, несчастный бегъ писалъ къ своимъ роднымъ о высылкѣ ему денегъ, присовокупляя, что и храбрый ихъ царевичъ, Мирза-Хосревъ, по милости этихъ нечестивыхъ крымскихъ собакъ, раздѣляетъ ту же участь, но тотъ находится еще въ худшемъ положеніи: король Ляховъ содержитъ его при своемъ дворѣ въ тяжкомъ плѣну и крайнемъ поруганіи; мирза принужденъ каждый день, поутру и вечеромъ, цѣловать руки всѣмъ женщинамъ королевскаго гарема, не исключая даже самыхъ гадкихъ старухъ; его заставляютъ, для потѣхи шаха невѣрныхъ, танцовать публично во дворцѣ съ дѣвушками, у которыхъ лицо, плеча и грудь полны какъ полная луна; кофе даютъ ему, не чистое, а по-поламъ съ молокомъ, и онъ, бѣдняжка, долженъ наравнѣ со всѣми пить вино, потому что въ томъ отверженномъ краѣ вода неизвѣстна. Родные бега сообщили это письмо визирю, который представилъ его падишаху. Халефъ заплакалъ о горестной судьбѣ своего брата. Нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ гарема, предаваясь тамъ глубокой печали: болѣе всего огорчало его неслыханное униженіе, до котораго былъ доведенъ принцъ благороднаго рода ширванъ-шаховъ, обрѣченный невѣрными цѣловать женщинамъ руки и плясать съ такими созданіями! Любовь къ брату и личная гордость побуждали его озаботиться облегченіемъ участи угнетеннаго плѣнника. Женясь на дочери свирѣпаго короля Ляховъ, онъ на-

дѣялся прекратить эти поруганія при помощи родственныхъ отношеній и хотѣлъ тотчасъ послѣ свадьбы отправить къ нему посольство. По мнѣнію лѣтописца, именно это и заставило Халефа поспѣшно согласиться на всѣ условія панны Маріанны, хотя авторъ и не отвергаетъ, что страстная любовь падишаха къ прекрасной дочери невѣрныхъ много участвовала въ этомъ достопамятномъ происшествіи.

Панна Маріанна согласилась на благоразумныя требованія Халефа и, впервые поцѣловавъ своего владыку, заиграла ему на испанской гитарѣ, найденной въ гаремѣ крымскаго хана. Халефъ расплакался. Восточные плачутъ безпрестанно.

Привесть, однакожъ, въ исполненіе всѣ ея условія было довольно трудно. Слѣдовало опасаться, съ одной стороны, формальнаго возстанія въ гаремѣ, съ другой, негодованія многочисленнаго сословія ханжей въ народѣ. Халефъ прежде всего сообщилъ свои намѣренія главному эвнуху и верховному визирю, поручая тому искусно приготовить умы въ гаремѣ къ великимъ преобразованіямъ, другому, поправить общее мнѣніе въ городѣ къ постиженію столь лестнаго для всего Ширвана событія, каково бракосочетаніе непобѣдимаго падишаха ширванскаго съ единственною дочерью могущественнаго короля всего Франкистана. Ахмакъ-Ага, сообразивъ дѣло на-мѣстѣ, какъ человѣкъ дальновидный, предложилъ весьма простое средство къ отвращенію взрыва въ гаремѣ: выдать женъ за визирей, а невольницъ, которыхъ считалось до осьми сотъ, за богатѣйшихъ мирзъ и бе-

говъ, на правахъ панны Маріанны, а именно, съ преимуществомъ для каждой изъ нихъ считаться полною хозяйкою въ домѣ своего мужа подъ особеннымъ покровительствомъ государя, которому онѣ могутъ во всякое время приносить жалобы на тиранство своихъ супруговъ. Эта мѣра чрезвычайно понравилась Халефу, и онъ самъ лично занялся составленіемъ разрядныхъ списковъ ширванскихъ бояръ и богачей, между-тѣмъ какъ главный эвнухъ сочинялъ аналитическій указатель всѣхъ жительницъ гарема, съ распредѣленіемъ ихъ на классы, по возрасту, красотѣ и характеру, чтобы падишахъ, въ своемъ правосудіи, могъ надѣлить каждаго изъ своихъ служителей женою по его заслугамъ. Трудъ былъ исполинскій; дѣло требовало самыхъ тонкихъ соображеній, и Халефъ-Падишахъ, говоритъ ширванская лѣтопись, проработалъ съ своимъ главнымъ эвнухомъ круглый лунный мѣсяцъ, пока привелъ въ ясность всѣ сокровища своего гарема и совѣстливо устроилъ судьбу каждой и каждаго.

Визирь доносилъ, что извѣстіе о скоромъ бракосочетаніи падишаха съ королевною невѣрныхъ принимается довольно хорошо въ народѣ, который вообще опечаленъ несчастіемъ Хосревъ-Мирзы. Халефъ пожелалъ самъ удостовѣриться въ расположеніи чувствъ народныхъ. Усердно стараясь повсюду искоренять злоупотребленія, онъ, по примѣру знаменитѣйшихъ восточныхъ государей, переодѣтый купцомъ, ремесленникомъ, поселяниномъ, муллою или писцомъ, часто вмѣшивался въ разговоры своихъ подданныхъ на базарахъ, въ

баняхъ, кофейняхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, прислушивался, узнавалъ многое, помогалъ несчастнымъ, исправлялъ несправедливости. Списки еще не совсѣмъ были окончены, какъ однажды поутру, нарядясь въ купеческое платье, нарочно для него сшитое наканунѣ, онъ вышелъ изъ сераля тайною дверью и отправился въ городъ. Побывавъ на нѣсколькихъ базарахъ, и посидѣвъ въ двухъ или трехъ кофейняхъ, зашелъ онъ въ одну изъ самыхъ модныхъ бань, гдѣ всегда разсказывались любопытные анекдоты и отдыхающіе послѣ паровъ посѣтители любили пускаться въ политику. Въ уборной, гдѣ они раздѣвались и одѣвались, висѣло и лежало множество платьевъ, и какой-то человѣкъ съ загорѣлымъ лицомъ, длинною рыжею бородою, широкимъ ртомъ, огромнымъ носомъ и сѣро-зелеными глазами навыкатѣ, скидалъ съ себя послѣднія статьи своей неизящной одежды. Халефъ не обращалъ на него вниманія. Онъ проворно раздѣлся, свернулъ свое платье, и, положивъ его отдѣльно отъ другихъ въ углу, вошелъ въ баню. Незнакомецъ вошелъ вслѣдъ за нимъ, но они тотчасъ потеряли другъ друга изъ виду въ толпѣ.

Шахъ недолго парился въ банѣ, но человѣкъ, вошедшій съ нимъ вмѣстѣ, кажется, еще менѣе былъ расположенъ впивать въ себя блаженство высокой температуры. Онъ только окатилъ себя водою и вышелъ въ сушильню. Служители хотѣли начать длинную операцію пеленанія, прохлажденія и обсушиванія его тѣла, но онъ сказалъ, что съ нимъ сдѣлалось дурно въ банѣ, что онъ вовсе

не парился и желаетъ по-скорѣе выйти на свѣжій воздухъ. Служители отворотились. Онъ пошелъ въ уборную, и прямо къ углу, въ которомъ Халефъ помѣстилъ свое платье; преспокойно облекся въ его рубашку и шаравары, надѣлъ его кабу и черную баранью шапку, опоясался его шалью, накинулъ на себя его новую ферязь, и, вынувъ какой-то кожаный мѣшочекъ изъ своего стараго платья, исчезъ на улицѣ.

Спустя полчаса, Халефъ тоже вошелъ въ сушильню. Это была обширная комната, съ прекраснымъ куполомъ. На веревкахъ, протянутыхъ въ разныхъ направленіяхъ, сушилось банное бѣлье. Вокругъ стѣнъ высокія эстрады, устланныя коврами, заняты были расбухшими въ пару́ рабами Аллаха. Служители, повязавъ имъ голову бѣлымъ платкомъ и обсушивъ тѣло, завертывали ихъ въ простыни, и, въ этомъ нарядѣ, честное собраніе, уложенное въ подобающемъ порядкѣ на возвышеніяхъ, и совершенно недвижное въ своемъ сладостномъ покоѣ, походило на ряды мертвецовъ въ саванахъ въ подземельяхъ старинныхъ западныхъ церквей; никто не шевелился; никто не произносилъ ни одного слова; только, всѣ важно пыхтѣли, и наслаждались: что̀ показываетъ, какіе изящные нравы господствовали тогда въ Шемахѣ и въ какомъ хорошемъ обществѣ лежалъ ея падишахъ, закутанный и завязанный въ простыни!

Люди высшаго тона, накинувъ на себя родъ бѣлаго бумажнаго пеньоара, изъ этой залы переходили въ другую, болѣе великолѣпную, убранную *тюфяками* и подушками подъ шелкомъ, и, разлег-

шись на нихъ, пили шербетъ, кофе, и предавались удовольствіямъ бесѣды. Халефъ изъ сушильни отправился туда. Занявъ одно изъ лучшихъ мѣстъ, онъ учтиво привѣтствовалъ своихъ сосѣдей, велѣлъ подать шербету и вареньевъ, и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о погодѣ. Всѣ были того мнѣнія, что она прекрасна и продолжится въ томъ же видѣ до глубокой осени, что̀, конечно, должно приписать особенному и испытанному благополучію падишаха: онъ, какъ слышно, вступаетъ въ бракъ съ дочерью падишаха всего Франкистана и готовитъ для народа большія увеселенія. Только-что завязался этотъ интересный разговоръ, какъ вдругъ сильный подземный ударъ поколебалъ всю залу. Сводъ купола лопнулъ, на собесѣдниковъ посыпался песокъ; зала и смежныя комнаты, въ которыхъ произошло то же самое несчастіе, наполнились густыми облаками пыли. Два быстрые послѣдующіе удара еще опаснѣе потрясли зданіе: въ разныхъ частяхъ его послышался грохотъ падающихъ камней и сосудовъ. «Землетрясеніе! землетрясеніе!» раздались голоса отвсюду. Въ самомъ дѣлѣ, это было достопамятное землетрясеніе, превратившее значительную часть Старой-Шемахи въ развалины, которыя видны и донынѣ. Нѣжившіеся въ простыняхъ соскочили съ эстрадъ; тѣ, которые были въ банѣ, выбѣжали оттуда въ страшномъ испугѣ, и всѣ вмѣстѣ бросились въ уборную одѣваться и уходить подъ открытое небо. Каждый торопливо хваталъ свои вещи, накидывалъ ихъ на себя какъ ни попало, и выбѣгалъ на улицу. *Долго, въ этой* суматохѣ, Халефъ отъискивалъ

свое новое платье: его нигдѣ не было! Полагая, что кто-нибудь похитилъ его по ошибкѣ, со страху, онъ, скрѣпя сердце, одѣлся въ старую, изношенную одежду, которую благосклонно оставили ему въ углу, и послѣдній вышелъ изъ бань. Эта одежда пораждала въ немъ отвращеніе: но гдѣ отъискать похитителя!... Да собственно и не стоило труда! Это инкогнито было еще лучше прежняго.

Похититель между-тѣмъ, оставивъ бани, скорымъ шагомъ отправился въ другую часть города, чтобы не встрѣтиться съ хозяиномъ своего новаго наряда. Не должно думать, чтобы это былъ воръ. Онъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, также имѣлъ нужду въ инкогнито, и помѣнялся костюмомъ, просто, для личной своей безопасности. Это былъ, напротивъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей шестнадцатаго столѣтія, человѣкъ, пользовавшійся дружбою многихъ государей и извѣстный своими познаніями, опытами, удивительными открытіями, которыхъ тайна, къ сожалѣнію, погибла съ нимъ вмѣстѣ, прославивъ его у современниковъ колдуномъ и чернокнижникомъ. Обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ поступку, которымъ бы онъ гнушался при всякомъ другомъ случаѣ: но дѣло шло объ его жизни; онъ спасался отъ преслѣдователей и долженъ былъ поскорѣе укрыться подъ чужимъ платьемъ.

Пробѣжавъ нѣсколько базаровъ и улицъ, Сычáнъ-Бегъ — это имя носилъ онъ въ Шемахѣ — увидѣлъ небольшую цирюльню и зашелъ въ нее, чтобы побрить себѣ голову и довершить свое *преобразованіе*.

Бородобрѣй, Фузулъ-Ага, болтунъ извѣстный въ цѣломъ околоткѣ, занятъ былъ бритьемъ одной изъ важнѣйшихъ головъ своего квартала и, не прерывая работы, сказалъ новому посѣтителю:

— Свѣтъ глазъ моихъ!.... добро пожаловать!.... посидите немножко, отдохните!.... Я сейчасъ кончу и примусь за вашу благородную голову.—Странныя дѣла происходятъ на Божьемъ свѣтѣ! продолжалъ онъ, утирая голову паціента мокрымъ полотенцомъ: но хоть мы сегодня и испытали большое несчастіе, хоть градъ, говорятъ, побилъ за городомъ всѣ посѣвы и сады, однакожъ, вы пришли сюда въ самый благополучный часъ для бритья.... Вашъ рабъ немножко знаетъ толкъ въ звѣздахъ, и сегодня утромъ смотрѣлъ на небо, съ астролябіей: вся эта недѣля будетъ чрезвычайно благопріятна для истребленія волосъ на человѣческихъ головахъ, и бритье ихъ, въ эту минуту, удивительно здорово для тѣла. Слава Аллаху, мы тоже смѣкаемъ тонкости вещей!... Да умножится сила нашего падишаха, въ его государствѣ таки водятся астрологи. Что̀ и говорить, Шемаха — благословенное мѣсто! Въ Ширванѣ всегда процвѣтали науки........

Теперь эта голова была отдѣлана по всѣмъ правиламъ искусства. Фузулъ-Ага учтиво простился съ своимъ знакомцемъ, и на его стулъ посадилъ посѣтителя въ новомъ платьѣ. Ловко снявъ съ него шапку и бросивъ ее на прилавокъ, лишь-только незнакомая голова предстала передъ глаза ученаго бородобрѣя, онъ пришелъ въ восторгъ.

— *Машаллахъ!* вскричалъ онъ: *машаллахъ*, какую

удивительную голову привела къ намъ судьба сегодня!.... Мудреца узнàешь, прежде чѣмъ онъ заговоритъ; осла узнаешь, прежде чѣмъ онъ зареветъ. Умные люди тотчасъ узнаютъ другъ друга: дураки, напротивъ, полагаютъ, будто всѣ люди такъ же глупы какъ они сами......

Фузулъ-Ага началъ проворно натирать кускомъ мокраго мыла эту удивительную голову, которая, какъ ему казалось, уже двѣ недѣли была не брита. Работая надъ нею, онъ все болталъ, восклицалъ, отпускалъ комплименты, которые Сычанъ-Бегъ слушалъ въ глубокомъ безмолвіи. У прилавка, куда онъ бросилъ его баранью шапку, давно уже стоялъ одинъ молодой мастеровой, ожидая, пока хозяинъ отбрѣетъ господъ поважнѣе его и благоволитъ приступить къ нему. Этотъ мастеровой, по странному случаю, былъ работникъ тайнаго Халефова портнаго, который изготовлялъ костюмы для всѣхъ его прогулокъ инкогнито. Шапка, лежащая на прилавкѣ, привлекла къ себѣ вниманіе парня: точно такую же шилъ онъ вчера по приказанію своего мастера!.... Онъ взялъ эту шапку въ руки, съ любопытствомъ, даже съ нѣкоторымъ страхомъ, — осмотрѣлъ ея подкладку и маковку, — потомъ взглянулъ на Сычанъ-Бега, — потомъ опять на шапку, — еще разъ, и еще пристальнѣе осмотрѣлъ кусокъ шалевой матеріи, пришитый на маковкѣ, и съ благоговѣніемъ обратно положилъ на прилавокъ. Явное безпокойство овладѣло любопытнымъ работникомъ: онъ, то бралъ, то назадъ клалъ шапку, всматривался въ ея швы и въ платье *незнакомца*, здѣсь узнавалъ всѣ свои стежки, тамъ

матеріи, надъ которыми работали его товарищи, и все удивлялся. Продолжая обзоръ своего произведенія, на днѣ его, въ тайномъ карманѣ, скрытомъ въ подкладкѣ, онъ нащупалъ что̀-то твердое, и вынулъ: это были двѣ маленькія печати, на которыхъ онъ увидѣлъ царскіе вензели и безъ труда разобралъ надпись: *Рабъ Божій, Халефъ-Мирза-Падишахъ.* Испугавшись своей дерзости, онъ поскорѣе засунулъ печати обратно въ тотъ же карманъ, положилъ шапку на-мѣсто, и, дрожа отъ страху, отошелъ въ уголъ. Онъ не зналъ своего государя въ лицо, но зналъ очень хорошо, что ширванъ-шахъ часто гуляетъ по городу переодѣтый, и послѣ этихъ печатей нельзя было сомнѣваться въ личномъ его присутствіи въ лавкѣ.

Работникъ сообщилъ о своемъ открытіи другому мастеровому, который, спустя немного, вошелъ въ цирюльню. Тотъ, со страху, выбѣжалъ на улицу и сталъ предостерегать проходящихъ, что падишахъ — тутъ, въ этой лавкѣ, что онъ переодѣтъ, и Фузулъ-Ага брѣетъ ему голову и разсказываетъ всю подноготную квартала. Нельзя себѣ представить дѣйствія, произведеннаго этимъ извѣстіемъ. Никакой ударъ землетрясенія не взволновалъ бы такъ сильно и быстро цѣлой части города. Халефъ былъ обожаемъ своими подданными. Огромная толпа народу собралась передъ лавкою Фузулъ-Аги и загородила улицу прохожимъ. Люди толкались, чтобы сквозь масляную бумагу окошка или въ щелку дверного замка̀ взглянуть на своего государя. Наконецъ, въ ту самую минуту, какъ бородобрѣй оканчивалъ отдѣлку головы, и Сычанъ-

Бегъ соображалъ въ умѣ что̀ сдѣлать съ своей рыжею бородою, велѣть ли выкрасить ее въ черный цвѣтъ или сбрить до основанія, замо̀къ не выдержалъ напору, дверь распахнулась, и народъ ввалился въ цирюльню.

— Что̀ это значитъ? чего хотятъ эти люди? вскричалъ незнакомецъ.

— Да здравствуетъ нашъ падишахъ долгія лѣта! да умножится его сила! да продлится его царство до дня представленія! закричали передовые, и вся улица отвѣчала имъ громовымъ возгласомъ.

— Кого вы привѣтствуете? спросилъ изумленный Сычанъ-Бегъ. Кого здѣсь ищите? Чего хотите?

— Мы рабы падишаха, убѣжища міра! отвѣчали голоса въ толпѣ. Наши головы — выкупъ за его голову! Мы—ваши жертвы!

— Что̀ мы за собаки, чтобы не знать своей «тѣни Аллаха на землѣ»? присовокупили иные.

— Вы сумасшедшіе! возразилъ Сычанъ-Бегъ. Что̀ вы вздумали насмѣхаться надъ моей бородою? Да у васъ мозгъ превратился въ грязь!.... Я не падишахъ. Ни я, ни мой отецъ, ни дѣдъ, ни прадѣдъ, никогда не бывали царями. Я—сынъ честнаго купца, и самъ—купецъ. За что̀ вы стали чествовать меня тѣнью Аллаха и убѣжищемъ міра?

Между-тѣмъ работникъ портнаго шепнулъ бородобрѣю, что это — переодѣтый ширванъ-шахъ: эту шапку самъ онъ вчера сработалъ для падишаха; платье сшито у нихъ для него же, и въ шапкѣ находятся даже частныя царскія печати. Бородобрѣй повалился Сычанъ-Бегу въ ноги.

— Да не уменьшится никогда ваша тѣнь! Да блаженствуютъ въ ней навѣки рабы ваши! *Машаллахъ!* Видите ли, падишахъ, какой это былъ благополучный часъ, въ который вы удостоили своего пришествія убогое жилище Фузулъ-Аги: голова раба вашего вдругъ стала выше вершины Эльбурза, отъ чести, славы и знаменитости, которыя вы внесли въ эту лавку. Слава Аллаху, звѣзды не врутъ! Нельзя отвергать ихъ вліянія на дѣла житейскія! Онѣ-то направили сюда священныя стопы нашего убѣжища міра, и по ихъ-то указаніямъ слабая рука ничтожнѣйшаго изъ бородобрѣевъ безопасно водила бритву по ароматной поверхности его высочайшей головы. Простите промахи и погрѣшности раба вашего.... Ну, *валлахъ! биллахъ!* ей-ей, онъ узналъ, съ перваго взгляду, что̀ это за голова! Слава Аллаху, рабъ вашъ производитъ до пятидесяти головъ каждый Божій день, а еще никогда не видалъ такой удивительной!.... такой свѣтлой, тонкой, дальновидной, глубокомысленной!.... такой мудрой, высокой, лучезарной....

— Перестань ѣсть грязь! съ гнѣвомъ закричалъ Сычанъ-Бегъ, который начиналъ уже угадывать драгоцѣнность своего пріобрѣтенія, но еще не смѣлъ принять на себя его послѣдствій или не совсѣмъ былъ увѣренъ въ его подлинности.—Перестань! повторилъ онъ важно. Съ чего вы взяли, будто я — падишахъ? Какія имѣете доказательства?.... Говорите, люди! объясняйтесь!

— Да какъ же! воскликнулъ работникъ портнаго: развѣ рабъ вашъ не видалъ частныхъ царскихъ печатей за подкладкой этой шапки?.... Про-

стите его дерзновенное любопытство! Ему только хотѣлось посмотрѣть свою работу. Рабъ вашъ учится у вашего тайнаго портнаго. Эту шапку онъ только вчера кончилъ, по заказу падишаха. Да развѣ и это платье не у насъ сшито на его свѣтлую особу?..... Слава Аллаху, мы узнáемъ нашу работу, за три дня пути, впотьмахъ!.... Ктò смѣетъ надѣть ее, и носить при себѣ частныя царскія печати, кромѣ самого падишаха?.... Простите!..... мы ваши жертвы!

Сычанъ-Бегъ засунулъ руку въ шапку и, дѣйствительно, нашелъ на днѣ ея двѣ прекрасныя небольшія печати, съ царскими вензелями, которые на Востокѣ бываютъ начертаны на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ и на всѣхъ вещахъ, принадлежащихъ царствующему лицу. Видъ этихъ печатей мгновенно обнаружилъ преслѣдуемому страннику всю опасность его новаго положенія и всю пользу, которую можно извлечь изъ такой находки. Въ самомъ дѣлѣ, какъ теперь уклониться отъ толпы, которая привѣтствуетъ въ немъ своего государя? Она будетъ слѣдовать за нимъ повсюду, и онъ сдѣлается предметомъ вниманія всего города. Ширванъ-шахъ, съ своей стороны, непремѣнно велитъ отъискивать человѣка, который укралъ его платье и его печати, и всѣ тотчасъ укажутъ на бѣднаго Сычанъ-Бега: его поймаютъ и предадутъ казни какъ вора. Не оставалось другаго средства, для спасенія своей головы отъ новой погибели, какъ принять на себя отважно званіе, пожалованное толпою по-ошибкѣ, и защититься его властью и отъ прежнихъ и новыхъ пре-

слѣдователей. И если ужъ преобразовать свою наружность такъ, чтобы никто не могъ и не смѣлъ въ новомъ лицѣ узнать прежняго человѣка, такъ ужъ лучше преобразовать себя въ полновластнаго шаха чѣмъ въ купца, зависящаго отъ произвола всякаго полицейскаго *дароги*. Первый шагъ былъ сдѣланъ благополучно: платье, это — человѣкъ; печати, это — его подлинность: стоило только довершить начатое преобразованіе поддѣлкою чертъ лица, бездѣльною операціей, извѣстною Сычанъ-Бегу, которому извѣстны были всѣ тайны природы, науки и искусства. Онъ рѣшился; и, принявъ величественный видъ, грозно сказалъ народу:

— Ктó смѣетъ узнавать падишаха, когда онъ выходитъ въ городъ переодѣтымъ по дѣламъ Аллаха и государства?.... Оставьте его сейчасъ въ покоѣ! Ступайте, каждый, въ свою сторону, и не тревожьте вашего государя.

Народъ не трогался съ мѣста.

— Пошли по домамъ, негодяи! закричалъ онъ толпѣ во все горло: и никто не смѣй выходить на улицу до самаго вечера! Приказъ падишаха!... Почитай, каждый, его крѣпкое слово!

Толпа мигомъ разсѣялась. Сычанъ-Бегъ, ощупавъ у себя въ карманѣ деньги, вынулъ одну золотую монету, бросилъ ее бородобрѣю, и важно вышелъ на улицу, опустѣвшую какъ по мановенію волшебника. Онъ зналъ въ этой части города одну развалину, съ давно забытымъ и одичавшимъ садомъ, куда никто не заходилъ, кромѣ собакъ, и дѣтей за птицами, и поворотилъ прямо въ ту сто-

рону. Онъ шелъ скоро, не оглядываясь, и только на минуту остановился у одной изъ лавокъ, торгующихъ посудою, чтобы купить себѣ глиняную чашку. Наконецъ, вотъ онъ въ саду, у небольшаго пруда, почти превратившагося въ болото. Кругомъ никого нѣтъ. Онъ зачерпываетъ воды чашкой, садится на пень, и вынимаетъ изъ кармана свой кожаный мѣшочикъ, въ которомъ находились ножикъ, бѣлый, прозрачный выпуклый камень, два или три мелкіе инструмента, книжечка, писанная загадочными знаками, употреблявшимися тогда въ медицинѣ, альхиміи и другихъ сокровенныхъ наукахъ, и нѣсколько бумажныхъ пачекъ съ порошками и зельями. Высыпавъ на колѣни все содержаніе своего мѣшочка, онъ заглянулъ въ таинственную рукопись; выбралъ три пачки; взялъ изъ каждой по щепоткѣ порошковъ; бросилъ все это въ чашку, и смѣшалъ; потомъ взялъ бѣлый камень, и долго прислушивался къ нему и смотрѣлъ въ него передъ солнцемъ; потомъ, спрятавъ камень, книжку, инструменты и порошки въ мѣшочекъ, обратился къ востоку, и сталъ водить или рѣзать указательнымъ пальцемъ по лицу, какъ-будто рисуя что-то на немъ, лѣпя, или выдавливая фигуры; наконецъ вдругъ нагнулся къ чашкѣ, помылъ лицо приготовленнымъ растворомъ, и чашку бросилъ въ прудъ. О чудо! черты Сычанъ-Бега совершенно измѣнились. Онъ сталъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на того, чье уже носилъ платье: они помѣнялись лицами!...

Я говорю «о чудо!» — потому-что нынче ничему не вѣрятъ, готовы назвать этотъ фактъ чу-

домъ и, пожалуй, не захотятъ даже и ему вѣрить. Между-тѣмъ теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что вмѣстѣ съ сокровенными знаніями среднихъ вѣковъ, которыя новѣйшая наука опрометчиво отвергла, попрала и истребила въ своей безразсудной гордости, погибли многія удивительныя открытія человѣчества, многія безцѣнныя тайны природы, извѣстныя тогда людямъ, посвятившимъ всю жизнь неусыпному ея изученію. Въ томъ числѣ погибъ и секретъ измѣнять природныя черты своего лица, — мгновенно и безъ всякой боли срывать съ человѣка его живую маску и переноситъ ее на другую голову, — словомъ, «мѣняться лицами», какъ тогда говорили. Что такое искусство дѣйствительно существовало и было извѣстно многимъ посвященнымъ въ сокровенное знаніе, свидѣтели тому — пятнадцать вѣковъ исторіи, — весь Западъ и весь Востокъ, — показанія ученѣйшихъ и самыхъ почтенныхъ людей древности и среднихъ временъ. Если этого мало, если нужны матеріяльныя доказательства, то Ширванъ — у насъ передъ глазами; Ширванъ, страшное и печальное доказательство той истины, что люди нѣкогда знали способы преобразованія чертъ лица по данному образцу. Что̀ можно сказать противъ Ширвана!.... У двухъ человѣкъ лица взаимно преобразовались: событіе совершилось при глазахъ цѣлаго народа; вслѣдствіе этого событія, славная династія ширванъ-шахо̀въ опрокинута, и сильное, знаменитое государство пало передъ лицомъ всего Кавказа, всей Азіи, всего свѣта: противъ такого огромнаго факта можно ли дѣлать возраженія?.... Да! искус-

ство, о которомъ мы говоримъ, существовало: это—положительно. На Западѣ оно называлось defaciatio; на Востокѣ, *теркру́й-бази́*. Это искусство теперь потеряно: это также—несомнѣнно. Въ одномъ только можно сомнѣваться—достигнемъ ли мы опять до полнаго познанія этого великаго секрета, хотя новѣйшая наука старается всѣми силами возстановить его? Вы не вѣрите?.... Да что̀ же дѣлаетъ нынѣшняя хирургія, налѣпляя вамъ на лица живые носы, уши, губы, подбородки какой угодно формы и величины, если не преобразованія чертъ лица? У Ивана и Петра отвались носы и губы: нынѣшняя хирургія, охотно возстанавливающая этого рода потери, берется, если заплатишь, дать Ивану точно такой носъ и такія губы, какіе были у Петра, и обратно. Развѣ это не то же искусство «мѣняться лицами»? Вся разница въ томъ, что теперь это дѣлается изъ живаго мяса, съ помощью ножа и формъ, неловко, неполно, съ болью, съ мученіями, и часто безъ успѣха, а тогда, посредствомъ неизвѣстныхъ намъ нынче процессовъ и препаратовъ, дѣлалось вдругъ, мигомъ, совершенно, и такъ непримѣтно, что не успѣешь, бывало, оглянуться, какъ уже у тебя похитили все лицо, съ носомъ, губами, щеками, подбородкомъ и бородою, и приставили другое.

Съ Халефъ-Падишахомъ случилось то же самое. Когда Сычанъ-Бегъ растворилъ порошки въ саду возлѣ пруда, Халефъ выходилъ изъ бань на улицу. Едва прошелъ онъ двѣсти или триста шаговъ, какъ ощутилъ на лицѣ своемъ непріятное щекотанье, колотье, давленіе: въ это время Сычанъ-

Бегъ водилъ и рѣзалъ пальцемъ по своему лицу, какъ-будто чертилъ новый планъ его. Лишь-только тотъ умылся растворомъ, у Халефа закружилась голова: ему показалось, будто старая метла быстро летитъ въ воздухѣ и спускается прямо на него; онъ уклонился вправо: метла поворотила въ ту же сторону, и проворно впилась ему въ подбородокъ. Это навѣрное была длинная рыжая борода Сычанъ-Бега. Въ то же время испуганный ширванъ-шахъ почувствовалъ, что носъ у него растетъ страшнымъ образомъ, и ротъ раскрывается почти до ушей. Но это не продолжалось и двухъ секундъ: операція въ саду была кончена, и Халефъ уже нисколько не походилъ на себя, а являлъ вѣрный слѣпокъ безобразной маски Сычанъ-Бега, котораго носилъ и платье. Какъ онъ не могъ видѣть своего лица и на улицахъ господствовала страшная суматоха по поводу землетрясенія, то вскорѣ и забылъ непріятныя ощущенія, испытанныя во время внезапнаго и быстраго переворота въ его физіономіи. Одному только онъ удивлялся: отчего борода у него вдругъ такъ вытянулась и полиняла?.... Прежде щеголялъ онъ красивою черною бородою, въ два дюйма съ половиною, а теперь у него болталась на груди гадкая, рыжая борода въ полъ-аршина!.... Ну, да время ли думать о бородѣ, когда домá валятся, народъ кричитъ и волнуется, раздавленные стонутъ, улицы загромождены мертвыми и больными? Полагая, что у него рябитъ въ глазахъ, Халефъ оставилъ бороду всторонѣ и пошелъ далѣе.

Мы встрѣтимся съ нимъ въ другомъ мѣстѣ.

Теперь нужно поскорѣе воротиться къ Сычанъ-Бегу, отъ котораго зависитъ судьба ширванскаго царства.

Въ одномъ изъ боковыхъ кармановъ похищенной Халефовой кабы было маленькое зеркальцо, которое восточные почти всегда носятъ съ собою. Сычанъ-Бегъ, изучившій уже всю статистику кармановъ своего облаченія, прибѣгнулъ къ этому зеркальцу, чтобы удостовѣриться, въ какой степени новое его лицо похоже на лицо человѣка, съ которымъ онъ раздѣвался въ уборной публичныхъ бань. Сходство показалось ему разительнымъ. Онъ изъ саду отправился прямо во дворецъ. Землетрясеніе случилось въ то время, когда онъ входилъ въ садъ. Тамъ оно было нечувствительно.

Сычанъ-Бегъ могъ опасаться, не опередилъ ли его Халефъ возвращеніемъ своимъ въ сераль, и это обстоятельство сильно тревожило поддѣльнаго падишаха: но, по всѣмъ его соображеніямъ, Халефъ еще долженъ былъ дѣлать кейфъ въ банѣ. Подходя къ главнымъ воротамъ сераля, Сычанъ-Бегъ разсудилъ, что неприлично, и невозможно, переодѣтому государю вступать во дворецъ этимъ входомъ, и что Халефъ вѣроятно отправился въ городъ другимъ путемъ. Онъ поворотилъ всторону, пошелъ вдоль окружной стѣны сераля и вскорѣ открылъ калитку, служившую тайнымъ выходомъ. Тотчасъ можно было замѣтить, что Халефъ еще не возвращался и что его ожидаютъ во дворцѣ: караулъ, сидѣвшій у калитки, вскочилъ съ земли, начальникъ его отворилъ дверь, и всѣ посто-

ронились съ благоговѣйнымъ почтеніемъ. Отворяя калитку, начальникъ караула закричалъ на дворъ: *Падишахъ гельди!* «Царь пришелъ!» Два чауша, съ серебряными палками, стоявшіе за калиткою, лишь-только Сычанъ-Бегъ появился въ двери, повернулись и пошли впереди его. Онъ преважно послѣдовалъ за ними. Такимъ образомъ благополучно достигъ онъ второй калитки, у которой чауши остановились и одинъ изъ нихъ, отворяя дверь, произнесъ также: *Падишахъ гельди!* За этой калиткой стояли тѣлохранители: начальники ихъ, подобно чаушамъ, проводили Сычана до третьей калитки, закричали — *Падишахъ гельди!* — и передали его садовой стражѣ. Сычанъ-Бегъ, благодаря этому порядку, прошелъ цѣлый лабиринтъ калитокъ, дворовъ, садовъ, лѣстницъ и корридоровъ, легче и удачнѣе, нежели какъ могъ ожидать человѣкъ, вовсе незнакомый съ внутреннимъ расположеніемъ своего огромнаго жилища. Послѣдніе два провожатые, чиновники въ родѣ каммергеровъ, доставили его къ желѣзной двери гарема, постучались, провозгласили урочное—*Падишахъ гельди*, и сдали Сычана на руки эвнухамъ. Тѣ привели его къ собственнымъ покоямъ государя.

Искусство среднихъ вѣковъ «мѣняться лицомъ» все-ёже не было такъ совершенно, какъ многіе ихъ обожатели полагаютъ. Оно могло измѣнять наружность головы, это безспорно: однакожъ не простиралось ни на умъ, ни на голосъ. Умъ убѣжища міра никогда не подлежалъ разбору подданныхъ въ Ширванѣ; но голосъ у Сычанъ-Бега былъ сиплый, густой, очень непріятный, и поста-

влялъ его въ большое затрудненіе. Этотъ голосъ могъ тотчасъ возбудить подозрѣнія. Сычанъ-Бегъ рѣшился молчать на своемъ царствѣ до послѣдней крайности.

Когда онъ возсѣлъ на софу своего предшественника, подошелъ главный изъ комнатныхъ служителей, и, по неизмѣнному этикету шемахинскаго двора, почтительно началъ раздѣвать его съ ногъ до головы, снялъ съ него запыленное платье, шапку, даже рубашку, и передалъ его другому служителю. Этотъ другой служитель, въ широкихъ шараварахъ и узкомъ жилетѣ, съ засученными по самое плечо рукавами рубахи, принялся изо всей силы править ему суставы, тормошить ноги и руки, рвать пальцы, натирать тѣло тонкимъ войлокомъ, щелкать, щекотать, и ворочать его какъ мячикъ: онъ съ такимъ свирѣпствомъ овладѣлъ свѣтлою особою Сычана и такъ его измучилъ, что новому падишаху не оставалось ничего болѣе, какъ возложить свое упованіе на Аллаха или испустить духъ. Это былъ *берберъ-баши*, главный бородобрѣй и банщикъ ширванъ-шаха, обязанный содержать его тѣло въ надлежащей свѣжести и исправности. Онъ зналъ всѣ пятнышки, всѣ знаки и царапинки, на лучезарной кожѣ своего владыки, и долженъ былъ отдавать ему отчетъ въ ихъ состояніи. Никакіе особенныя примѣты на тѣлѣ Сычана не поразили внимательнаго взора берберъ-баши: но ему показалось, будто свѣтлое тѣло, съ вчерашняго числа, стало капельку полнѣе и немножко короче, и притомъ, на правомъ ухѣ—ушами-то Сычанъ и забылъ помѣняться! — на пра-

вомъ ухѣ, есть рубецъ, котораго рѣшительно тутъ не было. Докладывать ли падишаху объ этомъ открытіи? Заводить рѣчь, когда падишахъ молчитъ, неприлично, но и нельзя же не доложить, по долгу службы, и для выказанія своего усердія. При всемъ своемъ страхѣ нарушить этикетъ, берберъ-баши не выдержалъ, и, зная неисчерпаемую щедрость своего повелителя, воскликнулъ:

— Я жертва падишаха, убѣжища міра, но тутъ есть рубецъ!

Лицо Сычана запылало огнемъ при этой уликѣ: онъ не отвѣчалъ ничего, но заворчалъ такимъ грубымъ и сердитымъ басомъ, что берберъ-баши отскочилъ со страху. «Точно ли это нашъ падишахъ?» подумалъ онъ. Привычной ласковости и любезности Халефа съ своими служителями и чиновниками и слѣда не было въ этомъ человѣкѣ со вступленія его во дворецъ. Совершенная разница въ походкѣ, пріемахъ, движеніяхъ и обращеніи крѣпко подтверждала сомнѣніе главнаго цырюльника. Но оно разсѣялось при первомъ взглядѣ на лицо.

Берберъ-баши поспѣшилъ окончить свое производство и удалиться. Но лишь-только вышелъ онъ изъ собственныхъ комнатъ ширванъ-шаха, этотъ рубецъ на ухѣ легъ камнемъ на его душу: разсуждая съ своими пріятелями о страшныхъ послѣдствіяхъ случившагося въ этотъ день землетрясенія, о разрушенныхъ каравансераяхъ, лопнувшихъ куполахъ, опрокинутыхъ минаретахъ, онъ замѣтилъ, что между прочимъ и въ одномъ ухѣ падишаха образовалась разсѣлина, да и го-

лосъ у него совершенно измѣнился. Всѣ воскликнули: — *Аджаибъ*! «чудеса!»

Служители принесли Сычану ежедневное платье Халефа, и онъ великолѣпно облекся въ царскую одежду. Они тоже раздѣляли наблюденіе, сдѣланное главнымъ цырюльникомъ надъ кореннымъ измѣненіемъ характера, пріемовъ и привычекъ падишаха. Все въ немъ казалось страннымъ или по-крайней-мѣрѣ новымъ. Онъ былъ угрюмъ, дикъ, неловокъ, на все смотрѣлъ съ любопытствомъ, и какъ-будто не зналъ что̀ дѣлать и какъ говорить. Главный эвнухъ стоялъ со списками женщинъ для окончательнаго рѣшенія дѣла: падишахъ и не напоминалъ объ нихъ. Феррашъ-баши явился, по приказанію Халефа, данному лично поутру: тотъ и не посмотрѣлъ на него. — «Падишахъ сегодня не въ духѣ!» перешептывались царедворцы. — Общее мнѣніе приписывало все это землетрясенію, котораго бѣдствія, вѣрно, очень опечалили доброе сердце падишаха. Но подали ужинъ, и падишахъ сталъ пожирать блюда съ такою жадностью, какъ-будто голодалъ трое сутокъ. Это уже не похоже на печаль! Но, съ другой стороны, удары были сильны и многочисленны: вѣроятно, протрясло свѣтлый желудокъ страшнѣйшимъ образомъ. Падишахъ, казалось, хочетъ наконецъ сказать что̀-то. Онъ дуется, посматриваетъ во всѣ стороны, шевелитъ губами. Всѣ вытягиваются, напрягаютъ вниманіе, съ благоговѣніемъ прислушиваются къ его первому слову. Наконецъ онъ раскрываетъ ротъ и, громовымъ голосомъ, произноситъ первое слово:

— *Шерабъ!* «вина!»

Молнія, упавшая на лучезарный дворецъ ширванъ-шаховъ, не произвела бы такого сотрясенія и ужасу въ многолюдной толпѣ прислужниковъ. Халефъ былъ примѣрный мусульманинъ, и, не только губъ своихъ, но даже и дому не осквернялъ отверженнымъ напиткомъ. Во всемъ дворцѣ не было ни капли вина. Но падишахъ приказалъ. Несмотря на остолбенѣніе, всѣ бросились искать, спрашивать, суетиться: самые смѣтливые побѣжали въ городъ, въ армянскіе трактиры, взводя руки къ небу и въ замѣшательствѣ повторяя вездѣ: «Падишахъ, послѣ землетрясенія, изволитъ требовать вина!» Но, въ самомъ дѣлѣ, для такого требованія и нельзя было придумать другаго благовиднаго повода. Оно могло объясниться однимъ только землетрясеніемъ.

Принесли крѣпкаго мингрельскаго вина. Сычанъ выпилъ два турьи рога. Это придало ему смѣлости, и онъ бодро утвердился на престолѣ ширванъ-шаховъ. Для прочности царства, онъ опорожнилъ еще два рога, и наконецъ сталъ изрядно веселъ.

При шемахинскомъ дворѣ издревле существовалъ обычай, что, послѣ ужина, главный эвнухъ выступалъ впередъ и спрашивалъ, которую изъ красавицъ всестыднѣйшаго гарема падишахъ прикажетъ пригласить къ себѣ на свою царскую бесѣду для нынѣшняго вечера? Съ нѣкотораго времени это дѣлалось только для соблюденія формы; потому-что, каждый вечеръ, послѣ ужина, Халефъ отправлялся въ покои панны Маріанны, которая составила

себѣ очень пріятный дворъ изъ открытыхъ въ гаремѣ талантовъ, и проводилъ остатокъ вечера у своей любезной и остроумной невѣсты. Въ этотъ вечеръ также, Ахмакъ - Ага, строгій блюститель этикета, по долгу своего званія преважно выступилъ впередъ, и ударивъ челомъ, сокращенно спросилъ — которую.

— Что̀? вскрикнулъ Сычанъ: что̀ такое?

Это ужасно изумило главнаго эвнуха, который ожидалъ, что ширванъ-шахъ, по обыкновенію, махнетъ рукою и скажетъ: «Не нужно!» Ахмакъ-Ага долженъ былъ снова повалиться наземь и повторить свой оффиціяльный вопросъ громче, полнѣе и яснѣе:

— Ничтожнѣйшій изъ рабовъ дерзаетъ всеусерднѣйше спрашивать, которую изъ блестящихъ и блюстительно имъ хранимыхъ жемчужинъ, то есть, красавицъ своего моря наслажденія, то есть, гарема, падишахъ, убѣжище міра, благоволитъ приказать сказанному рабу, Ахмакъ-Агѣ, пригласить сюда на свою свѣтлую и радостную бесѣду сегоднишняго вечера?

— Самую жирную! отвѣчалъ Сычанъ своимъ густымъ басомъ.

Ужасъ обнялъ великаго хранителя жемчужинъ. Не вставая съ земли и не поднимая головы, онъ со страхомъ примолвилъ:

— Ничтожнѣйшему изъ рабовъ послышалось, какъ-будто убѣжище міра изволило сказать.... самую... жирную?

— Ну, да! самую жирную! прогремѣлъ Сычанъ на всю залу. Зови сюда самую жирную, собачій

сынъ, и разсуждать не смѣй. Я вамъ не падишахъ, чтó ли?

Ахмакъ-Ага стремглавъ побѣжалъ въ гаремъ, дрожа отъ страху и позволяя себѣ только то разсужденіе, что у убѣжища міра землетрясеніе, видно, вытрясло весь умъ изъ головы. Въ гаремѣ вспыхнулъ настоящій мятежъ, когда онъ объявилъ тамъ волю владыки. Всѣ женщины вскрикнули и захохотали. Словà—«самую жирную» повторялись изъ конца въ конецъ съ разными насмѣшками надъ главнымъ эвнухомъ и съ дерзкими толкованіями новаго вкуса убѣжища міра, на которое жемчужины моря наслажденія уже давно негодовали, что оно перестало «благоволить» къ нимъ, съ-тѣхъ-поръ какъ въ гаремѣ появилась проклятая королевна невѣрныхъ. Ахмакъ-Ага съ трудомъ могъ унять этотъ соблазнъ. Онъ приказалъ всѣмъ женщинамъ выстроиться въ два ряда и началъ производить имъ правильный смотръ, чтобы безошибочно опредѣлить самую жирную. Женщины теряли терпѣніе. Изъ разныхъ мѣстъ строя раздавались восклицанія: «Я — самая жирная!» Объявительница своего права на выборъ тотчасъ встрѣчала противорѣчіе отъ соперницъ. Поднялся споръ, шумъ, безпорядокъ. Ряды разстроились. Однѣ кричали: «Я—самая жирная!»—«Врешь!.... я!—Нѣтъ, я!.... Посмотри, сколько у меня жиру!—Да посмотрика какъ я-то полновѣсна!—Жирнѣе меня и быть не можетъ!» Ахмакъ-Ага чуть съ ума не сошелъ съ этимъ народомъ, который не слушается ни какой дисциплины. Онъ мѣрялъ ихъ снуркомъ. Но это не вело ни къ какому опредѣ-

лительному результату: однѣ были жирнѣе прочихъ въ станѣ, другія въ плечахъ. Онъ велѣлъ идти всѣмъ на серальскую кухню, и сталъ вѣсить ихъ на кухонныхъ вѣсахъ. Такимъ только образомъ добился онъ до толку въ ихъ жирѣ. По мѣркѣ и по вѣсу, искомою красавицей оказалась гаремная судомойка, грязная невольница Шишманлы. Она единодушно была провозглашена самою жирною. Ее тотчасъ помыли, причесали, принарядили, и главный эвнухъ отвелъ эту массу сала въ собственные покои падишаха, среди общаго хохоту, шутокъ и насмѣшекъ всѣхъ худыхъ и жирныхъ.

Причина этой суматохи не могла долго оставаться неизвѣстною въ павильонѣ, занимаемомъ высокостепенною королевною Франкистана. Узнавъ объ ней черезъ своихъ женщинъ, панна Маріанна пришла въ страшное негодованіе на своего лучезарнаго жениха.

Оставимъ Сычана съ гаремною судомойкою и возвратимся въ Халефу.

Мы недавно видѣли его пробирающагося сквозь толпу народа, испуганнаго и разореннаго землетрясеніемъ. На улицѣ всѣ говорили, что здѣсь это еще — ничего, но что самое горестное бѣдствіе произошло въ старомъ каравансераѣ, гдѣ мгновенно обрушившіяся стѣны раздавили пятьдесятъ человѣкъ на-мѣстѣ и переранили до двухъ-сотъ. Добрый, сострадательный Халефъ, забывъ о своей бородѣ, побѣжалъ на мѣсто страшнаго происшествія, чтобы подать руку помощи несчастнымъ. Развалины стараго каравансерая представляли

самое печальное зрѣлище. Земля устлана ранеными и ушибленными, воздухъ наполненъ ихъ стонами. Многіе изъ работниковъ еще придавлены обломками стѣнъ или тяжелыми тюками товаровъ, и народъ, столпившійся около каравансерая, стоитъ неподвижно и зѣваетъ, не думая даже спасать погибающихъ. Халефъ, съ-горяча, совершенно забылъ, что онъ переодѣтъ. По привычному сознанію своей власти, онъ грозно закричалъ на безчувственныхъ лѣнивцевъ, и приказалъ имъ расчищать мусоръ, отваливать тяжести и освобождать страждущихъ. Многіе, полагая, что онъ чиновникъ, присланный падишахомъ, повиновались его голосу, и благородный Халефъ, чтобы подать имъ примѣръ, самъ началъ отбрасывать камни и перетаскивать тюки. Одинъ изъ купцовъ, которымъ принадлежали эти товары, видя, что онъ раскидываетъ собственность его во всѣ стороны, сказалъ своимъ товарищамъ:

— Чтò это за человѣкъ? Чтò онъ здѣсь распоряжается какъ въ своемъ домѣ? Надо сжечь его отца! Гдѣ *дарога?*

По ихъ жалобѣ, пришелъ полицейскій чиновникъ, и, посмотрѣвъ значительно на странную фигуру, затасканное платье, вытертую шапку распорядителя, торжественно подбоченился.

— Человѣкъ! спросилъ онъ Халефа: ты здѣсв *дарога* или я? Какъ ты смѣешь трогать чужія вещи, не спросясь ни у ихъ хозяевъ, у господъ купцовъ, ни у меня?... Пошелъ прочь!

Халефъ оставилъ работу и, подойдя къ *дарогѣ*, грозно сказалъ ему вполголоса:

— Молчи!... не ѣшь грязи!... Не видишь ли, кто я?... не узнаёшь меня?... Я — ширванъ-шахъ. Я— твое переодѣтое убѣжище міра. Это что̀ за рѣчи? Молчи!... и гони сюда народъ!... Приказывай всѣмъ работать, и работай самъ!

— Оскверню я могилы твоихъ отцовъ! съ гнѣвомъ закричалъ на него *дарога*. Что ты это здѣсь вздумалъ, сожженный отецъ, повелѣвать мною? Ты — мое убѣжище міра?... ты?... Ты смѣешь выдавать себя за ширванъ-шаха, да умножится его сила?... Посмотри на свою рожу! похожъ ли ты хоть немножко на нашего падишаха, да не уменьшится никогда тѣнь его? Да видно землетрясеніе расшатало у тебя черепъ и потрясло мозгъ до основанія! Мнѣ ли не знать моего падишаха?.... Прочь отсюда, *пезевенгъ*! Нето велю тотчасъ схватить тебя и запереть въ тюрьму какъ самозванца.

Халефъ опомнился. Въ самомъ дѣлѣ, подъ этою грязною одеждою, которую оставили для него въ банѣ, никто, по его мнѣнію, и не долженъ предполагать одного изъ великолѣпнѣйшихъ властелиновъ Востока. Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ грубому *дарогѣ*, онъ сошелъ съ развалинъ и отправился въ свой дворецъ. Безполезно было подвергаться дальнѣйшимъ непріятностямъ въ этомъ нарядѣ и, притомъ, печальныя обстоятельства требовали поспѣшить отдачею приказаній, которыя могли изойти только изъ дворца. Идучи домой, онъ часто посматривалъ на свою бороду, и удивлялся, что землетрясеніе оказало такое чудное дѣйствіе на ея цвѣтъ и длину. Но у тайнаго входа въ сераль встрѣтила его новая непріятность: карауль-

вые подняли свои палки и безъ церемоніи прогнали его отъ калитки, съ тѣми же замѣчаніями и эпитетами, какіе онъ уже слышалъ отъ *дероги*. По ихъ словамъ, падишахъ только-что прошелъ этимъ путемъ въ свой высокій дворецъ: сами они его видѣли и привѣтствовали.—*Дели! дели!* «сумасшедшій! сумасшедшій»! кричали они бѣдному ширванъ-шаху и совѣтовали ему убираться оттуда, если онъ не хочетъ подвергнуться опаснымъ послѣдствіямъ своей дерзости.

Халефъ отошелъ отъ нихъ, въ изумленіи и негодованіи, и обратился къ главному входу, который звали «Воротами Счастья». Дорогой, онъ ощупывалъ свое лицо, носъ, губы, глаза, которые, видно, измѣнились такъ же какъ и борода, когда въ этихъ чертахъ никто не узнаетъ лица своего повелителя, и, дѣйствительно, находилъ въ нихъ какую-то перемѣну. У Воротъ Счастья — та же исторія. Его прогнали, съ насмѣшками надъ безобразіемъ лица и разстройствомъ ума. Онъ обошелъ такимъ образомъ всѣ входы въ свой дворецъ, и вездѣ встрѣтилъ одинаковый пріемъ: «Сумасшедшій! сумасшедшій!...»

Отчаяніе овладѣло Халефомъ. Онъ долженъ былъ согласиться, что вѣроятно сталъ вовсе не похожъ на себя. Но какъ это могло случиться?... Халефъ рѣшительно началъ предполагать, что тутъ замѣшалась какая-то чертовщина. Идучи, печальный, отъ своего дворца обратно въ городъ, онъ увидѣлъ между проходящими одного стараго муллу и остановилъ его обыкновеннымъ у мусульманъ привѣтствіемъ:

— Миръ съ вами!

— И съ вами миръ!

— Душа моя, мулла! сказалъ Халефъ: ты умный и правдивый человѣкъ: борода у тебя бѣлая; ты не захочешь насмѣхаться надъ моей.... хоть это и вовсе не моя!.... Извини, если я предложу тебѣ вопросъ, который можетъ показаться страннымъ. Каково у меня лицо? Опиши по совѣсти!

— Аллахъ да проститъ тебѣ, сынъ мой, такіе неприличные вопросы! важно отвѣчалъ старый мулла: но если тебѣ это нужно....

— Очень нужно!

— Изволь, я опишу. У тебя лицо ужасно загорѣлое.

— Аллахъ! Аллахъ! Сегодня по-утру оно у меня было бѣлое какъ стамбульская бумага, и притомъ я по-полудни былъ въ банѣ.

— Носъ, вотъ, съ мой кулакъ!

— *Аджаибъ!* «чудеса»! Еще недавно, въ банѣ, я смотрѣлся въ зеркало и носъ мой былъ средній, правильный, очень хорошій!....

— Ротъ прешорокій и губы синія.

— *Ля иляхъ илль Аллахъ!* «нѣтъ божества кромѣ Бога»! Ротъ и губы мои славились своей красотой! Ихъ сравнивали съ расцвѣтающею розою.

— Глаза зелено-сѣрые и торчатъ вонъ изъ головы, какъ у рака.

— *Ля хевль вѐ ля куввѐтъ илля биллляхъ!* «нѣтъ силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха»! Да у меня глаза всегда были черные!

— Этого ужъ я не знаю, возразилъ мулла. Я говорю, по чистой совѣсти, то, что̀ есть. Около

глазъ у тебя красные круги, и все лицо... извини, мой сынъ!... пребезобразно.

— Такъ ужъ, видно, Аллахъ наказалъ меня за какое-нибудь прегрѣшеніе! съ отчаяніемъ вскричалъ Халефъ. Клянусь тебѣ, мулла, твоей жизнію и солью падишаха, что я слыву красавцемъ... то есть, слылъ... еще за два часа до этого. Мужчины и женщины, всѣ говорятъ... говорили... что я прекраснѣе полной луны и могъ бы поспорить въ благолѣпіи съ *Юсуфомъ эль-Хуснъ.* Душа моя, свѣтъ глазъ моихъ, мулла! ты мудрый человѣкъ: скажи, какъ это случилось, что у меня такъ, вдругъ, всѣ черты лица оборотились вверхъ-ногами?

— Судьба! воскликнулъ старый мулла, взводя глаза къ небу. Такъ было написано въ Книгѣ Судебъ! Оборотились вверхъ ногами, и конецъ!

— Конечно, судьба, возразилъ Халефъ: но вѣдь судьба употребляетъ же какія-нибудь средства къ исполненію того, что̀ написано въ Книгѣ. Говори, мулла: какъ это случилось? отчего?

— Если ты честный человѣкъ, и не морочишь меня, не смѣешься, не лжешь...

— ***Валлахъ! билляхъ! таллахъ!*** ей-ей, не лгу! До смѣху ли мнѣ теперь, когда я въ отчаяніи? когда я не знаю, куда преклонить голову? когда у меня нѣтъ ни гроша, ни куска хлѣба? Когда я лишенъ всего...

— Аллахъ великъ! торжественно произнесъ мулла.

— Да! Аллахъ великъ! повторилъ Халефъ съ нетерпѣніемъ. Но говори, мулла: какъ это могло случиться?

— Если ты меня не обманываешь и уважаешь свою собственную бороду.....

— Пропади она! это не моя борода! Моя была коротенькая, черная, очень красивая. Эта упала на меня съ неба. Она ко мнѣ прилетѣла по воздуху.

— Какъ, прилетѣла?

— Да такъ! Прилетѣла и вцѣпилась мнѣ въ подбородокъ, какъ колючая шишка въ полу кафтана. Я самъ видѣлъ! Прежде думалъ я, что у меня рябитъ въ глазахъ: но теперь совершенно убѣжденъ, что я точно видѣлъ. Помню, какъ летѣло прямо на меня что-то похожее на огненную метлу.... Вѣдь эта борода — рыжая? не правда ли, мулла?

— Удивительно рыжая. Красна, какъ пламя.

— Тó-то и есть! Я полагалъ, что огненная метла, которую замѣтилъ въ воздухѣ, принадлежитъ къ явленіямъ землетрясенія; но теперь вижу, что это была моя нынѣшняя борода. Скажи, мулла, чтò ты объ этомъ думаешь?

— Я скажу тебѣ, мой сынъ: чтò касается до лица, то тебя очевидно сглазилъ злой завистникъ; а чтò до бороды, то, по моему мнѣнію, она, въ самомъ дѣлѣ, должна принадлежать къ явленіямъ землетрясенія, которое, какъ стоитъ въ книгахъ мудрецовъ, часто сопровождается страшными молніями, огнями, кометами и разными другими метлами.

— Аллахъ! Аллахъ! всѣ мы собственность Аллаха, и къ нему возвратимся! уныло воскликнулъ Халефъ. Кто разгадаетъ всѣ чудеса природы? Странныя вещи происходятъ въ мірѣ Аллахо-

вомъ!.... Но борода — небольшая важность: я пожалуй, велю ее выкрасить. Главная сила—въ лицѣ. Если мое лицо сглажено, то есть, очаровано, тогда можно было бы снять чары и возвратить его къ прежнему виду.

— Конечно, можно! Есть люди, которые умѣютъ это дѣлать.

— Не знаешь ли хорошаго колдуна, который бы оказалъ мнѣ эту услугу?

— Право не знаю! Недалеко отсюда есть одинъ бородобрѣй, по имени Фузулъ-Ага. Онъ занимается разными ремеслами, и, между прочимъ, немножко извѣстенъ какъ колдунъ..... а болѣе какъ астрологъ..... но все-таки болѣе какъ бородобрѣй. Обратись къ нему. Фузулъ-Ага живетъ, вонъ тамъ, на углу. Мнѣ недосугъ. Солнце заходитъ: пора молиться. Поручаемъ васъ Аллаху!

Старый мулла простился и ушелъ. Халефъ побѣжалъ къ Фузулъ-Агѣ, и черезъ нѣсколько минутъ уже былъ въ его лавкѣ.

— Миръ съ вами!

— И съ вами миръ!

— Все ли вы въ хорошемъ кейфѣ, ага?

— Какъ не быть подлому рабу въ хорошемъ кейфѣ, воскликнулъ бородобрѣй съ изъявленіями глубочайшаго почтенія: когда убѣжище міра два раза въ одинъ день освѣщаетъ его темное жилище своимъ лучезарнымъ присутствіемъ?... Нѣтъ, звѣзды никогда не врутъ! Подлый рабъ правду сказалъ, утверждая, что этотъ день—самый благополучный въ цѣломъ столѣтіи. Славный былъ день, нечего сказать! Я отдѣлалъ болѣе двухъ сотъ

головъ. Всѣ бритвы иступились. Но когда подлая рука коснется свѣтлой головы падишаха, такъ ужь благополучіе непремѣнно распространится на всю особу, на весь домъ. Я долженъ лобызать прахъ слѣда священныхъ туфлей падишаха за всемилостивѣйшее пожалованіе дважды въ одинъ день къ моему низкому порогу.

— Это что̀ за рѣчи? вскричалъ изумленный Халефъ. Обо мнѣ ли говоришь ты это?.... Если обо мнѣ, такъ гдѣ же ты меня видѣлъ прежде? откуда знаешь мое нынѣшнее лицо? Говори, бородобрѣй: можешь ли сказать, кто я таковъ?

— Да что̀ я за собака, отвѣчалъ Фузулъ-Ага, чтобы, когда послѣдуетъ повелѣніе, не умѣть сказать, кто̀ вы таковы?... Только я теперь вижу, что вы переодѣлись опять въ другое платье: можетъ-быть вамъ не угодно, чтобы я узнавалъ васъ?

— Я тебя не понимаю! возразилъ Халефъ. Если ты гдѣ-нибудь видѣлъ меня прежде, такъ узнавай. Говори: кто̀ я?

— Кто́ вы?... вскричалъ бородобрѣй. Слава Аллаху, вы—нашъ всеправосуднѣйшій, могущественный, всегда побѣдоносный падишахъ, убѣжище міра, нашъ зиждитель правовѣрія, искоренитель ереси и невѣрія, наша тѣнь Аллаха на землѣ, нашъ полюсъ вселенной, центръ мудрости и столбъ величія, потомокъ Джемджага и наслѣдникъ Ферга-да и Сама. Вы всегда были этимъ и будете. Чѣмъ же вамъ быть?

И, въ заключеніе полнаго списка титуловъ ширванъ-шаха, бородобрѣй упалъ ницъ и съ благо-

говѣніемъ поцѣловалъ край полы высокаго посѣтителя.

— Слава Богу, сказалъ Халефъ, что хоть одинъ изъ моихъ подданныхъ узналъ меня сегодня. Встань, мой другъ, Фузулъ-Ага. Говори со мной за́-просто, безъ всякихъ церемоній. Я пришелъ къ тебѣ за дѣломъ. На благословенный нашъ Ширванъ странная слѣпота нашла сегодня послѣ землетрясянія: никто не узнаетъ меня! Я слышалъ, что ты занимаешься звѣздами и еще кой-какимъ дѣломъ. Нѣтъ ли средства извлечь нашихъ Шемахинцевъ изъ этого искаженнаго состоянія ихъ чувства зрѣнія? Ты меня узналъ: стало-быть, можно узнать меня, допустивъ даже, что во мнѣ кое-что̀ измѣнилось......

— Я нахожу, замѣтилъ бородобрѣй, что у васъ, падишахъ, измѣнился всего одинъ только голосъ. Вы прежде говорили.... такъ!.... немножко басомъ!

— Ну, это тебѣ такъ кажется! возразилъ Халефъ. Мой голосъ ни чуть не измѣнился. Но положимъ, что измѣнился: все же ты мигомъ узналъ меня! Такъ зачѣмъ же другіе Ширванцы не узнаютъ меня?.... Ясно, что у нихъ исказилось зрѣніе!

— Великое слово сказали вы, падишахъ! воскликнулъ ученый бородобрѣй. Въ природѣ есть сокровенныя силы, которыми управляютъ только люди, проникшіе ея тайны. Подлый рабъ кое-что смѣкаетъ въ этомъ дѣлѣ, и тонкости вещей не совсѣмъ чужды его слабому разумѣнію. Въ этомъ городѣ долженъ быть страшный колдунъ!.... Сегодня перебывало у меня множество народу, и всѣ одногласно приписывали землетрясеніе нечистой силѣ. Я не обращалъ вниманія на эти толки, по-

тому-что землетрясенія случаются иногда и отъ дѣйствія другихъ силъ. Но теперь, соображая это бѣдствіе съ тѣмъ, что изволите разсказывать объ искаженіи зрѣнія у людей ширванскихъ, дотого, что они не видятъ такой лучезарной персоны какъ ваша и не узнаютъ своего падишаха, я вижу ясно въ чемъ дѣло. Нашъ городъ испорченъ! Тутъ непремѣнно есть колдунъ. Это землетрясеніе, это искаженіе глазъ, и всѣ другія несчастія, которыя еще послѣдуютъ, все это — его работа. И знаете ли, падишахъ, кѣмъ онъ подосланъ?

— Кѣмъ же?

— Дели-Ивапомъ!

— Московскимъ царемъ?

— Именно! Онъ вашъ завистникъ, и наслалъ сюда колдуна.... если только не самъ онъ здѣсь! Это дѣло извѣстное.... всѣ армянскіе купцы, которые бывали въ Москвѣ, скажутъ вамъ.... что онъ занимается чернокнижіемъ, обладаетъ *алькиміей*, то есть, «философскимъ камнемъ», предводительствуетъ цѣлымъ полкомъ колдуновъ, у которыхъ, какъ сказываютъ, головы — волчьи, и самъ—преопасный колдунъ. Въ его землѣ, далеко на сѣверѣ, есть огромное озеро, замерзающее каждый годъ на семь мѣсяцевъ, и около этого озера живетъ народъ, съ длинными бѣлыми волосами, преданный весь колдовству. Весь свѣтъ знаетъ, что колдовствомъ покорилъ онъ и Казань и Астрахань! Безъ чернокнижія не побѣдить бы ему мусульманъ. Или онъ, или его чародѣй-визирь, непремѣнно здѣсь! Многіе уже догадывались, что землетрясеніе произведено ими. Но теперь это —

вѣрно. Надо открыть этого чернокнижника! Когда я сегодня отбрилъ свѣтлую голову падишаха, убѣжища міра...

— Когда ты сегодня отбрилъ мою голову?.... вскричалъ Халефъ. Да я у тебя не былъ сегодня..... и уже четвертый день какъ моя голова не брита!.... Видно, кромѣ землетрясенія и искаженія глазъ, колдуны еще испортили твой ученый мозгъ. Посмотри, если не вѣришь!

Халефъ снялъ шапку, и обнаружилъ голову, покрытую уже волосками порядочной величины, которые своимъ цвѣтомъ и лоскомъ придавали ея поверхности видъ чернаго атласа. Фузулъ-Ага остолбенѣлъ.

— Аллахъ! Аллахъ! воскликнулъ онъ внѣ себя отъ изумленія: я—жертва падишаха, но это ужъ явное колдовство! Ваша свѣтлая голова околдована!

— Самъ ты, братецъ, околдованъ! возразилъ ширванъ-шахъ. Можешь быть увѣренъ, что въ длинѣ этихъ волосковъ нѣтъ никакого чародѣйства.

— Ну, такъ это отъ дѣйствія звѣздъ! замѣтилъ бородобрѣй-астрологъ. Звѣздамъ нѣтъ ничего невозможнаго въ природѣ. Вліяніе ихъ удивительно могущественно на всѣ обстоятельства нашего быту. Принимая въ соображеніе, что сегодня — самый благополучный день для бритья, чудо длины этихъ волосковъ удовлетворительно объясняется тѣмъ, что я навѣрное точилъ утромъ бритву въ моментъ соединенія Марса съ Венерой. Эти планеты имѣютъ сильное вліяніе на ростъ волосъ.—Но

вотъ что̀ удивительно! прибавилъ бородобрѣй, взявъ Халефа за ухо, почтительно, кончиками пальцевъ: на этомъ свѣтломъ ухѣ сегодня былъ рубецъ, а теперь его нѣтъ!... *Валлахъ! биллягь!* какъ я мусульманинъ, такъ тутъ былъ рубецъ!

— Такъ или ты въ горячкѣ, или тутъ случилось нѣчто совершенно неразгадаемое, съ нетерпѣніемъ сказалъ ширванъ-шахъ, задумавшійся во время этого разсужденія. Подай мнѣ зеркало!

Фузулъ-Ага принесъ небольшое круглое зеркальцо. Халефъ взглянулъ и ужаснулся.

— *Аманъ! аманъ!* закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ: я погибъ! я умеръ!.... это не я!.... это кто-то другой!.... Мнѣ налѣпили чужое лицо!

Рука съ зеркаломъ упала на колѣни, голова печально поникла, и Халефъ погрузился въ раздумье. Спустя мгновеніе, онъ вдругъ выпрямился, какъбудто оживленный лучомъ внезапной мысли, еще разъ посмотрѣлся въ зеркало, и воскликнулъ:

— Я знаю, чье это лицо!... Это — того мошенника, который сегодня раздѣвался вмѣстѣ со мною въ уборной Сулеймановскихъ бань и вмѣстѣ вошелъ въ банную. При моемъ выходѣ, его уже не было: онъ-то навѣрное и похитилъ мое платье, а мнѣ оставилъ свои лохмотья!

Пораженный этимъ замѣчаніемъ, Фузулъ-Ага осмѣлился спросить, каково было платье падишаха. Халефъ подробно описалъ весь свой костюмъ и присовокупилъ, что въ шапкѣ были спрятаны его частныя печати.

— Ну, такъ это онъ былъ у меня по-полудни, а не падишахъ! съ ужасомъ воскликнулъ бородо-

брѣй. Такъ это поганому колдуну брилъ я сегодня голову, полагая, будто брѣю свѣтлую голову ширванъ-шаха!... Проклятіе на его бороду!... Но позвольте доложить, падишахъ, что это долженъ быть колдунъ большой руки!... чародѣй перваго разбора!... самъ Дели-Иванъ лично, по-крайней-мѣрѣ!... Такія штуки весьма немногіе въ состояніи отпускать. Знаете ли чтò онъ съ вами сдѣлалъ?... Онъ сдѣлалъ *теркруй-бази*! Онъ помѣнялся съ вами и, вѣрно, сидитъ теперь на вашемъ престолѣ....

Халефъ заплакалъ.

— Не унывайте, государь! сказалъ Фузулъ-Ага! Аллахъ великъ! Мы сообразимся съ книгими мудрецовъ, и посмотримъ, чтò можно сдѣлать противъ его адскаго искусства.

— Я здѣсь у тебя останусь, если ты не выгонишь меня, печально сказалъ ширванъ-шахъ. Одинъ только ты, въ этомъ государствѣ, не отвергаешь своего государя....

Фузулъ-Ага утиралъ свои слезы рукавомъ, и, цѣлуя край полы Халефа, клялся остаться своему ширванъ-шаху вѣрнымъ до послѣдней капли крови. Добрый цирюльникъ предлагалъ ему свой домъ, все имущество, свою помощь, и обѣщалъ работать на него всю жизнь, если имъ обоимъ не суждено низвергнуть злаго колдуна соединенными силами и Халефъ никогда не возвратится на царство.

— Ты женатъ? спросилъ ширванъ-шахъ.

— На пользу службы падишаха, убѣжища міра, отвѣчалъ Фузулъ-Ага.

— Попроси для меня у своей хозяйки чего-ни-

— Молчи!... не ѣшь грязи!... Не видишь ли, кто я?... не узнаёшь меня?... Я — ширванъ-шахъ. Я — твое переодѣтое убѣжище міра. Это что за рѣчи? Молчи!... и гони сюда народъ!... Приказывай всѣмъ работать, и работай самъ!

— Оскверню я могилы твоихъ отцовъ! съ гнѣвомъ закричалъ на него *дарога*. Что ты это здѣсь вздумалъ, сожженный отецъ, повелѣвать мною? Ты — мое убѣжище міра?... ты?... Ты смѣешь выдавать себя за ширванъ-шаха, да умножится его сила?... Посмотри на свою рожу! похожъ ли ты хоть немножко на нашего падишаха, да не уменьшится никогда тѣнь его? Да видно землетрясеніе расшатало у тебя черепъ и потрясло мозгъ до основанія! Мнѣ ли не знать моего падишаха?.... Прочь отсюда, *пезевенгъ*! Нето велю тотчасъ схватить тебя и запереть въ тюрьму какъ самозванца.

Халефъ опомнился. Въ самомъ дѣлѣ, подъ этою грязною одеждою, которую оставили для него въ банѣ, никто, по его мнѣнію, и не долженъ предполагать одного изъ великолѣпнѣйшихъ властелиновъ Востока. Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ грубому *дарогѣ*, онъ сошелъ съ развалинъ и отправился въ свой дворецъ. Безполезно было подвергаться дальнѣйшимъ непріятностямъ въ этомъ нарядѣ и, притомъ, печальныя обстоятельства требовали поспѣшить отдачею приказаній, которыя могли изойти только изъ дворца. Идучи домой, онъ часто посматривалъ на свою бороду, и удивлялся, что землетрясеніе оказало такое чудное дѣйствіе на ея цвѣтъ и длину. Но у тайнаго входа въ сераль встрѣтила его новая непріятность: карауль-

ные подняли свои палки и безъ церемоніи прогнали его отъ калитки, съ тѣми же замѣчаніями и эпитетами, какіе онъ уже слышалъ отъ *дароги*. По ихъ словамъ, падишахъ только-что прошелъ этимъ путемъ въ свой высокій дворецъ: сами они его видѣли и привѣтствовали.—*Дели! дели!* «сумасшедшій! сумасшедшій»! кричали они бѣдному ширванъ-шаху и совѣтовали ему убираться оттуда, если онъ не хочетъ подвергнуться опаснымъ послѣдствіямъ своей дерзости.

Халефъ отошелъ отъ нихъ, въ изумленіи и негодованіи, и обратился къ главному входу, который звали «Воротами Счастья». Дорогой, онъ ощупывалъ свое лицо, носъ, губы, глаза, которые, видно, измѣнились такъ же какъ и борода, когда въ этихъ чертахъ никто не узнаетъ лица своего повелителя, и, дѣйствительно, находилъ въ нихъ какую-то перемѣну. У Воротъ Счастья — та же исторія. Его прогнали, съ насмѣшками надъ безобразіемъ лица и разстройствомъ ума. Онъ обошелъ такимъ образомъ всѣ входы въ свой дворецъ, и вездѣ встрѣтилъ одинаковый пріемъ: «Сумасшедшій! сумасшедшій!....»

Отчаяніе овладѣло Халефомъ. Онъ долженъ былъ согласиться, что вѣроятно сталъ вовсе не похожъ на себя. Но какъ это могло случиться?.... Халефъ рѣшительно началъ предполагать, что тутъ замѣшалась какая-то чертовщина. Идучи, печальный, отъ своего дворца обратно въ городъ, онъ увидѣлъ между проходящими одного стараго муллу и остановилъ его обыкновеннымъ у мусульманъ привѣтствіемъ:

— Миръ съ вами!

— И съ вами миръ!

— Душа моя, мулла! сказалъ Халефъ: ты умный и правдивый человѣкъ: борода у тебя бѣлая; ты не захочешь насмѣхаться надъ моей.... хоть это и вовсе не моя!.... Извини, если я предложу тебѣ вопросъ, который можетъ показаться страннымъ. Каково у меня лицо? Опиши по совѣсти!

— Аллахъ да проститъ тебѣ, сынъ мой, такіе неприличные вопросы! важно отвѣчалъ старый мулла: но если тебѣ это нужно....

— Очень нужно!

— Изволь, я опишу. У тебя лицо ужасно загорѣлое.

— Аллахъ! Аллахъ! Сегодня по-утру оно у меня было бѣлое какъ стамбульская бумага, и притомъ я по-полудни былъ въ банѣ.

— Носъ, вотъ, съ мой кулакъ!

— *Аджаибъ!* «чудеса»! Еще недавно, въ банѣ, я смотрѣлся въ зеркало и носъ мой былъ средній, правильный, очень хорошій!....

— Ротъ преширокій и губы синія.

— *Ля иляхъ илль Аллахъ!* «нѣтъ божества кромѣ Бога»! Ротъ и губы мои славились своей красотой! Ихъ сравнивали съ расцвѣтающею розою.

— Глаза зелено-сѣрые и торчатъ вонъ изъ головы, какъ у рака.

— *Ля хевль вѐ ля куввѐтъ илля биллях!* «нѣтъ силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха»! Да у меня глаза всегда были черные!

— Этого ужъ я не знаю, возразилъ мулла. Я говорю, по чистой совѣсти, то, что̀ есть. Около

азъ у тебя красные круги, и все лицо... извини,
й сынъ!... пребезобразно.

— Такъ ужъ, видно, Аллахъ наказалъ меня за
кое-нибудь прегрѣшеніе! съ отчаяніемъ вскри-
лъ Халефъ. Клянусь тебѣ, мулла, твоей жизнію
солью падишаха, что я слыву красавцемъ... то
ть, слылъ... еще за два часа до этого. Мужчины
женщины, всѣ говорятъ... говорили... что я пре-
раснѣе полной луны и могъ бы поспорить въ
агolѣпіи съ *Юсуфомъ эль-Хуснъ*. Душа моя,
ѣтъ глазъ моихъ, мулла! ты мудрый человѣкъ:
ажи, какъ это случилось, что у меня такъ, вдругъ,
ѣ черты лица оборотились вверхъ-ногами?

— Судьба! воскликнулъ старый мулла, взводя
аза къ небу. Такъ было написано въ Книгѣ Су-
бъ! Оборотились вверхъ ногами, и конецъ!

— Конечно, судьба, возразилъ Халефъ: но вѣдь
дьба употребляетъ же какія-нибудь средства къ
полненію того, что̀ написано въ Книгѣ. Говори,
улла: какъ это случилось? отчего?

— Если ты честный человѣкъ, и не морочишь
еня, не смѣешься, не лжешь...

— *Валлахъ! билляхъ! таллахъ!* ей-ей, не лгу!
о смѣху ли мнѣ теперь, когда я въ отчаяніи?
огда я не знаю, куда преклонить голову? когда
меня нѣтъ ни гроша, ни куска хлѣба? Когда я
шенъ всего...

— Аллахъ великъ! торжественно произнесъ
улла.

— Да! Аллахъ великъ! повторилъ Халефъ съ
терпѣніемъ. Но говори, мулла: какъ это могло
учиться?

— Если ты меня не обманываешь и уважаешь свою собственную бороду.....

— Пропади она! это не моя борода! Моя была коротенькая, черная, очень красивая. Эта упала на меня съ неба. Она ко мнѣ прилетѣла по воздуху.

— Какъ, прилетѣла?

— Да такъ! Прилетѣла и вцѣпилась мнѣ въ подбородокъ, какъ колючая шишка въ полу кафтана. Я самъ видѣлъ! Прежде думалъ я, что у меня рябитъ въ глазахъ: но теперь совершенно убѣжденъ, что я точно видѣлъ. Помню, какъ летѣло прямо на меня что-то похожее на огненную метлу.... Вѣдь эта борода — рыжая? не правда ли, мулла?

— Удивительно рыжая. Красна, какъ пламя.

— Тó-то и есть! Я полагалъ, что огненная метла, которую замѣтилъ въ воздухѣ, принадлежитъ къ явленіямъ землетрясенія; но теперь вижу, что это была моя нынѣшняя борода. Скажи, мулла, чтò ты объ этомъ думаешь?

— Я скажу тебѣ, мой сынъ: чтò касается до лица, то тебя очевидно сглазилъ злой завистникъ; а чтò до бороды, то, по моему мнѣнію, она, въ самомъ дѣлѣ, должна принадлежать къ явленіямъ землетрясенія, которое, какъ стоитъ въ книгахъ мудрецовъ, часто сопровождается страшными молніями, огнями, кометами и разными другими метлами.

— Аллахъ! Аллахъ! всѣ мы собственность Аллаха, и къ нему возвратимся! уныло воскликнулъ Халефъ. Кто разгадаетъ всѣ чудеса природы? Странныя вещи происходятъ въ мірѣ Аллахо-

вомъ!.... Но борода — небольшая важность: я пожалуй, велю ее выкрасить. Главная сила—въ лицѣ. Если мое лицо сглажено, то есть, очаровано, тогда можно было бы снять чары и возвратить его къ прежнему виду.

— Конечно, можно! Есть люди, которые умѣютъ это дѣлать.

— Не знаешь ли хорошаго колдуна, который бы оказалъ мнѣ эту услугу?

— Право не знаю! Недалеко отсюда есть одинъ бородобрѣй, по имени Фузулъ-Ага. Онъ занимается разными ремеслами, и, между прочимъ, немножко извѣстенъ какъ колдунъ..... а болѣе какъ астрологъ..... но все-таки болѣе какъ бородобрѣй. Обратись къ нему. Фузулъ-Ага живетъ, вонъ тамъ, на углу. Мнѣ недосугъ. Солнце заходитъ: пора молиться. Поручаемъ васъ Аллаху!

Старый мулла простился и ушелъ. Халефъ побѣжалъ къ Фузулъ-Агѣ, и черезъ нѣсколько минутъ уже былъ въ его лавкѣ.

— Миръ съ вами!

— И съ вами миръ!

— Все ли вы въ хорошемъ кейфѣ, ага?

— Какъ не быть подлому рабу въ хорошемъ кейфѣ, воскликнулъ бородобрѣй съ изъявленіями глубочайшаго почтенія: когда убѣжище міра два раза въ одинъ день освѣщаетъ его темное жилище своимъ лучезарнымъ присутствіемъ?... Нѣтъ, звѣзды никогда не врутъ! Подлый рабъ правду сказалъ, утверждая, что этотъ день—самый благополучный въ цѣломъ столѣтіи. Славный былъ день, нечего сказать! Я отдѣлалъ болѣе двухъ сотъ

головъ. Всѣ бритвы иступились. Но когда подлая рука коснется свѣтлой головы падишаха, такъ ужъ благополучіе непремѣнно распространится на всю особу, на весь домъ. Я долженъ лобызать прахъ слѣда священныхъ туфлей падишаха за всемилостивѣйшее пожалованіе дважды въ одинъ день къ моему низкому порогу.

— Это что̀ за рѣчи? вскричалъ изумленный Халефъ. Обо мнѣ ли говоришь ты это?.... Если обо мнѣ, такъ гдѣ же ты меня видѣлъ прежде? откуда знаешь мое нынѣшнее лицо? Говори, бородобрѣй: можешь ли сказать, кто я таковъ?

— Да что̀ я за собака, отвѣчалъ Фузулъ-Ага, чтобы, когда послѣдуетъ повелѣніе, не умѣть сказать, кто̀ вы таковы?... Только я теперь вижу, что вы переодѣлись опять въ другое платье: можетъ-быть вамъ не угодно, чтобы я узнавалъ васъ?

— Я тебя не понимаю! возразилъ Халефъ. Если ты гдѣ-нибудь видѣлъ меня прежде, такъ узнавай. Говори: кто̀ я?

— Кто́ вы?... вскричалъ бородобрѣй. Слава Аллаху, вы—нашъ всеправосуднѣйшій, могущественный, всегда побѣдоносный падишахъ, убѣжище міра, нашъ зиждитель правовѣрія, искоренитель ереси и невѣрія, наша тѣнь Аллаха на землѣ, нашъ полюсъ вселенной, центръ мудрости и столбъ величія, потомокъ Джемджага и наслѣдникъ Фергада и Сама. Вы всегда были этимъ и будете. Чѣмъ же вамъ быть?

И, въ заключеніе полнаго списка титуловъ ширванъ-шаха, бородобрѣй упалъ ницъ и съ благо-

говѣніемъ поцѣловалъ край полы высокаго посѣтителя.

— Слава Богу, сказалъ Халефъ, что хоть одинъ изъ моихъ подданныхъ узналъ меня сегодня. Встань, мой другъ, Фузулъ-Ага. Говори со мной за́-просто, безъ всякихъ церемоній. Я пришелъ къ тебѣ за дѣломъ. На благословенный нашъ Ширванъ странная слѣпота нашла сегодня послѣ землетрясянія: никто не узнаетъ меня! Я слышалъ, что ты занимаешься звѣздами и еще кой-какимъ дѣломъ. Нѣтъ ли средства извлечь нашихъ Шемахинцевъ изъ этого искаженнаго состоянія ихъ чувства зрѣнія? Ты меня узналъ: стало-быть, можно узнать меня, допустивъ даже, что во мнѣ кое-что̀ измѣнилось......

— Я нахожу, замѣтилъ бородобрѣй, что у васъ, падишахъ, измѣнился всего одинъ только голосъ. Вы прежде говорили.... такъ!.... немножко басомъ!

— Ну, это тебѣ такъ кажется! возразилъ Халефъ. Мой голосъ ни чуть не измѣнился. Но положимъ, что измѣнился: все же ты мигомъ узналъ меня! Такъ зачѣмъ же другіе Ширванцы не узнаютъ меня?.... Ясно, что у нихъ исказилось зрѣніе!

— Великое слово сказали вы, падишахъ! воскликнулъ ученый бородобрѣй. Въ природѣ есть сокровенныя силы, которыми управляютъ только люди, проникшіе ея тайны. Подлый рабъ кое-что смѣкаетъ въ этомъ дѣлѣ, и тонкости вещей не совсѣмъ чужды его слабому разумѣнію. Въ этомъ городѣ долженъ быть страшный колдунъ!.... Сегодня перебывало у меня множество народу, и всѣ одногласно приписывали землетрясеніе нечистой силѣ. Я не обращалъ вниманія на эти толки, по-

тому-что землетрясенія случаются иногда и отъ дѣйствія другихъ силъ. Но теперь, соображая это бѣдствіе съ тѣмъ, что изволите разсказывать объ искаженіи зрѣнія у людей ширванскихъ, дотого, что они не видятъ такой лучезарной персоны какъ ваша и не узнаютъ своего падишаха, я вижу ясно въ чемъ дѣло. Нашъ городъ испорченъ! Тутъ непремѣнно есть колдунъ. Это землетрясеніе, это искаженіе глазъ, и всѣ другія несчастія, которыя еще послѣдуютъ, все это — его работа. И знаете ли, падишахъ, кѣмъ онъ подосланъ?

— Кѣмъ же?

— Дели-Иваномъ!

— Московскимъ царемъ?

— Именно! Онъ вашъ завистникъ, и наслалъ сюда колдуна.... если только не самъ онъ здѣсь! Это дѣло извѣстное.... всѣ армянскіе купцы, которые бывали въ Москвѣ, скажутъ вамъ.... что онъ занимается чернокнижіемъ, обладаетъ *алькимiей*, то есть, «философскимъ камнемъ», предводительствуетъ цѣлымъ полкомъ колдуновъ, у которыхъ, какъ сказываютъ, головы — волчьи, и самъ—преопасный колдунъ. Въ его землѣ, далеко на сѣверѣ, есть огромное озеро, замерзающее каждый годъ на семь мѣсяцевъ, и около этого озера живетъ народъ, съ длинными бѣлыми волосами, преданный весь колдовству. Весь свѣтъ знаетъ, что колдовствомъ покорилъ онъ и Казань и Астрахань! Безъ чернокнижія не побѣдить бы ему мусульманъ. Или онъ, или его чародѣй-визирь, непремѣнно здѣсь! Многіе уже догадывались, что *землетря*сеніе произведено ими. Но теперь это —

вѣрно. Надо открыть этого чернокнижника! Когда я сегодня отбрилъ свѣтлую голову падишаха, убѣжища міра...

— Когда ты сегодня отбрилъ мою голову?.... вскричалъ Халефъ. Да я у тебя не былъ сегодня..... и уже четвертый день какъ моя голова не брита!.... Видно, кромѣ землетрясенія и искаженія глазъ, колдуны еще испортили твой ученый мозгъ. Посмотри, если не вѣришь!

Халефъ снялъ шапку, и обнаружилъ голову, покрытую уже волосками порядочной величины, которые своимъ цвѣтомъ и лоскомъ придавали ея поверхности видъ чернаго атласа. Фузулъ-Ага остолбенѣлъ.

— Аллахъ! Аллахъ! воскликнулъ онъ внѣ себя отъ изумленія: я—жертва падишаха, но это ужъ явное колдовство! Ваша свѣтлая голова околдована!

— Самъ ты, братецъ, околдованъ! возразилъ ширванъ-шахъ. Можешь быть увѣренъ, что въ длинѣ этихъ волосковъ нѣтъ никакого чародѣйства.

— Ну, такъ это отъ дѣйствія звѣздъ! замѣтилъ бородобрѣй-астрологъ. Звѣздамъ нѣтъ ничего невозможнаго въ природѣ. Вліяніе ихъ удивительно могущественно на всѣ обстоятельства нашего быту. Принимая въ соображеніе, что сегодня — самый благополучный день для бритья, чудо длины этихъ волосковъ удовлетворительно объясняется тѣмъ, что я навѣрное точилъ утромъ бритву въ моментъ соединенія Марса съ Венерой. Эти планеты имѣютъ сильное вліяніе на ростъ волосъ.—Но

вотъ что̀ удивительно! прибавилъ бородобрѣй, взявъ Халефа за ухо, почтительно, кончиками пальцевъ: на этомъ свѣтломъ ухѣ сегодня былъ рубецъ, а теперь его нѣтъ!... *Валлахъ! биллахъ!* какъ я мусульманинъ, такъ тутъ былъ рубецъ!

— Такъ или ты въ горячкѣ, или тутъ случилось нѣчто совершенно неразгадаемое, съ нетерпѣніемъ сказалъ ширванъ-шахъ, задумавшійся во время этого разсужденія. Подай мнѣ зеркало!

Фузулъ-Ага принесъ небольшое круглое зеркальцо. Халефъ взглянулъ и ужаснулся.

— *Аманъ! аманъ!* закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ: я погибъ! я умеръ!.... это не я!.... это кто-то другой!.... Мнѣ налѣпили чужое лицо!

Рука съ зеркаломъ упала на колѣни, голова печально поникла, и Халефъ погрузился въ раздумье. Спустя мгновеніе, онъ вдругъ выпрямился, какъ-будто оживленный лучомъ внезапной мысли, еще разъ посмотрѣлся въ зеркало, и воскликнулъ:

— Я знаю, чье это лицо!... Это — того мошенника, который сегодня раздѣвался вмѣстѣ со мною въ уборной Сулеймановскихъ бань и вмѣстѣ вошелъ въ банную. При моемъ выходѣ, его уже не было: онъ-то навѣрное и похитилъ мое платье, а мнѣ оставилъ свои лохмотья!

Пораженный этимъ замѣчаніемъ, Фузулъ-Ага осмѣлился спросить, каково было платье падишаха. Халефъ подробно описалъ весь свой костюмъ и присовокупилъ, что въ шапкѣ были спрятаны его частныя печати.

— Ну, такъ это онъ былъ у меня по-полудни, *а не* падишахъ! съ ужасомъ воскликнулъ бородо-

брѣй. Такъ это поганому колдуну брилъ я сегодня голову, полагая, будто брѣю свѣтлую голову ширванъ-шаха!... Проклятіе на его бороду!... Но позвольте доложить, падишахъ, что это долженъ быть колдунъ большой руки!... чародѣй перваго разбора!... самъ Дели-Иванъ лично, по-крайней-мѣрѣ!... Такія штуки весьма немногіе въ состояніи отпускать. Знаете ли что̀ онъ съ вами сдѣлалъ?... Онъ сдѣлалъ *теркруй-бази*! Онъ помѣнялся съ вами и, вѣрно, сидитъ теперь на вашемъ престолѣ....

Халефъ заплакалъ.

— Не унывайте, государь! сказалъ Фузулъ-Ага! Аллахъ великъ! Мы сообразимся съ книгими мудрецовъ, и посмотримъ, что̀ можно сдѣлать противъ его адскаго искусства.

— Я здѣсь у тебя останусь, если ты не выгонишь меня, печально сказалъ ширванъ-шахъ. Одинъ только ты, въ этомъ государствѣ, не отвергаешь своего государя....

Фузуль-Ага утиралъ свои слезы рукавомъ, и, цѣлуя край полы Халефа, клялся остаться своему ширванъ-шаху вѣрнымъ до послѣдней капли крови. Добрый цирюльникъ предлагалъ ему свой домъ, все имущество, свою помощь, и обѣщалъ работать на него всю жизнь, если имъ обоимъ не суждено низвергнуть злаго колдуна соединенными силами и Халефъ никогда не возвратится на царство.

— Ты женатъ? спросилъ ширванъ-шахъ.

— На пользу службы падишаха, убѣжища міра, отвѣчалъ Фузулъ-Ага.

— *Попроси для* меня у своей хозяйки чего-ни-

будь покушать, сказалъ Халефъ. Я умираю съ голоду, ничего не ѣлъ во весь день.

— Пожалуйте въ убогій домъ вашихъ рабовъ, примолвилъ бородобрѣй, заперъ лавку и повелъ Халефа въ свой гаремъ.

Укрѣпивъ силы свои простою пищею, Халефъ легъ отдохнуть. Тысяча грустныхъ мыслей и печальныхъ предчувствій стѣсняли благородную грудь его, поселяя въ ней страшное безпокойство. Онъ не могъ уснуть. Болѣе чѣмъ о своемъ царствѣ, сожалѣлъ онъ о паннѣ Маріаннѣ, которой любовь, теперь, въ годину несчастія, цѣнилъ еще выше прежняго. Уже было около полуночи. Онъ разбудилъ хозяина, доставъ у него *фереджe* и *яшмакъ*, женскій плащъ и покрывало, плотно свернулъ эти вещи, положилъ ихъ подъ мышку и вышелъ на улицу. Халефъ зналъ, что одна изъ калитокъ, ведущихъ въ сады гарема, бываетъ ночью отворена для вывозки мусору изъ отдѣльнаго гаремнаго дворца, который тогда отдѣлывали для королевы Франкистана, будущей супруги ширванъ-шаха. Онъ надѣялся проникнуть этимъ путемъ въ садъ подъ видомъ работника, и, въ самомъ дѣлѣ, это удалось ему. Въ саду, онъ тотчасъ, за первымъ кустомъ, закутался въ покрывало и женскій плащъ, изъ опасенія встрѣчи съ эвнухами, и въ этомъ нарядѣ благополучно достигъ павильона своей невѣсты. Здѣсь онъ уже никого не боялся: панна Маріанна терпѣть не могла эвнуховъ, и около ея крыльца эта гадкая порода мужчинъ не смѣла появляться ни днемъ ни ночью. Изъ саду маленькая лѣстница вела на крытый балконъ, съ ко-

тораго входили въ родъ открытой передней, смежной съ ея спальнею. Халефъ успѣлъ во всемъ. Вотъ онъ уже въ этой передней, у дверей завѣтной комнаты невѣсты. У панны Маріанны видѣнъ еще огонь. Она не спитъ. Онъ стучится.

— Свѣтъ глазъ моихъ, панна Маріанна! отворите!

Она узнала Халефа по голосу, и встала.

— Я вамъ говорила, что этого невозможно.

— Умоляю васъ, отворите! Моя утроба превратилась въ воду!

— Не отворю! Ступайте къ своей судомойкѣ Шишманлы. Зачѣмъ вы оставили такую милую собесѣдницу?

— Я никакой Шишманлы не знаю, и никогда въ жизнь свою не бесѣдовалъ съ нею. Отворите, умоляю!

— Какъ вы ея не знаете?... Не вы ли недавно приказали привести къ себѣ «самую жирную»?... Фи! фи!... стыдно! гадко! отвратительно!... Вы никогда не будете образованнымъ человѣкомъ!... Пора бы ужъ оставить эти азіятскіе вкусы.

— Не браните меня по-напрасну, душа моя, панна Маріанна. Я ни въ чемъ не виноватъ. Отворите по-скорѣе.

— До свадьбы нельзя!

— Да я не для бесѣдъ прихожу сюда! Отворите по-скорѣе, если не желаете моей смерти! Заклинаю васъ жизнію вашего отца, впустите меня! спасите! я погибаю.... У меня похищаютъ все, царство, васъ, бороду, носъ, глаза....

Панна Маріанна испугалась и умилостивилась.

Настоящаго смысла послѣднихъ словъ она не поняла, но, впрочемъ, и не заботилась объ немъ, полагая, что это какая-нибудь восточная фигура, еще незнакомая ей въ персидскомъ языкѣ, на которомъ говорили въ гаремѣ и при дворѣ ширваньшаховъ. Женихъ искалъ у ней спасенія: она побѣжала и отворила.

Нарядъ Халефа очень удивилъ дѣвушку: но таково ли еще было удивленіе, когда онъ скинулъ съ себя женскій плащъ, отвернулъ покрывало, и предсталъ предъ нее съ своимъ новымъ лицомъ!

— Mr John Dee!... God! you are here?... how do you do, Mr John? воскликнула она, по-англійски, въ совершенномъ остолбенѣніи. I am very glad to see you again; but how it happened....

— Свѣтъ глазъ моихъ, панна Маріанна! прерывая ее, воскликнулъ Халефъ по-персидски: на какомъ это языкѣ вы говорите со мною? Неужели и у васъ мозгъ потрясенъ землятрясеніемъ?

— I speak English with you', sir! is it not your national language, продолжала Маріанна, еще болѣе его удивленная этимъ вопросомъ. Are you not an Englishman, a son of merry England, as you say?

— Да говорите со мной по-персидски, умоляю васъ! съ отчаяніемъ сказалъ бѣдный Халефъ. Я этого языка не понимаю! время ли шутить надъ моей бородою, когда я несчастенъ?

— Хорошо, примолвила панна Олеская: я буду говорить съ вами и по-персидски, если вы такъ скоро забыли уже свой природный англійскій языкъ. Вы, однакожъ, прекрасно умѣете поддѣлываться подъ чужой голосъ; я была увѣрена,

что это стучится ко мнѣ падишахъ, мой женихъ!... Давно ли видѣли вы моихъ родителей? Здоровы ли папенька и маменька?

Халефъ, при всей своей любви, принужденъ былъ подумать, что она помѣшалась. Но, изъ опасенія, чтобы и читатели не подумали такъ же невыгодно о паннѣ Маріаннѣ, я прерву здѣсь ея разговоръ съ женихомъ, и объясню загадку—если только это загадка—особенно для людей, такъ хорошо знающихъ исторію, какъ мои читатели. Они уже догадались, изъ перваго восклицанія панны Маріанны, что Сычанъ-Бегъ, который помѣнялся лицомъ съ Халефомъ, былъ не кто иной какъ знаменитый докторъ Джонъ Ди: а кто былъ докторъ Джонъ Ди, о томъ и не спрашивается. Джонъ Ди, докторъ магіи, алхимикъ, астрологъ, врачъ, хирургъ, механикъ, математикъ, оріенталистъ, богословъ, другъ Уріила, изобрѣтатель жизненнаго элексира, и прочая, и прочая, родился въ 1527 году, въ Лондонѣ, проходилъ науки въ кембриджскомъ и парижскомъ университетахъ съ неимовѣрнымъ прилежаніемъ, съ истинною алчностью къ знанію, преподавалъ ихъ со славою въ Парижѣ, прославился множествомъ удивительныхъ механическихъ выдумокъ, — между прочимъ постройкою искуственнаго летающаго жука, путешествовалъ, былъ взятъ въ плѣнъ корсарами и проданъ въ Анатолію одному Турку, который силою принудилъ его принять мусульманскую вѣру, — между прочимъ, хотѣлъ въ бѣшенствѣ отрѣзать ему голову ятаганомъ, но только разсѣкъ ухо, отъ чего и остался извѣстный намъ рубецъ. Впослѣдствіи, однако жъ,

злой Турокъ даровалъ ему свободу. Это обстоятельство позволило доктору Ди воротиться въ Европу и въ свое отечество, и снова предаться наукѣ и разъисканію великихъ тайнъ природы. Его важныя открытія по этой части, и чудныя механическія изобрѣтенія, уже съ раннихъ лѣтъ присвоили ему извѣстность чародѣя. Но, въ то время, все, что̀ казалось непонятнымъ, называли магіей, какъ теперь не вѣрятъ ничему, чего не понимаютъ: въ результатѣ, оно одно и то же, потому-что и страхъ истины и гордое пренебреженіе одинаково ведутъ къ невѣжеству. Докторъ Джонъ Ди говорилъ и писалъ на всѣхъ языкахъ европейскихъ и на многихъ восточныхъ. По части наукъ онъ зналъ все, что̀ только люди знали въ его время; зналъ гораздо больше ихъ, потому-что изучалъ природу, какъ никто не умѣлъ изучать въ томъ вѣкѣ, и похитилъ у нея множество удивительныхъ секретовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, никогда не хотѣлъ обнародовать, и которыя послѣдовали за нимъ въ могилу. Что онъ обладалъ ими, это вся Европа видѣла собственными глазами: онъ былъ уважаемъ всѣми государями, всѣ старались привлечь его къ своимъ дворамъ, и многіе давали ему богатыя жалованья и пенсіи. Въ числѣ послѣднихъ находился и нашъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, котораго не легко было обмануть. Докторъ Ди показывалъ царю свои секреты и производилъ съ ними убѣдительные опыты въ Александровской Слободѣ; и когда, какъ мы увидимъ, несчастный *случай* удалилъ этого славнаго человѣка изъ Рос-

сіи, чтобы дать ему печальную роль въ политической исторіи Ширвана, преемникъ Іоанна, царь Θедоръ Іоанновичъ, то есть Борисъ Годуновъ отъ царскаго имени, предлагалъ доктору двѣ тысячи червонцевъ жалованья въ годъ, чтобы его привлечь обратно въ Москву. Въ Англіи, при Эдуардѣ VI, Маріи и Елисаветѣ, онъ былъ всегда въ величайшей чести и въ личныхъ сношеніяхъ съ ними, и получалъ отъ нихъ пенсіи, пребенды, подарки и мѣста. Преобразованіе чертъ лица, отнесенное позднѣйшими мудрецами къ магическимъ производствамъ доктора Ди, было въ его рукахъ простымъ медицинскимъ или хирургическимъ процессомъ: онъ могъ въ нѣсколько мгновеній передѣлать всякое человѣческое лицо, даже за-глаза. Въ 1572, открылъ онъ, или, точнѣе, сдѣлалъ знаменитый бѣлый выпуклый камень, который явственно произносилъ звуки и показывалъ разныя картины согласно желанію всякаго. Ди, въ своихъ «Тайныхъ запискахъ», описываетъ самъ, какъ онъ получилъ его и къ чему этотъ камень послужилъ ему въ Ширванѣ. По модѣ, по слабости вѣка, Ди занимался также исканіемъ философскаго камня, дѣланіемъ золота и астрологіей: но и Тихонъ Браге занимался тѣмъ же! Дѣланіе золота рѣшительно не удавалось ему, и было причиною многихъ несчастій, между прочимъ, связи съ Эдуардомъ Келли, ворсстерскимъ уроженцемъ, который, потерявъ уши у позорнаго столба за поддѣлку документовъ, предался чистой магіи, вызывалъ духовъ, окомпрометировалъ Ди извѣстною затѣей заставить мертвеца предсказывать будущее, и наконецъ

укралъ у него чудный бѣлый камень. Этотъ дерзкій плутъ повелъ его однажды въ знаменитыя развалины аббатства Гластонбери, въ соммерсетскомъ графствѣ, искать жизненнаго эликсира, и въ этихъ-то сырыхъ подземельяхъ докторъ Ди получилъ тотъ сиплый, густой голосъ, который причинилъ ему столько непріятностей въ Ширванѣ.

Около 1570 года, королева Елисавета и ея любимецъ графъ Лисстеръ подружили доктора Ди съ польскимъ посломъ, воеводою сѣрадзскимъ, паномъ Албертомъ Олескимъ (Ди, по англійскому выговору, всегда пишетъ это имя Allaski). Когда король Сигизмундъ-Августъ умеръ, Олескій воротился въ свое отечество въ 1570. Онъ уговорилъ Ди и неотступнаго Келли отправиться вмѣстѣ съ обой въ Польшу, съ женами и дѣтьми. Олескій разорился въ Лондонѣ своимъ мотовствомъ, и хотѣлъ дѣлать золото. Ди, по звѣздамъ, предсказалъ ему, что онъ будетъ королемъ: новая потребность въ золотѣ. И они дѣлали золото, гдѣ-то около Дубна, въ зàмкѣ Олитѣ, котораго даже и самое имя теперь исчезло. Ди подробно описываетъ это производство и нападеніе на нихъ Девлетъ-Гирея, по указанію Евреевъ.

Девлетъ-Гирей, какъ мы видѣли, не нашелъ золота въ Олитѣ. Но какъ онъ велѣлъ повѣсить, на воротахъ зàмка, жидовъ, которые привели его туда, то это обстоятельство чрезвычайно послужило въ пользу алхимической славы доктора. Другіе, не бывшіе на-мѣстѣ, Евреи распространяли *молву*, будто ханъ татарскій увезъ оттуда въ

Крымъ цѣлыя горы золота. По всей Польшѣ, Литвѣ и Россіи разнеслись слухи о похищеніи этихъ несмѣтныхъ богатствъ, и панъ Олескій, которому не хотѣлось признаться, что его алхимическія познанія ни къ чему не служатъ, самъ подтверждалъ эти разсказы, вздыхая передъ своими кредиторами о золотѣ, будто-бы увезенномъ хищными Татарами.

Спасшись въ лѣсъ ночью, во время нападенія хана на Олиту, докторъ Джонъ Ди бѣжалъ безъ оглядки въ сторону противоположную этимъ грабежамъ, и остановился не ближе какъ въ Черниговѣ. Лишь-только узнали въ Москвѣ о прибытіи туда столь знаменитаго человѣка, его пригласили въ столицу, гдѣ онъ былъ принятъ съ большимъ уваженіемъ. Въ скоромъ времени Татары сдѣлали набѣгъ и на Россію. Противъ нихъ былъ посланъ, въ числѣ прочихъ, воевода Бѣльскій—Balski, какъ пишетъ Ди его имя—и разбитъ непріятелемъ. Ди находился при его отрядѣ въ качествѣ астролога, обязаннаго опредѣлять дни, счастливые для сраженій; но астрологія обманула его еще хуже алхиміи: воевода ушелъ, а астрологъ былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и въ томъ же году проданъ синопскому пашѣ, Кючюкъ-Хасану. Этотъ свирѣпый фанатикъ заставилъ его снова играть роль мусульманина и исполнять всѣ обряды вѣры пророка. Ди не говоритъ, за что́ паша на него разсердился, дотого, что хотѣлъ посадить его на колъ, но онъ откровенно признался, что Его Присутствіе имѣлъ это благое намѣреніе, и что онъ, докторъ Ди, долженъ былъ бѣжать «отъ таковой

непріятности» въ Ширванъ. Уже два мѣсяца жилъ онъ въ Шемахѣ, подъ именемъ Сычанъ-Бега, претерпѣвая нужду и голодъ, какъ однажды по-утру примѣтилъ на базарѣ людей синопскаго паши. Преслѣдовали ль они его, или несчастный докторъ съиспугу вообразилъ, будто его преслѣдуютъ, этого нельзя рѣшить съ достовѣрностью: только, отъ нихъ-то скрылся онъ въ сулеймановскія бани, куда, когда онъ раздѣвался, пришелъ къ переодѣтый купцомъ Халефъ.

Остальное извѣстно.

Теперь мы можемъ возвратиться къ разговору между ширванъ-шахомъ и панной Олескою, съ которою доктору Ди суждено было, послѣ внезапной разлуки въ Олитѣ подъ татарскою саблей, къ досадѣ своей нечаянно встрѣтиться на ширванскомъ престолѣ.

II.

Панна Маріанна, какъ всѣмъ извѣстно, сказала Халефъ-Мирзѣ-Падишаху:

— Хорошо, я буду говорить съ вами и по-персидски, если вы такъ скоро забыли уже свой природный англійскій языкъ. Вы, однакожъ, прекрасно умѣете поддѣлываться подъ чужой голосъ!.. я думала, что это стучится ко мнѣ падишахъ, мой женихъ... Давно ли вы видѣли моихъ родителей? Здоровы ли наияснѣйшіе папенька и маменька?

— Роза моего сердца! птичка рощи моей страсти, панна Маріанна! воскликнулъ Халефъ въ изумленіи и отчаяніи: вы, право, помѣшались!... вы

ѣдите ужаснѣйшую грязь!... что вы это говорите мнѣ объ англійскомъ языкѣ?... гдѣ могъ я видѣть вашихъ наияснѣйшихъ родителей?... за кого же вы меня принимаете? Развѣ вы меня не узнаете?

— Да какъ мнѣ не узнать васъ! вскричала панна Маріанна, до крайности изумленная этими вопросами. Слава Богу, мы давно съ вами знакомы.... и съ-тѣхъ-поръ какъ мы разстались, лицо ваше нисколько не перемѣнилось.

— Такъ вы знаете мое лицо? вы его видѣли прежде? спросилъ Халефъ съ удивленіемъ, сквозь которое пробивались и любопытство и радость.

— Боже мой, что это за вопросы! возразила дѣвушка въ замѣшательствѣ. Вы очевидно пришли сюда насмѣхаться надо мною. Развѣ я была слѣпа втеченіи почти двухъ лѣтъ нашего знакомства, чтобы не видѣть вашего лица?... Извините, оно хорошо врѣзалось мнѣ въ память.

— Такъ кто же я таковъ?... скажите! примолвилъ Халефъ еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ.

— Да я уже, кажется, сказала вамъ, по-англійски, когда вы скинули съ себя покрывало, кто вы таковъ.

— Я не понялъ.... не разслышалъ.... Говорите, свѣтъ глазъ моихъ, по-персидски, кто я?

— Вы докторъ Джонъ Ди!

— Докторъ Джонъ Ди?... Аллахъ, Аллахъ! что это такое?... Кто же я, конецъ концовъ?... Говорите, ради жизни вашего отца!

— Вы другъ моего папеньки, съ которымъ графъ Лисстеръ познакомилъ васъ въ Лондонѣ; пріѣхали вмѣстѣ съ нами изъ Лондона; папенькѣ пред-

сказали по звѣздамъ, въ Варшавѣ, что онъ будетъ королемъ, а мнѣ, что я выйду замужъ за молодаго и могущественнаго государя; и потомъ дѣлали съ папенькою золото въ Олитѣ.

— Больше ничего вы обо мнѣ не знаете? спросилъ Халефъ.

— Откуда же мнѣ знать! возразила невѣста. Вы вѣрно помните, какъ Татары ночью напали на Олиту и какъ мы разбѣжались впотьмахъ. Я была похищена. Съ-тѣхъ-поръ не получала я изъ дому никакихъ извѣстій, и объ васъ, будучи въ Багчисараѣ, слышала только то, что находитесь въ Москвѣ и опять дѣлаете золото, съ тамошнимъ царемъ.

— Въ Москвѣ! воскликнулъ Халефъ съ ужасомъ: въ Москвѣ!... Аллахъ, Аллахъ! нѣтъ ни силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха! всѣ мы его собственность и къ нему возвратимся!... Такъ Фузулъ-Ага правъ! Ну, такъ и есть: онъ справедливо говорилъ, что Дели-Иванъ подослалъ сюда колдуна, чтобы сдѣлать съ нами то же самое, что̀ уже сдѣлалъ онъ съ Казанью и Астраханью. Мы пропали!... мы превратились въ прахъ!... Другъ мой, панна Маріанна, вслушайтесь хорошенько въ мой голосъ.... взгляните на мои руки, которыя вы такъ любили.... вотъ онѣ!... вотъ ваше безцѣнное кольцо!... смотрите!... я не Джонъ Ди, не другъ вашего свѣтлаго отца.... не знахарь будущаго.... я вашъ рабъ.... вашъ женихъ!... я Халефъ-Мирза!... я бѣдрый ширванъ-шахъ, котораго сердце изсохло, какъ бурьянъ въ степи, отъ зною солнца глазъ вашихъ!... котораго взоръ еще вчера кувшиномъ желанія почерпалъ жизнь и счастіе въ источникѣ вашей

улыбки!... Я околдованъ. Мнѣ налѣпили чужое лицо, въ суматохѣ, во время землетрясенія. Это гадкое, зловѣщее лицо, которое вы видите.... не смотрите такъ пристально на него!... оно слишкомъ отвратительно.... это лицо—вовсе не мое, а какого-то мошенника, чортова сына, чернокнижника, который укралъ у меня мой глазъ, мой носъ, мой ротъ, мою бороду, мое платье, мое царство, и навязалъ на меня свои адскія черты, свои лохмотья и свою нищету, оставивъ мнѣ только то сердце, которымъ я васъ полюбилъ, и тотъ голосъ, которымъ я тысячу разъ клялся вамъ, моей полной лунѣ, моей газели, моей *дильберъ*, «сердцепохитительницѣ», что буду любить одну васъ до могилы.... которымъ, повторяю теперь, быть-можетъ въ послѣдній разъ, что не могу жить безъ васъ ни одного дня....

Халефъ зарыдалъ и, упавъ къ ногамъ Маріанны, съ восторгомъ поцѣловалъ край ея юбки. Этотъ голосъ, столь сладостный для ея слуха, голосъ, могущественнѣйшее орудіе въ мужчинѣ для очарованія женщины, глубоко проникалъ въ ея душу. Эти знакомыя выраженія страсти, составлявшей счастіе и надежду плѣнницы, эти ласки, пріемы, движенія, все убѣждало ее въ присутствіи любимаго человѣка, хотя въ смущеніи она и не могла ясно понять словъ его. Инстинктъ любящаго сердца говорилъ ей, что это—онъ, но видъ лица поселялъ въ ней недовѣрчивость и замѣшательство.

Халефъ взялъ свою невѣсту за руку, посадилъ или, точнѣе, уложилъ на софу и, занявъ привычное мѣсто у ея ногъ, разсказалъ свои приключе-

нія втеченіи всего прошедшаго дня. Маріанна слушала его съ напряженнымъ любопытствомъ. Когда Халефъ сталъ описывать, какъ его прогнали съ насмѣшками и угрозами отъ всѣхъ входовъ въ домъ его предковъ, какъ онъ удалился, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, отъ стѣнъ, въ которыхъ обитала серцепохитительница, какъ нашелъ пріютъ у одного бѣднаго бородобрѣя, она заплакала, бросилась къ нему на шею и объявила, что долѣе не останется здѣсь ни одной минуты, уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ изъ этихъ дворцовъ и раздѣлитъ судьбу его повсюду.

Теперь для нея все было ясно.

Тотъ ширванъ-шахъ, который покоится во дворцѣ, не приходилъ къ ней вечеромъ, въ обыкновенное время, на conversazione, для которой королевна Франкистана ожидала его по уговору и по заведенному порядку: какъ это не падишахъ, ея женихъ, то онъ и не зналъ своей обязанности. Онъ, вѣроятно, не знаетъ даже, что она—здѣсь. И какая мерзость!... онъ, для своей свѣтлой и радостной бесѣды, потребовалъ къ себѣ «самую жирную», и Ахмакъ-Ага отвелъ къ нему на conversazione гаремную судомойку, какую-то Шишманлы! Панна Маріанна съ негодованіемъ разсказала Халефу это первое правительственное распоряженіе его преемника, и они вмѣстѣ принялись разбирать вѣроятныя причины такой непостижимой мѣры. Когда ширванъ-шахъ объяснилъ ей старинный этикетъ своего двора, тогда только поняли они, почему самозванецъ отдалъ такой приказъ. Онъ *не знаетъ* даже и по имени ни одной изъ своихъ

женъ и фаворитокъ, и на вопросъ—которую?—не умѣлъ назвать желаемой. Какъ Европеецъ, которому по слуху извѣстенъ вкусъ восточныхъ къ жирнымъ женщинамъ, онъ безъ-сомнѣнія полагалъ, что, въ новой роли своей азіятскаго властелина, ему непремѣнно слѣдуетъ отвѣчать — самую жирную! — чтобы достойно разъиграть эту роль, не унизить столь высокаго сана и не измѣнить себѣ. Приведя это обстоятельство въ ясность, Халефъ и панна Маріанна не могли удержаться отъ смѣху надъ странными понятіями похитителя престола о томъ, чтó на Востокѣ знаменуетъ царственность въ поступкахъ. Они утѣшились мыслію, что, продолжая такимъ образомъ, самозванецъ скоро надѣлаетъ столько несообразностей, что всѣ Ширванцы убѣдятся въ подлогѣ его лица.

Чтó касается до вина, котораго искали даже и въ гаремѣ для его ужина, то это обстоятельство служило паннѣ Маріаннѣ новымъ доказательствомъ присутствія доктора Ди во дворцѣ. Ея папенька, панъ воевода сѣрадзскій, для того и былъ назначенъ посломъ въ Англію, чтобы достойно поддержать вакхическую славу польскаго дворянства между Англичанами, которые въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ гордо присвоивали себѣ пальму первыхъ питуховъ въ Европѣ, къ обидѣ всѣхъ народовъ твердой земли. Въ самомъ дѣлѣ, онъ перепилъ тамъ самыхъ благородныхъ лордовъ и самыхъ краснорѣчивыхъ депутатовъ — перепилъ всю консервативную партію и оппозицію—и одного только доктора Джона Ди никогда перепить не могъ. Ди былъ въ состояніи выпить цѣлую бочку

вина, не переводя дыханія; по-крайней-мѣрѣ хвастался этимъ искусствомъ, которое дѣлало его и знаменитымъ и страшнымъ въ этомъ вѣкѣ скверныхъ винъ и великихъ пьяницъ. Онъ не могъ жить безъ крѣпкихъ напитковъ, и, очевидно, онъ-то и велѣлъ тотчасъ подать вина, лишь только взобрался на правовѣрный престолъ ширванъ-шаховъ. Мысль о такомъ поношеніи для всей ихъ династіи приводила Халефа въ отчаяніе. Но панна Маріанна удачно успокоила его замѣчаніемъ, что въ то же самое время благополучно процвѣтаетъ въ Стамбулѣ великій Головорѣзъ, который прослылъ въ свѣтѣ подъ именемъ *Селими Местъ*, то есть, Селима-Пьяницы, и это нисколько не мѣшаетъ ему быть отличнымъ представителемъ пророка, и его дому считаться въ мусульманствѣ главою всего суннитскаго правовѣрія.

Относительно къ похищенію докторомъ Ди Халефова лица, дѣло было слишкомъ ясное, какъ оно ни кажется теперь загадочнымъ и почти сверхъестественнымъ. Эта статья не встрѣчала въ убѣжденіи панны Маріанны никакого противорѣчія. «Отъ него это станется»! воскликнула она: «въ Англіи, во Франціи, въ Голландіи, въ Польшѣ, повсюду, гдѣ мы съ нимъ были, его называютъ не иначе какъ *шейхи сихръ*, «докторомъ чародѣйства». Но если бы она и не вѣрила этимъ отзывамъ людей несвѣдущихъ, то ученый отецъ ея разсказывалъ столько непостижимыхъ вещей о сокровенномъ знаніи своего друга, доктора, и объ его власти надъ тайными силами природы, и самъ Ди такъ часто изумлялъ дѣвушку въ Лондонѣ, въ

Варшавѣ и въ Олитѣ, чудесами своего многообразнаго искусства, не скрываясь, что онъ можетъ помѣняться лицомъ съ кѣмъ угодно; столько разъ приводилъ ее въ ужасъ и слезы, обѣщая, въ шутку, когда-нибудь взять себѣ ея прекрасное лицо, а ей передать свое, что сомнѣніе было бы еще неестественнѣе факта, который теперь осуществился передъ нею.

Оставалось только обдумать на что рѣшиться въ настоящемъ положеніи. Маріанна, недолго думая, начала укладыватъ свои драгоцѣнности: она хотѣла бѣжать съ Халефомъ! Ширванъ-шахъ былъ тронутъ теплотою ея души и готовностью на самопожертвованіе, но умолялъ ее не подвергать себя опасностямъ прежде времени: присутствіе ея въ гаремѣ можетъ быть гораздо полезнѣе имъ обоимъ, если она захочетъ наблюдать за самозванцемъ, сообщая извѣстія Халефу и дѣйствуя сама на-мѣстѣ къ обнаруженію измѣны. Черезъ женщинъ можно распустить молву по всѣмъ гаремамъ о странномъ происшествіи съ Халефомъ и взволновать умы въ городѣ, прежде чѣмъ похититель успѣетъ осмотрѣться въ новомъ положеніи и принять мѣры къ своей безопасности. «Восемь сотъ женскихъ языковъ — это страшная дѣйствующая сила»! замѣтилъ Халефъ: «Эльбурзъ и Араратъ можно поколебать такимъ могущественнымъ рычагомъ!»

На мужскую часть придворныхъ служителей и чиновниковъ нечего было полагаться: непроницаемая тайна окружаетъ восточные дворы: тамъ вѣчно господствуетъ могильная тишина, никто не

смѣетъ произнести слова, всѣ ходятъ на цыпочкахъ, въ мягкой поярковой обуви, непроизводящей никакого шуму, люди сообщаются знаками, входы и выходы заняты глухо-нѣмыми, и всякое нарушеніе придворнаго секрета наказывается смертью. Слѣдовательно, съ этой стороны нельзя ожидать никакого пособія: тайна безсрочно закроетъ всѣ дѣйствія чернокнижника отъ города и отъ народа, и подъ покровомъ онъ будетъ блаженствовать во дворцѣ ширванъ-шаховъ. Вся надежда на женщинъ, которыхъ Аллахъ, въ своей мудрости, надѣлилъ склонностью къ болтливости, усиливающеюся въ геометрическомъ содержаніи строгости тайны и странности скрываемаго случая. Маріаннѣ, по мнѣнію Халефа, легко будетъ составить себѣ партію между ними, принявъ видъ преслѣдуемой и несчастной. Но, она, какъ женщина, тотчасъ сообразила, что гораздо сильнѣе можно заинтересовать это мягкосердечное народонаселеніе своимъ затруднительнымъ и необычайнымъ положеніемъ, въ которомъ страстная любовь ея принуждена будетъ избрать между ненавидимымъ человѣкомъ, одѣвшимся въ прекрасное лицо возлюбленнаго, и возлюбленнымъ, облеченнымъ харею ненавидимаго человѣка. Пока женщины рѣшатъ этотъ казусный вопросъ любви, всѣ онѣ, вѣроятно, станутъ принимать живѣйшее участіе въ судьбѣ королевны Франкистана. Для каждой будетъ важно и любопытно посмотрѣть, какъ она выпутается изъ этого критическаго обстоятельства, и приведетъ для самой себя въ ясность ве-

ликую задачу: кого тутъ собственно должно любить?... когда это случится съ ея любовникомъ.

Къ этому обильному началу успѣховъ, остроумно открытому Маріанною, Халефъ прибавилъ другой, не менѣе удобный въ настоящемъ случаѣ: главному эвнуху, Ахмакъ-Агѣ, давно дано приказаніе исполнять безъ доклада падишаху всѣ желанія и прихоти королевны Франкистана, а визирю, дефтердару и казначею — отпускать подъ росписки Ахмакъ-Аги все, чего онъ для нея потребуетъ. Эти два обстоятельства представляли большія выгоды, и для устройства свободныхъ сношеній между Халефомъ и Маріанною, и для полученія денежныхъ средствъ на покупку усердія къ правому дѣлу.

Словомъ, всѣ соображенія вели къ тому, что Маріаннѣ должно остаться въ гаремѣ; и она наконецъ согласилась, но не прежде какъ убѣдивъ Халефа взять себѣ ея деньги и по-крайней-мѣрѣ часть драгоцѣнностей, которыя теперь были нужнѣе ему чѣмъ ей.

Надежда возродилась въ сердцахъ любовниковъ. Они условились въ способѣ и мѣстахъ свиданій, въ средствахъ взаимной передачи извѣстій, въ мѣрахъ, которыя надлежало принять немедленно для личной безопасности, и долго еще разговаривали о своемъ настоящемъ и будущемъ положеніи. Объ этой отвратительной рожѣ, которую Ди наклеилъ Халефу, теперь нечего было и думать; надо носить ее до-времени, возложивъ упованіе на Аллаха: но какъ быть, если, возвративъ престолъ, бѣдный Халефъ не возвратитъ себѣ прежняго ли-

ца?... Панна Маріанна объявила, что, несмотря на всю любовь свою, она никогда не рѣшится дать поцѣлуя Халефу сквозь лицо доктора Ди и ни за что̀ въ свѣтѣ не позволитъ мужу поцѣловать себя жесткими и нечистыми губами этого гадкаго чернокнижника. Я думаю, что, при разсмотрѣніи вопроса о томъ, кого любить и за кого выходить замужъ въ случаѣ перемѣны лицъ, это обстоятельство должно принять въ первое соображеніе: въ самомъ дѣлѣ, что̀ же это за любовь, что̀ за супружество, безъ поцѣлуевъ?... Какъ у Халефа на виду оставались еще прежнія руки, то панна Маріанна, повторяя пылкія клятвы въ вѣчной любви своей къ несчастному жениху, въ состояніи была цѣловать кончикъ его мизинца: но Халефъ не могъ поцѣловать ея ровно никуда, не имѣя при себѣ своихъ губъ!... Онъ печально вздохнулъ, при мысли, что это мучительное для нихъ обоихъ состояніе можетъ продолжиться всю жизнь, и чуть-чуть не подумалъ—сто̀итъ ли въ такомъ случаѣ жениться?... сто̀итъ ли выходить замужъ?... По-крайней-мѣрѣ я теперь задаю себѣ эти вопросы; и, признательно сказать, ума не приложу какъ рѣшить ихъ. Много на свѣтѣ написано романовъ: но сколько еще остается вовсе не разобранныхъ задачъ любви, въ которыхъ сердце не знаетъ какъ поступить безошибочно! Напримѣръ, эта: когда вы обожаете свою невѣсту, и невѣста васъ обожаетъ, и вдругъ кто-нибудь помѣняется лицомъ съ вами?... Этотъ случай, и теперь еще возможный, а въ прежнія историческія времена и очень обыкновенный, кажется, до-сихъ-поръ не приходилъ въ

голому ни одному романисту, ни одному великому изслѣдователю тайныхъ мученій женской души. Послѣ этого, спрашиваю, какую пользу приносятъ намъ романы, когда въ нихъ не находишь рѣшенія и руководства даже на такія простыя задачи сердца? Но мы уклоняемся отъ исторіи, которая важнѣе всего на свѣтѣ.

На прощаніе, по свидѣтельству самыхъ достовѣрныхъ историковъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ *, панна Маріанна поцѣловала только бѣлый и мягкій мизинецъ Халефъ-Падишаха. Онъ заплакалъ съ горя, что даже и этого ничтожнаго знака любви, преданности, благодарности, не могъ дать своей великодушной невѣстѣ. Закутавъ голову въ покрывало и надѣвъ на себя женскій плащъ, онъ съ глубокимъ вздохомъ снова поцѣловалъ край юбки панны Маріанны, и удалился. Но, прежде, сама она, своими прелестными ручками, опоясала его подъ плащомъ двумя дорогими турецкими шалями и всѣ карманы набила деньгами, ожерельями, запястьями, жемчугомъ и золотыми вещицами, которыя безопасно могъ онъ продать въ городѣ на свои первыя надобности.

Бо́льшую часть гаремныхъ садовъ Халефъ прошелъ боковыми дорожками очень благополучно;

---

* См. ***Тарихи Ширванъ***, то есть, «Лѣтопись Ширвана», рукопись Азіятскаго Музеума, № 928, стр. 183.—***Надаиръ эль вакай***, то есть, «Рѣдкости историческія, относящіяся къ паденію славнаго ширванскаго царства», рукопись № 933, стр. 94.—Memoirs of doctor John Dee, edited from original papers, etc., London, 1838, p. 246.—Lives of necromancers, etc., London, 1836, p. 201,—и прочая.

но, при поворотѣ въ одну изъ главныхъ аллей, которой никакъ нельзя было избѣгнуть, онъ нечаянно столкнулся съ однимъ изъ старшихъ и самыхъ сердитыхъ эвнуховъ, который вдругъ схватилъ его за руку и завизжалъ своимъ пронзительномъ дискантомъ:

— Ахъ ты куда, пріятельница?... Стой!... Кто ты такова? Зачѣмъ не въ своей комнатѣ?... и куда это изволила собраться въ ночное путешествіе?

Халефъ испугался. И было чего! Вещи, которыя при немъ находились, могли послужить самозванцу превосходнымъ предлогомъ къ преданію его смерти какъ вора, если бы даже и не было доказано, что онъ проникъ въ священную ограду гарема для любовнаго свиданія съ которою-нибудь изъ женщинъ падишаха. Но присутствіе духа не оставило несчастнаго Халефа при этой опасной встрѣчѣ. Узнавъ поимщика по его писку, и полагаясь на дѣйствіе своего голоса, онъ важно отвѣчалъ ему:

— А!... это ты, Сиксизъ-Бегъ?... Хорошо, что я съ тобой встрѣтился. Я искалъ тебя. Тише!... не дѣлай шуму!... падишахъ ходитъ инкогнито. Онъ переодѣтъ женщиною. Что̀, развѣ ты не узнаешь меня?

— Что̀ я за собака, чтобы не узнать даже и впотьмахъ лучезарной персоны падишаха, убѣжища міра? сказалъ Сиксизъ, распростершись на землѣ передъ Халефомъ, и еще въ бо̀льшемъ испугѣ чѣмъ его повелитель. Простите раба вашего за дерзость, съ какою онъ... въ первую минуту....

— Ничего! ласково прервалъ Халефъ: падишахъ

доволенъ твоей бдительностью. Встань, и повѣсь ухо на гвоздѣ вниманія. Есть ли у тебя ключъ отъ котораго-нибудь выхода за окружную стѣну?

— У раба вашего, отвѣчалъ Сиксизъ, есть только ключъ отъ калитки Рока, въ которую выносятъ зашитыхъ въ мѣшокъ преступницъ для бросанія ихъ въ Озеро Тайны, и надъ которою онъ начальствуетъ.

— Славно! продолжалъ Халефъ. Веди меня къ калиткѣ Рока. Ступай впередъ.

Сиксизъ пошелъ впереди. Халефъ важно за нимъ послѣдовалъ. Когда въ аллеяхъ, которыми они проходили, мелькала тѣнь человѣческая, эвнухъ издали произносилъ оффиціяльное — *Сакынъ олъ*! «Берегись»! — и всѣ ночные стражи разбѣгались въ стороны, чтобы не находиться на пути падишаха. Пришедши къ калиткѣ Рока, эвнухъ отворилъ ее своимъ ключомъ и посторонился.

— Сиксизъ-Бегъ, ласково сказалъ ему Халефъ, остановясь у этой страшной двери: я знаю, что ты усердный и умный служитель, и полагаюсь на тебя больше чѣмъ на кого-нибудь другаго. Странныя дѣла происходятъ въ этомъ городѣ.... появился самозванецъ, большой чернокнижникъ, родной сынъ сатаны: я хочу самъ лично удостовѣриться въ его затѣяхъ. Сегодня не жди меня здѣсь: я ворочусь другимъ путемъ. Но завтра въ часъ по-полуночи сиди у этой калитки и, когда я постучусь, тотчасъ отвори мнѣ ее. Я выйду изъ дворца Воротами Счастія и ворочусь въ гаремъ этимъ входомъ; пробуду здѣсь нѣсколько времени, и ты опять выпустишь меня этою калиткою.

Но обо всемъ этомъ никому въ свѣтѣ не пикнуть ни однимъ словомъ!... И смотри, чтобы въ главныхъ аллеяхъ, отсюда до западнаго павиліона, не было на моемъ проходѣ ни живой души!... За скромность и вѣрность—наша царская награда. За малѣйшую тѣнь измѣны—петля!... и тебя вынесутъ въ эту же калитку!... Понимаешь ли?

— Какъ не понимать! воскликнулъ, падая ницъ передъ падишахомъ, эвнухъ, осчастливленный такимъ доказательствомъ его довѣренности.

Опасаясь встрѣчи съ полицейскимъ дозоромъ, Халефъ приказалъ Спксизу запереть калитку и проводить себя въ городъ. Когда они приблизились къ лавкѣ Фузулъ-Аги на разстояніе нѣсколькихъ домовъ, ширванъ-шахъ отпустилъ эвнуха и одинъ пошелъ къ двери своего покровителя, который нетерпѣливо ожидалъ его возвращенія. При первомъ ударѣ въ эту дверь, она отворилась. Халефъ вошелъ въ лавку, и тотчасъ помолился Аллаху за благополучное совершеніе столь опаснаго путешествія.

Бородобрѣй, обѣщавшій не спать до прихода своего высокаго гостя, какъ астрологъ, принялся въ его отсутствіе считать звѣзды на небѣ, чтобы узнать, какого онѣ мнѣнія о дивномъ приключеніи съ ширванъ-шахомъ и что̀ для него самого изготовлено судьбою за вмѣшательство въ это страшное дѣло. Лишь-только Халефъ окончилъ свой *намáзъ*, положивъ послѣдній земной поклонъ и поздравивъ невидимыхъ духовъ легкимъ склоненіемъ головы направо и налѣво, Фузулъ-Ага подошелъ

къ нему съ испуганнымъ лицомъ и совершенно разстроеннымъ видомъ.

— *Чи хаберъ?* «что̀ за извѣстіе»? спросилъ его ширванъ-шахъ.

— *Фена̀!* «плохо»! сказалъ бородобрѣй, печально покачавъ головою. Наступило время чудесъ! Аллахъ знаетъ, чѣмъ все это кончится.... Пойдемъ на дворъ, падишахъ. Я вамъ покажу удивительное чудо.

Встревоженный Халефъ безмолвно вышелъ за нимъ на маленькій дворъ, занимавшій не болѣе шестнадцати квадратныхъ саженъ пространства и осѣненный высокимъ кипарисомъ. Фузулъ-Ага поставилъ его подъ этимъ деревомъ и указалъ пальцемъ на созвѣздіе Кассіопеи:

— Видите ли, падишахъ?

— Ничего не вижу особеннаго, сказалъ Халефъ: вижу звѣзды, и только.

— А эту большую, бѣлую, блестящую звѣзду изволите ли видѣть? спросилъ цирюльникъ съ явнымъ выраженіемъ страху.

— Да! вижу! отвѣчалъ Халефъ Что̀ жъ изъ этого?

— Какъ, что̀ изъ этого! воскликнулъ Фузулъ-Ага. Всмотритесь только, падишахъ, своимъ свѣтлымъ окомъ въ ея положеніе, величину, блескъ: вѣдь она больше *Зюгрѐ*, Венеры!.... яснѣе Сиріуса и Лиры, вмѣстѣ взятыхъ!.... Посмотрите, какъ свѣтло на дворѣ отъ нея: дерево бросаетъ тѣнь на землю, хоть на небѣ луны нѣтъ..... *Валлахъ, биллахъ!* клянусь Аллахомъ, и его пророкомъ, и первыми четырьмя халифами, это новая звѣзда! Рабъ

вашъ знаетъ всѣ звѣзды наперечетъ: этой еще вчера тутъ не было!..... ея нѣтъ и въ фигурѣ созвѣздія, нарисованной на небесной картѣ *Баталь-миса-Мудреца* (Птоломея). Вашъ рабъ справлялся. Это рѣшительно новая звѣзда!

— Что же она предзнаменуетъ? спросилъ Халефъ, смущенный страннымъ открытіемъ шемахинскаго бородобрѣя.

— Я жертва падишаха, но она предзнаменуетъ недоброе, грустно примолвилъ бородобрѣй. Въ книгахъ мудрецовъ сказано, что когда наступитъ время преставленія свѣта, земля наполнится колдунами, самозванцами и землетрясеніями, всѣ человѣческія лица перемѣшаются, люди не будутъ узнавать другъ друга, и Аллахъ выведетъ на твердь небесную новыя свѣтила, которыя превратятъ вселенную въ горсть пеплу.... Мы всѣ собственность Аллаха, и къ нему возвратимся! Нѣтъ божества кромѣ него!

Фузулъ-Ага не ошибся въ своемъ астрономическомъ наблюденіи. Въ самомъ дѣлѣ, это была знаменитая звѣзда 1572 и 1573 годовъ, извѣстная у насъ подъ именемъ «Тихоновой». Простому шемахинскому бородобрѣю суждено было прославиться въ исторіи астрономіи первымъ открытіемъ этого загадочнаго свѣтила, которое онъ примѣтилъ цѣлымъ мѣсяцемъ прежде Тихона Браге, и которое, какъ извѣстно, существовало шестнадцать мѣсяцевъ, безпрерывно измѣняло свой блескъ и цвѣтъ, наполняя суевѣрнымъ страхомъ Востокъ и Западъ, и исчезло въ мартѣ 1574. Въ восточной астрономіи, его зовутъ «Фонаремъ ширванскаго самозван-

ца» или «Звѣздою гибели Ширвана», потому-что оно появилось въ самыя сутки похищенія лица у Халефъ-Мирзы-Падишаха, въ ночь, съ которой началось столь нечаянное, столь быстро совершившееся паденіе сильнаго, цвѣтущаго и совершенно спокойнаго государства. Замѣчательно, что и въ 1604 году, въ эпоху появленія другаго знаменитаго самозванца, именно Лже-Димитрія, который наполнилъ Россію смутами и несчастіями, зажглось на небѣ, въ созвѣздіи Змѣеносца, другое такое же свѣтило, еще ярче и примѣчательнѣе «Фонаря ширванскаго самозванца» и извѣстное подъ названіемъ «Звѣзды Кеплера», потому-что Кеплеръ оставилъ намъ его описаніе. Но теперь ничему не вѣрятъ! А я такъ думаю, что безсмертный шемахинскій астрономъ, бородобрѣй Фузулъ-Ага, былъ совершенно правъ, утверждая, что звѣзды никогда не врутъ.

Халефъ съ ужасомъ слушалъ его зловѣщія предсказанія, и тайное отчаяніе овладѣло имъ при мысли, что, можетъ-быть, свѣтъ кончится, прежде чѣмъ онъ возвратится на прародительскій престолъ и женится на паннѣ Маріаннѣ. Ясно было, что надобно поспѣшить низверженіемъ самозванца. Онъ сталъ разсуждать объ этомъ съ своимъ другомъ, бородобрѣемъ.

Главная польза всякаго разсужденія состоитъ въ томъ, что въ концѣ его мы приходимъ къ умозаключенію, противоположному первымъ нашимъ впечатлѣніямъ, и можемъ, посредствомъ строгой логики, все истолковать въ свою пользу. Халефъ и Фузулъ-Ага, считая и пряча въ сундуки сокровища,

принесенныя отъ панны Маріанны, повели разсужденія такъ логически, что, одушевясь чудесною замысловатостью своихъ плановъ дѣйствія противъ чернокнижника, и совершенно довольные своимъ остроуміемъ, наконецъ увѣрили другъ друга, будто новая звѣзда означаетъ новое счастіе для падишаха и явилась нарочно, чтобы покровительствовать ихъ начинанію.

Рѣшено было, что Фузулъ-Ага, безъ потери времени, нанесетъ своимъ краснорѣчіемъ пробный ударъ самозванцу на первыхъ головахъ, которыя прійдется ему брить поутру.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь-только, совершивъ омовеніе семи членовъ и сотворивъ утренній *намäзъ*, отперъ онъ лавку и принялся править бритвы, тотчасъ явилось нѣсколько человѣкъ, съ головами, которыя нуждались въ его операціи, изъ любопытства узнать подробности вчерашняго посѣщенія этой скромной цирюльни падишахомъ, убѣжищемъ міра. Это были купцы, шедшіе на базары, куда каждый непремѣнно старается принесть съ собою какую-нибудь новость, чтобы имѣть предметъ для разсказовъ. Нельзя и желать ушей довѣрчивѣе и языковъ болтливѣе, когда дѣло идетъ о разглашеніи какого-нибудь страннаго случая. Фузулъ-Ага посадилъ одного изъ нихъ на стулъ: прочіе усѣлись на эстрадѣ, устланной старымъ ковромъ, чинно поджали подъ себя ноги, учтиво закрыли ихъ полами, и, какъ люди «знающіе свѣтъ, понимающіе рѣчь», начали въ глубокомъ молчаніи перебирать четки и отъ времени до времени восклицать—*Аллахъ, Аллахъ*! Бородобрѣй видѣлъ, что

ихъ мучитъ любопытство: онъ нарочно молчалъ. Наконецъ одинъ изъ купцовъ, самый «понимающій рѣчь», вздохнулъ, погладилъ себѣ бороду и сказалъ, обращаясь къ другому:

— Джафаръ-Ага!.... натура судьбы неисповѣдима. Міръ—колесо Аллаха, которое вертится около его мизинца. Вселенная состоитъ изъ стараго и новаго. Чтò вы скажете?

— Чтò же я могу сказать! отвѣчалъ Джафаръ-Ага. Аллахъ великъ!.... Все въ рукѣ Аллаха!.... То, чтò ново сегодня, завтра будетъ старо. Мнѣ ровно нечего сказать!

— А вы, Сулейманъ-Ходжа, спросилъ первый купецъ его сосѣда: чтò скажете? Говорите!

— Мнѣ тоже не объ чемъ говорить, возразилъ Сулейманъ-Ходжа.—Говорите вы, Мустафа-Бегъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ четвертому.

— Мнѣ говорить не прилично, сказалъ тотъ: первая рѣчь принадлежитъ хозяину дома. Гость—рабъ хозяина, гласитъ пословица. Всѣ мы здѣсь—рабы почтеннѣйшаго Фузулъ-Аги, да возвысится степень его между равными и подобными.... Свѣтъ глазъ нашихъ, бородобрѣй господинъ! рѣчь за вами.... говорите!

— Объ чемъ же мнѣ-то говорить, когда такія умныя и высокостепенныя головы не находятъ предмета къ бесѣдѣ? отвѣчалъ Фузулъ-Ага, быстро отдѣлывая голову своего паціента. Темному мозгу вашего раба ничего неизвѣстно, и говорить ему нечего. Я сказалъ.

— Скромность, по сказанію мудрецовъ, знаменуетъ мудреца, а болтливость означаетъ дурака,

замѣтилъ первый купецъ. Въ Несомнѣнной Книгѣ написано: «Взывайте къ Господу вашему—Аллахъ, «упаси насъ отъ сраму многорѣчивости и отъ по-«рока пустословія!—ибо молчаніе лучше всякой «рѣчи». Блаженъ тотъ, кто поступаетъ въ точности по руководству Аллаха и молчитъ. Но каждое наше слово прежде написано у Аллаха. Каждое дѣйствіе предопредѣлено судьбою. На этомъ тлѣнномъ свѣтѣ ничего не можетъ состояться безъ воли судьбы..... Повѣствуется, бородобрѣй-господинъ, якобы, вчерашняго благополучнаго числа, падишахъ, убѣжище міра, изволилъ пожаловать къ вашему благородному порогу: не знаю, правда ли это, или ложь? Простите мое любопытство. Люди столько лгутъ, что не смѣешь вѣрить даже самымъ правдоподобнымъ происшествіямъ.

— Да!.... изволилъ пожаловать.... равнодушно отвѣчалъ Фузулъ-Ага: заходилъ сюда дважды.... куда же ему заходить? Голова раба вашего чрезвычайно возвысилась отъ его посѣщеній.

— Дважды? вскричали купцы. Удивительно! удивительно!.... По какому же поводу дважды? Простите наше любопытство.

— По поводу тѣхъ странныхъ событій, о которыхъ вы знаете лучше моего.

— Мы не знаемъ ни о какихъ странныхъ событіяхъ.

— Какъ же? развѣ вы не видали новой звѣзды на небѣ? развѣ не слыхали, что у насъ, вмѣсто одного, теперь два падишаха?.... Ну, да мнѣ ли объяснять вамъ эти дѣла! Вы подробнѣе меня *знаете* все, что̀ происходитъ на свѣтѣ. Рабъ вашъ

послѣдній узнаетъ объ всемъ и повторяетъ только общую молву. Что жъ ему повторять!

Купцы, въ удивленіи, переглянулись между собою и воскликнули:

— Новая звѣзда! два падишаха!.... это что за извѣстіе? — Мы люди темные, прибавилъ одинъ изъ нихъ: торгуемъ на базарѣ, сидимъ смирно, ни объ чемъ не спрашиваемъ, не пускаемся ни въ какія разсужденія: наше дѣло сторона.... Мало ли объ чемъ толкуютъ вокругъ насъ! Всего не разслышишь и не упомнишь. Кажется, будто и на нашемъ базарѣ вчера говорили о новой звѣздѣ и о двухъ падишахахъ. Джафаръ-Ага! слышали ли вы объ этомъ?

— Да!.... кое-что слышалъ, сказалъ Джафаръ-Ага: но не понялъ хорошенько въ чемъ дѣло. А вы, Сулейманъ-Ходжа, слышали?

— Всеконечно, слышалъ! примолвилъ Сулейманъ-Ходжа: только не знаю, вѣрно ли это.

— Ну, вотъ видите! воскликнулъ бородобрѣй: вы все слышали и знаете, а приходите спрашивать ко мнѣ! Послѣ того еще скажете, что я же вамъ разсказывалъ, и накличете бѣду на меня. А я ровно ничего не знаю и говорю только то, что слышу отъ другихъ, отъ всего города!

— Упаси Аллахъ, сказали купцы, чтобы мы приписывали вамъ, господинъ бородобрѣй, то, что сами знаемъ и объ чемъ говоритъ весь городъ! Притомъ же мы вовсе не такіе люди, чтобы повторять чужія слова: наше дѣло сторона.... Ну, такъ что жъ говоритъ весь городъ? Такъ это правда,

что̀ мы слышали о новой звѣздѣ и о двухъ падишахахъ?

— Разумѣется, правда, примолвилъ Фузулъ-Ага. То, что̀ весь народъ говоритъ, всегда правда. Посмотрите сами сегодня о полуночи: надъ Шахъ-Роховою мечетью увидите большую яркую звѣзду, которая сіяетъ, вотъ какъ эта голова, которую рабъ вашъ имѣетъ счастіе брить своей слабою рукою. Эта звѣзда появляется только одинъ разъ въ восемь сотъ лѣтъ и всегда знаменуетъ большія бѣдствія — засухи, грады, землетрясенія, нашествіе колдуновъ и самозванцевъ, почему, у мудрецовъ, и называется она «Звѣздою самозванцевъ». Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣли засуху и грады, а вчера, какъ всѣ утверждаютъ, и какъ сами вы знаете, московскій король, Дели-Иванъ, завистникъ нашего падишаха, да умножится его сила, прислалъ сюда страшнаго колдуна, своего визиря, который произвелъ землетрясеніе и, въ суматохѣ, посредствомъ *теркруй-бази*, укралъ у Халефъ-Мирзы его свѣтлое лицо, съ которымъ теперь и сидитъ онъ на ширванскомъ престолѣ, между-тѣмъ какъ настоящій государь Ширвана скитается безъ пріюта по городу и можетъ-быть гдѣ-нибудь проситъ милостины. Вотъ нашествіе колдуновъ и самозванцевъ! Звѣзды никогда не врутъ.

— Аллахъ, Аллахъ! восклицали купцы, въ изумленіи покачивая головами.

— Ну, да мнѣ ли разсказывать вамъ эти дѣла! продолжалъ Фузулъ-Ага. Вамъ они извѣстнѣе. Вы—господа купцы, я бѣдный бородобрѣй. Я ничего не знаю.

— Разсказывай, душа моя, бородобрѣй! вскричалъ одинъ изъ купцовъ: ради твоей бороды, разсказывай!.... Мы все это слышали и знаемъ: но въ одномъ словѣ умнаго человѣка бываетъ болѣе мудрости, чѣмъ въ длинной бесѣдѣ тысячи дураковъ. Пожалуйста, разсказывай!

— Чтó жъ мнѣ вамъ разсказывать! возразилъ Фузулъ-Ага. Я могу разсказать только то, чтò случилось въ этой лавкѣ, чтò всѣ видѣли. Пришелъ вчера ко мнѣ визирь Дели-Ивана, колдунъ, и приказалъ побрить себѣ голову. Я тогда еще не зналъ его, и побрилъ: чтò мнѣ было дѣлать! Онъ уже одѣтъ былъ въ платье падишаха, уже похитилъ его частныя печати, и ему оставалось только побриться, чтобы прилично надѣть на себя лицо нашего Халефъ-Мирзы. Ушедши отсюда, онъ тотчасъ помѣнялся лицомъ съ нимъ. Немного спустя, приходитъ ко мнѣ тотъ же самый человѣкъ, но въ другомъ платьѣ и небритый. Чтò за дьявольщина?.... какъ же это, думаю я себѣ, такъ скоро выросли у него волоса на головѣ?.... Смотрю: а это нашъ падишахъ, да не уменьшится тѣнь его, которому тотъ колдунъ наклеилъ свое поганое лицо!....

— *Аджаибъ!* «чудеса»! закричали купцы въ остолбенѣніи. Такъ у васъ были и падишахъ и самозванецъ?

— Были!... Разумѣется были. Гдѣ жъ имъ бывать?.... Вашъ рабъ, Фузулъ-Ага, читалъ книги древнихъ мудрецовъ, знаетъ толкъ въ звѣздахъ и немножко постигаетъ тонкости вещей: въ этомъ городѣ, кромѣ его, не къ кому болѣе и ходить.

Тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Вашъ рабъ не виноватъ, что они были.

— И вы, собственными глазами, видѣли того и другаго?

— Видѣлъ, какъ вижу васъ! Держалъ голову обоихъ въ своихъ рукахъ, какъ теперь держу эту благородную голову! И не одинъ я видѣлъ: видѣла вся улица, видѣлъ весь кварталъ. Спросите у кого угодно! Народъ столпился передъ моей лавкою, и колдуна привѣтствовалъ падишахомъ. Вѣроятно, и вы сами видѣли это собраніе: такъ вамъ дѣло лучше извѣстно! Я ничего не знаю.

— И самозванецъ теперь совершенно похожъ лицомъ на нашего падишаха?

— Какъ двѣ капли воды! Вся разница между ними въ томъ, что у колдуна на правомъ ухѣ есть рубецъ, а у нашего падишаха его нѣтъ, и что тотъ говоритъ густымъ сиплымъ басомъ, а у настоящаго ширванъ-шаха — *машаллахъ*! — голосъ какъ у соловья!.... Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такого сладкаго голоса какъ у нашего падишаха. Но вы знаете все это лучше моего. Я ничего не знаю.

Продолжая такимъ образомъ увѣрять своихъ слушателей, что онъ ничего не знаетъ, что они все лучше знаютъ, и что онъ повторяетъ только извѣстное всему городу, бородобрѣй изложилъ имъ всѣ подробности вчерашней прогулки Халефа инкогнито, его приключенія въ банѣ, и того, какъ онъ былъ прогнанъ отъ дворца собственными своими служителями, которые не узнали въ немъ падишаха. Никто не дѣлалъ возраженій. Никто, несмотря на странность факта, не сомнѣвался въ его

подлинности. Каждый, чтобы не отставать отъ всего города въ знаніи важной новости, усвоилъ ее какъ вещь давно извѣстную и не требующую новыхъ изслѣдованій. Въ это время, въ лавку набралось еще множество новыхъ посѣтителей. Фузулъ-Ага проворно очищалъ головы и все разсказывалъ.

Легко вообразить, какимъ сокровищемъ была эта исторія для тѣхъ, которые спѣшили на базары, чтобы завести интересную бесѣду у своихъ прилавковъ и ею привлекать къ себѣ публику. Черезъ часъ исторія о звѣздѣ, самозванцѣ и похищеніи Халефова лица визиремъ московскаго царя посредствомъ колдовства, повторялась вдоль всѣхъ базаровъ, и достовѣрность событія уже основывалась не на одномъ частномъ авторитетѣ безвѣстнаго бородобрѣя: во-первыхъ, весь городъ знаетъ дѣло, — а во-вторыхъ, вотъ и личные его свидѣтели. Тѣ, которые спаслись изъ публичныхъ бань съ Халефомъ, видѣли, какъ онъ тамъ искалъ своего платья. Бывшіе въ толпѣ народа, собравшагося передъ лавкою Фузулъ-Аги, могли сказать многое о наружности и голосѣ колдуна. Старый мулла, который встрѣтилъ Халефа, возвращающагося отъ дворца въ городъ, далъ ширванъ-шаху первое понятіе объ его новомъ лицѣ и самъ присовѣтовалъ ему отправиться къ Фузулъ-Агѣ. Каждый изъ этихъ людей имѣлъ неоспоримое право быть самостоятельнымъ повѣствователемъ и подкрѣплять сказаніе своимъ свидѣтельствомъ, отвѣчая самъ за достовѣрность многихъ обстоятельствъ. Къ вечеру, оно уже дѣйствительно было собствен-

ностью всего города; и ни въ одинъ годъ отъ своего основанія Шемаха не навосклицала такой массы *аджаибъ!* и *Аллахъ, Аллахъ!* какъ въ этотъ достопамятный день. Старый мулла сдѣлался даже главнымъ помощникомъ Фузулъ-Аги по части успѣшнаго распространенія исторіи. Съ базаровъ онъ побѣжалъ прямо въ его лавку, и основалъ свою главную квартиру на эстрадѣ бородобрѣя. Съ этого возвышенія, мулла, самъ, своимъ высокимъ словомъ, принялся разсказывать его анекдотъ безчисленнымъ посѣтителямъ цирюльни, перемѣшивая періоды изрѣченіями Алкорана и украшая повѣсть глубокомысленными разсужденіями «о натурѣ судьбы», которыя производили невыразимое впечатлѣніе на правовѣрныхъ слушателей. Фузулъ-Ага уже служилъ ему только случайнымъ свидѣтелемъ и комментаторомъ.

Цирюльня Фузулъ-Аги, до того времени, была посѣщаема почти исключительно лицами средняго и низшаго сословій. Теперь, благодаря печальному приключенію съ ширванъ-шахомъ и краснорѣчію стараго муллы, она стала совершенно модною. Все изящное шемахинское общество несло головы свои подъ бритвы знаменитаго бородобрѣя, который, на третій день послѣ происшествія, принужденъ былъ нанять цѣлую толпу подмастерьевъ, откупилъ смежную лавку пирожника для распространенія своей, и распорядился такъ, чтобы работа и разсказъ могли вдругъ производиться на двадцати головахъ. Несмотря на непомѣрное возвышеніе цѣны и необходимость иногда долго ждать своей очереди, заведеніе Фузулъ-Аги съ утра до самой

ночи было наполнено народомъ. Мирзы, беги, шейхи и, вообще, люди хорошаго тона, приходили къ нему уже не для того, чтобы узнать подробности происшествія — онѣ были извѣстны всякому — но только чтобы, для устраненія послѣднихъ сомнѣній въ истинѣ разсказовъ, услышать изъ собственныхъ устъ его и стараго муллы, что и падишахъ и колдунъ дѣйствительно были въ этой лавкѣ, и воскликнуть — *Ля хевль ве ля кувветъ илля биллляхъ!* «Нѣтъ ни силы ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха»!

Дѣйствительно, дѣло уже было такъ очевидно, что оно не требовало болѣе положительныхъ подтвержденій. По достовѣрнымъ свѣденіямъ, получаемымъ въ то же время во всѣхъ лучшихъ гаремахъ столицы прямо изъ высочайшаго гарема, не подлежало спору, что между настоящимъ ширванъшахомъ и тѣмъ, который коварно занялъ его престолъ, существуетъ коренная разница. Женщины, которыя вездѣ знаютъ гораздо болѣе мужчинъ, одногласно утверждали, что это не тотъ ширванъшахъ, что тутъ есть подлогъ. Панна Маріанна, черезъ посредство своей казначейши, пользовавшейся ея особенною довѣренностью, на другой же день распустила по всему гарему тайную молву о похищеніи лица у падишаха чернокнижникомъ. Все это народонаселеніе вдругъ зашептало, что ширванъ-шахъ подмѣненъ. Любопытство женщинъ было возбуждено до высочайшей степени. Каждой хотѣлось узнать, что̀ за родъ мужчины — чернокнижникъ!.. Если онъ чернокнижникъ, такъ это должно быть нѣчто совершенно сверхъестествен-

ное!... Какъ Джонъ Ди не показывался въ гаремѣ, то онѣ обратились къ Шишманлы. Судомойка стала ихъ героинею. Всѣ бѣгали къ ней на кухню, ласкали, допрашивали, мучили. Но показанія Шишманлы были вовсе не въ пользу чернокнижья: оказалось, что относительно къ могуществу очарованія, ширванъ-шахъ, повелѣвающій тайными силами природы, далеко не стòитъ обыкновеннаго ширванъ-шаха. Тѣ, которыя пользовались правомъ посѣщать знатнѣйшіе гаремы или имѣли родныхъ въ городѣ, тотчасъ собрались съ церемоніяльными визитами, чтобы сообщить кому слѣдуетъ важное открытіе Шишманлы. Къ другимъ стали пріѣзжать посѣтительницы изъ города, привлеченныя этими куріозными слухами. Общее любопытство заставляло всѣхъ развѣдывать о каждомъ словѣ, поступкѣ и движеніи чернокнижника. Этимъ-то путемъ вся Шемаха узнала исторію о «самой жирной». Не оставалось также никакого сомнѣнія, что новый ширванъ-шахъ пьетъ вино какъ Грузинецъ. Говорили, будто онъ верховному визирю, вмѣсто слушанія доклада о дѣлахъ, велитъ разсказывать себѣ сказки «Тысячи одной Ночи». Говорили, что однажды послѣ обѣда, выпивъ цѣлый бурдюкъ вина, онъ завелъ богословскій споръ съ шейхуль-исламомъ и муфтіемъ, доказывая имъ, что пророкъ безпогрѣшный—да будетъ съ нимъ міръ! —былъ просто обманщикъ: при этомъ спорѣ онъ до того разгорячился, что шейхуль-ислама, главу духовенства, назвалъ сожженнымъ отцомъ, а муфтія, благочестивѣйшаго мужа во всемъ Ширванѣ, *собачьимъ* сыномъ. Говорили, что онъ прогналъ

отъ себя главнаго эвнуха, давъ ему страшнаго пинка совсѣмъ не по мусульманскому порядку и запретилъ стоять въ своемъ присутствіи; что онъ обѣщаетъ уничтожить гаремы и разрѣшить всѣмъ женщинамъ ходить безъ покрывала и принимать у себя всякихъ мужчинъ; что ученаго *мунеджимъ-баши*, главнаго ширванскаго астролога, велѣлъ онъ отколотить по пятамъ за незнаніе своего дѣла, а *хекимъ-баши*, главнаго врача, объявивъ осломъ, обѣщалъ самъ учить съ азбуки медицинѣ. Говорили, что онъ не совершаетъ омовеній, не творитъ пяти *намазовъ*, и намѣренъ вывернуть благословенный Ширванъ вверхъ-дномъ, преобразовать съ ногъ до головы: завести какую-то *сивилизешнъ*, открыть зрѣлища съ танцами и масками, построить огромные корабли и учредить въ Ширванѣ двѣ палаты отборнѣйшихъ краснобаевъ, искусныхъ въ спорѣ и всякой брани, съ тѣмъ, чтобы они обо всемъ между собою спорили, кричали и бранились; а которые изъ нихъ перекричатъ и перебранятъ прочихъ, по рѣшенію тѣхъ и дѣйствовать визирямъ и мирзамъ во всѣхъ дѣлахъ, а падишаха тѣми дѣлами не обременять и не безпокоить. Тысячу ужасныхъ вещей говорили объ этомъ загадочномъ человѣкѣ, благодаря мѣрамъ, искусно принятымъ панною Маріанною къ обнародованію всего, что̀ происходило во дворцѣ, и докторъ Джонъ Ди горько жалуется въ своихъ запискахъ на ея недоброжелательство или, какъ онъ называетъ, неблагодарность. Но, и безъ этого, самый уже его голосъ, его походка, характеръ, обращеніе, пріемы, все доказывало, что это совершенно другой человѣкъ,

и королевна Франкистана не признавала его своимъ женихомъ, а это—главное: она лучше всѣхъ должна быть въ состояніи судить о подлинности ширванъ-шаховъ. Слѣдовательно, онъ былъ колдунъ и самозванецъ.

Тайное волненіе господствовало уже во всемъ городѣ. Визирь и другіе государственные сановники показывали видъ, будто они не вѣрятъ всеобщей молвѣ или, по ихъ словамъ, дурацкой сказкѣ, которою не должно даже смущать свѣтлаго кейфа падишаха, убѣжища міра. Но нѣтъ сомнѣнія, что и они также, въ глубинѣ души, раздѣляли общую увѣренность въ подлогѣ: доказательство — ихъ совершенное равнодушіе къ слухамъ, которые, въ противномъ случаѣ, должны были бы ихъ встревожить и сдѣлать бдительными. Если мятежъ не вспыхнулъ немедленно, это должно приписать единственно тому, что, почитая самозванца колдуномъ и служителемъ такого страшнаго чародѣя какъ Дели-Иванъ, всѣ боялись его адскаго могущества. Притомъ Халефъ-Мирза, опасаясь быть схваченнымъ, нигдѣ не показывался народу. Онъ хотѣлъ прежде всего обезпечить себѣ помощь нѣсколькихъ сильныхъ беговъ, предводителей войска. Надлежало убѣдить ихъ, чтобы они торжественно объявили себя его защитниками и согласились стать въ челѣ возстанія противъ самозванца. За устройство этого дѣла взялись бородобрѣй и старый мулла.

Между-тѣмъ Халефъ почти каждую ночь имѣлъ весьма занимательныя свиданія съ панною Маріанною. Эвнухъ Сиксизъ служилъ ему вѣрою и прав-

дою въ надеждѣ на награду, и никто въ гаремѣ, даже самъ Ахмакъ-Ага, не догадывался, что прежній падишахъ безпрестанно ныряетъ въ «морѣ наслажденія» до самой драгоцѣнной изъ «жемчужинъ».

Во время этихъ посѣщеній Халефъ узналъ, что его преемникъ не выходитъ изъ покоевъ ширванъ-шаха, сказываясь нездоровымъ, что̀ однакожъ не мѣшаетъ ему ѣсть отлично и пить на-славу. По мнѣнію панны Маріанны, это была просто мѣра предосторожности: подъ видомъ болѣзни, онъ хочетъ постепенно ознакомиться съ своими приближенными и сановниками, отклонить отъ себя на-время дѣла, которыхъ сущность вовсе ему неизвѣстна, и непримѣтно разглядѣть все и всѣхъ. Онъ допускаетъ весьма немногихъ къ своей особѣ, желаетъ знать что̀ кто дѣлаетъ, велитъ разсказывать себѣ обо всемъ, и ничего не отвѣчаетъ, не отдаетъ никакихъ приказаній, все откладываетъ до своего выздоровленія. Между-тѣмъ, послѣ обѣда, забывшись въ парахъ кахетинскаго вина, отпускаетъ онъ передъ своей прислугой, и передъ нѣсколькими изъ придворныхъ, уже успѣвшими втереться въ милость, такія неслыханныя вещи, которыя заставляютъ ихъ только разинуть ротъ и возложить все упованіе на Аллаха: хочетъ передѣлать ширванское царство на англійскій образецъ, сжечь отцовъ шаха Тахмаспа и султана Селима-Пьяницы, и поставить свое государство въ такое положеніе, чтобы Ширванцы могли на могилахъ дѣдовъ турецкаго Головорѣза и персидскаго царя-царей дѣлать все, что̀ ихъ душѣ угод-

но. Появленіе новой звѣзды онъ, какъ искусный астрологъ, толкуетъ въ свою пользу и называетъ звѣздою своего счастія, которая поведетъ его къ побѣдамъ надъ всею Азіей и сдѣлаетъ Ширванъ могущественнѣйшею въ мірѣ державою. Это прельщаетъ воображеніе многихъ Ширванцевъ, и онъ начинаетъ уже снискивать себѣ преданныхъ приверженцевъ, даже между тѣми, которые втайнѣ подозрѣваютъ въ немъ гяура и колдуна. Между-тѣмъ онъ избѣгаетъ всякой встрѣчи съ женщинами, которыхъ проницательный взоръ для него опасенъ и страшенъ. Образчикъ гаремныхъ прелестей Востока въ лицѣ Шишманлы очевидно ему не понравился, и онъ совсѣмъ не радѣетъ о своемъ гаремѣ. Ахмакъ-Ага, прогнанный самымъ неучтивымъ образомъ на слѣдующее утро послѣ воцаренія, вѣроятно по случаю неудовольствія на прелести Шишманлы, не смѣетъ показываться на глаза къ сердитому ширванъ-шаху.

Это обстоятельство подало счастливую мысль Халефу.

Еще въ первое свое посѣщеніе онъ оставилъ-было Маріаннѣ нѣсколько тайныхъ письменныхъ приказаній и записочекъ своей руки, какія можно было дать безъ приложенія печати, чтобы она, въ случаѣ нужды, показала ихъ Ахмакъ-Агѣ: этими повелѣніями предоставлялъ онъ ей полную свободу выходовъ изъ ограды, позволялъ принимать у себя кого угодно, отдавалъ въ ея распоряженіе гаремную полицію, то есть, Ахмакъ-Агу и всѣхъ его эвнуховъ, уполномочивалъ къ требованію весьма значительныхъ суммъ изъ частной казны шир-

ванъ-шаха и отъ государственнаго казначея. На этомъ основаніи, королевна Франкистана, уже и прежде царица гарема, какъ царица его хозяина, теперь была самовластною повелительницею этого завѣтнаго женскаго города. Она смѣло приказывала, и все ей повиновалось. Два или три раза уже требовала она большихъ денегъ: деньги тотчасъ были ей доставлены, и она передала ихъ Халефу, который такимъ образомъ увидѣлъ себя въ состояніи по-царски бросать золото эвнухамъ, оказывавшимъ ему услуги, и дѣйствовать съ большею смѣлостью въ городѣ. Старый мулла успѣлъ частью этого золота задобрить уже двухъ важныхъ беговъ: другую часть тайно разсыпали между солдатами, надъ которыми они начальствовали. Заговоръ противъ колдуна шелъ довольно успѣшно, когда извѣстіе о немилости къ главному эвнуху вдругъ внушило Халефу надежду на скорѣйшее окончаніе тяжбы другимъ, болѣе короткимъ, путемъ.

Онъ упросилъ Маріанну потушить лампу и извѣстить Ахмакъ-Агу черезъ одну изъ своихъ невольницъ, что падишахъ — у королевны и требуетъ его къ себѣ немедленно. Маріанна испугалась смѣлости этой мѣры, но Халефъ, зная ограниченность ума великаго оберегателя добродѣтели своихъ супругъ, увѣрялъ ее въ совершенной безопасности ихъ обоихъ.

Ахмакъ-Ага явился. Въ комнатѣ было темно. Это случилось черезъ двѣ недѣли послѣ землетрясенія. Джонъ Ди все-еще представлялся нездоровымъ.

— Ахмакъ-Ага!... это ты, мой другъ? спросилъ Халефъ своимъ ласковымъ и пріятнымъ голосомъ, у дверей комнаты невѣсты.

Ахмакъ-Ага, въ восторгѣ, что ширванъ-шахъ выздоровѣлъ и что прежній голосъ къ нему возвратился, стремглавъ упалъ къ его ногамъ и разшибъ себѣ лобъ о порогъ. Несмотря на это, онъ откликнулся съ чувствомъ:

— Подлѣйшій изъ рабовъ падишаха, убѣжища міра, да не уменьшится никогда священная тѣнь его!

— Ты сердитъ на меня, Ахмакъ-Ага? сказалъ Халефъ.

— Какъ можетъ пылинка свинцовыхъ опилокъ сердиться на солнце, которое своими лучами придаетъ ей блескъ серебра?... Я жертва падишаха, убѣжища міра. Я меньше собаки. Ктожъ я!

— Нѣтъ, я знаю, что ты сердишься за тотъ пинокъ, который я тебѣ пожаловалъ!... Ну, извини, мой другъ!... Я былъ нездоровъ: землетрясеніе ужасно разстроило падишаха; а тутъ еще и ты взбѣсилъ его, представивъ на его свѣтлую и радостную бесѣду такую гадость, какова твоя Шишманлы....

— Простите надостатки и погрѣшности подлѣйшаго изъ рабовъ!

— Падишахъ прощаетъ. Теперь все забыто. Падишахъ любитъ тебя по-прежнему. Но поблагодари за это благоуханнѣйшую розу цвѣтника нашего царскаго сердца, свѣтлѣйшую королевну: она-то упросила насъ простить вѣрнаго и усерднаго раба своего, Ахмакъ-Агу, и возвратить всю нашу

милость и благоволеніе. Она твоя благодѣтельница. Она здѣсь то же что̀ я самъ. Будь ей вѣренъ. Исполняй въ точности всѣ ея приказанія, какія бы она ни отдала. Къ ней одной обо всемъ относись. Кого она прикажетъ пускать въ гаремъ, того пускай; кого не прикажетъ, не пускай. Падишахъ здѣсь—она, а не мы. Это ея царство. Понимаешь ли?

— Какъ не понимать?... На мой глазъ и на мою голову!... Я жертва благоуханнѣйшей розы цвѣтника сердца падишаха, убѣжища міра. Я рабъ свѣтлѣйшей королевны, моей благодѣтельницы.

— Если бы даже приказала она насъ самихъ связать веревками и принести къ ногамъ ея, ты долженъ исполнить и это безпрекословно, какъ бы мы ни изволили кричать и сердиться. Понимаешь ли?

— Понимаю. Будетъ исполнено по первому приказанію.

— Если она останется довольна тобою, то, въ награду за твою преданность, падишахъ намѣренъ сдѣлать себя *вали*, генералъ-губернаторомъ Шемахи, а тамъ, *иншаллахъ*, буде угодно Аллаху, ты скоро попадешь у падишаха и въ верховные визири. Понимаешь ли?

— Понимаю. Что̀ я за собака, чтобъ не понимать такой мудрой рѣчи? Рабъ вашъ сталъ отъ нея выше себя цѣлой головою. Свѣтлѣйшая королевна можетъ всегда и вездѣ полагаться на мое усердіе. Голова моя—подножіе ея дивана. Преданность подлѣйшаго изъ рабовъ истощится только съ *послѣднею* каплею его крови. Клянусь Алла-

хомъ, и его пророкомъ, и солнцемъ, которое всходитъ и заходитъ, и землею, которая разостлана ковромъ для людей, и звѣздами, которыя...

— Полно, полно! прервалъ Халефъ. Вѣрю! Знаешь ли моего рѣзчика?

— Нѣтъ, не знаю. Но могу узнать.

— Такъ узнай осторожно, какъ его зовутъ и гдѣ онъ живетъ. У тебя должны быть разныя мои предписанія съ приложеніемъ моихъ частныхъ печатей?

— Есть., какъ не быть!

— Возьми же, мой другъ, два такія предписанія, съ двумя различными печатями, и завтра поутру, узнавъ, гдѣ живетъ мой рѣзчикъ, снеси тайно эти оттиски къ нему. Прикажи поскорѣе сдѣлать по нимъ для меня двѣ точно такія же печати, безъ малѣйшей разницы, получи ихъ самъ лично отъ рѣзчика, какъ-скоро онѣ будутъ готовы, и отдай въ руки свѣтлѣйшей королевнѣ.

— Слушаю и повинуюсь.

— Теперь, ступай спать, успокой душу свою. Падишахъ все сказалъ.

Ахмакъ-Ага ударилъ челомъ и удалился, счастливый какъ Мухаммедъ на возвратномъ пути изъ седьмаго неба въ Медину верхомъ на кобылѣ-женщинѣ Эль-Буракъ. Халефъ воротился къ невѣстѣ, и поспѣшилъ объяснить ей свою мысль. Приказанія, данныя главному эвнуху, были имъ полезны въ двухъ отношеніяхъ. Обладая печатями, ширванъ-шахъ получалъ обратно власть въ свои руки: онъ могъ послать тайное письменное приказаніе верховному визирю и Эскеръ-Хану, начальнику

всѣхъ военныхъ силъ, занять ночью весь дворецъ войсками и дѣйствовать по указанію одного изъ беговъ, подкупленныхъ старымъ муллою, или, если это окажется неудобнымъ, вывести вдругъ всѣ войска за городъ и оставить замокъ безъ защиты и безъ карауловъ въ распоряженіе приверженцевъ Халефа. Повелѣвая неограниченно главнымъ эвнухомъ, Маріанна, съ своей стороны, могла, пригласивъ къ себѣ самозванца, велѣть схватить его и запереть въ своемъ дворцѣ: Халефа тотчасъ извѣстили бы объ этомъ; онъ, и Маріанна, которая была въ состояніи уличить своего стараго знакомца и раздавить совѣсть его упреками, легко принудили бы доктора возвратить законному ширванскому шаху лицо и царство на выгодныхъ условіяхъ. Халефъ готовъ былъ даже, если альхимикъ не согласится на вознагражденіе чистымъ золотомъ, уступить ему за лицо Дербендъ и весь Лезгистанъ, чтобы онъ преобразовалъ ихъ на англійскій ладъ и далъ Лезгинцамъ свою любимую *конституцію*. Не въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ, успѣхъ былъ несомнѣнный и низверженіе самозванца могло совершиться быстро, тихо и безъ кровопролитія.

Любовники, упоенные сладкою надеждою, съ восхищеніемъ предались обсужденію подробностей этихъ двухъ различныхъ плановъ, которымъ легко было еще придать множество удачныхъ видоизмѣненій, чтобы скорѣе достигнуть цѣли. Время пролетѣло незамѣтно, и Халефъ тогда только вспомнилъ, что пора оставить гаремъ, когда съ ближай-

шаго минарета раздался на зарѣ призывъ муэззина къ первой утренней молитвѣ.

Ширванъ-шахъ поспѣшно простился съ прекрасною невѣстою и вышелъ въ садъ. Небо было покрыто черными тучами; проливной осенній дождь наполнялъ воздухъ непроницаемымъ мракомъ. Въ трехъ пяденяхъ отъ глазъ ни какое зрѣніе не могло бы различить предметовъ.

Нѣсколько тѣнистыхъ аллей выходило лучами изъ полукружія, очертывавшаго крыльцо павиліона, извѣстнаго донынѣ подъ названіемъ «Дворца королевны Франкистана». Сбѣжавъ съ крыльца, Халефъ впотьмахъ потерялъ настоящее направленіе и попалъ не въ ту аллею, которою пришелъ. Въ аллеѣ было темно какъ въ сундукѣ. Онъ не примѣтилъ своей ошибки, и шелъ все прямо, думая, что идетъ въ калиткѣ Рока, у которой ожидалъ его преданный Сиксизъ. Не прежде спохватился онъ, какъ наткнувшись на какой-то мраморный водоемъ. Надобно было, съ большимъ трудомъ и совершенно на-угадъ, отыскивать между деревьями входъ въ какую-нибудь аллею, чтобы удалиться отъ этого мѣста.

Халефъ долго искалъ: наконецъ нашелъ дорожку. Эта дорожка привела его къ двумъ другимъ. Ту, которую онъ избралъ по соображенію мѣстности, отвлекла его своими извилистыми отраслями еще далѣе отъ настоящаго направленія. Онъ совсѣмъ сбился съ пути, прошелъ нѣсколько калитокъ въ какихъ-то заборахъ, чуть не упалъ въ какіе-то пруды, и очутился къ незнакомой части сада, гдѣ едва-ли случалось ему бывать прежде.

Передъ нимъ возвышалось большое строеніе. Это были гаремныя прачечныя, но Халефъ не узналъ ихъ, а можетъ-быть и не зналъ вовсе: онѣ находились въ сторонѣ, совершенно противоположной калиткѣ Рока. Въ строеніи уже мелькалъ огонь и слышались человѣческіе голоса. Надлежало поскорѣе удалиться оттуда.

Досада и безпокойство смутили въ немъ присутствіе духа. Болѣе часу блуждалъ онъ въ темнотѣ по неизвѣстнымъ тропинкамъ; какъ-вдругъ дождь пересталъ, тучи быстро разсѣялись и въ нѣсколько минутъ на дворѣ открылось полное и свѣтлое утро. Ширванъ-шахъ сообразилъ мѣстоположеніе, и скорымъ шагомъ отправился къ спасительной калиткѣ Рока. Сердце билось у него страхомъ при мысли, что можетъ-быть Сиксизъ, не дождавшись, ушелъ въ свою казарму. Халефъ однакожъ спѣшилъ въ ту сторону, какъ самую пустынную во всей оградѣ гарема. Опять заборъ, и какая-то калитка! Къ счастію ключъ въ двери. Халефъ отворилъ ее. О ужасъ!... За дверью стоятъ нѣсколько человѣкъ, то есть, не-человѣкъ, эвнуховъ, и разговариваютъ съ работниками. Халефъ бросился назадъ, и скрылся за кустомъ. Но эвнухи примѣтили его. Эта огромная женщина, въ промокшемъ платьѣ и въ мужской обуви, показалась имъ подозрительною. Они побѣжали за нею. Не видя никого за калиткою и догадываясь, что она спряталась, эвнухи принялись искать ее повсюду и наконецъ нашли. Тутъ уже нечего длинно и широко разсказывать: бѣдный ширванъ-шахъ попалъ въ когти самыхъ лютыхъ волковъ. Одинъ изъ этихъ

звѣрей сорвалъ съ него покрывало и, съ ужасомъ, завизжалъ:—«Мужчина»!—Другой тотчасъ снялъ съ себя поясъ, чтобы связать руки. Третій, чтобы получить *бахшишъ*, «подарочекъ», побѣжалъ доложить Ахмакъ-Агѣ о поимкѣ гостя. Плѣнникъ хотѣлъ оправдываться. Эвнухи завязали ему ротъ покрываломъ, чтобы онъ не дѣлалъ шуму, говоря: —«Оправдаешься передъ агою»! — и повели къ начальнику. Халефъ немножко ожилъ: по силѣ недавно отданнаго приказанія, Ахмакъ-Ага обязанъ былъ представить его паннѣ Маріаннѣ, которая, навѣрное, велитъ запереть преступника въ своей комнатѣ, впредь до произнесенія надъ нимъ своего королевскаго суда и приговора по законамъ сердца.

Но вотъ что̀ значитъ — судьба! Судьба всѣмъ распоряжаетъ, особенно на Востокѣ. Самые мудрые планы человѣка часто служатъ ей орудіемъ къ его погибели. Могъ ли Халефъ вообразить, что, приказывая Ахмакъ-Агѣ изготовить для себя всемогущія печати, которыя должны подчинить дворецъ его власти, онъ подписываетъ роковой приговоръ своей головѣ?... Его вели къ Ахмаку, а Ахмака не было дома! Онъ уже ушелъ къ рѣзчику.

Въ отсутствіе *кызларъ-аги*, «начальника дѣвъ», или главнаго эвнуха, власть этого сановника принадлежала его *кіахьѣ*, или намѣстнику. Этимъ намѣстникомъ былъ старый и свирѣпый Гюнзаде-Мирза, котораго Ахмакъ-Ага, за краткостью времени, еще не успѣлъ предварить о сущности полученнаго ночью повелѣнія о новомъ порядкѣ вещей въ гаремѣ. Старый эвнухъ, увидѣвъ мужчину,

пришелъ въ бѣшенство, въ ярость, въ изступленіе. Отсутствіе начальника дѣвъ доставляло его намѣстнику прекрасный случай получить награду за усердіе и даже попасть въ милость къ падишаху; явно не благоволившему къ великому хранителю «жемчужинъ» за эту толстую жемчужину, которую слишкомъ аккуратный Ахмакъ-Ага отъискалъ для него на кухнѣ. Гюнзаде приказалъ вести плѣнника въ собственное отдѣленіе падишаха и, надѣвъ свою красную парадную шубу, пошелъ самъ впереди конвоя. Халефа потащили къ доктору Ди.

Стая эвнуховъ, проходя съ своей добычею по корридорамъ, лѣстницамъ и переднимъ, безпрерывно увеличивалась въ объемѣ феррашами, чаушами, и всякаго рода и званія придворными, которыхъ взволновало извѣстіе о соблазнѣ и любопытство. Каждый хотѣлъ взглянуть на любовнаго вора и посмотрѣть, какъ ему будутъ рѣзать голову. Вся эта толпа, подъ предводительствомъ великолѣпнаго Гюнзаде-Мирзы, вдругъ церемоніяльно ввалила въ пріемную залу, въ которой новый повелитель Ширвана сидѣлъ одинъ съ своимъ верховнымъ визиремъ и слушалъ его докладъ.

— Что̀ это? спросилъ изумленный Джонъ Ди. Чего хотятъ эти люди?... Какъ вы смѣете входить къ падишаху безъ приказанія?

— Экстренное дѣло, не терпящее отлагательства, отвѣчалъ намѣстникъ начальника дѣвъ, распростершись на мраморномъ полу залы, и тотчасъ началъ рѣчь, сочиненную дорогой. — Усердствуя къ пользѣ службы падишаха, убѣжища міра, и

бдительно днемъ и ночью охраняя священную ограду радостей его свѣтлаго сердца отъ всякаго пятна, порока и изъяна, по особенному благоволенію Господа Истины къ неусыпности рабовъ Тѣни его на землѣ, и по несомнѣнному содѣйствію испытаннаго счастія и неизмѣннаго благополучія величайшаго изъ ширванъ-шаховъ, сказаннымъ рабамъ удалось поймать въ рѣченной оградѣ переодѣтаго женщиною вора медовой росы съ райскихъ розъ, красующихся въ цвѣтникѣ неприкосновенныхъ наслажденій всеправосуднѣйшаго полюса вселенной. Каковаго вора, открытаго усердіемъ подлѣйшихъ рабовъ во время отлучки высокостепеннаго начальника нашего по неизвѣстнымъ причинамъ, за отсутствіемъ упомянутаго начальника и имѣемъ счастіе представить передъ лучезарное лицо падишаха, убѣжища міра, для изрѣченія надъ дерзновеннымъ преступникомъ своего равносудбеннаго приговора и учиненія ему примѣрной казни, какъ судили Аллахъ и пророкъ его....

При этихъ словахъ оратора, эвнухи торжественно сняли съ Халефа плащъ и покрывало, и выступившій изъ толпы палачъ обнажилъ свой ятаганъ. Докторъ Ди неожиданно увидѣлъ передъ собою свое прежнее лицо, и покраснѣлъ до ушей. Ораторъ продолжалъ:

— А что̀ касается до преступницы, которая состоя въ грѣховодныхъ связяхъ съ этимъ человѣкомъ, осквернила чистоту свѣтлѣйшаго гарема, то формальное слѣдствіе, имѣющее произвестись намѣстѣ по возвращеніи Ахмакъ-Аги изъ города....

Но Халефъ, зная, что̀ его ожидаетъ, заглушилъ

рѣчь стараго эвнуха своимъ отчаяннымъ крикомъ:

— Воръ! колдунъ! самозванецъ!... отдай мнѣ мое лицо!... отдай мое наслѣдственное царство!... Слушайте меня, люди ширванскіе....

Докторъ Ди протянулъ впередъ руку, съ выпрямленною перпендикулярно ладонью, и эвнухи тотчасъ завязали ротъ Халефу его же покрываломъ. Несчастный ширванъ-шахъ еще произносилъ подъ этою тканью какія-то слова, но уже никто ихъ не разслышалъ.

Визирь, сидѣвшій на полу передъ докторомъ, слегка наклонился къ нему и сказалъ вполголоса:

— Это долженъ быть тотъ самый негодяй, о которомъ я осмѣлился сейчасъ упоминать падишаху.

Джонъ Ди не отвѣчалъ ни слова.

Водворилось мертвое молчаніе. Всѣ ожидали, что, по принятому на подобные случаи обычаю, падишахъ, помолчавъ немного и потупивъ глаза, тихо приподниметъ руку и вдругъ проведетъ горизонтально ладонью по воздуху — роковой жестъ, означающій въ мимикѣ восточныхъ деспотовъ — «снять голову»! Ферраши уже заняли мѣсто эвнуховъ вокругъ преступника. Палачъ уже подошелъ къ Халефу, чтобы, при этомъ торжественномъ знакѣ, тотчасъ вывести его на дворъ и обезглавить. Но Джонъ Ди грозно посмотрѣлъ на своего придворнаго живодера и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Пошелъ вонъ, собачій сынъ!

Палачъ исчезъ въ толпѣ. Всѣ удивились. Док-

торъ Ди опять замолкъ и погрузился въ раздумье.

— Сумасшедшій!... произнесъ онъ наконецъ равнодушно: бѣдняжка!... у него мозгъ превратился въ грязь!... Дать этому несчастному человѣку пятьдесятъ тысячъ золотыхъ тюменовъ и вывезти его въ Грузію: пусть тамъ живетъ спокойно и вретъ сколько душѣ его угодно, не осмѣливаясь, однакожъ, появляться впредь гдѣ бы то ни было въ Ширванѣ. Падишахъ сказалъ.

Халефа немедленно вывели изъ залы. Толпа, изумленная столь непостижимымъ великодушіемъ убѣжища міра, удалилась вслѣдъ за счастливымъ преступникомъ. Отъ бѣгства пророка изъ Мекки въ Медину и начала гиджры, во всемъ мусульманствѣ не было еще примѣра такой кротости въ отношеніи къ нарушителю неприкосновенности гарема. Поступокъ падишаха всѣмъ показался загадочнымъ, и каждый сталъ толковать его по своему разумѣнію, бо̀льшею частью не въ пользу доктора. Мы, съ своей стороны обязаны, представить здѣсь наше толкованіе. Разсмотримъ этотъ знаменитый поступокъ критически.

Почему Джонъ Ди, имѣя своего опаснаго соперника въ рукахъ, и имѣя совершенно законный предлогъ освободиться отъ него навсегда и быть по смерть спокойнымъ обладателемъ похищенной державы, пощадилъ жизнь преступника, съ пренебреженіемъ народныхъ уставовъ и предразсудковъ и съ явнымъ неудобствомъ для прочности своего владычества? На этотъ, какъ-нельзя болѣе естественный, вопросъ можно отвѣчать, во-первыхъ, что Джонъ Ди не былъ человѣкъ кровожадный.

Въ запискахъ его, гдѣ онъ всѣми мѣрами оправдывается въ похищеніи короны «у ширванскаго короля», мы находимъ второй отвѣтъ. Тамъ онъ утверждаетъ и клянется, что похитилъ ее единственно для своей личной безопасности, по необходимости, по ошибкѣ, и только на-время, имѣя твердое намѣреніе, какъ честный человѣкъ, возвратить царство законному владѣльцу тотчасъ по минованіи въ немъ надобности. Онъ говоритъ, будто, съ перваго дня съ своего воцаренія, уже обдумывалъ разныя средства, какъ бы благовидно и безъ убытка удалиться изъ Ширвана въ Европу, къ своимъ любимымъ книгамъ, къ женѣ, къ дѣтямъ, оставивъ, разумѣется, этой прекрасной странѣ, въ память своего пребыванія на ея престолѣ, кое-какія блага западной образованности—Magna Charta—парламентъ—оппозицію—что̀-нибудь такое. Ди положительно утверждаетъ, что онъ исполнилъ бы все это тихо, безъ шуму, въ самое короткое время, и уѣхалъ бы въ Англію черезъ Константинополь, если бы не интриги панны Маріанны Олеской, ужасной деспотки, которой непремѣнно хотѣлось падишахствовать по-восточному и которая постоянно мѣшала самымъ благороднымъ его намѣреніямъ. Въ доказательство подлинности этихъ намѣреній приводитъ онъ дарованіе жизни Халефа, послѣ поимки его въ гаремѣ, высылку ширванъ-шаха въ Грузію, для того, чтобы возвратить ему лицо и корону при первомъ удобномъ случаѣ, и наконецъ самую *кратковременность* своего царствованія на шахскомъ престолѣ. Но должно замѣтить, что, ссылаясь на эту

«кратковременность», онъ нигдѣ не опредѣляетъ ея мѣры, а между-тѣмъ изъ восточныхъ документовъ видно, что «ширванскій самозванецъ» обладалъ престоломъ болѣе пяти лѣтъ, до 1578 года. Если бы почтенный докторъ имѣлъ искреннее намѣреніе возвратить его несчастному Халефу, то онъ нашелъ бы къ тому тысячу удобныхъ случаевъ впродолженіи пяти лѣтъ. И какъ онъ оставилъ Ширванъ не по доброй волѣ, хоть и не говоритъ объ этомъ ни слова, то всѣ историческія вѣроятности позволяютъ намъ заключить безошибочно, что докторъ счелъ гораздо пріятнѣйшимъ брать готовое золото изъ казны ширванъ-шаховъ, чѣмъ дѣлать его въ тиглѣ, жарясь передъ огнемъ плавильныхъ горновъ, и что онъ нисколько не былъ расположенъ возвращать корону Халефу. Очевидно, что онъ напрасно обвиняетъ панну Маріанну въ страсти къ восточному депотизму: ему самому очень понравилось быть падишахомъ, и онъ рѣшительно хотѣлъ удержать за собою похищенное царство во что̀ бы то ни стало. Если онъ пощадилъ жизнь Халефа, этому были другія причины, чисто хирургическія.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, жилъ въ Петербургѣ отставной коллежскій совѣтникъ, Гаврило Петровичъ П***, добрѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, весельчакъ, хлѣбосолъ, пріятный игрокъ, и съ весьма порядочнымъ состояніемъ: судьба одарила его всѣми хорошими качествами гражданина и отца семейства, и не дала только одного, именно носа—или можетъ-статься и дала, но потомъ отняла по какому-то случаю. Это ужас-

но огорчало Гаврила Петровича. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ хирурговъ того времени, игравшій съ нимъ по четвергамъ въ вистъ, вызвался исправить этотъ недостатокъ, предлагая выростить на его лицѣ носъ такой величины и формы, какой самъ онъ пожелаетъ, и придать физіономіи совсѣмъ другой видъ. Извѣстно, какъ это дѣлается: отъ руки паціента, между плечомъ и локтемъ, отдѣляется кусокъ тѣла, имѣющій форму носа, не совсѣмъ отрѣзывая его съ одной стороны отъ руки, чтобы питаніе этого куска тѣла могло продолжаться ея кровоносными сосудами, и приставляется другой стороною къ фундаменту прежняго носа на лицѣ, очищенному отъ кожи. Надобно держать руку у лица, въ весьма неудобномъ положеніи, не шевелясь ни на волосъ, пока эта сторона не срастется съ фундаментомъ прежде бывшаго носа: тогда ту сторону отрѣзываютъ отъ руки и залечиваютъ. Можно такимъ же образомъ приклеить другія губы, другой подбородокъ, и, мало-по-малу, передѣлать все лицо, если угодно, по бюсту Каракаллы, Платона, Агриппины или Александра Великаго. Операція мучительная; но теперь иначе не умѣютъ передѣлывать физіономіи по данному образцу, послѣ потери древняго секрета «мѣняться лицами» или «мѣнять лица». Гаврило Петровичъ не могъ на нее рѣшиться, какъ его ни уговаривалъ знаменитый операторъ: легко ли дѣло—тридцать или сорокъ дней сряду держать руку все въ одномъ положеніи!... «Нельзя ли выкроить мнѣ носа изъ чужой руки»? спросилъ онъ: «я можетъ-быть найду человѣка, который за деньги уступитъ

мнѣ кусокъ своего тѣла и согласится держать руку у моего лица сорокъ дней неподвижно»? Хирургъ отвѣчалъ, что для него все-равно изъ чьего тѣла ни кроить, лишь бы тѣло было живое и здоровое. Въ самомъ дѣлѣ Гаврило Петровичъ отъискалъ одного молодаго Чухонца, который, за пять тысячъ рублей, подрядился выставить ему носъ изъ своего тѣла. Приглашенные художники представили въ рисункѣ и въ лѣпкѣ множество проектовъ носа, болѣе или менѣе сообразныхъ съ лицомъ Гаврила Петровича. Одни изъ этихъ проектовъ отвергла жена, другіе не понравились ему самому. Форма будущаго носа была разсмотрѣна и рѣшена въ общемъ совѣтѣ друзей, и паціентъ мужественно предался въ руки хирургу. Черезъ полтора мѣсяца на лицѣ Гаврила Петровича воздвигся носъ, составлявшій удивленіе знатоковъ и любителей. Въ цѣломъ Петербургѣ не было носа превосходнѣе этого. Владѣтель его удовлетворилъ Чухонца, и тотъ уѣхалъ въ Финляндію. Но красота и счастіе Гаврила Петровича продолжались не болѣе двухъ лѣтъ и пяти мѣсяцевъ. Хотите ли знать судьбу этого знаменитаго носа?... Однажды, ночью, онъ отвалился въ постели, и Гаврило Петровичъ поутру нашелъ его на полу. Какъ? почему онъ отвалился?... Хирургъ не могъ понять этого чуда. Впослѣдствіи оказалось — этотъ достопримѣчательный хирургическій случай обстоятельно описанъ въ лейпцигскомъ «Другѣ здравія» за 1828 годъ, № 29, стр. 293—впослѣдствіи оказалось, что Чухонецъ, уѣхавшій въ Финляндію, въ эту же самую ночь умеръ отъ пьянства. Хирургъ

и тутъ не понималъ!... А это—очень естественно; тѣло, изъ котораго носъ былъ заимствованъ, скончалось: носъ, какъ первобытная часть его, долженъ былъ скончаться, по-необходимости. Этого-то простаго обстоятельства знаменитый операторъ и не сообразилъ заранѣе!... Но Джонъ Ди, которому извѣстны были всѣ тайны природы, не могъ такъ же легко, какъ онъ, попасть въ просакъ. Что̀ вышло бы, еслибъ Джонъ Ди, увлекшись властолюбіемъ, предалъ Халефа смерти? Его тогдашнее лицо принадлежало собственно тѣлу бывшаго ширванъ-шаха. Да онъ лишился бы—мало того, носа—а всѣхъ чертъ, заимствованныхъ у этого тѣла. Всѣ черты исчезли бы въ одно мгновеніе. Онъ остался бы.... *безъ лица*!

Вотъ почему, если судить по правиламъ здравой исторической критики, докторъ Джонъ Ди такъ великодушно поступилъ съ Халефомъ. Онъ не могъ поступить иначе.

Онъ простилъ Халефа, не для того чтобы возвратить ему царство, какъ сказано въ запискахъ почтеннаго доктора *, но чтобы владычествовать подъ его наружностью, чтобы незаконно пользоваться чужимъ добромъ, чтобы упиваться наслажденіями власти и сдѣлаться причиною и орудіемъ паденія одной изъ прекраснѣйшихъ державъ Азіи—обстоятельство, о которомъ онъ тщательно умалчиваетъ, но которое мы сейчасъ докажемъ неоспоримыми фактами.

Халефа вывезли въ Грузію. Съ-тѣхъ-поръ, то

* Memoirs of doctor John Dee, etc., p. 304, sqq.

есть, со времени разстанія его съ панною Маріанною, событія быстро слѣдовали одни за другими, но самое ихъ разнообразіе не позволяетъ намъ входить въ подробности, и мы должны удовольствоваться только общимъ очеркомъ происшествій.

Панна Маріанна нѣсколько разъ приглашала къ себѣ доктора Ди черезъ Ахмакъ-Агу. Онъ не пошелъ къ ней. Она писала ему пять записочекъ на англійскомъ языкѣ, умоляя о свиданіи. Докторъ отвѣчалъ, что онъ не умѣетъ читать ихъ.

Весьма понятно, почему онъ не хотѣлъ видѣться съ нею. Доктору Ди очень хорошо было извѣстно, что она—невѣста Халефа, и что свадьба ихъ назначена около того времени, въ которое онъ получалъ ея приглашенія и записки. Что̀ ему было дѣлать съ королевною Франкистана? Жениться на ней онъ не могъ. Какъ докторъ правъ, онъ чувствовалъ, что это невозможно, имѣя уже одну жену, и нѣсколько дѣтей съ нею, которыя остались въ Олитѣ, у пана Олескаго. Формальный разрывъ съ королевною Франкистана представлялъ также большія неудобства. Доктору Ди, какъ и всякому въ Шемахѣ, было извѣстно, что Халефъ предоставилъ ей большое вліяніе на своихъ государственныхъ сановниковъ, которые усердно исполняли всѣ ея желанія, чтобы угодить влюбленному падишаху. Онъ зналъ также, что въ гаремѣ она полная хозяйка; что всѣ тамъ повинуются безпрекословно ея волѣ; что, своей любезностью и щедростью, она пріобрѣла повсюду преданныхъ приверженцевъ. Притомъ она гораздо лучше его *была* знакома съ людьми и дѣлами этой страны,

и, слѣдовательно, ссориться съ нею было очень опасно. Докторъ боялся и ея могущества, и ея ума, и ея любви къ своему предшественнику. Чтобы отмѣнить это могущество, надобно сперва самому прочно утвердиться и хорошо изслѣдовать мѣстность, средства, прежнія обстоятельства и данныя уже повелѣнія. Чтобы продолжать нѣжныя сношенія съ незнакомою женщиною въ качествѣ заступающаго мѣсто ея жениха, нужно по-крайней-мѣрѣ хорошо знать все предъидущее и точку, на которой они остановились. Все это для доктора Ди было египетскою грамотой, въ которой онъ не могъ разобрать ни одного іероглифа, да и не смѣлъ, опасаясь обнаружить передъ всѣми свое невѣжество. Если бы онъ зналъ хоть какого она королевства королевна: а то и ея происхожденіе было для него загадкою. Разспрашивать — не ловко. И что̀ пользы въ разспросахъ? Ширванцы, столь твердые во всѣхъ наукахъ, были по-несчастію чрезвычайно слабы въ географіи; у нихъ, всѣ западныя христіанскія государства назывались Франкистаномъ и надъ всѣми этими государствами царствовало одно собирательное лицо, *краль* Франкистана. О томъ, что эту *кралицу* привезли сюда Татары, докторъ Ди слышалъ въ Шемахѣ уже и прежде, не будучи падишахомъ: а болѣе ничего не знали объ ней даже самые ученые Ширванцы. Муфтій догадывался, что она, собственно, родомъ изъ антиподовъ, изъ *Енги дюнья*, или Новаго Свѣта, открытаго лѣтъ за семьдесять передъ тѣмъ. Но его смѣлая ипотеза встрѣчала весьма основательное возраженіе со стороны хорошихъ ширванскихъ

политиковъ. Не только всѣмъ западнымъ, но и многимъ восточнымъ народамъ тогда было уже совершенно извѣстно, что на Новомъ Свѣтѣ, въ *Енги дюнья*, въ Америкѣ, растетъ дерево, на которомъ, вмѣсто апельсиновъ, виситъ у каждой вѣточки прекрасная *кызь*, дѣвушка, прикрѣпленная къ ней за косу и даже безъ маншетокъ. Таковъ фруктъ этого дерева!... Къ тогдашнимъ географіямъ была приложена и его фигура. Если бы королевна, невѣста Халефа, была похищена Татарами въ *Енги дюнья*, то ханъ не подарилъ бы одной ея такому могущественному государю какъ ширванъ-шахъ: онъ прислалъ бы ему цѣлое дерево, осыпанное *кралицами!...* Это ясно!

Я долженъ предупредить читателей, что это вовсе не шутки, а чистая исторія, факты, происшествія. Это дерево дѣлало тогда много шуму. Его описывали, рисовали, представляли на театральныхъ декораціяхъ. Любители садоводства старались развести его въ Шотландіи, и Энеасъ Сильвіусъ — это можно прочесть въ его собственныхъ сочиненіяхъ — одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего вѣка, ѣздилъ туда нарочно, чтобы полюбоваться на это интереснос растеніе: но, судя по костюму фрукта, оно не по нашему климату; въ самомъ дѣлѣ, оно вымерзло зимою, и Сильвіусъ не видалъ его. Я говорю это только для того, чтобы, изъ-за этого дерева, не подумали, будто все паденіе Ширвана — сказка, выдуманная мною. Совсѣмъ не сказка, а дѣло, вещь, основанная на документахъ!.... Я ничего не выдумываю.

Слѣдовательно, Джонъ Ди имѣлъ всѣ возмож-

ные поводы и причины избѣгать свиданій съ паннoю Маріанною и не отвѣчать на ея записки. Онъ предоставлялъ ей безпрепятственно царствовать и распоряжаться въ гаремѣ. Это тѣмъ натуральнѣе, что гаремы совершенно были противны его правиламъ. Изъ его равнодушія къ этого рода заведеніямъ произошло то послѣдствіе, что въ лучезарномъ гаремѣ ширванъ-шаховъ вскорѣ уничтожилось всякое благочиніе: эвнухи весь день спали, и всю ночь, по свѣтлому примѣру падишаха, пили кахетинское вино; ихъ начальники заботились только о томъ, чтобы расхищать и грабить гаремную кассу; калитки оставались незапертыми; даже и ключи отъ нихъ были растеряны. Женщины выходили въ городъ, когда хотѣли; принимали у себя, кого хотѣли. Ахмакъ-Ага говорилъ:— «А мнѣ какое дѣло до нихъ!... пусть душа ихъ наслаждается!» — Въ царствованіе доктора Ди, его гаремъ былъ самое пріятное мѣсто во всей Азіи для людей со вкусомъ и съ чувствомъ.

Одна только владычица этого волшебнаго мѣста, среди общаго веселья, была задумчива и печальна. Неизвѣстность о Халефѣ и упрямое молчаніе доктора приводили ее въ отчаяніе. Наконецъ она рѣшилась написать длинное и страшное письмо къ похитителю своего престола: въ этомъ письмѣ она мужественно сорвала съ него маску, объявила и его настоящее имя и свое собственное, обременила алхимика справедливыми упреками, разбила астролога въ прахъ, разметала, уничтожила. Она заклинала мистеръ Джона памятью своихъ родителей и его жены, его дѣтей, усовѣ-

ститься, отказаться отъ похищеннаго сана, возвратить лицо и скипетръ законному ихъ владѣтелю; предлагала помириться съ нимъ на какихъ угодно условіяхъ; вызывалась даже вступить въ переговоры, присовокупляя, что она уполномочена заключить съ нимъ трактатъ, который будетъ принятъ Халефомъ безъ всякаго возраженія. Мы весьма сожалѣемъ, что это краснорѣчивое и остроумное письмо, по своей обширности, не можетъ быть помѣщено въ этомъ обозрѣніи происшествія. Оно сохранилось въ персидскомъ переводѣ, въ одной изъ лучшихъ ширванскихъ лѣтописей, которой авторомъ былъ родной сынъ извѣстнаго бородобрѣя Фузулъ-Аги *). Съ какими чувствами докторъ прочиталъ это письмо, не извѣстно; но лѣтопись утверждаетъ, что, послѣ него, колдунъ былъ болѣнъ двѣ недѣли. Онъ однакожъ оставилъ Маріанну безъ отвѣта.

Зачѣмъ же Ди, если онъ овладѣлъ ширванскимъ царствомъ только на-время и *по ошибкѣ*, не вступилъ въ переговоры съ невѣстою Халефа?... Случай былъ прекрасный «удалиться изъ Ширвана благовидно и безъ убытка». Можно ли, послѣ такого доказательства неискренности доктора, вѣрить его «прекраснымъ намѣреніямъ» и его запискамъ?

Между-тѣмъ несчастный Халефъ всю зиму томился въ Грузіи бездѣйствіемъ, досадою и лю-

---

* См. *Недаиръ эль вакай*, или «Рѣдкости историческія, относящіяся къ паденію славнаго ширванскаго царства», *стр.* 201.

бовью. Ученый бородобрѣй, и пріятель его мулла, поняли такъ же хорошо какъ и здравая историческая критика, что великодушіе мнимаго падишаха по-настоящему происходило просто изъ опасенія остаться безъ всякаго лица, и мнѣніе ихъ вскорѣ было принято во всемъ Ширванѣ. Это великодушіе, которымъ Ди такъ хвастаетъ, именно и послужило каждому здравомыслящему лучшимъ доказательствомъ, что онъ—колдунъ. Народъ началъ волноваться. Всѣ ширванскіе têtes-fortes, то есть, тѣ, которые не боялись колдуна и его звѣзды, взялись за оружіе: къ сожалѣнію, Ширванъ никогда не преизобиловалъ такими головами, и число смѣльчаковъ не было несмѣтное. Однакожъ, нѣсколько беговъ, съ своими отрядами, объявили себя защитниками околдованнаго законнаго падишаха. Ихъ примѣру послѣдовали двѣ сѣверныя области, и вспыхнуло междоусобіе. Халефъ тайно оставилъ Грузію и принялъ начальство надъ возстаніемъ.

Отсюда начинается длинный рядъ успѣховъ безъ послѣдствій, и несчастій безъ славы, изъ которыхъ состоитъ знаменитая борьба послѣдняго изъ ширванъ-шаховъ противъ ширванскаго самозванца. Несмотря на свое мужество и свои воинскія дарованія, несмотря даже на многія частныя побѣды, Халефъ, который нѣкогда съ горстью храбрыхъ преодолѣлъ всю силу могучаго шаха Тахмаспа, не могъ теперь ничего сдѣлать противъ англиканскаго доктора богословія, правъ, и прочая, предававшагося удовольствіямъ и потѣхамъ въ его собственномъ дворцѣ. Самое убѣжденіе ви-

зирей, вельможъ, полководцевъ, чиновниковъ, въ связи своего повелителя съ нечистою силою удерживало ихъ въ повиновеніи самозванцу и заставляло сражаться противъ настоящаго ширванъ-шаха: каждый боялся, что, на первомъ шагу къ измѣнѣ, колдунъ отниметъ родное лицо у невѣрнаго служителя и надѣнетъ ему на голову какую-нибудь песью харю, такъ что тотъ станетъ, буквально, «менѣе собаки». Притомъ колдунъ щедро сыпалъ золотомъ своего предшественника, раздавалъ имѣнья, моталъ на-пропалую сокровища старинной династіи и государственное имущество. Благоразумные и дальновидные, пользуясь этимъ, находили, что даже истинный патріотизмъ не позволяетъ желать низверженія лже-падишаха, потому-что какъ онъ присланъ сюда Дели-Иваномъ, просто по зависти къ счастію, могуществу и великолѣпію правовѣрнаго властелина, то, если его уничтожатъ, самъ Дели-Иванъ придетъ въ Шемаху, и выйдетъ еще хуже. Послѣ трехъ-лѣтней неровной борьбы, въ которой однакожъ геній Халефа часто былъ уже на краю торжества, ширванъ-шахъ, истощившій всѣ свои средства, проигралъ извѣстное курское сраженіе и долженъ былъ бѣжать въ неприступныя горы Лазовъ.

Халефъ еще до этого несчастія обращался съ просьбою о помощи къ Селиму Второму, который всегда былъ его другомъ и союзникомъ; но тогда Селимъ былъ разстроенъ потерею знаменитаго лепантскаго сраженія, а потомъ онъ ужъ только читалъ во весь день Алкоранъ, съ бокаломъ венгерскаго вина въ рукѣ. Халефъ много надѣялся так-

же на дружбу и храбрость прежняго сподвижника своего, Девлетъ-Гирея. Рѣшительность этого хана, и даже то уваженіе, что, собственно, первою и настоящею причиною всѣхъ бѣдствій Халефа была прекрасная королевна, подаренная ему крымскимъ героемъ, вполнѣ позволяли надѣяться, что Девлетъ-Гирей непремѣнно поддержитъ ширванъ-шаха. Въ самомъ дѣлѣ, когда ханъ узналъ, что у Халефа колдунъ укралъ лицо и царство, и что это — тотъ самый панъ Джонъ, Англичанинъ въ широкой шляпѣ и съ длинною рыжею бородою, который дѣлалъ золото въ Олитѣ и былъ причиною всей неудачи набѣга на землю Ляховъ, ханъ схватился обѣими руками за усы и своимъ сто-пушечнымъ голосомъ произнесъ такое *Анасыны*! что Аю-Дагъ поколебался въ основаніи. Къ сожалѣнію, тогда уже было поздно: несчастная исторія королевны Франкистана навлекла и на Девлетъ-Гирея цѣлую тучу несчастій. Ктò бы подумалъ, что эта невинная дѣвушка, эта бѣлая и розовая панна Маріанна, сдѣлается причиною погибели двухъ героевъ, двухъ славныхъ и могущественныхъ падишаховъ, и еще орудіемъ къ уничтоженію цѣлой державы?.... Но въ этомъ-то и состоитъ историческая «судьба народовъ», которая теперь въ модѣ! Все, въ исторіи, зависитъ отъ «судьбы народовъ».

И, къ счастію, багчисарайскій архивъ сохранилъ намъ подлинные документы того времени, которыми, участіе панны Маріанны Олеской въ «судьбѣ народовъ» можетъ быть доказано неоспоримо.

Извѣстно, что крымскій ханъ вздумалъ-было сдѣлаться независимымъ отъ султана двухъ материковъ и хагана двухъ морей. Зачѣмъ? по какому поводу?.... Турецкія оффиціяльныя лѣтописи умалчиваютъ причину его мятежа, и тѣ, которые у насъ писали оттоманскую исторію по этимъ источникамъ, вовсе не разыскиваютъ подробностей дѣла. Но въ багчисарайскихъ бумагахъ мы находимъ чрезвычайно важное письмо верховнаго визиря, Мустафы-Паши, къ высокосановному хану Девлетъ-Гирею, которое бросаетъ лучъ яркаго свѣту на эти темныя страницы романической исторіи шестнадцатаго вѣка. Мустафа-Паша пишетъ къ крымскому владѣтелю, что его султанъ и самъ онъ спать не могутъ, не зная, въ какомъ состояніи благовонное ханское здравіе — здоровъ ли *Ханъ али-шанъ*, «ханъ высокосановный»? — веселъ ли онъ? — поютъ ли соловьи его драгоцѣннаго кейфа на розахъ радости и наслажденія? — а впрочемъ дѣла у нихъ на этотъ разъ не имѣется никакого и писать больше не объ чемъ.

«PS. До фениксовиднаго Стремени падишаха, «убѣжища міра, дошло свѣденіе, доставленное па«шами, начальствующими надъ ширванскою гра«ницею, что въ побѣдоносныхъ походахъ своихъ «на земли невѣрныхъ вы изволили плѣнить ко«ролевну Франковъ, хурію удивительной красоты, «и подарить или продать ее ширванъ-шаху. Тако«вой поступокъ, доказывая ваше недоброжелатель«ство къ Высокому Порогу Счастія и нося на се«бѣ всѣ признаки *хіянѣтъ*, измѣны, возбудилъ въ «нашемъ эфендіи, султанѣ двухъ материковъ и

«хаганѣ двухъ морей, справедливое негодованіе на «васъ. Вѣрный слуга долженъ, всегда и во вся-«кое время, думать прежде всего о чести, славѣ «и удовольствіи своего господина. Море души эфен-«дія нашего закипѣло отъ вѣтра громоносной до-«сады, и волны его гнѣва катятся съ страшнымъ «шумомъ къ берегамъ вашей невѣрности своему «долгу. Нѣтъ возможности усмирить ихъ иначе «какъ повергнувъ фениксовидному Стремени сто «отборныхъ молоденькихъ *кызъ*, свѣжихъ какъ ро-«зы и прекрасныхъ какъ полныя луны, для гаре-«ма падишахова, и съ ними сто тысячъ червон-«цевъ, сто ковровъ и сто соболей. Каковую пеню «и приказано мнѣ свѣтлымъ падишаховымъ сло-«вомъ, силою равнымъ приговору судьбы, взы-«скать съ васъ, высокосановнаго хана, давъ вамъ «строгій выговоръ. Требуется отъ васъ выслать «все это безъ потери времени, съ извинительною «грамматою и повиннымъ посольствомъ. А впредь «имѣете быть осторожнѣе».

Уже при многихъ другихъ случаяхъ стамбуль-скій Диванъ старался унизить крымскаго владѣ-теля и поставить его въ ряду обыкновенныхъ па-шей, «рабовъ Порога». Гордость Девлетъ-Гирея не могла ужиться съ этими надмѣнными формами Высокой Порты, которая притомъ съ завистью смотрѣла на его славу и почитала его самого по-мѣхою своимъ видамъ. Въ Стамбулѣ, неудачу экс-педиціи для соединенія Дона съ Волгою припи-сывали рѣшительно его недоброжелательству и не-покорности. Тамъ искали предлоговъ, чтобы его низвергнуть. Съ нѣкотораго времени ханъ явно

былъ не въ ладу съ визирями Порты, и они искали только предлоговъ къ уничтоженію его. Мустаѳа-Паша, личный врагъ хана, воспользовался исторіей королевны, чтобы нанесть самый жестокій ударъ его самолюбію и вывести изъ терпѣнія гордаго Крымца. Онъ, дѣйствительно, успѣлъ въ этомъ. Бурный Девлетъ-Гирей вспыхнулъ, прочитавъ его посланіе. Въ бѣшенствѣ своемъ, онъ кричалъ, шумѣлъ, отзывался о матеряхъ и отцахъ стамбульскихъ визирей съ весьма невыгодной стороны, и наконецъ отвѣчалъ Мустаѳѣ-Пашѣ, что, слава Аллаху, здоровье его цвѣтетъ пышно подъ живительными лучами солнца милости и благоволенія падишаха и при благотворномъ дуновеніи зефировъ неизмѣнной дружбы его верховнаго визиря, — соловьи поютъ, — розы красуются, — одно только горе, что теперь нѣтъ никакого особеннаго дѣла и ему совершенно не о чемъ писать!......

«PS. Я не *пезевенгъ* султану двухъ материковъ и хагану двухъ морей. Я ханъ—высокъ мой санъ!—мнѣ предокъ Чингисханъ!—и могу дѣлать съ моими плѣнницами что̀ мнѣ угодно».

Судьба его рѣшилась. Послѣ такого постскрипта надобно было готовиться къ борьбѣ. Видя, что къ нему явно придираются, и полагаясь на свое испытанное воинское счастіе, онъ отвергъ и обиды и коварныя ласки Порты, вознамѣрился быть независимымъ на своемъ полуостровѣ, и началъ вооружаться.

Въ это время прибылъ къ хану съ письмомъ отъ Халеѳа великій посолъ, бородобрѣй Фузулъ-

Ага, котораго докторъ Ди давно уже приказалъ выслать изъ Шемахи, какъ самаго дѣятельнаго и опаснаго приверженца ширванъ-шаха. Девлетъ-Гирей былъ опечаленъ извѣстіемъ о несчастіяхъ своего друга, но въ настоящемъ своемъ положеніи онъ не могъ предложить Халефу полной и дѣйствительной защиты. Ханъ обѣщалъ, однакожъ, прислать къ нему весною шесть тысячъ ногайской конницы.

Съ пріѣздомъ Фузулъ-Аги въ Крымъ сопряжено обстоятельство, весьма важное въ исторіи жизни Халефа. Эдуардъ Шелли, товарищъ доктора Ди, выѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Англіи по убѣжденію воеводы Олескаго, находился тогда въ Багчисараѣ. Этотъ плутъ, какъ извѣстно, занимался всѣми возможными ремеслами, между прочимъ магіей и некромансіей. Тысячу разъ обманывалъ онъ доктора Ди, и тысячу разъ докторъ, по непонятной слабости своей къ нему, прощалъ его и снова удостоивалъ своей дружбы. Между-тѣмъ Шелли формально кралъ у Ди его лучшія изобрѣтенія, его прекраснѣйшія открытія, и обращалъ ихъ на предметы своего шарлатанства. Безъ Ди онъ существовать не могъ. Послѣ нападенія Татаръ на Олиту, они разлучились. Ди отправился въ Черниговъ, откуда пригласили его въ Москву. Шелли остался въ Олитѣ, по болѣзни своей жены, которая, скрываясь нѣсколько дней въ лѣсахъ, съ нимъ, и съ семействомъ доктора, простудилась и едва не умерла. Мистриссъ Ди написала къ своимъ роднымъ въ Лондонъ о несчастіи, случившемся съ ними въ Олитѣ: многочисленные

друзья и энтузіасты ея мужа донесли о томъ графу Лисстеру; графъ доложилъ Елисаветѣ, и королева поручила своему любимцу написать къ доктору письмо, съ изъясненіемъ всего прискорбія ея величества и вызовомъ воротиться въ Англію, гдѣ ему, какъ члену англиканскаго духовенства, будетъ дано доходное мѣсто каноника лондонскаго собора Святаго Павла. Графъ Лисстеръ тотчасъ исполнилъ волю великой государыни, которая всегда желала удержать Джона Ди въ Англіи и обратить его необыкновенный геній на пользу отечества и славу своего царствованія. Жена доктора, получивъ письмо, въ Олитѣ, уговорила Шелли отправиться съ нимъ въ Москву и склонить ея мужа къ принятію столь лестнаго и выгоднаго предложенія. Мистрисъ Ди дала ему еще другое письмо отъ себя, въ которомъ она заклинала своего супруга не презирать званія лондонскаго каноника, потому-что, по ея убѣжденію изъ дѣланія золота ничего не будетъ и они никогда не разбогатѣютъ отъ алхиміи.

Эдуардъ Шелли пустился съ этими двумя письмами въ Москву, но уже не засталъ тамъ доктора Ди. Узнавъ, что его пріятель взятъ въ плѣнъ Татарами, онъ отправился въ Крымъ, гдѣ также не нашелъ доктора. Безъ средствъ къ дальнѣйшимъ поискамъ, Шелли жилъ тамъ въ бѣдности, промышляя медициною и продажею жизненнаго элексира. Прибытіе великаго посла Халефа въ Багчисарай подало поводъ къ молвѣ о необычайномъ приключеніи съ лицомъ этого государя. Татары, бывшіе съ Девлетъ-Гиреемъ въ Олитѣ, ста-

ли вспоминать Англичанина, который тамъ дѣлалъ золото. Шелли, наконецъ, попалъ на слѣдъ своего друга. Онъ старался познакомиться съ посломъ, нашелъ даже средство вступить въ его службу, и отправился съ нимъ въ Батуми, надѣясь пробраться оттуда въ Шемаху подъ видомъ купца.

Великій посолъ, бородобрѣй Фузулъ-Ага, который самъ былъ астрологъ и имѣлъ немножко притязанія на сведѣнія въ магіи, очень подружился съ Шелли во время этого путешествія. Другъ доктора Ди, тщательно скрывая отъ посла свое знакомство съ ширванскимъ самозванцемъ, совершенно обаялъ новаго дипломата своими фокусами. Фузулъ-Ага увѣрялъ своихъ товарищей, что это — великій человѣкъ, читалъ книги древнихъ мудрецовъ, и удивительно знаетъ всѣ тонкости вещей. Въ Батуми, однакожъ, они разстались. Фузулъ-Ага долженъ былъ отъискивать своего государя, который въ это время скрывался въ горахъ Мингреліи. Шелли взялъ направленіе къ Ширвану, и наконецъ очутился въ Шемахѣ. Онъ смѣло явился къ визирю въ качествѣ гонца отъ «королевы Франкистана» и вручилъ ему въ большомъ конвертѣ, съ надписью—*Его Величеству королю всея Шерваніи*, два письма, данныя докторшею, съ приложеніемъ третьяго отъ себя. Шелли хохоталъ при мысли о томъ, какой эффектъ произведетъ въ падишахѣ Ширвана неожиданное предложеніе англійской королевы быть у нея каноникомъ. Онъ былъ увѣренъ, что Джонъ Ди чрезвычайно обрадуется его прибытію: взявъ себѣ лицо ширванъ-шаха, онъ натурально пожалуетъ лицо его верхов-

наго визиря своему закадычному другу, и они вдвоемъ будутъ чудесно управлять Ширваномъ. Не тутъ-то было! Джонъ Ди сталъ остороженъ, и, вспомнивъ всю безсовѣстность мистеръ Эдуарда, не допустилъ до себя человѣка, который могъ обезславить его своими наглыми продѣлками. Докторъ велѣлъ объявить ему, что, какъ франкскаго языка, на которомъ писаны тѣ грамматы, никто въ Ширванѣ не знаетъ, то и отвѣта ея величеству королевѣ Франкистана теперь дать нельзя: а потому тотъ гонецъ можетъ ѣхать обратно въ ту заморскую землю, изъ которой пожаловалъ; а на проѣздъ ему до той земли отпустить изъ ефимочной казны падишаха десять тысячъ ефимковъ; а по-напрасну ему въ благословенномъ Ширванѣ не жить и не шататься.

Несмотря на всѣ свои усилія, Шелли никакъ не могъ проникнуть до своего прежняго товарища, и оставилъ Шемаху въ бѣшенствѣ на доктора.

Это случилось уже послѣ выѣзда панны Маріанны изъ столицы Ширвана. Пока болѣе или менѣе значительные успѣхи Халефа поддерживали въ ней надежду на торжество праваго дѣла, она жила спокойно въ своемъ дворцѣ. Но послѣ курскаго сраженія нечего было долѣе оставаться въ Шемахѣ. Когда прошла первая горесть, Маріанна почувствовала, что теперь ея очередь одушевиться мужествомъ и пожертвовать собою для Халефа: собрала всѣ свои драгоцѣнности, которыхъ было у ней на нѣсколько милліоновъ, и всѣ деньги, какія накопились въ ея кассѣ во время продолжительнаго уединенія, и велѣла объявить доктору

свое ultimatum: что она требуетъ, чтобы онъ отослалъ ее къ родителямъ, прилично сану царской невѣсты. Джонъ Ди былъ весьма радъ отдѣлаться отъ нея подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ. Онъ приказалъ выдать ей значительную сумму денегъ, доставить все нужное для великолѣпнаго путешествія, и проводить подъ прикрытіемъ почетной стражи. Панна Маріанна, которая постоянно находилась въ тайныхъ сношеніяхъ съ Халефомъ, отправилась въ путь черезъ Грузію, Имеретію и Мингрелію, гдѣ Халефъ долженъ былъ ожидать ея. Всѣ эти сокровища везла она своему другу. Она рѣшилась отнынѣ раздѣлять его судьбу, страдать и погибнуть вмѣстѣ съ нимъ.

Шелли, обманутый въ своихъ разсчетахъ, и не зная куда дѣваться, вздумалъ догнать ее, чтобы вступить въ ея службу или, по-крайней-мѣрѣ, присоединиться къ ея каравану. Соображая то, что̀ слышалъ въ Крыму о королевнѣ, отправленной къ ширванъ-шаху, съ разсказами Фузулъ-Аги, онъ догадывался, что это должна быть панна Маріанна Олеская, похищенная Татарами въ Олитѣ.

Фузулъ-Ага и панна Маріанна почти въ одно время пріѣхали къ Халефу, который, лишась всего и будучи отдѣленъ отъ послѣднихъ своихъ приверженцевъ, скитался въ крайней нуждѣ и не зналъ, куда приклонить голову. Тотъ привезъ обѣщаніе о скорой помощи, другая — свое сердце и другія сокровища, гораздо менѣе важныя въ жизни. Любовь, деньги и надежда среди нищеты и отчаянія! Можно съ ума сойти отъ счастія! Въ самомъ дѣлѣ, Халефъ былъ счастливъ какъ любов-

никъ на другой день послѣ свадьбы. Кстати должно замѣтить, это не метафора: онъ въ самомъ дѣлѣ женился въ тотъ же вечеръ на своей великодушной невѣстѣ. У мусульманъ дѣла этого рода не терпятъ проволочекъ.

Этотъ бракъ, эта рѣшимость, это самопожертвованіе, со стороны панны Маріанны, произвели неизъяснимое впечатлѣніе по обѣимъ сторонамъ Кавказа. Снова, и еще сильнѣе прежняго, возникъ вопросъ: кого должно любить, и за кого, собственно, выходить замужъ, въ случаѣ размѣна лицъ между прекраснымъ обожаемымъ другомъ и гадкимъ душевно ненавидимымъ врагомъ?... Этотъ вопросъ женщины разбираютъ тамъ и до-сихъ-поръ.

Дѣла ширванъ-шаха вдругъ поправились. Приверженцы вновь стали собираться. Шесть тысячъ храбрыхъ Ногаевъ могли доставить имъ важное подкрѣпленіе. Въ то же время Селимъ Второй угорѣлъ въ новой банѣ, которую вздумалось ему выстроить въ своемъ гаремѣ, и умеръ. На престолъ султановъ вступилъ сынъ его, Мурадъ Третій. Халефъ тотчасъ обратился къ нему съ просьбою о покровительствѣ, отдавая себя и весь Ширванъ подъ защиту Порты и въ зависимость отъ нея.

Въ Эрзерумѣ былъ тогда бейлербеемъ извѣстный Османъ-Паша, который, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ разбитъ Персіянами. Въ Карсѣ и Ахалцыхѣ начальствовалъ знаменитый Уздемиръ-Оглу-Паша, оттоманскій Сампсонъ, силачъ, ломавшій желѣзныя булавы, богатырь турецкихъ сказокъ, прославляемый въ нихъ донынѣ какъ иде-

алъ восточнаго витязя. Халефъ настоятельно убѣждалъ этихъ пашей, своими письмами оказать скорѣйшую помощь, потому-что онъ уже призналъ верховную власть султана надъ собою и своимъ государствомъ и долженъ почитаться ихъ товарищемъ. Но Джонъ Ди опередилъ его: шемахинскій визирь написалъ къ эрзерумскому бейлербею и къ Уздемиръ-Оглу, что Халефъ—сумасшедшій, плутъ, самозванецъ, что никто уже въ Ширванѣ не вѣритъ его глупой сказкѣ о мнимомъ похищеніи у него лица, что онъ, *эль хемдъ лиллляхъ*, слава Аллаху, разбитъ, уничтоженъ, вырванъ съ корнемъ изъ почвы надежды и брошенъ за заборъ отчаянія, и паши отвѣчали ширванъ-шаху, что они не могутъ рѣшиться ни на какія дѣйствія въ пользу его до полученія повелѣній изъ Стамбула. Но какъ Джонъ Ди, узнавъ о ходатайствѣ Халефа у турецкаго Высокаго Порога, изъ предосторожности отдалъ себя и свое царство подъ покровъ шаху Тахмаспу и Персіяне начинали уже вводить свои войска въ Ширванъ и Грузію, то Османъ-Паша разрѣшилъ карсскому и ахалцыхскому правителю дать пріютъ претенденту и его приверженцамъ въ своей области и позволить имъ дѣйствовать противъ соперника по ихъ средствамъ и личному усмотрѣнію.

Долго изъ Константинополя не было никакого извѣстія, и долго ждалъ Халефъ, въ Мингреліи, обѣщаннаго ханомъ подкрѣпленія. Ногайская конница не являлась. Она и не могла явиться: новый султанъ оставилъ верховнымъ визиремъ Мустафа-Пашу, полководца, пріобрѣтшаго громкую славу

многими походами, и Девлетъ-Гирей долженъ былъ крѣпко помышлять о своей собственной безопасности. Извѣстно, чѣмъ, впослѣдствіи, кончилось это дѣло: Мустафа-Паша напалъ на Крымъ съ грозными силами, отрубилъ голову Девлетъ-Гирею и, посоливъ ее какъ слѣдуетъ, отослалъ къ Стремени султана двухъ материковъ. Панна Маріанна стоила жизни знаменитѣйшему изъ крымскихъ хановъ!

Эдуардъ Шелли отъискалъ свою высокую путешественницу уже въ Мингреліи, по соединеніи ея съ Халефомъ. Фузулъ-Ага, визирь, посолъ, каммергеръ и бородобрѣй изгнаннаго падишаха, представилъ его султаншѣ Фириштѐ-Ханымъ — такъ звали Маріанну — которая приняла своего стариннаго знакомца довольно ласково, но не удостоила ни какихъ разспросовъ о прошедшемъ. Шелли, при этомъ свиданіи, издали и только мелькомъ увидѣлъ Халефа; онъ вдругъ покраснѣлъ, вспыхнулъ, чуть не бросился на ширванъ-шаха съ бѣшенствомъ, чтобы выцарапать ему глаза и вырвать эту рыжую бороду: такъ онъ былъ золъ на доктора Ди!... Математическая вѣрность сходства не дозволила Шелли, въ первую минуту, вспомнить о продѣлкѣ съ лицомъ Халефа: онъ принялъ его за самого доктора. Фузулъ-Ага замѣтилъ это движеніе. Когда они вышли изъ аудіенціи, бородобрѣй спросилъ его:

— *Джанымъ хекимъ!* «душа моя, врачъ»! вы знаете это лицо, которое прошло черезъ комнату во время нашей бесѣды съ султаншею?

— Какъ не знать! воскликнулъ Шелли: это бывшее лицо ширванскаго самозванца; это лицо моего

прежняго товарища, доктора Ди.... Какъ мнѣ не знать его! Наши жены и теперь еще живутъ подъ одною крышею. Наши дѣти бѣгаютъ вмѣстѣ, у отца султанши. Я знаю всю подноготную этого негодяя, неблагодарнаго, эгоиста. Я былъ его помощникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ его штукахъ и затѣяхъ. Я знаю все, что̀ онъ знаетъ, и, можетъ-статься, болѣе его!...

— *Машаллахъ*, свѣтъ глазъ моихъ, *хекимъ!* что̀ жъ вы этого, прежде, мнѣ не сказали? вскричалъ обрадованный бородобрѣй. *Машаллахъ!..... барекаллахъ!* вы — человѣкъ!.... вы — истинный человѣкъ!.... въ этомъ нѣтъ ни спору, ни сомнѣнія. Правду сказалъ я султаншѣ, что такого человѣка, такого мудреца, какъ вы, не сыщется на всей земной поверхности. Мудрый издали узнаетъ мудраго!... Такъ вы знаете и его проклятый, адскій, нечистый секретъ мѣняться лицами?

— Разумѣется, знаю! Адскаго тутъ ничего нѣтъ. Дѣло совершенно простое, физическое, врачебное. Я былъ свидѣтелемъ, когда онъ открылъ этотъ важный секретъ науки, съ нѣкотораго времени забытый и потерянный, и на мнѣ сдѣлалъ онъ первый опытъ: со мной прежде всего помѣнялся своимъ лицомъ. Эту же самую рожу, которая теперь у вашего ширванъ-шаха, я носилъ болѣе двухъ часовъ и черезъ нее поцѣловалъ даже жену доктора, которая была очень хорошенькая...

— Знаете ли, *хекимъ*, что̀, въ такомъ случаѣ, мы съ вами можемъ состряпать великое дѣло?.... Если секретъ его вамъ извѣстенъ, если вы дѣйствительно въ состояніи мѣнять лица одно на дру-

гое, то планета вашего счастія достигла зенита, ваша голова стала выше всѣхъ головъ. Что мнѣ вамъ сказать?... Дербендъ, Баку, Саліанъ, любая область ширванъ-шаховъ — ваша!... Вы будете удѣльный князь. Точно ли можете чье-угодно лицо замѣнить лицомъ другаго человѣка?

— Могу! Я видѣлъ все его производство, и оно совсѣмъ не трудно. Если бъ у меня теперь были всѣ нужные составы, порошки, инструменты, я тотчасъ показалъ бы этотъ опытъ передъ вами на любыхъ двухъ человѣкахъ.

— Какіе же вамъ нужны составы, порошки? Скажите, изъ чего они дѣлаются: мы все достанемъ.

— Этого-то онъ и не открылъ мнѣ! Какъ я ни упрашивалъ его, этотъ эгоистъ никогда не хотѣлъ сообщить мнѣ рецепта своихъ препаратовъ, отговариваясь тѣмъ, что такой секретъ весьма опасенъ въ обществѣ, и людьми неблагонамѣренными можетъ быть употребленъ во зло, можетъ сдѣлаться орудіемъ къ обманамъ, замѣшательствамъ и большимъ несчастіямъ. По этой причинѣ Ди всегда желалъ быть одинъ обладателемъ своей тайны, и поклялся не открывать никому въ свѣтѣ сущности составовъ, производящихъ размѣнъ двухъ лицъ. Въ наше время, одинъ онъ знаетъ ее вполнѣ. Если бы мы могли достать кожаный мѣшечекъ, который онъ всегда носитъ при себѣ и въ которомъ хранитъ снадобья и инструменты, необходимые для этого производства, тогда — дѣло другое: я подмѣтилъ всѣ бумажки, изъ которыхъ

бралъ онъ ингредіенціи, и могу безошибочно повторить опытъ.

Фузулъ-Ага призадумался.

— Хорошо! сказалъ онъ, помолчавъ немного: *иншаллахъ*, если угодно Аллаху, кожаный мѣшечикъ самозванца, если только онъ еще у него есть, будетъ въ нашихъ рукахъ. Я поговорю съ султаншей.

Чтобы не распространяться въ излишнихъ подробностяхъ, и какъ дѣло обстоятельно описано въ напечатанныхъ мемоарахъ доктора Ди, то довольно будетъ сказать здѣсь, что самъ Эдуардъ Шелли, условившись о значительной наградѣ въ случаѣ успѣха, отправился за мѣшечкомъ въ Шемаху. Маріанна дала ему нѣсколько записокъ къ преданнымъ ей обитательницамъ лучезарнаго гарема, которыя были въ состояніи помочь вору въ похищеніи знаменитаго кожанаго мѣшечка.

Между-тѣмъ дѣло Халефа въ Стамбулѣ шло очень медленно. Мурадъ Третій, по неопытности, не зналъ, должно ли принять его предложеніе, или нѣтъ. Диванъ собирался по три раза въ недѣлю, чтобы представить султану свое заключеніе о томъ, естественно ли дѣло, чтобы колдунъ, чернокнижникъ, гяуръ, или кто бы то ни былъ, могъ сорвать съ человѣка его родное лицо и налѣпить ему свое. Забирали справки, справлялись съ книгами мудрецовъ, требовали мнѣнія сословія *улемовъ*, то есть, ученыхъ, писали въ Брусу, въ Дамаскъ и Каиръ, къ знаменитѣйшимъ богословамъ. Верховный визирь, Мустафа-Паша, упрямился и утверждалъ, что разсказы объ искусствѣ мѣняться лицами — *бокъ*

туръ, «грязь есть»; что *сёзъ башка, фи'лъ башка*, «сказать и сдѣлать — разница большая»! Великій муфтій и оба казыльаскера, напротивъ, полагали, что, «если взять въ соображеніе натуру судьбы, козни Сатаны противъ чадъ Магометовыхъ и коварство племени невѣрныхъ, то такое чудо, будучи весьма правдоподобно и вѣроятно, нисколько не выходитъ изъ черты возможности». Пренія длились болѣе полутора года, и вѣрно кончились бы ни чѣмъ, если бы Халефъ, выведенный изъ терпѣнія турецкою медлительностью, не началъ самъ дѣйствовать противъ самозванца. Онъ оставилъ Мингрелію, гдѣ такъ долго и напрасно ожидалъ появленія ногайской конницы, и, собравъ своихъ приверженцевъ, двинулся черезъ ахалцыхскій пашалыхъ къ границѣ Ширвана со стороны карсской области. Уздемиръ-Оглу-Паша, избѣгая всякаго свиданія съ претендентомъ, не мѣшалъ ему набирать людей въ своемъ намѣстничествѣ, отъ котораго зависѣли Карсъ, Ахалкалаки и Ахалцыхъ. Ширванъ-шахъ, устроивъ по-возможности свою небольшую армію, вторгнулся въ ширванское царство, разбилъ беговъ самозванца близъ нынѣшняго Елисаветполя, и перешелъ черезъ Куръ у Мангичаура. Счастіе благопріятствовало предпріимчивому и храброму. Халефъ уже былъ въ Карамарьянѣ, въ двухъ переходахъ отъ Шемахи и, вѣроятно, овладѣлъ бы своею столицей, если бы Персіяне, покровители самозванца, не вмѣшались въ дѣло. Токмакъ-Ханъ, ихъ сердаръ, прибѣжалъ съ значительными силами изъ Эривани, черезъ Шахъ-булакъ и Зардабъ, и атаковалъ его

въ тылъ. Защитники Халефа разбѣжались, и самъ онъ съ трудомъ спасся отъ плѣна. Персіяне, преслѣдуя бѣглецовъ, перешли границу карсскаго пашалыка и разграбили нѣсколько турецкихъ селеній. Уздемиръ-Оглу предложилъ Халефу немедленно удалиться изъ оттоманскихъ владѣній, и донесъ въ Стамбулъ, что *Кызылбаши*, Красныя Головы, нарушили ихъ спокойствіе вооруженною рукою и посылаютъ новыя войска для занятія Ширвана и Грузіи. Порта вдругъ рѣшилась. Диванъ призналъ доктора Ди колдуномъ, а Халефа законнымъ падишахомъ всего Закавказья и вѣрнымъ вассаломъ султана двухъ материковъ, и война была объявлена ширванскому самозванцу и его покровителямъ, Кызылбашамъ. Верховный визирь, Мустафа-Паша, принялъ начальство надъ всѣми силами Азіятской Турціи и отправился въ Карсъ.

Послѣ неудачнаго похода къ Шемахѣ, и отказа въ дальнѣйшемъ пребываніи на оттоманской землѣ, Халефъ удалился въ Гурію. На это несчастное предпріятіе издержалъ онъ почти всѣ сокровища своей жены, и положеніе ихъ снова было незавидное. Мустафа-Паша, пріѣхавъ на мѣсто, не нашелъ ничего готоваго: чтобы выиграть время, онъ началъ переговариваться съ Персіянами о вознагражденіи за убытки, причиненные ими на турецкой границѣ, и о мирѣ, а между-тѣмъ укрѣплялъ Карсъ и заготовлялъ жизненные припасы. Халефу дано было знать, что приличіе не позволяетъ ему являться въ главную квартиру визиря, во время этихъ переговоровъ. Онъ оставался въ Гуріи. Маріанна, своимъ женскимъ инстинктомъ,

тотчасъ проникла, что у Турковъ должны быть тайные планы; что они хотятъ пожертвовать Халефомъ въ случаѣ неуспѣха, а при побѣдѣ овладѣть сами его царствомъ; что война эта рѣшена у нихъ противъ усиливающагося могущества Персіи, а не для защиты законныхъ правъ ширванъ-шаха. Но Халефъ не вѣрилъ ея предчувствіямъ. Не зная духа турецкой политики и судя о другихъ по себѣ, какъ всегда судятъ благородныя сердца, онъ твердо полагался на великодушіе и правоту султана Мурада.

Всѣ эти заботы, несчастія, происшествія, заставили совсѣмъ забыть о Шелли. Онъ пропалъ безъ вѣсти. Фузулъ-Ага уже думалъ, что онъ погибъ, какъ-вдругъ Шелли является къ нему, въ Гуріи, съ кожанымъ мѣшкомъ. Разстройство всѣхъ узъ прежняго строгаго порядка въ гаремѣ и во дворцѣ ширванъ-шаховъ, совершенно благопріятствовало его смѣлому предпріятію; но докторъ такъ хорошо запряталъ-было драгоцѣнный мѣшечикъ, что нигдѣ не могли отыскать его. Наконецъ сокровище было найдено одною изъ бывшихъ фаворитокъ Халефа.

Фузулъ-Ага и Шелли тотчасъ заперлись въ комнатѣ любопытнаго бородобрѣя, и приступили къ обзору содержанія мѣшечка. Все было въ цѣлости, по увѣренію Шелли; но между-тѣмъ онъ уже спряталъ глубоко въ карманъ знаменитый бѣлый выпуклый камень, какъ не совсѣмъ нужный къ производству. Этимъ чудеснымъ камнемъ Шелли, для своихъ проказъ, дорожилъ болѣе чѣмъ

всѣми порошками доктора, и самъ Ди, въ запискахъ, горько оплакиваетъ его потерю.

Надобно было, прежде всего, пріискать человѣка, который бы согласился подвергнуть себя опыту. Шелли объяснилъ Фузулу процессъ, показалъ пріемы, но это только—теорія: надо посмотрѣть дѣйствіе. Фузулъ-Ага нашелъ одного бѣднаго Осетинца, который, за маленькій *бахшишъ*, позволилъ произвесть опытъ надъ собою, не зная, впрочемъ, что̀ именно хотятъ съ нимъ дѣлать. Шелли долженъ былъ самъ помѣняться съ нимъ лицомъ. Сдѣлали растворъ — общими силами нарисовали и выдавили пальцами черты Осетинца на лицѣ промышленаго Англичанина — Фузулъ-Ага давалъ совѣты и поправлялъ своего пріятеля, когда тотъ ошибался,—наконецъ Шелли умылся растворомъ. Бородобрѣй, взглянувъ на него, вскрикнулъ отъ удивленія. *Машаллахъ*! нѣтъ ни силы, ни крѣпости кромѣ какъ у Аллаха!.... ну, точь-въ-точь, Осетинецъ!.... Но они оба ужаснулись, когда, оборотясь, посмотрѣли на Осетинца: лицо Шелли прильнуло къ нему вверхъ-ногами.

Неопытность!.... Въ каждомъ дѣлѣ нужна снаровка. Шелли, составляя растворъ, перемѣшалъ порядокъ ингредіенцій.

Ученикъ доктора Ди взялъ другіе порошки, сдѣлалъ новый растворъ, и велѣлъ умыться имъ Осетинцу. Дѣйствіе первыхъ снадобій было уничтожено. Лица воротились по мѣстамъ.

Второй опытъ былъ удачнѣе. Самъ докторъ Джонъ Ди не могъ бы произвести его правильнѣе и съ бо̀льшимъ успѣхомъ. Фузулъ-Ага прыгалъ

отъ радости, и хотѣлъ еще повторить весь процессъ своими собственными руками. Но Осетинецъ не согласился на третій опытъ. Бородобрѣй предложилъ попробовать на своей женѣ.

— Какъ! вы хотите придѣлать къ ней свою сѣдую бороду? вскричалъ Шелли. Это нейдетъ! Она испугается и можетъ умереть отъ страху.

— *Зараръ іокъ*! «вреда нѣтъ!» отвѣчалъ бородобрѣй: стара!.... къ чему она годится?

— Но подумайте только! возразилъ Шелли. Вы сами будете послѣ сожалѣть, что убили жену!

— Это правда, замѣтилъ Фузулъ-Ага: конецъ концовъ, она тоже родъ человѣка, хоть и женщина. Добрая баба, нечего сказать!.... Постойте, душа моя, *хекимъ*! я придумалъ славную вещь. У моей жены есть молоденькая племянница, красивая какъ роза: заставимте ихъ помѣняться лицами. Этого лица она ужъ навѣрное не испугается!.... еще будетъ рада!

Фузулъ-Ага отправился къ своимъ женщинамъ и, съ большимъ трудомъ, уговорилъ ихъ выйти безъ покрывалъ къ врачу, къ *хекиму*. Бородобрѣй принялся самъ за дѣло. Съ своей цырюльничьей ловкостью, повторилъ онъ въ точности всѣ пріемы Шелли, велѣлъ женѣ умыться растворомъ, и подалъ ей зеркало.

Старая Магруй вскрикнула—*Аллахъ, Аллахъ!*—отъ изумленія, и въ то же время улыбнулась отъ удовольствія. Она не сводила глазъ съ зеркала, ворочала его, вытирала стекло и опять глядѣлась и улыбалась съ наслажденіемъ. Въ восторгѣ своемъ, она и не посмотрѣла на племянницу, которая

между-тѣмъ, на молодомъ, свѣжемъ и атласномъ тѣлѣ, носила морщинистое лицо восточной сорока-лѣтней женщины, ничего объ этомъ не зная.

Когда почтенная Магруй вдоволь налюбовалась на свое красивое лицо, Шелли взялъ зеркало изъ ея рукъ, и шепнулъ бородобрѣю, чтобы онъ далъ ей умыться другимъ растворомъ и отпустилъ ее въ гаремъ. Но Фузулъ-Ага равнодушно отвѣчалъ, что это не нужно. Онъ вполнѣ былъ доволенъ опытомъ.

— Но эта несчастная зарыдаетъ въ отчаяніи, когда посмотрится въ зеркало! сказалъ вполголоса Шелли, указывая на дѣвушку.

— *Зараръ іокъ*! «вреда нѣтъ!» сказалъ бородобрѣй. Поплачетъ, и успокоится. На что̀ ей, бѣдняжкѣ, молодое и красивое лицо!.... Мужа у ней нѣтъ. Когда кто-нибудь станетъ свататься на ней, мы, *иншаллахъ*, буде угодно Аллаху, возвратимъ ей прежнее лицо.

Онъ слилъ въ стклянки остатки обоихъ растворовъ, закупорилъ и спряталъ въ сундукъ.

Старый плутъ мигомъ исчислилъ въ умѣ всю цѣну, для правовѣрнаго чада Магометова, секрета, заключеннаго въ мѣшечкѣ доктора. Ясно, что отнынѣ впредь содержаніе самаго огромнаго гарема будетъ обходиться не дороже издержекъ на одну жену. Заставляя ее мѣняться лицомъ каждый день съ другою женщиной по вкусу и выбору мужа, онъ сосредоточиваетъ въ ней сто тысячъ различныхъ красавицъ. Съ одной женой, и этимъ мѣшечкомъ въ карманѣ, онъ имѣетъ гораздо болѣе женъ и фаворитокъ, нежели турецкій

Головорѣзъ въ стамбульскомъ сералѣ и Великій Монголъ въ Дегли. Коротко сказать, это просто—карманный, концентрированный, усовершенствованный гаремъ!.... Случись такая окказія въ наше время, Фузулъ-Ага навѣрное взялъ бы четырнадцати-лѣтнюю привиллегію именно подъ этою фирмою.

Онъ сталъ укладывать порошки и инструменты въ мѣшечикъ. Шелли уже протягивалъ руку, чтобы овладѣть сокровищемъ, но Фузулъ-Ага поспѣшно спряталъ его въ свой карманъ.

— Впрочемъ, сказалъ Шелли, равнодушно, эта дѣвушка недолго будетъ плакать. Черезъ полгода, черезъ годъ, прежнее лицо мало-по-малу возвратится къ ней добровольно, когда ингридіенціи, положенныя въ растворъ, потеряютъ свою силу и испарятся.

— Это что̀ за извѣстіе? вскричалъ изумленный бородобрѣй. Такъ значитъ, размѣнъ лицъ—дѣло невѣчное, непрочное?....

— Нѣтъ, совсѣмъ невѣчное. Это производство дѣйствуетъ только на короткое время.

— Зачѣмъ же лицо нашего падишаха, да умножится его сила, до-сихъ-поръ не возвратилось къ нему само собою?

— Да затѣмъ, что докторъ Ди прибавляетъ къ этимъ порошкамъ еще одинъ какой-то порошокъ, который принимается внутрь для укрѣпленія лица на новомъ тѣлѣ. Съ доктора Ди и ножомъ не соскоблишь лица, которое онъ наклеилъ на себя: такъ плотно прильнуло оно къ его мясу, и такъ прочно дѣйствіе этого порошка!

— Порошковъ въ мѣшечкѣ много, замѣтилъ Фузулъ-Ага. Этотъ порошокъ долженъ быть тутъ же.

— Навѣрное! примолвилъ Шелли. Но какъ его узнать? Докторъ не показывалъ его мнѣ; а пробовать порошки на себѣ очень опасно: можно отравить себя. Мой товарищъ тщательно скрывалъ отъ меня и этотъ порошокъ, и тотъ, который должно принять, чтобы уничтожить его дѣйствіе, когда захочешь взять свое лицо обратно.

— Эээ!... произнесъ бородобрѣй: такъ вашъ секретъ никуда не годится!.... Значитъ, нашъ падишахъ, посредствомъ его, не можетъ отнять своего лица у самозванца?.... Проклятіе на его бороду!

— Неужели вы думаете, сказалъ Шелли съ насмѣшливою улыбкою, что я бы сюда воротился, еслибъ зналъ средство какъ отнять у него похищенное лицо? Да я самъ помѣнялся бы съ нимъ лицомъ и теперь уже сидѣлъ бы на ширванскомъ престолѣ!

«Мошенникъ!» подумалъ бородобрѣй.

— А мы именно для этого и помогли вамъ украсть этотъ мѣшечикъ!

— А я принесъ его сюда для того, что думалъ, будто падишаху угодно помѣняться своимъ нынѣшнимъ лицомъ, которое въ самомъ дѣлѣ ужасно гадко, съ кѣмъ-нибудь другимъ.

— Такъ мы не поняли другъ друга!

— Падишахъ не принималъ внутрь никакого порошка, присовокупилъ Шелли, и это лицо можетъ быть смыто съ него растворомъ и передано

другому. На немъ оно сидитъ только потому, что этому лицу некуда дѣваться.

Фузулъ-Ага задумался. Спустя немного, онъ ушелъ къ султаншѣ доложить о возвращеніи хекима и о безполезности его пріобрѣтенія.

Маріанна, однакожъ, имѣла другой взглядъ на предметъ. Ей тотчасъ пришло въ голову, что если нельзя исторгнуть у Ди прежняго лица ея мужа, то между его приверженцами есть много молодыхъ и прекрасныхъ мужчинъ: изъ преданности, всякій изъ нихъ, конечно, согласится уступить свое лицо Халефу и себѣ взять докторскую рожу. Для облегченія участи великодушнаго, можно взять у него лицо на-время; потомъ взять у другаго; потомъ у третьяго, у четвертаго, и такъ далѣе — если война продлится. Въ положеніи Маріанны и ея мужа, это желаніе совершенно позволительно, и она тотчасъ стала припоминать, которыя лица ей особенно нравятся; потомъ пошла къ мужу съ радостнымъ извѣстіемъ о возможности отдѣлаться наконецъ отъ этого отвратительнаго, стараго лаптя, который измѣннически надѣли ему на голову. Но, къ несчастію, къ сожалѣнію, къ досадѣ, Халефъ отвергъ ея нѣжное, заботливое предложеніе съ твердостью, достойною Кая Муція. Онъ хотѣлъ — свое лицо или.... никакого! Тяжба объ этомъ лицѣ, по его словамъ, должна была рѣшиться силою оружія.

Создалъ же Богъ такихъ упрямыхъ мужей!.. Вотъ ужъ просто — тиранство!

Съ Шелли разсчитались, и отпустили его. Бѣлый выпуклый камень остался у него, кожаный

мѣшечикъ у Фузулъ-Аги. Эдуардъ Шелли отправился изъ Батуми въ Требизондъ, а оттуда въ Варну, и воротился, черезъ Валлахію и Молдавію, въ Литву, доложить мистриссъ Ди, что докторъ не хочетъ быть каноникомъ; у него — огромнѣйшій гаремъ, и онъ терпѣть не можетъ другихъ женщинъ кромѣ самыхъ жирныхъ.

— О, мужья, мужья! горестно воскликнула докторша. Негодная порода!.... Всѣ они таковы!

Наконецъ началась война. Мустафа-Паша открылъ ее осадою Чалдирана, и взялъ эту крѣпость приступомъ. Токмакъ-Ханъ устремился на него, съ сильною арміей, изъ Грузіи. Верховный визирь отрядилъ, противъ персидскаго сердара, пашей эрзерумскаго и діарбекирскаго, Османа и Узунъ-Омера, которые разбили Красныхъ Головъ на-голову. Ихъ побѣда открыла дорогу въ Тифлисъ. Турки вступили въ этотъ городъ и предали его огню и мечу. Тогда уже Мустафа-Паша обратилъ свои силы противъ Шемахи.

Донося объ этихъ успѣхахъ къ Стремени султана, верховный визирь присовокуплялъ, что приверженцы законнаго ширванъ-шаха толпами присоединяются къ оттоманской арміи; что народъ столько же обожаетъ его, сколько боится и ненавидитъ колдуна-самозванца, и что со дня на день должно ожидать, въ главной квартирѣ, прибытія Халефа изъ Гуріи, вмѣстѣ съ королевной Франковъ, о красотѣ и умѣ которой разсказываютъ здѣсь чудеса «Тысячи одной Ночи». «До-сихъ-поръ», заключаетъ Мустафа-Паша, «мы подъ разными «предлогами отклоняли присутствіе ширванъ-ша-

«ха на поприщѣ военныхъ дѣйствій. Въ послѣд-«нее время, онъ, къ счастію, былъ нездоровъ. «Притомъ и движенія паши происходили такъ бы-«стро, что онъ даже не успѣлъ бы нигдѣ встрѣ-«титься съ нами. Но теперь, когда всѣ отряды «наши приняли направленіе къ Шемахѣ, нѣтъ ни-«какой благовидной причины, чтобы препятство-«вать появленію его среди своего народа, кото-«рый вездѣ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ и встрѣ-«титъ съ восторгомъ. Это поставляетъ насъ въ «большое затрудненіе».

Турки тремя путями стремились къ столицѣ Ширвана — отъ Тифлиса и Сыгнаха съ сѣвера, отъ озера Гокчè съ запада, и черезъ Карабагъ съ юга. Со всѣхъ трехъ сторонъ они были уже за Куромъ или на его берегахъ. Но продолжительные дожди 1578 года вдругъ остановили это сложное движеніе. Въ ожиданіи перемѣны погоды, верховный визирь основалъ свою главную квартиру въ Гюлистанѣ, поселясь самъ въ роскошномъ лѣтнемъ дворцѣ ширванъ-шаховъ.

Фузулъ-Ага и другіе вѣрные слуги Халефа прибыли въ Гюлистанъ въ половинѣ августа. Самъ падишахъ долженъ былъ послѣдовать за ними черезъ трое сутокъ. На другой день по пріѣздѣ слугъ, прискакалъ курьеръ изъ Стамбула съ отвѣтомъ на донесеніе верховнаго визиря, и въ главной квартирѣ произошло таинственное движеніе. Фузулъ-Ага былъ встревоженъ этимъ: онъ сталъ развѣдывать, но въ первую минуту, пока секретъ заключался въ кругу немногихъ старшихъ

чиновниковъ, смѣтливый бородобрѣй не могъ ничего проникнуть.

Халефъ и Маріанна пріѣхали въ Гюлистанъ въ позднее вечернее время. Чиновники визиря встрѣтили ихъ съ благоговѣніемъ и проводили до покоевъ, которые Мустафа-Паша приказалъ приготовить для нихъ въ томъ же дворцѣ, гдѣ жилъ онъ самъ. Турецкій главнокомандующій извинился черезъ своего кіахью передъ ширванскимъ падишахомъ, что не можетъ представиться ему сегодня, зная, какъ нуженъ отдыхъ высокому путешественнику, но что онъ не преминетъ явиться къ нему съ почтеніемъ въ первое удобное время. Халефъ поблагодарилъ посланца, и всѣ легли спать.

На слѣдующій день визирь не являлся къ Халефу. Прошло еще двое сутокъ: визиря, съ почтеніемъ, не видно! Халефъ хотѣлъ прогуляться верхомъ по городу: ему не дали лошади, подъ разными предлогами, и одинъ изъ комнатныхъ слугъ его замѣтилъ, со страхомъ, что у подъѣзда и у воротъ дворца поставлены сильные караулы. Слуга донесъ объ этомъ раздосадованному ширванъ-шаху, и Халефъ только тогда началъ догадываться, что онъ — въ плѣну у своихъ покровителей.

Фузулъ-Агу и пріѣхавшихъ съ нимъ чиновниковъ, которые жили въ городѣ, не велѣно было пускать во дворецъ. Но бородобрѣй пробрался ночью черезъ садъ и кухню, и неожиданно предсталъ передъ своихъ повелителей.

— Я жертва падишаха, убѣжища міра, сказалъ онъ торопливо и дрожащимъ голосомъ, но вамъ

непремѣнно нужно сейчасъ помѣняться лицомъ съ кѣмъ-нибудь и бѣжать отсюда!.... Знаете ли, что̀ эти нечистыя собаки, Турки, хотятъ съ вами сдѣлать? Они послѣ-завтра отправляютъ васъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Мекку и Медину; оттуда повезутъ васъ въ *Мысръ*, Египетъ, или въ *Хабешъ*, Абиссинію, и запрутъ гдѣ-нибудь въ крѣпость на всю жизнь. Такъ приказалъ Головорѣзъ. Священный караванъ и платье благочестиваго путника, *хаджи*, для васъ уже почти готовы. Сегодня посланы повелѣнія ко всѣмъ войскамъ продолжать совокупное движеніе къ Шемахѣ; завтра на зарѣ происходитъ у визиря военный совѣтъ, и въ полдень всѣ они уѣзжаютъ отсюда, а васъ послѣ-завтра посадятъ на лошадь въ полосатомъ *ирамѣ*, и — миръ съ вами! — кланяйтесь отъ нихъ Каабѣ и гробницѣ пророка! — Не бывать вамъ уже, падишахъ, на ширванскомъ престолѣ!.... Ваше благословенное царство велѣно присоединить къ Турціи. Въ Грузіи, въ Кахетіи, въ Шампадилѣ, въ Карабагѣ, во всѣхъ областяхъ, которыя эти сыны Шайтана заняли, повсюду назначены турецкіе паши и Турки заводятъ свой порядокъ. Взявъ Шемаху, они объявятъ, что вы спасеніе души и вѣчное блаженство предпочли хлопотамъ и суетѣ земной власти, и въ вашей столицѣ посадятъ тоже турецкаго бейлербея. *Валлахъ! биллахъ!* «ей-ей!» все, что̀ я говорю, такъ же вѣрно какъ то, что Фузулъ-Ага — послѣдній изъ рабовъ вашихъ и прахъ священныхъ туфлей падишаха, убѣжища міра! Я все узналъ. Слава Аллаху, у насъ есть кусокъ усердія для пользы служ-

бы нашего ширванъ-шаха, да не уменьшится никогда тѣнь его!.... Я знаю также, что свѣтлѣйшую султаншу велѣно, послѣ вашего отъѣзда, отправить въ Стамбулъ на благоусмотрѣніе Головорѣза — проклятіе на его бороду!... Тутъ нечего долго думать, падишахъ. Рѣшайтесь! Рабы ваши спасутъ свою тѣнь Аллаха на землѣ! Наши головы — выкупъ за вашу голову!

Халефъ былъ мужественный человѣкъ. Онъ не смутился среди нечаянной опасности. Помолчавъ немного и подумавъ, онъ спокойно спросилъ бородобрѣя, что̀ такое придумали они противъ новой бѣды.

— Что̀ жъ намъ придумать? отвѣчалъ Фузулъ-Ага. Свѣтлѣйшую султаншу я сейчасъ беру съ собою: пусть она поскорѣе укладываетъ свои дорогія вещи. Мы, по милости Аллаха, нашли для ней такое убѣжище, что̀ и самъ отецъ безмозглыхъ Турокъ никогда не догадается, куда она скрылась. Нашъ старый мулла пріѣхалъ сюда вчера изъ Шуши и устроилъ это дѣло со здѣшнимъ муфтіемъ: старый мулла — человѣкъ!.... истинный человѣкъ!.... у него въ мозгу есть кусокъ ума!... Онъ-то открылъ въ садовой стѣнѣ и тайный ходъ, который Турки забыли занять карауломъ. Мы съ султаншей уйдемъ этимъ путемъ. Вамъ нельзя: мостъ на каналѣ снятъ, и вы не попадете въ акъвенгское ущелье, гдѣ для васъ приготовлены лошади. Вамъ надо выйти въ парадныя ворота дворца. Я хорошо подмѣтилъ лицо одного паши, который ростомъ и толщиною очень схожъ съ вами, и принесъ съ собою стклянočку раствору: вы по-

мѣняетесь съ нимъ лицомъ, слуга засвѣтитъ вотъ этотъ фонарь и понесетъ передъ вами, и вы важно сойдете съ крыльца. Караулъ васъ пропуститъ. Когда выйдете изъ воротъ, поверните вправо и ступайте прямо къ кладбищу. Тамъ, между кипарисами, ожидаютъ наши. Мы разойдемся здѣсь въ одно время. Постельничему надо приказать, чтобы ваши люди не выходили изъ комнатъ весь завтрашній день и не дѣлали никакого шуму. Пока Турки спохватятся, что васъ здѣсь нѣтъ, вы уже будете въ Нахичеванѣ. А оттуда поѣзжайте въ Ленкоранъ: мы всѣ тамъ соберемся, найдемъ судно и поплывемъ въ Астрахань; тамъ мусульмане хорошо примутъ насъ.

— Быть по-твоему, мой вѣрный Фузулъ-Ага! сказалъ Халефъ. Дѣлать нечего! Аллахъ великъ!... Но чье же лицо подмѣтилъ ты для меня? Кому изъ пашей хочешь отдать это проклятое лицо, которое у меня?

— Кому жъ какъ не Мустафѣ-Пашѣ! беззаботно отвѣчалъ бородобрѣй. Откуда мнѣ взять другаго пашу?... Онъ почти каждую ночь выходитъ съ фонаремъ для осмотра карауловъ: такъ это и очень кстати.... Пусть же верховный визирь Головорѣза поносится съ поганою харею самозванца! Онъ, говорятъ, не вѣритъ, чтобы возможно было лишиться своего лица и получить чужое: теперь испытаетъ на себѣ.... *Бисмиллляхъ*! «во имя Аллаха»!... Снимите шапку, государь.

Фузулъ-Ага приступилъ къ операціи: вылѣпилъ пальцами изъ докторской рожи полное, круглое,

турецкое лицо Мустафы, и далъ умыться растворомъ. Преобразованіе совершилось.

— Надѣньте теперь синій *бинишъ*, примолвилъ Фузулъ: а я вамъ повяжу на голову шаль въ видѣ турецкой чалмы.... *Машаллахъ*! точь-въ-точь визирь Головорѣза!... Баранью шапку спрячьте въ карманъ, падишахъ: она вамъ пригодится въ путешествіи.

Халефъ ушелъ къ женѣ, чтобы объяснить ей причину своего инкогнито и помочь собраться въ путь. Они взяли всѣ свои деньги, драгоцѣнности, отдали нужныя приказанія слугамъ, простились, и благополучно оставили гюлистанскій дворецъ безъ всякаго приключенія. Мустафа-Паша спалъ крѣпкимъ сномъ до самой зари.

Успѣхъ смѣлой мѣры бородобрѣя превзошелъ всякое ожиданіе. Если Фузулъ-Ага предвидѣлъ и разсчиталъ всѣ ея послѣдствія, то это былъ одинъ изъ самыхъ геніяльныхъ людей шестнадцатаго вѣка. Сынъ его, исторіографъ Халефа *, увѣряетъ, будто онъ заранѣе исчислилъ въ умѣ все, что̀ должно было послѣдовать, и на этомъ соображеніи основалъ безопасность бѣгства своихъ повелителей. Но я полагаю, что это—преувеличеніе сыновней любви исторіографа, какъ вы сейчасъ увидите сами.

Въ пять часовъ утра, въ главной залѣ гюлистанскаго дворца, собрался военный совѣтъ оттоманской арміи, для котораго вызваны были всѣ главные начальники корпусовъ и отрядовъ, остано-

* *Недаиръ эль вакай*, «Рѣдкости историческія, относящіяся къ паденію славнаго царства ширванскаго», стр. 298.

вившихся въ своемъ движеніи по случаю продолжительныхъ дождей. Здѣсь были паши—эрзерумскій, Османъ; карсскій и ахалцыхскій, Уздемиръ-Оглу; діарбекирскій, Узунъ-Омеръ; алепскій, Піалè; багдадскій, Далтабанъ; требизондскій, Ферградъ; синопскій, Кючюкъ-Хасанъ; кютагійскій, Синанъ; брусскій, Кылыджъ-Али—всѣ оттоманскія знаменитости блестящей эпохи Селима Втораго и Мурада Третьяго, и много другихъ, менѣе извѣстныхъ. Феррашъ-баши разбудилъ верховнаго визиря, по приказанію, въ половинѣ пятаго, когда въ комнатѣ было еще сѣро, почти темно. Мустафа-Паша вскочилъ съ софы, совершилъ омовеніе всѣхъ пяти членовъ, одѣлся, сотворилъ *намàзъ*, и, ровно въ пять часовъ черезъ длинный рядъ покоевъ отправился въ залу. Всѣ паши, въ огромныхъ сапогахъ, уже сидѣли вокругъ длиннаго стола, на высокихъ стульяхъ. Турки, которые всегда ходятъ въ туфляхъ и сидятъ на полу поджавши ноги, не держатъ никакого совѣта, если у нихъ нѣтъ дорожныхъ сапоговъ и узенькихъ и высокихъ стульевъ: безъ этихъ двухъ статей мудрость не всходитъ у нихъ въ голову. Въ главномъ концѣ стола одинъ стулъ оставленъ былъ для верховнаго визиря, какъ предсѣдателя всѣхъ совѣтовъ, отчего верховные визири и называются по-турецки *садръ-аземъ*, или «великими предсѣдателями».

Мустафа-Паша важно вошелъ въ залу собранія, переваливаясь съ ноги на ногу какъ гусь, для показанія своего величія, и направился прямо къ предсѣдательскому стулу. Никто не привсталъ при его появленіи.

Онъ торжественно занялъ свое мѣсто, и, прикладывая правую руку къ сердцу, привѣтствовалъ, на обѣ стороны, всѣхъ членовъ совѣта словами вполголоса—«Миръ съ вами»!—Никто не поднесъ руки къ своему сердцу, никто не отвѣчалъ: — «И съ вами миръ»!

Паши переглядывались между собою и вертѣлись на стульяхъ, въ явномъ безпокойствѣ. Садръ-аземъ сначала вознегодовалъ-было на непочтительность своихъ подчиненныхъ, но потомъ страшно смутился при мысли, не пріѣхалъ ли ночью курьеръ изъ Стамбула съ повелѣніемъ султана двухъ материковъ отнять у него печать государеву и вручить кому-нибудь изъ этихъ пашей, какъ его преемнику. Онъ не зналъ, какъ начать рѣчь, чѣмъ открыть засѣданіе.

— *Бу кимъ диръ?* «кто это таковъ»? спросилъ Уздемиръ-Оглу у своего багдадскаго сосѣда, Далтабанъ-Паши.

— *Бильмёмъ*! «Не знаю»!... Аллахъ лучше знаетъ, отвѣчалъ Далтабанъ.

Синопскій паша, Кючюкъ-Хасанъ, который, съ перваго появленія визиря, не сводилъ глазъ съ его лица, всматриваясь въ него съ удивленіемъ и любопытствомъ, вдругъ воскликнулъ:

— Нѣтъ божества кромѣ Аллаха! да это мой невольникъ, Джонъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжалъ отъ меня въ Ширванъ!... Татары продали мнѣ его за великаго мудреца, *хекима*, искусника, знающаго всѣ тонкости вещей, котораго полонили они во время своего набѣга на Москву. Я былъ немножко нездоровъ: онъ далъ мнѣ ка-

кихъ-то проклятыхъ пилюль, отъ которыхъ душа моя чуть не уѣхала изъ долины тлѣнности въ горы вѣчнаго блаженства; я хотѣлъ посадить его на колъ: онъ скрылся ночью, и потомъ мои люди, ѣздившіе за покупкою карабагскихъ лошадей, видѣли его въ Шемахѣ.—Джонъ, сказалъ Кючюкъ-Хасанъ, обращаясь къ визирю: а ты что̀ тутъ дѣлаешь, собачій сынъ?

Эти странные разговоры, эта неучтивость пашей, привели Мустафу въ такое замѣшательство, что онъ не разслышалъ или не понялъ дерзкаго вопроса Кючюкъ-Хасана. Кіахья верховнаго визиря, его помощникъ и первый исполнитель всѣхъ его приказаній, стоявшій за столомъ Мустафы, подбѣжалъ къ синопскому пашѣ и сказалъ ему и его сосѣдямъ:

— Я думаю, вы обознались! Это—ширванъ-шахъ, котораго велѣно отправить на прогулку въ Мекку! Вашъ рабъ былъ у него нѣсколько разъ съ привѣтствіями и извиненіями отъ имени нашего эфендія, садръ-азема.

— Такъ зачѣмъ же онъ здѣсь? воскликнулъ Фергадъ-Паша. Скажите ему, что это—мѣсто нашего эфендія, и попросите выйти изъ залы.

— Выпроводите его изъ засѣданія! прибавилъ Османъ-Паша: я думаю, что объ немъ-то и будетъ первая рѣчь въ совѣтѣ. Онъ здѣсь совсѣмъ не кстати.

Кіахья-бей пошелъ къ Мустафѣ исполнить порученіе пашей, но тотъ между-тѣмъ собрался съ духомъ и началъ рѣчь:

— Развѣсьте уши! Открывается засѣданіе со-

вѣта подлѣйшихъ рабовъ эфендія нашего, падишаха, убѣжища міра. Господь Истины да низпошлетъ на насъ мудрость и дальновидность для пользы службы тѣни своей на землѣ. Цѣль упомянутаго совѣта есть нижеслѣдующая. Вчера отдалъ я вамъ приказаніе отправить къ войскамъ своимъ предписанія, чтобы они немедленно выступали въ дальнѣйшій походъ....

При первыхъ словахъ этой рѣчи, изумленіе и любопытство присутствующихъ удержало ихъ въ молчаніи на мѣстахъ. Но, лишь-только Мустафа произнесъ слово «приказаніе», поднялся шумъ, всѣ паши встали, и началась такая сцена, какой еще не было примѣра въ чинныхъ оттоманскихъ совѣтахъ отъ основанія дома Османовъ. Садръ-аземъ пришелъ въ бѣшенство, шумѣлъ, грозилъ, бранился, придирался даже къ поведенію матерей и къ нравственноети отцовъ своихъ пашей, и желалъ непремѣнно знать, что̀ значитъ этотъ мятежъ противъ его законной власти. Паши съ своей стороны кричали кіахьѣ-бею, чтобы онъ позвалъ чаушей, вывелъ его изъ залы и заперъ въ покояхъ ширванъ-шаха, приставивъ къ дверямъ караулы. Верховный визирь вышелъ изъ себя: онъ назвалъ ихъ бунтовщиками и объявилъ торжественно, что, слава Аллаху, печать еще у него не отнята и онъ садръ-аземъ, хозяинъ правительства, намѣстникъ пророка, представитель верховной власти, слово и палецъ падишаха, коротко сказать, ихъ эфенди, Мустафа-Паша, который имѣетъ право шить и пороть, портить и починивать, и который, *иншаллахъ*, можетъ сейчасъ всѣхъ ихъ отрѣшить

отъ должности и сослать въ адъ. Слушатели расхохотались.

— Вы нашъ эфенди садръ-аземъ, Мустафа-Паша? воскликнулъ кютагійскій бейлербей, Синанъ, который мѣтилъ самъ въ верховные визири и, въ самомъ дѣлѣ, былъ преемникомъ Мустафы. Я думаю, вы еще спите! Смотрѣлись ли вы сегодня въ зеркало?... Если нѣтъ, такъ посмотрите хоть на свою бороду.

Мустафа-Паша невольно взглянулъ на бороду, и изумился: не вѣря своему зрѣнію, онъ съ любопытствомъ поднялъ конецъ ея до самыхъ глазъ, поворотилъ къ свѣту, потеръ волосы рукавомъ, и еще разъ посмотрѣлъ на нихъ передъ окномъ.

— *Анасыны!... бабасыны!...* это чтò за извѣстіе? протяжно произнесъ онъ, устремляя озадаченный взоръ въ глаза присутствующимъ. Чтò за проклятіе случилось съ моей бородою? Или это не моя борода?..

Среди общаго хохота, Османъ-Паша вынулъ изъ-за пазухи бородяную гребенку, съ зеркальцомъ въ черенкѣ, и, подавая ее Мустафѣ, сказалъ насмѣшливо:

Можетъ-быть вы не хорошо видите?... Посмотритесь.

Мустафа увидѣлъ въ этомъ стеклышкѣ всѣ свои черты, ужаснулся, вспыхнулъ, зашумѣлъ, но долженъ былъ сознаться, что, по этому лицу никто не въ состояніе узнать его, потому-что и самъ онъ не узнаетъ себя. При всемъ томъ, Мустафа увѣрялъ пашей, что онъ все таки Мустафа-Паша, садръ-аземъ, представитель султана, ихъ эфенди, и что *они* обязаны ему почтеніемъ и покорностью.

Начался новый шумъ. Важный Синанъ-Паша твердо настаивалъ, чтобы этого человѣка вывели изъ совѣта, для прекращенія соблазна. Пришли чауши. Мустафа хотѣлъ защищаться. Кіахья-бей приказалъ имъ силою вытащить его изъ залы и запереть въ покояхъ, отведенныхъ ширванъ-шаху.

— Нашъ эфенди садръ-аземъ, сказалъ Піалѐ-Паша, былъ совершенно правъ, утверждая, что такъ-называемый ширванъ-шахъ долженъ быть, просто, съумасшедшій. Ширванцевъ увѣрялъ этотъ уродъ, будто онъ—ихъ падишахъ Халефъ-Мирза, а насъ, едва увидалъ, увѣряетъ, будто онъ нашъ верховный визирь, Мустафа-Паша!

Паши снова заняли свои мѣста, и эта странная сцена доставила имъ столь обильный предметъ для бесѣды, что они не заботились о причинѣ отсутствія своего великаго председателя.

— Гдѣ же садръ-аземъ? спросилъ наконецъ съ досадою Синанъ-Паша. Что̀ онъ не приходитъ?

— Вѣрно, еще спитъ, замѣтилъ нишанджи.

— Пусть душа его отдыхаетъ! сказалъ Кылыджъ-Али-Паша, пріятель Мустафы. Онъ вчера очень усталъ.

И опять у нихъ завелся разговоръ о съумасшедшемъ ширванъ-шахѣ.

Такимъ образомъ прождали они до полудня. Тутъ голодъ и досада вывели многихъ изъ терпѣнія. Самъ Кылыджъ-Али сталъ безпокоиться о своемъ другѣ, садръ-аземѣ. Паши убѣдили кіахью-бея пойти посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ нашъ эфенди, и не забылъ ли онъ, что сегодня у нихъ совѣтъ.

Кіахья-бей ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился съ извѣстіемъ, что нашего эфендія нѣтъ въ квартирѣ: постельничій его говоритъ, будто онъ всталъ въ половинѣ пятаго, одѣлся, помолился Аллаху, и въ пять часовъ куда-то ушелъ.

Послать отыскивать его было бы противно приличіямъ. Паши должны были возложить упованіе на Аллаха. Общій ихъ ропотъ заставилъ наконецъ кіахью-бея рѣшиться на одну изъ самыхъ мудрыхъ мѣръ, какія были приняты впродолженіи этой кампаніи: онъ велѣлъ подать въ четыре часа, и до начатія совѣта, завтракъ, приготовленный визиремъ для пашей, который, по церемоніялу, слѣдовало кушать уже послѣ засѣданія. Принесли кофе и трубокъ, и они успокоились до шести часовъ.

Наступалъ вечеръ. Паши не знали, ночевать ли имъ въ залѣ или разъѣзжаться по квартирамъ. Одинъ только садръ-аземъ, своей полномочною властью, могъ разрѣшить этотъ вопросъ, и кіахья-бей пошелъ наконецъ отыскивать его повсюду.

Несогласныя показанія слугъ визиря, и янычаръ, содержавшихъ караулы во дворцѣ, привели въ страшное недоумѣніе всю турецкую главную квартиру: тѣ утверждали, будто визирь изволилъ отправиться, въ пять часовъ утра, въ собраніе совѣта; другіе, будто онъ ушелъ ночью съ фонаремъ осматривать караулы и лагерь своего резервнаго корпуса и не возвращался; феррашъ-баши клялся своею бородою, что самъ онъ разбудилъ и одѣвалъ его; янычары клялись Аллахомъ *Великимъ*, что сами они кланялись ему ночью, от-

пирая ворота. Но, какъ бы то ни было, верховный визирь все-таки пропалъ. Въ главной квартирѣ поднялась страшная суматоха.

Къ-утру, священный караванъ былъ готовъ и выступилъ въ поле. Кіахья-бей, согласно приказанію садръ-азема о ширванъ-шахѣ, хотѣлъ уже отправить Мустафу-Пашу на поклоненіе въ Мекку и Медину. Одна только надежда на возвращеніе визиря удержала его отъ исполненія этой мѣры, нетерпѣвшей отлагательства.

Слуги Халефа душевно между-тѣмъ сожалѣли о неудачѣ побѣга своего господина, когда чауши насильно втолкнули къ нимъ Мустафу-Пашу. Визирь не зналъ ни по-персидски, ни по-грузински, и не могъ получить отъ нихъ никакого объясненія о ширванъ-шахѣ, котораго не находилъ онъ въ его комнатахъ. Положеніе Мустафы было ужасно: онъ бѣсновался, бранилъ пашей, смотрѣлся въ зеркало, и плакалъ. Благодаря отличному порядку, заведенному въ домѣ Халефа, ему, по-крайней-мѣрѣ, подали завтракъ и обѣдъ въ свое время.

Трое сутокъ Турки искали повсюду своего верховнаго визиря. Мустафа-Паша заболѣлъ отъ досады. Фузулъ-Ага и его пріятель, старый мулла, спрятавъ султаншу въ гаремѣ муфтія и отправивъ Халефа въ Ленкоранъ, сами преспокойно остались въ Гюлистанѣ, какъ-будто ничего объ нихъ не знаютъ и ни въ чемъ не бывали. Безпорядокъ, господствовавшій въ турецкой главной квартирѣ, позволилъ имъ на другой же день выслать и Маріанну вслѣдъ за Халефомъ. Путешествіе ея было тѣмъ безопаснѣе, что, при прощаніи съ своими

невольницами, она, съ чудеснымъ присутствіемъ духа, раздарила имъ всѣ свои платья и вещи и велѣла одной изъ нихъ, смазливой и остроумной Персіянкѣ, играть роль султанши до своего возвращенія и, если Турки станутъ спрашивать, выдать себя за королевну Франкистана. «Никто изъ васъ не будетъ сожалѣть, сказала имъ Маріанна, если съ точностью исполните мое приказаніе»! Этого было достаточно. Она могла полагаться на усердіе своихъ женщинъ, которыя обожали и ее и Халефа.

Услышавъ, что Мустафа-Паша нездоровъ, Фузулъ-Ага выхлопоталъ у кіахьи-бея позволеніе навѣстить его. Бородобрѣй называлъ себя *хекимомъ*, врачомъ ширванъ-шаха, и его присутствіе было необходимо. Кіахья приказалъ пропускать его свободно къ плѣннику.

— Ты кто таковъ? сердито спросилъ Мустафа-Паша у Фузула, который, къ счастію его, говорилъ по-турецки.

— Я рабъ падишаха, убѣжища міра. Я вашъ *хекимъ*, астрологъ и бородобрѣй. Чѣмъ же мнѣ быть?

— А я-то кто таковъ, по-твоему?.. Что же ты молчишь? Говори, собачій сынъ!

— Вы.... нашъ могущественнѣйшій, непобѣдимый всегда побѣдоносный ширванъ-шахъ, Халефъ-Мирза-Падишахъ, сынъ могущественнѣйшаго Бурганъ-Эддинъ-Падишаха, потомокъ Фергада и Сама, наслѣдникъ величія Джемджага, Дарія и Нуширвана. Менѣе этого вамъ и быть нельзя!

Садръ-аземъ, въ изумленіи и гнѣвѣ, сталъ безстыднымъ образомъ клеветать на матерей и отцовъ всѣхъ этихъ знаменитыхъ людей; но мало-

по-малу изъ разговора съ бородобрѣемъ, онъ нашелся принужденъ заключить, что вѣроятно непостимое измѣненіе лица сдѣлало его совершенно похожимъ на ихъ потомка, и что отсюда происходитъ все недоразумѣніе. Когда еще Фузулъ намекнулъ визирю, что его даже и отправляютъ завтра въ Мекку, какъ подлиннаго ширванъ-шаха — что это неизбѣжно—что нанятые погонщики настаиваютъ на скорѣйшемъ выступленіи въ путь — онъ испугался и перемѣнилъ тонъ. Садръ-аземъ былъ увѣренъ, что это интрига Синанъ-Паши, которому страхъ хотѣлось быть верховнымъ визиремъ, и что его опоили нарочно какимъ-то зельемъ, измѣняющимъ черты лица, чтобы послать на поклоненіе святымъ мѣстамъ вмѣсто ширванъ-шаха и очистить мѣсто для Синана. Какъ Фузулъ-Ага былъ хекимъ и астрологъ, то Мустафа сталъ разспрашивать его, нѣтъ ли средства поскорѣе вылечить его отъ этого безобразія.

— Какъ не быть! отвѣчалъ цырюльникъ. Конечно, есть!... Если вамъ угодно, то можно попробовать тотъ растворъ, за которымъ мы изволили посылать въ Индію. Старый мулла воротился вчера и привезъ съ собою цѣлую стклянку этого чудеснаго лекарства. Оно не тотчасъ возвращаетъ прежнія черты лица: надо употреблять его нѣкоторое время, каждый день по-утру, на тощавъ, надо пройти черезъ разныя видоизмѣненія, подвергнуться многимъ операціямъ; но все-таки съ перваго пріема, можно посредствомъ его мигомъ смыть это безобразное лицо и передать его кому-нибудь другому.

— Душа моя, *хекимъ*! воскликнулъ Мустафа, крайне обрадовавшись этому извѣстію: я награжу тебя великодушно.... ты получишь отъ меня такой *бахшишъ*, какого еще ни одинъ ширванъ-шахъ не давалъ своему врачу.... нельзя ли сейчасъ, снявъ съ меня, передать это лицо Синанъ-Пашѣ?

— Почему же нельзя! сказалъ бородобрѣй: можно! извольте!... Я приведу сюда стараго муллу, и мы сегодня же вечеромъ, при помощи врачебной науки и его молитвъ, очистимъ васъ отъ этой проказы.

— *Машаллахъ!... барекаллахъ!*... вскричалъ Мустафа въ восторгѣ, и подумалъ: «Постой же, мой птенецъ!... ты меня хотѣлъ послать въ пески Аравіи: а вотъ теперь я же пошлю тебя кланяться гробницѣ пророка, да будетъ съ нимъ миръ»!

— Но я не знаю Синанъ-Паши, прибавилъ Фузулъ-Ага: мнѣ бы нужно сперва посмотрѣть на его лицо.

— Лицомъ онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на собачьяго сына, сказалъ садръ-аземъ, и далъ бородобрѣю нужныя наставленія, гдѣ и какъ можетъ онъ увидѣть Синана.

Бородобрѣй ушелъ, а Мустафѣ-Пашѣ и на умъ не вспало, что это и есть знаменитое «искусство мѣняться лицами». Но мы всегда таковы! Самые умные люди, смѣясь надъ неправдоподобіемъ какого-нибудь чуда, относимаго къ колдовству, безпрекословно вѣрятъ тому же самому чуду, какъскоро оно приписывается медицинѣ или, вообще, наукѣ. Въ поступкѣ Мустафы нѣтъ ничего неестественнаго. Дѣло шло о спасеніи себя и своей

власти: онъ и не вспомнилъ о ширванскомъ самозванцѣ и объ его приключеніи съ колдуномъ.

Фузулъ и мулла пришли къ нему вечеромъ, и остались до поздней ночи, подъ предлогомъ болѣзни ширванъ-шаха. Мулла читалъ *намазы* и клалъ пропасть земныхъ поклоновъ, чтобы устранить отъ воображенія Мустафы-Паши всякую мысль о колдовствѣ. Бородобрѣй творилъ чистую медицину, и Мустафа благополучно помѣнялся лицомъ съ своимъ соперникомъ: лицо доктора Ди перешло къ Синану.

Они вышли, всѣ трое вмѣстѣ, изъ покоевъ ширванъ-шаха. Сонные янычары пропустили ихъ безъ сопротивленія, удивляясь только тому чуду, что изъ-за этихъ дверей неожиданно появился Синанъ-Паша, который, кажется, не входилъ туда.

Мустафа-Паша отправился прямо въ свою квартиру.

Можно себѣ представить послѣдствія этой новой путаницы въ лицахъ, дѣлахъ и понятіяхъ турецкой гвавной квартиры. Мустафа, съ новымъ лицомъ, хотѣлъ продолжать тонъ и роль садръазема. Паши и чиновники были увѣрены, что это — Синанъ, и что онъ съ ума сошелъ, выдавая себя за верховнаго визиря и за Мустафу-Пашу. Янычары не понимали, какимъ-образомъ ширванъ-шахъ ушелъ изъ своихъ покоевъ и очутился въ квартирѣ Синанъ-Паши, который съ своей стороны клялся, что онъ не ширванъ-шахъ, а Синанъ-Паша. Несмотря на это, кіахья-бей, взявъ съ собой отрядъ чаушей, схватилъ Синана и заперъ въ покои ширванъ-шаха, какъ бѣглеца. Мустафа настаи-

валъ, чтобы его поскорѣе отправляли въ Мекку. Кіахья не слушался человѣка, котораго онъ принималъ за рехнувшагося Синанъ-Пашу. А верховнаго визиря все-еще нѣтъ: сипаги ищутъ его по всѣмъ дорогамъ, отыскивая своего полководца; въ главной квартирѣ—бѣготня, споры, брань, удивленіе. страхъ, безпорядокъ!...

На третій день суматоха еще увеличилась, когда Мустафа, продолжая начатое леченіе, умылся снова индійскимъ растворомъ, и помѣнялся лицомъ Синана съ Піалè-Пашою, а Фузулъ-Ага, пробравшись при помощи новой хитрости въ покои ширванъ-шаха, къ Синану, взялся лечить его такимъ же образомъ и страшную рожу доктора перенесъ на утесистое туловище великана, силача, Уздемиръ-Оглу-Паши, преобразовавъ кютагійскаго бейлербея въ карсскаго и ахалцыхскаго намѣстника. Уздемиръ-Оглу заревѣлъ какъ тигръ отъ бѣшенства, и хотѣлъ переломать кости всему штабу арміи. Нужно было употребить цѣлый эскадронъ чаушей, чтобы связать и отвести въ его покои ширванъ-шаха, опять какъ бѣглеца.

Фузулъ-Ага и мулла, чтобы доставить падишаху и султаншѣ нужное время на безопасный проѣздъ до Ленкорана, дѣятельно продолжали эти врачебныя операціи, находя при столь вѣрной оказіи и нѣкоторое народное удовольствіе, потѣшиться надъ тѣмъ, чтò Ширванцы и Персіяне называютъ «тупостью безмозглыхъ Турковъ», *хемакèти Этрàкъ би-идрàкъ*. Вскорѣ всѣ лица высокостепенныхъ пашей перепутались; никто не хотѣлъ узнавать своего товарища, думая, что это, можетъ-

быть, и кто-нибудь другой; каждый, получивъ рожу доктора, бѣжалъ тотчасъ къ хекиму и муллѣ лечиться и передавалъ ее своему врагу. Это неблагополучное лицо свирѣпствовало по турецкимъ шеямъ какъ чума, и навело ужасъ на весь Гюлистанъ. Паши, беи, эфендіи, весь генералитетъ и штабъ арміи, на-ночь завертывали головы свои шалями, изъ предосторожности, чтобы оно къ нимъ не прилетѣло и не пристало; днемъ они безпрывно отплевывались во всѣ стороны какъ отъ наважденія и читали молитвы. Нѣкоторые, до конца, держались той теоріи, что это лицо—заразительно, что оно, просто, проказа, и европейскіе врачи, находившіеся при арміи, усердно поддерживали потомъ это смѣшное мнѣніе во Франціи, Италіи и Англіи. Но огромное большинство чиновныхъ Турковъ твердо было убѣждено, что тутъ дѣйствуетъ *шейтанлыкъ*, «дьявольщина». Съ-тѣхъ-поръ какъ лицо доктора явилось на исполинской фигурѣ Уздемиръ-Оглу, они смѣкнули, и никто изъ хорошихъ и хладнокровныхъ наблюдателей болѣе не сомнѣвался, что это не ширванъ-шахъ ежедневно уходитъ изъ своихъ комнатъ, а, собственно, его поганое лицо перескакиваетъ съ головы на голову. Такимъ только образомъ догадались они, наконецъ, что тутъ, рѣшительно, проказничаетъ колдунъ-самозванецъ: ясно и очевидно, что онъ придумалъ это адское средство для своей защиты и, колдуя въ своей столицѣ, наклеиваетъ изъ Шемахи свое старинное лицо на всѣхъ пашей по-очередно и дѣлаетъ изъ ихъ собственныхъ лицъ настоящую кашу, чтобы

удержать побѣдоносное стремленіе оттоманской арміи.

Какъ-скоро этотъ фактъ былъ приведенъ въ ясность, кіахья-бей принялъ свои мѣры. Между-тѣмъ какъ въ Гюлистанѣ продолжалась страшная безладица, войска шли впередъ безъ начальниковъ и подошли къ самой Шемахѣ. Но благоразумный кіахья послалъ имъ предписанія, отъ имени садръ-азема, остановиться въ движеніи и непримѣтно отступать къ Курѣ. Чтобы не перепугать ихъ могуществомъ колдуна, онъ, съ одной стороны, распустилъ слухъ, будто садръ-аземъ уѣхалъ въ Стамбулъ для отдачи отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, а съ другой, донесъ Стремени падишаха, что, *по причинѣ дождей*, армія должна опять остановиться у береговъ Куры; а какъ притомъ садръ-аземъ Мустафа-Паша пропалъ безъ вѣсти, то и требуется новый верховный визирь. Это донесеніе напечатано у исторіографа Наимы.

Синанъ-Паша былъ назначенъ на мѣсто Мустафы.

Разумѣется, что бородобрѣй и мулла благоразумно улизнули изъ Гюлистана еще въ самомъ разгарѣ ужаса и суматохи. Лицо доктора Ди, окончательно, досталось повару Далтабанъ-Паши: бѣдный *ашчи* такъ перепугался этой отверженной хари, что бѣжалъ съ нею въ муронскія горы; но его поймали, и, для очистки дѣла, отправили на поклоненіе святымъ мѣстамъ подъ именемъ ширванъ-шаха.

Горничная Маріанны, объявившая себя королевною Франковъ, была закупорена въ *тахтиреванъ*

и отослана въ Константинополь, гдѣ она, какъ извѣстно, сдѣлалась одною изъ самыхъ любимыхъ супругъ Мурада Третьяго.

Все пришло въ должный порядокъ, тѣмъ болѣе что кіахья-бей, за свою мудрость, получилъ чинъ полнаго паши и тифлисское намѣстничество.

Остальное можетъ быть разсказано въ нѣсколько словахъ. Когда турецкія войска приближались къ Шемахѣ, и ширванскіе полки, бросая оружіе, стали перебѣгать къ непріятелю, ужасъ объялъ бѣднаго доктора Ди, и, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, онъ рѣшился послушаться жены и принять мѣсто каноника при соборѣ Святаго Павла. Но какъ явиться въ Лондонъ безъ своего лица? Кто ему тамъ повѣритъ, что онъ точно докторъ Джонъ Ди?.... Онъ бросился къ своему кожаному мѣшку: его нѣтъ!... и никто не знаетъ куда онъ дѣвался!.... Это очень опечалило доктора, потому-что тамъ же находился и бѣлый выпуклый камень, но не привело въ отчаяніе. Ди приказалъ своему хекимъ-баши достать въ городѣ всѣ снадобья, какія были нужны, самъ приготовилъ изъ нихъ порошки, и сочинилъ себѣ новую карманную аптечку. Однажды утромъ, переодѣвшись въ одно изъ платьевъ, которыя Халефъ употреблялъ для своихъ таинственныхъ прогулокъ, онъ набилъ карманы деньгами и дорогими каменьями, взялъ съ собой порошки, и вышелъ въ городъ «по дѣламъ Аллаха и государства».

Горько было доктору разставаться съ этимъ великолѣпнымъ дворцомъ, раемъ всѣхъ земныхъ наслажденій; съ этимъ блескомъ, могуществомъ,

обиліемъ; даже съ этимъ чуднымъ, хрустальнымъ небомъ, сквозь которое видно какъ звѣзды родятся въ вѣчности: но судьба рѣшила!.... надо смиренно идти отыскивать свое лицо, осторожно справляясь у всякаго, куда оно дѣвалось!.... Положеніе ужасное!.... Но Ди сочинилъ его самъ, своими руками. Такого человѣка нечего и жалѣть, при всемъ должномъ уваженіи къ его необыкновенному генію. Скрѣпя сердце, онъ пошелъ. По слухамъ, Халефъ находился въ Гюлистанѣ. Множество Шемахинцевъ переходили къ непріятелю: онъ также принялъ видъ переметчика, и благополучно проникъ до главной квартиры турецкой арміи. Здѣсь узналъ онъ, что его лицо поѣхало на поклоненіе Каабѣ и гробницѣ пророка. Онъ догналъ священный караванъ и явился къ мнимому ширванъ-шаху въ качествѣ врача, присланнаго садръаземомъ. Тутъ ужъ небо̀льшаго труда ему стоило вымѣнять свое лицо у повара Далтабанъ-Паши на подлинное лицо ширванъ-шаха, броситься черезъ Анатолію въ Константинополь и оттуда пробраться въ Олиту, гдѣ мистрисъ Ди, при первой встрѣчѣ — бацъ! бацъ!— дала ему двѣ пощечины за.... «самую жирную»!

Свѣдѣнія о Халефѣ и паннѣ Маріаннѣ прекращаются въ исторіи съ эпохи ихъ бѣгства изъ Гюлистана. Сынъ бородобрѣя, исторіографъ, провожалъ ихъ до Ленкорана, и упоминаетъ, что они, проживъ нѣкоторое время въ Астрахани, переселились въ Россію, гдѣ царь *Бурейшъ* — вѣроятно, Борисъ — пожаловалъ имъ значительныя помѣстья. Какъ лицо Халефа не было укрѣплено у

повара Далтабана-Паши пріемомъ внутренняго лекарства, то, черезъ девять мѣсяцевъ, оно добровольно возвратилось къ нему, въ Астрахани. Тогда только и Мустафа-Паша, который, дѣйствительно, исчезаетъ въ исторіи на девять мѣсяцевъ, получилъ обратно свое настояще лицо и, снова сдѣлавшись визиремъ, могъ предпринять крымскую экспедицію (1579). И тогда только возстановился вполнѣ порядокъ въ лицахъ шестнадцатаго вѣка, перемѣшанный опаснымъ секретомъ доктора Ди.

Всякій знаетъ, что, послѣ внезапнаго побѣга этого незабвеннаго доктора, Турки заняли Шемаху, и славнаго ширванскаго царства не стало.

1842.

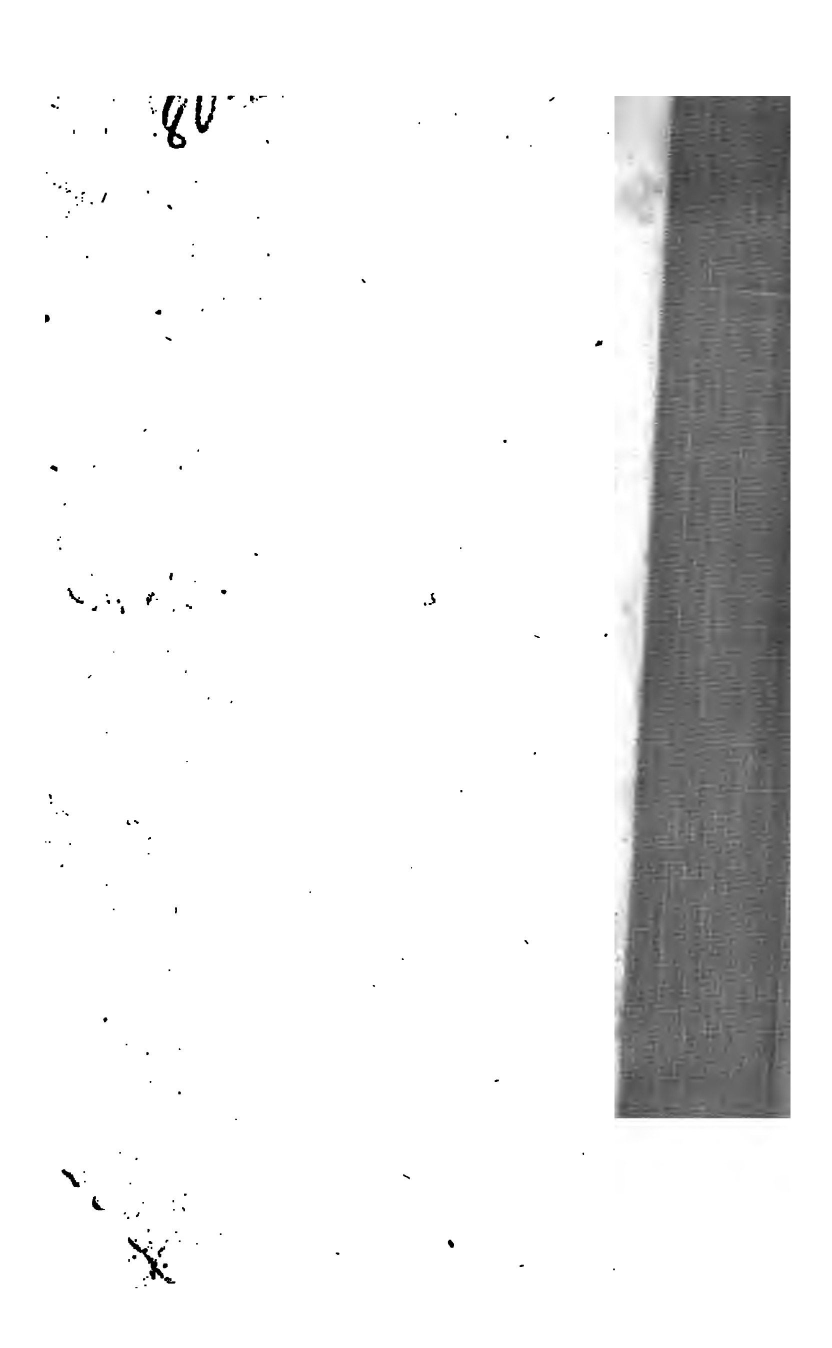

ОГЛАВЛЕНІЕ

[redacted].

—

[illegible]

	DATE DUE		
NOV 26 1991	—ILL		

